ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

III

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
И. С. ТУРГЕНЕВА

III

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
И. С. ТУРГЕНЕВА

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА »
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1967

Редакционная коллегия

М. П. Алексеев (главный редактор), *А. С. Бушмин*, *Н. В. Измайлов*, *Ю. Г. Оксман*

Редакторы III сборника:

Н. В. ИЗМАЙЛОВ, *Л. Н. НАЗАРОВА*

7-2-2
155-67 (II пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий «Тургеневский сборник», выпускаемый Редакцией Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева как приложение к этому изданию, преследует те же задачи и строится по той же общей программе, что и предшествующие два сборника (изд. «Наука», М.—Л., 1964 и 1966).

Сборник состоит из следующих основных разделов:

тексты черновых рукописей произведений Тургенева, входящих в VI, VII, IX тома сочинений, не вошедшие по тем или иным соображениям в раздел «Вариантов» соответствующих томов;

материалы и комментарии к произведениям Тургенева, от ранних стихотворений и поэм до последних повестей — «Клара Милич (После смерти)» и «Песнь торжествующей любви»; содержание этого раздела очень разнообразно и дает дополнительный материал к разделам примечаний почти всех томов издания (серия сочинений, тт. I, V—XV); к этим материалам примыкают статьи, касающиеся литературных взаимоотношений Тургенева с некоторыми русскими писателями, его современниками, и переводов его произведений на другие языки; комментарии к письмам Тургенева и биографические материалы о нем и о его родных; в них отражены биографические и идейные взаимоотношения писателя с некоторыми современными ему литературно-общественными деятелями, друзьями с врагами;

утраченные письма Тургенева за 1861—1870 гг. — этот раздел продолжает публикации первого сборника (1838—1856) и второго (1857—1860);

письма к Тургеневу и письма о нем — здесь собраны письма к Тургеневу, извлеченные из хранящихся в *ИРЛИ, ЦГАЛИ* и других местах архивов писателя и его корреспондентов, причем в некоторых случаях публикуются не все документы, а лишь представляющие литературный, биографический, общественно-бытовой и т. п. интерес, — а также упоминания о Тургеневе, извлеченные из переписки третьих лиц, его современников.

Таков состав сборника. Принципы публикации черновых текстов писем и документов, система ссылок, орфография и пунктуация публикуемых текстов остаются теми же, какие приняты в первых двух томах.

Участниками сборника, авторами статей и публикаторами, являются почти все сотрудники Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, а также исследователи Тургенева из Ленинграда, Москвы, Орла, Свердловска, Харькова, Чарджоу, Праги (Чехословакия) и Хузума (ФРГ).

Подготовку сборника к печати выполнила Г. В. Степанова.

ТЕКСТЫ

«ЯКОВ ПАСЫНКОВ». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Черновой автограф рассказа «Яков Пасынков», содержащий 65 листов авторской пагинации, хранится в рукописном отделе Парижской национальной библиотеки (Slave 87, лл. 88—121; описание см.: *Mazon*, стр. 56; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 160). Рассказ этот записан в тетради, в которой находятся также тексты повестей «Постоялый двор» и «Два приятеля» (воспроизведение титульного листа этой тетради см.: *Сочинения*, т. VI, стр. 197). Другие рукописные источники (беловой автограф, наборная рукопись) «Якова Пасынкова» неизвестны.

На титульном листе чернового автографа рукою Тургенева написано:

Яков Пасынков
(рассказ Ивана Тургенева)
Начат в воскресенье 13-го февраля
Кончен в пятницу 25-го февраля } 1855
«Wage Du zu irren und zu Träumen!»
С. Петербург.

На обороте титульного листа Тургенев составил и затем зачеркнул список основных действующих лиц рассказа:

Яков [Нико‹лаевич›] Иванович Пасынков.
Константин Александрович Асанов.
Софья Николаевна Злотницкая.
Слуга Елисей.
Доктор.
Маша.

На первом листе автографа после названия имеется подзаголовок: (Отрывок из воспоминаний [отставного чинов‹ника›] человека в отставке).

Рассказ начинался описанием пейзажа:

Было тихое летнее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе — но поля еще блестели росой — из недавно проснувшихся долин веяло сонной прохладой и [лес не успел обсохнуть] в лесу [в том], еще сыром и не шумном [мирно и] весело распевали ранние птички.

Этот текст зачеркнут, обведен замкнутой чертой, поверх которой рукою Тургенева сделана надпись: «в другой рассказ». Действительно, этим вступлением начата была через несколько месяцев I глава «Рудина» (см.: *Сочинения*, т. VI, стр. 237).

Немецкий эпиграф («Имей отвагу заблуждаться и мечтать!»), взятый из стихотворения Шиллера «Тэкла» (1802) и не включенный в окончательный текст «Якова Пасынкова», впоследствии был предпослан Тургеневым повести «Песнь торжествующей любви» (1881).

«Яков Пасынков» впервые был опубликован в апрельском номере «Отечественных записок» за 1855 г. и тогда же вызвал ряд критических отзывов. Готовя этот рассказ к изданию в сборнике «Повестей и рассказов» (1856), Тургенев дополнил 1-ю главу несколькими страницами, посвященными Якову Пасынкову. Черновой автограф этого текста от слов «Бывало он придет» и кончая словами «к моему рассказу» под авторским названием «Прибавление к Пасынкову» хранится в отделе рукописей *ГБЛ* (фонд 306, И. С. Тургенева, картон 1, ед. хр. 2, лл. 56—57).

И основной черновой автограф (*Bibl. Nat.*) и автограф «Прибавление к Пасынкову» содержат значительную авторскую правку, общее направление которой охарактеризовано в примечаниях к рассказу в шестом томе академического издания Тургенева (*Сочинения*, т. VI, стр. 539—542). В настоящей публикации приводятся наиболее значительные варианты автографов.

Е. И. Кийко

Основной текст [1]	*Черновой автограф (Bibl. Nat.)*
Этот человек всегда отличался чувством приличия, а тут начал вдруг проводить рукою по лбу, ломаться, хвастаться своими связями, беспрестанно упоминать о каком-то дядюшке своем, очень важном человеке... Я решительно не узнавал его; он явно подтрунивал над нами... он чуть не брезгал нашим обществом. (192)	Он начал беспрестанно проводить рукой по своему высокому лбу, медленно приговаривая: Как я красив! Какое у меня благородное чело! — и потом с презрением посматривая на нас, прибавлял: Боже мой! у меня дядя действительный тайный советник — а я? — с какой шушерой провожу я свое время! [Понимаете ли вы это, господа? — Понимаете ли вы это?] Это ужасно! Que dirait mon oncle, s'il me voyait! ‹Что бы сказал дядюшка, если бы меня видел!› ◊
«Знакомый почерк!..» — подумал я. (193)	«Знакомый почерк!..» подумал я. Я протянул [к ним] было руку [мне показалось, что] к письмам, но Асанов их тотчас

[1] Страницы цитируемого текста указаны по т. VI *Сочинений.*

же спрятал... Тот-то и есть — промолвил он, выпив залпом стакан шампанского. — Знай сверчок свой шесток! [Еще бы у вас такие знакомства были] Могут ли быть у вас такие знакомства, как у меня, подумайте сами. — Куда нам! — ответил я и опять налил ему стакан... ◊

Я чувствую, что румянец стыда выступает на мои щеки... мое самолюбие страдает сильно... (193)
я воспользовался нетрезвостью Асанова, небрежно кинувшего письма на залитую шампанским скатерть (у меня у самого в голове порядком шумело), и быстро пробежал одно из этих писем...

Сердце во мне сжалось... (193)

То, что я сейчас намерен написать, заставило сильно страдать мое самолюбие...

а. я воспользовался нетрезвостью Асанова, уже снявшего свой сюртук, и, достав из его бумажника одно письмо, вышел на мгновенье в другую комнату.

Через четверть часа я уже сидел в своей квартере и передо мною на столе лежал тонкий листок бумажки, исписанный кругом. С первого же взгляда я узнал почерк, и буквы S, Z, стоявшие на конце письма, только окончательно убедили меня в справедливости моей догадки. Я раза два перечел это письмо — оно было написано по-французски. С тяжелым сердцем бросился я на диван.

б. Я воспользовался нетрезвостью Асанова, уже снявшего свой сюртук, и, достав из его бумажника одно письмо — вышел на мгновение в другую комнату и торопливо развернул тонкий листок пахучей бумажки, мелко исписанный кругом. С первого же взгляда я узнал почерк и взглянул на подпись — душа во мне содрогнулась... Она [Sophie]! — воскликнул я невольно [вслух]... С лихорадочным трепетом пробежал я письмо.

Оглушенный, как громом, я несколько мгновений просидел неподвижно, однако, наконец, опомнился, вскочил и бросился вон из комнаты... (194)	Оглушенный, как громом, я, однако, наконец опомнился, вернулся [к пировавшим друзьям] в столовую и довольно искусно вложил письмо обратно в бумажник Асанова. ◊
Сохрани ее господь от такого упрямства! А боюсь я за нее: ведь ей только шестнадцать лет минуло, а уж ее не переломишь... (195)	Сохрани ее господь. Уж такая она упрямица великая!
при всей ее сухости, при недостатке живости и воображения (195)	при всей ее сухости, даже жестокости, при недостатке воображения
Он держал себя весьма скромно, но строго (195)	Он держал себя весьма прилично ◊
Что хотите... Ноктюрн Шопена. — Софья начала ноктюрн (199)	Что хотите... Ноктюрн Шопена, если хотите. Софья подняла крышку рояля, села и начала играть.
Чтó его занесло в Сибирь — господь ведает. (202)	Чтó его занесло в Сибирь, осталось совершенно неизвестным. Сын его, зная предприимчивый нрав своего отца, предполагал всегда, что его увлекли золотые прииски.
В устах его слова: «добро», «истина», «жизнь», «наука», «любовь», как бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложным звуком. (204)	В устах его слова: «добро», «истина», «жизнь», «наука», «свобода», как бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали фразой.
она ждала только привета, прикосновения другой души... Пасынков был романтик. (204)	она ждала только привета, прикосновения другой души... В Пасынкове не было ничего раздражительного, болезненного; он никаких «чувствительностей» терпеть не мог. Он был романтик. ◊
весьма приятно произносила стихи их своим робким и звонким голосом. (204)	весьма приятно произносила стихи их своим робким и звонким голосом, а когда чувство-

	вала себя счастливой, слегка прижимала руки к груди, вздыхала кротким вздохом, говорила: Ach! и поднимала кверху свои глазки. ◊
выходит замуж за герра Книфтуса, владельца богатой мясной лавки, очень красивого и даже образованного мужчину (205)	выходит замуж за герра Киндербальзама, владельца богатой мясной лавки, говоря прямее, за колбасника, впрочем очень хорошего, красивого и даже образованного мужчину ◊
Бывшая фрейлейн, теперь уже фрау Фридерике, представила его, опять под именем lieber Herr Jacob своему мужу, у которого всё блестело: и глаза, и завитые в кок черные волосы, и лоб, и зубы, и пуговицы на фраке (205)	Бывшая фрейлейн, теперь уже фрау Фридерике, нимало не подозревавшая того, что происходило в сердце Пасынкова, самым невинным образом представила его, опять под именем lieber Herr Jacob, своему мужу, у которого, можно сказать, всё блестело: и глаза, и завитые в кок черные волосы, и лоб, и даже щеки, красны, как отличнейший ростбиф, и зубы, и пуговицы на фраке ◊
«Ищи утешения в искусстве», говорил я ему. (205)	«Ищи утешения в религии», говорил я ему. ◊
Как ни охватывал его жизненный холод, горький холод опыта — нежный цветок, рано расцветший в сердце моего друга, уцелел во всей своей нетронутой красе. (207)	И жизненный холод, горький холод опыта, напрасно охватывал его сердце — он не коснулся нежного цветка, таинственно расцветшего в сердце доброго Якова.
обе молчаливые девушки скоро к нему привыкли. (207)	обе молчаливые девушки скоро к нему привыкли. Он им читал; Софья играла ему [любимого его] Шуберта; Варвара изредка обращалась к нему с отрывочным вопросом...
Я желаю знать, как вы это объясните? (210)	Я желаю знать, крадете ли вы письма? Что это значит?
Лицо его, рябое и пухлое, выражало лень — и больше ничего; крохотные глазки так и слипа-	Лицо его [рябое, пухлое и понурое], рябое и пухлое, решительно ничего не выражало,

лись, и губы лоснились, как после сна. (217)	кроме лени — заспанные глазки глядели нехотя
Желудок его заметно приподнимался, когда он говорил (218)	Живот его заметно приподнимался при каждом слове
Я не перестал ее любить даже тогда, когда узнал, что сердце ее принадлежит Асанову. (221)	Я не перестал ее любить даже тогда, когда узнал, что сердце ее принадлежит этому глупому Асанову.
Печальный свет ночника, поставленного на полу и загороженного книгою, лежал недвижным пятном на потолке (223)	Ночник, поставленный на полу, наполнял всю комнату неровным и мертвенным светом.
Сколько на них инею! Серебро... Сугробы... А вот следы маленькие... то зайка скакал (223)	Сколько на них инею... Это не иней — это серебро. И кругом, какие сугробы... А видишь по ним следы маленькие? То зайка скакал ◊
Надо идти, луна светит. Надо идти (223)	Надо идти; луна светит: это ее лучи тянутся как нити. Надо идти ◊
Вот колокольчики звенят, то мороз звенит... Ах, нет; это глупые снегири по кустам прыгают, свистят... Вишь, красношобые! (223)	Вот колокольчики звенят [хрустальные] [как хрусталь] стекляпные. [Это ночь морозная звенит] Это ночной мороз звучит, чистый снег звенит на луне. Ах, нет; это глупые снегири по кустам прыгают, свистят, надо мной смеются, красношобые... ◊
А! вот Асанов... Ах да, ведь он пушка — медная пушка, и лафет у него зеленый. Вот отчего он нравится. (223)	А вот и Асанов... Ах, боже мой! да ведь он пушка, простая медная пушка, а лафет у него зеленый. Вот отчего он нравится девушкам. ◊
Мужик Собакевича — вот мечта. Ох! (223)	Мужик Собакевича — вот что такое мечта. И то, что Чичиков говорит... Ох! ◊
Я послал к ней Елисея, которого после смерти Пасынкова взял к себе в услужение (225)	Я послал к ней человека

мгновенно, почти невольно заметить следы, наложенные временем — всё это довольно грустно (225)

мгновенно, почти невольно заметить следы, наложенные временем, почувствовать, с какой быстротой улетучивается в памяти сохраненный до тех пор образ — [как это всё грустно и тяжело] всё это довольно грустно ◊

но вместо прежнего спокойствия в них высказывалась какая-то затаенная боль и тревога. (225)

но прежнего спокойствия в них уже не замечалось, какая-то затаенная боль и тревога высказывались в них, особенно во взгляде.

Маша взглянула на меня.
— Чего-с? — спросила она.
— Не нужно ли вам денег — проговорил я. (233)

отсутствует.

Основной текст

Варвара охотнее сестры к нему подсаживалась и слушала его, хотя, конечно, мало его понимала: литература не занимала ее. (207)

Черновой автограф «Прибавления к Пасынкову» (ГБЛ)

Варавара охотнее [всех] сестры к нему подсаживалась и слушала его, хотя конечно [меньше всех] мало его понимала [и вообще большого расположения к литературе не оказывала]. Литература, как и всё на свете, не занимала ее ◊

сделал с ней два тура, по-старинному, в три темпа. Помню я, как его желчное и темное лицо, с неулыбавшимися глазами, то показывалось, то скрывалось, медленно оборачиваясь и не меняя своего строгого выражения. Вальсируя, он широко шагал и подпрыгивал, а жена его быстро семенила ногами и прижималась, как бы от страха, лицом к его груди. Он довел ее до ее места, поклонился ей, ушел к себе и заперся. (208)

сделал с ней два тура, по-старинному, в три темпа, нисколько не изменяя строгого выражения своего лица, и посадив ее на место, ушел к себе и заперся.

Он часто просил Софью сыграть ему что-нибудь, садился к сторонке и слушал, изредка подтягивая тонким голосом на чувствительных нотках. Особенно любил он «Созвездия» Шуберта. (209)

Уходя от Злотницких, он всякий раз попросит сыграть ему «Созвездия» Шуберта, сядет в сторонке, закроет глаза рукою и слушает.

но что она хотела ему сказать — осталось неизвестным. (209)

но до конца ничего ему не сказала.

«ДОВОЛЬНО». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Черновой автограф «Довольно» состоит из двух рукописей, содержащихся в двух разных тетрадях.

Первый черновой автограф объемом в 2 листа хранится в рукописном отделе Парижской национальной библиотеки (Slave 88; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 206). Он записан в конце большой тетради, после «Поездки в Полесье», «Гамлета и Дон-Кихота», «Призраков», «Аси», ряда набросков и отрывков. Видимо, «Довольно» не поместилось в этой тетради (вошли только первые шесть глав), и Тургенев перенес работу над очерком в другую тетрадь, причем сначала переписал заново первые шесть глав и лишь затем продолжил работу над «Довольно», создав, таким образом, еще один второй черновик, хранящийся также в Парижской национальной библиотеке (Slave 94; микрофильм — в *ИРЛИ*); этот черновой автограф включает в себя полный текст очерка. Он занимает 10 листов в тетради (описание см.: *Mazon*, стр. 66), где, кроме «Довольно», имеется лишь перечень сочинений Тургенева для издания 1865 г.

Первый черновой автограф был написан в марте—апреле 1862 г.[1] Он испещрен исправлениями и вставками; в нем имеется много помет на полях, рисунок, изображающий мужскую голову, и ряд замечаний, свидетельствующих о том, что первоначально повествование предполагалось вести в субъективно-лирическом плане. Текст автографа почти полностью совпадает с основным текстом, отличаясь большей частью вариантами стилистического характера. Для уточнения биографических данных и психологического состояния писателя в этот период (1862—1864 гг.) имеют значение вставки на полях, не вошедшие в основной текст (см. варианты 110, 23; 111, 9—10; 111, 26).[2]

Второй черновой автограф, как следует из записи Тургенева в конце рукописи, был завершен 11 марта н. ст. 1864 г. в Баден-Бадене. Его текст близок к основному тексту «Довольно»: но варианты гораздо разнообраз-

---

[1] Подробное обоснование датировки автографа и его описание см.: *Сочинения*, т. IX, стр. 485—486; воспроизведение первой страницы автографа см.: там же, стр. 113.

[2] Здесь и далее первая цифра указывает страницу, вторая — строку печатного текста.

нее, чем в первом черновом автографе. Прежде всего бросается в глаза их обилие. В тексте первых глав, переписанных с первого автографа, они незначительны, но чем дальше, тем больше нарастает количество исправлений и вставок; начиная с XIII главки, т. е. с начала философской части очерка, их становится особенно много. Поэтому во втором черновике «Довольно» мы можем наблюдать три направления в творческой работе писателя.

Прежде всего Тургенев особенное внимание уделяет в этом бессюжетном произведении точности определений и описаний, проделывает тщательную стилистическую правку, добиваясь возможно более точного употребления слов. См., например, варианты 115, 12, где дано семь определений к слову «волна», или 114, 34—39, где писатель сменяет один вариант другим в поисках более точного психологического описания. При этом нужно заметить, что работа Тургенева над стилем относилась в большей своей части к первым главкам, посвященным субъективно-лирическим воспоминаниям. Как правило, эти главки выливались у него сразу, цельно и в дальнейшем только уточнялись в деталях без каких-либо существенных дополнений.

Наоборот, варианты второй, философской части имеют меньше стилистических исправлений, зато гораздо больше вставок (особенно на полях), содержащих высказывания глубокого идейного значения (см. варианты 117, 23—32; 118, 13—18; 118, 18—36; 119, 1—9; 120, 6—18, и др.). Здесь на передний план выдвигается второе направление в творческой работе писателя. Прежде всего нужно отметить вставки, которые не вошли в текст, хотя они касаются таких вопросов, как воздействие закономерностей жизни на отдельную личность, как определение стихийности жизни и экономической подоплеки войн (см. варианты 119, 14—16; 120, 6—18). Вторая группа вставок раскрывает последовательность в развертывании философской мысли писателя. Наиболее категорические утверждения самой пессимистической, XIII главки, подтвержденные ссылками на Паскаля, Шекспира, Шопенгауэра, возникли впоследствии, так же как и выпад против эстетики Н. Г. Чернышевского в XV главке (см. варианты 117, 23—32; 117, 38; 118, 4; 118, 18—26; 119, 1—9; 120, 2—6). Интересную картину постепенного осмысления и обоснования проблемы отношений человека к стихийной силе природы дает Тургенев во второй половине XV главки, где он начинает с обычного философского постулата и после ряда тематических поисков развертывает его в большую философскую тираду (см. вариант 120, 6—18). Примером стилистической обработки, композиционного уточнения и детализации философской мысли может служить вариант 119, 1—9 из XIV главки. Все эти особенности творческой работы, зафиксированные в черновом автографе «Довольно», могут дать богатейший материал для выявления тех или иных сторон развития мировоззрения писателя в данный период (1862—1864 гг.) и для его сопоставления с другими этапами эволюции Тургенева.

Третье направление творческой работы Тургенева над «Довольно» находит свое выражение в улучшении композиции очерка. На каком-то этапе работы Тургенев заметил, что написанные им главки распадаются по жанру и содержанию на две части: интимно-лирическую и философско-

публицистическую. Поэтому две главки — X и XII, которые в черновике записаны одна между XIII и XIV главками, другая в тексте XVII главки, — в дальнейшем были перенесены в первую половину очерка.

В настоящей публикации приводятся лишь важнейшие варианты автографа.

Г. Ф. Перминов

Основной текст [1]	*Первый черновой автограф*
Отрывок из записок умершего художника (110, 2)	Несколько писем без [конца и] начала и конца
запах сосновой рощи (110, 11)	запах сосновой рощицы, сквозь которую я проходил
Полно нежиться сладкой негой неопределенных, но пленительных ощущений (110, 19—20)	*а. Начато:* По‹лно› *б.* Запретить ему нежиться в неопределенных, но сладких чувствах
полно ловить каждое трепетание ее тонких и сильных крыл. (110, 21—22)	*Начато: а.* шевелить ее (?) *б.* ловить ее *в.* полно ловить красоту за ‹*не закончено*›
все перечувствовано много раз... устал я. (110, 23)	*а.* все известно мне *б.* все перечувствовано еще в прошедшем. *Тут же отрывок с пометой:* позже: Но те воспоминания [к которым] [от которых] теперь приятны мне только тогда, когда они воскрешают в уме не прежние события, а прежние [старые] другие воспоминания. Старые люди любят ходить по одним торным дорожкам. Потому как [стар. я стал] я изжился
какою-то всепобедною страстию? (111, 1)	*вписано.*
такими волшебными звуками (111, 4)	*а.* так сладо‹стно› *б.* такими невиданно сладостными звуками
точно до него на свете не водилось соловьев (111, 4—5)	словно до него никогда (?) [не певали соловьи] не имелось соловьев

[1] Текст приводится по изданию: *Сочинения*, т. IX, стр. 110—122.

словно по указу, по закону (111, 9)	*отсутствует.*
даже досадно станет! Да... досадно! (111, 9—10)	*а.* досадно и глупо станет на душе! *б.* даже досадно станет!
Эх, состарился я! Прежде подобные мысли и в голову бы мне не пришли — прежде, в те счастливые дни, когда я сам разгорался, как заря, и пел, как соловей. (111, 12—15)	*К этому месту относится заметка:* Досадно даже на себя за то, что постарался все это красиво выразить; [как будто и это что-нибудь] ◊ ‹*не закончено*› *вписано*
едва теплилась красным огоньком (111, 23)	едва теплилась где-то далеко, в самых недрах угрюмого мрака
скорбные (111, 25)	*а. Начато:* горь‹кие› *б.* с унылым выражением горького какого *в.* горестные
мрак надвигался (111, 26)	*а.* мрак стоял неподви‹жно› *б.* мрак надвинулся *К этому месту относится заметка:* и потекли накипевшие слезы, не облегчая сердца, но как-то сладко и горестно терзая его ◊
Я тебя покинул... но и здесь, в этой глуши, в этой дали, в этом изгнании — я весь проникнут тобою, я по-прежнему в твоей власти (111, 35—38)	Я расстался с тобою, но [все мое существо] никогда так страшно не ощущал твою ‹*не закончено*›
кротким и умиленным взором (112, 2)	каким-то кротким и умиленным и ясным взором
всё наше прошедшее (112, 3)	*Начато: а.* все те золотые невозвратные годы, когда обе наши жизни так и *б.* Хочется мне благословить тебя и благодарить тебя *в.* Все мое существо благословляет тебя и благодарит тебя и ‹*пропуск*› что для меня уже нет впереди, все кончено и
Надежды нет, и нет возврата,	*вписано.*

но и горечи нет во мне и нет сожаленья, и яснее небесной лазури, чище первого снега на горных высотах, восстают, как образы умерших богов, прекрасные воспоминанья... Они не теснятся толпами, они проходят тихой чередою, как те закутанные фигуры афинских феорий, которыми — помнишь? — мы так любовались на древних барельефах Ватикана... (112, 3—10)

и яснее небесной лазури (112, 5)

и [чище] яснее весенней лазури небесной

как образы умерших богов, прекрасные воспоминания... (112, 6—7)

как прекрасные воспоминания, образы [дав<него>] минувшего

этот благодатный свет. (112, 15)

Начато: Воспоминания приходят ко мне не толпою — нет, они тянутся чередой.

Основной текст

Второй черновой автограф

Да... досадно! (111, 10)

а. Начато: Досадно [также] между прочим на себя за то, что постарался все это покрасивее выразить *б.* Досадно, как подумаешь, что в прежних самых пылких, самых порывистых восторгах твоей молодости, в самом [неожиданном] смелом их выражении опять-таки не было ничего твоего, собственного, личного, непредвиденного. Все [только] закон, [все толь<ко>] закон, глухой и неизменный, как закон тяготения

на самом дне тесных долин, под навесами скал? (112, 23—24)

на самом дне родников?

носил тебя в сердце (112, 29)

носил в сердце твой образ

как будто вспух и потемнел (112, 31—32)

весь как будто вспух и потускнел

четвертый день стояла оттепель. (112, 32)	*а.* была оттепель *б.* второй день стояла оттепель
Снег таял кругом — дружно, но тихо (112, 32—33)	Но тихо таял снег кругом
бродил беззвучный ветер. (112, 34)	бродили слабые звуки
Один и тот же, ровный молочный цвет обливал (112, 34—35)	*вписано.*
молочный цвет (112, 35)	*а.* серебробеловатый *б.* особенный *в.* синеватобеловатый *г.* синий цвет
ни один предмет не выделялся на общей белизне (112, 36—37)	*а.* [всё] ничего не выделялось на белой пустыне *б. Начато:* все сливалось в *в.* Ни один из предметов не выделялся на общей вечерней белизне
неясным. (114, 1)	неясным, и в то же время никто бы не мог сказать, что это — утро, день или вечер?
кроме глухого стука собственных шагов (114, 2—3)	*вписано.*
поднималась и росла во мне какая-то радостная, непонятная тревога... (114, 6—7)	[росла] ширилась и росла во мне какая-то небывалая тревога, какая-то молодая [весел‹ая›] широкая удаль
так сильны (114, 8)	так сильны, так повелительны
Всё было тихо, бело, сонно; но (114, 12)	*вписано.*
высоко на небе неслись (114, 12—13)	высоко, высоко на белом небе неслись
вспыхнул и стал, очаровательно яркий и прекрасный (114, 18)	*вписано.*
и много других воспоминаний, других картин встает передо мною (114, 22—23)	и другие воспоминания, другие картины встают и теснятся передо мною — другие воспоминания... но ты
русский сад (114, 25)	русский [степной] ясный сад

Из-за серебристых тополей выглядывает тесовая крыша господского дома с тонким завитком алого дыма над белой трубой (114, 26—28)	березы белеют серебристыми стволами посреди села, орешник сквозит и словно смеется — над склоненными верхушками лип выглядывает [нависает] большой темный крест приходской церкви с [свисаю<щими>] [тяжелыми] темными цепями и [полом<анным>] полумесяцем, подле выдвинулась [старая] тесовая [полинялая] крыша господского дома с [легким] тонким завитком [голубоватого] алого дыма над [кирпичной] [низкой] [высокой] белой трубой, стрижи мчатся с лугов
на песок садовой дорожки (114, 31)	*а.* на золотую дорожку *б.* на песок знакомой дорожки
я дивлюсь и умиляюсь, все, что я вижу, мне кажется необыкновенным и новым, все обвеяно какой-то светлой ласковой таинственностью (114, 31—34)	*вписано.*
всё, что я вижу, мне кажется необыкновенным и новым (114, 32—33)	и мне жутко, мне и легко, весело
и уже чудится мне быстрый шелест шагов — и стою я, весь напряженный и легкий, как птица, только что сложившая крылья и готовая взвиться вновь, — и сердце горит и трепещет веселым страхом перед близким, перед налетающим счастьем... (114, 34—39)	и уже чудятся мне проворные шаги, и шелест платья, и быстрый взгляд и быстрая улыбка [из-под <1 *нрзб.*>], и сердце [ширится и томится] горит и трепещет ожидан<ием>, и стою я [с легкостью] весь обновленный [какою-то свежестью] [неизведанной непривычной благодатью] [какой-то жуткой и светлой таинственностью] каким-то радостным трепещущим страхом [при надвигающемся счастьи] перед близким, перед налетающим счастьем
и стою я ∽ перед налетающим счастьем (114, 35—39)	*вписано.*

птица, только что сложившая крылья и готовая взвиться вновь (114, 36—37)	птица, только что [сложившая] расширившая крылья [уже взлетает, их расправив] и готовая вновь полететь
чем-то важным и унылым веет (115, 3)	чем-то [таким унылым] строгим, важным, унылым и [какой-то плесенью] затхлой плесенью [древности] устаревшей святыни веет
к верху разветвленных столбов. (115, 4—5)	каменных столбов
Ты стоишь возле меня безгласно и безучастно, точно ты мне чужая; каждая складка твоего темного плаща висит неподвижно, как изваянная; неподвижно лежат пестрые отраженья цветных окон у ног твоих, на потертых плитах. (115, 5—10)	Ты стоишь возле меня недвижно, неподвижна каждая складка твоего темного плаща ◊
И вот, сильно потрясая тусклый от ладана воздух, внутренно нас потрясая (115, 10—11)	*вписано.*
тяжелой волной (115, 12)	[звонкой] [струящ<ейся>] [струистой] [лучистой] [как будто видимой] [сильной] широкой волной
твой взор коснулся меня, скользнул выше и поднялся к небу (115, 13—14)	глаза твои медленно поднялись к небу
Текст X главки	*вписан между текстами XIII и XIV главок.*
не дождик струится ручьями (115, 24)	*вписано.*
то плачут его слепые очи (115, 25)	*вписано.*
что-то забавное, что-то детски невинное, бабочкой — не правда ли? — порхает (115, 26—28)	*вписано.*

что-то детски невинное, бабочкой — не правда ли? — порхает (115, 27—28)	что-то прелестное как бы порхает
мы прислонились друг к дружке головами (115, 28—29)	мы прилепились головами ◊
хорошую книгу (115, 30)	хорошую умную книгу
твоя улыбка рождается у меня на лице прежде, чем у тебя, ты отвечаешь безмолвно на мой безмолвный вопрос, твои мысли, мои мысли (115, 32—34)	*вписано.*
как оба крыла одной и той же в лазури потонувшей птицы... (115, 34—36)	как два крыла птицы и поднимаются и опускаются вместе́ и несутся к одной цели
преграды пали (115, 36)	преграды пали, умерло ненавистное «я»
не хочется меняться словом, взглядом... (115, 38—116,1)	не хочется взглянуть друг на друга
то ясное, сентябрьское утро (116, 5—6)	*а. Начато:* тот незабвенный осенний *б.* то октябрьское утро *в.* то сентябрьское утро
(на одной из них — помнишь? — стояла лошадь и задумчиво глядела на скользившую у ней под носом воду) (116, 21—23)	*отсутствует.*
ребяческий лепет мелких прибрежных волн и самый лай далеких собак над гладью реки, самое покрикивание дородного унтер-офицера на учившихся тут же в сторонке краснощеких рекрутов с их оттопыренными локтями и вынесенными вперед на журавлиный лад ногами!.. (116, 23—28)	*вписано.*
краснощеких рекрутов (116, 26)	краснощеких [неповоротливых] неуклюжих рекрутиков

Текст XII главки	*вписан в тексте XVII главки.*
налюбовавшись своим кладом, своим золотом, своим светлым сокровищем, — засыпает его серой сырой землею (116, 35—117, 1)	[засыпает кла‹д› землею] засыпает землей свой [лучи‹стый›] клад, свое золото, свое светлое сокровище
вспыхнув последним, ярким пламенем, покрывается холодным пеплом (117, 2—3)	вспыхивает последним, ярким пламенем, прежде чем [угаснуть] угасает
Истина — не полная (117, 18)	*а.* Истина — не вся *б.* Правда
связывает нам руки (117, 20)	и указывает на могилу
самозабвения... самопрезрения (117, 23)	забвения... или презрения
самопрезрения: спокойно отвернуться ото всего, сказать: довольно! ~ а она бы этого не знала. (117, 23—32)	*вписано.*
сказать: довольно! (117, 24)	*Начато:* и последуя своим
Слабое достоинство! Печальное утешение! ~ и пришли мне на память те ведьмы, призраки, привидения... (117, 32—118, 4)	*отсутствует.*
Увы! не привидения, не фантастические, подземные силы (118, 4—5)	Не привидения, не подземные фантастические [романтические] силы
всё его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью. Ну да: человек полюбил, загорелся, залепетал о вечном блаженстве, о бессмертных наслаждениях — смотришь: давным-давно уже нет следа самого того червя, который выел последний остаток его иссохшего языка. (118, 13—18)	На лоне вечно умирающей и восходящей природы человек, [бессознательно] вспыхнув искрой сгоряча, едва успевает пометаться немного, как уже помещен с темным челом
Так поздней осенью, в морозный день ~ и конец их мгновенной жизни (118, 18—26)	*вписано.*

стоит солнцу выйти ~ и конец их мгновенной жизни. (118, 20—26)

но солнце выйдет из-за тумана, пристально взглянет на землю, и под его теплыми лучами отовсюду поднимутся мошки, слабо играют, [толкутся], спотыкаются. Солнце скроется — и конец их мгновенной жизни ◊

Но разве нет великих представлений, великих утешительных слов: «Народность, право, свобода, человечество, искусство!» (118, 28—30)

Но разве нет великих слов — великих мыслей — народ, право, свобода, человечность, искусство ◊

ему не из чего было бы отказаться (118, 32—33)

[ему не для чего было] [он бы не хотел быть вынужденным] он бы не нашел причин отказаться

Его проницательный взор (118, 34)

Его глубокий [и споко<йный>] взор

развернулась бы перед ним в своем тревожном однообразии. (118, 36—37)

предстала бы перед ним

То же легковерие и та же жестокость (118, 37—38)

Те же проявления рабства, те же собственно плети

те же пошлые удовольствия, те же бессмысленные страдания во имя... ну хоть во имя того же вздора, две тысячи лет тому назад осмеянного Аристофаном, те же самые грубые приманки, на которые так же легко попадается многоголовый зверь — людская толпа, те же ухватки власти, те же привычки рабства, та же естественность неправды — словом, то же хлопотливое прыганье белки в том же старом, даже не подновленном колесе... (119, 1—9))

те же игрушки, и те же идолы, то же хлопотливое прыганье старой белки в том же самом старом колесе, те же [самые] [бессмысленные] [нелепые] [жертвы] [угнетения] грубые удовольствия или страдания во имя того же вздора, осмеянного слишком 2000 лет тому назад Аристофаном, те же самые [белыми нитками шитые] грубые приманки, на которые точно так же попадается [и ловится] тысячеголовый зверь, людская толпа... те же ухватки власти, те же привычки рабства... ◊

Шекспир опять заставил бы Лира повторить свое жестокое: «нет виноватых» (119, 9—10)

Он бы опять заставил [своего] [короля] старца Лира произнести свое [потрясающее] страшное: нет виноватых ◊

мрачному, трагическому тирану — Ричарду (119, 13—14)	своему мрачному, обагренному кровью Ричарду III-му
иронический гений великого поэта захотел бы нарисовать другой, более современный тип тирана (119, 14—16)	ироническому гению великого поэта захотелось бы нарисовать нам [другого, более современного] другой, более современный тип тирана — ([а чтобы быть тираном, не нужно носить] а есть тираны и без венцов на голове) —
погубленных (119, 21—22)	*а.* убиенных и замученных *б.* невинных
Но к чему? (119, 23)	Но нет... Шекспир бы ‹*не закончено*›
подбирая и взвешивая слова, округляя и сглаживая речь (119, 24—25)	подбирая слова, взвешивая и округляя речь ◊
и сама красота дело условное (119, 33)	и Искусство условное
Искусство, в данный миг, пожалуй, сильнее самой природы (119, 37—38)	Да, Искусство сильней природы ◊
Рюисдаля (120, 1—2)	Рафаэл‹я›
и лишь одни тупые педанты или недобросовестные болтуны могут еще толковать об искусстве как о подражании природе; но в конце концов природа неотразима; ей спешить нечего, и рано или поздно она возьмет свое. (120, 2—6)	*вписано.*
но в конце концов природа неотразима; ей спешить нечего, и рано или поздно она возьмет свое. (120, 4—6)	но природа [всепоглощающая] [равнодушная] [терпеливая] неотразимая не прервет путь свой, она [всегда] рано или поздно возьмет свое
Бессознательно и неуклонно покорная законам, она не знает искусства, как не знает свободы, как не знает добра; от века дви-	Она не [при]знает [красоты] искусства, как не [при]знает свободы, не знает добра. Она заботится [только] прежде

жущаяся, от века преходящая, она не терпит ничего бессмертного, ничего неизменного... Человек ее дитя; но человеческое — искусственное — ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизменным и бессмертным. Человек дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нет предпочтений: всё, что существует в ее лоне, возникло только на счет другого и должно в свое время уступить место другому — она создает, разрушая, и ей всё равно: что она создает, что она разрушает — лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла прав своих... (120, 6—18)	всего о том, чтобы не прекратилась жизнь ‹*5 нрзб*› ◊ *Сюда же относятся заметки на полях, свидетельствующие о дальнейшей работе над этим местом:* какая бы ни была — только жизнь, жующая, глотающая, [воспроизводящая] жизнь, истребляющая жертв, [которых сама создала самцами и самками] в миллионах людских существ [людей], истерзанных войной, которых истребили, как червей, для того чтобы [количество] число желудков не превзошло [количества] число хлеба‹?› вероят‹ного› возможного запаса
А потому она так же спокойно покрывает плесенью (120, 19)	Она так же равнодушно покрывает плесенью, [поражает] [истребляет] [разрушает] [пожирает]
на съедение презренной моли (120, 21)	на [пищу] съедение моли
и отдает на съедение презренной моли драгоценнейшие строки Софокла (120, 21—22)	*вписано.*
в палице (120, 24)	в гру‹бом› молотке
в звериных воплях, с которыми он бросал в огонь картину Апеллеса? (120, 26—27)	*вписано.*
и идет, идет вперед, всё пожирая (120, 30)	*отсутствует.*
возникающих, исчезающих форм (120, 38)	*а.* вечно рождающихся и вечно умирающих форм *б.* вечно возникающих и вечно преходящих форм ◊
самые мгновенные из своих детищ — лепестки цветов, крылья бабочек (121, 1—2)	*вписано.*

нет свободы (121, 7)	*вписано.*
и через тысячу лет (121, 8—9)	и через тысячу лет — то же самое можно сказать
тут строго и правильно, и безлично совершает свой круг необходимость... (121, 9—11)	*вписано.*
его искусства, его свободное творение (121, 12—13)	*вписано.*
Ему одному дано «творить» (121, 14)	красота его творит на миг ◊
но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на час, — как был, говорят, калиф на час. (121, 14—16)	*вписано.*
каждый из этих «творцов» сам по себе, именно он, не кто другой, именно это *я*, словно создан с преднамерением, с предначертанием; каждый более или менее смутно понимает свое значение, чувствует, что он сродни чему-то высшему (121, 17—21)	каждый из нас [как бы создан от века и на век] [не похож на другого] [сам по себе], именно он, не кто другой, именно это *я*, словно он создан с намерением небожителя, как бы понимает свое значение, как бы чувствует, что он направлен к чему-то высшему
Сиди в грязи, любезный, и тянись к небу! (121, 22—23)	*вписано.*
Как не вспомнить тут слов Мефистофеля к Фаусту: Er (Gott) findet sich in einem ew'gen Glanze, Uns hat in die Finsterniss gebracht — Und euch taugt einzig Tag und Nacht. (121, 33—36)	*отсутствует.*
на поле битвы (122, 3—4)	на поле битвы, если явятся битвы ◊
всякой деятельности, ставящей себе более высокую задачу, чем добывание насущного хлеба (122, 5—6)	всякой особенно воспетой ими <?> деятельности

легли плашмя перед новыми, только что открытыми (122, 13—14)	*вписано.*
Затем «с изнеможением в кости́» поплетутся они вновь в этот мир (122, 18—19)	*вписано.*
в этот мир (122, 19)	на это широкое, избитое, проклятое празднество
или дивятся, разинув рты, на лубочные картины, раскрашенные сусальным золотом, — в этот мир (122, 22—23)	*вписано.*
судорожно спешит к неизвестной и непонятной ему цели? (122, 25—26)	*а.* восторженно спешит и кувыркается в бездну *б.* спешит к неизвестной ему цели
Довольно... довольно... довольно! (122, 27)	Довольно... довольно

«СОБАКА». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Черновой автограф рассказа «Собака», состоящий из 18 листов, хранится в рукописном отделе Парижской национальной библиотеки (Slave 74; описание см.: *Mazon*, стр. 66—67; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 323). Рассказ записан в отдельной тетради. Автограф начинается с титульного листа, заполненного, очевидно, позднее, на нем крупно выведено заглавие «Собака» и ниже более мелко — «(Отрывок) Ив. Тургенева $\left(\frac{\text{3-го—5-го апр.}}{\text{22-го—24-го марта}}\ 1864\right)$ Париж». Текст начинается также с заглавия: «Собака. (Отрывок)» и завершается пометой после подписи «Ив. Тургенев»: «Париж / rue de Rivoli, 210. Вторник. 5-го апр. / 24-го марта 1864. 3¾ часа п‹о› п‹олудни› (вся штука написана в 2 дня)».[1]

Рассказ вылился у Тургенева «одним дыханием», что обусловило характер его чернового автографа — здесь преобладают стилистические варианты, которые дают возможность отчетливо проследить работу над языком рассказа, над уточнением деталей описаний, т. е. над тем, что вызвало наибольшие похвалы со стороны критиков и писателей, в частности А. П. Чехова и С. Н. Сергеева-Ценского.[2] Вставки в черновике не велики, большей частью они набросаны на полях рукописи и являются дополнениями к описаниям, а в редких случаях небольшими эпизодами. Вариантов, которые вносили бы коренные изменения в повествование, сюжет или композицию, в черновом автографе нет.

Кроме черновика, имеются также два беловых автографа «Собаки». Последний слой чернового автографа тождествен тексту первого белового и скопированному с него первому слою второго белового автографа. Но в дальнейшем текст второго белового автографа подвергся правке, которая и явилась причиной ряда текстовых расхождений между печатным и черновым текстами рассказа.

---

[1] Более подробное описание чернового и беловых автографов см.: *Сочинения*, т. IX, стр. 497—501; воспроизведение последней страницы автографа см. там же, стр. 137.

[2] См. там же, стр. 501—503.

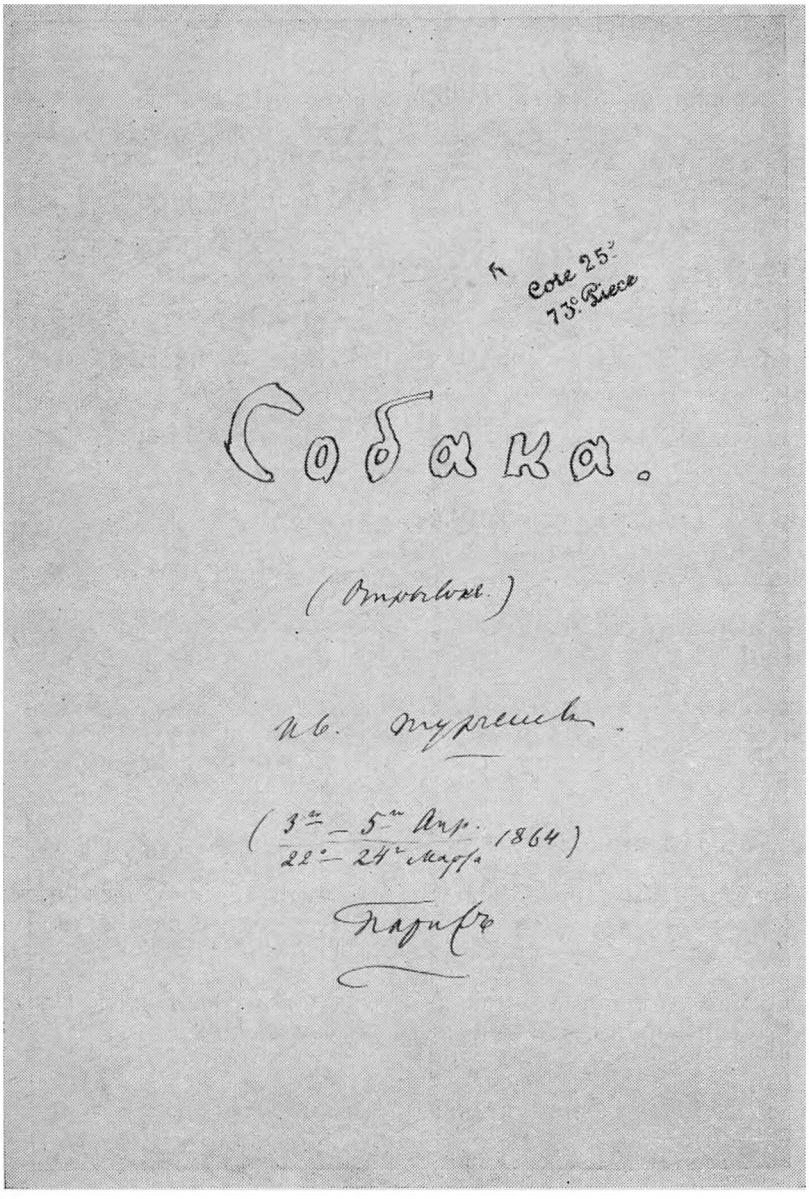
В настоящей публикации приводятся лишь наиболее значительные варианты чернового автографа. Варианты беловых автографов «Собаки» и прижизненных изданий см.: *Сочинения*, т. IX, стр. 390—395.

Г. Ф. Перминов

Основной текст[1]	*Черновой автограф*
Собака (123, 1)	Собака (Отрывок) ◊
в действительную жизнь (123, 3—4)	в действительную, в ежедневную, так сказать, жизнь ◊
состоял в чине (123, 7)	имел чин ◊
мудреном департаменте (123, 8)	ученом департаменте ◊
и, говоря с расстановкой, туго и басом, пользовался всеобщим уважением. Ему незадолго перед тем, по выражению его завистников, «влепили станиславку». (123, 8—11)	и говорил басом... и вследствие [всего этого] всех этих качеств он [немнож<ко>], как и следовало ожидать, придерживался либерального направления и пускал в ход особого рода красноречие [ныне весьма употребительное и] [впрочем], которое, за неимением [другого наименования] более точного определения, мы предлагаем называть красноречием с мылом. Нечего [говорить] прибавлять, что он пользовался всеобщим, почти благоговейным уважением и обращался со всеми самоуверенно и свысока, начиная с самого хозяина дома г. Ф-а. ◊ Нечего [говорить] прибавлять ∽ хозяина дома г. Ф-а *вписано.*
Скворевич (123, 12—13)	Петр Петрович ◊
спорить никто не станет (123, 14)	*а.* спора быть не может *б.* спорить нечего
Кинаревич. (123, 15)	Кузьма Кузьмич ◊
Хозяин дома г. Финоплентов (123, 16—17)	г-н Финоплентов. И вы согласны? — с задумчивой стро-

[1] Текст приводится по изданию: *Сочинения*, т. IX, стр. 123—139.

	гостью на лице [спросил] [обратился к нему] произнес Антон Степанович. Согласен, — подтвердил г-н Финоплентов уже фальцетом ◊
приехавший в Петербург. (123, 26)	приехавший из деревни в Петербург
в столицу поискать удобного местечка. (123, 29—30)	*а.* в Петербург в надежде найти местечко *б.* в Петербург за местечком
и не имел никаких связей (124, 1)	и, что гораздо хуже, не имел никаких связей ◊ ‹*вписано*›
и которому он однажды помог поколотить шулера. (124, 3—4)	и с которым он однажды поколотил шулера
над казенными магазинами (124, 7)	над какими-то магазинами [Это место всегда] ‹*не закончено*›
и даже не было с точностью известно, чем их наполнят, — а придумали их в видах государственной экономии. (124, 10—11)	и даже не было положительно известно, чем их наполнят, а придумали их в видах экономии ◊ ‹*вписано*›
Капитоныч. (124, 18—19)	Прокопьевич
Как вы полагаете, господа? (124, 25)	Как вы полагаете, господа? [продолжал он] и вы, г-н Финоплентов? ◊ ‹*вписано*›
Антон Степаныч потщился придать чертам своим выражение ироническое, но ничего не вышло или, говоря правильнее, вышло только то, что вот, мол, господин статский советник дурной запах почуял. (124, 26—29)	Удивительно! Черты Антона Степаныча приняли выражение язвительное, точно он [почувствовал] почуял дурной запах
Антон Степанович потщился ∽ запах почуял. (124, 26—29)	*вписано.*
к середине комнаты (124, 34)	к кружку
в Козельском уезде. (124, 37—38)	*а.* в Белевском уезде *б.* в Калужской губернии
Однако побоку политику! (124, 40)	*а.* Однако не в том гвоздь *б.* Однако это в сторону



«Собака». Обложка чернового автографа И. С. Тургенева. 1864. Национальная библиотека (Париж).

Ну-с, в этом самом имении у меня усадьба «махенькая»: огород, как водится (125, 1—2)	В этом имени у меня небольшая усадьба, сад, огород, как следует
ну, и флигилек для собственного грешного тела... (125, 3—4)	ну и [разумеется] флигель, в котором я сам обитаю — так, комнат пять не больше [да и тех не будет] ◊
лег (125, 8)	лег в постель спать
Нагнулся мой Филька, стал свечкой под кроватью водить. (125, 20—21)	Стал Филька свечкой под кроватью светить
Вскинул я глазами на Фильку, а он улыбается. (125, 24)	Поглядел я на Фильку: он смеется
Собака-то, вероятно, как ты стал (125, 24—25)	Она, знать, как ты только стал
потому что ты вечно спишь. Уж не воображаешь ли ты, что я пьян?» (125, 27—28)	*вписано.*
уже ничего не слыхал (125, 29—30)	*а.* тем все и кончилось *б.* ничего уже не слыхал ◊
задул свечку — тьфу ты чёрт! собака тут как тут. (125, 35)	задул свечку, так калачиком и свернулся, ей-богу! Собака тут как тут. Я [приподнялся] стал слушать [и как есть]
так вот и слышно (125, 36)	так, представьте, явственно
что струхнул малый. (126, 1)	что [испуг] испугался малый не на живот, а на смерть. [Голос-то] ◊
А как мне это понимать прикажете, Порфирий Капитоныч? (126, 2—3)	А как мне это понять Платон ‹*не закончено*›
у нас голоса словно птичьи (126, 5—6)	у нас, представьте, голоса-то птичьи какие-то
Зажег я свечку (126, 7)	Зажег я свечку — всё как ни в чем не бывало
привык (126, 12)	привык при свечке я сп‹ать›

с полупрезрительным, полуснисходительным смехом перебил (126, 16—17)	с снисходительностью заметил
Сейчас видно гусара! (126, 17)	Сейчас видно гусара! Продолжайте! Нам приятно ◊
Приезжает ко мне (126, 21)	Приезжает ко мне [однажды вечером] случайным манером ◊
рубликов пятьдесят за визит (126, 23)	рубликов [двести] тридцать за визит: ◊
Подумал, подумал мой Василий Васильич, остался. (126, 26—27)	А его, скажу вам, эдаким словом не то что у [товарища] приятеля, у самой [мне кажется] [кажись] Бабы Яги задержать было возможно, такой [нрав] уже был у него нрав лютый. Остался мой Василий Васильич ◊ ‹*вписано*›
покурили, покалякали — всё больше о женском поле, как оно и приличествует в холостой компании, посмеялись, разумеется (126, 29—31)	покалякали, как оно всегда бывает в холостой компании, посмеялись, покурили
погасил Василий Васильич (126, 31—32)	он задул
что, мол, теперь какой карамболь произойдет? (126, 34—35)	что, мол, теперь будет!
Капитоныч (127, 2)	Никанорыч ◊
что ты собаку приобрел. (127, 3—4)	что у тебя собака
Как нет? а это что? (127, 6)	Как нет? — говорит, — а это что? Разве не слышишь?
— «Это не собака?» — «Нет». Повернулся Василий Васильич на постели. «Да ты шутишь, чёрт?» — «Нет, не шучу» (127, 7—9)	*вписано.*
След простыл! (127, 12)	след ее простыл — как ни в чем не бывало

что за фокус? (127, 13)	что за фокус? — и уж не равнодушным голосом ◊
Сократа (127, 15)	Гомера ◊
ничего не разберут (127, 16)	*а. как в тексте б.* ни беса лысого не разберут ◊
Словно обожженный! В сапоги-то никак не попадет. (127, 18—19)	*вписано.*
остепенился; стал советы мне давать. (127, 25)	вовсе остепенился и говорит мне
сосед мой (127, 28)	*отсутствует.*
был ума обширного! (127, 29)	был очень рассудителен
так обработал чудесно (127, 29—30)	так [скрутил] обработал лихо ◊
вексель ей подсунул (127, 30)	вексель ей там какой-то подсунул
значит, выбрал же самый чувствительный час! (127, 30—31)	*вписано.*
на управление всем имением (127, 32)	*отсутствует.*
ты-де неблагодарен, не чувствуешь; а я чем же тут виноват? (127, 36—37)	ты, мол, неблагодарен, а я чем же виноват, коли у меня такая планида? ◊
кажется, чем, например, ему собаку в комнату впустить согласиться — скорей бы сам себя пополам перервал! (128, 4—6)	*вписано.*
скорей бы сам себя пополам перервал! (128, 5—6)	лучше ему [пес] умереть немедленно, лучше ‹*не закончено*›
взял в науку. (128, 17)	взял в школу
Мы все так и впились в Антона Степаныча; всякий из нас ожидал (128, 18—19)	*а.* Я [взг‹лянул›] обратился *б.* [Мы все] Наши взоры обратились к Антону Степанычу; мы ожидали
Но господин статский советник (128, 20)	но либеральный статский советник ◊

потом зевнул, поболтал ножкой — и только! (128, 21—22)	и только покачал ножкой
по знакомству, не из лучших (128, 25)	*а.* [маленьк‹ую›] крошечную *б.* по-приятельски, самую лучшую *в.* нехорошую
помещался (128, 25)	*а.* спал *б.* жил
по знакомству, не из лучших; сам он помещался тут же за перегородкой — а мне только этого и нужно. Однако принял я в те поры муки! (128, 25—27)	*вписано.*
Комнатка небольшая, жара, этта, духота, мухи, да какие-то клейкие (128, 27—28)	Жара в ней была смертельная, мухи так стоном и стонали
древнейшими (128, 29)	[старыми] [темными] древними ◊
тусклые да дутые (128, 30)	[тысячные] [богатейшие] [старых лет?] пудовые
на кровати два пуховика (128, 31)	на кровати два пуховика — можете себе представить
подушку пошевелишь, а из-под нее таракан бежит (128, 31—32)	*отсутствует.*
я уж со скуки чаю до невероятности напился — просто беда! (128, 32—33)	*вписано.*
хозяин вздыхает (128, 34—35)	старик возится
так полегоньку, по-старомодному, вежливенько. (128, 37)	*вписано.*
никонианец (129, 9)	греховодник
Повозился старик за перегородкой и вышел ко мне со свечкой, тоненькой-претоненькой, из желтого воску (129, 12—13)	Вошел старик со свечкой восковой
тоненькой-претоненькой (129, 13)	[тонкой, тонкой] тоненькой ◊
уши мохнатые (129, 15)	*отсутствует.*

как у хорька (129, 15)	как у крысы
и пахнет от него можжевельником. (129, 18—19)	*отсутствует.*
перекрестился три раза крестом двуперстным (129, 19—20)	поклонился по-старинному
опять перекрестился — и, обернувшись ко мне, только хрюкнул: объясняй, мол! (129, 21—22)	да и обернулся ко мне ◊
обстоятельно сообщил. (129, 23)	[в точности] [до самой тонкости] [до самой подробности] до самой точности сообщил
Выслушал все мои объяснения старина (129, 23—24)	Выслушал он меня
и хоть бы словечко проронил: только знай головой потряхивает. (129, 24—25)	*вписано.*
и молчит. (129, 26)	чешет и молчит
Что ж, — говорю я, — Федул Иваныч, как ты полагаешь (129, 27—28)	Что ж, [я] говорю я, старик, как твое рассу‹ждение›
да глухо так, потому усы в рот лезут (129, 34—35)	*вписано.*
а на *утрие* (130, 4)	а на завтра
а только от этого от самого ладану я чуть не задохнулся. (130, 6—7)	*вписано.*
в клочке бумаги (130, 12)	в [одн‹ом›] клочке серой бумаги
«Капустки пришли, бога для». (130, 15)	Семечки пришли
от моего ночного посетителя (130, 18—19)	[от моей собаки] от моей ночной гостьи
Потому я так соображал: хотя, положим, от моего ночного посетителя мне большой печали нет, однако все-таки жутко, да и, наконец, не совсем прилично	*вписано.*

дворянину и офицеру — как вы полагаете? (130, 18—21)

дворянину и офицеру (130, 21) — дворянину ◊

с заплатами и в рваном картузе (130, 30) — да в драном картузике ◊

проницательных глаз (130, 34) — пронзительных глаз ◊

в комнату (130, 39—40) — [в дом] в мою хибарку

На стене образ старого письма, как уголь черный: одни белки на ликах так и горят. (131, 2—4) — *вписано.*

одни белки на ликах (131, 3) — [только] одни белки ◊

а мы послушаем (131, 8) — а мы послушаем. Я, говорит, Федула Иваныча одолжить согласен ‹*вписано*›

на коленях разложил (131, 10) — на коленях его не торопясь разложил

душа в пятки уходит. (131, 14) — душа в пятки уходит, и в глаза ему глядеть не могу

я поправился (131, 15—16) — я собрался с духом

Он помолчал, поежился (131, 16—17) — Тот помолчал, помолчал

опять-таки как сенатор, величественно так, не торопясь: (131, 18—19) — *вписано.*

опять губами пожевал, нахмурился, палец уставил (131, 21) — он опять помолчал

честным преподобным соловецким святителям Зосиме и Савватию (131, 22—23) — *вписано.*

это, значит, попечение о вас имеется; добре, знать, кто за вас молится. (131, 31—32) — *вписано.*

Ваши виденья (131, 34) — Мечты

будет вам та собака на потребу (131, 35) — *а.* та собака вам пригодится *б.* та собака вам будет на потребу ◊

уж как же мне эти слова полюбились! (131, 36—37)	*вписано.*
думает, с ума барин спятил (132, 10)	*вписано.*
велел соломы принести (132, 15)	велел Фильке соломы под кровать положить
Я куражиться стал (132, 18—19)	*а.* Стал я куражиться *б.* Пошел я в кураж
Я куражиться стал: «Да начинай, ну же, растакая, сякая и этакая!» (132, 18—20)	*вписано.*
и уже беспокойств никаких не было (132, 30—31)	*вписано.*
беспокойств никаких не было (132, 31)	беспокойств никаких не было с самой той ночи
ко мне привязался чрезвычайно. (132, 34—35)	ко мне привязался чрезвычайно, по нраву был ‹*не закончено*›
как завел собаку (132, 36)	думаю, как собака завелась
уж и гонялся же он за этими зайцами (132, 38—39)	*а.* уж и гнал же он их *б.* уж и гонялся же он за ними ◊
из гостиной приказала (133, 3)	из собственной гостиной велела
такую штурму поднял (133, 4)	таких тут делов наделал
Соскучилось мне (133, 10)	И так-с однажды, соскучилось мне
нрав имела непостоянный. (133, 16—17)	нрав имела непостоянный, хотя веселый и приветливый
Да это в женском поле не беда; даже удовольствие доставляет... (133, 17—18)	*вписано.*
поднялся топот, крик, визг мальчишек... (133, 23)	какой-то топот [ругань] и визг [шум какой-то] или крик
рыжий зверь (133, 25)	разъяренный зверь с сверкающими ‹*не закончено*›
и прямо ко мне на грудь (133, 29)	и обрушилось на меня

каково положение? (133, 30)	Может быть, представите мое положение!
Я замер от ужаса и руки не могу поднять, одурел вовсе.. вижу только страшные белые клыки перед самым носом, красный язык, весь в пене. (133, 30—32)	Страшные [белые] зубы [сверкают] сверкнули у меня перед глазами, [на меня горячая пена брызнула] пена брызнула мне в лицо — я замер от ужаса, я руки не мог поднять, одурел вовсе. ◊
Но в то же мгновенье другое, темное тело взвилось передо мною, как мячик (133, 33—34)	Но в то же мгновенье [какое <-то>] чье-то другое тело [ударилось в меня] [скользнуло мимо меня] оттолкнуло меня, мелькнула передо мной коричневая спина
Тот захрипел, заскрежетал, отшатнулся... (133, 36)	*а.* [раздалось] послышалось хрипенье *б.* что-то захрипело, заскрежетало, зверь мгновенно свалился с моих плеч и с груди *в.* Тот захрипел, заскрежетал ◊
а на крыльце, слышу, происходит баталья отчаянная. (133, 38—39)	*а.* [Я слышал: а] На крыльце [слышалась] происходила отчаянная [бат<алья>] битва. Бедный ли пес <*не закончено*> *б.* а на крыльце, слышу, происходит баталья отчаянная, просто на смерть ◊
с распущенной косой (134, 1)	простоволосая
«Держи, держи, запри ворота!» (134, 2—3)	«Держи, держи, убежала, убежала!»
люди в беспорядке мечутся по двору (134, 4—5)	дворовые люди в беспорядке бежали через двор
поднимают с земли поленья — как есть, очумели. (134, 5—6)	швыряют камни, поднимают палки
в кичке необыкновенных размеров (134, 7—8)	*отсутствует.*
Я вышел из дома. «Где, мол, Трезор?» (134, 9)	«Где, мол, Трезор?» спросил я
спрашиваю у людей, а они кружатся по двору (134, 12)	спрашиваю у людей, которые продолжают бегать по двору

мотается (134, 14)	[бегает] рыскает
слава богу (134, 18)	*отсутствует.*
рожа (134, 18)	*а. Как в тексте. б.* лицо ◊
Да оно и понятно: во-первых, нервы, во-вторых, чувствительность. (134, 20—21)	*а. Начато:* нервическая *б.* оно и понятно: нервы!
томно так (134, 22)	*отсутствует.*
Тем временем Трезор стал скрестись в дверь: я было пошел ему отворять. (134, 28—30)	*вписано.*
Ах, говорит, что вы это? (134, 30)	Ах, говорит, это невозможно
«Да вы с ума сошли!» — «Нимфочка, говорю, успокойся, прими резон...» А она как крикнет вдруг (134, 32—34)	*вписано.*
«Уйдите, уйдите сейчас с вашей противной собакой!» (134, 34—35)	«Уйдите, уйдите сейчас с вашей противной собакой и не показывайтесь».
Сейчас, говорит, сию секунду! (134, 36)	*а.* Сейчас, говорит, сию минуту уйди — и видеть вас никогда [не хочу] не желаю — и опять на диван *б.* Сейчас, говорит, сию минуту ◊
Удались, говорит, разбойник, и на глаза мне не смей никогда показываться. Ты сам можешь взбеситься! (134, 36—38)	*вписано.*
лишь бы провалился поскорее (135, 2)	лишь бы избавиться
да встрешную девку по щеке (135, 4)	*вписано.*
я с Нимфодорой Семеновной всякое знакомство прекратил (135, 6—7)	я уж Нимфодоры Семеновны более не видел
а по зрелом соображении всех вещей (135, 7—8)	а в соображение [всех обстоятельств] всех фак‹тов›

а другие толкуют, что он в нее змеиную слюну пущает (135, 15—16)	а может, и пустит в нее какое зелье — только этого не видать
Кстати, думаю, в Ефремове себе кровь брошу: оно против испуга хорошо бывает; только, разумеется, не из руки, а из соколка. — А где это место — соколо́к? — с застенчивым любопытством спросил г. Финоплентов. — А вы не знаете? Самое вот это место на кулаке, подле большого пальца, куда из рожка табак насыпают — вот тут! Для кровопускания первый пункт; потому сами посудите: из руки пойдет кровь жильная, а тут она — наигранная. Доктора этого не знают и не умеют; где им, дармоедам, немчуре? Больше кузнецы упражняются. И какие есть ловкие! Наставит долото, молотком толкнет — и готово!.. (135, 17—29)	*вписано.*
потому сами посудите: из руки пойдет кровь жильная, а тут она — наигранная. (135, 24—26)	*отсутствует.*
где им, дармоедам, немчуре (135, 27)	*а.* они все ничего не умеют — на то они доктора *б.* где им, дармоедам
долото (135, 28)	рубанок ◊
Ну-с, пока я этаким образом размышлял (135, 29—30)	Между тем
пора на боковую. (135, 30—31)	[приходится] значит, пора на боковую ◊
Лег я в постель — и Трезор, разумеется, тут же. (135, 31—32)	*вписано.*
с итальянскими вариациями (135, 35—36)	*отсутствует.*

На этом месте рассказа Скворевич чихнул; чихнул и Кинаревич, никогда и ни в чем не отставававший от своего товарища. Антон Степаныч посмотрел одобрительно на обоих. (136, 8—11)	Вишь... в поэзию! туда же! [уко‹ризненно›] проворчал Антон Степаныч ◊
продолжал Порфирий Капитоныч (136, 12)	продолжал Порфирий Капитоныч, не обращая внимания на своего противника ◊
надо мной такие чудеса совершаются? (136, 17)	со мной такие чудеса [произошли] совершились. Пришел я в ‹*не закончено*›
уставился он на меня, ей-богу (136, 23)	смотрит он на меня и шабаш
а он мне в ухо лезет, затылок мне озаряет (136, 26)	[так вот] а он мне так в ухо и лезет, в затылок мне
так вот и обдает, словно дождем (136, 26—27)	светит, так вот и обдает меня, подлец
Былинку каждую, каждый дрянной сучок в сене (136, 28)	травку, былинку каждую, каждый листик
опер я голову на руку, стал смотреть. Да и нельзя: поверите ли (136, 30—31)	приподнялся я и стал глядеть. Да и нельзя было. Поверите, где уж тут спать
Да и нельзя: поверите ли, глаза у меня, как у зайца, так и пучатся, так и раскрываются — словно им и неизвестно, что за сон бывает за такой. (136, 31—34)	*вписано.*
Так, кажется, и съел бы всё этими самыми глазами. (136, 34—35)	*отсутствует.*
Ворота сарая открыты настежь; верст на пять в поле видно (136, 35—36)	Ворота [передо мной] в сарае открыты настежь — далеко-далеко в поле видно
так, словно что померещилось. (136, 39—40)	так, тень какая-то
лисица или волк. (138, 6)	волк или собака

Сердце во мне ёкнуло... а чего, кажись, я испугался? Мало ли всякого зверья ночью по полю бегает? (138, 6—8)	*вписано.*
глаза вытаращил (138, 9)	гляжу во все глаза
так-таки застыл (138, 10)	застыл, представьте
тень все растет, растет (138, 12)	пятно все больше да больше становится
Мчится он вихрем, пулей... (138, 14—15)	*вписано.*
Она... она! (138, 17)	она... она, ее глаза, ее па‹сть›
Она... она! Господи! А я-то пошевельнуться не могу, крикнуть не могу... (138, 17—18)	*вписано.*
подскочила к воротам (138, 18—19)	уставилась на ворота
какие лансады (138, 26)	*вписано.*
Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона в день его ангела плящет, — и та за мной бы не угналась. (138, 27—29)	*а.* так кажется, самая первая танцорка пришла бы в тупик *б.* Кажется, самая первая танцорка, что у Наполеона по его великим праздникам пляшет, и та пришла бы в тупик.
тотчас же весь дом (138, 29—30)	целый дом
купил (138, 32)	у разносчика купил ◊
разносчик (138, 33—34)	[жид] купец
двукратному, так сказать, (139, 2)	*вписано.*
пока в чувство меня не привела (139, 4—5)	пока мне не сказала
Прасковья (139, 5)	*а.* Мака‹ровна› *б.* Фек‹ла›
жизни *решился*, так для него это за великую милость почесть можно! (139, 9—11)	*а.* жизнь порешил, ну стало быть тут это все и к лучш‹ему› *б.* жизни своей решился, так [ему] для него это за великую милость почесть [можно] должно ◊

уж ей такой был предел положóн (139, 14—15)	ей уж такая же судьба вышла
И, стало быть, уж ей такой был предел положóн: в первый раз отродясь солдат-то из ружья выпалил, хоть и медаль имел за двенадцатый год. (139, 14—17)	*вписано.*
— Да вы, может быть, очень праведной жизни, — начал было г. Финоплентов, — так в возмездие... — Но на этом слове он запнулся, ибо увидел, что у Порфирия Капитоныча щеки надулись и покраснели и глаза съежились — вот сейчас прыснет человек. (139, 21—25)	*вписано.*
Никто из нас ничего не нашелся ответить (139, 31)	Никто из нас, даже г-н Финоплентов, ничего [не отвечал] не нашелся ответить ◊
и мы по-прежнему пребывали в недоумении. (139, 31—32)	но мы по-прежнему чувствовали недоуменье

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И.С.ТУРГЕНЕВА

«ПОМЕЩИК»

К ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ ПОЭМЫ

Известно, что несколько стихов поэмы Тургенева «Помещик» (в строфах XIII, XVI и XXVIII), пострадавших от цензуры или изъятых из опасения цензурных неприятностей, были в «Петербургском сборнике», где поэма появилась впервые, заменены отточиями. Устранить эти искажения пока невозможно ввиду отсутствия автографа Тургенева или каких-либо иных документальных данных. Однако один из исключенных стихов мы все же можем восстановить — правда, без полной уверенности в его аутентичности, как это сделано в первом сборнике по отношению к стихотворению «Человек, каких много».[1] Речь идет о XIII строфе. Там о вдове помещика, к которой отправляется главный герой, говорится:

Под самым городом — жила
Помещица — в тепле да в холе,
Вдова. Таких немного вдов.
Ее супруг, корнет гусарской,
.
Завел охоту, рысаков,
Друзей, собак... Обеды, балы
Давал, выписывал журналы...
И разорился наконец...

Пропущенный стих вставлен в список поэмы, сохранившийся в архиве П. И. Вейнберга (*ИРЛИ*, ф. 62, оп. 3, № 17). Там он выглядит следующим образом:

[Состарившись] Соскучившись на службе царской.

Вписал ли Вейнберг этот стих по догадке или заимствовал из какого-нибудь авторитетного источника — сказать трудно.

И. Г. Ямпольский

---

[1] *Тургенев*, Сб., вып. I, стр. 234—235.

О ТЕКСТЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТУРГЕНЕВА В «СБОРНИКЕ ЛУЧШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ» (1858)

В 1858 г. вышел «Сборник лучших произведений русской поэзии», составленный Н. Ф. Щербиной. Здесь помещены четыре стихотворения Тургенева: «Из поэмы» («В теплый вечер в ульях чистых»), т. е. стихи 742—765 поэмы «Параша», «Из поэмы, преданной сожжению» (эпиграф к «Лесу и степи»), «Федя» и «Безлунная ночь» (из цикла «Деревня»). При сопоставлении с первопечатными текстами выяснилось, что три из них — первое, третье и четвертое — напечатаны в «Сборнике» с изменениями.

В первом вместо

В теплый вечер лип душистых
Раскрываются цветы

читаем:

В теплый вечер лип душистых
Благовоннее цветы

В «Из поэмы, преданной сожжению» вместо

Где липы так *огромны*, так тенисты

напечатано:

Где липы так *отрадны*, так тенисты.

В «Безлунной ночи», появившейся под заглавием «Ночь», вместо

И *на тебе* покров густеет темный

напечатано:

И *над тобой* покров густеет темный;

вместо:

И тень пахучая *колеблется* кругом

напечатано:

И тень пахучая *подъемлется* кругом;

вместо:

И воздух ласковый, чуть *дремлющий*, ночной

напечатано:

И воздух ласковый, чуть *дышащий*, ночной.

Кому принадлежат эти исправления — неизвестно. Трудно допустить, чтобы Щербина самовольно исправил произведения Тургенева, даже не спросив у него разрешения,[1] а Тургенев никак не реагировал на это.

[1] Выборочная проверка текста стихотворений других поэтов — современников Щербины, — включенных в «Сборник», делает такое предположение еще менее возможным.

Впрочем, Тургенев мог не возражать просто потому, что не удосужился заглянуть в «Сборник». С другой стороны, Тургенев, как известно, был настолько невысокого мнения о своих стихах и так равнодушен к ним, что даже если бы Щербина обратился к нему, вполне мог ответить: делайте с ними, что хотите. Но все это домыслы. Значит, пока, впредь до обнаружения каких-либо фактических данных, мы можем только указать на разночтения «Сборника лучших произведений русской поэзии», но не имеем достаточных оснований для включения их в текст, как если бы это были исправления самого Тургенева или санкционированные им.

И. Г. Ямпольский

ГОНЧАРОВ ИЛИ ТУРГЕНЕВ

К АТРИБУЦИИ «СОВРЕМЕННЫХ ЗАМЕТОК»

I

В первом номере «Современника» за 1847 г. была опубликована без подписи автора статья «Современные заметки». В ней дан обзор произведений различных видов и жанров искусства, преимущественно в Петербурге.

Статья открывается очерком жизни и творчества известного русского скульптора И. П. Витали в связи с его работами над скульптурными украшениями для Исаакиевского собора, далее идет речь об иллюстрациях А. А. Агина к Ветхому завету и «Мертвым душам», о сатирических статуэтках Н. А. Степанова, о музыкальном сезоне и петербургских увеселениях и т. п. Обычно статьи подобного типа писались не одним, а несколькими авторами, знатоками в той или иной области искусства.

М. О. Гершензон в 1916 г. высказал мнение, что большая часть этой статьи принадлежит Тургеневу.[1] В качестве доказательства Гершензон привел слова В. Г. Белинского в письме к Тургеневу от 1 марта 1847 г.: «Теперь фельетон поверен человеку порядочному, но это всё — не Вы, мой бесценный Иван Сергеевич: уж такого фельетона, какой был в 1 № „Современника“, не дождаться нам раньше Вашего возврата в Питер».[2]

Достоверность такого свидетельства не вызывала у литературоведов ни малейших сомнений, и с тех пор, т. е. с 1916 г., принято было считать автором основной части статьи Тургенева. Статья трижды перепечатывалась в советских изданиях сочинений Тургенева, в том числе и в последнем академическом издании.[3] На основании публикации Гершензона Тургенев назван одним из авторов этой статьи (наряду с Н. А. Некрасо-

---

[1] Русские пропилеи, т. III. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М., 1916, стр. 308—310.

[2] *Белинский*, т. XII, стр. 344—345.

[3] *Сочинения*, т. I, стр. 303—313, и примеч., стр. 578—583.

вым и неизвестным) в указателе содержания и анонимных авторов «Современника», составленном В. Э. Боградом.[4]

Настоящая статья не ставит перед собой цель полностью устранить авторство Тургенева из данной статьи; напротив, по вышеприведенным словам Белинского, оно весьма вероятно, но лишь в известной ее части. Мы хотим только напомнить некоторые факты, свидетельствующие о том, что одним из авторов этой статьи мог быть и И. А. Гончаров.

Интересовавшийся ранним анонимным творчеством Гончарова писатель и библиограф П. В. Быков, лично знавший Гончарова и беседовавший с ним по этому поводу, впоследствии рассказывал о своих встречах с автором «Обломова» библиографам и литературоведам — в частности, С. А. Венгерову и французскому исследователю жизни и творчества Гончарова Андре Мазону. И тот и другой в своих трудах о Гончарове нашли необходимым сказать об этом: С. А. Венгеров — в составленной им библиографии произведений Гончарова, А. Мазон — в монографии о Гончарове на французском языке. Вот что засвидетельствовал С. А. Венгеров: «В 1847—1848 гг., по указанию (устному) П. В. Быкова, Гончаров писал (анонимно) в „Современных заметках“ „Современника“ по литературным вопросам».[5] К сожалению, С. А. Венгеров не упоминает названия статьи, зато А. Мазон несколькими годами позже говорит об этом конкретно: «П. В. Быков, производивший в течение многих лет интересные разыскания в анонимной литературе XIX века, доводит до нашего сведения, что во время одного посещения в 1879 г. сам Гончаров сообщил ему, что „Современные заметки“ в первом номере „Современника“ принадлежат ему».[6] Это признание показательно еще и потому, что Гончаров, являясь в 40-х годах автором нескольких анонимных статей, счел нужным указать именно эту статью, представляющую по сравнению с другими наибольший интерес.

Итак, мы имеем два противоположных свидетельства об авторстве данной статьи: одно — В. Г. Белинского, другое — самого Гончарова.

Мы же, со своей стороны, склонны думать, что основная часть статьи, — а именно, где речь идет об И. П. Витали, об иллюстрациях А. А. Агина к Ветхому завету и «Мертвым душам» и о статуэтках работы Н. А. Степанова, — принадлежит не Тургеневу, а Гончарову, тогда как последующую, об итальянской опере и особенно о музыке Верди, можно с бо́льшим основанием считать принадлежащей Тургеневу.[7]

Вот еще дополнительные соображения в пользу авторства Гончарова.

Известно, что Витали, работавший в 30—40-х годах над скульптурными украшениями, предназначавшимися для Исаакиевского собора, был хо-

[4] В. Э. Боград. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. Гослитиздат, М.—Л., 1959, стр. 57.

[5] С. А. Венгеров, Собрание сочинений, т. V, изд. «Прометей», СПб., 1911, стр. 234.

[6] A. Mazon. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. Paris, 1914, стр. 90. — Цитируем в переводе с французского.

[7] Ср. с высказываниями о музыке Верди в письмах Тургенева к П. Виардо от 3 (15) декабря 1846 г. и 15 (27) ноября 1847 г. (*Письма*, т. I, стр. 253, 267).

рошо знаком с академиком исторической живописи Н. А. Майковым, работавшим одновременно с ним в соборе над росписью левого иконостаса. Надо полагать, что в эти годы Витали бывал нередким гостем литературно-художественного кружка Майковых; и если это так, то он, конечно, был лично знаком и с Гончаровым, одним из самых близких друзей Майковых и постоянным посетителем их кружка. А кроме того, в те годы в кружке шло особенно много разговоров о деятельности Витали, имевшей огромный успех.

Все это, дополняя вышесказанное, дает нам право утверждать, что автором строк о Витали был Гончаров.

Далее в статье идет речь о сатирических статуэтках («фигурках») работы Н. А. Степанова. Известно, что Гончаров послужил Степанову объектом для такого изображения и статуэтка эта сохранилась до наших дней — она находится в Ульяновском краеведческом музее.

О сатирическом мастерстве Н. А. Степанова в «Современных заметках» сказано: «Подметить смешные стороны человека, безжалостно вытащить их на свет божий, не нарушая, впрочем, его личности, так что всякий с первого взгляда узнает жертву, должно быть, превеселое занятие ‹...› Иные фигурки до того удались, что на них, как на индюшек у Гоголя, противно смотреть».[8] Комментируя эти строки, Е. И. Кийко справедливо отмечает, что автор «имел в виду именно карикатуры на Булгарина, Греча и Брандта».[9] А вот что писал о самом Булгарине и о его статуэтке Гончаров, посылая последнюю в 1849 г. в Симбирск своему деверю М. М. Кирмалову: «Новая [Булгарина] статуэтка его похожа на человека и довольно благовидна, оттого на Булгарина и не похожа. Прежняя, которая у тебя, как карикатура (ведь это все карикатуры), выражает его, как нельзя более. Булгарин имеет редкое свойство — походить наружно и на человека, и вместе на свинью. Художник схватил это как нельзя лучше — и, кроме свиньи и человека, изобразил и Булгарина. Это одно из лучших его произведений...».[10]

Не трудно заметить, что выраженное в статье и в письме отношение к Булгарину весьма определенно. В не меньшей мере показательны и использованные в обоих случаях образные сравнения: в первом с индюшками, на которых противно смотреть, а во втором — со свиньей, зрелищем более отвратительным. Но если учесть, что сказанное в статье предназначалось для широкого круга читателей, а в письме — для узкого круга симбирских родственников, то станет понятно, почему в последующем сравнении вместо «индюшек» появилась «свинья».

Приведенные сравнения двух цитат также дают основание предполагать, что автором их было одно лицо — Гончаров.

И еще один характерный штрих. Об иллюстрациях А. А. Агина в статье имеется фраза: «Мы помним его рисунки к „Тарантасу“ и „Помещику“: типы те приходились его таланту по плечу».[11] Нам кажется, что

[8] *Сочинения*, т. I, стр. 307—308.
[9] Там же, стр. 582.
[10] И. А. Гончаров, Собрание сочинений, т. VIII, изд. «Правда», М., 1952, стр. 277.
[11] *Сочинения*, т. I, стр. 306—307.

даже из присущей молодому Тургеневу скромности фраза эта менее всего могла бы принадлежать автору поэмы «Помещик».

А. Д. Алексеев

II

Сорок лет тому назад М. О. Гершензон первый обратил внимание на прямое указание Белинского, что «Современные заметки» в № 1 «Современника» за 1847 г. написаны Тургеневым (см. стр. 47).[12]

Обследовав № 1 «Современника» за 1847 г., М. О. Гершензон выделил из «Современных заметок» этого номера восемь отрывков (всего их было одиннадцать), несомненно написанных одним лицом, и напечатал в 1916 г. в III томе «Русских пропилеев» (стр. 308—310) под именем Тургенева.

Не сомневаясь в том, что все эти заметки были написаны одним лицом, Гершензон установил, что суждения об операх Верди, высказанные автором фельетона, впоследствии почти в тех же выражениях были повторены Тургеневым в письмах к Полине Виардо.[13] Этот факт явился дополнительным свидетельством в пользу авторства Тургенева.

Атрибуция, сделанная Гершензоном, убедила исследователей творчества Тургенева, и с тех пор «Современные заметки» из № 1 «Современника» за 1847 г. включаются во все советские издания сочинений писателя. Печатая «Современные заметки» в I томе академического издания собрания сочинений и писем Тургенева, Редакция не прибавила новых аргументов в пользу авторства Тургенева, так как оно казалось бесспорным.[14] Не было бы необходимости возвращаться к этому вопросу и в настоящее время, если бы А. Д. Алексеев, основываясь на утверждении, содержащемся в монографии А. Мазона «Un mâitre du roman russe Ivan Gontcharov» (Paris, 1914, стр. 90), не настаивал на исключении из собрания сочинений Тургенева заметок об И. П. Витали, об иллюстрациях А. А. Агина и о статуэтках Н. А. Степанова.

Не ставя под сомнение достоверность сообщения А. Мазона, — полученного, правда, им из вторых рук и в устной передаче, — приведем дополнительные аргументы в пользу авторства Тургенева в отношении трех названных А. Д. Алексеевым отрывков.

Заметка об И. П. Витали написана человеком, не только получившим широкое европейское образование, но и бывавшим за границей. Так, барельефы на фронтонах Исаакиевского собора он сравнивает со скульптур-

---

[12] *Белинский*, т. XII, стр. 344—345. Забегая вперед, отметим, что если бы основная часть «Современных заметок» была написана Гончаровым, а не Тургеневым, как утверждает А. Д. Алексеев, то у Белинского не было бы оснований сожалеть по поводу отъезда за границу автора „Записок охотника".

[13] *Письма*, т. I, стр. 253, 267.

[14] Предложение М. К. Азадовского приписать Тургеневу «Современные заметки» в №№ 2, 3 и 4 «Современника» за 1847 г. (см.: М. К. Азадовский. Затерянные фельетоны Тургенева. Иркутск, 1927) было редакцией отклонено (см.: *Сочинения*, т. I, стр. 579).

ными украшениями на фронтонах парижских построек — церкви святой Магдалины и Пантеона, — причем пишет об этих произведениях искусства как очевидец.

Известно, что Тургенев летом 1845 г. жил в Париже; Гончаров в эти годы за границей еще не бывал.

Характеризуя барельеф Витали — император с женой перед св. Исаакием — и давая ему высокую оценку, автор заметки упрекал скульптора в том, что в его произведениях изредка чувствуется влияние господствовавшей в то время живописной школы, которая, «несмотря на все свои несомненные достоинства, грешит иногда театральностию и стремлением за эффектом».[15] Эти слова, сказанные о школе Брюллова, полностью совпадают с суждениями по этому вопросу Тургенева. Свое отрицательное отношение к творчеству Брюллова и к основанной им «ложно-величавой» школе в живописи Тургенев неоднократно высказывал в письмах к друзьям[16] и теоретически обосновал в лекции о Пушкине, прочитанной им в 1860 г. (отрывок включен в «Воспоминания о Белинском»). Там сказано, что в 1830-х годах в живописи появилась целая фаланга людей, «бесспорно даровитых, но на даровитости которых лежал общий отпечаток риторики, внешности». То же говорит он и в очерке «Поездка в Альбано и Фраскати».

Гончаров, по всей вероятности, не решился бы сделать такой упрек И. П. Витали, так как этим самым он оскорбил бы своего близкого друга Н. А. Майкова, академика исторической живописи, творчество которого было близко брюлловской школе.

Постоянно бывая в доме Н. А. Майкова, Гончаров хорошо знал петербургских художников и их работы. Поэтому он не мог бы допустить и той ошибки, которую сделал автор «Современных заметок», сказав, что рисунки к Ветхому завету выполнены А. П. Сапожниковым, в то время, как они принадлежали А. А. Агину; кроме того, А. П. Сапожников там назван «известным нашим художником», в действительности он был скромным живописцем-любителем, заслуга которого состояла главным образом в издании книг по искусству. Им же было составлено и выдержавшее несколько изданий руководство к изучению рисования.

Известно, что Тургенев хорошо знал и любил творчество Гёте и часто его цитировал.[17] В заметках об И. П. Витали приведена вторая строка из 101-го двустишья Гёте, входящего в раздел «Winter» («Зима) из цикла «Jahres Zeiten» («Времена года»): «Nur aus vollendeter Kraft blicket die Anmuth hervor» («Только совершенная сила может таить в себе такую гармонию»).[18]

Гончаров тоже знал и любил Гёте, но никогда не цитировал его ни в своих статьях, ни в письмах.

---

[15] *Сочинения*, т. I, стр. 305.

[16] См., например, *Письма*, т. III, стр. 160, 174—175 и др.

[17] См.: В. Жирмунский. Гёте в русской литературе. ГИХЛ, Л., 1937, стр. 357—362; Elias Rosenkranz. Turgenev und Goethe. «Germanoslavica», Jhg. II, 1932—1933, Heft I, стр. 77.

[18] В I томе *Сочинений* (стр. 306) источник цитаты не указан.

В «Современных заметках» упоминается парадокс Бюффона: «гений есть терпенье».[19] Это тоже один из аргументов в пользу авторства Тургенева. Дело в том, что Тургенев еще в детстве увлекался многотомной естественной историей французского ученого, о чем он писал в рецензии на книгу С. Аксакова «Записки ружейного охотника».[20] Один из запомнившихся с детства афоризмов Бюффона Тургенев привел в очерке «Пэгаз» («Литературные и житейские воспоминания»). В библиотеке Тургенева сохранились 64 тома «Всеобщей и частной естественной истории» Бюффона (Париж, 1798—1807). Об интересе Тургенева к трудам этого ученого свидетельствует и тот факт, что, приобретя библиотеку покойного Белинского, он с особым удовлетворением отметил наличие в ней «отличного издания» «Histoire naturelle des oiseaux» Бюффона с «прекрасными рисунками».[21]

Насколько можно судить по опубликованным материалам, Гончаров интереса к Бюффону не проявлял.

Автор заметки об И. П. Витали посетил его мастерскую и, увидя группу богородицы с Христом и Иоанном Крестителем, сказал, что от нее «веет Рафаэлем (а именно его Альбской мадонной)».[22] Это сравнение также говорит в пользу авторства Тургенева, знатока и почитателя творчества Рафаэля и в особенности его мадонн.[23]

А. Д. Алексеев в своем сообщении пишет, что Гончаров, бывая в доме Майковых, встречался там с И. П. Витали; это якобы и побудило его написать заметку.

Аргумент этот не убедителен. Во-первых, Тургенев тоже был знаком с Майковыми,[24] а во-вторых, сам же А. Д. Алексеев сообщает, что деятельность И. П. Витали имела «огромный успех». Следовательно, проявить интерес к работам скульптора, украшавшего Исаакиевский собор, мог и человек, близко с ним не знакомый.

Сопоставление текста «Современных заметок», где речь идет о фигурках Н. А. Степанова, с письмом Гончарова также ни в чем не убеждает.

Автор заметки о Н. А. Степанове пишет, что на эти статуэтки, «как на индюшек у Гоголя, противно смотреть», в письме же Гончарова отмечается, что одна из этих фигурок, а именно карикатура на Булгарина, похожа на свинью.

По мнению А. Д. Алексеева, Тургенев из чувства скромности не мог бы написать, что иллюстрации к «Помещику» удались Агину, потому что «типы те приходились его таланту по плечу».[25] Между тем, в контексте эта фраза имеет совсем другое значение.

---

[19] *Сочинения*, т. I, стр. 303.
[20] Там же, т. V, стр. 417.
[21] *Письма*, т. II, стр. 240.
[22] *Сочинения*, т. I, стр. 304.
[23] См., например: *Письма*, т. III, стр. 204.
[24] См. письмо В. Н. Майкова Тургеневу от середины ноября 1846 г. в кн.: В. Майков. Критические опыты. (1845—1847). СПб., 1891, стр. XL.
[25] *Сочинения*, т. I, стр. 307.

В «Современных заметках» речь идет о том, что иллюстрации к «Мертвым душам» Гоголя Агину не удались именно потому, что «браться за типы, созданные этим великим мастером, страшно...», а вот к «Тарантасу» и «Помещику» удались, потому что дарования авторов этих произведений несоизмеримы по масштабу с гоголевским.[26]

Подводя итог, еще раз скажем, что с нашей точки зрения нет никаких оснований исключать перечисленные заметки из собрания сочинений Тургенева, не говоря уже о том, что все восемь заметок представляют единое целое. Это фельетон, написанный одним лицом, о чем свидетельствуют стиль и манера изложения, а также переходы, связывающие заметки, посвященные разным сюжетам.

Как же в таком случае относиться к сообщению А. Мазона?

Если Гончаров и П. В. Быков ничего не забыли и не перепутали, то, может быть, автор «Обыкновенной истории» написал три оставшиеся отрывка из одиннадцати «Современных заметок» в № 1 «Современника» за 1847 г.?

Но выяснением этого обстоятельства должны заняться исследователи творчества Гончарова.

Е. И. Кийко

К ИСТОРИИ СТАТЬИ ТУРГЕНЕВА О РОМАНЕ ЕВГЕНИИ ТУР «ПЛЕМЯННИЦА»

Принято считать, что статья Тургенева о «Племяннице» Евгении Тур «была первым печатным отзывом об этом произведении».[1] В действительности же ей предшествовали по крайней мере две анонимных заметки о романе, опубликованные в ноябрьской и декабрьской книжках «Современника» за 1851 г. Обе они имеют прямое отношение к творческой истории статьи Тургенева, так как оканчиваются обещанием вернуться к «Племяннице» для более обстоятельного разговора о ней.

Первая заметка была помещена в «Литературных новостях». Она заранее извещала читателей о том, что «в Москве в непродолжительном времени выйдет роман писательницы, обратившей на себя в последнее время всеобщее внимание своим прекрасным талантом. Мы говорим о ро мане Евг. Тур „Племянница“, в четырех частях, первая часть которого, помещенная в „Современнике“, возбудила такой живой интерес. Мы подробно будем говорить об этом замечательном литературном явлении».[2]

Цензурное разрешение на выход ноябрьской книжки журнала, где появилась приведенная заметка, было дано 31 октября. Тургенев в это время находился еще в Москве. Однако редакция «Современника», стало

---

[26] Там же. стр. 306—307.

[1] *Сочинения*, т. V, стр. 631.

[2] „Современник“, 1851, № 11, отд. VI, Смесь, Современные заметки, стр. 91.

быть, уже знала и о готовящемся там к выходу романе и о намерении Тургенева посвятить ему подробную статью, которая была написана «по данному обещанию г-же Тур».[3]

Знакомство Тургенева с автором «Племянницы» относится, как известно, к концу 1850 г. В письме к Полине Виардо он сообщил, что был у «графини Салиас, прелестной женщины, с большим умом и талантом»,[4] а затем в другом письме снова повторил, что «она и вправду обладает талантом».[5] Эту оценку он почти дословно приводил позднее в статье о «Племяннице». Взгляд Тургенева, очевидно, разделялся и редакцией «Современника», так как в первой анонимной заметке об этом романе также было сказано, что автор его обладает «прекрасным талантом».

Вполне возможно, что замысел статьи о «Племяннице» был заранее известен не только Евгении Тур, но и Некрасову. Во всяком случае, в письме к Тургеневу в Спасское от 15 сентября ст. ст. 1851 г. он напоминал ему о каком-то «обещании» и обращался «с новою просьбою не забыть прислать», что у него написано, «или написать что-нибудь, буде ничего не написано», так как «пришла крайняя нужда» и уже «на XI книжку» у редакции нет «ни строки». В конце письма Некрасов прибавлял: «Я даю Вам обещание не печатать Вашей статьи, если много вымарают, и продержать корректуру с необыкновенной тщательностью».[6] О какой статье идет тут речь, остается неясным. Однако заметка в ноябрьской книжке «Современника», появившаяся, конечно, не без ведома Тургенева, содержит уже сведения именно о задуманной им статье, посвященной «Племяннице».

Вполне понятно, что для осуществления этого замысла потребовалось знакомство со всем романом, тогда еще находившимся в печати. И оно действительно состоялось до выхода романа в свет. К. Леонтьев в воспоминаниях «Тургенев в Москве» пишет: «Поздней осенью ‹1851 г.› Тургенев, проезжая в Петербург, пробыл в Москве несколько времени и виделся со мною не раз и познакомил меня с графиней С‹алиас›, в доме которой я потом встречал Кудрявцева, Грановского, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, Е. М. Феоктистова».[7] Последний в письме к Тургеневу от 24 декабря ст. ст. 1851 г. сообщал: «Молодой Леонтьев был несколько раз после Вас у графини».[8] Во время встреч с Е. В. Салиас (Евгенией Тур) в Москве осенью 1851 г. Тургенев и ознакомился со всеми частями ее романа, который вышел в свет уже после отъезда писателя в Петербург.

Об этом прямо говорится во второй заметке. Она представляла собою краткую рецензию — отзыв на «Племянницу» («Роман в четырех частях Евгении Тур. Москва. 1851 год») и появилась в отделе «Библиография»

---

[3] *Письма*, т. II, стр. 41.
[4] *Письма*, т. I, стр. 414, 509.
[5] Там же, стр. 416.
[6] *Некрасов*, т. X, стр. 169—170.
[7] «Русский вестник», 1888, № 3, стр. 266.
[8] *Письма*, т. II, стр. 427.

декабрьской книжки «Современника»: «В самом конце ноября получен в Петербурге только что отпечатанный роман г-жи Тур. Мы еще не успели прочесть его в печати, но смело рекомендуем читателям, как потому, что знаем талант автора, так и потому, что самый роман нам хорошо знаком. Читатели „Современника“ также знакомы с его первою частью, напечатанною в прошлом году в нашем журнале. Большой эпизод из „Племянницы“, помещенный в альманахе „Комета“, под названием „Антонина“, также известен публике. И мы намерены еще ближе познакомить читателей с „Племянницею“, посвятив в следующей книжке, в отделе критики, особую статью разбору этого интересного литературного явления».[9]

Таким образом, к концу ноября—началу декабря (цензурное разрешение на выход двенадцатой книжки «Современника» дано 6 декабря 1851 г.) работа Тургенева над статьей настолько продвинулась вперед, что редакция сочла возможным, — опять же, разумеется, с ведома автора, — сообщить о содержании отдела «Критики» следующего номера журнала. «Вся моя литературная деятельность в последнее время, — писал Тургенев 29 декабря 1851 г. (10 января 1852 г.) Е. М. Феоктистову за несколько дней до цензурного разрешения январской книжки, — ограничилась статьей о „Племяннице“, которая явится в 1-м номере „Современника“».[10]

Столь продолжительная работа писателя над сравнительно небольшой по объему статьей не покажется удивительной, если учесть, что «в ней Тургенев по существу изложил свою теорию романа, высказался по поводу будущего развития этого жанра в России».[11] К тому же между рецензией Тургенева на роман Евгении Тур и его собственным — правда, неосуществленным — романом «Два поколения» существует глубокая «внутренняя связь»,[12] которая и придает особый интерес творческой истории статьи о «Племяннице», а также двум приведенным выше заметкам.

К ним примыкают и те строки о романе Евгении Тур в «Литературном маскараде» январской книжки журнала, которые, по вполне справедливому предположению Н. В. Измайлова, могли принадлежать перу Тургенева, [13] принимавшего тогда весьма активное участие в делах «Современника». Об этом свидетельствует, в частности, Е. Колбасин в своих воспоминаниях о Некрасове «Тени старого „Современника“»: «Тургенев как-то прихворнул и записочкой пригласил меня к себе, прося написать под его диктовку разбор какой-то книжонки для „Современника“».[14] У нас нет достаточных данных для утверждения, что и заметки о «Племяннице» были написаны под его диктовку или же и вовсе им самим. Однако и оставаясь

---

[9] «Современник», 1851, № 12, отд. IV, Библиография. Новые книги, стр. 45.

[10] *Письма*, т. II, стр. 39.

[11] Л. Н. Назарова. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853 годы). В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 165.

[12] Л. Н. Назарова. Тургенев — критик. В кн.: История русской критики, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 513.

[13] *Боткин и Тургенев*, стр. 286.

[14] «Современник», 1911, № 8, стр. 221.

пока анонимными,[15] эти заметки представляют определенный интерес для изучения творческой истории статьи Тургенева о «Племяннице» и его связей в 50-е годы с редакцией журнала «Современник».

В. А. Громов

ЭПИГРАММЫ ТУРГЕНЕВА

Среди современников Тургенев слыл любителем острословия и мастером эпиграммы. «Ко всем своим качествам изобретательности, наблюдательности и вдумчивости в явления» Тургенев, по словам П. В. Анненкова, «присоединял еще в значительной доле едкое остроумие и эпиграмматическую способность».[1] «Блестящее остроумие, уменье делать меткие характеристики лиц, юмор — всем этим обладал он в высшей степени», — отмечает Е. М. Феоктистов.[2] Из воспоминаний П. В. Анненкова и Я. П. Полонского следует, что особенно увлекался Тургенев составлением эпиграмм в «молодости»,[3] в 40-х—начале 50-х годов.[4] Эта статья — дополнение к тем суждениям об эпиграмматической деятельности Тургенева, которые в кратком виде высказаны были в заметке о стихотворениях и поэмах, напечатанной в полном собрании сочинений Тургенева (*Сочинения*, т. I, стр. 507; так как автографы эпиграмм Тургенева неизвестны, тексты их не были включены в этот том). Воспоминания Е. М. Феоктистова, А. Я. Панаевой, А. Д. Галахова, Д. В. Григоровича, А. А. Фета, Е. Я. Колбасина, в которых имеются сведения об эпиграмматической деятельности Тургенева, также относятся к 40-м—началу 50-х годов. Тургенев увлекался в это время составлением весьма забавных эпиграмм и «эпиграмматических заметок, имевших пошиб народных поговорок».[5] «Эпиграмматические заметки» были, очевидно, устными экспромтами Тургенева. Анненков указывает, что «слух о меткости эпиграмматических заметок» Тургенева был так распространен, что «В. П. Боткин вздумал однажды записывать его речи и привел свой план в исполнение».[6]

Впоследствии, когда Тургенев «прекратил свою юмористическую деятельность», он оставил «в сыром виде старые попытки и проявления ее», как пишет Анненков. Из этих слов Анненкова, может быть, следует, что

---

[15] См.: В. Боград. Журнал „Современник". 1847—1866. Указатель содержания. Гослитиздат, М.—Л., 1959, стр. 183—184.

[1] *Анненков*, стр. 389.

[2] Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 1.

[3] Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. «Нива», 1884, № 4, стр. 87. — Эти воспоминания Полонского позже были перепечатаны в его книге «На высотах спиритизма» (СПб., 1889, стр. 477—596).

[4] *Анненков*, стр. 388—389.

[5] Там же, стр. 389.

[6] Там же.

некоторые из своих эпиграмм Тургенев записывал. Автографы тургеневских эпиграмм неизвестны. Записи, сделанные Боткиным, вскоре пропали. Анненков высказал предположение, что «затерянная книжка эта где-нибудь должна существовать».[7] Однако эти материалы до настоящего времени не обнаружены. Впервые некоторые эпиграммы Тургенева на Дружинина, Кетчера, Никитенко, Кудрявцева и Боткина опубликовал в 1884 г. в своих воспоминаниях Полонский. Там же упоминалась эпиграмма на И. П. Арапетова, текст которой не приводился, и частично была напечатана эпиграмма на Ф. М. Достоевского («Рыцарь горестной фигуры»).[8] Сведения об эпиграммах и самый текст Полонским давались со слов самого Тургенева. Записаны они были в Спасском 29 или 30 июня ст. ст. 1881 г.[9] «... Тургенев стал припоминать ‹...› свои старые эпиграммы ‹...› Из них лично для меня, — пишет Полонский, — почти что ни одной не было неизвестной. Я, признаюсь, не был их поклонником ‹...› и не мог бы ни припомнить, ни записать их без помощи автора».[10] Разговор об эпиграммах происходил, очевидно, в присутствии Григоровича, приехавшего погостить в Спасское 27 июня 1881 г. «Прибытие Григоровича, — пишет Полонский, — придало нашим беседам несколько литературный оттенок. Вскоре после эпиграмм, когда мы втроем сидели в казино ‹...› Тургенев рассказывал нам содержание одной пришедшей ему в голову фантастической повести».[11]

В 1898 г. Григорович сообщил А. С. Суворину, что у него записано «до 20 горьких эпиграмм» работы Тургенева.[12] По-видимому, из этих записей Григоровича в 1901 г. в «Литературных приложениях» к «Ниве» были опубликованы эпиграммы на Дружинина, Кетчера, Никитенко, Кудрявцева и Боткина, известные ранее по воспоминаниям Полонского, а также полный текст эпиграммы на Достоевского («Рыцарь горестной фигуры»).[13] В предисловии от редакции журнала указывалось, что «не все можно было напечатать; часть записанного не подлежит оглашению по разным причинам».[14] В настоящее время местонахождение этих записей Григоровича неизвестно.

Тексты эпиграмм, записанных Полонским и Григоровичем, а также порядок их публикации совпадают. Это дает основание предположить, что они были записаны одновременно в конце июня 1881 г., когда Полонский и Григорович гостили в Спасском. Характерно, что среди эпиграмм Тургенева, напечатанных по записям Григоровича, имеется эпиграмма С. А. Соболевского на В. Ф. Одоевского («Случилось раз, во время оно»), которую приводит также и Полонский, так как Тургенев прочел сначала

---

[7] *Анненков*, стр. 389.
[8] «Нива», 1884, № 4, стр. 87.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же, стр. 90.
[12] Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927, стр. 42.
[13] «Литературные приложения к „Ниве“», 1901, кн. XI—XII, стр. 391—392 и стр. 622—623.
[14] Там же, стр. 386.

эпиграмму Соболевского, а затем «стал припоминать и свои старые эпиграммы на своих старых приятелей».[15]

Эпиграмма на Достоевского («Рыцарь горестной фигуры»), написанная Тургеневым совместно с Некрасовым, была опубликована также М. П. Драгомановым в 1892 г. В. Е. Евгеньев-Максимов в 1913 г. напечатал эпиграмму на М. В. Белинскую, ошибочно приписав ее Некрасову.[16] Сатирическое «Послание к Лонгинову» и эпиграмму на И. П. Арапетова «Загадка», как предполагалось, написанные Некрасовым, Тургеневым и Дружининым, впервые напечатал К. И. Чуковский в 1927 г. в собрании стихотворений Некрасова по копиям, сохранившимся в бумагах А. А. Краевского («Загадка» напечатана не полностью — 3-е и 4-е четверостишия исключены как не совсем цензурные) и дал к ним комментарий.[17]

* * *

Тургенев, видимо, принимал большое участие в составлении эпиграммы на И. П. Арапетова «Загадка», по поводу которой он говорил Полонскому: «Никто на эти эпиграммы не сердился, кроме Арапетова; тот только один так обиделся, что на много лет перестал со мной кланяться».[18] Эпиграмму на Арапетова приписывает Тургеневу А. Д. Галахов, который в своих воспоминаниях пишет: «...образчик сатиры, доведенный до сарказма или пасквиля, Тургенев адресовал к одному из лиц, известных и в службе и в литературе. Вот первые строки этого злостного послания:

Друг мыслей возвышенных,
Чуть-чуть не коммунист,
Удав для подчиненных,
Перед П‹еровским› — глист.

Само собою разумеется, такими ядовитыми посланиями наживаются непримиримые враги. Действительно, автор и охарактеризованная им личность сошлись только через многие лета».[19]

Полный текст эпиграммы, записанный рукою неизвестного, находится с 1889 г. в Рукописном отделе *ГПБ* (Арх. А. Краевского, № 13б; см. также: Отчет ПБ за 1889 г., стр. 69). Сбоку рукописи рукою Краевского сделана карандашная пометка: «Дружинин, Тургенев и Некрасов».

---

[15] «Нива», 1884, № 4, стр. 87.

[16] Об эпиграммах на Достоевского и М. В. Белинскую см.: *Сочинения*, т. I, стр. 607—609. — Ср.: *Достоевский, Письма*, т. IV, стр. 413—415; Е. В. Базилевская. Мнимая эпиграмма Некрасова. К вопросу об отношениях Некрасова к Тургеневу. *Звенья*, т. I, стр. 185—194.

[17] Н. А. Некрасов, Полное собрание стихотворений, М.—Л., 1927, стр. 426; то же, изд. 7, ГИХЛ, Л., 1934, стр. 582—583.

[18] «Нива», 1884, № 4, стр. 87.

[19] А. Д. Галахов. Сороковые годы. «Исторический вестник», 1892, № 1, стр. 141—142. — Галахов ошибается: приведенные им строки — не первая, а пятая строфа эпиграммы.

«Загадка», вероятнее всего, написана в июне 1854 г., когда Тургенев и Некрасов жили по соседству на даче в Петергофе, где бывал в это время и Арапетов.[20] В начале 50-х годов Арапетов, человек умеренных либеральных взглядов, успешно начинавший свою бюрократическую карьеру в ведомстве уделов, — «весьма неглупый, образованный и живой, но в сущности без всякого внутреннего содержания»,[21] — был знаком со многими литераторами, в частности с Тургеневым, Анненковым, Панаевым, Некрасовым, Дружининым, и часто встречался с ними в литературных кругах. По отзывам современников, это был человек «с довольно резкими манерами, хотя с претензиями на петербургское джентельменство ‹...› сластолюбивый и эгоист»,[22] который «злобствовал на всех и завидовал всем».[23] Тургенев 19 (31) октября 1852 г. с раздражением писал Анненкову о «любезной привычке» Арапетова «тяжело глумиться» и сожалел, что не дал ему отпора, когда Арапетов позволил себе грубые и резкие суждения об одном из «Провинциальных писем» Анненкова.[24]

В свою очередь Анненков 11 (23) ноября 1853 г. сообщал Тургеневу о своей ссоре с Арапетовым, который, по словам Анненкова, «с годами и надо сказать с чинами» привык употреблять «резкие словеса», а вместе с тем «явилось ‹...› запрещение отвечать на словеса! Выходит так, что он мог называть ворами, шпионами, лакеями, кого хотел, на выбор, а вы должны были молчать».[25]

Возможно, что ссора Анненкова с Арапетовым явилась поводом для создания Тургеневым летом 1854 г., когда он общался с Арапетовым, эпиграммы и одновременно образа Помпонского в «Затишье», прототипом которого, как известно, был Арапетов.[26]

В эпиграмме Тургенев зло высмеял барские замашки, деспотизм, грубость, чинопочитание, свойственные, по отзывам современников, Арапетову, которые сочетались в нем с претензиями на свободомыслие.

* * *

Эпиграммы на Кетчера, Кудрявцева, Дружинина и Никитенко (за исключением эпиграммы на Боткина, которая приведена в комментариях) включались в издания: *Тургенев*, *Соч.*, т. XI; *Тургенев*, *Собр. соч.*, т. X. Принадлежность данных эпиграмм Тургеневу устанавливалась на основании сведений, приводимых Полонским и Григоровичем. Печатая эти эпиграммы в собрании сочинений Тургенева, Б. М. Эйхенбаум высказал предположение, что они были написаны в 50-х годах. Более точная дата

---

[20] См. письмо И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову от 10 (22) июля 1854 г. в кн.: Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пгр., 1922, стр. 214—216.
[21] Б. Н. Чичерин. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 135.
[22] Там же.
[23] В. А. Инсарский. Записки. «Русская старина», 1907, № 1, стр. 45.
[24] *Письма*, т. II, стр. 75.
[25] Там же, стр. 522.
[26] См.: *Сочинения*, т. VI, стр. 157 и 520.

появления каждой эпиграммы до сих пор не устанавливалась и подробно они не комментировались. В примечаниях Б. М. Эйхенбаумом были приведены лишь краткие сведения о лицах, изображенных в эпиграммах.

* * *

Эпиграмма на Н. Х. Кетчера:

Вот еще светило мира!
И знаток шампанских вин, —
Перепер он нам Шекспира
На язык родных осин.[27]

Другой вариант этой эпиграммы приписывался С. А. Соболевскому и был включен в сборник его «Эпиграмм и экспромтов», изданный в 1912 г. В. В. Каллашем, с оговоркой о возможной принадлежности данной эпиграммы Тургеневу:

Вот и он, любитель пира
И знаток шампанских вин, —
Перепер он нам Шекспира
На язык родных осин.[28]

В примечаниях В. В. Каллаш указал, что эпиграмма печатается по рукописному сборнику, но библиографических сведений о нем не сообщил.[29] Опубликованный В. В. Каллашем вариант эпиграммы на Кетчера А. Д. Галахов приписывал Некрасову. В своих воспоминаниях «Сороковые годы» Галахов по поводу переводов Шекспира Кетчером замечает: «Достоинство переводов Кетчера — верность, недостаток — отсутствие легкости. „Злобно-печальная“ муза Некрасова игнорировала первое (хотя оно главное) и зацепила второй (хотя он дело второстепенное)», — и приводит далее текст эпиграммы на Кетчера.[30] В. Каллаш основывается на данных неизвестного нам рукописного сборника, составлявшегося, очевидно, гораздо позднее времени появления эпиграммы; Галахов приводит тот же, что и Каллаш, вариант эпиграммы. Это дает основание предположить, что А. Галахов записал эпиграмму после того, как она широко распространилась, и приписал ее «злобно-печальной музе Некрасова», что противоречит шутливо-дружескому тону эпиграммы.

Принадлежность Тургеневу эпиграммы на Кетчера подтверждается следующими соображениями: 1) Тургенев прочел свою эпиграмму на Кетчера Полонскому и Григоровичу 29 или 30 июня 1881 г. в Спасском; [31]

---

[27] «Нива», 1884, № 4, стр. 87. — См. также: «Литературные приложения к «Ниве», 1901, кн. XII, стр. 622—623.

[28] С. А. Соболевский. Эпиграммы и экспромты. М., 1912, стр. 21 и 113.

[29] Там же, стр. 113.

[30] А. Д. Галахов. Сороковые годы, стр. 409.

[31] «Нива», 1884, № 4, стр. 87.

2) Полонский указывает, что все эпиграммы, которые вспомнил Тургенев, за исключением эпиграммы на Достоевского, явившейся для Полонского «новостью», были ему известны еще прежде как тургеневские;[32] 3) эпиграмма на Кетчера с указанием принадлежности ее Тургеневу опубликована и по записям Григоровича;[33] 4) по свидетельству А. Фета, в то время, когда он познакомился с Тургеневым (в конце мая 1853 г.), Тургенев любил повторять свои эпиграммы на друзей, «например, Кетчера и Анненкова».[34] Хотя текст эпиграммы на Кетчера Фет не приводит, можно думать, что речь идет об упомянутой выше эпиграмме, поскольку никакой другой эпиграммы на Кетчера не известно. Слова эпиграммы «Перепер он нам Шекспира на язык родных осин» дают основание предположить, что она могла быть написана Тургеневым скорее всего в связи с окончанием Кетчером перевода драматических произведений Шекспира, над которым он работал с 1841 по 1850 г. В 1850 г. в Москве вышел последний, 18-й выпуск драм Шекспира в переводе Кетчера. В феврале 1851 г. в «Современнике» появилась библиографическая заметка о переводах Кетчера, в которой отмечалось, что эти переводы — важное событие в культурной жизни России.[35] В это время, с 21 января (3 декабря) 1850 г. до начала февраля 1851 г., Тургенев находился в Москве и часто встречался с Кетчером. По воспоминаниям Е. М. Феоктистова, «Боткин, Грановский и Кетчер были обычными посетителями Тургенева».[36] С. А. Соболевский не мог в это время общаться с Кетчером, так как поселился в Москве лишь в 1852 г.[37]

Таким образом, имеются все основания утверждать, что эпиграмма на Кетчера принадлежит Тургеневу и могла быть написана им в январе—феврале 1851 г. В эпиграмме Тургенев в дружеской, шутливой форме дал свою оценку прозаического перевода Шекспира Кетчером, очень добросовестного, но мало поэтичного.

* * *

По свидетельству Полонского и Григоровича, Тургеневу принадлежит эпиграмма на П. Н. Кудрявцева:

Он хлыщ, но как он тих и скромен,
Высок и в то же время томен,
Как старой девы билье-ду;
Но, возвышаясь постепенно,
Давно стал скучен несравненно
Педант, вареный на меду.[38]

---

[32] Там же.
[33] «Литературные приложения к „Ниве“», 1901, кн. XII, стр. 622—623.
[34] *Фет*, ч. I, стр. 39.
[35] «Современник», 1851, № 2, отд. V, стр. 90—91.
[36] Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. 1848—1896, стр. 10.
[37] С. А. Соболевский. Эпиграммы и экспромты, стр. 9.
[38] «Нива», 1884, № 4, стр. 87; «Литературные приложения к „Ниве“», 1901, кн. XII, стр. 623.

Полный текст эпиграммы, записанный Дружининым, обнаружен нами в *ЦГАЛИ*:

Кудрявцев, локоть отставляя
И взором только помавая,
Перед графинею стоит,
И с хамоватой сей графиней
О преподобной Антонине
Муж хлыщеватый говорит.
Он хлыщ! Но как он тих и скромен
Он сладок, мил и вместе томен,
Как старой девы билье-ду.
Но, возвышаясь постоянно,
Давно стал скучен несказанно
Педант, вареный на меду.[39]

«Хамоватой графиней» Тургенев называет Е. В. Салиас де Турнемир (псевдоним Е. Тур) — автора романа «Племянница», одно из действующих лиц которого — Антонина. В № 1 «Современника» за 1852 г. была напечатана рецензия Тургенева на этот роман, в которой он указал на неумение автора «Племянницы» создавать типические образы. Тургенев писал Е. М. Феоктистову 29 октября 1851 г. (10 января 1852 г.), что «не мог не взглянуть иронически» [40] на героев романа Е. Тур. В течение января—февраля 1852 г. в московском кружке графини Салиас, к которому принадлежал и профессор Московского университета Кудрявцев, шли бурные споры по поводу статьи Тургенева. Из Москвы 28 января (9 февраля) 1852 г. Феоктистов писал Тургеневу: «Критика ваша на „Племянницу" понравилась тут [очень] многим умным людям — но Москвитянины на нее в ярости и хотят разбирать ее».[41] 18 (26) февраля 1852 г. Феоктистов сообщил, что Грановский — самый «жаркий защитник» Тургенева.[42] Самым ярым его противником был, очевидно, Кудрявцев, так как Боткин в письмах к Тургеневу от 16 (28) января и 11 (23) февраля 1852 г. указывает на него как на главного виновника крайнего недовольства графини Салиас статьей Тургенева. 16 (28) января 1852 г. Боткин писал, что неприятное впечатление, которое произвела на графиню Салиас статья Тургенева, «было подтоплено Кудрявцевым — и за ним Катковым и Галаховым».[43] 11 (23) февраля 1852 г. Боткин снова сообщил Тургеневу, что «графиня все еще продолжает негодовать», так как ее «авторское самолюбие, разжигаемое хвалами *сентиментального педанта* и не имеющего своего мнения Галахова, совершенно затемнили здравый смысл дамы».[44] «Сентиментальным педантом» Боткин называет именно Кудрявцева, чело-

[39] *ЦГАЛИ*, Архив А. В. Дружинина, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 52.
[40] *Письма*, т. II, стр. 39.
[41] Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 165.
[42] Там же.
[43] *Тургенев и Боткин*, стр. 12.
[44] Там же, стр. 14—15 (курсив наш, — *Е. Г.*).

века в высшей степени педантичного и вместе с тем склонного к отвлечённому романтизму.[45] Так как выражение Боткина «сентиментальный педант» очень близко словам эпиграммы — «Педант, вареный на меду», — можно предположить, что или Боткин перефразировал Тургенева и эпиграмма к 11 (23) февраля 1852 г. была ему известна, или это письмо Боткина послужило поводом к созданию эпиграммы. Следовательно, эпиграмма могла быть сочинена Тургеневым не ранее второй половины января и не позднее начала февраля 1852 г. В словах эпиграммы «но, возвышаясь постепенно, давно стал скучен несравненно» Тургенев имеет в виду недавнее назначение Кудрявцева (14 апреля 1851 г.) профессором всеобщей истории Московского университета. В 1862 г. Ап. Григорьев в книге «Мои литературные и нравственные скитальчества», характеризуя Кудрявцева, указал на меткость эпиграммы, которая уловила «комические стороны типа сентиментального романтика» и «резко выразила эти комические черты в стихе: „Педант, вареный на меду“».[46]

* * *

Из эпиграммы на В. П. Боткина, как указывает Полонский, Тургенев вспомнил лишь одно четверостишие:

К нему читатель не спешит
И журналист его боится,
Панаев сдуру набежит
И, корчась в муках, дале мчится.[47]

Это же четверостишие записал Григорович и включил в «Литературные воспоминания».[48] В 1901 г. эпиграмма в том же виде была напечатана в «Литературных приложениях к „Ниве“» по тексту записных книжек Григоровича.[49] Поводом к сочинению этой эпиграммы послужил, по-видимому, спор между Тургеневым и Боткиным об одном рассказе молодого литератора К. Н. Леонтьева.

Среди современников Тургенев прослыл за человека податливого «на покровительство молодым талантам», как пишет А. Н. Пыпин.[50] Анненков в статье «Молодость Тургенева» также говорит об этом, добавляя, что иногда эта слабость Тургенева приводила к «комическим результатам».[51] В начале 50-х годов Тургенев особенно восхищался К. Н. Леонтьевым и «провозгласил его рассказчиком вне сравнения».[52] Боткина же, по сло-

---

[45] См.: К. Н. Бестужев-Рюмин. Воспоминания. СПб., 1900, стр. 23.

[46] Ап. Григорьев, Собрание сочинений, вып. 1, М., 1915, стр. 30.

[47] «Нива», 1884, № 4, стр. 87.

[48] Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Гослитиздат, Л., 1961, стр. 121.

[49] «Литературные приложения к „Ниве“», 1901, кн. XII, стр. 623.

[50] А. Н. Пыпин. Н. А. Некрасов. СПб., 1905, стр. 13.

[51] *Анненков*, стр. 393.

[52] Там же.

вам Анненкова, «ничто так не возбуждало и не оскорбляло, ‹...› как превознесение человека без достаточных оснований».[53] По отзыву Е. Я. Колбасина, Боткин «крайне желчный и беспощадно ядовитый в своих отзывах», был «грозою литераторов», которых он язвил «отравленными стрелами своих насмешек».[54] О столкновении Тургенева с Боткиным наиболее подробно рассказывает Анненков со слов Боткина: «Достав одно из произведений г. Леонтьева и прочитав его внимательно, Боткин дождался панегириста и с документом в руке ‹...› требовал, чтобы он показал, где тут сила и гениальность. Разбор его был до того резок и привязчив, что Тургенев не выдержал и убежал в сад, „где и принялся сочинять на меня эпиграмму“, прибавлял Боткин. Эпиграмма вышла действительно забавная. Пародируя пушкинского „Анчара“, Тургенев предоставил роль *древа яда* самому Боткину, умерщвляющему все живое кругом себя: „Панаев сдуру налетит и, корчась в муках, погибает“ и проч.».[55] О столкновении между Тургеневым и Боткиным по поводу какого-то произведения К. Н. Леонтьева имеются сведения у А. Н. Пыпина и А. Д. Галахова. «Около половины пятидесятых годов, — пишет Пыпин, — он ‹Тургенев› отрекомендовал Краевскому одну повесть, о которой наговорил и своим друзьям в „Современнике“; когда повесть явилась в печати, Боткин прочитал ее и обрушился на Тургенева — как он мог видеть в повести какие-то достоинства, которых в ней вовсе не было ‹...› Тургенев не находил оправданий».[56] По словам Галахова, «Тургенев увлекся рассказами одного из московских студентов медицинского факультета Леонтьева и начал через меру восхвалять их»; Боткин попросил Тургенева прочесть ему лучшие места рассказов Леонтьева, но чем больше Тургенев читал, «тем больше Василий Петрович хмурился и, наконец, напустился на своего приятеля», заявив, что рассказ — «ерунда, дичь».[57] П. В. Анненков указывает, что Боткин «достал одно из произведений Леонтьева» и «с документом в руке» вел спор с Тургеневым. По рассказу Пыпина, приведенному выше, Боткин прочитал повесть Леонтьева после появления ее в печати. Свидетельства Анненкова и Пыпина дают основание предположить, что предметом спора явился рассказ Леонтьева «Немцы», напечатанный в 1854 г. в «Литературном отделе» «Московских ведомостей» (№№ 6—10, с 14 по 23 января) без подписи автора и под другим названием — «Благодарность». Это единственное произведение Леонтьева 50-х годов, появившееся в печати.

В середине мая 1854 г., вероятнее всего, и произошел спор Тургенева с Боткиным по поводу повести Леонтьева, после которого была написана эпиграмма на Боткина. «Анчар» стал распространенным в лите-

---

[53] Там же.

[54] Е. Колбасин. Тени старого «Современника». «Современник», 1911, кн. 8, стр. 238. — В последних словах можно видеть влияние эпиграммы Тургенева, впервые сравнившего Боткина в Анчаром.

[55] *Анненков*, стр. 393.

[56] А. Н. Пыпин. Н. А. Некрасов, стр. 13—14.

[57] А. Д. Галахов. Сороковые годы, стр. 138.

ратурных кругах прозвищем В. П. Боткина. В октябре 1856 г. Дружинин, например, сообщил Тургеневу, что получил послание от «Васиньки, который явился Анчаром и прислал ‹...› послание, исполненное яду и меду».[58]

* * *

Эпиграмма на А. В. Дружинина записана Полонским и Григоровичем.[59] Григорович приводит сведения об истории создания эпиграммы: 7 февраля 1856 г. в Петербурге, в доме архитектора А. И. Штакеншнейдера, был поставлен фарс «Школа гостеприимства», сочиненный Тургеневым, Боткиным, Григоровичем и Дружининым летом 1855 г. в Спасском. По словам Григоровича, Дружинин, который передал рукопись пьесы семье Штакеншнейдер, назвал автором фарса Тургенева, «умолчав о нашем сотрудничестве».[60] В день представления, 7 февраля 1856 г., Дружинин, «желая, вероятно, подшутить над Тургеневым, уговорил его ехать вместе к Штакеншнейдерам»,[61] поставив Тургенева тем самым в весьма неловкое положение, так как пьеса провалилась с позором. «Неуместная шутка Дружинина, — пишет Григорович, — не прошла ему даром. Тургенев отплатил ему следующею эпиграммой:

Дружинин корчит европейца, —
Как ошибается, бедняк!
Он труп российского гвардейца,
Одетый в английский пиджак».[62]

Сведения, которые приводит Григорович, ошибочны: 1) из его слов следует, что Тургенев не знал о готовящемся спектакле и 7 февраля 1856 г., когда состоялось представление, впервые приехал к Штакеншнейдер; но Е. А. Штакеншнейдер в «Дневнике» за 1856 г., 1 февраля, когда шла подготовка к спектаклю, записала, что «Тургенев, Дружинин и Григорович хотят играть у нас. Они были в прошедшую субботу»; [63] 2) Григорович сообщает, что в доме Штакеншнейдер автором пьесы считали Тургенева; между тем в «Дневнике» Е. А. Штакеншнейдер 1 февраля 1856 г. записано: «Пьесу, которую думают они играть, они сами все вместе сочинили и уже играли в деревне у Тургенева».[64] Григорович 7 февраля на представлении «Школы гостеприимства» не присутствовал, и его предположение, будто создание эпиграммы связано с раздражением Тургенева против Дружинина в связи с этим спектаклем, противоречит тому, что писал 8 (20) фев-

[58] *Тургенев и круг Совр.*, стр. 190.
[59] «Нива», 1884, № 4, стр. 87; Д. В. Григорович. Литературные воспоминания, стр. 150; «Литературные приложения к „Ниве“», 1901, кн. XII, стр. 622.
[60] Д. В. Григорович. Литературные воспоминания, стр. 149.
[61] Там же, стр. 150.
[62] Там же.
[63] Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 115.
[64] Там же.

раля 1856 г. Тургенев Боткину: «Вчера у Штакеншнейдер на домашнем театре давали „Школу гостеприимства“ — и она произвела скандал и позор — половина зрителей с омерзением разбежалась — я спрятался и удрал — а Дружинин стоял среди публики, как утес среди волн. Григорович, который всё еще тут витает, совсем не явился. Лучше всего было то, что эту чепуху приписывали мне».[65] В письме Тургенева нет ни раздражения против Дружинина, ни обвинения в том, что «эту чепуху» приписали Тургеневу по вине Дружинина. Само содержание эпиграммы, которая носит политический характер, не соответствует поводу, который приводится в воспоминаниях Григоровича. Очевидно, были другие причины, вызвавшие недовольство Тургенева политической ориентацией Дружинина.

Крайне раздражала Тургенева, например, в 1856 г. статья Дружинина о Белинском. С декабря 1856 г., когда в «Библиотеке для чтения» была напечатана статья Дружинина «Критика гоголевского периода и наши к ней отношения», и до февраля 1857 г. в письмах к разным корреспондентам Тургенев резко отзывается о выступлении Дружинина. Написано «холодно и — в сущности — бесполезно», — характеризовал он статью Дружинина в письме к Л. Н. Толстому 16 (18) декабря 1856 г.[66] «От нее веет холодом и тусклым беспристрастием. Этакими икусно спеченными пирогами с „нетом“ — никого не накормишь», — высказал Тургенев свое мнение Е. Колбасину 14 (26) декабря 1856 г.[67] «Статья вышла тупая — точно птица без клёва», — сообщал Тургенев Герцену 27 декабря 1856 г. (8 января 1857 г.).[68] Консерватизм и откровенная реакционность суждений Дружинина о Белинском могли раздражать Тургенева как по идейным, так и по личным причинам. Личные причины были связаны со стремлением Тургенева оторвать Толстого от вредного влияния Дружинина. В конце 1856 г. Тургенев стремился разъяснить Толстому роль и значение Белинского в русской истории и литературе. Толстой в это время сблизился с Дружининым, что отражалось на его суждениях о Белинском. «Вы, я вижу, теперь очень сошлись с Дружининым — и находитесь под его влиянием», — писал Тургенев Толстому 8 (20) декабря 1856 г.[69] В письме от 16 (28) декабря 1856 г., в котором Тургенев высказывает свою точку зрения на значение Белинского, он, намекая на Дружинина, выражает надежду увидеть Толстого «разочарованным насчет элегантной и джентельменской воздержанности, которая, пожалуй, очень у места в „Revue des 2 Mondes“ или в „Revue Britannique“ — но к нам не пристало, как говорится, ни к коже, ни к роже».[70]

В письмах Тургенева отмечается внешний европейский лоск Дружинина, который сочетается с политической тупостью и консерватизмом, — именно то, что раздражало Тургенева в Дружинине и было отмечено в эпиграмме. Непосредственным поводом к созданию эпиграммы могла

---

[65] *Письма*, т. II, стр. 338.
[66] *Письма*, т. III, стр. 61.
[67] Там же, стр. 58.
[68] Там же, стр. 70.
[69] Там же, стр. 54.
[70] Там же, стр. 62.

послужить острота, направленная Дружининым против Тургенева и задевавшая его политические убеждения. 2 (14) декабря 1856 г. Е. Колбасин, сообщая Тургеневу петербургские новости, отметил, между прочим, что Толстой питает «благоговение» к Дружинину и повторяет его мнения: «Недавно Толстой сказал брату: „Ах, батюшка, если б вы знали, как Дружинин необыкновенно зло и верно выразился, сказав, что в России только три демократа: Апухтин, Чернышевский и Тургенев“».[71]

Приведенные материалы дают основание предположить, что эпиграмма на Дружинина могла быть сочинена в конце 1856 г. и явилась ответом на реакционные выпады Дружинина против Белинского и нападки личного свойства на Тургенева. Эпиграмма была, очевидно, написана Тургеневым в Париже, где он в это время находился. Полонскому Тургенев говорил: «Дружинин, например, первый смеялся, когда я прочел ему: „Дружинин корчит европейца...“».[72] Тургенев виделся с Дружининым в середине июля 1857 г. в Зинциге, где Дружинин гостил у него три дня.[73] К этому времени острота обоюдного недовольства, очевидно, сгладилась.

* * *

Эпиграмма на А. В. Никитенко известна по записям Полонского и Григоровича: [74]

Исполненный ненужных слов
И мыслей, ставших общим местом,
Он красноречья пресным тестом
Всю землю вымазать готов.

Два первых стиха эпиграммы процитировал Некрасов в «Заметках о журналах» за март 1856 г. («Современник», 1856, № 4). Некрасов отметил, что женщинам-писательницам, по его мнению, «вредит — как бы деликатнее выразиться? — то, что они ‹...› преисполнены „ненужных слов и мыслей, ставших общим местом“».[75] Возможно, что эпиграмма появилась незадолго до марта 1856 г. Суждение Тургенева о Никитенко как человеке весьма умеренных либеральных взглядов, придерживающемся официальных точек зрения, и общественном деятеле, любящем громкие фразы, могло быть высказано Тургеневым в середине 50-х годов, когда Никитенко принимал деятельное участие в общественно-литературной жизни Петербурга. Так как в эпиграмме говорится о «красноречии» Никитенко, то следует предположить, что она написана в связи с каким-то выступлением Никитенко, на котором присутствовал Тургенев. В середине 50-х

---

[71] *Тургенев и круг Совр.*, стр. 299.
[72] «Нива», 1884, № 4, стр. 87.
[73] *Письма*, т. III, стр. 135.
[74] «Нива», 1884, № 4, стр. 87; см. также: «Литературные приложения к „Ниве“», 1901, кн. XII, стр. 623.
[75] *Некрасов*, т. IX, стр. 396.

годов Тургенев и Никитенко встречались на литературных чтениях и «литературных обедах».

В 20-х числах февраля 1856 г. Никитенко был у Тургенева, где Островский читал свою пьесу «Семейная картина», а потом драму, тоже заимствованную из русских нравов и быта.[76] Через два дня состоялся «литературный обед» у Гончарова, на котором присутствовали Тургенев, Никитенко, Краевский, Боткин, А. Майков и многие другие.[77]

Возможно, что эпиграмма на Никитенко была написана после этих встреч, т. е. в 20-х числах февраля 1856 г., и вскоре после этого, в марте 1856 г., использована Некрасовым в «Заметках о журналах».

В 1873 г. А. Фет добился права носить фамилию дворянского рода Шеншиных.[78] Тургенев писал ему 12 (24) декабря 1874 г.: «...как Фет, вы имели имя, как Шеншин, вы имеете только фамилию».[79] Острота Тургенева, видимо, распространилась. Ее приводит Галахов в своих воспоминаниях вместе с эпиграммой на ту же тему: «Узнав, что один из наших талантливых поэтов вместо прежней своей фамилии, с которой уже соединена была его известность, принял другую, он заметил: „Какая жалость! У этого человека было *имя*, а он променял его на *фамилию*“. Кстати, приведу появившееся на этот случай четверостишие:

Как снег вершин,
Как фунт конфет,
Исчезнул Ф‹ет›
И стал Ш‹енши›н».[80]

В шутливом послании Тургенева Фету из Парижа от 30 марта (11 апреля) 1864 г. имеются следующие строки:

И шепчут гор верхи: «Где Фет! Где тот поэт,
Чей стих свежей икры и сладостней конфет?».[81]

Так как в эпиграмме, которую приводит Галахов, повторена острота Тургенева в выражениях, близких его шутливому посланию к Фету 1864 г., можно предположить, что автором ее был Тургенев.

---

[76] *Никитенко*, т. I, стр. 431.

[77] См.: Письма к А. В. Дружинину 1850—1863. Редакция и комментарии П. С. Попова. М., 1948, стр. 72—73.

[78] *Фет*, ч. II, стр. 270—276, 282—283.

[79] *Письма*, т. X, стр. 339.

[80] А. Д. Галахов. Сороковые годы, стр. 142. — Без упоминания имени Тургенева эта эпиграмма процитирована в воспоминаниях В. К. Истомина «На закате» (см.: Яснополянский сборник. Тула, 1965, стр. 147). Истомин отметил отрицательное отношение Л. Н. Толстого к эпиграмме на Фета.

[81] *Письма*, т. V, стр. 246.

* * *

В рукописном сборнике поэтических произведений разных авторов, принадлежащем Аполлону Александровичу Майкову, нами обнаружена эпиграмма на инспектора Московского университета И. А. Шпеера:

Се Шпеер, се Омар, се бегемотов внук,
Что страх как бережет Россию от наук.[82]

Текст эпиграммы помещен под рисунком, изображающим Шпеера — человека маленького роста и очень тучного. После двустишия в скобках сделано примечание: «Шпеер — инспектор М. Университета с 1848—1853. Сравнение сделано впервые И. С. Тургеневым на Университетском акте».[83]

Запись эпиграммы рукою Майкова относится ко второй половине 1853 г. или к январю 1854 г., так как на стр. 112 (оборот) и стр. 113, предшествующих эпиграмме, некоторые записи датированы июнем 1853 г., на стр. 115 (оборот) после записи эпиграммы одно из стихотворений датировано 22 января 1854 г. Примечание Майкова, в котором говорится, что «сравнение сделано впервые Тургеневым», дает основание предположить, что это был устный экспромт Тургенева, появившийся ранее времени его записи Майковым. Из воспоминаний одного студента Московского университета следует, что когда он осенью 1853 г. поступил в университет, эпиграмма на Шпеера была широко распространена среди студентов. По его словам, «это был очень толстый человек, лет около шестидесяти, с огромною, всегда коротко остриженною головою и с широким лицом, на котором как-то пресмешно размещались: нос, напоминавший пуговицу, оседланный черепаховыми очками, и широчайший рот с отвислыми губами, постоянно сложенными в какую-то недовольную, брезгливую гримасу <...> Про этого Шпеера ходило между студентами не знаю кем сложенное двустишие:

Се — Шпеер! Се — Омар, се бегемотов внук,
Оберегающий Россию от наук!».[84]

Майков указывает, что острота была сказана Тургеневым на университетском акте, который происходил, как известно, ежегодно 12—13 января. Следует предположить, что речь идет об университетском акте 1851 г., так как январь 1851 г. Тургенев провел в Москве. Майков мог записать старую эпиграмму Тургенева, метко характеризующую Шпеера в связи с назначением его в 1853 г. директором I Московской гимназии, или эта запись могла быть связана с университетским актом в январе 1854 г. Иван Абрамович Шпеер (1823—1893) был инспектором Московского уни-

---

[82] *ГПБ*, ф. 452 (Собрание А. А. Майкова), № 610, стр. 115.
[83] Там же.
[84] Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина. «Русская старина», 1895, № 12, стр. 131—132.

верситета с 1849 по 1853 г. Человек «весьма ограниченных способностей»,[85] исполнительный чиновник, старавшийся изо всех сил угодить начальству, Шпеер грубо и бесцеремонно обращался со студентами и был ими прозван «гасителем просвещения».[86] Постоянные насмешки вызывала наружность Шпеера. «Толстый, некрасивый и необходительный господин, — пишет о нем А. Н. Афанасьев, — ‹...› был весьма удачно прозван студентами моржом».[87] Прозвище «бегемотов внук» также прочно утвердилось за Шпеером.[88]

С 1857 по 1862 г. Шпеер был гродненским гражданским губернатором. Проводимая им политика насильственной руссификации поляков и крепостнические замашки его жены вызвали гневные отклики Герцена в «Колоколе».[89]

Тургенев, видимо, принимал участие в составлении эпиграммы на А. А. Краевского:

К портрету Краевского

Вот он — тоже сочинитель!
Вот он — наглый мародер!
Из холопов управитель,
Конокрад и живодер,
Незнакомый ни с Европой,
Ни с родною стороной,
Он берет свинцовой ‹...›
И чугунной головой.
С виду важен как писака,
Тиснувший стихов тетрадь,
Как в ошейнике собака,
Как разряженная ‹...›.
Осторожен как татарин
И расчетлив как купец,
Либерал как русский барин
И как барин — весь подлец.
Он чужой жиреет кровью
И чужим живет умом,
И полиция с любовью
Отзывается о нем.
Он Булгарина подлее,
Но никем еще не бит;
Он [90] своей глупее,

[85] «Русская старина», 1902, № 6, стр. 532.
[86] Там же, 1895, № 12, стр. 135.
[87] Там же, 1886, № 8, стр. 362.
[88] Там же, 1896, № 3, стр. 643.
[89] *Герцен*, т. XV, стр. 7 и 50.
[90] Пробел в подлиннике.

Но почти что знаменит.
Аноним в литературе,
Имя бранное для нас,
Он с успехом корректуре
Отдает досужий час.
И, бессовестный редактор
Добросовестных трудов,
Наживается как фактор
Из бердических жидов.
Как он лает на Фаддея!
Как сродни ему Фаддей!
Поумней Фаддей Андрея,
Поопрятнее Андрей.
Тот и с рожи страшно гадок,
Хриплый голос издает, —
Наш Андрей как пьявка гладок
И малиновкой поет.
Из чего же брань и злоба,
Что за странные слова? —
Добиваются ведь оба
Монополи воровства.
Но Андрей — любимец рока,[91]
День победы недалек,
И на нового Видока
Смотрит с ужасом Видок.

Приведенный текст эпиграммы впервые был опубликован Н. О. Лернером по рукописному сборнику, составленному М. И. Семевским.[92] Эпиграмма записана М. И. Семевским в сентябре 1857 г.; автором ее назван А. И. Кронеберг.

Эту же эпиграмму обнаружил Е. Г. Бушканец в рукописном сборнике 50-х годов, принадлежавшем П. А. Ефремову, где рукой Ефремова зачеркнуто «Кронеберг» и поставлено «И. Тургенев».[93]

Указание П. А. Ефремова, в котором допущено колебание, недостаточно для окончательного решения вопроса об авторстве Тургенева. Содер-

[91] Сноска в подлиннике:

День победы недалек,
И на нового Видока
Смотрит с завистью глубокой
Патентованный Видок.

[92] См.: *Звенья*, т. VI, стр. 792—793. — Сборник М. И. Семевского находится в Рукописном отделении *ГПБ* (Q, XVII, 91, стр. 191—193).

[93] Е. Г. Бушканец. Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов. «Известия Академии наук СССР. Отд. литературы и языка», 1962, т. XXI, вып. 4, стр. 344. — Сборник П. А. Ефремова находится в *ЦГАЛИ* (ф. 1296, оп. 2, ед. хр. 55).

жание эпиграммы дает основание предположить, что ее автором был А. И. Кронеберг.

Осенью 1845 г. произошло столкновение А. Кронеберга с А. Краевским, который отказался выплатить Кронебергу гонорар за отдельное издание романа А. Дюма «Королева Марго» в переводе Кронеберга, напечатанного ранее в «Отечественных записках». Когда Кронеберг пригрозил судом, Краевский прислал ему гонорар, но отказался от его сотрудничества в «Отечественных записках». Эта, по словам Белинского, «позорная история»,[94] все более прояснявшая стремление Краевского эксплуатировать своих сотрудников, и послужила, скорее всего, поводом к созданию Кронебергом эпиграммы.

Весьма возможно, что Тургенев, разделявший мнение Белинского и его друзей о Краевском,[95] принял участие в составлении эпиграммы. Вариант последних четырех строк эпиграммы, появившийся, видимо, в момент ее создания, указывает на «редакцию» основного текста, которая могла принадлежать Тургеневу.

Е. А. Гитлиц

РУЦЫН И РУДИН

Николай Карлович Рутцен (1826—1880),[1] которого орловские и мценские соседи называли Руцыным, окончил Московский университет. Это был оригинал и чудак, провинциальный умник и фантазер, владевший несколькими полуразоренными имениями.

Тургенев познакомился с Н. К. Рутценом, вероятно, в Москве.[2] С 1842 по 1846 г. Рутцен учился на математическом факультете Московского университета и почти все это время жил у Т. Н. Грановского, в верхнем этаже его квартиры. Тургенев бывал здесь не однажды. Биограф Н. К. Рутцена, впрочем, отмечает, что он вел в студенческие годы крайне уединенный образ жизни.[3]

---

[94] См. письмо Белинского Герцену от 2 января 1846 г.: *Белинский*, т. XII, стр. 252—254. — О ссоре Кронеберга с Краевским рассказывает также Некрасов в письме к Кетчеру 10 сентября 1845 г.: *Некрасов*, т. X, стр. 44—45.

[95] См.: Вл. Орлов. Литературно-журнальная деятельность А. А. Краевского. «Ученые записки Лен. гос. университета», 1941, серия филолог. наук, вып. 11, стр. 22—56.

[1] Н. К. Рутцен родился и провел детские годы в сельце Костюрино недалеко от г. Малоархангельска. Зиму семья проводила обычно в Орле, где Рутцен окончил гимназию.

[2] Еще раньше, в одном из писем к сыну, В. П. Тургенева сообщала: «Зиму располагаю жить в Орле, Рутцена дом нанимаем, куда дядя сейчас едет» (письмо от 23 августа (4 сентября) 1838 г.: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), ед. хр. 96).

[3] А. Р-н. ‹А. А. Рутцен›. Николай Карлович Рутцен. Биографический очерк из эпохи освобождения крестьян. «Русская старина», 1882, № 3, стр. 602.

Этот период П. В. Анненков называл впоследствии «эпохой публичных лекций Грановского».[4] Герцен печатал о Грановском статьи в «Московских ведомостях» и «Москвитянине».[5] Поэтому слова об «уединенности» юноши-студента Рутцена, живущего в доме любимца университетской молодежи, не следует понимать буквально.

После окончания университета Рутцен уезжает к себе в деревню,[6] твердо решив пожертвовать ученой карьерой ради служения общественному благу. Т. Н. Грановский проводил молодого кандидата двухчасовым напутствием. Увлекшись, профессор «горячо проповедовал ему о высоте тех обязанностей, которые связаны с его новым положением».[7]

«Немец по фамилии, русский по душе и воспитанию»,[8] Рутцен, на манер провинциального помещика, любил рассуждать и прожектерствовать. Но прилагать длительные усилия к какому-то реальному делу совершенно не умел. У него не было решительно никаких навыков и способностей для практической деятельности.

Жизнь в деревне у Рутцена началась с попыток осуществить далеко идущие планы переустройства имений. Он мучился с делами и хозяйством. Начал было улаживать запущенные отношения с кредиторами. Но каждый раз такие попытки кончались описью и сдачей имения в опеку.

«Встретясь с Н‹иколаем› К‹арловичем› где-то в обществе, — сообщает биограф Рутцена, — Ив. Серг. Тургенев спросил его, чем он занимается в деревне. Н‹иколай› К‹арлович› отвечал ему: „описываю свои имения“, и хотя Тургенев с первого разу этого не мог понять, но это выражение вполне характеризовало его тогдашнюю деятельность относительно имений».[9]

Рутцен то увлекался охотой, то углублялся в изучение механики. Неожиданно для всех он принял должность почетного попечителя Рыльского уездного училища, посещал уроки и экзамены. Выдвинул идею преобразования уездных училищ по всей России в прогимназии. Даже ездил отстаивать этот проект к министру народного просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову.

---

[4] *Анненков*, стр. 222.

[5] В «Московских ведомостях» (1843, 27 ноября, № 142) была напечатана статья А. И. Герцена «Публичные чтения г. Грановского. (Письмо в Петербург)», в «Москвитянине» (1844, № 7, стр. 167) — ее продолжение: «О публичных чтениях г. Грановского. (Письмо второе)». См.: *Герцен*, т. II, стр. 111—115, 121—127.

[6] Н. К. Рутцен проживал в 50—60-е годы в селе Хотетово Орловского уезда. Впоследствии переехал на жительство в имение отца — село Покровское Фатежского уезда Курской губернии.

[7] «Русская старина», 1882, № 3, стр. 602—603.

[8] Там же, 1884, № 6, стр. 609.

[9] Там же, 1882, № 3, стр. 605. — Знакомство И. С. Тургенева с Н. К. Рутценом продолжалось, по-видимому, длительное время. В 1859 г. М. А. Маркович (Марко Вовчок) спрашивала Тургенева в письме «Не видели ли вы Рутцона? ‹...› Если знаете адрес сестры Рутцена Татариновой — напишите» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 265).

Вспомним, как герой Тургенева, Рудин, рассказывал Лежневу о своей недолгой службе в качестве преподавателя гимназии: «...я не удовлетворялся кругом действий, который мне был назначен... уж это, ты знаешь, моя слабость. Я хотел коренных преобразований, и, клянусь тебе, эти преобразования были и дельны и легки».

С первых лет пребывания в деревне Рутцен стал распространять среди друзей идею грандиозного плана освобождения крестьян от крепостного состояния посредством выкупа земли. Он обратился с этим предложением в опекунский совет, начал везде хлопотать.

Проект этот был прост, как идея вечного двигателя: собрав по подписке известную сумму, предполагалось выкупить у какого-нибудь помещика деревню с землей. Затем, предоставив крестьянам этой деревни свободу, заложить их землю в опекунский совет, а на вырученные от заклада деньги выкупить вторую деревню, которая опять закладывается. Выкупается третья деревня, и так до тех пор, пока не будут отпущены на волю крестьяне всей России. Не теряя времени, Рутцен открыл подписку для сбора средств. Обязанности казначея взял на себя его приятель, А. О. Левицкий. Но дальше сбора 50 рублей дело не пошло. На этом, как и следовало ожидать, все окончилось.

Рутцен умел блестяще популяризировать свои начинания, поэтому, несмотря на поразительную наивность выдвигаемых им социальных и экономических проектов, он считался государственно мыслящим человеком, чуть ли не Сперанским в масштабе Орловской и Курской губерний.

«Николай Карлович, — вспоминал близко знавший Рутцена Е. Л. Марков, — имел замечательный талант слова. Речь его была в высшей степени естественна, проста и жива, как откровенная дружеская беседа, но она вместе с тем сверкала такими яркими образами, таким тонким остроумием, поражала такой убедительною и строгою логикой, что бороться с нею было очень трудно и перед нею часто умолкали самые решительные противные взгляды. Я не сомневаюсь, что в странах, где ценятся парламентские дарования, такой оригинальный ораторский талант, как Рутцена, мог бы играть выдающуюся роль в политических и общественных собраниях».[10]

Приводим теперь авторскую характеристику Рудина: «Он говорил прекрасно, горячо, убедительно ‹...› Он говорил мастерски, увлекательно, не совсем ясно ‹...› Он не искал слов: они сами послушно и свободно приходили ему на уста ‹...› В спорах он редко давал высказываться своему противнику и подавлял его своей стремительной и страстной диалектикой».

Напомним, что Рудину также не было чуждо увлечение всякого рода преобразовательскими «проектами». Например, его двухлетние агрономические эксперименты в имении педанта-барина в Смоленской губернии: «Планы, брат, у меня были громадные: я мечтал о разных усовершенствованиях, нововведениях...», — говорил Рудин Лежневу.

---

[10] «Русская старина», 1882, № 3, стр. 598.

В другой раз Рудин, как известно, пытался вместе со своим приятелем Курбеевым («Это был человек удивительно ученый <...> Проекты самые смелые и неожиданные так и кипели на уме...») превратить одну реку в К... ой губернии в судоходную.

Рутцена долгие годы занимал проект, которому он придавал огромное общественное значение. Им был изобретен «способ перевозки грузов по снегу и по льду посредством парового двигателя».[11] Рутцен считал, что это «доставит России неисчислимые выгоды».[12]

Рудин говорил Лежневу о своем замысле перевозки грузов по реке: «А проект, ей богу, был недурен и мог бы принесть огромные выгоды».

Автор панегирической биографии Рутцена в «Русской старине» пишет, что это изобретение составляло idée fixe Рутцена до конца его жизни. Проект остался невыполненным якобы «сначала за недостатком свободных средств, потом за охватившей его общественной деятельностью, а наконец за недостатком здоровья и энергии».[13]

В действительности это изобретение было таким же дилетантским и лишенным всякого практического смысла, как и попытка Рудина сделать реку судоходной. Друг семьи Рутценов, М. А. Маркович, сообщила однажды Тургеневу, что Рутцен заказал за границей свою машину для перевозки тяжестей зимою.[14] Тургенев ответил ей 10 (22) июля 1859 г.: «Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение... После этого найдется человек, который придумает машину, которая будет час нести ложку ко́ рту».[15]

Оказывается, по расчетам изобретателя передвижение грузов должно было производиться очень медленно — «от одной до трех верст в час».[16]

Рудин погиб на баррикадах в Париже. «Баррикадами» Рутцена стала его деятельность в период крестьянской реформы. Здесь проявилось благородство его натуры, свободолюбивые устремления, верность прогрессивным идеалам своей молодости. Позднее один из жандармских офицеров говорил о «неблагонадежности некоторых комиссаров комиссии по крестьянским делам и подозрительном направлении самого г-на Рутцена».[17]

Накануне объявления манифеста орловские дворяне пытались провести в собраниях проект адреса об освобождении крестьян «без земли». Он считался бы принятым только в случае единогласного утверждения Дворянским собранием. Н. К. Рутцен, не жалея сил и времени, ездил по всем четырем уездам, где у него были имения, чтобы не допустить принятия адреса. Когда кричали: «Мы все единогласно желаем без земли», — Рутцен вставал и говорил: «Я дворянин Орловского уезда, и я желаю с землею!».

---

[11] «Журнал мануфактур и торговли», 1859, т. VIII, отд. II, стр. CXCI—CXCIV.
[12] «Русская старина», 1882, № 3, стр. 606.
[13] Там же, стр. 606.
[14] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 273.
[15] *Письма*, т. III, стр. 319.
[16] «Журнал мануфактур и торговли», 1859, т. VIII, отд. II, стр. CXCII.
[17] «Русская старина», 1884, № 6, стр. 610.

То же повторилось в Малоархангельском, Мценском и Болховском уездах.[18]

С введением института мировых посредников Н. К. Рутцен был избран посредником 2-го участка Малоархангельского уезда. Он старался сделать удобные для крестьян разверстания и, как многозначительно говорится в публикации «Русской старины», ему удалось «сохранить порядок в своем участке, не прибегая ни разу к помощи военной силы».[19]

Помещики относились тогда к мировым посредникам, как к своим управляющим, призванным соблюдать интересы владельцев. Не видя сочувствия со стороны Рутцена, они стали называть его «хамским посредником», беспрестанно писали на него жалобы и анонимные доносы.

Это еще в большей степени укрепило за Рутценом репутацию человека крайне либеральных воззрений. В 1865 г. в Третье отделение поступил донос о распространении нигилизма среди молодежи и дворян Орловской губернии. Рутцен попал в этот список одним из первых.

Дознание окончилось для него благополучно, подтвердив, что для властей это был, в сущности, безобидный человек. Правда, история с распространением нигилизма все-таки помешала Рутцену утвердиться в должности «члена от правительства губернского по крестьянским делам присутствия».

В докладе орловского жандармского управления, в частности, сообщалось: «Руцын — человек образованный, с понятиями довольно либеральными, но был хорошим мировым посредником и не может быть заподозреваем в противоправительственных деяниях, хотя обращает на себя внимание по странностям носимой одежды и вообще внешним видом».[20] Губернатор Левашов покровительствовал Рутцену, поэтому дал ему хорошую аттестацию.

Пока нет оснований говорить о чем-то большем, нежели сходство между литературным героем (Рудиным) и реальным лицом из числа провинциальных знакомых Тургенева (Рутценом).

Говоря о прототипах Рудина, Тургенев указывал, как известно, на М. А. Бакунина. Но нельзя забывать, что личность Бакунина воплотила в себе тип общественного деятеля определенной эпохи, а писателю нужен был, кроме того, бытовой материал, то, что Тургенев называл «взять живьем».

Н. М. Чернов

---

[18] Там же, 1882, № 3, стр. 609. (В Мценском уезде имения Н. К. Рутцена находились в сельцах Бабенки, Михайловское и в дер. Ожимки).
[19] Там же, стр. 614.
[20] *ЦГАОР*, ф. 109, оп. 5, ед. хр. 253, л. 5.

«РУДИН»

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ВОКРУГ РОМАНА (ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ТУРГЕНЕВ)

В историко-литературном комментарии к «Рудину» в «Полном собрании сочинений и писем» И. С. Тургенева,[1] составленном М. О. Габель при участии Н. В. Измайлова, обойден интересный критический материал, характеризующий отношение к Тургеневу и к «Рудину» Чернышевского, ярко отражающий ту борьбу, которую он вел в 1856—1857 гг. за Тургенева с эстетической критикой. Это — неоконченный «Разговор отчасти литературного, а более не литературного содержания». Судя по дате — 20 февраля 1856 г. — на письме «одного из многих» читателей Тургенева, которое предпослано «Разговору...», Чернышевский начал его писать вскоре после выхода в свет февральского номера «Современника» (цензурное разрешение 5 февраля 1856 г.) со второй частью «Рудина». Это свидетельствует о том, что письмо «одного из многих» не могло быть ответом на журнальные рецензии, посвященные «Рудину», так как они стали появляться в марте 1856 г. и позднее — в 1857 г., — в связи с выходом в свет «Повестей и рассказов» Тургенева.

Письмо «одного из многих» и «Разговор...» по его поводу задуманы как полемика с «литературным кружком»,[2] в «тайны» которого не посвящены читатели; хотя этот кружок «представляет собрание людей, замечательнейших по уму и образованности, в высокой степени одаренных благородством характера и любовью к истине; представляет, можно сказать, цвет народного самосознания»,[3] но все же он оторван от широкой массы читателей и в силу этого «подвергается опасности впадать в односторонность и исключительность».[4] Есть все основания думать, что под «литературным кружком» Чернышевский подразумевал приятелей Тургенева, его советчиков. Как известно, Тургенев в октябре 1855 г. приехал вместе с В. П. Боткиным в Петербург и привез первый вариант «Рудина». В кругу литераторов, собиравшихся в квартире Некрасова, деятельно обсуждалась эта повесть. Чернышевский, естественно, был в курсе всего, что говорилось о «Рудине». В своих «Воспоминаниях об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве между Тургеневым и Некрасовым» он называет среди читавших роман до его напечатания, кроме В. П. Боткина и Некрасова, еще А. В. Дружинина, Е. Ф. Корша и Н. Х. Кетчера.[5] Можно думать, что Чернышевский, не вмешиваясь в споры, но не во всем соглашаясь с консультантами Тургенева, задумал написать сатирическую статью-памфлет, направленную против приятелей-критиков Тургенева.

---

[1] *Сочинения*, т. VI, стр. 547—584.
[2] *Чернышевский*, т. III, стр. 776.
[3] Там же, стр. 777.
[4] Там же.
[5] Там же, т. I, стр. 738.

«Разговор отчасти литературного, а более нелитературного содержания» создан несомненно в традициях Белинского. Образцом памфлетного жанра мог явиться для Чернышевского «Небольшой разговор между литератором и нелитератором о деле не совсем литературном», вставленный Белинским в «Литературные и журнальные заметки».[6] Здесь в диалоге между читателем и критиком дается комментарий к стихотворению М. А. Дмитриева «К безымянному критику», посредством намеков и иносказаний раскрывается нелитературная его цель — донос на Белинского — и воссоздается образ реакционного писаки. Чернышевский использует разработанную Белинским форму памфлета — «разговора» — с иной целью. У него «один из многих», читатель, обращается к литератору за разъяснениями по поводу критики вообще и по поводу «Рудина» в частности.

Начав писать «Разговор...» под впечатлением от замечаний, высказанных приятелями Тургенева, Чернышевский продолжил работу над ним, когда уже стали появляться в журналах статьи о «Рудине». На это прямо указывает постскриптум, несомненно написанный позднее, чем письмо. В нем сказано, что «одного из многих» не удовлетворили «суждения наших журналов о г. Тургеневе», в которых недооценивалось его «огромное значение в русской литературе» и влияние на публику. «Не бойтесь, — обращается „Один из многих“ к критикам, — преклониться перед благородным писателем, которому так много обязаны мы все».[7] Автор письма дает высокую оценку «Рудину»: «...повесть ‹...› произвела очень сильное впечатление на всех порядочных людей ‹...› она оживила и освежила меня». Сопровождая свое письмо передачей одного из разговоров, возбужденных «Рудиным», признательный читатель делает вывод, что «из действующих ныне писателей наших нет ни одного, заслуги которого перед публикой равнялись бы заслугам г. Тургенева».[8]

Эта характеристика Тургенева и отзыв о «Рудине» в постскриптуме иногда почти дословно совпадают со сказанным Чернышевским в статьях и письмах 1856 и начала 1857 г.[9] Так, по словам «одного из многих», из кружка Станкевича вышли или примыкали к нему «почти все те замечательные люди, которых имена составляют честь нашей новой словесности от Кольцова до г. Тургенева».[10] Тургенев, писал Чернышевский своим корреспондентам, «наша честь», «честь нашей литературы». Он «благороднейший человек», «лучше всех нас, каковы бы ни были его слабости (если излишняя доброта есть слабость), все-таки честнейший и благороднейший человек между всеми литераторами».[11] Поэтому Чернышевский с большой горячностью выступал против критиков, неверно истолковавших роль и значение Тургенева в русской литературе, — таких, как Ше-

---

[6] «Отечественные записки», 1842, № 12, отд. VIII, стр. 105—112.

[7] *Чернышевский*, т. III, стр. 780.

[8] Там же.

[9] В комментариях Н. М. Чернышевской к «Разговору...» высказана та же мысль; она подтверждена лишь ссылкой на письмо Чернышевского к Некрасову от 5 декабря 1856 г. (*Чернышевский*, т. III, стр. 814).

[10] *Чернышевский*, т. III, стр. 179.

[11] Там же, т. XIV, стр. 327, 330, 334.

вырев,[12] Дудышкин,[13] или оскорблявших его инсинуациями, как Катков.[14] «Оскорбить Вас! — да это значит оскорбить нашу литературу...», — обращаясь к Тургеневу, восклицает Чернышевский.[15] Как и «один из многих», он считает, что Тургенев оказывает большое влияние на публику. Отдавая Некрасову первое место по силе воздействия на читателя, Чернышевский вслед за ним ставил Тургенева. В письме, датируемом апрелем—маем 1857 г., он писал Тургеневу: «В настоящее время русская литература, кроме Вас и Некрасова, не имеет никого».[16] Что касается «Рудина», то Чернышевский считал его одним из «блестящих явлений» русской литературы 1856 г.[17]

Приведенные факты находятся в противоречии с тем, что рассказывал Чернышевский в своих «Воспоминаниях об отношениях Тургенева к Добролюбову...» о беседе, происходившей в квартире Некрасова между ним, Боткиным и Некрасовым вскоре после выхода «Рудина» в свет. Со слов Боткина он сообщал о переделках Тургеневым романа, о Бакунине как о прототипе его героя, в изображении которого Тургенев несколько раз колебался в процессе работы между апофеозом и пасквилем, закончив, наконец, под влиянием резкой критики Боткина внесением ряда положительных штрихов в последний вариант образа. «Кажется, и мне самому думалось тогда, — вспоминал Чернышевский, — что характер Рудина — путаница несообразностей. Не умею припомнить теперь ни того, думалось ли мне так тогда, ни того, так ли это на самом деле».[18] Ясно, что в 1857 г. Чернышевский так не думал о «Рудине». «Воспоминания» написаны в 1883 г.; за 27 лет в памяти мемуариста произошло естественное смещение исторических событий, и сказанное им скорее соответствовало тому, что он писал о «Рудине» в 1860 г. в статье «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии. Сочинения американского писателя Натаниэля Готорна. СПб., 1860» (хотя между «Воспоминаниями» и этой статьей тоже есть противоречия),[19] а не тому, как оценивал он повесть Тургенева в 1856 г.

Стержнем памфлета является, по-видимому, незавершенный разговор о «Рудине» между Смирновым, Бульдоговым, Чистомазовым, Ведриным и «одним из многих», фигурирующим под местоимением «я». Н. М. Чернышевская в примечаниях к «Разговору...» полагает, что «в участниках диалога о Тургеневе ‹...› нет оснований искать изображений каких-нибудь реальных лиц: это обобщения, а не портреты».[20] Думается, что это утверждение слишком категорично, потому что в «Разговоре...» есть портретные характеристики, в которых содержатся намеки на определенных лиц,

---

[12] Там же, т. III, стр. 95—96, 103.
[13] Там же, т. IV, стр. 696—697.
[14] Там же, т. IV, стр. 694—695, и т. XIV, стр. 327, 330, 333—334.
[15] Там же, т. XIV, стр. 333.
[16] Там же, стр. 345.
[17] Там же, т. III, стр. 727. — Об оценке Чернышевским «Рудина» см.: *Сочинения*, т. VI, стр. 572—575.
[18] *Чернышевский*, т. I, стр. 739.
[19] *Сочинения*, т. VI, стр. 561.
[20] Там же, т. III, стр. 814.

но есть и портреты-обобщения. Так, Бульдогов — это Чернышевский. Следуя за Белинским в жанре своего «Разговора...», Чернышевский воспользовался и его псевдонимом «Петр Бульдогов», которым был подписан памфлет на Шевырева «Педант. Литературный тип».[21] Чернышевский выступает в диалоге в двух лицах — он и Бульдогов, он и «я», «один из многих».

Можно предположить также, что в образе Смирнова изображен Тургенев. Его внешность, несомненно, напоминает тургеневскую: «...мужчина высокого роста, атлетического сложения, львиной осанки, с широкой грудью, с очень умными глазами и выражением чрезвычайного добродушия на прекрасном лице».[22] В «Разговоре...» Смирнов выступает в роли защитника «Рудина», а не его творца. Как известно, выслушивая критические замечания своих приятелей о повести, Тургенев не всегда соглашался с ними; дополняя и исправляя вариант, созданный в Спасском, он не ломал своего первоначального замысла. В общем он был доволен романом. Таким образом, роль защитника «Рудина» Тургеневу вполне подходила.

У Ведрина, не произносящего ни слова, есть реальный прототип — М. П. Погодин. В пояснительных примечаниях к диалогу сказано: «Ведрин, наружность которого не описывается, по известности ее для памятливых читателей».[23] Этой фразой Чернышевский намекает на популярную в 40-х годах пародию Герцена «Путевые записки г. Ведрина», высмеивающую М. Погодина и его путевой дневник «Год в чужих краях», печатавшийся в «Москвитянине» в 1843 г. В «Очерках гоголевского периода русской литературы», не называя прямо пародию Герцена, но имея ее в виду, Чернышевский писал: «Слог г. Погодина богат странностями, которые подавали даже повод к забавным пародиям».[24] Но М. Погодин не выступал в печати как критик «Рудина», поэтому возникает предположение, что Ведрин — нарицательное имя вообще славянофильского критика, может быть К. Аксакова, положительно отозвавшегося о повести.

Центральный образ в «Разговоре...» — фигура Чистомазова, главного судьи «Рудина».

В. Сушицкий высказал предположение, что в Чистомазове изображен Дружинин.[25] Некоторую аналогию безусловно можно установить. Один из собеседников в «Разговоре...» величает Чистомазова «джентельменом». Сам Чистомазов выговаривает Смирнову, что накануне он заставил его скучать в обществе «нелепых джентельменов». Слово «джентельмен» ведет к Дружинину, англоману, «консерватору на старо-английский лад», по словам Тургенева. Выступая против «нелепого принципа „искусства для искусства", принципа, который снова, но уже без всякого успеха

---

[21] «Отечественные записки», 1842, № 3.
[22] *Чернышевский*, т. III, стр. 781.
[23] Там же.
[24] Там же, стр. 77.
[25] В. Сушицкий. «Рудин» в ранней оценке Чернышевского. (Из неопубликованного наследия Чернышевского). «Ученые записки Саратовского университета», 1934, т. XII, вып. 2, стр. 113—128.

возобновлен был в наше время бессердечными и празднословными литературными джентельменами», И. Панаев имеет в виду Дружинина.[26] К. Дружинину несомненно могут относиться и слова в «Разговоре...» о бездушии, о куске дерева вместо сердца, о воде вместо крови, текущей в его жилах. Такими холодными и бездушными, по мысли Чернышевского, являются люди, считающие литературу не делом жизни, а «бездельем красивого пустословия». В литературе «всякий живой человек ищет жизни и мысли, а не грациозного пустословия», — замечает он.[27] Действительно, в своих критических статьях Дружинин резко выступал против отношения к литературе как к отражению жизни, приговору над действительностью, отрицал ее общественную роль, видел ее значение лишь в форме, абстрагированной от содержания.[28]

Однако образ Чистомазова — не только сатирическое изображение Дружинина. Это обобщенный образ представителя эстетической критики, в который включены черты, характерные не только для Дружинина, но и для Боткина, критическую манеру которого и пародирует Чернышевский.

Чистомазов — «человек со вкусом», судит литературу по требованиям изящного вкуса. В литературном произведении он ищет только художественности, которая заключается, по его мнению, в выписке деталей и мелочей. «Взгляните на картину Жерара Дова, — говорит он, — какая изумительная отделка в каждой подробности! Как чисто и тонко обрисована каждая ничтожнейшая морщинка, каждая едва заметная жилка! Кажется, вы видите поры на этом лице. Взгляните на ландшафт Миериса — как отчетлив и красив каждый листок! Как игриво пробирается сквозь листы луч солнца! Как он трепещет в воде! — Вот что я называю художественностью».[29] Для Чистомазова не существует в произведении искусства содержания. Его внимание привлекает лишь писательская техника, оторванное от идейного богатства мастерство. Он «сам уверен и хочет уверить нас, что писатель — нечто вроде Вестриса или г. Перро, известных балетмейстеров; что писатели — собратья г. Дрекслеру, нашему токарных дел мастеру, который приготовляет нам очень изящные корзиночки, табакерочки, тросточки и гребеночки. Мы восхищаемся тонкою работою г. Дрекслера, вы аплодируете прекрасному искусству г. Перро, — и тем кончается дело».[30]

Ценитель изящной формы, Боткин обращал исключительное внимание на ювелирную отделку произведений. Еще Белинский говорил о Боткине, что он «сибарит, сластена». «Тебе, вишь, давай поэзии да художества — тогда ты будешь смаковать и чмокать губами», — укорял он

---

[26] И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1950, стр. 146.

[27] *Чернышевский*, т. III, стр. 779.

[28] См. интересную статью Б. Егорова: «Эстетическая» критика без лака и без дегтя (В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин). «Вопросы литературы», 1965, № 5, стр. 142—160.

[29] *Чернышевский*, т. III, стр. 782.

[30] Там же, стр. 778.

его.[31] С этой характеристикой вполне совпадают строки из «Воспоминаний о В. Г. Белинском» К. Д. Кавелина: «О В. П. Боткине он ‹Белинский› отзывается так: Боткин съездил в Европу и познакомился с ней, как скиф; заразился европейским развратом, а великие европейские идеи пропустил мимо ушей. Боткин действительно возвратился в мое время из-за границы смакующим буржуем, падким до тонких наслаждений и закрытым наглухо для социальных стремлений того времени».[32]

Действительно, для критической манеры Боткина чрезвычайно характерно смакование деталей в произведениях искусства. Для него сила Тургенева не в чуткости его как художника и умении схватывать главное, наиболее существенное в общественно-политической жизни своего времени, а «в очерке и подробностях».[33] Чрезвычайно характерно, например, что «Записки охотника» он читал «с таким же наслаждением, с каким бывало рассматривал золотые работы Челлини».[34] Ювелирность «Записок охотника» — вот что восхищает Боткина; а за этой филигранной отделкой он не увидел — да и не хотел видеть — богатого их идейного содержания. Он считает Тургенева талантливым писателем, отличительные черты которого — «тонкий артистический юмор, который постоянно задевает читателя то оригинальной метафорой, то неожиданным сравнением, то поэтическим, быстро мелькающим взглядом и постоянно держит его en éveil».[35] В «Накануне» Боткин «упивался поэтическою прелестью подробностей», эпитетами «неожиданными» и «перспективными», а содержание романа, его образы посчитал незначительными, не вызывающими читательского сочувствия.[36]

Итак, «Разговор...» в том виде, в каком он дошел до нас, — памфлет против критиков эстетического лагеря, Боткина и Дружинина; критический документ, отразивший борьбу, которую вел Чернышевский за Тургенева-реалиста с его приятелями-советчиками, стремившимися увести его в мир «чистой поэзии». Он не мог не увидеть, что в «Фаусте», написанном после «Рудина», у Тургенева проявились именно те художественные тенденции, о которых твердили ему в критических статьях, письмах и беседах Дружинин, Боткин, Анненков.[37] В связи с «Фаустом» Боткин говорил Тургеневу, что наконец в этой повести он нашел себя, что он писатель субъективный, что «спокойная, отрешенная от себя объективность» ему никогда не удавалась, что он должен уходить в «созерцание», в «поэзию чувства», в «романтизм чувства».[38] В этих словах сформулированы не только мысли Боткина о Тургеневе, но и взгляд на него Дружинина и Анненкова.

---

[31] *Белинский*, т. XII, стр. 445.

[32] Белинский в воспоминаниях современников. Гослитиздат, М., 1962, стр. 188.

[33] *Фет*, т. I, стр. 273.

[34] П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892, стр. 553—554.

[35] *Боткин и Тургенев*, стр. 42.

[36] «Летописи Гос. литературного музея», 1948, кн. 9-я, стр. 59—60.

[37] См. характеристику отношения Дружинина, Боткина, Анненкова к «Фаусту»: *Сочинения*, т. VII, стр. 404—405.

[38] *Боткин и Тургенев*, стр. 101—103.

Чернышевский был прекрасно осведомлен об «эстетическом нажиме» на Тургенева со стороны его приятелей-советчиков. Его не могло не взволновать их активное стремление вырвать Тургенева из передового, демократического лагеря и увести его в мир «чистой поэзии». «Разговор...» и должен был осмеять сторонников «артистического» направления. Но это не единственный документ борьбы Чернышевского за Тургенева-реалиста. В письме к Тургеневу от 7 января 1857 г. и в указанном выше письме конца апреля—мая 1857 г. он открыто выступает против «аристархов», «тупцов», «ценителей изящного», «гг. Боткиных с братиею». Обращаясь к Тургеневу в «Разговоре...» и в письмах от имени широких слоев демократических читателей, Чернышевский указывал ему единственно правильный в условиях нараставшей в России революционной ситуации путь — путь критического реализма, с его «объективностью» и «дидактикой» (по определению Боткина), каким он шел до сих пор, а не путь «чистой поэзии» с ее «субъективностью» и уходом в «идеальное».

М. О. Габель

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

ТУРГЕНЕВ И ГЕРЦЕН В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ РОМАНА

До сих пор не вполне прояснен вопрос, почему Лаврецкий — один из любимейших героев Тургенева — выступает в романе «Дворянское гнездо» сторонником некоторых славянофильских идей, органически чуждых автору, если судить по его многочисленным высказываниям в различные периоды жизни. Сам Тургенев, как известно, отвечает на этот вопрос так в «Литературных и житейских воспоминаниях»: «Я — коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в «Дворянском гнезде») все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славянофила Лаврецкого разбить его на всех пунктах. Почему я это сделал, — я, считавший славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому, что в *данном случае — таким именно образом, по моим понятиям*, сложилась жизнь, а я прежде всего хотел быть искренним и правдивым».

Таким образом, речь шла о «правдивом» воспроизведении определенной исторической ситуации и об «искреннем», в данном случае сочувственном отношении автора к характерному для времени герою.

Историческая ситуация периода, когда создавалось «Дворянское гнездо» (1856—1858), определялась в России прежде всего процессом начавшейся подготовки к освобождению крестьян — первыми правительственными рескриптами, созданием губернских комитетов, пестротой

и сложностью течений в завязавшейся общественной борьбе и относительной свободой обмена мнений по крестьянскому вопросу в конце периода.

Скрытая же от цензуры полемика началась еще в 1856 г. — по вопросу об общинном землевладении, — и, казалось бы, частная эта тема сразу определила ведущие силы всей предреформенной борьбы.[1]

В центре внимания читающей публики оказались по ходу полемики славянофилы — как знатоки и приверженцы общины, а также как главные оппоненты, с одной стороны, тех, кто стоял за поземельную собственность и за развитие капиталистических отношений в России, а с другой стороны, тех, кто видел в общине ячейку будущего социалистического общества.

Тактически в отношении к крестьянской реформе между славянофилами и революционерами-демократами оказалось больше точек соприкосновения, чем между революционерами-демократами и либералами-западниками. Продолжая спорить со славянофильскими догмами, передовые мыслители эпохи не могли не считаться с тем, что сторонники «русского воззрения», находясь в оппозиции к правительству, выступали соратниками в наступлении на крепостничество, отстаивали историческое право крестьян на землю, призывали к освобождению крестьян с землею при общинном, «союзном» владении ею.

Их критика буржуазного реформизма также совпадала с задачами освободительного движения в конце 50-х годов. Именно поэтому Н. Г. Чернышевский счел необходимым выступить в «Современнике» с призывом пересмотреть «холодное, отчасти насмешливое, отчасти даже неприязненное» отношение к славянофилам и их журналу «Русская беседа». Заметки о мартовских и апрельских номерах журналов в 1857 г. критик почти целиком посвятил разъяснению того, чем полезны обществу славянофилы. Среди лучших их качеств он назвал прежде всего преданность убеждениям, беззаветную любовь к России и обоснованную неприязнь к европейским формам прогресса. Обвинение во вражде «ко всему действительно великому и хорошему в Западной Европе» Чернышевский назвал клеветой на славянофилов, которые «не менее самых заклятых западников» сочувствуют великому и «никому не уступят ни в уважении к таким людям, как Роберт Пиль или Диккенс, Штейн или Гегель, — ни в искренности желания как можно ближе и полнее познакомить русских с благотворными плодами западного просвещения». Но вместе с тем, по мнению критика, нельзя не согласиться со славянофилами и тогда, когда они считают «не слишком завидным нынешнее положение народной жизни в Западной Европе».

В апрельском обзоре журналов Чернышевский вновь рассматривает позицию славянофилов в вопросе об общине и об отношении к Западу и устанавливает ее «ценность для развития гуманных идей» по сравнению с позицией западников: «...если уж выбирать между ними и славяно-

[1] См. об этом в кн.: Н. Г. Сладкевич. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. Изд. ЛГУ, 1962.

филами, — добавляет критик, — то, конечно, надобно отдать предпочтение славянофилам».[2]

К аналогичным взглядам пришел в интересующий нас период и А. И. Герцен. В применении к началу 50-х годов позиция Герцена с достаточной полнотой изложена в его работе «О развитии революционных идей в России» (1851), в разделе «Московский панславизм и русский европеизм».

Признавая за славянофилами благородство их субъективных устремлений, любовь к России и ненависть к деспотизму, Герцен в то же время указывал на ошибочность избранных ими путей к освобождению от этого деспотизма. Проповедуя греческое православие, увлекавшее их к византинизму государственному, славянофилы, наперекор собственным стремлениям к свободе, очутились на стороне правительства. Полные возмущения против насилия, они приходят к политическому и духовному рабству; при всем своем сочувствии к славянской национальности, они удаляются от этой самой национальности через противоположные двери. В результате, по заключению Герцена, учение славянофилов являлось тормозом на пути прогресса, не освобождало, а связывало, не двигало вперед, а толкало назад.

Но во второй половине 50-х годов, когда историческая обстановка в России изменилась и многие славянофилы стали выступать в поддержку великого дела освобождения крестьян, позиция Герцена несколько усложнилась. По-прежнему выступая в печати с обличением консерватизма «славяномердов вроде Крылова, Григорьева, Филиппова», как Герцен называет их в письме к Тургеневу от 17 (29) августа 1857 г., он в то же время считал необходимым заключить перемирие с лучшими представителями славянофильства в целях единения сил, боровшихся за крестьянскую реформу. Об этом Герцен прямо писал И. С. Аксакову 8 ноября (27 октября) 1858 г.: «...несмотря на все разномыслия, в одном мы соединены вполне — в общей искренней любви к России, в страстном желании освобождения крестьян с землею, и во имя этих двух баз мы горячо жмем руку вам и С‹амарину›».[3] Во многом Герцена примиряло со славянофилами неприятие современных ему форм европейской государственности, разочарование в буржуазной революционности, вера в общину как специфически русскую, подсказанную историей форму социального устройства.

Имея в виду Аксаковых, Самарина, Киреевских, Герцен писал: «...я вас больше понимаю и больше сочувствую с вами, нежели с нашими поклонниками централизации и французской болезни...». Протягивая им руку как соратникам, убеждая их присылать в «Колокол» статьи о славянофильском направлении, чтобы «уяснять дружеским спором вопрос», Герцен, однако, не уставал выступать против «ультраславянских мутей», уводивших от общих целей. В названном выше письме Аксакову он писал: «...много еще и очень многое нас делит. Не одна религия

---

[2] *Чернышевский*, т. IV, стр. 722—725, 737.
[3] *Герцен*, т. XXVI, стр. 220.

(она у вас больше натянутое общение с народом, нежели *непосредственное* чувство), но и нетерпимость не только к настоящим деятелям, но и к умершим». При этом имелись в виду декабристы, Белинский, Грановский, «весь наш круг до 46 года», — добавлял Герцен.

В уступках славянофильству обвиняли современники и К. Д. Кавелина, который по этой причине разошелся с редакцией «Русского вестника» и стал печататься в «Атенее». По его собственному признанию, он «сошелся со славянофилами на крестьянском вопросе».[4]

Из сказанного ясно, что в конце 50-х годов XIX в. славянофилы привлекали к себе внимание и симпатии многих людей, принадлежавших к различным сферам русского общества, но одинаково сочувствовавших идеям прогрессивного патриотизма. Содержались в учении славянофилов и такие нравственные принципы, которые воспринимались как принципы национального, народного самосознания.

Таким образом, старинный спор славянофилов и западников решался в этот период патриотически и демократически настроенной интеллигенцией в пользу славянофилов. Эту расстановку общественных сил и имел в виду Тургенев, когда задумывал и писал «Дворянское гнездо».

В 1856—1858 гг. Тургенев, как известно, находился за границей, но принимал живейшее участие в русских делах, как он об этом сам рассказывал в письмах к Л. Н. Толстому и другим корреспондентам. Вопрос о деятельных силах русского общества накануне реформы и связанные с этим социальные, философские и этические проблемы стали основной темой переписки Тургенева и его бесед с друзьями. Эти же вопросы стоят в центре романа «Дворянское гнездо». Писатель отразил в нем сложную идеологическую жизнь русского общества, учитывая и публицистику революционных демократов, и славянофильские взгляды, и мнения своих литературных друзей — Анненкова, Гончарова, Боткина и многих других.

Особую роль в общественной позиции Тургенева этих лет сыграл А. И. Герцен, с которым Тургенев был близок с 40-х годов, интенсивно с ним переписывался и участвовал в его лондонских изданиях, охотно помогая «Колоколу», направлению которого вполне сочувствовал. Оба писателя тяжело пережили поражение революции 1848 г. во Франции и крах революционных иллюзий; перед обоими писателями встал с одинаковой остротой вопрос о нравственном долге человека перед обществом, о соотношении долга и счастья, потребностей натуры и самопожертвования.

В 1857 г. в Лондоне вышел вторым, исправленным изданием сборник «Прерванные рассказы Искандера», включивший в себя неоконченную повесть «Долг прежде всего», которая имеет много общих мотивов с романом «Дворянское гнездо»: в обоих произведениях действию предшествует рассказ о нескольких поколениях одного дворянского рода, сходны отдельные детали повествования (на это указывал А. С. Долинин); из кон-

---

[4] «Вестник Европы», 1886, № 8, стр. 540.

спекта ненаписанных глав видно, что, по замыслу автора, Анатолий Столыгин, главное действующее лицо повести и носитель идеи долга, как и Лиза Калитина, должен был уйти в монастырь. Духовный крах героя вызван сознательным его отречением от всех желаний, от личного счастья, от естественных побуждений свободной личности. Это постоянное самоотречение, по мысли автора, никогда и никому не может принести счастье. К такому же заключению приводит и Тургенев, рассказывая о трагических судьбах Лизы и Лаврецкого. Как видим, оба писателя трактовали понятие долга (существенное для тех, кто искал положительного героя времени) с одинаковых позиций — позиций, не отвечавших заветам ортодоксальной христианской морали.

Вопрос о христианстве, о религии был важен для Тургенева, как и для Герцена, прежде всего своей философско-этической стороной — своим отношением к формам народного самосознания, своим влиянием на становление «нравственного состава личности» (вспомним приводившееся выше письмо Герцена к Аксакову о религии как средстве «натянутого общения с народом» и о религии «истинного чувства»; именно в таком противопоставлении очерчены у Тургенева в «Дворянском гнезде» искренне верующие и формально религиозные персонажи).[5]

О связи этой темы с реальными жизненными впечатлениями Тургенев писал Е. Е. Ламберт 3 января н. ст. 1858 г.: «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой — девушка, существо религиозное; я был приведен к этому лицу наблюдениями над русской жизнью; не скрываю себе трудности моей задачи, но не могу отложить ее от себя».[6]

В годы, когда писалось «Дворянское гнездо», Тургенев часто ездил в Лондон к Герцену и Огареву. Достаточно сказать, что, появившись впервые в Англии в августе 1856 г., Тургенев четыре раза за короткий срок навестил лондонских друзей, ездил к ним ежегодно до 1859 г. и в промежутках между состоявшимися свиданиями планировал еще другие поездки, не осуществившиеся. Особенно упорно Тургенев стремился в Лондон в июле 1857 г., через два месяца после его майской поездки, — и по переписке обоих писателей видно, что для этой встречи существовали причины серьезные. «Я заеду в Лондон перед возвращением в Россию посмотреть на тебя и кое-что переговорить», — писал Тургенев Герцену 5 (17) июля; о том же он сообщал Боткину в конце июля: «...я непременно должен в теченье этой недели съездить в Лондон...». По собственному признанию, он затевал в это время дело, в силу которого должен съездить в Лондон хотя бы «на *один* день».[7] Настойчивыми приглашениями в Лондон отвечал и Герцен. «Здесь тебя крайне нужно», — писал он, например, в августе 1857 г., испытывая потребность обсудить с Тургеневым статью о «Русской беседе». Естественно, что чаще всего обсужда-

---

[5] См. об этом подробнее в примечаниях к «Дворянскому гнезду»: *Сочинения*, т. VII.

[6] *Письма*, т. III, стр. 179.

[7] Там же, стр. 130, 137, 140.

лись в Лондоне различные проблемы освобождения крестьян и связанные с ними организационная и литературная деятельность писателей. Через Тургенева, собиравшегося в Россию, лондонские эмигранты хотели передать А. В. Головнину (секретарю в. кн. Константина Николаевича) соображения Н. П. Огарева о реформе; через Тургенева часто шла в «Колокол» европейская и русская информация; Тургенев поверял лондонским друзьям свои литературные замыслы, отдавая им на суд многие произведения («Фауст», «Поездка в Полесье»), и в 1858 г. летом, перед тем как отправиться в Спасское, где Тургенев собирался писать «Дворянское гнездо», он, руководимый все той же неотступной потребностью общения с Герценом, заехал в Лондон и провел в беседах с ним около трех недель.

Темы бесед Тургенева и Герцена легко прослеживаются по переписке писателей, но в связи с «Дворянским гнездом» они наиболее отчетливо сформулированы в статье Герцена «Еще вариация на старую тему» (открытое письмо И. С. Тургеневу, 1857). Это письмо написано как непосредственное продолжение начатого ранее разговора: «Нет, любезный друг, я не сдержу обещания, данного тебе, и не стану писать статьи в объяснение того, что я говорил о Западе и что говорил о России ‹...› Повторять холодно сказанное тогда с увлечением я отказываюсь — и пишу теперь больше для того, чтоб показать, как я внимательно слушал тебя и искренно принял к сердцу замечания наших друзей».[8]

Из дальнейшего текста видно, какую позицию занимал Герцен и какую Тургенев в споре об особенностях исторического развития России.

«Главные упреки сводятся на два, — писал Герцен, — *во-первых*, что мое воззрение на Запад потрясает верования, необходимые еще у нас; *во-вторых*, что мое воззрение на Россию сближает меня с славянофилами».

По первому вопросу Герцен в качестве ответа повторил основные положения, высказанные им еще в статье «С того берега». Мудрено руководствоваться примером Запада, по мысли Герцена, «когда достаточно одного нумера любой газеты, чтобы увидеть страшную болезнь, под которой ломится Европа»; «Вы любите европейские идеи — люблю и я их, — это идеи всей истории ‹...› В этом мы совершенно согласны. Но вам не хочется знать, что теперичная жизнь в Европе не сообразна ее идеям».

Далее Герцен «с покорностью перед истиной» говорит о том, что не верит в революционные пути исторического прогресса в Европе, глядя на болезненное, одностороннее развитие промышленности, на сосредоточение всех богатств — нравственных и вещественных — в руках среднего состояния, на неразвитость масс, на незрелость и шаткость революционной партии.

«Вот почему, любезный друг, — добавляет Герцен, — я середь мрачного, раздирающего душу реквиема, середь темной ночи, которая падает на усталый, больной Запад, — отворачиваюсь от предсмертного стона великого

---

[8] *Герцен*, т. XII, стр. 423—496. (В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию без ссылок).

бойца, которого уважаю, но которому помочь нельзя, и с упованьем смотрю на наш родной Восток, внутри радуясь, что я русский».

Упрекая Герцена в том, что его воззрение на запад потрясает верования, еще необходимые в России, Тургенев думал о славной плеяде энтузиастов 30-х и 40-х годов, веривших в революционные идеалы и нравственно готовивших себя к борьбе и самопожертвованию. Одного из таких энтузиастов мы узнаем в «Дворянском гнезде» в образе Михалевича. Основной мотив его полемики с Лаврецким — это отношение к идеалам, упрек в забвении великих истин, находящихся вне отдельного человека, требующих служения и жертвы. «Я по-прежнему верю в добро, в истину, — говорит Михалевич, — но я не только верю, — я верую теперь, да — я верую, верую». И Лаврецкого он порицает за то, что нет в нем веры, нет «теплоты сердечной»... «Помещик, дворянин — и не знает, что делать! Веры нет, а то бы знал; веры нет — и нет откровения».

Этот текст почти дословно совпадает с характеристикой Дон-Кихота в статье Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот». Говоря о «высоком начале самопожертвования», характеризующем донкихотство, о бесстрашии бойцов, которые верят в прекрасный идеал, «верят крепко и без оглядки», Тургенев отдавал дань глубокого уважения и симпатии к подобным героическим и цельным натурам. Но нельзя не учитывать, что обаятельный образ Михалевича в «Дворянском гнезде» окружен атмосферой добродушной иронии и самое его место в образной системе романа — это место отживающего свой век идеалиста, способного передать молодому поколению лишь нравственное свое богатство, лишь представление о тех чертах, которые необходимы энтузиастам всех времен в любом деле.

Такая постановка вопроса позволяет заключить, что в споре с Герценом по первому названному им пункту Тургенев во всяком случае учел аргументацию оппонента.

Еще более в этом убеждает отклик Тургенева в «Дворянском гнезде» на второй спорный пункт — об отношении к славянофильству.

Высказав свою точку зрения на европейские дела, Герцен спрашивает: «Не естественно ли в этом положении современному человеку порасширить свой взгляд, осмотреться вокруг, изучить, как другие страны, не вовлеченные в смертный бой Европы, относятся к будущему, чего от них можно ждать, куда они тянут и нет ли там глухой, приготовительной работы».

Вне Европы Герцен называет два деятельных края — Америку и Россию. Но если Америка растет и развивается за счет порабощения колониальных народов, то Россия расширяется по другому закону, представляя собой самобытный, богатый надеждами мир, идущий во все стороны, но крепко сидящий на своей собственной земле. «Что растет, то юно», — утверждает Герцен. В России сохранилась естественная непосредственность сельского быта; шаткие и неустоявшиеся экономические и юридические понятия, как и смутные представления о праве собственности, дают возможность новых исканий в общественной жизни.

Большинство государственных учреждений в России введены насилием и держатся насилием. Между тем, в основе самой народной жизни лежат традиции, которые содержат в себе естественные и перспективные элементы

государственного устройства. И далее Герцен говорит о сельской общине как об исторически сложившейся форме народных социальных устремлений.

С этой частью письма Герцена корреспондирует в «Дворянском гнезде» эпизод спора Лаврецкого с западником Паншиным. Обращает на себя внимание стремление Тургенева откликнуться именно на те вопросы, которые поставил в своем письме к нему Герцен, — откликнуться в той мере, в какой отвечали предмету обсуждения собственные наблюдения писателя. Существует точка зрения, что Паншин в изображении Тургенева настолько жалкая личность, настолько несерьезно относится автор к его поверхностным и несамостоятельным суждениям, что и надо видеть в этой фигуре только пошляка, а уж никак не представителя западничества или другого какого-нибудь идейного течения. На наш взгляд, это заблуждение. Не говоря уж о том, что сам Тургенев назвал Паншина западником и заставил Лаврецкого на полном серьезе с ним спорить, сами суждения и слова, которые произносил в этом споре Паншин, являлись, так сказать, стандартным образцом распространенных тезисов западничества: «Россия отстала от Европы, нужно подогнать ее», «мы больны оттого, что только наполовину сделались европейцами», «у нас изобретательности нет, мы даже мышеловки не выдумали», «все народы одинаковы, хорошие учреждения переделают народный быт» и т. д. и т. п.

В споре с этими суждениями Лаврецкий «отстаивал молодость и самостоятельность России», «доказал невозможность скачков и надменных переделок с высоты чиновничьего самосознания — переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал», «требовал прежде всего признания народной правды и смирения перед нею», т. е. противопоставил Паншину те положения, которые обычно противопоставлялись западничеству со стороны славянофилов.

В исходе спора имеет смысл не только указание Тургенева на то, что Лаврецкий «разбил Паншина на всех пунктах», но и сама эмоциональная атмосфера повествования. Для автора важнее всего, что Лаврецкий, истинно русская натура, полезный деятель, каких много и на кого можно рассчитывать в будущем, был патриотом. Его общественные взгляды, его поступки определялись чувством родины и верой в Россию; Лаврецкий станет рачительным хозяином, научится хорошо пахать землю — и упрочит быт своих крестьян, поднимет их нравственно, вселит в них, «вместе с сознанием упроченной собственности, чувство обязанности и чувство права» — те чувства, которыми была «еще так бедна богатая русская душа» (как говорилось в черновом автографе о деятельности Лаврецкого), — и эта программа была близка и понятна другим хорошим русским людям, слушавшим Лаврецкого, ее одобряла умная, близкая к народу Лиза; все это вместе и составляло ту особенность русской жизни, которую подметил Тургенев в конце 50-х годов и которой он тогда искренне сочувствовал. Вспомним, как прекрасен был летний теплый вечер, когда Лаврецкий победил Паншина в гостиной Калитиных, как много говорила сердцу «могучая, до дерзости звонкая песнь соловья», отвечавшая душевной настроенности героев, — таким высоким лиризмом Тургенев отмечал только то, что ему было понятно и близко.

Обращает на себя внимание не только связь содержания названного эпизода в романе с письмом Герцена к Тургеневу, но и лексические совпадения текста: «Покорность перед истиной» у Герцена — «смирение перед народной правдой» у Тургенева; «невозможность идти путем прежних революций» у Герцена — «невозможность скачков и надменных переделок» у Тургенева; «смутное право собственности» у Герцена — «сознание упроченной собственности» у Тургенева, и т. т. Количество примеров можно было бы значительно умножить, но дело не столько в самих словесных совпадениях, сколько в таком их соотношении, которое наводит на мысль, что роман Тургенева в какой-то мере являлся ответом на вопросы, поставленные в письме Герцена. Подтверждением этого может служить также зависимость между письмом Герцена и направлением подготовительной работы, которую вел Тургенев перед написанием романа.

Выражая свое неудовольствие распрями со славянофилами, Герцен писал Тургеневу: «Увлеченные полемикой, вы не замечаете, как скучны ваши споры и как они надоели. Борьба ваша со славянофилами потеряла интерес, особенно после смерти Николая. Пора бы подвести все эти дрязги под манифест 26 августа 1856 года и предать их забвению с прочими прегрешениями николаевского времени».[9]

Накануне ожидавшегося экономического переворота Герцен убеждал Тургенева найти созвучную струну в направлении «московских литературных старообрядцев», узнать обстоятельнее, чем живут в России, что думают там об освобождении крестьян. Прекращение мелочных споров помогло бы, по мнению писателя, уничтожить заборы, мешающие свободному развитию народных сил. Письмо свое Герцен завершил призывом: «На работу, на труд — на труд в пользу русского народа, который довольно в свою очередь поработал на нас!».

Как свидетельствуют факты, Тургенев прислушался к совету Герцена. Он вступает в интенсивную переписку с Аксаковым и Островским, многих своих корреспондентов — Анненкова, Лонгинова и других — просит подробно информировать его о состоянии «русского воззрения» в России, о популярности «Русской беседы» (по сравнению с «Русским вестником»), о спорах между славянофилами и западниками по различным вопросам. Он требует удаления из переиздававшейся тогда в Петербурге поэмы «Помещик» строк, задевавших славянофилов. Наконец, он и сам выступает в газете «Le Nord» со статьей в защиту славянофилов, обвинявшихся в равнодушии к крестьянской реформе. Рассказывая П. В. Анненкову (в письме от 19 (31) января 1858 г.) о «несправедливой выходке» против славянофилов — «как будто они не желают освобождения крестьян, между тем, как они-то больше всех и хлопотали о нем», Тургенев сделал оговорку, что он заступился за них «с этой только точки зрения».[10]

---

[9] Возможно, что под впечатлением этой мысли Тургенев отнес действие романа «Дворянское гнездо» к 1842 г., когда после указа правительства «Об обязанных крестьянах» создалась ситуация, напоминавшая предреформенный период горячностью споров о путях развития России.

[10] *Письма*, т. III, стр. 192.

С известным ограничением можно говорить и о славянофильстве Лаврецкого в «Дворянском гнезде». Нельзя забывать, что «пункты», на которых Лаврецкий разбил Паншина, названы Тургеневым весьма обобщенно. Характерно и то, что среди них отсутствует такой существенный «пункт», как отношение к сельской общине (если не считать туманных слов о смирении Лаврецкого перед народной правдой).

Это умолчание не случайно. Оно знаменовало несогласие, которое через несколько лет, уже после реформы, вылилось в острую полемику с тем же Герценом в связи с его статьями «Концы и начала». Тургенев еще раз пересмотрел свое отношение к славянофильству. Он не принял в позиции Герцена его социалистических устремлений и упований на общину, как не принял и патриархальной славянофильской общины.

В романе «Дым» писатель выступил с полемикой против Герцена и против своих собственных настроений, нашедших место в «Дворянском гнезде», подчеркнув это и общностью некоторых прототипов в обоих романах (Огарев-Лаврецкий, Огарев-Губарев), и параллелизмом эпизодов спора на сходные темы. На этот раз, в «Дыме», западник Потугин разбивает по всем пунктам славянофильские иллюзии.

Т. П. Голованова

«КНУТ».

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПРИПИСЫВАЕМОЕ ТУРГЕНЕВУ

Кнут

1. Ременный кнут, не безуханный,
Забытый в поле вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

5. Кто дал тебе твой вид приятный,
Тебя тесемкою обвил,
И кто твой кончик сыромятный
Так превосходно прикрепил?

9. Скажи мне, кто владел тобою
И что он был за человек?
С тяжелой, легкой ли рукою,
А главное, — кого ты сек?

13. Стегал ли ты клячонки жалкой
Хребет и впалые бока,
Иль, мирно чередуясь с палкой,
Гулял по ‹...› мужика?

17. Мужчин ли больше ты исправил
Иль также женщин поучал?
И тот — зачем тебя оставил,
Кто, кнут, тобою обладал?

21. Ты, громко девок вызывая
Иль к земскому, иль на гумно,
Иль к барину под сень сарая,
Стучал ли в низкое окно?

25. Иль, может быть, о бич славянской!
Вооружась тобой, холоп
Дал заднице понять дворянской
Тоску простых мужичьих <...>?

29. И что б ни делал ты доныне,
Привет тебе усердный мой,
Опора трона, друг святыни,
Символ страны моей родной.

Стихотворение «Кнут» увидело свет впервые в 1859 г., без имени автора, в лондонском издании «вольной русской типографии» А. И. Герцена и Н. П. Огарева «Полярная звезда».[1] Затем оно несколько раз переиздавалось за границей. Так, в 1861 г. оно без изменений вновь перепечатано было в хрестоматии Н. П. Огарева «Русская потаенная литература XIX столетия»,[2] а еще через несколько лет — в аналогичном стихотворном сборнике «Лютня», вышедшем в Лейпциге,[3] оба раза как анонимное.

Вскоре после смерти Тургенева в Петербурге началась подготовка к изданию сборника его стихотворных произведений, до тех пор еще не включавшихся в собрания его сочинений. «Стихотворения И. С. Тургенева» вышли в 1885 г. отдельной книгой, обратившей на себя внимание и вызвавшей ряд откликов в печати, дополнений и поправок.[4] Один из подобных откликов мы находим также в русском «вольном» периодическом издании, выпускавшемся в Женеве, — газете «Общее дело». Здесь полностью напечатан «Кнут» со следующим примечанием редакции: «Поме-

[1] «Полярная звезда», кн. V, Лондон, 1859, стр. 47.

[2] Русская потаенная литература XIX столетия, ч. I. С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861, стр. 360—361. «Кнут» помещен здесь в отделе «Стихотворения разных авторов». Интересно, что ему предшествует другое анонимное стихотворение на ту же тему и с тем же заглавием: «Кнут (Подражание „Ветке Палестины“)» (начало: «Скажи мне, двигатель народный, Символ народной простоты...»), — приписываемое М. А. Дмитриеву (см.: Е. Бушканец. Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов. (По материалам архива П. А. Ефремова). «Известия Академии наук СССР. Отделение языка и литературы», 1962, т. XXXI, вып. IV, стр. 343).

[3] Лютня. Собрание свободных русских песен. Изд. Э. Каспровича, Лейпциг, 1869, стр. 107—108. — Вошло также в издание «Лютни» 1873 и 1879 гг.

[4] Об издании «Стихотворений» Тургенева 1885 г. см.: *Сочинения*, т. I, стр. 507—508.

щаем стихотворную шалость покойного И. С. Тургенева, как не попавшую в сборник его стихотворений, вышедший недавно в Петербурге».[5]

В русской легальной печати стихотворение «Кнут» не могло появиться вплоть до изменений законодательства о цензуре после революционного взрыва 1905 г. В 1906 г. «Кнут» напечатан в январском номере журнала «Всемирный вестник» с подзаголовком «Неизданное в России стихотворение Ивана Сергеевича Тургенева» и с указанием редакции, что его текст заимствуется из антологии Н. Огарева «Русская потаенная литература».[6] В последующие собрания сочинений Тургенева «Кнут», однако, не включался за отсутствием авторитетных свидетельств об его авторстве. Выжидательную позицию занял М. О. Гершензон. В предисловии к III тому «Русских пропилеев», где объединены были многие несобранные или забытые к тому времени произведения Тургенева, М. О. Гершензон сделал специальную оговорку, что он не воспроизводит здесь стихотворение «Кнут», «неизвестно на каком основании приписанное Тургеневу во „Всемирном вестнике“».[7] Десять лет спустя в книге С. Орловского (псевдоним С. Н. Шиль) «Лирика молодого Тургенева» «Кнут» был назван вновь со ссылкой на тот же «Всемирный вестник» (однако с ошибкой: указана вторая, а не первая книга этого журнала); отношение же исследовательницы к авторству Тургенева оставалось неясным и противоречивым. «Кнут» перепечатан ею по тексту «Всемирного вестника» (с теми же изъятиями), и о стихотворении сначала говорится: «Так как нам не известно опровержение Тургеневым своего авторства, — что он, по всей вероятности, не преминул бы сделать, — можно его допустить»; в «Примечаниях» же к этой книге говорится: «Приводим это стихотворение. Авторство Тургенева считается, однако, не установленным».[8] Аргумент в пользу его авторства, выдвинутый самой исследовательницей, является несостоятельным. При жизни Тургенева, — как мы видели, — «Кнут» с его именем не печатался; следовательно, опровергать Тургеневу было нечего, хотя он несомненно видел все три издания, о которых могла идти речь: «Полярную звезду», «Русскую потаенную литературу» и «Лютню». Ошибка С. Н. Шиль произошла потому, что она доверилась категорическому утверждению редакции «Всемирного вестника» и, кроме того, очевидно, предполагала, что имя Тургенева стояло еще при публикации «Кнута» в «Русской потаенной литературе»; на самом деле Н. Огарев ни при каких обстоятельствах не мог назвать имя автора стихотворения, хотя, конечно, его знал.

---

[5] «Общее дело». Газета политическая и литературная, Женева, 1885, март, № 71.

[6] «Всемирный вестник», 1906, январь (№ 1), стр. 18. — Текст «Кнута» здесь, сравнительно со всеми предшествующими зарубежными публикациями, искажен; по цензурным требованиям, очевидно, пропущен целый стих — «опора трона, друг святыни»; в других местах точками заменено несколько непристойных слов.

[7] Русские пропилеи, т. III, М., 1916, стр. VI.

[8] С. Орловский. Лирика молодого Тургенева. Прага, 1926, стр. 215—216; «Примечания», стр. 13—14. — «Кнут» назван здесь ошибочно «Пародия на Лермонтова».

Вскоре о «Кнуте» снова напомнил Н. О. Лернер в особой статье.[9] Перепечатав стихотворение полностью из «Русской потаенной литературы» 1861 г. с ошибочным указанием, что в этом лондонском сборнике «Кнут» напечатан впервые, Лернер писал: «Эта остроумная, жгучая пародия на известное лирическое стихотворение Пушкина „Цветок“ в старых рукописных сборниках запретных сочинений встречается с именем И. С. Тургенева». В «Русской потаенной литературе» «иные авторы не названы, отчасти повидимому из опасения доставить неприятности тем, которые тогда были в живых и находились в России (например, Некрасов, К. К. Павлова, Аполлон Григорьев), отчасти потому, что редакция и сама не знала авторов некоторых пьес, ходивших по рукам. Имя автора „Кнута“ также не названо, но бывший хозяин экземпляра, находящегося в моих руках, подписал стихотворение именем Тургенева. Заметим, что никому иному оно никогда и не приписывалось: традиция, значит, создалась рано и сохранилась прочно». Впоследствии стихотворение «Кнут» воспроизводилось еще несколько раз, но чаще всего без всякого указания на Тургенева. Так, например, оно вошло в сборник «Мнимая поэзия» (1931),[10] воспроизведенное по тексту «Полярной звезды», затем в сборник «Сатира 60-х годов», по тому же источнику, но с добавлением указания на лейпцигскую «Лютню», — и в том и другом случае без ссылки на возможное авторство Тургенева.[11]

Лишь в 1959 г., перепечатывая «Кнут» в издании «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», С. А. Рейсер снова напомнил о Тургеневе в связи с упущенной из виду или забытой всеми предшествующими исследователями публикацией «Кнута» в Женевском «Общем деле». С. А. Рейсер заметил по этому поводу: «Принадлежность этого стихотворения Тургеневу не доказана, дата его тоже неясна. Однако осведомленность фактического редактора „Общего дела“ Н. А. Белоголового и его непосредственная близость к Тургеневу придает известную авторитетность этому указанию, подтверждая давнюю традицию. В экземпляре „Русской потаенной литературы“, хранящемся в Пушкинском Доме и принадлежавшем А. Ф. Онегину, над этим стихотворением карандашом написано: «И. С. Тургенева ??“».[12]

Что касается редакционного примечания к «Кнуту», напечатанного в «Общем деле» (оно воспроизведено нами выше), то оно действительно является первым по времени и единственным доныне известным печатным

---

[9] Н. Лернер. Из времен крепостничества («Кнут»). Литературно-художественный сборник «Красной Панорамы», Л., 1928, сентябрь, стр. 71—73.

[10] Мнимая поэзия. Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв. Под ред. Ю. Н. Тынянова. М.—Л., 1931, стр. 379—380.

[11] Сатира 60-х годов. Составили Н. Кравцов и А. Морозов. Ред. и предисл. Н. Бельчикова. «Academia», М.—Л., 1932, стр. 284—285, 372.

[12] Вольная русская поэзия второй половины XIX в. Л., 1959 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 714. — «Кнут» напечатан в этой антологии (стр. 56—57) с именем И. С. Тургенева (с вопросительным знаком) и предположительной датой: ‹1859›. В следующем году «Кнут» с тем же предположением об его авторе и дате его создания воспроизведен в книге: Русская стихотворная пародия (XVIII—нач. XX вв.). М.—Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 312—313.

свидетельством о принадлежности «Кнута» перу Тургенева, оставленным одним из младших современников писателя. Текст этого примечания, очевидно, составлен доктором Н. А. Белоголовым (1839—1895), являвшимся в 1885 г. негласным редактором и издателем этой женевской газеты.[13] Так как Н. А. Белоголовый не только знал Тургенева, но даже оставил о нем свои воспоминания, напечатанные вскоре после смерти писателя,[14] то этой безоговорочной и категорической атрибуции «Кнута» Тургеневу можно придавать известное значение. Правда, другой знакомый и корреспондент Тургенева, — на которого ссылается С. А. Рейсер, — А. Ф. Отто-Онегин, знавший писателя ближе и гораздо дольше, чем Белоголовый, выразил явную неуверенность в авторстве Тургенева, когда поставил удвоенный вопросительный знак против его имени как предполагаемого автора «Кнута» в экземпляре антологии Н. Огарева. Тем не менее прав был Н. Лернер, обращая внимание на то, что с именем Тургенева «Кнут» встречается «в старых рукописных сборниках запретных сочинений» и что, помимо того, «никому иному оно никогда и не приписывалось».[15]

Е. Г. Бушканец, изучая нелегальную русскую поэзию середины прошлого столетия, указал на весьма ценный рукописный сборник, сплошь заполненный текстами подобных произведений 50-х годов XIX в. Сборник этот весь переписан рукою известного историка литературы и библиографа П. А. Ефремова; побывавший затем в руках И. А. Шляпкина, он находится ныне в *ЦГАЛИ* (ф. 1296, оп. 2, арх. № 55); последние записи в нем относятся к 1859 г. (т. е. именно к тому году, когда «Кнут» впервые появился в лондонской «Полярной звезде»). П. А. Ефремов внес в свой сборник полный текст «Кнута» не только с именем Тургенева как его автора, но даже указал его дату: 1852 г.[16] Какие основания имел он для

---

[13] Н. Л. Мещеряков. Н. А. Белоголовый и газета «Общее дело». «Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», 1939, вып. 2, стр. 66—70. — Из сообщаемых в этой статье данных явствует, что негласным редактором и издателем этой газеты Н. А. Белоголовый стал с конца 1883 г., но что это держалось в строгой тайне; номинальным редактором «Общего дела» числился Христофоров. Тираж газеты был невелик — всего лишь 500 экземпляров. Значительная часть и раскупалась летом туристами, немало экземпляров оставались, однако, непроданными и возвращались издателю (стр. 69). См. также: М. Пинаев. М. К. Элпидин в 80—90-е годы. (Из истории русской эмиграции). «Русская литература», 1966, № 2, стр. 204—209; Ernefried Eduard Kluge. Die russische revolutionäre Presse in der zweiten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts, 1855—1905. Zürich, 1948, стр. 79, 200. — Возможно, что какие-то рукописи молодого Тургенева или копии с них действительно были в руках издателей Женевского «Общего дела». В 1887 г. в Женеве в той же типографии газеты впервые увидела свет юношеская поэма Тургенева «Поп» (*Сочинения*, т. I, стр. 614).

[14] Н. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, стр. 477—489; ранее было опубликовано в газете «Неделя» от 11 сентября 1883 г. (№ 37) под заглавием «Кое что о болезни И. С. Тургенева» (автор навестил больного Тургенева в Париже и Буживале в марте 1882 и мае 1883 г.).

[15] Н. Лернер. Из времен крепостничества («Кнут»), стр. 72.

[16] Е. Г. Бушканец. Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов. (По материалам архива П. А. Ефремова). «Известия Академии наук СССР.

атрибуции и датировки, — остается неизвестным. Произвольная и никем окончательно не установленная дата создания стихотворения безусловно требует еще окончательного обсуждения. Н. Лернер в цитированной выше статье высказывал предположение, что «пьеса относится к середине прошлого века, точнее сказать — к концу царствования Николая I».[17] По-видимому, повод для такого умозаключения он усматривал в предпоследнем четверостишии «Кнута» (стихи 25—28), где идет речь о биче в руках «холопа» как о средстве наказания им дворянина. Н. Лернер привел несколько мемуарных и документальных свидетельств первой половины 50-х годов о расправах крестьян с помещиками, в частности историю о «высеченном крестьянами камергере», о чем подробный рассказ оставил А. И. Герцен в статье «Русское крепостничество», написанной в 1853 г. для английских читателей (самое событие относится к 1849 г.). Эта история пользовалась некоторой известностью (Герцен не забыл упомянуть о ней и в «Былом и Думах», — см. ч. IV, гл. XXVIII), и вполне вероятно, что она могла внушить автору «Кнута» указанное четверостишие или во всяком случае — по словам Н. Лернера — подтвердить соответствие реальной действительности данному в стихотворении ряду «кнутобойных картин».

Существует еще одна возможность определить реальный повод, давший импульс для создания стихотворения. Можно предположить, что им явилось «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., предписывавшее отменить в России истязание кнутом. «Резкий свист кнута, раздававшийся по утрам на площадях городов, прекратился навсегда, — пишет историк телесных наказаний в России. — Палачам приказано было зарыть всюду в землю эти орудия, чтобы самый вид их не возбуждал в памяти мрачные картины недавнего прошлого. По Уложению 1845 года самым тяжким наказанием была публичная экзекуция плетьми, сопровождавшаяся клеймением и ссылкой на каторгу. Она назначалась за все те вины,

---

Отделение литературы и языка», 1962, т. XXI, вып. 4, стр. 343—344. — В отделе редкой книги Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде есть экземпляр второго издания сборника «Лютня» (1873), в котором рукою П. А. Ефремова автором стихотворения «Кнут» обозначен И. С. Тургенев. В авторстве Тургенева в данном случае не сомневались и другие его современники: С. А. Рейсер любезно указал мне, что «Кнут» категорически приписан Тургеневу в письме землевольца М. Д. Муравского к В. А. Манассеину (от 18 февраля 1861 г.). См.: Ф. Ястребов. Революционные демократы на Украине. Киев, 1960, стр. 291; Р. А. Таубин. Литература и воспитание революционеров в России в эпоху падения крепостного права. «Ученые записки Ульяновского педагогического института», 1962, т. 17, вып. 5, стр. 75—76. — Вероятно, исходя из этой старой рукописной традиции, М. М. Клевенский в обзоре «Герцен — издатель и его сотрудники» (*Лит. насл.*, т. 41—42, стр. 610) также приписал «Кнут» Тургеневу.

[17] Относили «Кнут» и к более раннему времени. Так, например, Е. В. Владимиров, которому «Кнут» был известен по публикации Н. Лернера, почему-то отнес это стихотворение к числу «сильных антикрепостных произведений 40-х годов» (см.: Е. В. Владимиров. Критика крепостной России в раннем творчестве И. С. Тургенева. «Ученые записки Чувашского гос. педагогического института», 1960, вып. IX, стр. 240, примечание). Впрочем, решение вопроса о принадлежности «Кнута» перу Тургенева Е. В. Владимиров оставил открытым.

за которые прежде наказывали кнутом: за воровство, убийство и т. п.» И далее: «При замене кнута плетью правительство стремилось быть как можно пунктуальнее и справедливее. Рассчитали, что один удар кнута в два, два с половиной раза тяжелее одного удара плетью, поэтому вместо 40—50 ударов кнутом давали 100 плетью. Но едва ли такое деление имело основание. Ведь все в конце концов зависело от исполнителя» и т. д.[18]

Отмена наказания кнутом широко обсуждалась в различных кругах русского общества. Широкое распространение получили негодующие слова, сказанные по этому поводу Белинским в его ходившем по рукам «Письме к Гоголю». Называя здесь «самыми живыми, современными национальными вопросами» своего времени «уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть», Белинский отмечал: «Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута треххвостою плетью. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне».[19] Широкую известность указанных слов Белинского подтвердил А. Ф. Писемский, включивший в свой роман «Люди сороковых годов» разговор на эту тему, происходящий на званом вечере у крупного петербургского чиновника: некий капитан объясняет присутствующим, что распространяющееся среди публики письмо Белинского к Гоголю, по его мнению, «возмутительная вещь»... «Как хотите, господа, этими словами он ударил по лицу всех нас и всю нашу историю. — Еще как и ударил-то, подхватил и Эйсмонд. — Далее, потом-с, — продолжал капитан: объясняет, что в России произошло филантропическое заменение однохвостного кнута треххвостною плетью, как будто бы у нас только и делают, что казнят и наказывают» (ч. 3, гл. XXI).

И. С. Тургенев, как известно, хорошо знал письмо Белинского к Гоголю; более того, он жил вместе с Белинским в Зальцбрунне в июле 1847 г., когда это письмо писалось, и, конечно, имел не один случай вести с Белинским беседу о пресловутом «Уложении о наказаниях, уголовных и исправительных» со специальным параграфом об отмене кнута. Тому же Тургеневу, вероятно, известны были также нередкие толки о русском кнуте в иностранной прессе.[20]

---

[18] Н. Е в р е и н о в. История телесных наказаний в России. СПб., <б. г.>, стр. 103; ср. также: А. Г. Т и м о ф е е в. История телесных наказаний в русском праве. Изд. 2, СПб., 1904, стр. 153.

[19] *Белинский*, т. X, стр. 213.

[20] Рассказывая о своем знакомстве в Париже с кн. И. С. Гагариным, Н. С. Лесков приводил такое свидетельство Гагарина: «Вы знаете тут (т. е. в Париже) есть какая русская редкость? Тут есть два кнута, которыми били русские палачи. Кнуты эти привез сюда сын французского маршала Даву, князь Экмюльский. Он купил их тайно через своего агента у палача в Москве. За это тогда многим жестоко досталось от царя Николая. Ну, а кнуты-то всё-таки здесь. В России их теперь, говорят, уже нельзя посмотреть, а здесь можно». К этому свидетельству Лесков прибавляет следующий собственный комментарий: «Такой случай действительно

К какому же выводу приводят нас все вышеприведенные материалы? Нет никаких оснований для утверждения, что «Кнут» не может быть написан Тургеневым. Напротив, многое свидетельствует в пользу того, что стихотворение действительно принадлежит его перу: за это, в частности, говорит и то, что «Кнут» приписывали ему его младшие современники (Н. А. Белоголовый, П. А. Ефремов), и то, что Тургенев безусловно доставлял литературные материалы в лондонские издания Герцена и, в частности, в «Полярную звезду».[21] Мы знаем, наконец, что именно к концу 40-х и началу 50-х годов относится наибольшее количество сатирических стихотворных произведений Тургенева, — эпиграмматических и пародических. Несмотря на все это, следует все же признать, что для категорического и безоговорочного признания авторства Тургенева в данном случае нам не хватает бесспорных документальных данных. В заключение обратим внимание еще на одно обстоятельство, представляющееся нам достаточно важным. В «Русской потаенной литературе» Н. Огарев напечатал рядом два стихотворения на тему о кнуте и с одинаковым заглавием. Первое в подзаголовке названо «Подражанием „Ветке Палестины“ Лермонтова» и действительно является пародией на это стихотворение:

Скажи мне, двигатель народный,
Символ народной простоты,
Какой рукою благородной
И занесен откуда ты? и т. д.

Впервые появилось оно в той же «Полярной звезде», но в четвертой книжке (стр. 288), а не в пятой, и было объединено со вторым стихотворением «Ременный кнут, не безуханный» только в антологии «Русская потаенная литература». Из двух указанных стихотворений Тургеневу всегда приписывалось только второе, представляющее собой пародию на стихотворение Пушкина «Цветок» (1828):

был. Он имел место в Москве, и о нем был всеподданнейший доклад, по которому, в 1832 году, последовало высочайшее повеление: „вперед ни кнутов, ни заплечного мастера *никому* не показывать». (См. „Рус. арх.“, 1867 г.)» («Исторический вестник», 1886, № 8, стр. 272).

[21] См.: С. А. Рейсер. Тургенев — сотрудник «Колокола». *Тургенев, Сб.* (*Бродский*), стр. 136—147. — Корректурные листы «Полярной звезды» на 1857 г. Герцен частями отправлял в Париж Тургеневу и Мельгунову (*Лит. насл.*, т. 62, стр. 334). В сентябре 1859 г. Тургенев писал Герцену из Парижа о декабристе Вегелине: «‹он› привезет ‹. . .› тебе от меня две важные рукописи, которые мне были доставлены для „П‹олярной› З‹везды›“ во время моего пребывания в Виши» (*Письма*, т. III, стр. 340). Еще в марте 1861 г. Тургенев писал Герцену: «За „Полярную звезду“ спасибо, которую я читаю с удовольствием» (там же, т. IV, стр. 211). В недавнее время Н. Эйдельман произвел новые разыскания относительно анонимных корреспондентов лондонских изданий Герцена и Огарева, в частности доказывая вероятность участия Тургенева в «Полярной звезде»; в работе «Тайные корреспонденты „Полярной звезды“» (М., 1966, стр. 109—110) Н. Эйдельман безоговорочно приписывает «Кнут» перу И. С. Тургенева.

Цветок засохший, безуханный
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? Когда? Какой весною?
И долго ль цвел? И сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем? и т. д.

Кто бы ни являлся автором интересующего нас «Кнута», не может быть сомнения в том, что второе стихотворение есть как бы отклик на первое и написано как бы ради поэтического состязания с ним. Тема осталась прежней, но объект пародии изменился — вместо лермонтовского взято пушкинское стихотворение, от чего разработка темы стала ярче и острее.[22] Для определения автора это наблюдение ничего не дает, но время его возникновения все же уточняется. Второй «Кнут», напечатанный в пятой книжке «Полярной звезды», написан не ранее, чем первый «Кнут» появился в четвертой книжке, — если, конечно, это стихотворение не было известно автору второго «Кнута» в рукописи. Во всяком случае оба стихотворения писали разные лица. До находки каких-либо документальных, а не косвенных данных об этом поэтическом состязании на жгучую антикрепостническую тему авторы первого и второго стихотворений останутся анонимными.

М. П. Алексеев

О ПРИПИСЫВАЕМЫХ ТУРГЕНЕВУ СТАТЬЯХ 50-х ГОДОВ

I

В 1923 г. А. И. Белецкий поставил вопрос о принадлежности Тургеневу статей в «Отечественных записках» 1859 г., подписанных «Т. Л.».[1] Как выразился исследователь, «позволительно думать»,[2] что Тургеневым

[22] Отметим, что оба названные стихотворения Лермонтова и Пушкина также генетически связаны друг с другом. В статье «Молодым поэтам» С. Маршак отметил, что «в стихотворении Лермонтова „Ветка Палестины“ слышатся явные отзвуки пушкинского стихотворения „Цветок“ <...> „Ветка Палестины“ осталась в памяти гораздо более широкого круга читателей — и взрослых и юных, — чем небольшое и скромное стихотворение Пушкина „Цветок“. Но для меня — и, вероятно, не только для меня одного — в беглых и хрупких, как бы наскоро набросанных лирических строчках Пушкина таится больше очарования» («Новый мир», 1965, № 9, стр. 234—235). Однако сопоставление обоих стихотворений производилось не раз, в специальной статье впервые еще в 1887 г. (П. Устимович. Литературные заметки. VI. К вопросу о влиянии Пушкина на Лермонтова. «Русская старина», 1887, № 8, стр. 459—462).

[1] См.: А. Белецкий. Из материалов для изучения И. С. Тургенева. *Центрархив, Документы*, стр. 39—41.

[2] Там же, стр. 40.

были написаны рецензии на «Очерки и рассказы» И. Т. Кокорева,[3] «Провинциальные воспоминания» И. Селиванова [4] и роман Г. В. Кугушева «Постороннее влияние».[5] А. И. Белецкий привел некоторые доказательства в пользу авторства Тургенева по отношению к статье о Кокореве.[6]

В 1938 г. это предположение А. И. Белецкого было повторено в рецензии И. С. Розенкранца на двенадцатый том Сочинений Тургенева под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума (М.—Л., 1933).[7]

Заметим, что в одном номере со статьей о романе Кугушева помещена еще одна рецензия, подписанная «Т. Л.», — на книгу А. Афанасьева «Русские сатирические журналы».[8] Ни А. И. Белецкий, ни И. С. Розенкранц не указали также, что в «Отечественных записках» в 1859 г. были напечатаны еще три рецензии, подписанные «Т. Л.», — о «Разных сочинениях» С. Т. Аксакова, о «Чтении для взрослых детей. (Очерки Печорского края)» и о повести В. В. Львова «Серый армяк».[9] Авторская позиция и стилистика всех перечисленных выше статей безусловно свидетельствуют, что все они были написаны одним лицом. Таким образом, в 1859 г. в «Отечественных записках» было напечатано семь статей, автор которых скрылся за инициалами «Т. Л.».

С начала 1856 г., когда в № 1 «Отечественных записок» была напечатана повесть «Переписка», Тургенев не поместил в этом журнале ни одного своего произведения. Отношение Тургенева к А. А. Краевскому в 50-е годы становилось все более отрицательным. В письме к Л. Н. Толстому от 16, 23 декабря ст. ст. 1856 г. он назвал Краевского «спекулятором, который его ‹Белинского› руками загребал деньги и часто себе приписывал его заслуги».[10] Переписка Тургенева с друзьями свидетельствует о том, что он не собирался быть сотрудником журнала Краевского. «Каков, однако, бессовестный Андриас! — пишет он о нем 13 (25) января 1857 г. — Какую статеечку он об „Д‹етстве› и О‹трочестве›“ тиснул! На какие погромы

---

[3] «Отечественные записки», 1859, № 4, отд. III, стр. 121—135.

[4] Там же, стр. 107—121.

[5] Там же, № 7, отд. III, стр. 36—41.

[6] См. об этом ниже, стр. 103—106.

[7] «Slavia», 1938, т. XVI, № 1, стр. 117—118. — Розенкранц счел несомненно принадлежащими Тургеневу статьи о Кокореве и Селиванове и как на возможно тургеневскую указал на рецензию о Кугушеве. Он не привел никаких доказательств в обоснование своих утверждений, ограничившись лишь ссылкой на то, что буквами «Т. Л.» Тургенев подписывался в «Отечественных записках» с 1841 г.

[8] «Отечественные записки», 1859, № 7, отд. III, стр. 45—50.

[9] См. об этом ниже, стр. 103—106.

и 64—66. — «Т. Л.» писал о С. Т. Аксакове: «Конечно, мы не имеем ни малейшей причины не верить ‹...› многочисленным заметкам г. Аксакова о его умственных способностях и нравственных качествах, о высокости его души ‹...› невольно приходит на ум: к чему эти самовосхваления?». Подобный тон и непонимание Аксакова противоречат дружелюбным личным отношениям с ним Тургенева и той оценке творчества Аксакова, которая содержалась в напечатанных ранее двух рецензиях Тургенева (*Сочинения*, т. V, стр. 397—421).

[10] *Письма*, т. III, стр. 61.

я должен готовиться, я, от которого *он уже ничего ждать не может!*».[11] Рецензент, подписавшийся «Т. Л.», в статье о «Провинциальных воспоминаниях» И. Селиванова писал: «Но по обязанности рецензента отдавать обстоятельный отчет о всякой книге, мы должны познакомить и с этой книгой наших читателей».[12] Так мог сказать о себе автор, состоявший чем-то вроде штатного рецензента журнала.

При решении этого вопроса необходимо также учитывать, что 1859 год — это время напряженной работы писателя над романом «Накануне». На первые месяцы года приходится работа над планом, в течение июня—октября роман был написан.[13] Вряд ли подобное напряженное творчество могло сочетаться с написанием еще и нескольких статей. К тому же трудно предположить, чтобы ни в одном из писем к своим друзьям и советникам Тургенев ни слова не обмолвился о них.

Чтобы приписать Тургеневу рецензии за подписью «Т. Л.», в первую очередь требуется объяснить самый факт обращения Тургенева в 1859 г. к рецензированию в журнале Краевского. Из приведенных нами соображений следует, что едва ли было возможно активное участие Тургенева в этом органе, а также его столь интенсивная рецензентская работа в этом году.

Обращение к текстам рецензий «Т. Л.» также не подтверждает предположений об авторстве Тургенева. Так, например, рецензия на «Провинциальные воспоминания» И. Селиванова содержит резко отрицательные суждения об обличительной литературе 50-х годов и М. Е. Салтыкове-Щедрине, в частности.[14] В этом можно усмотреть известную перекличку с отзывами Тургенева 1856—1857 гг. о Салтыкове-Щедрине.[15] Но от рецептов автора рецензии сильно веет официозностью, «охранительностью»: «Другое дело, если б на него ‹обличаемое лицо› стали действовать гласностью, той гласностью, которая, описывая и в официальных донесениях и в газетах неблагородные, гнусные поступки человека, выставляет вместе с тем и имя последнего, — тогда, поверьте, этот же самый господин не посмел бы кивнуть на Петра, а хоть из боязни быть позорно заклейменным перед целым обществом стал бы воздерживаться от многого и таким образом исправился бы нравственно...».[16] Рецензент зачастую впадает в совершенно не свойственную Тургеневу слащавость, как например: «...литература ‹...› первая начала говорить о гуманности и, с радостными слезами встречая

---

[11] Там же, стр. 85 (курсив наш, — *Г. С.*). — В конце 1859 г. Тургенев пишет о намерении работать для «Отечественных записок» (см. ниже на стр. 104). Но об этом говорится в письме к Краевскому, отношения с которым были внешне благополучны и полностью были порваны позже, в 60-х годах. Кроме того, следует иметь в виду, что в это время Тургенев решал вопрос о выборе журнала для себя в связи с назревавшим разрывом с «Современником».

[12] «Отечественные записки», 1859, № 4, отд. III, стр. 109.

[13] *Сочинения*, т. VIII, стр. 496—502.

[14] «Отечественные записки», 1859, № 4, отд. III, стр. 107—109.

[15] См.: *Письма*, т. III, стр. 92, 107, 109, 170.

[16] «Отечественные записки», 1859, № 4, отд. III, стр. 108—109.

эманципацию, представляла планы для народного воспитания и для народного образования».[17]

Рецензия на роман Кугушева заканчивалась следующим абзацем: «Вообще по прочтении „Постороннего влияния“ у читателя, может быть, останется в голове несколько сцен, удержатся ненадолго некоторые мелочи светской жизни, может быть даже, он и понегодует и посердится на всю безнравственность и пустоту нашего светского общества... но он не испытает того впечатления, какое испытывается по прочтении, например, „Обломова“ Гончарова, *«Дворянского гнезда» Тургенева*, «Антона Горемыки» Григоровича и других повестей и романов <...> чтение этого романа не доставит тех приятных минут эстетического наслаждения, какое доставляется чтением упомянутых произведений».[18] Понимая, что вышеприведенное не могло быть написано Тургеневым, А. И. Белецкий и И. С. Розенкранц сочли эти слова вставкой редактора, не приведя при этом никаких доказательств в пользу своего утверждения. Хотя Тургенев и не печатал более своих произведений в «Отечественных записках», он еще поддерживал с Краевским, — судя по переписке, во всяком случае до 1863 г., — деловые отношения, преимущественно содействуя помещению в его журнале произведений других авторов. Можно высказать полную уверенность в том, что Тургенев не потерпел бы подобного редакторского произвола по отношению к своей статье, пусть и псевдонимной, и что это исключило бы уже тогда возможность для него какого бы то ни было общения с Краевским.

Таковы те соображения, которые, по нашему мнению, опровергают предположения о принадлежности Тургеневу рецензий «Т. Л.» на произведения И. С. Селиванова и Г. В. Кугушева в «Отечественных записках» 1859 г.

Г. В. Степанова

II

Предположение А. И. Белецкого, что Тургенев — автор статьи «Очерки и рассказы И. Т. Кокорева»,[19] сопровождалось следующими рассуждениями: в 40—50-е годы Тургенев интересовался физиологическим очерком и «как критик следил за писателями, культивирующими эту форму». В связи с этим А. И. Белецкий напоминал о внимании Тургенева к творчеству И. Т. Кокорева, ссылаясь на письмо к С. Т. Аксакову от 29 июня (11 июля) 1853 г.[20] и на предисловие к роману Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне»;[21] «... статья подписана буквами Т. Л., которыми Тургенев подписывался в „Отечественных записках“ с 1841 г., правда преимущественно под стихотворными произведениями»; в «Опыте словаря псевдонимов рус-

[17] Там же, стр. 108.
[18] Там же, № 9, отд. III, стр. 41. Курсив наш, — *Г. С.*
[19] Там же, № 4, отд. III, стр. 121—135.
[20] *Письма*, т. II, стр. 171.
[21] *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 494—498.

ских писателей» В. С. Кардова и М. Н. Мазаева (СПб., 1891) подпись Т. Л. раскрывалась как принадлежащая только Тургеневу.[22] Однако наиболее существенное доказательство, анализ слога рецензии, исследователь оставил в стороне. Убедительным, на первый взгляд, представляется лишь один довод А. И. Белецкого. Тургенев действительно отзывался об авторе «Саввушки» с чувством глубокой симпатии: «Услышал я о смерти Кокорева, — писал он П. В. Анненкову 9 (21) июля 1853 г., — я прочел „Саввушку“ и искренно пожалел о смерти автора. Много в нем было простоты и теплоты — и при всей наблюдательности — какой-то детски наивный и ясный взгляд на вещи. Жаль его!».[23] Аналогичные высказывания содержатся в письме к С. Т. Аксакову от 29 июня (11 июля) 1853 г. и в предисловии к роману «Дача на Рейне», к которым А. И. Белецкий обращался. Однако этими суждениями интерес писателя к творчеству И. Т. Кокорева исчерпывается.

Другое соображение исследователя в пользу авторства Тургенева нуждается в уточнении и поправках. Во-первых, ни одна критическая статья или рецензия Тургенева, опубликованная в «Отечественных записках» с 1841 г., не была подписана инициалами «Т. Л.». Большинство из них печатались или без подписи, или с подписью «Т.» или «И. Т.» Во-вторых, с 1856 г. Тургенев прекратил сотрудничество в «Отечественных записках».

Об этом писатель сообщал А. А. Краевскому в письме от 20 июля (1 августа) 1856 г.: «...так как я завтра уезжаю за границу, а с будущего года я обязался в течение 4-х лет не участвовать в журналах — то я должен отказаться от надежды дать еще что-нибудь в „О‹течественные› з‹аписки›“».[24] В связи с соглашением, по которому Тургенев, Л. Толстой, Д. В. Григорович, А. Н. Островский должны были, начиная с 1857 г., печатать свои произведения только в «Современнике», рассказ «Переписка» был последней публикацией Тургенева в журнале Краевского (1856, № 1). Лишь в письме от 20 октября (1 ноября) 1859 г. к А. А. Краевскому Тургенев вновь обратился к «Отечественным запискам»: «...готового у меня ничего нет: кое-что начато — и всё, что я могу сказать Вам — это то, что *теперь* я буду работать для „О‹течественных› з‹апи-сок›“, как работал для „Русского вестника“».[25] Таким образом, едва ли возможно предположить, что именно в этот период, с 1856 по 1859 г., Тургенев мог напечатать в журнале Краевского рецензию, несмотря на то что тема представляла для него определенный интерес.

Далее, идейное содержание и стилистика рассматриваемой рецензии полностью снимает вопрос об авторстве Тургенева. Весьма сомнительной кажется принадлежность Тургеневу сентенций, которыми рецензия изо-

---

[22] См.: А. Белецкий. Из материалов для изучения И. С. Тургенева. *Центрархив*, *Документы*, стр. 39—40. Приписывая Тургеневу статью «Очерки и рассказы И. Т. Кокорева», И. С. Розенкранц лишь дословно повторил соображения А. И. Белецкого («Slavia», 1938, т. XVI, № 1, стр. 117).

[23] *Письма*, т. II, стр. 172.

[24] Там же, стр. 378—379; ср. с письмом к А. В. Дружинину от 13 (25) января 1857 г.: там же, т. III, стр. 85.

[25] *Там же*, т. III, стр. 355 (курсив наш, — *Н. М.*).

билует. Например, говоря о героях И. Т. Кокорева, автор, скрывавшийся за псевдонимом «Т. Л.», писал: «все они бедняки ‹...› но под оборванными лохмотьями, под безнравственною обстановкою мы видим все-таки человека: прислушиваемся к биению его сердца, следим за малейшими движениями его души и, не замечая ни тени презрения к нему, встречаем *одно только христианское участие, милующее, а не карающее*»;[26] *«Эта мысль о высокой христианской любви к падшим, к меньшим братьям* беспрестанно высказывается в лице „Саввушки“»;[27] «...с любовью останавливаясь на быте *меньших братьев наших* ‹...› он ‹...› невольно говорил о страдании, о теплом участии и братской помощи *падшим людям этого быта*»[28] и т. п.

Религиозно-славянофильская трактовка «Очерков и рассказов» И. Т. Кокорева, апелляция к «христианской любви» к «падшим братьям» — все это было чуждо Тургеневу, автору «Записок охотника», и не имело ничего общего с его реалистической, исполненной подлинного гуманизма оценкой таланта молодого автора: «...в „Саввушке“ злополучного, скоро погибшего И. Т. Кокорева, — писал Тургенев в предисловии к роману Ауэрбаха «Дача на Рейне», — чувствуется, при всей скудости содержания и неумелости исполнения — своеобразная, теплая струя, которая дается только особенной, бытовою близостью автора к описываемым нравам».[29] «Много в нем было теплоты и наблюдательности».[30]

Таким образом, статья об «Очерках и рассказах И. Т. Кокорева», напечатанная в «Отечественных записках» (1859, № 4), на наш взгляд, Тургеневу не принадлежит. Ее автор, человек несомненно литературно образованный, был, очевидно, постоянным сотрудником «Отечественных записок» 1859 г. Об этом свидетельствует ряд его литературно-критических статей информационного характера, написанных для журнала А. А. Краевского.[31] В той же роли официального рецензента этот неизвестный нам автор выступал и на страницах «С.-Петербургских ведомостей» 1859 г. Его перу принадлежит рецензия на «Журнал для воспитания» за 1878 г.,[32] отмеченная, как и многие его статьи, моралистическими сентенциями, и довольно содержательный отзыв об «Истории Русской словесности» С. П. Шевырева (ч. III, М., 1858).[33] Обе статьи подписаны криптонимом «Т. Л.». Примечательно, что в «С.-Петербургских ведомостях» от 8 января ст. ст. за 1859 г. (№ 5) в разделе объявлений были перечислены те именно книги («Провинциальные воспоминания» И. Селиванова, «Очерки и рассказы» И. Т. Кокорева, «Чтение для взрослых детей. Очерки Печерского края», «Разные сочинения» С. Аксакова), статьи о которых публиковались спустя некоторое время в «Отечественных записках» 1859 г. (№№ 2, 4, 5).

---

[26] «Отечественные записки», 1859, № 4, отд. III, стр. 131.
[27] Там же, стр. 132.
[28] Там же, стр. 134 (курсив наш, — *Н. М.*).
[29] *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 495.
[30] *Письма*, т. II, стр. 171.
[31] См. выше, стр. 101.
[32] «С.-Петербургские ведомости», 1859, 7 марта ст. ст., № 51.
[33] Там же, 21 марта ст. ст., № 63.

Это совпадение подтверждает нашу уверенность в том, что все перечисленные статьи, подписанные «Т. Л.», принадлежат одному лицу. Дальнейшие разыскания и установление автора, скрывавшегося под инициалами «Т. Л.», дополнят наше представление об участниках литературно-критического отдела «Отечественных записок» и «С.-Петербургских ведомостей» 1859 г. и вместе с тем послужат еще одним доказательством о невозможности атрибуции Тургеневу статьи «Очерки и рассказы И. Т. Кокорева».

Н. Н. Мостовская

ТУРГЕНЕВ О Н. А. ДОБРОЛЮБОВЕ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФЕЛЬЕТОН-ПАРОДИЯ ТУРГЕНЕВА В «ИСКРЕ»

В 1881—1882 гг. — еще при жизни Тургенева — писатель, журналист и востоковед П. И. Пашино опубликовал в ряде газет воспоминания, в которых писал в основном о круге сотрудников «Искры».[1] «Я был более чем знаком как с самим редактором-издателем, так и со всеми почти сотрудниками этого сатирического журнала»,[2] — этими словами открыл Пашино свои воспоминания, в которых действительно проявил хорошее знание круга участников «Искры», привел, используя свои дневниковые записи, интересный материал, правильно раскрыл псевдонимы искровцев. Любопытно, что Пашино подробнейшим образом писал о людях, многие из которых были тогда живы и продолжали работать в литературе. Среди всех других особенно останавливает на себе внимание одно упоминание Пашино: «В „Искре“ пробовали свое перо и гг. Тургенев и Салтыков».[3] Раскрытие псевдонима М. Е. Салтыкова-Щедрина «Стыдливый библиограф» и участие сатирика в «Искре» в дальнейшем подтвердились. Участие в «Искре» Тургенева еще требуется доказать.

Пашино писал: «Есть еще стихотворения Иеремии Недобобова, принадлежащие нашему известному и, в настоящее время, знаменитому писателю И. С. Тургеневу».[4] Он имел в виду пародию-фельетон «Шестилетний обличитель», который был напечатан в «Искре» (1859, № 50, стр. 513—515) в форме письма Платона Недобобова о стихотворениях его сына Иеремии. Пашино утверждал, что «скрываясь под псевдонимом Недобобова», Тургенев желал «уязвить Добролюбова». Каких-либо других свиде-

---

[1] См.: П. И. Пашино. 1) Живые и мертвые. «Биржевые ведомости», 1881, 16 и 23 июня, 8, 15, 21 и 28 июля, №№ 183, 187, 195, 199, 202, 206; 2) Мои старые знакомые. «С.-Петербургские ведомости», 1881, 6, 13 и 20 декабря, №№ 305, 312, 319, и 1882, 1 и 17 января, №№ 1, 16; 3) Несколько слов об «Искре». «Минута», 1882, 11 и 13 мая, №№ 119, 121.

[2] «С.-Петербургские ведомости», 1881, 6 декабря, № 305.

[3] Там же, 20 декабря, № 319. — Знаменательно, что ни один из знакомых Тургенева, в том числе П. В. Анненков, не возразил против утверждения Пашино.

[4] «Минута», 1882, 13 мая, № 121.

тельств о принадлежности этого фельетона Тургеневу не имеется, в обиход тургеневедения этот факт не вошел. В 1933 г. Б. П. Козьмин обратил внимание специалистов по Тургеневу на воспоминания Пашино. Он писал: «Если же, по проверке специалистами, окажется, что указание Пашино относительно авторства Тургенева правильно, то этот факт <...> придется рассматривать как яркий эпизод в борьбе между дворянской и разночинной интеллигенцией того времени, закончившийся, как известно, полным разрывом Тургенева и его литературных друзей с Некрасовым и молодыми сотрудниками „Современника“».[5] И. Г. Ямпольским в книге «Сатирическая журналистика 1860-х годов» фельетон «Шестилетний обличитель» рассматривается как принадлежащий перу Тургенева.[6]

Фельетон появился в «Искре» в конце 1859 г., т. е. в период наиболее острого расхождения между либералами и революционными демократами, как раз перед появлением романа Тургенева «Накануне» и отклика Н. А. Добролюбова на роман в статье «Когда же придет настоящий день?», которые явились предлогом для уже ранее назревшего разрыва. Статью Добролюбова принято считать первым открытым публичным объявлением о разногласиях, в ней Добролюбов выступает как бы инициатором разрыва. Но при этом никогда не учитывался факт, что эта статья в какой-то степени могла быть откликом и на фельетон «Шестилетний обличитель», что, возможно, определило в ней некоторые акценты. Пашино называет Добролюбова своим «хорошим знакомым». Таким образом, факт принадлежности фельетона Тургеневу вполне мог быть известен через Пашино Добролюбову.

Отношение Добролюбова к «Искре» было двойственным. Добролюбов признавал общественное значение и критическую роль журнала и в первые месяцы его существования трижды помещал в нем свои произведения (см.: «Искра», 1859, 6 февраля, № 6, стр. 58—59, 20 февраля, № 8, стр. 81—82, и 6 марта, № 9, стр. 85, 88—89), но «Искра» часто разделяла позиции либерального обличительства, не раз полемизировала с «Современником».[7] П. И. Пашино свидетельствует, что В. С. Курочкин получал множество анонимных писем: «Его даже стращали тем, что подымут на смех в „Свистке“, если журнал не будет серьезнее, и сравнивали его с „Весельчаком“. Н. А. Добролюбов, мой хороший знакомый, возмущался

---

[5] Б. Козьмин. По страницам газет и журналов. «Каторга и ссылка», 1933, кн. 12, стр. 172. — Отметим, что в 1884 г. В. А. Васильев указал в своем «Словаре псевдонимов и инициалов русских писателей»: «Иеремий Набобов ‹Недобобов› — Ив. Серг. Тургенев» («Колосья», 1884, № 6, стр. 311). И. Ф. Масанов в своем библиографическом описании «Русские сатирико-юмористические журналы» (1910, вып. 1, отд. II, стр. 10 и 159) этот псевдоним и авторство пародии по указанию П. В. Быкова отнес к незначительному юмористу конца 50-х—начала 60-х годов Р. Е. Баху. В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» (т. II, М., 1957, стр. 255) И. Ф. Масанов отнес псевдоним «Иеремия Недобобов» уже к Тургеневу (под вопросом), с указанием на упомянутые выше источники.

[6] См.: И. Г. Ямпольский. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Гослитиздат, М., 1964, стр. 113—114.

[7] О полемике «Искры» с «Современником» см.: там же, стр. 111—112.

более всех и, после выхода каждого нумера в свет, отправлял в „Искру" ругательное послание, то в стихах, то в прозе».[8] Также М. А. Антонович вспоминал, что «Добролюбов убедил Некрасова предпринять издание сатирического журнала вроде „Искры", которою он был не совсем доволен».[9] Видимо, Добролюбов все более разочаровывался в «Искре».

В 1859 г. в «Искре» (№ 24, стр. 235) был напечатан фельетон «Протест трех дам против г-на —бова», содержавший полемику со статьей Добролюбова «Что такое обломовщина». Менее чем через полгода после появления «Протеста трех дам против г-на —бова» в «Искре» был напечатан еще один фельетон, направленный против Добролюбова и «Свистка». Речь идет о том самом «Шестилетнем обличителе», — пародии, приписываемой Тургеневу. «Шестилетний обличитель», с одной стороны, поддержал те положения статьи Герцена, которые ранее не нашли отклика в «Искре», а с другой — явился своеобразным мостиком к другой статье Герцена «Лишние люди и желчевики». Вот его текст:

Шестилетний обличитель

ММ! ГГ!

Позвольте счастливому и гордому родителю обратиться к вам, господа издатели многоуважаемого журнала «Искры»!

В наше время, когда с такою быстротою, воочию, так сказать, совершаются невероятнейшие чудеса цивилизации, когда так стремительно развитие прогресса — эти чудеса, это развитие должны были отразиться на всех современных личностях, и в особенности на впечатлительных личностях детей!

Все дети, я в том уверен, проникнуты прогрессом, но не всем дано воплотить свои чувства! С невольной гордостью, хотя и со смирением, объявляю во всеуслышание: у меня есть сын, которому дана эта высокая способность: он поэт... но как истинное чадо современности — поэт не лирик, поэт-сатирик — поэт-обличитель.

Ему шесть лет с небольшим. Родился он 27-го ноября 1853 года. Он рос знаменательно странно: до двух лет кормился грудью и казался слабым и даже обыкновенным ребенком, сильно страдал золотухой; но уже с трехлетнего возраста совершилась в нем перемена: он стал задумываться и вздыхать; горькая улыбка появилась на губах его и не покинула их более; он перестал плакать — зато ирония змеится по его чертам, даже когда он спит. На четвертом году он был разочарован; но скоро понял отсталость этого момента самосознания и стал выше его: холодное, желчное спокойствие, изредка прерываемое вспышками энергического сарказма, — вот обычное состояние его духа. — С ним, должно согласиться, жить тяжело... Но и ему самому жить не легче. Он выучился читать — и с жадностью бросился на книги: не многие из наших отечественных авторов заслужили его одобрение. По его понятиям — Щедрин односторонен и слаб в сатире; Некрасов — слишком мягок, г-н Елагин не довольно откровенен и не овладел тайною, как он выразился, «ледянисто-жгучего глумленья»; вполне доволен он одними статьями г-на — бова в Современнике; — они составляют, вместе с дифирамбами г-на Розенгейма, предмет его постоянных изучений. «— бов и Розенгейм» — воскликнул он однажды за столом, предварительно

[8] См.: «Минута», 1882, 13 мая, № 121, стр. 1.

[9] Шестидесятые годы. «Academia», М.—Л., 1933, стр. 153.

швырнув мне ложку с кашей в лоб — (я сообщаю вам эти подробности, ибо думаю, что со временем они будут иметь великую цену в глазах историков литературы), — «— бов и Розенгейм враждуют друг с другом, а между тем, они цветки, растущие на одной и той же ветке!»

Откровенно сознаюсь, что я не всегда его понимаю, а жена моя, его мать, просто трепещет пред ним; но, господа, чувство благоговейного преклонения перед собственным продуктом есть высокое чувство!

Сообщаю вам, для пробы, несколько стихотворений моего сына: прошу заметить в них постепенное созревание мысли и таланта. — 1-ый и 2-й №-ра написаны им года два тому назад; они отзываются еще наивностью первых детских впечатлений, особенно 1-й №, в котором способ немедленного объяснения обличительной мысли посредством комментария напоминает манеру живописцев тринадцатого столетия; 3-й № произведен в эпоху меланхолического разочарования, о которой я уже упоминал в моем письме; 4-й и последний № вырвался из груди моего сына недавно. Читайте и судите!

С совершенным уважением и таковою же преданностью, пребываю

М. м. Гг.

Вашим покорнейшим слугою,

Платон Недобобов,

отставной учитель Российской словесности.

Сына моего зовут Иеремией... знаменательный факт! Изумительное, хотя, конечно, *бессознательное* предвидение его будущего призвания!

I

Кошка и мышка

На полу сидит мышонок,
Кошка на окошке...

Комментарий:

(Я народ в мышонке вывел,
Станового в кошке).

Кошка — прыг! Мышонок — в нору —
Но хвоста лишился...

Комментарий:

(Это значит, что чиновник
Взяткой поживился).

Папенька взял трость, и кошку
Высек без пощады...

Комментарий:

(Воздавать хвалу начальству
Завсегда мы рады!)

Злая кошка укусила
Папеньку близ ляжки...

Комментарий:

(Хищный становой недавно
Дослужился пряжки...)

Но поэт его бичует
Словом отверженья...
Няня! положи за это
В ротик мне варенья!

II

Абсолютная ирония

Исполненный строгой гордыни,
Сурово гляжу я на Русь...
Буфетчик проносит две дыни —
Хорош, бормочу я, ты гусь!

Наливка темнеет в бутылке...
Я мыслю: о тупости знак!
Мужик зачесался в затылке —
Какой ты, шепчу я, дурак!

Поп гладит кобылку по брюху —
И он, я вздохнул, человек!
Учитель отвесил мне плюху —
Я тут ничего не изрек.

III

Вздох

(Элегия)

Ах, зачем с младенческих пеленок
Скорбь о взятках в душу мне вползла!
Грустным фактом взяток и взятченок
Отравлен чувствительный ребенок,
Как овчарня запахом козла!

IV

Разговор

Мать

Ты сегодня скучен, мой сынок,
Молоко кормилицы не вкусно?

2-х летний сын

Дай мне гривенник.

Мать

Вот пятачок.
Больше нет.

Сын

Давай; скупиться гнусно.
Медью?!?

Мать

Нет, ты знаешь, серебра.
Но зачем тебе?...

Сын

Не для добра.

Мать

Как?

Сын

Хочу я подкупить лакея,
Чтобы он папашу, не робея...

Мать

Все исполню в точности, дружок.
Понимаю; дай мне пятачок;
(Уходит)

Сын (один)

Взятка! Мать!! Отец!!! О век! О нравы!!!
Робеспьер — и ты, Марат, — вы правы!

Иеремия Недобобов.

Направленность пародии против Добролюбова как основного автора «Свистка» не вызывает сомнений. Даже фамилия Недобобов пародирует добролюбовский псевдоним —бов. Обыграно и имя. Иеремия — второй из четырех пророков Ветхого завета, беспощадно обличавший язычество и уклонения от веры, с одинаковой нетерпимостью и у царей и у толпы. Чувствуется в рассуждениях пародиста о значении этого имени и намек на фамилию критика — Добролюбов. Облик мальчишки-желчевика, характеристики им писателей, наконец прямая солидарность Иеремии с высказываниями —бова — все это настолько прозрачные намеки на Добролюбова, что современникам критика не стоило никакого труда узнать, в кого метит фельетонист.

Пародия направлена против «Свистка» и продолжает критику Герценом «милых паяцов». Напомним, что Герцен первый выступил против дискредитации обличительной литературы в «Современнике» и «Свистке» и в защиту «лишних людей» в статье (Very dangerous!!!», напечатанной в «Колоколе» (1859, 1 июня, № 44, стр. 363—364). Герцен утверждал, что обличительная литература продолжает лучшие традиции русского общественного мнения, воспитанного Гоголем, автором «рассказов Охотника» (т. е. Тургеневым), Белинским и Грановским, и предупреждал против того, чтобы «бросить в воду» такие «превосходные вещи», как «рассказы Щедрина». Герцен утверждал, что «теперь в России нет лишних людей», что «время Онегиных и Печориных прошло» и они могут быть лишь предками, а не современниками Обломову. В статье Герцена нетрудно увидеть

полемику не только со «Свистком», но и со статьями Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года» и «Что такое обломовщина?» («Современник», 1859, №№ 1, 4, 5).

Смысл пародии заключается в том, что Добролюбов, критиковавший обличительных литераторов, сам представлен в роли очень умеренного малолетнего обличителя. Прежде всего фельетонист указывает, что несмотря на «абсолютную иронию» Шестилетнего обличителя и его призывы к Робеспьеру и Марату тематика его не выходит за рамки псевдо-обличительной литературы, что мальчик-поэт, как якобы и его образец и прототип —бов, близок к М. Розенгейму (вспомните сопоставление —бова и Розенгейма в предисловии!). Пародист явно присоединяется к оскорбительному выпаду Герцена: «...по этой скользкой дороге можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но (чего боже сохрани) и до *Станислава на шею*!».[10] В стихотворениях Иеремии ирония касается абсолютно всего, но не «начальства» — «воздавать хвалу начальству завсегда мы рады!», «Няня, положи за это в ротик мне варенья!», «Учитель отвесил мне плюху — я тут ничего не изрек». Это был несомненно оскорбительный выпад для Добролюбова, еще не забывшего подобного же оскорбления от Герцена.[11]

Фельетон-пародия «Шестилетний обличитель» мог повлиять, в свою очередь, на статью Герцена «Лишние люди и желчевики». Очень похож образ «желчевика» в статье на Иеремию: «невские Даниилы» мрачно упрекают людей, «зачем они обедают без скрежета зубов», легко доходят «до тех резких, последних выводов, которые пугают своей радикальной бойкостью», у них «какое-то снедающее их, раздражительное и *свернувшееся* самолюбие», «беспокойный тон, язык saccadé ‹отрывистый› и вдруг расплывающийся в бюрократическое празднословие, уклончивое смирение и надменные выговоры, намеренная сухость и готовность по первому поводу осыпать ругательствами...».[12] Сходство характеристик подтверждается также сходством иносказательных прозвищ: как и Иеремия, Даниил — библейский пророк-обличитель, и оба — из «семинарской» тематики.

После того как выяснено, что автор фельетона-пародии принадлежит к либералам, близко примыкавшим к Герцену, остается определить, действительно ли был им Тургенев, — как известно, писатель той же политической ориентации.[13] Атрибуция по стилю здесь не поможет, потому что

---

[10] *Герцен*, т. XIV, стр. 121.

[11] О перепевании в русской периодике заключительной фразы из статьи Герцена см.: там же, стр. 496.

[12] Там же, стр. 322—323.

[13] Перед появлением второй статьи Герцена против «Современника» Тургенев вместе с П. В. Анненковым также был в Лондоне и, видимо, разговаривал с Герценом о своих разногласиях с редакцией журнала. Герцен писал Тургеневу 17 (29) октября 1860 г.: «Очень рад, что услужил „Богомокрицами“ и „Лишними людьми“»; Анненкову 8 (20) ноября: «Читал ли ты „Лишних людей“ в „Кол‹околе›“? Я после разговора с тобой ‹...› вдруг вздумал анонимный портрет — демократа поэта поместить под Колокола» (*Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 104, 114). Тургенев

фельетон написан в пародийном стиле, не характерном для Тургенева.[14] Поэтому придется обратиться к совокупности фактов, которые могли быть характерны лишь для Тургенева как писателя.

Отношение Тургенева к Добролюбову было весьма сложным. Писатель оценивал статьи критика с достаточной долей уважения, но оба находились на разных эстетических и политических позициях, что не могло не сказаться в постепенном росте отчужденности между ними, особенно к концу 1859 г., после статьи Герцена «Very dangerous!!!», на создание которой Тургенев мог оказать влияние (он был в Лондоне менее чем за месяц до напечатания статьи) и которая в свою очередь не могла не вызвать у него чувство солидарности с Герценом: к нему, особенно в это время, Тургенев испытывал самые дружеские чувства.

Несмотря на всю тенденциозность своего отношения к Тургеневу, А. Я. Панаева рисует в своих воспоминаниях картину неприязни между Тургеневым и Добролюбовым, сходную с тем, что говорили другие современники-шестидесятники. Приводимые ею высказывания Тургенева о Добролюбове как о «мальчишке», «семинаристе-отрицателе», «литературном Робеспьере» напоминают положения статьи Герцена. Вот одно из подобных высказываний: «Вообще сухость, односторонность, отсутствие всяких эстетических увлечений, все они точно мертворожденные. Меня страшит, что они внесут в литературу ту же мертвечину, какая сидит в них самих. У них не было ни детства, ни юности, ни молодости — это какие-то нравственные уроды».[15] Далее Панаева приводит мнение Тургенева, «что в статьях Добролюбова виден инквизиторский прием: осмеять, загрязнить всякое увлечение, все благородные порывы души писателя, что он возводит на пьедестал материализм, сердечную сухость, и с нахальством глумится над поэзиею; что никогда русская литература, до вторжения в нее семинаристов, не потворствовала мальчишкам из желания приобрести этим популярность. Кто любит русскую литературу и дорожит ее достоинством, тот должен употребить все усилия, чтобы избавить ее от этих кутейников-вандалов».[16]

Образ Шестилетнего обличителя весьма соответствует тому представлению Тургенева о Добролюбове, какое показывает Панаева; утверждение, что Тургенев готов был бороться с «глумлением над поэзиею» «кутейников-вандалов», высказано в ее воспоминаниях достаточно определенно.

Высказывания Панаевой подтверждаются и другими литературными материалами.

писал Герцену 12 (24) октября: «Я понял конец „Желчевиков“ — и сугубо тебе благодарен... И за нас, лишних, заступился. Спасибо» (*Письма*, т. IV, стр. 143).

[14] Можно указать лишь на графическое сходство: более частое, чем принято, употребление тире, написание порядковых чисел и слова «номер» («1-й и 2-й №-ра») и др.

[15] А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. Гослитиздат, М., 1956, стр. 264.

[16] Там же, стр. 270.

Чернышевский рассказывал о том, как Некрасов передавал ему, что «Тургенев ненавидит Добролюбова».[17]

П. В. Анненков свидетельствовал в своих воспоминаниях, что Тургенев возмущался выходками «Свистка»; он привел там же мнение Некрасова, которому было известно недовольство Тургенева «Свистком».[18] В переписке Тургенева за 1859 г. имеются указания на то, что писатель протестовал против статей Добролюбова, которые появлялись не только в «Современнике», но и в сатирическом приложении журнала.[19] Протесты становились к концу 1859 г. все более острыми. Тургенев уверял своих друзей, что он больше не будет участвовать в «Современнике». В письме к А. А. Краевскому от 20 октября (1 ноября) 1859 г. Тургенев обещает работать для «Отечественных записок» и «Русского вестника», в письме к П. В. Анненкову от 23 октября (4 ноября) заверяет, что не даст ничего для «Современника».[20] По сути дела, разрыв с «Современником» у Тургенева был уже подготовлен, а неприязнь к Добролюбову достигла своего предела. Известные слова Тургенева, сказанные Чернышевскому, что, «он простая змея, а Добролюбов — очковая»,[21] — очень характерные для тогдашней настроенности Тургенева, были произнесены им через полмесяца после появления в «Искре» фельетона «Шестилетний обличитель» и задолго до столкновения по поводу романа «Накануне».

Идейно и психологически Тургенев был вполне подготовлен к тому, чтобы выступить против Добролюбова.

Убедительный материал можно найти и в тексте фельетона. Фельетонист в характеристике Шестилетнего обличителя дает черты, явно заимствованные из биографии Добролюбова, в частности о его слабом здоровье в детстве, о болезни золотухе, о быстром развитии с периодами разочарования в прежних увлечениях, например в религии.[22] В 1859 г. о личности Добролюбова, особенно о фактах его ранней биографии, могли знать очень немногие из узкого круга «Современника». Чернышевский пишет, что Добролюбов постоянно бывал и работал на квартире у Некрасова. И Тургенев в свою очередь «жил больше у Некрасова, чем у себя дома. Таким образом Тургеневу и Добролюбову приходилось бывать вместе у Некрасова много времени каждый день».[23] Во время этих ежедневных встреч Тургенев мог многое узнать о Добролюбове и его жизни — больше, чем кто-либо другой из не принадлежащих к кругу самых близких друзей критика.

Текст фельетона помогает в какой-то степени восстановить историю создания этой пародии. Исходя из фразы: «Ему шесть лет с небольшим.

---

[17] *Чернышевский*, т. I, стр. 727.
[18] *Анненков*, стр. 439—440.
[19] *Письма*, т. III, стр. 258, 276, 336.
[20] Там же, стр. 355, 359.
[21] *Чернышевский*, т. I, стр. 737.
[22] Эти сведения появились впервые лишь в «Материалах для биографии Добролюбова», составленных Чернышевским («Современник», 1862, № 1).
[23] *Чернышевский*, т. I, стр. 725.

Родился он 27 ноября 1853 года», — можно предположить, что рождение самого фельетона или его замысла относится к 27 ноября 1859 г. В любом случае, фельетон был написан в период с 27 ноября до 21 декабря (дата цензурного разрешения).

В это время Тургенев находился в Петербурге. Судя по его письмам, он схватил простуду и почти не выходил из дому. Он приехал в Петербург 25 ноября (7 декабря) и в вынужденном одиночестве пробыл до конца года. Болезнь была легкая, она лишь ограничивала Тургенева в передвижении по городу, но не могла мешать, даже более, могла способствовать его работе.

Собираясь в столицу, Тургенев сообщал И. С. Аксакову о завершении переписки «Накануне», что давало ему основание заявить: «в Петербурге я буду иметь время читать; там работать я не буду».[24] Тургенев внимательно следил за русскими журналами, даже находясь за границей.[25] Читал он и «Искру». После 1859 г. его интерес к этому журналу явно возрастает: в переписке за 1860—начало 1861 гг. уже встречаются упоминания о нем.[26] Так, например, он пишет о журнале Н. Я. Макарову 23 января (4 февраля) 1861 г.: «Искреннее спасибо вам за „Искру“, которую я получал аккуратно — и которая поддерживала во мне петербургские впечатления».[27] Будучи осведомлен об общем направлении «Искры», которая в то время поддерживала Герцена, Тургенев мог возыметь желание полемизировать через ее посредство с «глумлением над поэзиею» «Свистка».

Обещание, данное И. С. Аксакову, Тургенев не сдержал — в Петербурге он работал. На период этого вынужденного одиночества падает основная работа над речью «Гамлет и Дон-Кихот», которая была закончена 28 декабря 1859 г. (9 января 1860 г.).

Совпадение времени создания фельетона «Шестилетний обличитель» и речи «Гамлет и Дон-Кихот» может служить одним из важнейших доказательств принадлежности фельетона Тургеневу: оба произведения в двух планах развивают один и тот же образ, являются продуктами одного и того же направления мысли.

В своих обстоятельных воспоминаниях Л. Ф. Пантелеев свидетельствует, что образ Гамлета воспринимался редакцией «Современника» как выпад против нее: «Хотя эта статья и была напечатана в „Современнике“, однако она лишь завершила тот разлад, который еще ранее начинал сказываться между Тургеневым и левым крылом „Современника“; последнее заподозрело, что И. С. именно его имел в виду, говоря о Гамлетах».[28] Позднее В. Е. Евгеньев-Максимов подробнее развил эту мысль, доказывая, что в образе Гамлета Тургенев имел в виду «желчевиков»

---

[24] *Письма*, т. III, стр. 368.

[25] Об этом он пишет А. А. Фету 22 июля (3 августа) и П. В. Анненкову 1 (13) августа 1859 г., см.: там же, стр. 329, 334.

[26] См.: там же, т. IV, стр. 155, 165, 182, 189, 193.

[27] Там же, стр. 193.

[28] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. ГИХЛ, М., 1958, стр. 222.

из «Современника».[29] О полемических откликах Добролюбова на эту речь писали и другие исследователи.[30] И действительно, если проследить эволюцию образа Гамлета в творчестве Тургенева,[31] то станет ясным, что Гамлет в речи несколько отличается от Гамлетов в других произведениях писателя. Это отличие было вызвано целями полемической борьбы 60-х годов — теми же целями, которые вызвали к жизни образ Шестилетнего обличителя.

Конечно, трудно сопоставлять героев двух различных жанров, несущих различную идейную нагрузку, но все же черты «желчевика» зримо проскальзывают в том и другом образе, сближая их общим подтекстом.

Гамлет — эгоист и скептик, исполненный силой самосознания, «отсюда проистекает его ирония» с постоянным чувством полного превосходства над другими; «в нем воплощено начало отрицания», «скептицизм Гамлета не есть также индифферентизм», он «непримиримо враждует с ложью» силой «своеобразного и меткого выражения», в то же время Гамлет держит тебя как выскочка, он «тревожен, иногда даже груб, позирует и глумится», он «притеснителен и нетерпим», «при случае коварен и даже жесток».[32]

Шестилетний обличитель, хотя он по «возрасту», положению и творческому воплощению совершенно отличен, напоминает пародию на Гамлета: «Ирония змеится по его чертам, даже когда он спит. На четвертом году он был разочарован; но скоро понял отсталость этого момента самосознания и стал выше его: холодное, желчное спокойствие, изредка прерываемое вспышками энергического сарказма, — вот обычное состояние его духа». Иеремия тоже нетерпим к окружающим, в своих стихах глумится над всем, с определенной тенденцией к позированию. «С ним, должно согласиться, жить тяжело».

Сравните, для примера, такую черту: у Гамлета «в самой его горькой улыбке есть унылость, которая говорит о его страданиях и потому примиряет с ним» [33] — Шестилетний обличитель «стал задумываться и вздыхать; горькая улыбка появилась на губах его и не покинула их более».

И наконец, есть еще одно свидетельство в пользу принадлежности Тургеневу фельетона в «Искре».

Сразу после смерти Добролюбова Чернышевский стал собирать материалы для его биографии и напечатал их в «Современнике» (№ 1 за

---

[29] См.: В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. ГИХЛ, Л., 1936, стр. 399—402.

[30] См.: Н. И. Мордовченко. 1) Добролюбов в борьбе с либерально-дворянской литературой. «Известия АН СССР», Отд. общ. наук, 1936, № 1—2, стр. 251—254; 2) Добролюбов в борьбе с Тургеневым. «Литературный критик», 1936, № 2, стр. 127—128.

[31] Об образе Гамлета в речи и соотношении этого образа с Гамлетами других произведений Тургенева см.: Ю. Д. Левин. Статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот». К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева. В кн.: Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965, стр. 122—163.

[32] *Сочинения*, т. VIII, стр. 176, 177, 182, 183, 187, 188.

[33] Там же, стр. 183.

1862 г.). В своих комментариях к «Материалам», написанных, очевидно, в конце 1861 г., Чернышевский, подавленный смертью близкого друга, человека, по его мнению, стоявшего во главе русской литературы, допустил резкое, суровое высказывание о противниках критика:

«Теперь, милостивые государи, называвшие нашего друга человеком без души и сердца, — теперь честь имею обратиться к вам, и от имени моего, от имени каждого прочитавшего эти страницы, в том числе и от вашего собственного имени, — да, и вы сами повторяете себе то, что я говорю вам, — теперь имею честь назвать вас тупоумными глупцами. Вызываю вас явиться, дрянные пошляки, — поддерживайте же ваше прежнее мнение, вызываю вас...

«Вы смущены? Вижу, вижу, как вы пятитесь.

«Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши в моей воле и что с трудом удерживаю я себя от этого».[34]

Одно из этих имен Чернышевский назвал на следствии 30 октября 1862 г.: «Когда я потерял Добролюбова (в ноябре 1861), неприязнь к Герцену за него усилилась во мне до того, что увлекла меня до поступков, порицаемых правилами литературной полемики, не дозволяющей бранить того, кого не мог бы похвалить, если бы захотел. Укажу для примера на выражение мое о нем в одной из первых книжек „Современника“ за 1862 г., в статье, которою начал я биографию Добролюбова <...> Эта моя резкость наделала тогда довольно шума в нашей литературе».[35] И Чернышевский ссылается здесь на статью Герцена «Very dangerous!!!».

Второе имя Чернышевский назвал значительно позднее, в «Воспоминаниях об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым»: «Хорошо помнится мне, что в одной из тех моих статей о Добролюбове, ряд которых должен был составить полный по возможности сборник бывших у меня под руками материалов для его биографии, употреблено мною очень суровое выражение, относившееся в моей мысли к двум лицам, из которых одним был Тургенев. Чем навлек он на себя этот приговор о его уме? — Написал ли он после „Отцов и детей“ еще что-нибудь злобное о Добролюбове *в какой-нибудь маленькой статье или заметке* или вообще выразил каким-нибудь способом свою злобу против Добролюбова в месяцы более близкие, чем время появления „Отцов и детей“, к тем дням, когда я писал эту статью? — Не умею припомнить и расположен думать, что ничего такого не было и что мое чувство было возбуждено *не какой-нибудь недавней выходкой Тургенева*, а лишь воспоминанием об „Отцах и детях“».[36]

Прежде всего нужно отметить, что гневное высказывание Чернышевского не могло иметь отношения к «Отцам и детям», потому что материалы для биографии Добролюбова собирались и оформлялись, видимо, в декабре 1861 г. и были напечатаны в январе 1862 г., а роман Тургенева вышел позднее — в феврале. Какой-либо другой выходки Тургенева против Добролюбова за 1860—1861 гг. не было. После столкновения из-за романа

[34] *Чернышевский*, т. X, стр. 35—36.
[35] Там же, т. XIV, стр. 735.
[36] Там же, т. I, стр. 741. Курсив наш, — *Г. П.*

«Накануне», явившегося апогеем в напряженных отношениях между писателем и критиком, наступило ослабление вражды, и оба отзывались друг о друге без особой резкости, даже с уважением,[37] и избегали конфликтов; Тургенев искренне сожалел о смерти Добролюбова, критик признавался Чернышевскому в своей любви к писателю.[38] Говоря о «какой-нибудь маленькой статье или заметке», о «недавней выходке» Тургенева, Чернышевский, вполне возможно, имел в виду фельетон «Шестилетний обличитель», о котором он мог смутно помнить спустя почти два десятилетия и о котором не мог не знать и не помнить менее чем через два года. Ведь помнил же он тогда, когда писал свои гневные строки, о статье Герцена «Very dangerous!!!», тесно связанной с фельетоном и появившейся на полгода раньше.

Г. Ф. Перминов

«ОТЦЫ И ДЕТИ»

СТИХ ИЗ БЕРАНЖЕ В ТЕКСТЕ РОМАНА ТУРГЕНЕВА

В 13-й главе романа Ситников говорит Кукшиной: «Пью ваше здоровье, Eudoxie! Чокнемтесь! „Et toc, et toc, et tin-tin-tin! Et toc, et toc, et tin-tin-tin!“».[1] Обращают на себя внимание кавычки, т. е. указание на цитатность этого места. И действительно, это цитата из песни Беранже «L'ivrogne et sa femme» («Пьяница и его жена») — первая строка рефрена и вместе с тем начало всей песни:

Trinquons, et toc, et tin, tin, tin!
Jean, tu bois depuis le matin.
Ta femme est une vertu:
Ce soir tu seras battu.

И. Г. Ямпольский

«TROP DE FEMMES», ОПЕРЕТТА ТУРГЕНЕВА

Во время своего пребывания за границей Тургенев внимательно следил за русскими журналами, читал, в частности, и сатирический журнал «Искра». В конце 1860 г. он обращается к своим петербургским приятелям

[37] О положительных оценках творчества Тургенева Добролюбовым см.: Г. А. Бялый. Добролюбов о Тургеневе. «Ученые записки Ленинградского университета», 1952, № 158, вып. 17, стр. 187—192.

[38] Ср. у Тургенева: «Я пожалел о смерти Добролюбова, хотя и не разделял его воззрений: человек был даровитый — молодой...» (*Письма*, т. IV, стр. 316); у Добролюбова: «...потешаться над Кавелиным и Тургеневым, которых душевно люблю» (*Добролюбов*, т. IX, стр. 473).

[1] *Сочинения*, т. VIII, стр. 263.

с просьбой возобновить ему высылку журнала в 1861 г. «Искреннее спасибо вам за „Искру", которую я получал аккуратно — и которая поддерживала во мне петербургские впечатления», — благодарит он за выполнение этой просьбы Н. Я. Макарова.[1]

В 1863 г. Тургенева снабжал журналами публицист, сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Каткова — Н. В. Щербань. «Кстати, что прикажете делать с журналами? — пишет ему Тургенев. — Я готов с охотою высылать их обратно. Да уж коли пошло на одолжения, то не можете ли вы достать и тот номер „Искры", где рассказывают (в стихах) о возникновении „Отцов и детей", меня выводят на сцену и т. д. Я прочел только начало этого продукта».[2]

Речь идет о сатире В. С. Курочкина «Рапсодии о нигилизме». Она была помещена в № 11 «Искры» с указанием в конце: «Продолжение будет». Но ни в следующем номере, ни позже продолжение не появлялось. Зато в следующих номерах «Искры» был опубликован цикл стихотворений другого Курочкина, Николая, — «Парижские оды» (№№ 14, 15, 20, 22, под псевдонимом: Пр. Преображенский), — который не мог не обратить на себя внимания Тургенева.[3] Это стихи о современном Париже, о Наполеоне III, о полицейском режиме второй империи, столь ненавистных и Тургеневу. Второе стихотворение этого цикла (№ 15) называется «Ода на „Него"». Эпиграфом к нему взяты слова «Lui, toujours lui...», т. е. «Он, всегда он!...», а начинается оно следующими ироническими стихами:

«Он! всюду Он!» — как тот Наполеон,
Собой Гюго когда-то вдохновивший,
Во всем, везде, повсюду виден Он,
На все, на всех свой гений наложивший.

Слова «Lui, toujours lui...» являются неточной цитатой из патетического стихотворения В. Гюго «Lui», посвященного Наполеону I и включенного в его сборник «Les orientales» (1828):

Toujours lui! lui partout! — ou brûlante ou glacée,
Son image sans cesse ébranle ma pensée...

Н. Курочкин использовал его в духе самого Гюго, не раз противопоставлявшего подлинной славе Наполеона I как бы пародию на него — Наполеона III.

Стихотворение, по-видимому, запомнилось Тургеневу.

В 1867 г. он пишет оперетту «Trop de femmes» («Слишком много жен»), полный текст которой лишь недавно опубликован в «Литературном наследстве».[4] В операттах Тургенева отмечались некоторые выпады против Напо-

---

[1] *Письма*, т. IV, стр. 193 (письмо от 23 января (4 февраля) 1861 г.). См. также стр. 155, 165.

[2] Там же, т. V, стр. 128 (письмо от 20 мая (2 июня) 1863 г.). См. также стр. 137.

[3] Мы документально знаем, что Тургенев читал №№ 11 и 20, но, судя по письмам к Щербаню, он систематически следил за «Искрой».

[4] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 91—106.

леона III. Аллюзии на французского императора имеются и в оперетте «Trop de femmes» в образе паши Зулуфа.

Своему телохранителю Кокосовому ореху он говорит: «А мне еще рекомендовали тебя как кровожаднейшего из абиссинцев! А мне еще говорили, что тебя нарочно муштровали для службы в гвардии его величества Наполеона III». И с этой точки зрения любопытно, что в песню жен Паши вложены дважды повторяющиеся слова «Lui, toujours lui!»,восходящие к Гюго—Николаю Курочкину: «Toujours Zoulouf! lui! toujours lui!».[5]

И. Г. Ямпольский

«ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ»

ОБ ОТКЛИКЕ Н. С. ЛЕСКОВА НА РЕЧЬ ТУРГЕНЕВА

В обширных комментариях к речи «Гамлет и Дон-Кихот» в «Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева» очень полно собраны литературно-критические отзывы об этом программном выступлении писателя.[1]

Однако среди многочисленных отзывов современников Тургенева не учтено высказывание Лескова в его газетном обозрении, затерявшемся в «Биржевых ведомостях» (1869, № 307, «Наша провинциальная жизнь»).[2] Оно не заключает в себе развернутой оценки речи Тургенева, но тем не менее представлят несомненный интерес по выраженному в нем отношению писателя к общей концепции этой речи и оригинальному осмыслению типа Дон-Кихота применительно к русской жизни.

Известно, что большинство современников Тургенева не приняло содержащегося в его речи возвеличения людей донкихотского типа. Писателя упрекали в ложной идеализации героя Сервантеса, в недооценке Гамлета, самое противопоставление друг другу этих двух типов находили натянутым и ложным именно потому, что в речи Тургенева оно вело к утверждению нравственного превосходства людей донкихотского склада над эгоистическими гамлетовскими натурами.

Лесков, как мы увидим, наоборот, всецело принимает общий пафос речи Тургенева и в продолжающемся споре о Дон-Кихотах и Гамлетах решительно становится на его сторону.

Знаменательно, что к размышлению о тургеневской речи Лесков идет не от каких-либо литературных впечатлений, а от фактов народной

---

[5] Там же, стр. 92.

[1] *Сочинения*, т. VIII, стр. 552—566. — См. также статью Ю. Д. Левина «Статья И. С. Тургенева „Гамлет и Дон-Кихот“» в кн.: Н. А. Добролюбов. Горький, 1965, стр. 122—163.

[2] О принадлежности этого обозрения Н. С. Лескову см. в нашей статье «Н. С. Лесков в „Биржевых ведомостях“ и „Вечерней газете“ (1869—1871)» («Ученые записки Ленинградского университета», 1960, № 295, вып. 58, стр. 87—119). Высказанное здесь суждение Лескова о Дон-Кихоте не привлечено и в работе американской исследовательницы: L. B. Turkevich. Cervantes in Russia. Princeton, 1950.

жизни, почерпнутых им из исторических источников. Именно они наводят Лескова на мысль о поразительной жизненности типа Дон-Кихота в России и на Украине, а затем возникают и ассоциации с речью Тургенева, «по которой Дон-Кихот правильно поставлен стоющим больших симпатий, чем Гамлет».

«В одном киевском издании вспоминают, что в пятидесятых годах в киевском генерал-губернаторстве был известен некто Рогальский, долго скрывавшийся от преследования властей. Его звали разбойником, но он никого не убивал. Его специальностью было преследовать полицию (правду сказать, в то время далеко не совершенную), а особенно преследование панов и их официалистов за жестокое их обращение с крестьянами. Рогальский являлся неумолимым, когда дело шло об обиде крестьянина. Если он узнавал, что пристав позволил себе взять с крестьянина несколько рублей, он налетал на виновного чиновника, брал у него сотни, а, пожалуй, и тысячи и, не оставляя себе ничего, раздавал все это взыскание бедным. Раз Рогальский потребовал десять рублей от одного пана, ехавшего в карете шестериком. Деньги Рогальскому были нужны для бедной женщины, умиравшей с голода. Пан не дал Рогальскому десяти рублей и сказал, что у него нет ни копейки; Рогальский обыскал пана и, удостоверясь, что тот не лжет, высек пана, чтобы не ездил шестериком и в карете, не имея гроша, и отпустил. — Замечательно, как живуч и как верно повторяется этот тип Дон-Кихота в нашей Украйне. Рогальский похож на Кармелюка, Кармелюк на Тришку и т. д. У всех один принцип, исповеданный Тришкою в словах: „Богатых разоряем, а бедных наделяем“. По закону все они преступники, это так, но, вникая в их психические задачи, нельзя по поводу их не припомнить слишком известной статьи И. С. Тургенева „Гамлет и Дон-Кихот“, по которой Дон-Кихот правильно поставлен стоющим больших симпатий, чем Гамлет. Тришка, Кармелюк и Рогальский не могли смотреть взглядом городничего в „Ревизоре“, что всё-де „это так самим богом устроено, и вольтерианцы напрасно против этого восстают“, а, как дети степей, живут своей философией и своею правдою, „иже по закону святу, что принесоша отцы наши через три реки на нашу землю“ И вот народ передает их деяния в сказках, воспевает в песнях, выплакивает о них с ярмарочными слезами под стонущие звуки бандур... Что вы прикажете со всем этим делать, когда это так назойливо стучится в молодое чуткое сердце, так точно, как змей-искуситель будит райское неведение ума и зажигает в крови пламень ревности за „правду по закону святу, иже принесоша отцы“? Какие книжки сочинит наш комитет грамотности, чтобы они были занятнее „спевов“ об этих Дон-Кихотах, и, наконец, отчего он их до сих пор не сочинит? А увлечения ведь могут повторяться».

Итак, Лесков во многом солидарен с Тургеневым в оценке людей донкихотского нравственного склада. Как и автору речи, более всего ему дорого в них высокое начало самопожертвования, противопоставляемое им обывательскому своекорыстному индифферентизму. Движущим началом их деятельности в истолковании Лескова всегда является любовь к людям: совершая «преступления» против существующих социальных

установлений, они творят добро и защищают высшую справедливость. Все это близко концепции Тургенева.

Но есть в этом размышлении Лескова и свои повороты в развитии общей темы, свои акценты, свои выводы. Осознать их тем более необходимо, что они живо сказались в художественном творчестве писателя.

Если Тургенев, мысленно перенося героев Сервантеса и Шекспира на русскую почву, видит их повторение в культурной дворянской и разночинно-демократической среде, то Лесков соотносит их прежде всего с народными типами, историческими предводителями стихийных народных восстаний и легендарными героями народных песен и преданий. Именно в гуще народной — на Украине, в провинциальной глубинной России — находит он людей, равновеликих Дон-Кихоту по своей чистоте и героическому энтузиазму, ибо во всякой другой среде, по убеждению писателя, торжествует дух сребролюбия, эгоизма, сословного тщеславия.

Большинство героев его произведений, сближаемых самим автором с Дон-Кихотом Сервантеса, отличается подчеркнуто плебейским происхождением. Таков сын бедного сельского дьячка, вечно голодный и раздетый Овцебык и «мелкотравчатый герой» рассказа «Однодум» — квартальный Рыжов, унаследовавший от своего отца один ветхий домишко. Подчас это обедневшие деклассированные дворяне, образ жизни которых почти не отличается от крестьянского. Таков Рогожин («Захудалый род»), про которого умная княгиня Протозанова говорит, что он «гол, как турецкий святой, а в душе рыцарь».[3]

В таком осмыслении генеалогии русских Дон-Кихотов несомненно сказался стихийный демократизм Лескова, глубоко знавшего и любившего народную Россию и горячо веровавшего в богатство ее духовных возможностей.

Раскрывая нравственную красоту героя Сервантеса, Тургенев заставляет своих слушателей по достоинству оценить его преданность идеалу, пусть ложному, но сохраняемому в чистоте и неприкосновенности. Для Лескова самая устремленность Дон-Кихота к высокому идеалу также имеет первостепенное значение, но в своем рассуждении о русских Дон-Кихотах и своих рассказах о них он больше внимания уделяет содержанию одушевляющих их идеалов. Он видит в них носителей евангельской правды и деятельной любви к людям. Это «праведники», посвящающие себя самоотверженному служению добру. Это люди «с человечкиной душой», которые мужественно противостоят усилению в современном им обществе духа «холодного, бесстрастного эгоизма и безучастия».

Итак, Лескову, как и Л. Толстому, особенно близок не социально-исторический, а этический пафос речи Тургенева, с ее апологией любви и героического самоотречения. Однако в его рассуждении высшие христианские идеи, которыми вдохновляются русские Дон-Кихоты, получают и определенное социальное преломление, иное, чем у Тургенева.

В контексте не только этой речи, но и одновременных с ней художественных произведений Тургенева русские Дон-Кихоты — это «сознательно-

---

[3] *Лесков*, т. 5, стр. 6.

героические натуры», представляющие новые общественные силы, демократы-разночинцы, отдающие себя революционной борьбе. Лесков далек от подобной социальной интерпретации типа Дон-Кихота, заключающей в себе известную апологию сознательных революционных борцов, ведомых передовой общественной мыслью. Однако и в его истолковании праведническая преданность русских Дон-Кихотов высшему идеалу неизбежно сопряжена с началом социального протеста, только это протест стихийный, бунтарский.

Деятельная любовь к обиженным, угнетенным, бедным людям, по логике Лескова, заставляет русских Дон-Кихотов пойти против существующих социальных норм, стать «добрыми разбойниками», карающими притеснителей-богачей и раздающими их добро бедным. Лесков ясно ощущает поэтическое величие этих народных заступников, деяния которых запечатлены в песнях и сказках. Ему родствен и близок их стихийный демократический протест против социального зла, который в то же время и пугает его своими возможными разрушительными последствиями.

Итак, забытый отклик Лескова на знаменитую речь Тургенева, с одной стороны, лишний раз свидетельствует, сколь велик был ее непосредственный резонанс в литературе 60-х годов.

С другой стороны, этот отзыв позволяет глубже понять демократический пафос творчества самого Лескова, создавшего в своих хрониках и рассказах целую галерею положительных народных типов, среди которых значительное место принадлежит натурам донкихотского склада.

И. В. Столярова

«ПРИЗРАКИ»

РЕМИНИСЦЕНЦИИ ИЗ ШОПЕНГАУЭРА

Тема «Тургенев и Шопенгауэр» издавна привлекала внимание исследователей. Интерес к ней обусловливался тем, что идеи этого философа были очень влиятельными в середине XIX в. и оказали воздействие на многих русских писателей и поэтов. Отношение Тургенева к Шопенгауэру важно выяснить еще и потому, что имя его неоднократно упоминается в письмах писателя 60-х годов.

В настоящее время собран значительный фактический материал, свидетельствующий, что Тургенев внимательно читал произведения Шопенгауэра и в особенности его основное сочинение «Мир как воля и представление» (т. I — 1818 г., т. II — 1844 г.).

При всем том, как уже справедливо отмечалось, Тургенев не был ни прямым последователем, ни подражателем Шопенгауэра. Будучи яркой творческой индивидуальностью, хорошо зная историю философии от античности до социалистических утопий XIX в., Тургенев ассимилировал только отдельные элементы философских концепций различных мыслителей, соприкасавшиеся с его собственными представлениями.

Следы чтения Шопенгауэра с наибольшей очевидностью обнаруживаются в «Призраках» и «Довольно». Устанавливая ряд аналогий и совпадений в тексте «Призраков» с рассуждениями и афоризмами Шопенгауэра, исследователи указывали и на XXIII главу «фантазии» Тургенева. Отмечалось, что нарисованная в этой главе пессимистическая картина жизни всего человечества создана писателем под впечатлением 38-й и 46-й глав второго тома книги «Мир как воля и представление», первая из которых называется «Об истории», а вторая — «О ничтожестве и горестях жизни».[1]

Опубликованные в IX томе академического издания сочинений Тургенева рукописные материалы свидетельствуют, что, работая над «Призраками», писатель действительно обращался к указанному сочинению немецкого философа.

Так, в 1861 г. Тургенев составил общий план «Призраков» и на том же листе записал несколько отрывочных фраз, являющихся либо первоначальными заготовками текста, либо указаниями на содержание глав будущего произведения.[2] Среди прочих есть и такая запись: «Вид земли (Шопенгауэр)».[3] Вид земли с птичьего полета описан в XXIII главе. Там сказано: «...Грустно стало мне и как-то равнодушно скучно. И не потому стало мне грустно и скучно, что пролетал я именно над Россией. Нет! Сама земля, эта плоская поверхность, которая расстилалась подо мною; весь земной шар с его населением, мгновенным, немощным, подавленным нуждою, горем, болезнями, прикованным к глыбе презренного праха; эта хрупкая, шероховатая кора, этот нарост на огненной песчинке нашей планеты, по которому проступила плесень, величаемая нами органическим, растительным царством; эти люди-мухи, в тысячу раз ничтожнее мух; <...> как это мне вдруг всё опротивело!».[4]

Сопоставление текста этой главы с текстами Шопенгауэра позволило установить, что, составляя план «Призраков» и отмечая, что картина земли будет изображена по Шопенгауэру, Тургенев имел в виду следующее описание вселенной, которым открывается второй том книги «Мир как воля и представление»: «В беспредельном пространстве бесчисленные светящиеся шары; вокруг каждого из них вращаются около дюжины меньших, освещенных; горячие изнутри, они покрыты оцепенелой холодной корой, на которой налет плесени породил живые и познающие существа, — вот эмпирическая истина, реальное, мир».[5]

Итак, свидетельство самого автора «Призраков», подтвержденное текстовыми совпадениями, позволяет ввести в научный оборот еще один факт

---

[1] См.: М. К. Азадовский. Три редакции «Призраков». «Ученые записки Ленинградского университета», 1939, № 20, вып. 1, стр. 147; И. Винникова. Тургенев в шестидесятые годы. Изд. Сарат. унив., 1965, стр. 69.

[2] См.: *Сочинения*, т. IX, стр. 378—379 и 471—472.

[3] Там же, стр. 379.

[4] Там же, стр. 105—106.

[5] А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление, т. II. М., 1901, стр. 1. (Перевод Ю. И. Айхенвальда).

обращения Тургенева к произведениям Шопенгауэра. Факты такого рода важно фиксировать, так как они должны быть приняты во внимание при исследовании философских воззрений Тургенева.

Е. И. Кийко

«ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛИНСКОМ»

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ОЧЕРКА ТУРГЕНЕВА

Очерк Тургенева «Воспоминания о Белинском» был напечатан, как известно, в апрельском номере журнала «Вестник Европы» за 1869 г. Среди газетных и журнальных отзывов о нем, касающихся в основном отношений Белинского с Краевским и Некрасовым,[1] выделяется статья М. А. Антоновича «Новые материалы для биографии и характеристики Белинского», отметившего стремление автора очерка сравнить Белинского с критиками 60-х годов — Чернышевским и Добролюбовым — и подчеркнуть, что это сравнение не в пользу последних.[2] Возражая Тургеневу, Антонович писал: «‹. . .› люди, которых г. Тургенев укорял в гаерстве, зубоскальстве ‹. . .› стояли нисколько не ниже, если еще не выше Белинского».[3] Это, говорит далее Антонович, лучше, чем кому бы то ни было, полагается знать А. Н. Пыпину, влиятельному сотруднику редакции «Вестника Европы». У него, двоюродного брата Н. Г. Чернышевского, работавшего бок о бок с ним, Добролюбовым и другими представителями революционно-демократической критики и публицистики в «Современнике», и нужно спросить, почему именно на страницах либерального «Вестника Европы» «г. Тургенев бросает несколько камешков в чей-то огород».[4] Эта апелляция не осталась незамеченной тем, кому была адресована. Через несколько лет в большом труде «В. Г. Белинский. Опыт биографии» («Вестник Европы», 1874, №№ 3, 4, 6, 10—12, и 1875, №№ 2, 4—6) Пыпин подробно высказал свой взгляд на спорный вопрос и свои возражения Тургеневу. В споре приняли участие К. Д. Кавелин (Белинский и последующее движение нашей критики. «Неделя», 1875, 5 октября, № 40) и Н. В. Шелгунов (Еще об идеалах. «Неделя», 1875, 7 декабря, № 49). Кавелину Пыпин от-

---

[1] Подробный анализ этих отзывов см.: *Сочинения*, т. XIV.

[2] Антонович считал, что намерению это было осуществлено не как «борьба, ведущаяся по рыцарским правилам», а как «действие, грубо называемое ляганием», и приписывал его «ожесточению», желанию «лишний раз уязвить противника», от которого в свое время будто бы немало пострадала литературная репутация Тургенева («Космос», Приложение № 1, 1869, стр. 98—99). Утверждения его вызвали негодование писателя, выраженное им в статье «По поводу „Отцов и детей“» (И. С. Тургенев, Сочинения (1844—1868), изд. бр. Салаевых, М., 1869, ч. 1, стр. XCII—XCIII).

[3] См.: «Космос», Приложение № 1, 1869, стр. 102.

[4] Там же, стр. 98.

ветил статьей «Об упадке современной критики» («Вестник Европы», 1876, № 1). В заключение сказал свое слово и М. А. Антонович (Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы. «Слово», 1878, № 2). Так возникла цепь печатных выступлений, в которой каждое последующее было обязано своим появлением предыдущему и в которой «Воспоминания о Белинском» Тургенева сыграли важную роль первого звена. Необходимо подробно остановиться на этих выступлениях, чтобы дополнить представление о полемике вокруг очерка, об общественном резонансе, который он имел.[5]

Среди них «Опыт биографии» Пыпина занимает особое место. Автор, впервые собравший и систематизировавший огромный биографический и эпистолярный материал о Белинском,[6] вдумчиво изучил то, что писал о нем Тургенев в очерках «Встреча моя с Белинским» (1860) и «Воспоминания о Белинском» (1869), справедливо считая, что свидетельства этого «авторитетного писателя, близкого свидетеля эпохи, одного из друзей Белинского <...> заслуживают и требуют особенного внимания».[7] Обильные цитаты из «Воспоминаний о Белинском» и «Встречи моей с Белинским» мы находим в восьмой, десятой и одиннадцатой главах работы Пыпина;[8] в главе девятой выборочно публикуются письма Белинского к Тургеневу от 19 февраля (3 марта) и 1 (13) марта 1847 г.[9] (писатель в «Воспоминаниях» использует другие отрывки из этих же писем), переданные Тургеневым Пыпину;[10] подробное изложение иногда заменяется ссылками на Тургенева (в частности, в главе девятой, когда речь идет об увлечении Белинского Пьером Леру, о несогласии с редакцией «Отечественных записок», об отношении к новым литературным талантам, о взгляде на «Деревню» Григоровича).[11]

Пыпин, по достоинству оценивший «Воспоминания о Белинском», остался, однако, не удовлетворен тем, что писал Тургенев о соотношении между критикой Белинского и критикой 60-х годов: это была важная проблема, от правильной постановки которой зависело решение вопроса об историческом значении деятельности Белинского. Он решительно не со-

---

[5] Следует отметить, что полемика эта в значительной мере посвящена также обсуждению значения идеалов в общественной жизни и упадка современной литературы и критики, — темам, в тургеневских «Воспоминаниях» не затронутым. Исключительно об этих проблемах шла речь в ряде статей, не указанных здесь. Их перечень см. в работе Л. И. Зенькович «„Эпизод из жизни ни павы, ни вороны" Осиповича (А. О. Новодворского)», где выступления Пыпина, Кавелина и Шелгунова рассмотрены как проявление интереса русской публицистики к Белинскому (см.: «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена», 1965, т. 273, Русская и советская литература (Исследования и материалы), стр. 97—103).

[6] См. об этом: Т. Ухмылова. Материалы о Белинском из архива А. Н. Пыпина. *Лит. насл.*, т. 57, стр. 303—318.

[7] «Вестник Европы», 1875, № 6, стр. 572, 582.

[8] Там же, № 4, стр. 570—575, № 6, стр. 554—555, 562, 572, 582—588.

[9] Там же, № 5, стр. 158, 161.

[10] *Письма*, т. X, стр. 205.

[11] «Вестник Европы», 1875, № 5, стр. 130—133, 152.

гласился с отчетливо выраженной в них мыслью о совершенно иных (и ошибочных) по сравнению с Белинским принципах литературной критики Чернышевского и Добролюбова. У даровитого Добролюбова и «много обещавшего юноши» Писарева, считал Тургенев, не было присущего Белинскому понимания того, какие вопросы в настоящую минуту подлежат обсуждению, а какие нет, и, следовательно, осознания своего назначения в целом: в силу добровольно принятого решения Белинский ограничился в своей деятельности чисто эстетическими задачами и не посягал на вопросы общественные и политические, как это делал (и к тому же не слишком удачно) Добролюбов. Письмо к Гоголю было единственным исключением из правила, которое он позволил себе, продолжает писатель; его политические убеждения вообще не выходили из сферы «инстинктивных симпатий и антипатий».[12] Материалы переписки Белинского, возражает Пыпин в одиннадцатой, заключительной, главе своей книги, находятся в противоречии с этим утверждением Тургенева: «...в рассказе г. Тургенева образ мыслей Белинского и его деятельность является, что называется, honnête et modéré, когда вся его биография есть история страстных увлечений, упорного отрицания».[13] Материалы эти убедительно показывают, что неукротимая жажда истины, помноженная на воздействие русской жизни, привела к закономерному повороту во взглядах Белинского от чистой эстетики к общественным интересам, когда ему стала ясна необходимость преобразования окружающей действительности.[14] Его «художественная критика всё больше и больше переходила в публицистическую», и письмо к Гоголю, являющееся не «случайным порывом», а «естественным завершением целого развития», позволяет в полной мере судить о том, какой была бы критика Белинского, если бы не жестокие цензурные условия, вынуждавшие его говорить исключительно о литературных вопросах. Именно поэтому тургеневское «противоположение» «чистого эстетика» Белинского «утилитарности» направления 60-х годов неправомерно. Наоборот, Белинский, в котором «стремление к общественной критике составляло ‹...› исторически необходимую и ‹...› существенную черту», «послужил школой и исходным пунктом» для «писателей нового поколения».[15] А между тем это «противоположение» — не единственное в «Воспоминаниях о Белинском». Тургенев указывает еще на две черты новой критики, для него неприемлемые и Белинскому, с его точки зрения, не свойственные. Во-первых, отмечает он, Белинский — «настолько же идеалист, насколько отрицатель» — был совершенно лишен склонности к «зубоскальству», «глумлению» и «свистанию», которой грешили критики 60-х годов (не называется, но имеется в виду Добролюбов). И, во-вторых, писатель нисколько не сомневается в том, что «воистину детское и

---

[12] Там же, 1869, № 4, стр. 706.

[13] Там же, 1875, № 6, стр. 586.

[14] Пыпин развивает уже высказанную Н. Г. Чернышевским в «Очерках гоголевского периода» мысль (см.: *Чернышевский*, т. III, стр. 219, 226).

[15] «Вестник Европы», 1875, № 6, стр. 569, 579—581, 588, и 1876, № 1, стр. 413.

к тому же не новое, подогретое объяснение искусства подражанием природе» (намек на Чернышевского) не могло иметь ничего общего со взглядами Белинского на искусство и его отношение к действительности.[16] Конечно, признает Пыпин, читая Белинского и Добролюбова, сразу видишь, что это люди разного темперамента (Белинский сам «замечал, что он шутить не мастер», Добролюбов же был человек «несомненно и богато остроумный»);[17] разумеется, никто в точности не знает, что именно сказал бы Белинский по поводу спора о природе искусства в 50-х годах, но можно быть уверенным в том, что ему были бы понятны и желчность Добролюбова, и пересмотр старых идеалистических воззрений на искусство, осуществленный Чернышевским. Такие черты его, как «стремительное домогательство истины» и «негодование, с которым он покидал собственные мнения, когда находил их ошибочными», на которые указывает сам Тургенев,[18] служат ручательством этого. «Новая критика, — заключает Пыпин, — была не только не различна, но совершенно однородна с критикой Белинского, была прямым ее наследием и дальнейшим историческим развитием».[19]

Чтобы объяснить, почему «Тургенев делает из Белинского полемическое оружие против новой критики»,[20] Пыпин обращается к общественной позиции самого писателя, но дает ей упрощенное толкование. Он считает, что Тургенев оказался одним из тех современников Белинского, которые из-за «чисто личных предубеждений и пристрастий» не захотели увидеть своих преемников в новых писателях и критиках и стали виновниками того разлада между поколениями 40-х и 60-х годов, который еще более усилился после появления принадлежавшей Тургеневу же «тенденциозной и враждебной» характеристики этих поколений.[21] «Воспоминания о Белинском» с их нападками на Чернышевского и Добролюбова ясно показывают, что позиция Тургенева со времени написания «Отцов и детей» не изменилась и что он остается активно действующей фигурой в этом разладе. Пыпин считает, что положение изменится только тогда, когда большая общественная группа, к которой принадлежит и Тургенев, проявит объективность, понимание и сочувствие, которых ему так не хватило в пору работы над «Отцами и детьми». Не вполне учитывая сложность тургеневской позиции, Пыпин вместе с тем верно заметил, что, наделяя Белинского-критика такими чертами, отсутствие которых немедленно ставится в вину Чернышевскому и Добролюбову, писатель подвергает сомнению существующую между ними неразрывную преемственную связь. Отталкиваясь от тургеневских «Воспоминаний», он в середине 70-х годов обращается к чрезвычайно актуальной для русского общества и литера-

---

[16] «Вестник Европы», 1869, № 4, стр. 711, 713, 715.
[17] Там же, 1875, № 6, стр. 587.
[18] «Московский вестник», 1860, 23 января, № 3, стр. 41; «Вестник Европы», 1869, № 4, стр. 721.
[19] «Вестник Европы», 1875, № 6, стр. 592.
[20] Там же, стр. 586.
[21] Там же, стр. 589, 591.

туры проблеме соотношения поколений 40-х и 60-х годов, частью которой был вопрос о двух поколениях критиков.[22]

Полемизируя с писателем, Пыпин рассчитывал на то, что он ответит ему в печати и спор будет продолжен. Он безусловно знал о том, с каким интересом Тургенев следит за печатанием «Опыта биографии» в «Вестнике Европы»,[23] и, как только оно было закончено, попытался через Стасюлевича выяснить впечатление, произведенное на Тургенева заключительными страницами его труда. В начале июня 1875 г. было написано то не дошедшее до нас письмо Стасюлевича к Тургеневу, о содержании которого мы можем судить по его письму к Пыпину от 28 июня (10 июля) 1875 г.: Тургенев «мне писал ‹...› вследствие моего письма к нему, где я только обращал его внимание на Вашу статью и предоставлял ему право „озлиться“ и написать что-нибудь».[24] Писатель ответил Стасюлевичу 8 (20) июня, но обстоятельства сложились так, что, прежде чем этот ответ до него дошел, произошло личное свидание корреспондентов, о котором Стасюлевич сразу же сообщил Пыпину. 18 (30) июня он писал ему: «Вчера же ‹...› я сделал экскурсию в Карлсбад, где виделся с Тургеневым и Ал. Толстым. Оказалось, Тургенев уже писал мне по поводу Вашей статьи, но его письмо опоздало и теперь, вероятно, лежит в Киссингене. Относительно Вашего возражения ему он писал там, что „раздумав несколько, я должен был сказать себе: ведь он прав“. Повторив эти слова мне, Т‹ургенев› заметил только, что если бы он имел Ваши документы в руках, когда писал свои „Воспоминания“, то, конечно, не написал бы того, что он написал».[25] Когда же тургеневское письмо оказалось в руках Стасюлевича, он 28 июня (10 июля) послал Пыпину следующую выписку из него: «...вот копия с его ответа: „Я прочел статью Пыпина — и, по зрелом соображении фактов, должен сознаться, что едва ли он не вернее моего взглянул на деятельность Белинского. Стало быть, полемизировать мне с ним нельзя (это он намекнул на мое предложение „озлиться“) — а скорее нужно сделать оговорку в будущем издании моих „Воспоминаний“».[26] Это сделанное в самой общей форме признание его правоты не совсем удовлетворило Пыпина. 21 июня ст. ст. 1875 г. он писал Стасюлевичу: «Мне очень любопытен отзыв Тургенева, но то, что Вы со-

---

[22] Обсуждение этой проблемы, начатое Добролюбовым (Литературные мелочи прошлого года, ст. 1. «Современник», 1859, № 1), продолжалось на всем протяжении 60-х годов в статьях: Д. И. Писарев. Базаров. «Русское слово», 1862, № 3; В. Зайцев. Белинский и Добролюбов. «Русское слово», 1864, № 1; А. И. Герцен. Еще раз Базаров. «Полярная звезда» на 1869 г.; Н. В. Шелгунов. Люди сороковых и шестидесятых годов. «Дело», 1869, №№ 9—12; Е. И. Утин. Литературные споры нашего времени. «Вестник Европы», 1869, № 11; Н. Н. Страхов. Критические заметки о текущей литературе. «Заря», 1869, № 12, и др.

[23] См.: *Письма*, т. X, стр. 209, 225—226.

[24] *ГПБ*, ф. 621, № 826, лл. 15 об.—17.

[25] Там же, л. 24. Письмо Тургенева к Стасюлевичу см.: *Письма*, т. XI, стр. 94—95.

[26] Там же, лл. 15 об.—17. — Ср. письма Тургенева к А. В. Топорову от 6 (18) июня и П. В. Анненкову от 8 (20) июня 1875 г. (*Письма*, т. XI, стр. 92—94).

общаете, касается, сколько я понимаю, только одного пункта статьи — что говорит он о других?»;[27] а в письме от 5 июля ст. ст. разъяснял: «Другой пункт, который интересовал меня в отзывах Тургенева — я разумею следующий. Он соглашается с моей характеристикой Белинского — *но* соглашается ли он с тем, что говорится об отношении Белинского к последующему критическому поколению; соглашается ли, что его собственное, Тургенева, отношение к этому поколению изображено у меня также верно. Словом, кроме вопроса о Бел‹инском›, возвращается старый вопрос об „Отцах и детях" — и то, как думает теперь об этом Тургенев, меня и интересовало, как „другой пункт"».[28] Судя по сохранившейся переписке, Пыпин не получил ответа на более всего волновавший его вопрос о «другом пункте» своего труда. «Второе прибавление» к «Воспоминаниям о Белинском», написанное, как Тургенев и обещал, для нового издания его сочинений в 1880 г., также не содержало никаких высказываний на этот счет: писатель признавал в нем, что считает справедливым данное «почтенным ученым» объяснение «сдержанности» Белинского («...весьма вероятно, что оценка г-ном Пыпиным *этой* стороны характера нашего великого критика — вернее моей»).[29] Текст «Второго прибавления» показывает, что Тургенев предпочел не говорить больше о преемственной связи Белинского с «последующим критическим поколением».[30] Но сам факт этого умолчания позволяет считать, что отказ от полемики с Пыпиным все-таки не означал полного, по всем «пунктам», согласия Тургенева с ним.

Попытка вызвать Тургенева на полемику не удалась. Это не заставило Пыпина отказаться от намерения обсудить еще раз проблему преемственности поколений. Летом 1875 г. он обратился к другому человеку круга Белинского — К. Д. Кавелину, воспоминаниями которого он воспользовался в восьмой главе своей работы,[31] — с просьбой высказать свое мнение о последней части «Опыта биографии». Пыпина в данном случае также прежде всего интересовал «другой пункт», и Кавелин это понял. 13 июля ст. ст. 1875 г. он отвечал: «Желая знать мое мнение о заключительных страницах Вашей работы, Вас, конечно, занимала мысль, как понимает значение Белинского и его отношение к новому мыслящему поколению другой современник той эпохи? Думает ли он так же, как Тургенев, или и между современниками и близкими Б‹елинскому› суждения о нем и его деятельности были тоже различны?».[32] Это подробное письмо Кавелина,

[27] *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1188, № 20.

[28] Там же, № 16.

[29] Сочинения И. С. Тургенева (1844—1868—1874—1880), т. 1, М., 1880, стр. 62.

[30] Этим нежеланием продиктованы, по-видимому, и следующие его слова в письме к Топорову от 10 (22) апреля 1875 г.: «Представьте Вы себе мое невежество! Я не знаю, *о ком* Вы говорите, упоминая автора „Очерков гоголевского периода русской литературы"! В моих „Воспоминаниях" я упомянул только об одном критике: Писареве — но его статьи такого заглавия не носят. Добролюбов? Но о нем я говорил с уважением. Н. Г. Ч.? Но о том я совсем не говорил» (*Письма*, т. XI, стр. 62).

[31] «Вестник Европы», 1875, № 4, стр. 575—583.

[32] *ИРЛИ*, ф. 250, № 384, л. 1 об.

по обоюдному согласию (см. письма Пыпина к Кавелину от 31 июля ст. ст. 1875 г.[33] и Кавелина к Пыпину от 9 августа ст. ст. 1875 г.[34]), было решено положить в основу его выступления в газете «Неделя». 5 октября 1875 г. в № 40 этой газеты было напечатано открытое письмо Кавелина к Пыпину, озаглавленное «Белинский и последующее движение нашей критики». Обращенный к Тургеневу упрек Пыпина в том, что в обрисовке фигуры Белинского заметно сказались полемические намерения писателя, он признал заслуженным, — правда, в более нейтральных выражениях, чем в письме от 13 июля ст. ст. 1875 г., где говорилось: «Вы тысячу раз правы, что Тургенев из полемических целей стушевал эту ‹отрицательную› сторону Бел‹инского›. Я не совсем понимаю, отчего и зачем у Тургенева эта кислая гримаса, заставившая его употребить Б‹елинского› как орудие для полемики с направлением, которому он не сочувствует, и исказить образ этой личности, прелестный в своей полноте и многосторонности».[35] Но он хорошо понимал, чем были вызваны эти полемические намерения. И с его точки зрения «последующее движение русской литературы и критики» также нельзя в полной мере считать «непосредственным продолжением деятельности Белинского», ибо два указанных литературных поколения не являются носителями одних и тех же идеалов. Идеалы Белинского были «скорее общим настроением», а потому и сами они, и формы их применения могли меняться в зависимости от требований жизни; идеалы Чернышевского и Добролюбова были стеснительными и жесткими формулами, навязываемыми ей. В критике Чернышевского и Добролюбова начался процесс перерождения идеалов Белинского (отрицание стало вытеснять утверждение), завершившийся самым печальным образом в деятельности их последователей: когда обнаружилось, что изменить жизнь в соответствии с суровыми формулами невозможно, от идеалов отказались совсем, утвердилось «голое отрицание» и, как следствие этого, хаос и разлад. Непосредственные последователи Белинского — Чернышевский и Добролюбов, — ответственные за забвение созидательного начала в русской критике, были, таким образом, его односторонними последователями, ибо у него отрицание никогда не становилось самоцелью, а шло рядом с утверждением. Своей статьей Кавелин хотел напомнить о необходимости восстановить забытые идеалы с помощью «серьезного, честного научного труда» и, разумно сочетая их с отрицанием, разработать оставшуюся, по его мнению, нетронутой «целую существенную сторону деятельности Белинского».[36] В письме к Пыпину от 13 июля 1875 г. он писал об этом так: «Мы, люди сороковых годов, разошлись с последующим движением мысли и литературы, потому что оно развивало только одну сторону фазы, выразившейся в Б‹елинском›. ‹...› из задач, поставленных Б‹елинским› и его современниками, разрешены только отрицательные; положительных новое движение литературы и печати не коснулось. ‹...› На эту-то сторону, мне кажется, хотел указать Тургенев и

[33] *ИРЛИ*, 20635. CXLI б. 2, лл. 20—21.

[34] Из переписки деятелей Академии наук. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Л., 1925, стр. 75—76.

[35] *ИРЛИ*, ф. 250, № 384, л. 3.

[36] «Неделя», 1875, 5 октября, № 40, стб. 1304.

сделал это весьма неловко и неудачно».[37] Определяя свою позицию как промежуточную между Тургеневым, смягчившим в Белинском черты отрицателя, и Пыпиным, слишком их подчеркнувшим, Кавелин напрасно претендовал на высказывание истины в полном объеме. Он в этом споре является представителем самой консервативной тенденции. Неприятие революционных идей, которым продиктованы надуманное противопоставление идеалов двух поколений и изображение Белинского выразителем реакционной теории гибких, применяющихся к жизни идеалов, явно и недвусмысленно выражено в его статье.

С горячей защитой критиков и всего поколения 60-х годов выступил в той же газете Н. В. Шелгунов, откликнувшийся на выступление Кавелина статьей «Еще об идеалах» (1875, 7 декабря, № 49).[38] Он утверждал, что критики, сменившие Белинского, были не только его продолжателями, но и сделали по сравнению с ним большой шаг вперед, ибо впервые с «такой далеко захватывающей смелостью, что г. Тургенев упрекнул Добролюбова в бестактности», подвергли обсуждению массу политических, общественных, экономических вопросов. Формулированность, конкретность идеала также были их заслугой, тем более что Чернышевский и Добролюбов жили в иных, чем Белинский, исторических условиях. Стремлениям Белинского неизбежно были свойственны абстрактность и расплывчатость («перед Белинским стоял как бы один враг»); в 60-х годах цели деятельности обозначились яснее, так как яснее обозначились силы, действовавшие в русском обществе («перед последующей критикой тот же враг, но более многосложный и выяснившийся»). Шелгунов отводит упреки в ограниченности, односторонности, утилитаризме, предъявляемые Кавелиным новой критике. Из увлечения естественными науками не следовало, что к философии и истории отнеслись с совершенным пренебрежением, принцип полезности вовсе не означал игнорирования специфики искусства. И, наконец, можно ли отказывать критикам 60-х годов в проповеди «честного научного труда»? Несправедливо объявлять их ответственными за разнобой в русской печати. Просто их идеал был «строже и суровее» идеала предшественника. Он «напоминает больше того мускулистого кузнеца, которого рисует Золя, а не изнеженного франтика или недовольного кающегося дворянина, идеальной типичностью которого пленяется г. Венгеров в Чулкатурине». Рядовым представителям массы такой идеал ока-

[37] *ИРЛИ*, ф. 250, № 384, лл. 3 об.—4.

[38] Принадлежность этой неподписанной статьи Шелгунову устанавливается на основании указания Пыпина, что она и «Заметки провинциального философа» в № 43 «Недели» за 1874 г. принадлежат одному и тому же лицу (см.: А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, т. I. СПб., 1876, стр. XIII), и свидетельства П. А. Гайдебурова, сообщавшего, что автором обзоров под таким заглавием в «Неделе» был с 1872 г. Шелгунов (см.: П. А. Гайдебуров. Из прошлого «Недели». Несколько личных воспоминаний. «Книжки Недели», 1893, № 2, стр. 17). Подтверждением авторства Шелгунова служит и то, что вопрос о значении наследия шестидесятников, которому посвящена данная статья, неоднократно ставился им в таком же духе в других работах и прежде всего в уже упоминавшейся выше статье «Люди сороковых и шестидесятых годов» (см.: История русской критики, т. II. М.—Л., 1958, стр. 236—238).

зался не по силам, «стофутовых людей», необходимых для работы над его практическим воплощением, жизнь не выдвинула. Сказались и сложные условия существования и развития русской мысли. В этом-то и состоит причина упадка, хаоса, разлада в современной критике и литературе, о котором скорбит «почтеннейший панегирист Белинского». Да и скорбь эта, по твердому убеждению Шелгунова, преувеличена: идеалы не исчезли, деятельность Чернышевского и Добролюбова не прошла бесследно. «Дождитесь, когда действующее поколение сменится следующим, и тогда вы увидите — умерла ли честная русская мысль и умерло ли русское благородство», — писал он.[39]

Пыпин ответил Кавелину подробной статьей «Об упадке современной критики» в январском номере «Вестника Европы» за 1876 г. Хотя имя шестидесятника Шелгунова в ней не упоминается, автор, стоявший в общем на умеренно-либеральных позициях, в своих выводах во многом сближается с ним. Отметив, как и Шелгунов, что Кавелин говорит о «перерождении», а затем «исчезновении» идеалов там, где следует говорить только о неизбежном изменении (в смысле усиления внимания к проблемам общественно-политическим) характера критики в условиях 60-х годов, когда началось конкретное обсуждение вопросов, о которых в 40-х годах говорили в самой отвлеченной форме, Пыпин подчеркивает: укрепление «в литературе и в лучших людях общества внимания к серьезным интересам общественного быта» было «заслугой Добролюбова и друзей его». Кавелину, настаивающему на том, что критика, свернув с пути, указанного Белинским, растеряла идеалы и оказалась в настоящее время в состоянии упадка, Пыпин возражает в тех же выражениях, что и Шелгунов: критике в России сейчас гораздо труднее говорить о своем отнюдь не исчезнувшем идеале, мы обязательно услышим о нем, «когда по условиям общественным (от литературы не зависящим) будет возможно и не слишком отяготительно высказывать это положительное содержание». Он настойчиво повторяет свою мысль о связи критики 60-х годов и критики Белинского. Его аргументы остаются теми же: с одной стороны, начало указанной перемены наблюдается уже у Белинского, с другой — люди 60-х годов (подразумевается Чернышевский с его «Очерками гоголевского периода») первыми заговорили о Белинском как о своем «предшественнике и учителе».[40] Одновременно Пыпин продолжает считать, что разрыв поколений 40-х и 60-х годов, следствием которого является нежелание признать в Чернышевском и Добролюбове идейных наследников Белинского, носит сугубо личный характер, и по-прежнему недоумевает, почему же нельзя, в конце концов, выяснив недоразумения, дружно двигаться к общей цели.

М. А. Антонович, как показала его статья «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы», полностью разделял мнение Пыпина и Шелгунова как по вопросу о предшественниках и последователях, так и по вопросу о подлинных причинах упадка современной литературы

---

[39] «Неделя», 1875, 7 декабря, № 49, стб. 1638—1640, 1646.
[40] «Вестник Европы», 1876, № 1, стр. 413, 427.

и критики. Присоединяясь к ним, он писал: «Мы не считаем нужным доказывать, что Добролюбов с товарищами были настоящими преемниками и продолжателями Белинского, что они начали как раз с того, на чем он остановился. ‹...› Идеалы и идеи их живут и теперь в некоторой части общества; не совсем исчезли они и из литературы».[41] Однако он ошибался, когда, переходя к оценке высказываний противной стороны, ставил рядом Тургенева и Кавелина. Повторяя по адресу Тургенева обвинения десятилетней давности (см. «Новые материалы для биографии и характеристики Белинского»), он не желал понять, что мысли «литературу испортил и довел ‹...› до нынешнего плачевного положения не кто иной, как Добролюбов и его литературные друзья»,[42] которую ясно высказал Кавелин, нет в «Воспоминаниях о Белинском» Тургенева. Точно так же он не хотел замечать в очерке «По поводу „Отцов и детей“», существенно необходимом для уяснения точки зрения Тургенева, слов, что «он ‹Добролюбов› по праву считался выразителем общественного мнения»,[43] — свидетельствующих, как и весь роман «Отцы и дети», об «особом характере отношения Тургенева к его революционным противникам, с которыми он боролся и спорил, в то же время восхищаясь ими».[44]

Учитывая разницу между Кавелиным и Тургеневым, нельзя все-таки не видеть, что преемственная связь критики и поколений 40-х и 60-х годов представлялась последнему небезоговорочной, а правота в этом споре была на стороне тех, кто признавал эту связь категорической и несомненной. Современники оценили это признание как достойный и мужественный акт, отметив одновременно противоречивость взглядов Тургенева в обсуждаемом вопросе. В. В. Стасов, например, писал Пыпину по поводу его работы 6 (18) сентября 1881 г.: «...эта книга — вещь знатная, одна из самых крупных заслуг Ваших. Посреди того, что теперь делается и у нас и не у нас, это великое утешение читать подобные вещи, получать новый раз веру в то, что стоит только родиться и подняться вот таким людям — а разве это невозможно — и всякая мерзость полетит рано или поздно кувырком. А потом Ваш отпор *половинчатым людям*, например, хоть бы Тургеневу — всё это хорошо, всё это отлично, и я мысленно не раз пожимал Вам руку».[45]

Т. А. Никонова

---

[41] «Слово», 1878, № 2, отд. 2, стр. 84.

[42] Там же, 77.

[43] И. С. Тургенев, Сочинения (1844—1868), изд. бр. Салаевых, М., 1869, ч. 1, стр. XCII.

[44] Г. Бялый. Тургенев и русский реализм. Изд. «Советский писатель», М.—Л., 1962, стр. 144.

[45] Из переписки деятелей Академии наук. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Л., 1925, стр. 105.

ПОЛЕМИКА ТУРГЕНЕВА С Л. Н. ТОЛСТЫМ В 1869 Г.

(ПО ДАННЫМ ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА СТАТЬИ «ПО ПОВОДУ „ОТЦОВ И ДЕТЕЙ“»)

Среди откликов на статью «По поводу „Отцов и детей“», в подавляющем большинстве крайне неблагоприятных для Тургенева, особой язвительностью тона и беспощадностью критических оценок отличался отзыв критика почвеннического направления Н. Н. Страхова, данный в его статье, посвященной анализу V и VI томов отдельного издания «Войны и мира», завершенного в конце 1869 г. Касаясь, в частности, суждений Тургенева о творчестве Толстого, Н. Н. Страхов писал: «Совершенно мимоходом, занятый, по-видимому, очень важными соображениями, г. Тургенев назвал гр. Л. Н. Толстого писателем пристрастным и невежественным <...> Как будто о таких вещах можно говорить мимоходом! Как будто, признавши „Войну и мир“ выше всего, что явилось у нас с 1840 г., то есть с „Мертвых душ“, и, следовательно, выше собственных своих творений, г. Тургенев имел право говорить о произведении гр. Л. Н. Толстого вскользь, мельком».[1] По существу дела, Н. Н. Страхов обвинял Тургенева в непоследовательном, неискреннем отношении к Толстому, стремился убедить читателей в том, что все сказанное им о «Войне и мире» — или результат недомыслия, или же, в лучшем случае, прямое следствие капризно-субъективистского умонастроения писателя. Между тем, каждое слово о Толстом в статье «По поводу „Отцов и детей“» было строго продумано и взвешено и ни в коей мере не противоречило основным идейно-эстетическим принципам Тургенева, которые он неуклонно отстаивал в пору своей литературной зрелости.

В своей статье Тургенев первым среди больших русских писателей заговорил о мировом значении Толстого-художника. Однако эта высокая оценка сопровождалась серьезными критическими замечаниями о «Войне и мире», поставленными в непосредственную связь с полемическими выпадами против славянофилов. Тургенев упрекал Толстого за пренебрежение к «истинному знанию» — одной из важнейших предпосылок «свободы в обширнейшем смысле», той свободы «в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории»,[2] которой, по его определению, больше всего недоставало именно славянофилам. Разумеется, такое сближение взглядов Толстого с идеями славянофилов не было случайностью. Для Тургенева оказалась совершенно неприемлемой историко-философская концепция «Войны и мира», в которой он не без основания усматривал следы славянофильских влияний. Конкретное указание на это обстоятельство есть в одном из его писем, написанном вскоре после прочтения пятого тома толстовской эпопеи. 13 (25) ноября 1869 г. Тургенев писал И. П. Борисову: «С нетерпением ожидаю 6-го тома „Войны и мира“ — авось автор успел немного *разуруситься* — и вместо мутного философствования даст нам попить чистой

[1] «Заря», 1870, № 1, отдел «Критика», стр. 135.
[2] *Сочинения*, т. XIV.

ключевой воды своего великого таланта».[3] Очевидно, этим же обстоятельством объясняется наличие в черновом автографе статьи (после слов «истинный художник») следующей заключительной характеристики мировоззрения Л. Толстого, не включенной впоследствии в окончательный текст: «...и человек, который подобно графу Толстому мог написать, [что] только одна бессознательная деятельность приносит плоды, сам начертал свой [собственный] приговор».[4] Все эти замечания о Толстом высказывались с позиции той защиты «истинного знания» и «образованности» на западноевропейский лад, которая была столь характерной для Тургенева в романе «Дым» и во многом предопределяла общую тональность «Литературных и житейских воспоминаний». Но полемика с Толстым этим не ограничилась. Знакомство с черновым автографом статьи показывает, что первоначальный диапазон этой полемики был значительно шире. В своей полемике с Толстым Тургенев наряду с общефилософской темой предполагал затронуть некоторые тесно связанные с нею специфически литературные проблемы.

Приведенную выше суровую характеристику мировоззрения Толстого Тургенев собирался подкрепить указанием на определенную главу или страницу «Войны и мира», о чем свидетельствует в черновом автографе знак сноски после слова «плоды».[5] Однако конкретная ссылка на «Войну и мир» появляется совсем в другом месте. На полях отдельной страницы чернового автографа, имеющей самостоятельное заглавие «О типах», Тургенев отметил: «„Война и мир“, книга 5-я, стр. 189, строка 1—3 сверху».[6] При ближайшем сопоставлении отрывка «О типах» с содержанием этих строк, взятым в контексте с соседними высказываниями Толстого, становится очевидным: в данном случае несогласие Тургенева с автором «Войны и мира» основывалось на различном понимании вопроса о том, кого следует считать подлинным героем исторической и современной общественной жизни, изображаемой в крупных литературных произведениях.[7]

Характеризуя настроения русских людей после занятия Москвы Наполеоном, Толстой квалифицирует как недостоверные «описания того времени», в которых, по его словам, говорится «только о самопожертвовании, любви к отечеству, отчаяньи, горе и геройстве русских. В действительности же это так не было, — продолжал Толстой. — <...> Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел,

---

[3] *Письма*, т. VIII, стр. 128. — О связи историко-философских глав «Войны и мира» с публицистикой славянофила князя С. С. Урусова и вообще о влиянии, оказанном на Толстого славянофилами, см.: Б. Эйхенбаум. Лев Толстой, кн. II. ГИХЛ, М., 1931, стр. 341—385.

[4] Черновой автограф статьи «По поводу „Отцов и детей“» хранится: *Bibl. Nat.*, Slave 75. — Цитируем по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 334.

[5] Слова «только одна бессознательная деятельность приносит плоды» — цитата из V тома «Войны и мира» в издании 1869 г. (стр. 189).

[6] *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 334.

[7] В дальнейшем отрывок «О типах» был включен в основной текст статьи и потерял свое самостоятельное значение. Границы этого отрывка в окончательном тексте: «Вся причина недоразумений ∞ выйти из неприятной неопределенности».

а руководились только личными интересами настоящего. И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени».[8] Вслед за этим Толстой высказывает мысль, отмеченную тургеневской ссылкой на полях чернового автографа: «Те же, которые пытались понять общий ход дел и с самопожертвованием и геройством хотели участвовать в нем, были самые бесполезные члены общества; они видели все навыворот, и все, что они делали для пользы, оказывалось бесполезным вздором».[9] Далее следовали типично толстовские рассуждения о том, что «в исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания», что «человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения» и т. п.

Каждый из этих доводов Толстого сам по себе противоречил коренным убеждениям Тургенева, но этого мало. Философская теория бессознательной деятельности как основной движущей силы исторического процесса предопределила одну из важнейших особенностей художественного метода Толстого в «Войне и мире», которая нашла свое выражение в отказе от центрального героя. Такого центрального героя, вокруг которого концентрировались бы все сюжетные линии и устами которого была бы выражена главная идея произведения, в «Войне и мире» нет. В полном соответствии с философской теорией Толстого подлинными героями «Войны и мира» явились многочисленные, внешне ничем не примечательные рядовые представители дворянства, а в конечном итоге весь русский народ, изображаемый как стихийная сила, не осознающая своего места и значения в истории, но тем не менее определяющая ее ход и развитие. Таким героем в «Войне и мире» является, например, Николай Ростов, вовсе не склонный к размышлениям на общие темы и руководствующийся «только личными интересами настоящего». Примечательна следующая толстовская характеристика Николая Ростова, сделанная также в непосредственном соседстве со строчками, привлекшими особое внимание Тургенева: «Ежели бы у него спросили, что он думает о теперешнем положении России, он бы сказал, что ему думать нечего, что на то есть Кутузов и другие, а что он слышал, что комплектуют полки и что должно быть драться еще долго будут и что при теперешних обстоятельствах ему не мудрено чрез года два получить полк».[10]

Такой метод видения и изображения людей и исторических событий был совершенно чужд Тургеневу-романисту. В противоположность идейно-художественной практике Толстого в «Войне и мире», главные мужские и даже женские образы в романах Тургенева являются в той или иной мере средоточием разума и чаяний своей эпохи. Центральный герой любого романа Тургенева всегда является выходцем из мыслящего «меньшинства образованного класса», которое, по убеждению автора «Отцов и детей», было единственной активной и перспективной силой русского общества со времен Петра I. Стремлением оградить «интересы» этих пред-

[8] Война и мир. Соч. графа Л. Н. Толстого, т. V. М., 1869, стр. 188.
[9] Там же, стр. 188—189.
[10] Там же, стр. 189—190.

ставителей духовно активного «меньшинства» и обусловлена в основном прикровенная, в силу ряда более важных причин не доведенная до конца полемика с Толстым в отрывке «О типах». Несмотря на признание в критическом отношении к Базарову и даже в нелюбви к нему, Тургенев теоретически защищал в лице своего героя именно тот тип деятеля, сознательно ставящего превыше всего «интерес общий», который в «Войне и мире» был охарактеризован как «самый бесполезный». Видя в Базарове тип общественного сознания, сродный по своему историко-культурному значению литературным типам Онегина и Печорина, Тургенев даже упрекал себя в известной оплошности, допущенной при изображении этого героя. «Базаровский тип, — замечал Тургенев по этому поводу, — имел по крайней мере столько же права на идеализацию, как предшествовавшие ему типы». Убедительным комментарием к этой антитолстовской по своей сути защите Базарова является критика героев «Войны и мира» в письме Тургенева к И. П. Борисову от 15 (27) марта 1870 г. «Прочел я 6-й том „Войны и мира“, — писал Тургенев в этом письме, — конечно, есть вещи первоклассные; но, не говоря уже о детской философии, мне неприятно было видеть отражение *системы* даже на образах, рисуемых Толстым. Отчего это у него непременно все хорошие женщины не только самки — даже дуры? И почему он старается уверить читателя, что коли женщина умна и развита, то непременно фразерка и лгунья? Как это он упустил из вида весь *декабристский* элемент, который такую роль играл в 20-х годах — и почему все порядочные люди у него тоже какие-то чурбаны — с малой толикой юродства?».[11] «Самки — даже дуры» — это «маленькая княгиня» Болконская, Наташа Ростова, отчасти ее мать. «Фразерка и лгунья» — по всей вероятности, хозяйка петербургского великосветского салона Анна Павловна Шерер. С точки зрения Тургенева, эти женские типы явно не заслуживали той подчас весьма беспощадной нравственно-психологической трактовки, какая выпала на их долю в «системе» образов «Войны и мира». Что касается «чурбанов — с малой толикой юродства», эта тургеневская характеристика относилась к таким любимым героям Толстого, как Пьер Безухов, Тушин, Тимохин, старик Ростов и др. Но самый важный упрек Толстому в письме Тургенева был связан с невниманием автора «Войны и мира» к «декабристскому элементу» — т. е. к людям, олицетворявшим в первой четверти XIX в. самую передовую и активную и притом сознательно целенаправленную силу эпохи, к людям, подчинявшим свою деятельность благородной и мужественной борьбе прежде всего за «интерес общий». Примечательно, что это тургеневское письмо написано вскоре после опубликования в журнале «Заря» упомянутой выше статьи Н. Н. Страхова — с характерным для нее, окрашенным в славянофильско-почвеннические тона, анализом двух типов героизма в «Войне и мире». Всех героев толстовской эпопеи Н. Н. Страхов делит на две категории — смирных и деятельных. К первой относятся Кутузов, Тушин, Тимохин, Дохтуров, Коновницын, «вообще вся масса наших военных и вся масса русского народа». Представителями же героизма

[11] *Письма*, т. VIII, стр. 200.

«деятельного или хищного», по терминологии Н. Н. Страхова, являются «Наполеон <. . .> Растопчин, Ермолов, Милорадович, Долохов».[12] Разумеется, симпатии Страхова, как и Толстого, целиком на стороне первой группы героев. «Мы не можем, — замечает по этому поводу Страхов, — не согласиться с поэтом, то есть мы вполне признаем превосходство смирного героизма над героизмом деятельным». В противоположность Тургеневу, славянофильски настроенный Страхов лишь слегка попенял Толстому за недостаток внимания к деятельно-героическому началу. «Есть сторона русского характера, которая не вполне схвачена и изображена автором, — отмечал он. — Нужно ждать еще художника, который бы сумел так отнестись к этой стороне, как, например, Пушкин относился к Петру I».[13] Все это показывает, что полемика о типах, которую Тургенев предполагал развернуть в статье «По поводу „Отцов и детей“» достаточно широко и открыто, была бы отнюдь не беспочвенной. «Война и мир» давала богатейший материал для такой полемики.

Несмотря на фрагментарный и отчасти завуалированный характер, критика «Войны и мира» в статье «По поводу „Отцов и детей“» была естественным и закономерным синтезом многочисленных предшествующих суждений Тургенева об этом произведении. В письмах писателя, относящихся к 1868—1869 гг., сквозит неизменно двойственное отношение к «Войне и миру». Тургенева покоряет «жизненность, и правда, и свежесть» картин и образов Толстого. «Все бытовое, описательное», изображения военной жизни вызывают у него «озноб и жар восторга». «Есть тут вещи, — констатирует Тургенев, — которые не умрут, пока будет существовать русская речь». Писатель, создавший такое произведение, рисуется в его воображении как «настоящий гигант между остальной литературной братьей — и производит... впечатление слона в зверинце; нескладно, даже нелепо — но огромно — и как умно!». Вместе с тем, «вся историческая сторона» повествования в «Войне и мире» представляется Тургеневу «кукольной комедией», поклонением «бессознательному невежеству» и даже «шарлатанством». Упрекая Толстого за «исторический фатализм», Тургенев утверждает, что его «можно читать» только тогда, «когда он не философствует». Неоднократно касаясь толстовской апологии бессознательного в историческом процессе, его скепсиса в отношении «пользы человеческого ума, рассудка», Тургенев в конце концов увенчивает свои критические замечания и нападки репликой, полной остроумия и иронии: «Как это, подумаешь, северные американцы во сне, без всякого сознания, провели железную дорогу от Нью-Йорка до С.-Франциско? Или это — не *плод*?».[14]

Известно, что Толстой также не оставался в долгу перед Тургеневым и подвергал его романы еще более резкой критике. Когда появился в печати роман «Накануне», Толстой в письме к А. Фету утверждал, что в этом романе только два «лица превосходные — художник и отец. Другие же, — продолжал Толстой, — не только не типы, но даже замысел их, положение их не типическое, или уж они совсем пошлы. Впрочем,

[12] «Заря», 1870, № 1, стр. 120.
[13] Там же, стр. 121.
[14] См.: *Письма*, тт. VII—VIII (по Указателю имен на Л. Н. Толстого).

это всегдашняя ошибка Тургенева».[15] В мае 1861 г., при чтении незаконченной рукописи «Отцов и детей», этот тургеневский роман показался Толстому «так искусственно построенным и таким незначительным по содержанию», что он «не мог преодолеть охватившей его скуки и... заснул».[16] В дальнейшем это впечатление подкрепляется столь же мрачными отзывами Толстого о романах «Отцы и дети» и «Дым» в его переписке с П. А. Плетневым и А. Фетом.[17] «Дым» даже подал Толстому повод для такого сурового заключения о писательской карьере Тургенева: «Еще один кончил».[18] В редких, но, как правило, подчеркнуто отрицательных высказываниях Толстого о романах Тургенева угадывается подчас именно та тенденция автора «Войны и мира», которая подвергнута беглой критике в статье «По поводу „Отцов и детей“». С наибольшей отчетливостью эта тенденция проявляется в позднейших высказываниях Толстого, отраженных в мемуарной литературе о нем. В 80-е годы Толстой утверждал, например, что после «Записок охотника» — «настоящего, лучшего» произведения Тургенева — в его творчестве «пошла ужасная чепуха». Вспоминая обсуждение «Рудина» в редакционном кругу «Современника», Толстой заметил: «Я чувствовал, что это чушь и больше ничего...». И далее: «...в Рудине, Лаврецком, Базарове — ничего нет <...> Да и быть ничего не могло: ведь те движения, представителями которого являются Рудин, Лаврецкий, совершались только в *умственной сфере*, в поступки не переходили, оттого-то и не могли дать содержание художественному произведению».[19] Сравнительно мягче отнесся Толстой только к роману «Новь», в котором, по его определению, было «выведено что-то реальное, соответствующее жизни».[20]

Многолетняя полемика между Тургеневым и Толстым, нашедшая определенное отражение и в статье «По поводу „Отцов и детей“», порождалась тем глубоким различием во взглядах писателей на историю и современную действительность, которое неизбежно предопределяло появление в их творчестве принципиально несхожих героев. Главным или подразумеваемо главным героем Толстого, особенно в эпопее «Война и мир», становится по существу весь русский народ. В творчестве же Тургенева после «Записок охотника» эта роль предназначается дворянской и разночинно-демократической интеллигенции, представителям мыслящего меньшинства «образованного класса» в России.[21]

А. И. Батюто

---

[15] *Толстой*, т. 60, стр. 325.
[16] П. Сергеенко. Толстой и его современники. М., 1911, стр. 130.
[17] См.: *Толстой*, т. 60, стр. 423; и т. 61, стр. 172.
[18] Там же, т. 61, стр. 172.
[19] *Лит. насл.*, т. 69, кн. 2, стр. 50 (курсив наш, — *А. Б.*).
[20] Там же.
[21] Можно предполагать, однако, что в статье «По поводу „Отцов и детей“» наряду с Толстым задевался и Гончаров. Как известно, отзывы Тургеневу о романе «Обрыв» были беспримерными по резкости тона. Тургеневу, в частности, претил чрезмерно детализированный психологиче-

ТУРГЕНЕВ ОБ «ИСКУШЕНИИ СВЯТОГО АНТОНИЯ» Г. ФЛОБЕРА

В «Хронологическом указателе литературных работ и замыслов И. С. Тургенева», составленном М. К. Клеманом, значится следующая запись: «1874 г. — „Предисловие к русскому переводу «Испытания святого Антония» Флобера“; „Рецензия на «Испытание святого Антония» Флобера“; „Статья о Флобере“».[1] Творческая история этих литературно-критических замыслов писателя до сих пор не исследована.[2] Между тем, новые рукописные материалы Тургенева, полученные из Национальной библиотеки в Париже,[3] а также его письма позволяют проследить процесс создания литературно-критических статей Тургенева об «Искушении святого Антония» Флобера. Восстановление важнейших этапов работы Тургенева над указанными отзывами существенно дополняет и расширяет наше представление о литературных симпатиях и антипатиях писателя, о его творческой связи с французским художником слова. Все это способствует дальнейшему выяснению огромной роли Тургенева как пропагандиста передовой западной литературы в России.[4]

ский анализ Гончарова в этом романе. В письме к П. В. Анненкову от 12 (24) января 1869 г. Тургенев писал: «И что за охота возиться с таким избитым типом, каков Райский, так пространно и любовно его мазать да размазывать, класть в рот и опять вынимать?» (*Письма*, т. VII, стр. 278). В статье «По поводу „Отцов и детей“» с этой характеристикой в известной мере перекликается отповедь читателю, не привыкшему самостоятельно постигать значение того или иного литературного образа: «Читатель готов рассердиться: ему приходится не следить по начертанному уже пути, а самому протаривать дорожку. „Очень нужно трудиться! ‹. . .› да и что стоило автору сказать, как мне думать о таком-то лице — как он сам о нем думает!“».

[1] М. Клеман. Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева. В кн.: И. С. Тургенев. Сборник статей. Л., 1934, стр. 371—372, №№ 355, 361—362.

[2] В послесловии к письмам Флобера М. К. Клеман высказал лишь несколько предварительных соображений по этому поводу. См.: Г. Флобер, Собрание сочинений, т. VIII, М., 1938, стр. 537—538.

[3] См. об этом: М. П. Алексеев. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции. «Русская литература», 1963, № 2, стр. 53—85.

[4] Этот интересный и малоизученный аспект литературно-общественной деятельности Тургенева не рассматривается в данной статье во всем его объеме. Отдельные стороны этой темы освещены в работах: М. Клеман. 1) Золя в России. *Лит. насл.*, т. 2, стр. 236—248; 2) Э. Золя. Л., 1934, стр. 189—301; 3) И. С. Тургенев — переводчик Флобера. В кн.: Г. Флобер, Собрание сочинений, т. V, М., 1934, стр. 133—149; Л. В. Пумпянский. И. С. Тургенев и Флобер. В кн.: И. С. Тургенев, Сочинения, т. X, М.—Л., 1930, стр. 5—19; Walter A. Strauss. Turgenev in the Role of Publicity Agent for Flaubert's «La Tentation de Saint Antoine». Harvard Library Bulletin, Autumn, 1948, vol. II, № 3, стр. 405—410. — Вопрос о роли Тургенева — популяризатора западной литературы в России тесно связан с темами: Тургенев и западная культура, Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе, исследованными в трудах М. П. Алексеева: И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. В кн.: Труды отдела новой русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948,

Среди писателей Запада, творчество которых широко популяризировалось Тургеневым, Флоберу принадлежит одно из первых мест. На протяжении семнадцати лет двух писателей связывала тесная дружба. Для Тургенева Флобер всегда был «одним из самых замечательных представителей современной французской литературы».[5] В 1877 г. Тургенев перевел две его повести — «Легенду о святом Юлиане Милостивом» и «Иродиаду», в 1881 г. посвятил памяти Флобера «Песнь торжествующей любви».

В 70-х годах Флобер был известен в России как автор романов «Мадам Бовари» и «Воспитание чувств». Тургенев считал «Мадам Бовари» «самым замечательным произведением новейшей французской школы».[6] В письме к Флоберу от 18 (30) января 1870 г. Тургенев сообщал также своему французскому другу о положительной оценке русской критикой его книги «Воспитание чувств».[7]

Особенно пристально следил автор «Отцов и детей» за работой Флобера над «Искушением святого Антония» (1874).[8] В письмах 1870—1872 гг. Тургенев постоянно интересовался этим произведением и даже торопил Флобера с окончанием и изданием его.[9] В течение 1871—1872 гг. Флобер неоднократно читал Тургеневу «Искушение...» в рукописи по частям. О тонкой и умной критике своего слушателя Флобер с восторгом сообщал в письме к Жорж Санд от 28 января н. ст. 1872 г.[10] Примечательна тургеневская оценка «Искушения...»: «„La Tentation“ — самая поразительная вещь из всех, какие я когда-либо читал».[11]

Чем объясняется этот неизменный и глубокий интерес Тургенева к новому произведению Флобера?

Очевидно, Тургеневу были близки идеи скептицизма и антиклерикальная направленность книги Флобера, ее сложное философское содержание.

стр. 39—80; В. Гюго и его русские знакомства. *Лит. насл.*, т. 31—32, стр. 707—752; Тургенев и испанские писатели. «Литературный критик», 1938, № 11, стр. 136—144, и др.

[5] См. предисловие Тургенева к его переводам «Легенды о св. Юлиане Милостивом» и «Иродиады»: *Сочинения*, т. XV.

[6] См. предисловие Тургенева к русскому переводу романа М. Дюкана «Утраченные силы»: *Сочинения*, т. XV. — Ср. с многочисленными отзывами русской критики о романе «Мадам Бовари»: «Отечественные записки», 1857, № 5—6 и 1859, № 3; «Русский вестник», 1857, № 7, кн. 2.

[7] См.: *Письма*, т. VIII, стр. 174, 365, 189, 369. — Тургенев не мог не знать статей о романе «Воспитание чувств», появившихся на страницах русской периодики: Л. Нелюбова в «Русском вестнике» (1870, № 8), Н. Страхова в «Заре» (1870, № 7), А. Суворина в «Вестнике Европы» (1870, №№ 1—2) и др.

[8] О творческой истории «Искушения...» см. подробнее: М. Эйхенгольц. «Искушение святого Антония» Флобера и П. Ф. Преображенский. Флобер и «Святой Антоний». В кн.: Г. Флобер, Собрание сочинений, т. IV, М., 1936, стр. 5—43; G. Flaubert. La Tentation de Saint Antoine. Avec introduction, notes et variantes par Edouard Maynial. Paris, [1936]; Б. Г. Реизов. Творчество Флобера. М., 1955, стр. 75—98.

[9] См.: *Письма*, т. VIII, стр. 175, 365, 189, 369, и т. IX, стр. 104, 383, 439, 357, 445.

[10] *Flaubert, Correspondance*, s. VI, стр. 347; ср. с письмом к г-же Роже де Женнет от 5—12 декабря 1871 г. (там же, стр. 327—328).

[11] См.: *Письма*, т. X, стр. 218, 431.

Писателя увлекала и художественная символика «Искушения святого Антония», умение Флобера в символической форме ответить на многие вопросы современности. Нельзя не отметить в этой связи некоторое сюжетное сходство «Рассказа отца Алексея» Тургенева (1877 г.) и флоберовского «Искушения...».[12] По верности историческому колориту и поэтичности «Песнь торжествующей любви», посвященная Флоберу, в известной мере близка к легендам последнего. Характерен и давний интерес Тургенева к сказаниям о святом Антонии. Ему хорошо были известны, например, легенда об искушениях и муках, которым подвергался св. Антоний в Фиваиде, ее русская версия — «Житие святого Антония», принадлежащая Афанасию Великому, картины на эту тему Питера Брейгеля, Иеронима Босха и др. Примечательно, что Тургенев сам писал в юности пьесу с таким же названием (1842 г.).[13] Таким образом, активность, с какой Тургенев пропагандировал в 1874 г. «Искушение святого Антония» в России и на Западе, не была случайной.

Переписка Тургенева с редактором «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем позволяет проследить цензурную историю русского перевода «Искушения...» и творческую историю предисловия Тургенева к нему.

«Я неоднократно приступал к Флоберу, — сообщал Тургенев в письме к Стасюлевичу от 5 (17) ноября 1873 г. — Он с удовольствием предоставит Вам право издания своего романа в русском переводе, но для этого надо, чтобы этот роман сперва явился в оригинале».[14]

Спустя несколько дней Тургенев писал о согласии Флобера дать «Искушение...» для «Вестника Европы» в корректурных листах, с тем чтобы перевод на русский язык, сделанный без замедления, мог появиться в апрельской книжке журнала Стасюлевича.[15]

С 19 (31) января 1874 г. Тургенев начал посылать редактору «Вестника Европы» корректуру «Искушения святого Антония» по частям. Одновременно он просил позаботиться о хорошем переводчике, обещая предпослать русскому переводу свое предисловие. «Предисловие я уже начал и тоже скоро вышлю, — сообщил он Стасюлевичу в письме от 19 (31) января 1874 г. — Пожалуйста, чтобы переводчик был — первый сорт».[16] Через шесть дней Тургенев послал Стасюлевичу продолжение флоберовского романа с сопроводительным письмом от 25 января (6 февраля) 1874 г., в котором напоминал о своем намерении написать предисловие.[17] 27 января (8 февраля) 1874 г. Тургенев отправил конец романа, о чем он сообщал Стасюлевичу в письме, датированном этим же числом.[18]

---

[12] По словам Тургенева, в «Рассказе отца Алексея» излагается «рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) — и погиб» (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 127).

[13] См.: *Сочинения*, т. III, стр. 246—275. — Следует отметить, что в комментариях к этой пьесе допущен ряд неточностей (см. ниже, стр. 144—145).

[14] См.: *Письма*, т. X, стр. 169. — Впервые «Искушение святого Антония» было опубликовано во Франции в апреле 1874 г. («La Tentation de Saint Antoine» par Gustave Flaubert. Charpentier, Paris, 1874).

[15] См.: *Письма*, т. X, стр. 183.

[16] Там же, стр. 190.

[17] Там же, стр. 192.

[18] Там же, стр. 194.

Предвидя возможные цензурные затруднения в связи с публикацией в России романа антиклерикального содержания, Тургенев оберегал книгу Флобера от вмешательства «посторонних лиц» и доверял ее Стасюлевичу.

Содержание писем Тургенева к Стасюлевичу этого периода достаточно ясно свидетельствует о том, что писатель всячески отстаивал необходимость публикации романа Флобера в «Вестнике Европы». Он убеждал Стасюлевича прочитать корректуру «Искушения святого Антония» «внимательно и в связи», обещал согласие Флобера на «неизбежные смягчения и сокращения» и, наконец, просил по возможности скорее сообщить о своем решении. «‹. . .› Я примусь за предисловие, *как только получу Ваш ответ*», — писал Тургенев в письме от 27 января (8 февраля) 1874 г.[19]

Ответные письма Стасюлевича, к сожалению, не сохранились. Можно предположить, однако, что Стасюлевич не только колебался, но относился явно отрицательно к намерению Тургенева напечатать русский перевод в «Вестнике Европы». Именно таков смысл единственного дошедшего до нас из переписки этого времени письма Стасюлевича к Тургеневу от 16 (28) февраля 1874 г.: «Мне самому более чем досадно, — писал он, — что я заставил Флобера прогуляться в Петербург и вернуться в Париж, но напечатать что-нибудь подобное можно не иначе, как предварительно самому уехав в Париж, чтобы не присутствовать лично при погребении журнала».[20]

Итак, ознакомившись с «Искушением святого Антония» в корректурных листах, осторожный Стасюлевич сам отказался печатать его, опасаясь возможных правительственных преследований журнала, вплоть до его закрытия.[21]

В письмах Тургенева речь шла лишь о внутренней цензуре редактора «Вестника Европы», вкусу и такту которого он доверял. Об этом Тургенев открыто писал Стасюлевичу 25 января (6 февраля) 1874 г.: «Побаиваюсь я за некоторые места — цензура (я разумею собственную) будет необходима — и переводчик должен будет умненько обходить затруднительные места».[22]

В этой связи нам представляются ошибочными, такие, например, утверждения в комментариях к пьесе Тургенева «Искушение святого Антония» в III томе Сочинений настоящего издания: «Перевод „Искушения святого Антония“, предназначавшийся для „Вестника Европы“, не был допущен к печати цензурой, ввиду чего осталось недописанным и предисловие к нему Тургенева».[23]

Неверно по существу и предположение о существовании русского перевода «Искушения святого Антония»: переписка Тургенева со Стасюлевичем свидетельствует, что Стасюлевич читал корректуру произведения Флобера в оригинале, на французском языке. Кроме того, Тургенев послал

---

[19] См.: там же.

[20] Там же, стр. 582.

[21] Несмотря на свою умеренность, в 1871 г. «Вестник Европы» получил первое цензурное предостережение, в 1873 г. — второе.

[22] См.: *Письма*, т. X, стр. 192.

[23] См.: *Сочинения*, т. III, стр. 459.

Стасюлевичу первую часть романа 19 (31) января 1874 г., а 10 (22) февраля 1874 г. был уже известен его отрицательный ответ.[24] Таким образом, переговоры с русским редактором в течение полумесяца были завершены. Вряд ли в такой короткий срок роман Флобера мог быть переведен, да и переводчик, по-видимому, не был намечен.[25]

Несостоятельна также и версия о том, что русская цензура запретила печатать перевод «Искушения святого Антония».[26] Как явствует из сказанного выше, судьбу «Искушения святого Антония» в России в 1874 г. решил сам редактор «Вестника Европы».

Это тем более примечательно, что в 1874 г. французский оригинал был «дозволен к обращению в целости» Комитетом иностранной цензуры.[27] Вот почему Тургенев в письме к Золя от 5 (17) июня 1874 г. с сожалением отмечал: «Русская публика не клюнула на его ‹Флобера› „Антония“, *который ведь даже не был запрещен*! Этого обстоятельства ему знать не следует».[28]

Не исключена возможность, что Тургенев, не желая огорчать Флобера, скрыл от него истинное положение вещей и решил сообщить о запрещении «Искушения святого Антония». Правда, в опубликованных письмах Тургенева к Флоберу об этом не говорится. Однако справедливость нашего предположения подтверждается отчасти перепиской Флобера с другими корреспондентами. Так, в письме к К. Комманвиль от 6 февраля н. ст. 1874 г. Флобер прямо жаловался на императорскую цензуру, «запретившую перевод „Святого Антония“ как посягательство на религию».[29]

Естественно, возникает вопрос — написал ли Тургенев в 1874 г. предисловие к несостоявшемуся русскому переводу произведения Флобера?

---

[24] См.: *Письма*, т. X, стр. 199.

[25] Первый перевод «Искушения святого Антония» на русский язык был осуществлен в 1879 г. С. П. Якубовичем (Г. Флобер. Искушение пустынника. Пер. с франц. С. П. Якубовича. М., 1879). Русская цензура конфисковала и запретила это издание (см. об этом: И. Айзенштok. Французские писатели в оценках царской цензуры. *Лит. насл.*, т. 33—34, стр. 826—827; Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. М., 1962, стр. 139). Впервые произведение Флобера в сокращенном переводе на русский язык увидело свет в 1880 г. («Еженедельное новое время», изд. А. С. Суворины, 1880, тт. VII—VIII, №№ 91—94, 99). Перевод, сделанный неизвестным переводчиком, был снабжен предисловием без подписи. Тургенев аккуратно следил за русской периодикой и не мог не знать о переводе «Искушения...» в «Еженедельном новом времени». Точными сведениями об этом мы, однако, не располагаем. Среди переводов, появившихся после смерти Тургенева, один из лучших принадлежит Б. Зайцеву: «Искушение святого Антония». Пер. с франц. Б. Зайцева. «Знание», СПб., 1907 (XVI сб. «Знание»).

[26] Это ошибочное утверждение повторяется и в статье: Walter A. Strauss. Turgenev in the Role of Publicity Agent for Flaubert's «La Tentation de Saint Antoine».

[27] *ЦГИА*, ф. 776, оп. № 20, ед. хр. 195, л. 41; также: Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России, стр. 139.

[28] *Письма*, т. X, стр. 244, 440 (курсив наш, — *Н. М.*).

[29] *Flaubert, Correspondance*, s. VII, стр. 120. — Ср. с письмом к Ж. Санд от 28 февраля н. ст. 1874 г. (там же, стр. 122).

Мысль выступить публично с отзывом на «Искушение святого Антония» с целью «указать на настоящую точку зрения в этом деле»[30] возникла у Тургенева в связи с его ролью посредника между Флобером и Стасюлевичем.

Почти в каждом из его писем к редактору «Вестника Европы» в 1874 г. упоминалось о задуманном предисловии. Но только в одном, самом первом письме от 19 (31) января 1874 г. — Тургенев обмолвился: «... предисловие я уже начал».[31] В следующих письмах от 25 января (6 февраля) и 27 января (8 февраля) 1874 г. предисловие лишь обещалось и написание его ставилось в прямую зависимость от окончательного отзыва Стасюлевича о романе Флобера. Отрицательный ответ редактора «Вестника Европы» пришел без замедления.[32]

Можно предположить, следовательно, что Тургенев, связанный в какой-то мере решением Стасюлевича, так и не написал предисловие к русскому переводу «Искушения святого Антония». Замысел писателя остался неосуществленным.

Однако после неудачной попытки познакомить русскую публику с новым произведением Флобера через посредство «Вестника Европы» Тургенев не отказался от своего намерения пропагандировать «Искушение святого Антония». В марте 1874 г. русский писатель обратился к западным критикам (немецким, английским) с горячей просьбой откликнуться на новую книгу Флобера и оценить ее по достоинству. Очень важными в этом отношении являются письма, адресованные Л. Пичу, Л. Фридлендеру, Ю. Шмидту, П. Линдау, П. Гейзе, Г. Лаубе, В. Рольстону[33] и др. Все они датированы одним числом: 21 марта (2 апреля) 1874 г. К этому-то времени и относится начало нового этапа работы Тургенева над ранее задуманной статьей об «Искушении святого Антония». Об этом свидетельствует анализ чернового автографа одной из рукописей Тургенева, на которой его рукой помечена дата: «1 апр‹еля› / 20 марта 1874».

Рукопись не закончена, без заглавия и представляет собою набросок рецензии Тургенева на недавно вышедшее во Франции «Искушение святого Антония» Флобера. Первое упоминание о ней содержится в составленном А. Мазоном описании рукописей Тургенева, хранящихся в Парижской национальной библиотеке.[34] Этот черновой автограф ранее не публиковался. Мы располагаем микрофильмом и фотокопией рукописи.[35]

---

[30] *Письма*, т. X, стр. 194.
[31] Там же, стр. 190.
[32] Там же, стр. 199.
[33] См.: там же, стр. 215—220.
[34] Article sur Flaubert... Brouillon du début d'un compte rendu sur «La Tentation de Saint Antoine» de Gustave Flaubert. Date: Париж, 20-го марта/1-го апр. 1874» (*Mazon*, стр. 86; перевод: Статья о Флобере. ... Черновик начала рецензии на «Искушение святого Антония» Гюстава Флобера. Дата: Париж, 20-го марта/1-го апр. 1874).
[35] Подлинник хранится в *Bibl. Nat.*, Slave 77; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 228; см. также: *Сочинения*, т. XIV.

Приводим полностью ее текст.

Париж
1-го апр. 1874
20-го марта

...Сегодня появилось давно ожидаемое[36] «Искушение С-го Антония» Гюст‹ава› Флоб‹ера›. Мне хочется сказать Вам несколько слов об этой[37] замечательной книге,[38] которую нельзя назвать ни романом, ни повестью[39] — этой фантастической поэмой в прозе. Если старинная дружба, связующая меня с автором, не ослепляет меня, что[40] новое произведение творца «Г-жи Бовари» должно произвести глубокое ‹впечатление›[41] на читающую и мыслящую публику, что не совсем равнозначаще с публикой вообще, с тем, что франц‹узы› назыв‹ают› «le gros public»[42] ‹средний читатель, — *франц.*›. «Гропюблик» едва ли даже примется за книгу Флобера.[43] Она покажется ему[44] утомительной, несмотря на свою краткость. — «Гропюблик» осиливает[45] иногда и утомительные вещи.[46] «Д‹евяносто› Т‹ретий› год» В. Гюго удовлетворяет в этом отношении весьма суровые требования,[47] но подобный подвиг «Г‹ро› П‹юблик›» обусловливается[48] особыми причинами, в разбирательство которых теперь входить не место.[49] Чтобы найти вкус в н‹овом› произв‹едении› Флобера, нужна довольно знач‹ительная› доля образованности[50] и зрелости — умственной, житейской и эстетической,[51] такого рода читатели всегда составляют меньшинство. Для большинства существуют[52] ‹...› эти господа, они имеют полное право существовать, учить, они даже приносят пользу обществу;[53] но всякого чело‹века›, искренно интересующегося[54] развитием и ходом человеческой мысли и франц‹узской› в особенности, не может не порадовать появление той фигуры, какая[55] среди всех этих ‹...›

Содержание напечатанного чернового отрывка позволяет предположить, что в работе над рецензией Тургенев хотел осуществить свой ранний замысел предисловия к несостоявшемуся русскому переводу «Искушения святого Антония». Не исключена возможность, что Тургенев собирался написать об «Искушении святого Антония» большую статью, лишь придав ей форму рецензии.

Как свидетельствует автограф (фотокопия), анализ нового произведения Флобера был задуман Тургеневым на широком историко-литературном

---

[36] *Далее было*: сочинение Флобера; *вписано и зачеркнуто*: моего старинного [37] *В тексте*: об этом [38] *Вместо* об этой замечательной книге *было:* об этом замечательном произведении [39] *Далее начато и зачеркнуто*: это сколь [40] *Далее было*: «Искушение С‹святого› А‹нтония›» [41] *В тексте ошибочно:* произведение [42] *Далее начато и зачеркнуто:* для ко‹торой› «Fin public» ‹избранная публика, — *франц.*› [43] *Вместо* книгу Флобера *было:* нов‹ую› [эту] Искушение св. Антония [44] *Далее было:* утомительн‹ой› ско‹рее› [45] *Было:* читает [46] *Далее было:* в этом роде кажется [47] *Вместо* «Девяносто третий год» ~ требования *начато:* «Девяносто третий год» В. Гюго в этом отношении не оставляет [48] *Было:* на это существуют особые причины [49] *Далее было:* Книга Фл‹обера› требует о‹бразованности› [50] *Было:* начитанности. [51] *Далее было:* а это, как известно, всегда [52] *Мысль не завершена, о предполагавшемся развитии этой мысли свидетельствует помета на полях № и отрывочная запись:* и для их [53] Эти господа ∞ пользу общества *вписано на полях* [54] *Вместо* интересующегося *было:* озабоченного [сочувствующего] [55] *Далее начато:* это

фоне, с постановкой социальных и философских проблем. Очевидно, целью писателя являлась не только информация о новой книге, но и определение значения творчества Флобера для французской и русской литературы. В этом убеждает и сопоставление Тургеневым нового произведения Флобера с романом В. Гюго «Девяносто третий год», и размышления писателя о двух видах читательской публики, и характерное для его литературно-критических статей авторское обращение (в данном случае, очевидно, к Стасюлевичу).[56]

Тургенев стремился не только привлечь внимание известных немецких и английских критиков к «Искушению святого Антония» Флобера, но и намеревался, по-видимому, принять участие в полемике, начавшейся во Франции в связи с выходом в свет этой книги. Однако рецензия, предназначенная главным образом для русского читателя, не была закончена. В письме от 23 марта (4 апреля) 1874 г. Тургенев сообщал Стасюлевичу: «Завтра я пошлю Вам несколько строк о флоберовской «Tentation de St.-Antoine», которая появилась здесь и возбуждает нечто вроде негодования».[57] Через три дня, 27 марта (8 апреля) 1874 г., Тургенев писал Стасюлевичу следующее: «С Флобером у нас неудача. Я, как обещал Вам, написал маленькую статейку о нем — положил в куверт, запечатал — и, к удивлению моему, нашел ее сегодня на моем столе. Посылать ее теперь нет смысла. Постараюсь написать что-нибудь побольше и посерьезнее для майской книжки».[58]

На основании этого письма М. К. Клеман считает, что рецензия Тургенева, предназначенная для «Вестника Европы», оказалась неотосланной лишь по случайной причине.[59] Можно высказать и другое предположение: писатель не закончил рецензию к обещанному сроку и умышленно мистифицировал своего издателя. Задержка в три-четыре дня едва ли лишала статью «смысла». Не исключена возможность, что требовательный к себе художник отклонил первый вариант рецензии как недостаточно совершенный и незаконченный.

Таким образом, Тургенев, не забывший о своем намерении популяризировать для русских читателей «Искушение святого Антония», начал

---

[56] Об отношении Тургенева к творчеству В. Гюго см. в его письмах к П. Виардо 1848 г. (*Письма*, т. I, стр. 295, 458, 314, 468), А. Ф. Онегину от 8 (20) марта 1874 г., П. В. Анненкову от 4 (16) апреля 1874 г. (там же, т. X, стр. 211, 225). В последних двух есть отрицательные оценки романа «Девяносто третий год», совпадающие с отзывом в публикуемом выше отрывке. См. также статью: М. П. Алексеев. В. Гюго и его русские знакомства. *Лит. насл.*, т. 31—32, стр. 868—879.

[57] См.: *Письма*, т. X, стр. 221. — В комментариях к письмам Тургенева Стасюлевичу, Г. Лаубе, П. Линдау, Л. Пичу, В. Рольстону, Ю. Шмидту и др. (см.: там же, стр. 596—597, 599) собраны многочисленные отзывы современников о книге Флобера. Русская критика обошла молчанием «Искушение святого Антония». Известен лишь один отрицательный отклик в рецензии П. Вейнберга на французское издание романа («С.-Петербургские ведомости», 1874, 11 апреля ст. ст., № 99).

[58] См.: *Письма*, т. X, стр. 222.

[59] См.: Г. Флобер, Собрание сочинений, т. VIII, М., 1938, стр. 538.

писать в конце марта—начале апреля рецензию на книгу Флобера, но не завершил ее, набросав лишь вступление.

Эта рецензия, отвергнутая самим писателем, могла послужить основанием для его будущей большой работы о Флобере. О новом замысле Тургенев упоминал в письме к Стасюлевичу от 27 марта (8 апреля) 1874 г. 4 (16) апреля Тургенев снова писал Стасюлевичу: «P. S. Через 5,6 дней Вы получите статейку о Флобере».[60] Иных, более точных сведений об этой статье Тургенева о Флобере не сохранилось.

Итак, анализ переписки писателя и сохранившегося чернового наброска начала его рецензии на «Искушение святого Антония» позволяют установить органическую взаимосвязанность всех трех задуманных Тургеневым литературно-критических статей о Флобере. Ни один из замыслов Тургенева не был до конца реализован, а отсутствие необходимых дополнительных фактов не позволяет судить о них с исчерпывающей полнотой. Однако и имеющийся материал достаточно ясно свидетельствует о постоянном и неизменном стремлении Тургенева активно пропагандировать среди русской мыслящей публики лучшие произведения западной литературы. Одним из таких произведений и было, по мнению Тургенева, «Искушение святого Антония» Флобера.

Н. Н. Мостовская

«КРО́КЕТ В ВИНДЗОРЕ»

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Кро́кет в Виндзоре» имеет несколько необычную для произведений Тургенева судьбу. Русская цензура не пропустила в печать этого политически острого, злободневного стихотворения, написанного Тургеневым в июле 1876 г. под живым впечатлением от балканских событий. Первые его публикации на русском и иностранных языках появились за границей. В России оно распространилось во множестве списков. «Молодежь выучивает наизусть и приходит в восторг, чему особенно содействует слава автора», — писал 3 (15) сентября 1876 г. из Царского Села А. В. Головнин Н. В. Ханыкову, сообщая в этом же письме по просьбе корреспондента и сами стихи.[1]

На вопрос брата, ему ли принадлежит это ставшее широко известным в Москве стихотворение, Тургенев отвечал 9 (21) декабря 1876 г.: «Эту штуку я точно написал или, вернее, придумал ночью, во время бессонницы, сидя в вагоне Николаевской дороги — и под влиянием вычитанных из газет болгарских ужасов. Прибыв в Петербург, я даже хотел попытаться напечатать этот „Кро́кет“ в „Новом времени“ — но цензура этому воспрепятствовала, что не помешало этим виршам облететь всю Россию, быть

---

[60] См.: *Письма*, т. X, стр. 226.

[1] *ЦГИА*, ф. 851, оп. 1, № 48, л. 42.

читанными на вечерах у наследника и — переведенными на немецкий, французский, английский языки!».[2]

Первой публикацией «Крóкета в Виндзоре» на русском языке была листовка, о которой сохранилось свидетельство Ю. А. Оболенского. Комментируя письмо Тургенева, написанное ему по поводу этой листовки, Оболенский сообщал: «В 1876 г. в Киссингене я показал стихотворение „Крóкет“ в рукописи одному болгарину, который пришел от стихов в восторг и пожелал их напечатать. Я не встретил препятствий, но когда он мне принес пачку отпечатанных листов, я подумал, что появление стихов в печати может быть неприятно Тургеневу, и послал ему, с согласия болгарина, всю пачку, оставив для нас обоих несколько экземпляров, Тургенев ответил мне этим письмом».[3] В своем письме от 25 сентября (7 октября) 1876 г., к которому Ю. А. Оболенский сделал это примечание, Тургенев писал: «Я получил Ваше письмо и 50 экз. „Крóкета“ и спешу Вас уверить, что не имею ничего против распространения этой безделки, которая наделала гораздо больше шума, чем я ожидал. Из приложенного (и выправленного) экземпляра Вы усмотрите, что от Вашего внимания ускользнули две важных ошибки. (Одна из них — *зверские* когти вм.: *звериные* — даже нарушает стих)».[4]

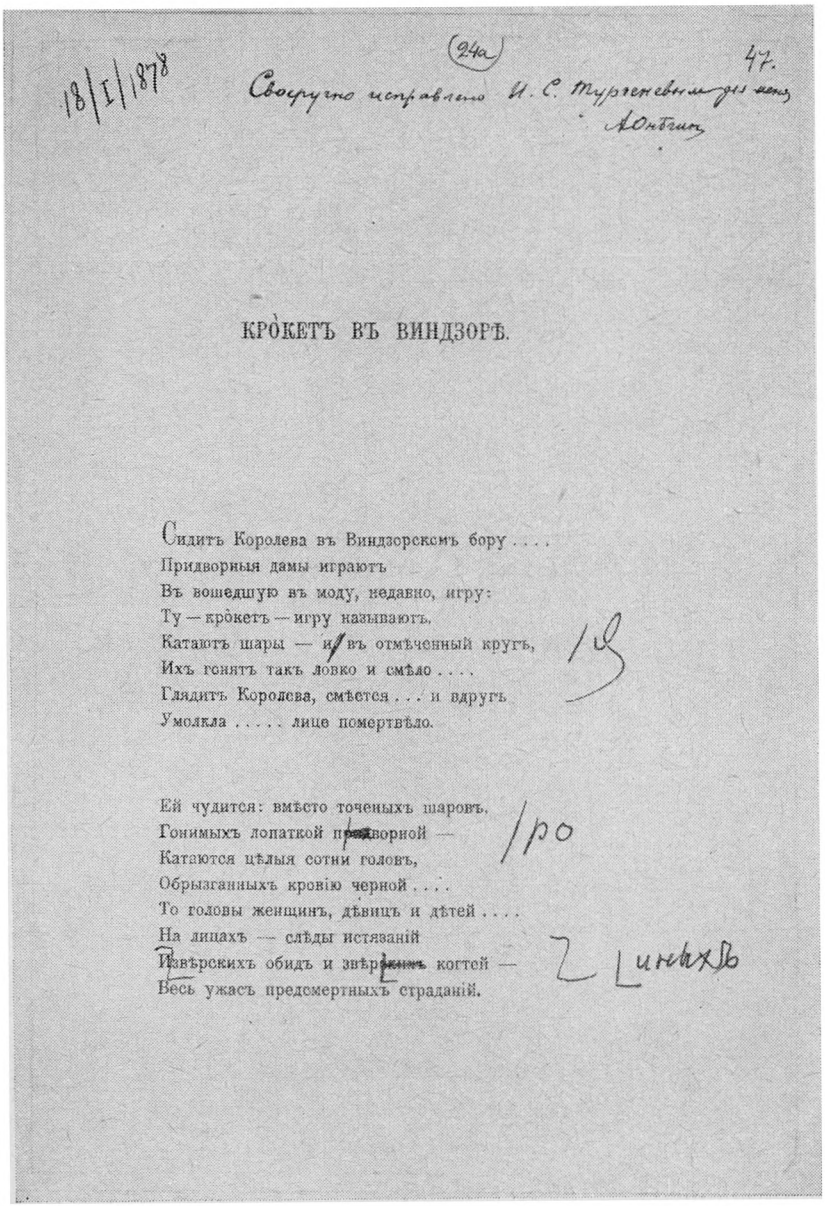
До недавнего времени эта первая публикация стихотворения Тургенева считалась утраченной. Упоминание Ю. А. Оболенского о том, что намерение напечатать стихи возникло в Киссингене, стало источником предположений о существовании Киссингенской листовки, направило поиск исследователей по неверному пути.[5]

Между тем, один из экземпляров этой листовки, отпечатанной не в Киссингене, а в Лейпциге, находится в архиве Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР среди писем Тургенева к А. Ф. Онегину.[6] Тургенев посылал ее Онегину вместе с письмом от 6 (18) января 1878 г., в котором писал: «Вот Вам, любезнейший Онегин, желаемый Вами „Крóкет“. Какой-то господин напечатал его со слуха за границей — и, как видите, наделал множество ошибок».[7]

Тургенев тщательно выправил посылаемый Онегину экземпляр стихотворения, что впоследствии вызвало ошибку: листовка, отпечатанная в Лейпциге, в типографии болгарина В. Другулина, вошла в описание тургеневских материалов как «корректура в верстке, правленная автором».[8]

О том, что Тургенев посылал Онегину один из экземпляров листовки, присланной ему Оболенским, говорят «две важных ошибки», о которых Тургенев писал Оболенскому. Писатель исправил их и в экземпляре Оне-

[2] *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 31—32.
[3] *Письма*, т. XI, стр. 647—648.
[4] Там же, стр. 318.
[5] Поисками Киссингенской листовки занимался болгарский профессор В. Велчев. См.: В. Велчев. Тургенев в Болгарии. (Вторая половина XIX века). София, 1961, стр. 29.
[6] *ИРЛИ*, 29352. CCIXб. 10.
[7] *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 260.
[8] *ПД, Описание*, стр. 16.



18/I/1878 (24a) 47.

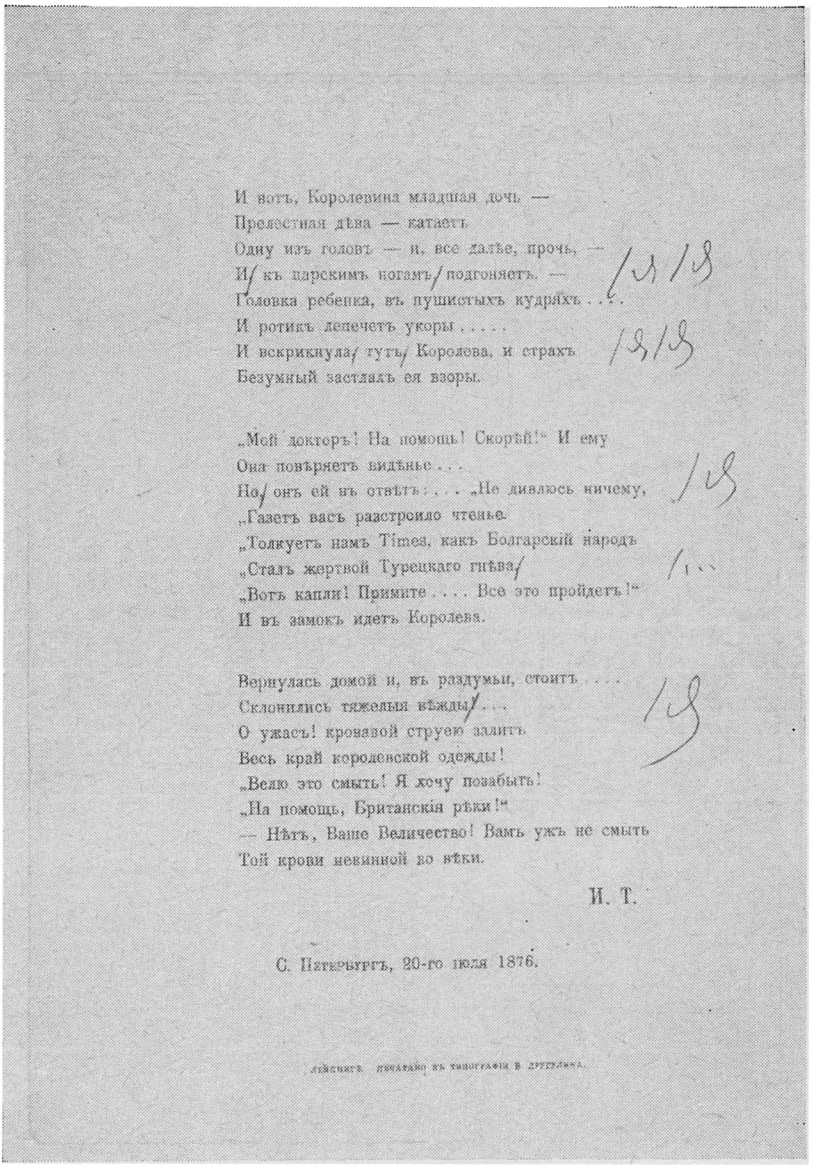
Своеручно исправлено И. С. Тургеневым для меня
А. Онѣгин

КРО̀КЕТЪ ВЪ ВИНДЗОРѢ.

Сидитъ Королева въ Виндзорскомъ бору . . . .
Придворныя дамы играютъ
Въ вошедшую въ моду, недавно, игру:
Ту — кро̀кетъ — игру называютъ.
Катаютъ шары — и въ отмѣченный кругъ,
Ихъ гонятъ такъ ловко и смѣло . . . .
Глядитъ Королева, смѣется . . . и вдругъ
Умолкла . . . . . лице помертвѣло.

Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопаткой придворной —
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной . . . .
То головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей . . . .
На лицахъ — слѣды истязаній
Извѣрскихъ обидъ и звѣрскихъ когтей —
Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.

«Кро́кет в Виндзоре». Первая публикация стихотворения (Лейпциг, 1876). Листовка с правкой И. С. Тургенева. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).



И вотъ, Королевина младшая дочь —
Прелестная дѣва — катаетъ
Одну изъ головъ — и, все далѣе, прочь, —
И къ царскимъ ногамъ подгоняетъ. —
Головка ребенка, въ пушистыхъ кудряхъ . . .
И ротикъ лепечетъ укоры . . . . .
И вскрикнула тутъ Королева, и страхъ
Безумный застлалъ ея взоры.

„Мой докторъ! На помощь! Скорѣй!“ И ему
Она повѣряетъ видѣнье . . .
Но онъ ей въ отвѣтъ: . . . „Не дивлюсь ничему,
„Газетъ васъ разстроило чтенье.
„Толкуетъ намъ Times, какъ Болгарскій народъ
„Сталъ жертвой Турецкаго гнѣва,
„Вотъ капли! Примите . . . . Все это пройдетъ!“
И въ замокъ идетъ Королева.

Вернулась домой и, въ раздумьи, стоитъ . . . .
Склонились тяжелыя вѣжды . . .
О ужасъ! кровавой струею залитъ
Весь край королевской одежды!
„Велю это смыть! Я хочу позабыть!
„На помощь, Британскія рѣки!“
— Нѣтъ, Ваше Величество! Вамъ ужъ не смыть
Той крови невинной во вѣки.

И. Т.

С. Петербургъ, 20-го іюля 1876.

Лейпцигъ. Напечатано въ типографіи В. Друлина.

«Крóкет в Виндзоре». Первая публикация стихотворения (Лейпциг, 1876). Вторая страница листовки с правкой И. С. Тургенева. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

гина: вместо «лопаткой проворной» было «лопаткой придворной», вместо «звериных когтей» было «зверских когтей».

Это первое издание «Крóкета в Виндзорс», тщательно выправленное писателем, является одним из достовернейших источников текста стихотворения. Заслуживает внимания самый факт печатания его листовкой в Лейпциге, в типографии болгарина В. Другулина, против фамилии которого Тургенев поставил восклицательный знак и о котором нам, к сожалению, не удалось найти сведений.

Лейпцигская листовка подтверждает предположение проф. Велчева о том, что в газете «Стара планина» стихи Тургенева, появившиеся 6 ноября 1876 г., печатались не с нее, а с какого-то другого, по-видимому, рукописного списка, что лишний раз свидетельствует о широком распространении стихов Тургенева.[9]

Интересно отметить и тот факт, что Тургенев не только не препятствовал распространению листовки с его стихами, запрещенными русской цензурой, но и, став обладателем присланных ему Оболенским экземпляров листовки, сам этому способствовал.

Н. С. Никитина

«НОВЬ»

О ПРОТОТИПЕ ХАВРОНЬИ ПРЫЩОВОЙ В РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА

Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир, рожд. Сухово-Кобылина (1815—1892), известная в 50—60-е годы прошлого века писательница, публиковавшая свои произведения под псевдонимом «Евгения Тур»,[1] оставила заметный след в творчестве И. С. Тургенева: роману Е. Тур «Племянница» писатель посвятил обстоятельную рецензию,[2] сама она послужила прототипом для двух сатирических образов Тургенева — Матрены Суханчиковой в «Дыме» [3] и Хавроньи Прыщовой в «Нови».

Хавронья Прыщова в «Нови» — всего лишь эпизодическое лицо, однако упоминание о ней в романе не случайно, а тесно связано с идейной проблематикой «Нови».

Напомним читателям то место XXXVIII (последней) главы романа, где говорится о Хавронье Прыщовой: «...знавал же я одну барыню, —

---

[9] В. Велчев. Тургенев в Болгарии, стр. 29—30.

[1] О ней см.: Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 362—372; Воспоминания К. Н. Бестужева-Рюмина. СПб., 1900, стр. 28—33; *Лит. насл.*, т. 61, стр. 797—806 (предисловие Б. П. Козьмина к публикации писем Н. П. Огарева к Е. В. Салиас) и др. См. также сохранившиеся письма Е. В. Салиас к Тургеневу за 1850—1861 гг. (13 писем): *ИРЛИ*. 5850, XXXб. 140.

[2] *Сочинения*, т. V, стр. 368—386, 629—636.

[3] Подробно об этом см. в комментариях к «Дыму»: *Тургенев*, *Соч.*, т. IX, стр. 423. О взаимоотношениях Тургенева с Е. В. Салиас см. там же, т. XII, стр. 512—514.

рассказывает Паклин Машуриной, — Хавронью Прыщову по имени, которая вдруг с бухта-барахта сделалась легитимисткой и уверяла всех, что когда она умрет, то стоит только вскрыть ее тело — и на сердце ее найдут начертанным имя Генриха V-го... Это у Хавроньи Прыщовой-то!».[4]

В образе Хавроньи Прыщовой Тургенев высмеял увлечение Е. В. Салиас во второй половине 60-х—начале 70-х годов, во время ее пребывания за границей, католицизмом и идеями французского легитимизма. Об этом убедительно свидетельствует письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 13 (25) августа 1872 г., содержащее следующее интересное высказывание писателя о Салиас: «Но не курьезнейшее ли дело, что графиня Сальяс, урожденная *Кобылина*, сделалась ярой *легитимисткой*, поклонницей Генриха V-го? Псевдокатоличкой и полькой она уже стала давно. Экое тесто — эта так называемая русская натура. Кобылина и Monseigneur le comte de Chambord!!!».[5]

Этот иронический отзыв о Салиас Тургенев использовал в качестве характеристики Хавроньи Прыщовой в «Нови», лишь слегка изменив его. В романе была сохранена и обыграна комичность сопоставления чисто русской фамилии с именем претендента на французский престол (ср.: «Кобылина и Monseigneur le comte de Chambord» — Хавронья Прыщова и Генрих V).

Близко знавший Е. В. Салиас Е. М. Феоктистов в своих воспоминаниях нарисовал яркий литературный портрет графини, помогающий понять неожиданность и крайность ее увлечений. «Она вся была пыл, экстаз, восторженность, но условливалось это не сердцем, а невероятною какою-то болезненною ее нервозностью ‹...› она все волновалась, выходила из себя; одно до последней крайности доведенное увлечение сменялось у нее другим, столь же крайним ‹...› Под влиянием обычного своего возбуждения она постоянно создавала себе миражи, видела людей не такими, какими они были в действительности, а какими создавало их ее воображение; эта женщина, по натуре своей в высшей степени искренняя, извращала факты, выдавала за достоверное то, чего никогда не было и не могло быть, и все это отнюдь не с умыслом, а с твердой уверенностью в своей правдивости».[6]

По поводу неожиданного поворота вправо либерально настроенной ранее Е. В. Салиас Е. М. Феоктистов сообщает следующее: «Впрочем, она ‹Е. В. Салиас› не приняла католическую веру, а усвоила себе какие-то мистические верования, какую-то особенную религию, сущность коей не поддавалась пониманию, потому что она сама неохотно говорила о ней; по возвращении графини Салиас в Россию можно было видеть у нее на стенах множество образов и православных и католических наряду с амулетами, ладанками и т. п. От прежнего увлечения ее демократическими

---

[4] *Сочинения*, т. XII, стр. 299.

[5] *Письма*, т. IX, стр. 310. — Ср. с письмом Анненкова к Тургеневу от 9 ноября н. ст. 1876 г., в котором упомянута «Хавронья — Салиас»: *Лит. мысль*, кн. 1, стр. 200.

[6] Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, стр. 366—367.

идеями не осталось и следа ‹...› вместо того, чтобы проклинать деспотизм, она только и говорила теперь о необходимости непоколебимо твердой правительственной власти; на столе ее не было места ни для одной газеты или журнала с либеральным направлением. Все это совершилось во время пребывания ее в Париже. И. С. Тургенев ‹...› приехав оттуда, говорил мне: „Вы не узнали бы графиню, — давно ли она, надев на голову красный чулок, пела марсельезу, а теперь только и мечтает, что о восстановлении во Франции Бурбонов и пишет по-старинному vive le roy с *y* на конце“».[7]

Эволюция Е. В. Салиас вправо, очевидно, была связана в значительной мере с событиями Парижской коммуны, после подавления которой во Франции оживились сторонники реставрации монархии.

С именем графа Шамбора, именуемого его приверженцами Генрихом V,[8] французские легитимисты связывали надежды на восстановление во Франции династии Бурбонов. К этой реакционной идее Тургенев относился резко отрицательно. Его письма начала 70-х годов свидетельствуют о том, что он видел в легитимистах, возглавляемых Шамбором, реальную угрозу республике. «Здесь мы находимся в самом странном положении; начиная с Тиэра, все чуть не гнушаются республики, а чем ее заменить — неизвестно. Кончится опять каким-либо coup d'état,[9] на этот раз в пользу орлеанистов»,[10] — писал Тургенев С. К. Кавелиной 30 ноября (12 декабря) 1871 г.[11]

В 1873 г., во время президентства Мак-Магона,[12] опасность реставрации монархии была особенно сильна, и только письменный отказ Шамбора признать трехцветное знамя республики в качестве государственного

---

[7] Там же, стр. 371. — Высказывание Тургенева о Е. В. Салиас, приведенное Феоктистовым, очевидно относится к тому же 1872 г., что и цитированное выше письмо Тургенева к П. В. Анненкову.

[8] Граф Шамбор (Chambord) Генрих-Карл-Фердинанд-Мария-Дьедонне (1820—1883) — сын герцога Беррийского, внук Карла X — был представителем старшей линии Бурбонов и претендентом на французский престол.

[9] государственным переворотом (*франц.*).

[10] Приверженцы младшей линии Бурбонов, представителем которой был граф Парижский.

[11] *Письма*, т. IX, стр. 178.

[12] Для этого периода было характерно усиление католической реакции в стране и увлечение части общества мистицизмом. «Повсюду возникали новые монашеские ордена и разрастались старые. Множились россказни о чудесах, явлениях богоматери и ангелов, причем дева Мария с редкой неутомимостью возвещала каждый раз о предстоящем возвращении Генриха V. Без конца открывались новые мощи и новые святые. Культ реликвий принял неслыханные размеры. В провинции происходили многочисленные религиозные демонстрации и массовые паломничества к местам святых или чудес», — так характеризует Францию начала 70-х годов Ю. Данилин (см.: Ю. Данилин. Поэты Парижской Коммуны. М., 1966, стр. 214). Очевидно, эти настроения коснулись и Е. В. Салиас. Вряд ли можно полностью согласиться с Е. М. Феоктистовым, приписывавшим увлечение графини Салиас мистицизмом лишь влиянию аристократических салонов польских католических дам в Париже, куда она проникла с помощью своего друга — поляка Г. В. Вызинского (см.: Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, стр. 370—371).

(вместо белого с лилиями знамени Бурбонов) устранил эту угрозу. По этому поводу Тургенев писал И. А. Маслову 20 октября (1 ноября) 1873 г.: «Со вчерашнего дня все — довольно слабые — надежды г-д монархистов лопнули (благодаря письму графа Шамбора) — и теперь республика более или менее здесь обеспечена».[13]

Естественно, что к сочувствию Е. В. Салиас идеям французских легитимистов Тургенев отнесся крайне неприязненно.

В глазах Тургенева Е. В. Салиас была красноречивым примером неустойчивости и шаткости политических и религиозных убеждений, тем более что писатель был свидетелем ее увлечения в конце 50-х—начале 60-х годов крайними либеральными идеями.

Напомним в связи с этим об одном забытом эпизоде из биографии Е. В. Салиас 1860 г., характеризующим ее тогдашнее отношение к католицизму и мистицизму вообще, а именно — об ее полемике с М. Н. Катковым, закончившейся уходом Салиас из «Русского вестника» и разрывом ее отношений с Катковым.

В первой книжке «Русского вестника» за апрель 1860 г.[14] была опубликована статья Е. В. Салиас «Госпожа Свечина», явившаяся откликом на издание во Франции известным католиком и легитимистом графом де Фаллу сочинений и биографии С. П. Свечиной (1782—1857),[15] придворной русской дамы, перешедшей в католичество и уехавшей во Францию, где она стала видной деятельницей католической партии в ее наиболее реакционном направлении — ультрамонтанстве.

Е. Тур, обратившуюся к сочинениям С. П. Свечиной, прежде всего заинтересовал вопрос: имела ли эта ревностная католичка, прославленная в клерикальных французских кругах, какое-нибудь общественное значение для России? Писательница ответила на этот вопрос отрицательно, признав деятельность Свечиной и ее сочинения не заслуживающими серьезного внимания.

Катков, не предуведомив Е. Тур, сопроводил статью при публикации ее в «Русском вестнике» редакционным примечанием, в котором ставил автору статьи в вину якобы односторонность и пристрастность ее суждений о Свечиной.[16] Это примечание вызвало возражение со стороны Е. Тур, выступившей в «Русском вестнике» с открытым «Письмом к редактору»,[17]

---

[13] *Письма*, т. X, стр. 162. — О том, что Тургенев не заблуждался насчет характера сохранившейся во Франции республики, свидетельствует его письмо к П. В. Анненкову от 19 ноября (1 декабря) 1873 г.: «О, какой дюжей, дюжинной, пошлой, узкой, деревянной, железной республике мы идем навстречу! А республика останется; только такая, какую даже покойный Николай Павлович одобрил бы. Подтянутая, солдатская, форменная республика» (там же, стр. 171).

[14] «Русский вестник», 1860, апрель, кн. 1, стр. 362—392 (подписано: Е. Тур).

[15] Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres, publiées par le C-te de Falloux, de l'Académie française. Paris, 1860.

[16] См.: «Русский вестник», 1860, апрель, кн. 1, стр. 392.

[17] Там же, кн. 2, стр. 406—411.

в котором она не только доказывала беспристрастность своих суждений о Свечиной, но еще более резко отозвалась о деятельности последней и о католицизме вообще. «...в госпоже Свечиной, — писала Е. Тур, — фанатизм умел как-то хитро уживаться с тщеславием. Г-жа Свечина не была только религиозная женщина: она была одним из корифеев клерикальной партии; свобода, отечество, наука, прогресс для нее не существовали; интересы папской власти и той части французского духовенства, которая стоит во главе так называемой ультрамонтанской партии, были ее исключительными интересами. От партии этой давно уже отшатнулись во Франции, как всем известно, все люди, которые, будучи искренними католиками, дорожат в то же время и плодами современной цивилизации».[18]

В одном из писем к Каткову, относящемуся ко времени полемики, Е. В. Салиас следующим образом определила свое отношение к католицизму и мистицизму: «Я напала на Свечину, как умела и могла, потому что она сделалась проводником теорий, мне ненавистных, потому что сочинения ее, читаемые всеми наперерыв, и особенно женщинами, я считаю вредными, *развращающими* ум. Наше русское общество не блестит развитием, и я, пока пишу, вечно буду восставать (насколько умею) против таких книг, как книга Свечиной. ‹...› Она ‹книга› вреднее в миллион раз какого-нибудь „Накануне“, о котором бьют „в набат“[19] ‹...› Мне нужды нет до русских барынь, меняют они или нет религию, я всегда ненавидела катол‹ических› попов, мрак этого учения, и везде буду его преследовать, насмехаться над ним (по мере сил) ‹...› Я была и буду враг узких и темных теорий, враг узкой и условной морали и надеюсь умереть с моими убеждениями, что бы обо мне ни кричали».[20]

По поводу этой полемики Тургенев писал П. В. Анненкову 22 мая (3 июня) 1860 г.: «Катков обайбородил Евгению Тур за письмо к нему, по поводу Свечиной. Вот междоусобица.»[21]

Для характеристики тогдашних политических настроений будущей сторонницы французских легитимистов и мистической поклонницы Генриха V небезынтересно напомнить, что в 1861 г. Е. В. Салиас находилась

---

[18] Там же, «Современная летопись», стр. 410—411. — «Письмо к редактору» вызвало со стороны Каткова ответную статью — «По поводу письма г-жи Евгении Тур» (там же, стр. 468—488), — полную грубых и бесцеремонных выпадов против Е. В. Салиас. На полемику откликнулись некоторые другие периодические издания, осудившие бесцеремонное отношение Каткова к своим сотрудникам, — см.: И. М а й ‹Г. В. В ы з и н с к и й›. Краткое сказание о последних деяниях «Русского вестника». «Московские ведомости», 1860, 19 мая, № 109; Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. История из-за госпожи Свечиной. «Современник», 1860, № 6, «Современное обозрение», стр. 249—278 (без подписи).

[19] Возможно, Е. Тур имела в виду свою полемику с «Русской женщиной» (Н. П. Грот) по поводу романа Тургенева «Накануне», — см. об этом подробнее: *Сочинения*, т. VIII, стр. 530—531.

[20] *ИРЛИ*, 25164.CLXXIб.26.

[21] *Письма*, т. IV, стр. 77. — Байборода — один из псевдонимов Каткова (а также Ф. М. Дмитриева и П. М. Леонтьева).

на подозрении у полиции в связи со студенческими волнениями в Московском университете.[22] В ноябре 1861 г. в Третье отделение был прислан из Москвы анонимный донос, в котором отмечалось, что графиня Салиас и профессор Вызинский[23] оказали большое влияние на студенческую молодежь и выражалось удивление, «отчего Салиас не удалят не только из Москвы, но совсем из империи».[24] В результате этого доноса за графиней Салиас было установлено полицейское наблюдение. 13 ноября шеф жандармов предписал московскому генерал-губернатору Тучкову проследить, действительно ли графиня Салиас «возбуждает неумеренностью своих суждений вредное направление образа мыслей; что, имея сильное влияние на молодых людей, она действует к вреду их и что она принимала даже участие в беспорядках, бывших между студентами московского университета, в числе которых находился сын ее, усвоивший под руководством матери понятия весьма предосудительные и служащий вредным примером для своих товарищей».[25]

Тучкову даже было дано право в случае надобности удалить Салиас из Москвы. Возможно, что Салиас была осведомлена об установленном над нею политическом надзоре и это послужило причиной ее спешного отъезда за границу в ноябре 1861 г.

В свете всех этих данных становится понятна язвительная насмешка в адрес Салиас в «Нови».

Образ Хавроньи Прыщовой введен Тургеневым в роман, очевидно, для того, чтобы убедительнее аргументировать одну из основных идей романа — об общественном значении деятельности Соломиных, являющихся, по мнению писателя, носителями русского прогресса.

В заключительной главе «Нови» в разговоре с Машуриной Паклин, характеризуя царящий в русском обществе идейный разброд и шатания, упоминает о Хавронье Прыщовой, являющейся красноречивым примером подобного разброда; далее Паклин развивает мысль о том, что в подобных условиях одни лишь «серые, простые, хитрые Соломины» способны указать России настоящую дорогу и ее будущее связано с ними.[26]

Таким образом, неожиданный на первый взгляд сатирический выпад против Е. В. Салиас-Прыщовой в «Нови» не случаен, а является художест-

---

[22] Об отношении Е. В. Салиас к студенческим волнениям в Московском университете см. ее корреспонденцию в № 113 «Колокола» за 1861 г. (авторство Е. В. Салиас удостоверено, — см.: Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, стр. 368), ее письмо редактору газеты «День» И. С. Аксакову, выступившему в печати с осуждением студенческих волнений и демонстраций (см.: Политические процессы 60-х гг. Под ред. Б. П. Козьмина. Т. I. М.—Пгр., 1923, стр. 92—97; там же, стр. 111—113, 118—120 — об отношениях Салиас с И. И. Кельсиевым) и др.

[23] О нем подробнее см.: Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, стр. 75, 404—405.

[24] *Герцен, Лемке*, т. XI, стр. 353.

[25] Там же, стр. 354.

[26] В данном случае паклинская оценка значения Соломиных совпадает с мнением самого писателя, — см. об этом подробнее: *Сочинения*, т. XII, стр. 505.

венным отражением размышлений Тургенева о путях русского прогресса и его действенных силах, волновавших писателя в период его работы над «Новью».

Н. Ф. Буданова

«НОВЬ»

«БЕЗЫМЯННАЯ РУСЬ» В РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА

В заключительной, XXXVIII, главе романа «Новь» возникает символический образ «Безымянной Руси». Истолкование этого образа, а также установление его возможного литературного источника являются темой настоящей статьи.

Напомним читателям финал романа «Новь». Машурина после невольного предательства Паклина относится к нему недоверчиво и уклоняется от прямых ответов на его расспросы, касающиеся ее революционной деятельности. Между ними происходит следующий диалог:

«— Вы уходите? — промолвил Паклин. — Где вы живете по крайней мере?

«— А где придется.

«— Понимаю; вы не хотите, чтоб я об этом знал. Ну, скажите, пожалуйста, хоть одно: вы всё по приказанию Василия Николаевича действуете?

«— На что вам знать?

«— Или, может, кого другого, — Сидора Сидорыча?

«Машурина не отвечала.

«— Или вами распоряжается безымянный какой?

«Машурина уже перешагнула порог.

«— А может быть, и безымянный!

«Она захлопнула дверь.

«Паклин долго стоял неподвижно перед этой закрытой дверью.

«— „Безымянная Русь!“ — сказал он наконец».[1]

Следует отметить, что П. В. Анненков, читавший «Новь» в рукописи, обратил внимание на выражение «Безымянная Русь», увидел в нем глубокий смысл и связал его с главной идеей романа. По мнению Анненкова, «многозначительное воклицание *«безымянная Русь»* заслуживало бы быть помещенным в другие, более авторитетные уста. Паклин брякнул тут мысль повыше его разумения, да и не ему следовало бы давать ключ к уразумению всего смысла произведения, а кому-нибудь другому. Слово это, сказанное Паклиным, мешает читателю остановиться на нем и вникнуть в его содержание».[2] В другом письме к Тургеневу Анненков следующим образом определяет идейный смысл «Нови»: «А основная идея его ‹романа, — *Н. Б.*› ясна — всё это дикое, неумелое, почти позорное брожение есть результат

---

[1] *Сочинения*, т. XII, стр. 300.

[2] См. письмо Анненкова к Тургеневу от 24 февраля н. ст. 1877 г.: *«Лит. мысль»*, кн. 1, стр. 207.

невозможности существовать с абсолютизмом. Народ еще не чувствует этой невозможности, а образованный класс, начиная с гимназиста и семинариста, уже страдает акутным абсолютизмом, вошедшим внутрь. От этого противоречия и весь кавардак».[3]

Далее Анненков дал следующее интересное истолкование выражения «Безымянная Русь»: «Безымянная Русь. Да, это та, которая уже стоит на кафедрах, пишет в журналах, мечется из стороны в сторону под предостережениями, увольнениями, притеснениями. Об ней-то надо упомянуть, она-то и упразднит безобразников, в ней-то и будущность».[4]

Таким образом, Анненков, отрицая революционную борьбу народников как средство для преобразования русского общества («дикое, неумелое, почти позорное брожение»), в то же время признал ее неизбежной и закономерной «как результат невозможности существовать с абсолютизмом». Анненков принадлежал к тем кругам русской либеральной интеллигенции западнической ориентации, которые были недовольны политикой русского самодержавия и мечтали о буржуазно-демократических преобразованиях в России в европейском духе.

Очевидно, «Безымянная Русь» в понимании Анненкова — это широкие слои интеллигенции, задыхающиеся в атмосфере русского абсолютизма и протестующие против него. Народническое движение, по мысли Анненкова, есть крайнее, «дикое» и «неумелое» выражение недовольства русского общества.

Анненков понимал, однако, что в устах Паклина выражение «Безымянная Русь» имеет совершенно иной, менее глубокий смысл; недаром он заметил, что «Паклин брякнул тут мысль повыше его разумения».

Какой же смысл вкладывает в эти слова Паклин? Очевидно, что для него «Безымянная Русь» — это те фанатические русские, которые слепо подчиняются всякой сильной и деспотической личности, будь то Василий Николаевич, Сидор Сидорыч или кто-либо другой, «безымянный».[5] Отсюда и оттенок иронии в словах Паклина, обращенных к Машуриной (см. приведенный выше диалог). Именно такой сильной, деспотической личностью и показан в романе Василий Николаевич, в образе которого нашли отражение размышления Тургенева над явлением нечаевщины. В XXII главе романа в разговоре с Марианной Нежданов следующим образом пытается объяснить ей причины большого влияния Василия Николаевича на окружающих. На вопрос Марианны, замечательный ли человек Василий Николаевич, Нежданов отвечает:

«— Как тебе сказать? Теперь он голова — ну, и орудует. А без дисциплины в нашем деле нельзя; повиноваться нужно. («И *это* всё вздор», — думалось Нежданову) <...>

«— А говорит он как?

«— Он не столько говорит, сколько командует.

---

[3] См. письмо Анненкова от 9 ноября н. ст. 1876: там же, стр. 198. — Подобное истолкование идейного смысла «Нови» не вызвало возражения со стороны Тургенева.

[4] Там же.

[5] В данном случае «безымянный» и «Безымянная Русь» — не равнозначные, а, наоборот, противопоставленные друг другу понятия.

«— Отчего же он сделался головою?

«— А с характером человек. Ни пред чем не отступит. Если нужно — убьет. Ну — его и боятся».[6]

Итак, перед нами два различные истолкования «Безымянной Руси». Возникает вопрос: действительно ли Паклин «брякнул ‹...› мысль повыше его разумения» и сам Тургенев, подобно Анненкову, вкладывал в образ «Безымянной Руси» более глубокий и обобщающий смысл, чем это представляется на первый взгляд?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к тому литературному источнику, которым, как мы думаем, был навеян образ «Безымянной Руси» в «Нови».

В первом номере органа революционного народничества, журнала «Вперед!», начавшего издаваться в 1873 г. в Цюрихе П. Л. Лавровым, было помещено вместе с программой этого издания обращение к читателям.

«Вдали от родины, — говорилось в обращении, — мы ставим наше знамя, знамя социального переворота для России, для целого мира.

Это не дело лица, это не дело кружка, это — дело всех русских, сознавших, что настоящий порядок политический ведет Россию к гибели, что настоящий общественный строй бессилен исцелить ее раны.

«*У нас нет имен.*[7] Мы — все русские, требующие для России господства народа, настоящего народа; все русские, сознающие, что это господство может быть достигнуто лишь народным восстанием и решившиеся подготовить это восстание, уяснить народу его права, его силу, его обязанность.

«Много ли нас, мало ли нас — сочтете в день настоящей борьбы.

«Мы — всюду: в кружке эмигрантов, оторванных от родины, в одинокой ссылке в безлюдном городе, в дальнем разоренном селе, в сонном уездном местечке, на базаре ярмарки, на площади столицы...

«Мы далеки от вас; мы среди вас...

«Мы зовем к себе, зовем с собою всякого, кто с нами сознает, что императорское правительство — враг народа русского, что настоящий общественный строй — гибель для России».[8]

Позднее, в 1875 г., комментируя это обращение, редакция журнала «Вперед!» снова подчеркнула мысль о том, что издание является выразителем идей не отдельных лиц и групп, а широких слоев русского общества — «безымянной», т. е. многоименной России:

«Мы сильны не богатством — его можно отнять.

«Мы сильны потому, что мы — *всюду*...

---

[6] *Сочинения*, т. XII, стр. 161—162. — Подобным же образом Потугин в «Дыме» объясняет влияние на окружающих Губарева: «Г-н Губарев захотел быть начальником, и все его начальником признали ‹...› Нам во всем и всюду нужен барин ‹...› Вот таким-то образом и г-н Губарев попал в барья; долбил-долбил в одну точку и продолбился. Видят люди: большого мнения о себе человек, верит в себя, приказывает — главное, приказывает; стало быть, он прав и слушаться его надо ‹...› Кто палку взял, тот и капрал» (там же, т. IX, стр. 168—169).

[7] Курсив наш, — *Н. Б.*

[8] «Вперед», Цюрих, 1873, т. I, стр. III—IV.

«Мы говорили это тому два года, внутренно убежденные, что это *так*. Мы повторяем это теперь, убежденные в этом тем самым, что мы *просуществовали*.

«*Мы всюду*... Ищите нас!.. *Мы всюду*... Боритесь с нами! — Мы всюду; с нами всё живое... И этим мы победим вас, хотя у вас есть капиталы, а у нас их нет...».[9]

Тургенев был подписчиком «Вперед!» и относился к этому изданию с сочувствием и интересом,[10] хотя и не разделял его революционной и социалистической программы. Писатель видел в нем силу, способную заставить русское правительство пойти на реформы. Об этом писал позднее и сам Лавров, вспоминая о своих встречах и общении с Тургеневым в 70-е годы.[11]

В обращении к читателям и программе «Вперед!» Тургенева должны были прежде всего привлечь неприятие политики русского самодержавия и необходимость протеста против него, объединявшие, по мнению Тургенева, широкие слои русской интеллигенции. Так мог родиться в воображении писателя символический образ «Безымянной Руси», близкий к тому, какой нарисовал Аннепков. Подобное истолкование не противоречит общему смыслу романа.

Действительно: хотя Тургенев не разделял веры народников в возможность революционного преобразования России и показал в «Нови» крах «хождения в народ», роман в целом не производит гнетущего впечатления. «Безымянная Русь», несмотря на тяжелые поражения, не сломлена и продолжает борьбу. Именно так истолковал смысл романа цензор Ведров, настаивавший на запрещении второй части «Нови», так как, по его словам, в романе «указывается только на раннее, несвоевременное движение в народ, а не на отсутствие горючих материалов».[12] По мысли цензора, «разрушительные начала движения в народ не изглаживаются самоубийством Нежданова (скорее смывающим с него неосторожный факт опьянения) и карою, поразившею Маркелова, — эти начала коренятся в упорстве Соломина, устроившего на артельных началах завод в Перми <...> в неограниченной преданности этому делу Марианны, в чрезвычайной скрытности соучастницы Машуриной, избегающей проговориться перед болтуном Паклиным, в злой насмешке над Сипягиным — чиновником-охранителем законов и власти».[13]

Словами «Безымянная Русь» заканчивается «Новь», и это знаменательно. Тургенев как бы призывает читателя обратить на них внимание, задуматься над их смыслом. Именно поэтому эти слова отделены от предыдущего диалога Паклина и Машуриной смысловой паузой («Паклин долго стоял неподвижно перед этой закрытой дверью. — „Безымянная Русь“, — сказал он наконец»).

---

[9] «Вперед!», Лондон, 1875, 1 июля, № 12, стр. 359.

[10] См. отзыв Тургенева о программе «Вперед!» в письме к Лаврову от 1 (13) июля 1873 г.: *Письма*, т. X, стр. 123—124; см. также письма 3278 и 3492 (там же, стр. 197, 330—331).

[11] *Революционеры-семидесятники*, стр. 23—28.

[12] Сочинения, т. XII, стр. 511.

[13] Там же.

Очевидно, что выражение «Безымянная Русь» имеет — помимо того смысла, какой вкладывает в него Паклин, — и другой, более глубокий, связанный с главной идеей романа, что верно угадал Анненков.

Н. Ф. Буданова

«ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА» ТУРГЕНЕВА И «МАСГУД» АБАЯ КУНАНБАЕВА

В процессе подготовки нового издания классика казахской литературы Абая Кунанбаева, — издания, осуществлявшегося под руководством проф. М. Ауэзова и увидевшего свет в 1957 г. (составители: И. Дюсенбаев, Г. Абетов и автор этих строк), — в одной из рукописных записей поэмы «Масгуд» была замечена пометка: «(Тургеневтен)» (из Тургенева). Запись сделана помощником Ауэзова Мурсеитом (тетрадь 1907 г.).

Выяснилось, что имелась в виду «Восточная легенда» Тургенева. Сюжетное совпадение произведений двух крупных мастеров художественного слова несомненно было весьма интересным. Большое значение этому придавал главный редактор издания Мухтар Ауэзов. Этот факт привлек также внимание известного исследователя жизни и творчества Абая — М. С. Сильченко.[1]

Сюжеты поэмы «Масгуд» Абая Кунанбаева и «Восточной легенды» Тургенева очень близки. Подобно Джиаффару из «Восточной легенды», Масгуд спасает от грабителя старика, который за это решает отплатить ему также добром. Старик приводит джигита к дереву, на котором висят три зрелых плода, и предлагает выбрать один из них:

Съешь ты белый плод — будешь всех умней,
Желтый съешь — будешь первым из богачей,
Красный съешь — станешь всем ты женщинам мил,
Все любви они будут искать твоей.[2]

Как и Джиаффар, Масгуд выбирает тот плод, съев который, он приобретает женскую любовь.

Сличение текста поэмы «Масгуд» с текстом «Восточной легенды» показывает, что, несмотря на различия в деталях, совпадает не только общий ход развития сюжета в обоих произведениях, но и многие частные моменты.

Возникают, однако, другие весьма трудные вопросы: является ли источником Абая Тургенев? Или, возможно, оба произведения имеют общий восточный источник?

---

[1] См.: М. С. Сильченко. Творческая биография Абая. Алма-Ата, 1957, стр. 139—141.

[2] Абай Кунанбаев, Собрание сочинений в одном томе, М., 1954, стр. 298.

Сложность заключается в том, что имеются веские данные, говорящие в пользу того и другого предположения.

Не свидетельствует ли все, что сказано выше, о том, что «Масгуд» является своего рода свободным (несколько дополненным) пересказом тургеневского сюжета?

Хронологически это вполне возможно. Тургеневское произведение написано в 1878 г. Напечатано оно было впервые в 1882 г. в «Вестнике Европы» (кн. 11—12) в составе первой серии «Стихотворений в прозе» («Senilia»).

Время написания «Масгуда» не указано. Но все сохранившиеся произведения Абая, за исключением небольшого числа ранних стихотворений, созданы в период с 1882 по 1903 г. К этому периоду относятся и переводы его из русских классиков.

Трудно допустить, что Абай, проявлявший исключительный интерес к произведениям русских классиков, создавая поэму на сюжет, известный у Тургенева, не знал или не обратил внимания на «Восточную легенду» (косвенным подтверждением этого является пометка в рукописи «из Тургенева»).

Каковы же данные в пользу второго предположения?

У Абая есть продолжение, которого нет у Тургенева. Кроме того, в «Масгуде» есть некоторые детали, отсутствующие в «Восточной легенде».

У Тургенева — просто халиф, у Абая — Харун-ар-Рашид. У Абая есть указание, что главный герой стал впоследствии везиром халифа (Харуна-ар-Рашида). Старик и у Тургенева — «человек не простой». У Абая вдобавок сказано, что это был Кыдыр (т. е. хызр — таинственное существо, встречающееся в восточных сказках, а также в поэмах на фольклорные сюжеты), и т. д. Но и здесь, конечно, Абай, обладая широкими познаниями в восточной литературе, что отразилось и в его творчестве, мог прочитанное у Тургенева дополнить другими известными ему литературными фактами.

Более существенно, пожалуй, то, что «Восточная легенда» относит нас в Багдад времен халифа Харуна-ар-Рашида и построена на основе легендарного, сказочного сюжета, по самому характеру очень типичного для восточной литературы, на что, кстати говоря, прямо указывает и само название произведения. (В этом смысле она стоит несколько особняком в цикле стихотворений в прозе, которые в основной своей части носят глубоко личный, в какой-то мере автобиографический характер, так или иначе отражают реальные жизненные ситуации).

Прибавим к сказанному, что имя Джиаффара — главного героя Тургенева — часто встречается в «Тысяче и одной ночи» (Джиаффар Бармесид — везир халифа Харуна-ар Рашида). У Абая, как выше отмечалось, говорится о том, что он затем стал везиром этого халифа. Правда, Абай дал ему другое имя — Масгуд. Но подобная замена имеет место и в его поэме «Азим» (В «Тысяче и одной ночи» — Хасан, у Абая — Азим).

Возможно также, что этот сюжет имел распространение в устной передаче.[3]

[3] Тургенев, как полагает акад. М. П. Алексеев, мог слышать устные пересказы восточных сюжетов от известного востоковеда Николая Владимировича Ханыкова (1822—1878).

Конечно, существование источника «Восточной легенды», о чем мы говорим предположительно, не обязательно означает, что Абай не знал стихотворения в прозе Тургенева. Он мог пользоваться им, зная и другие источники.

Какие выводы следуют из всего сказанного?

1) Общность сюжета «Восточной легенды» Тургенева и «Масгуда» Абая не подлежит сомнению.

2) Является ли источником Абая Тургенев — об этом можно говорить лишь предположительно.

3) Возможно также существование общего восточного источника, к которому в той или иной мере восходят оба произведения. Но это не противоречит сказанному выше, поскольку Абай мог обратиться к тургеневскому произведению, будучи знакомым и с другими источниками.

Задача данной статьи — поставить эти вопросы и высказать некоторые предварительные соображения. Хотелось бы думать, что они привлекут внимание востоковедов, исследователей литературных связей России и Востока, и это поможет их выяснению.

З. А. Ахметов

«КЛАРА МИЛИЧ». «ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ»

СТАТЬИ А. М-ВА О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУРГЕНЕВА

В публикации И. С. Зильберштейна «Последний дневник Тургенева»[1] комментируется статья неизвестного критика о «Кларе Милич» Тургенева, помещенная в «С.-Петербургских ведомостях» (1883, 19 января, № 18) с подписью «А. М-в».

В этой статье мы читаем: «Новая повесть И. С. Тургенева „Клара Милич“ не затрагивает никакого современного вопроса и не касается никакой злобы дня. Она принадлежит к тому роду искусства, который отрицается всем направлением „Вестника Европы“: в ней нет тенденции». Изложив подробно содержание повести, А. М-в приходит к выводу, что Тургенев как художник сумел вышить «те поэтические узоры, которые самой простой фабуле придают жизненную прелесть. Несмотря на некоторую эксцентричность в характере лиц и фантастическую исключительность в развязке рассказа, он приковывает к себе читателей своими подробностями и самостоятельностью взгляда, свойственного истинному дарованию. Почитателям Тургенева повесть эта должна быть особенно приятна, как доказательство, что наш романист, несмотря на свои лета и продолжительную болезнь, не утратил еще таланта».

Мы полагаем, что автором всех статей, опубликованных в газете «С.-Петербургские ведомости» под псевдонимом А. М-в, является талантливый критик и историк литературы, автор широко известного «Очерка русской поэзии», бывший петрашевец Александр Петрович Милюков (1817—

---

[1] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 422.

1897).[2] Об этом свидетельствует письмо А. П. Милюкова к редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому от 30 января 1880 г. В нем Милюков точно указывает номер газеты «С.-Петербургские ведомости», в котором он выступил с рецензией на произведения, опубликованные в № 24 журнала «Исторический вестник» за 1880 г. «Прочитали Вы мою заметку о нем ‹об «Историческом вестнике», — *И. Т.*› в № 24 „С.-Петербургские ведомости", — пишет Милюков. — Надеюсь сказать побольше о второй книжке ‹журнала, — И. Т.›. 3 том сочинений князя Вяземского и книжку Евгении Тур получил».[3] Заметка, о которой идет речь в этом письме, напечатана в «С.-Петербургских ведомостях» с подписью: «А. М-в».[4]

Таким образом, раскрывается новый псевдоним А. П. Милюкова, до сих пор неизвестный исследователям литературы.

Годовые комплекты газеты, а также архивные материалы показывают, что с 1875 по 1884 г. Милюков часто выступал в газете «С.-Петербургские ведомости», помещая критические статьи в отделе «Литературное обозрение». Он сотрудничал в «С.-Петербургских ведомостях» свыше 9 лет, число его заметок доходило в некоторые годы до 50. Литературные оценки Милюкова нередко спорны и противоречивы. Порой он недооценивал гениальное дарование таких художников слова, как Л. Н. Толстой и М. Е. Салтыков-Щедрин, скептически отзывался о последних произведениях И. С. Тургенева, хотя и называл его «маститым романистом». Однако в многочисленных работах Милюкова можно найти и немало ценного, поучительного, выдержавшего испытание временем. Ряд его статей отличается серьезностью тона, глубиной и убедительностью аргументации, экспрессивностью стиля. Не случайно то, что на страницах «Современника» рецензировалось пять капитальных работ Милюкова. В числе его рецензентов был Н. А. Добролюбов.

Во многих из этих статей Милюкова, помимо статьи о «Кларе Милич», уделяется большое внимание произведениям Тургенева. Так, интересна статья 1881 г., в которой он пишет о «Песни торжествующей любви».[5] Как известно, это произведение было встречено весьма разноречивыми оценками критики.[6] Милюков начинает свою статью с характеристики двух групп критиков Тургенева. К первой он относит тех, кто считает, что «Тургенев, утратя присущую ему некогда чуткость к живым общественным

---

[2] А. П. Милюков лично знал И. С. Тургенева, встречался с ним, проявлял интерес к его произведениям. 10 марта 1859 г. Милюков сообщал своему другу Л. Н. Ваксслю: «На днях был у Тургенева (с которым познакомился перед масленицей), говорил о вас. Он напечатал роман „Дворянское гнездо". Это одна из лучших его вещей. Последний месяц все о нем толковали...» (*ГПБ*, рукописный отдел, фонд П. Л. Вакселя, ед. хр. 2825). 24 декабря 1871 г. он писал ему же: «Говорят, Тургенев написал новый роман, но если это и правда, то едва ли можно ждать чего-нибудь хорошего. Последние его повести показали, что он отстал от русской жизни» (там же, ед. хр. 2825).

[3] *ГПБ*, рукописный отдел, фонд С. Н. Шубинского, т. 16, л. 487.

[4] «С.-Петербургские ведомости», 1880, 24 января, № 24.

[5] «С.-Петербургские ведомости», 1881, 17 (29) декабря, № 316.

[6] См. комментарий к «Песни торжествующей любви»: *Сочинения*, т. XIII, стр. 567—572; см. также: Л. Н. Афонин. «Песнь торжествующей любви» в творчестве Н. С. Лескова. *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 209—216.

интересам и насущным вопросам нашего времени, окончательно пережил свой талант и никого уже не привлечет сказками в фантастическом роде...». Другие критики, указывает Милюков, утверждают, что пребывание Тургенева за границей «не позволяет ему внимательно следить за явлениями русской жизни, доказательством чему служит его „Дым“ и „Новь“», и что «теперь единственным выходом для таланта нашего романиста может быть обращение к чистой сфере художественного вымысла». Далее он излагает свою точку зрения: «Мы не будем предрешать вопроса, действительно ли Тургенев утратил понимание настоящего течения русской жизни: это решит новое большое его сочинение, которое должно явиться в будущем году. Оно, вероятно, покажет, что если автору вздумалось написать средневековую итальянскую легенду, то это не потому, чтобы он сам отказался от руской современной жизни. Его „Песнь торжествующей любви“ — очевидно не что иное, как легкий эскиз, набросанный в свободное время, при другой более капитальной работе...». «Если в рассказе нет определенно высказанной идеи, — продолжает Милюков, — то он не чужд оригинальности и читается с интересом: в постановке лиц и некоторых сценах видно знакомое русским читателям тонкое перо даровитого художника». Милюков решительно отвергает упреки в цинизме, которые раздавались в адрес Тургенева. «В „Песни торжествующей любви“, — пишет он, — так же мало цинизма, как например в „Русалке“ Пушкина».

Мы полагаем, что приведенные выше суждения Милюкова о произведениях Тургенева представляют интерес для историков литературы и должны быть учтены при характеристике восприятия современной писателю критикой его творчества.

И. Т. Трофимов

ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ТЕКСТАМ ТУРГЕНЕВА

1. ЦВЕТ АДЕЛАИДА. — 2. БАРДАДЫМ. — 3. БРЕТЁР. — 4. КУРОЛЕСКА. — 5. БУРЖУЙ. — 6. БУСТРАПА. — 7. КОНДИЦИЯ. — 8. КОНИК. — 9. КРЕБС, ЛАМУШ, БОСТОН САМПРАНДЕР. — 10. МАТРАДУР. — 11. МИРЛИФЛЕР. — 12. ОХРЕЯН. — 13. ПРОГРЕСС. — 14. БОЛЬШОЙ ШЛЕМ В ЕРАЛАШИ.

В Тургеневских сборниках, начиная с этого выпуска, редакция предполагает систематически публиковать небольшие заметки, имеющие своею целью давать необходимые разъяснения отдельных слов, употреблявшихся Тургеневым в его сочинениях и письмах. Эти заметки, дополняя комментарий к текстам, помещенный в академическом издании (который, за редкими исключениями, не мог вдаваться в обсуждение вопросов русской исторической лексикологии или индивидуального языка и стиля писателя), могут оказаться полезными в будущем для составления словаря языка Тургенева, а также для истории русской литературной речи.

В работах по истории русского языка, диалектологии и стилистики за последнее время все чаще уделяется внимание Тургеневу, однако эти

работы[1] не всегда принимаются во внимание исследователями его творчества, хотя и содержат в себе порою существенные данные для понимания его художественного мастерства; лишь один вопрос — о диалектизмах и просторечии у Тургенева, в особенности в ранний период его творческой деятельности, — вызвал немало специальных книг,[2] которые могут быть весьма полезными для его исследователей и комментаторов. Лексическое богатство творчества Тургенева, однако, вызывает споры; автор стихотворения в прозе «Русский язык» справедливо считается одним из великих мастеров русской литературной речи; между тем иные из его критиков нового времени считали его «словесно робким», а его словарь — более бедным, чем это обычно предполагалось.[3] Разъяснению этого противоречия могут помочь частные лексикологические этюды типа тех, которые даются в публикуемых заметках.

Следует, наконец, подчеркнуть, что в словаре языка Тургенева есть немало таких слов русского или западноевропейского происхождения, которые являются уже мало понятными для современных нам русских читателей и не встречаются в наиболее распространенных исторических или толковых словарях русского языка: несколько подобных слов разъяснены в данных заметках, открывающих настоящую серию («Цвет Аделаида», «Бустрапа», «Куролеска» и т. д.).

М. П. Алексеев

---

[1] Неполный перечень исследований о языке Тургенева за одно лишь предшествующее десятилетие см. в кн.: И. М. Подгаецкая. Язык и стиль писателя. Библиография. 1951—1958. «Ученые записки Елабужского педагогического института», 1960, т. X, стр. 270—280.

[2] Ф. А. Марканова. Стилистическое мастерство И. С. Тургенева в употреблении и раскрытии значения диалектной и просторечно-разговорной лексики и фразеологии. Ташкент, 1958; В. Н. Прохорова. Диалектизмы в языке художественной литературы. М., 1957, стр. 31—40, и др.

[3] «Словесно робким» назвал Тургенева Алексей Ремизов, писатель, в своем творчестве культивировавший усложненную и, может быть, слишком изысканную лексику русской «сказовой речи», продолжая ту линию развития русского языка, которая представлена была Н. С. Лесковым. А. М. Ремизов выражал свою досаду по поводу того, что Тургенев «самые обыкновенные выражения или ставил в кавычки, или прибавлял „как говорится“, „как говорят“, например в словах *тверёзый*, *пáрит*, *на припёке*, *наткнулась на нас*, *незадача*, *лотошил*, *затявкали*, *жара свалила*» и т. д. Ему же казалось, что употребление отдельных слов Тургеневым отличалось неточностями, «например, в употреблении глагола „возразил“ в значении „сказал“, „ответил“, или слово „желудок“ вместо „живот“, или в известном „Русском языке“ (Senilia), где заключительная фраза из-за неточности теряет всякий смысл: „но нельзя верить, чтобы русский язык не был дан великому народу!“ вместо „но нельзя *не* верить, чтобы такой язык дан был *не* великому народу“. А ведь надо действительно „свободный“, т. е. смелый и могучий, т. е. без всяких кавычек» (см. статью «Тургенев-сновидец» в кн.: Алексей Ремизов. Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж, 1954, стр. 180).

1. *ЦВЕТ АДЕЛАИДА*

В рассказе Тургенева «Контора» («Записки охотника») упоминается «старенький, изорванный сюртук цвета аделаида или, как у нас говорится, оделлоида!!». В комментарии объяснено, что речь идет о «светло-сиреневом цвете».[1] Это цветовое обозначение изредка упоминалось в русской печати в 40—50-х годах, но затем забылось; объяснение, данное комментаторами академического издания, не соответствует действительности: имеется в виду не «светло-сиреневый», но «темно-синий» цвет. И. А. Гончаров в книге «Фрегат Паллада», описывая пребывание свое в Японии в конце 1853—начале 1854 гг. и рассказывая о приеме русских моряков у губернатора Нагасаки, писал: «Я забывал, где сижу: вместо крайнего Востока как будто на крайнем Западе: цвета в туалете — как у европейских женщин. Я заметил не более пяти штофных, и то неярких юбок у стариков; у прочих, у кого гладкая серая или дикого цвета юбка, у других темно-синего, цвета Adelaïde, vert de gris, vert de pomme, словом, все наши новейшие модные цвета, couleur fantaisie были тут».[2] Указание дано в статье Л. М. Грановской «Заметки об усвоении иноязычных цветообозначений в XVIII—нач. XIX в.».[3] Ею же указан другой случай употребления этого обозначения, в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково» (1859): «„Аделаидина цвета изволите галстук надеть или этот, с мелкими клетками?“ — спросил вдруг слуга, обращаясь ко мне с какой-то необыкновенною, приторною учтивостью ‹...› „Так этот галстук аделаидина цвета?“ — спросил я, строго посмотрев на молодого лакея. — „Аделаидина-с“, — отвечал он с невозмутимою деликатностью. — „А аграфенина цвета нет?“ — „Нет-с. Такого и быть не может-с“. — „Это почему?“ — „Неприличное имя Аграфена-с“. — „Как неприличное? Почему?“ — „Известно-с: Аделаида по крайней мере иностранное имя, облагороженное-с; а Аграфеной могут называть всякую последнюю бабу-с“».[4] В дополнение укажем еще на два случая употребления этого цветообозначения. В повести Н. И. Бобылева «Купидонов лук» находим следующее описание петербургского щеголя: «Конечно, Тимофей Агафонович не мог похвалиться ни дальним умом, ни любезностью в обращении, ни оригинальностью характера; зато у него был щегольской фрак цвета Adelaïde, были брегетовые часы, чудесные щенки, огромные бакенбарды».[5] Упоминается «цвет Аделаиды» также в повести И. И. Панаева «Кошелек»:[6] «С пятого часа вечера Иван Александрович начал делать приготовления к туалету. У него был новый фрак, чудесный, цвета Аделаиды, с черным бархатным воротником, с блестящими и узорчатыми пуговицами... Какой отлив-то, прелесть! Красно-лиловый, и сукно самое тонкое по двадцати пяти рублей аршин. Чудес-

[1] *Сочинения*, т. IV, стр. 160, 565.
[2] *Гончаров*, т. III, стр. 58.
[3] См. кн.: Образование новой стилистики языка в пушкинскую эпоху. М., 1964, стр. 377—378.
[4] *Достоевский*, т. II, стр. 463—464.
[5] См.: Невский альбом. Литературный сборник, издаваемый Николаем Бобылевым, СПб., 1839, стр. 208—209.
[6] Опубликована: Альманах на 1838 год, СПб., стр. 41.

ный фрак!». Любопытно, что в немецком словаре иностранных слов Д. Зандерса слово фигурирует со ссылкой на немецкий перевод рассказа Тургенева, сделанный А. Видертом: «Adelaïde, f. weibl. Name; auch: A. — Farbe, eine Art Blau».[7]

М. А.

2. *БАРДАДЫМ*

Тургенев писал А. В. Топорову (14 июля 1876 г.) о себе в шуточном письме: «Литератор Бардадым извещает Вас, что, богу изволящу, он приедет в Петербург»[1] и т. д. Письмо это подписано «Бардадым». Справка об этом слове, сделанная при публикации данного письма,[2] должна быть пополнена и уточнена.

В более позднем письме к Д. В. Григоровичу из Парижа (1 февраля 1882 г.), напечатанном еще в «Первом собрании писем» Тургенева (СПб., 1884, стр. 404—405), Тургенев именует «бардадымом» В. В. Стасова: «Воображаю себе неистового С‹тасова›, рукоплещущего и орущего! Кстати, этот бардадым очень полезен мне, избавляя меня часто от труда собственной критики» и т. д.

К истолкованию этого слова, данному в указанной выше справке «Литературного архива», следует прибавить, что В. И. Чернышев в статье «Терминология русских картежников и ее происхождение» называл это слово «карточным» и указывал, что оно принадлежит «русскому народному языку»: «в игре в „три листа“ король черной масти называется „бардадым“ ‹...›. Это слово произносится иногда в народе брададым».[3] Попало слово и в воровское арго; оно зарегистрировано, например, в известной работе В. Ф. Трахтенберга.[4] А. Преображенский считал происхождение слова «неясным» — «вероятно, из „борододым“ в связи с „бородач“».[5] Существует, однако, и другая, более правдоподобная догадка. А. И. Попов разъяснил, что в основе слова «бардадым» «лежит польское „bernardyn“, „бернардин“, „бернардинский монах“. Почему название бардадым применяется именно к королю треф или пик — понятно, ввиду темной окраски их одеяния и наличия креста (трефы) или похожего на крест знака (пики). Таким образом, со стороны семантики здесь все прозрачно. Что касается формально фонетической стороны, то и здесь не имеется никаких препятствий к сближению bernardyn и бардадым. Уже в конце XV—начале XVI в. мы имеем бернадины, без второго р. В белорусских говорах (И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, стр. 15) мы на-

[7] Fremdwörterbuch von Dr. Daniel Sanders, Bd. I. Leipzig, 1871, стр. 11. (Указано А. П. Могилянским).

[1] *Письма*, т. XI, стр. 295.

[2] *Лит. арх.*, т. 4, стр. 243—244; *Письма*, т. XI, стр. 630.

[3] См. сб.: Русская речь, под ред. Л. В. Щербы, Новая серия, т. II, Л., 1928, стр. 52.

[4] В. Ф. Трахтенберг. Блатная музыка. («Жаргон» тюрьмы). Изд. 3. СПб., 1908, стр. 5.

[5] А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1959, стр. 17; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, стр. 126.

ходим дальнейшее развитие в направлении к форме бардадым; это — белорусское бардадын, „бернардинский монах", откуда непосредственно и возникло русское бардадым <. . .>. Разумеется, слово бардадын следует признать жаргонным (жаргон, связанный с игрой в карты), а не диалектальным в собственном смысле слова».[6]

В русскую литературную речь слово попало довольно поздно, но пользовалось известным распространением в течение всей второй половины XIX в. В «Отечественных записках» 1856—1865 гг. под псевдонимом «Бардадым» выступал А. М. Иванов.[7]

М. А.

3. *БРЕТЁР*

Одну из своих повестей Тургенев назвал «Бретёр» (1846). Слово это (иное написание: бреттёр), как известно, имеет значение «человек, ищущий повода к дуэли, любящий драться на дуэли», «скандалист», «забияка» [1] и является заимствованием из французского языка («bretteur от brette — длинная шпага; собственно épée de Bretagne, откуда brette»).[2] В большинстве толковых словарей французского языка XIX в. слово «bretteur» имеет помету «familier» (разговорное).[3] Синонимами слова «bretteur» во французском языке являются слова «ferrailleur, spadassin, duelliste».[4] В русских словарях 40—60-х годов это слово не отмечено, хотя в литературе того времени употребление его было довольно частым. Об этом говорит и название тургеневского рассказа, и некоторые другие примеры (у Д. Н. Бегичева в «Семействе Холмских»: «Находясь в службе, в самую несчастную эпоху, когда бретёрство достигало до высшей степени, вы были примирителем многих дуэлистов»;[5] у В. Ф. Одоевского в «Свидетеле»: «Я не бретер; дуэли не мое дело; мое правило в жизни было: всегда избегать повода к ним»;[6] у И. И. Панаева в «Литературных воспоминаниях»: «Лермонтов как будто щеголял ею <светскою пустотою>, примешивая к ней иногда что-то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитые шуточки и улыбочки, желание показать презрение к жизни, а иногда даже и задорливость бретера»;[7] у Л. Н. Толстого

---

[6] А. И. Попов. Из истории лексики языков восточной Европы. Л., 1957, стр. 49—50.

[7] Ср.: *Некрасов*, т. XI, стр. 116, примечание.

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стб. 626—627.

[2] А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1959, стр. 45.

[3] См., например: Dictionnaire de l'Académie française, tome premier. Bruxelles, 1835, стр. 244; Dictionnaire de l'Académie française, tome premier. Paris, 1878, стр. 219. — В словарях издания 1842 и 1852 гг. этой пометы нет.

[4] R. Bailly. Dictionnaire des synonymes de la langue française. Paris, 1947, стр. 96.

[5] <Д. Н. Бегичев>. Семейство Холмских, ч. V. Изд. 2. М., 1833, стр. 195—196.

[6] В. Ф. Одоевский, Сочинения, ч. 3, СПб., 1844, стр. 17.

[7] И. И. Панаев, Первое полное собрание сочинений, т. 6, СПб., 1888, стр. 145.

в «Войне и мире» (т. I, ч. I, гл. IX): «Это был Долохов, семеновский офицер, известный игрок и бретёр...» [8].

Т. А. Никонова

---

4. *КУРОЛЕСКА*

Слово «куролеска» не отмечено в печатных словарях XIX в. В очерке «О соловьях» (1854) Тургенев употребил его в прямом значении. «Как поймаешь соловья, тотчас свяжи ему кончики крылышек, чтобы не бился, и сажай его скорее в куролеску — такой ящик делается низенький, сверху и снизу холстом обтянут».[1]

В романе «Новь» (1876) то же слово встречается в переносном значении: «Таких-то, как вас, пристава́ царские — охочи в куролеску сажать!» (гл. XXVIII).[2]

А. М. Дряхлушин в статье «Субстантивная синонимически сближенная лексика в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина» указывает, что в смысле «тюрьма», «место заключения» слово «куролеска» является новообразованием Салтыкова-Щедрина.[3] Приведенные выше примеры это опровергают. Именно Тургенев дополнил этим новым словом синонимический ряд, состоящий из слов: «холодная», «кутузка», «плетушка».

Т. А. Никонова

---

5. *БУРЖУЙ*

В XVI главе романа «Новь» Маркелов, приехавший с Неждановым на бумагопрядильную фабрику купца Фалеева, говорит о ее хозяине: «Первый по Москве алтынник. Буржуй — одно слово!». Слово «буржуй» находим и в письме Тургенева к А. А. Фету от 24 февраля (7 марта) 1872 г.:

Я — буржуй и доктринер,
Фет — ре-во-лю-ци-о-нер!
В нем вся ярость нигилиста...
И вся прелесть юмориста! [1]

Это один из самых ранних примеров употребления данного слова в русском языке. Вслед за Тургеневым и со ссылкой на него оно появляется у Г. И. Успенского в цикле «Из деревенского дневника» (1877—1880): «...теперь всякому мало-мальски очувствовавшемуся деревенскому жителю

---

[8] *Толстой*, т. 9, стр. 38.
[1] *Сочинения*, т. XIV, стр. 173.
[2] Там же, т. XII, стр. 213.
[3] «Ученые записки Саратовского педагогического института», 1965, т. 43, стр. 229.
[1] *Письма*, т. IX, стр. 230.

не может представиться ни в чем спасения, кроме пачки денег за пазухой ‹...› Мгновенно начинает вырабатываться не философ, не „буржуй“ (выражение И. С. Тургенева), а просто страстно влюбленный в деньги, в бумажки, в пачки человек».[2] В 1885 г. слово «буржуй» стало заглавием одного из рассказов Успенского, в котором он вновь отметил, у кого оно им заимствовано: «Слову „буржуй“ я решительно не придаю значения, свойственного слову буржуа или „бюргер“; если же я и заимствую это слово из какой-то повести Тургенева для определения того нелепого явления, о котором говорю, то именно потому, что явление нелепо, как и самое слово; есть в этом явлении, как и в слове, нечто совершенно понятное, действительно буржуазное, дающее право слову „буржуй“ походить на слово „буржуа“, — именно низменность нравственных побуждений, но есть, кроме того, и еще нечто совершенно нелепое и притом „наше“, родное, что заставляет исковеркать понятное слово „буржуа“ в непонятное и бессмысленное „буржуй“, отдающее, как видите, чем-то нелепым и, в то же время, чем-то „нашим“, родным».[3] В комментарии к этому месту рассказа указывается, что, говоря о «какой-то повести Тургенева», автор имеет в виду «Новь».[4] Новое слово использовал в 1882 г. Н. В. Шелгунов, считавший, правда, что его «изобрел» Г. И. Успенский («И Благосветлов был настоящим разбогатевшим буржуа — не „буржуем“, как обозвал Г. И. Успенский русского разжиревшего и грубого кулака, а именно буржуа по французскому образцу»), а затем В. П. Буренин и П. Д. Боборыкин.[5] Вскоре закрепившееся в речи слово вошло и в словари: первым указал на него составленный Г. Виллиамом и И. Яценко «Словарь иностранных слов», так определивший его значение: «кличка буржуа в России».[6] В книге «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в.» (М.—Л., 1965, стр. 90), отмечая появление в русском просторечии слова «буржуй» как «резко экспрессивной формы» от французского «буржуа» («обычно с подчеркнутым оттенком пренебрежения»), Ю. С. Сорокин приводит только один пример, заимствованный из романа П. Д. Боборыкина «Василий Теркин». Материалы, приведенные нами выше, свидетельствуют, что появление слова «буржуй» в русской печати может быть точно датировано 1877 г. — годом выхода в свет романа «Новь», что первым писателем, заметившим это слово в разговорном языке, был И. С. Тургенев.

Т. А. Никонова

---

[2] Г. У с п е н с к и й, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, 1940, стр. 109.

[3] Там же, т. IX, стр. 462—463.

[4] Там же, стр. 661.

[5] Н. В. Ш е л г у н о в. Воспоминания. М.—Л., 1923, стр. 279; В. П. Б у р е н и н. Критические очерки и памфлеты. СПб., 1884, стр. 299; П. Д. Б о б о р ы к и н. 1) За красненькую. Собрание романов, повестей и рассказов, т. III, СПб., 1897, стр. 70; 2) Василий Теркин. Там же, т. XI, стр. 252.

[6] Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, содержащий более 30 000 слов, из которых многие лишь в самое последнее время проникли в русскую речь вместе с нововведениями научными и общественными. Сост. Г. Виллиам и И. Яценко. Пгр., 1915, стр. 63.

6. *БУСТРАПА*

Слово «Бустрапа» встречается в речи одного из второстепенных персонажей «Накануне» (гл. XXXIV): «А каковы англо-французы? Посмотрим, много ли они сделают: Бустрапá и Пальмерстон... Ужасный плут этот Бустрапá! Хотите, я вам дам „Les Châtiments“ de Victor Hugo — удивительно!».[1]

В «Les Châtiments» В. Гюго мы действительно находим слово «Бустрапа» в стихотворении «Eblouissements»:

> Ours que Boustrapa montre et qu'il tient par la sangle,
> Valsez, Billault, Parieu, Drouyn, Leboeuf, Delangle! [2]

Это искусственно созданное слово представляет собою сочетание начальных слогов трех собственных имен — Булонь, Страсбург, Париж — и было известно во Франции как кличка Наполеона III: государственный переворот, который он пытался совершить в Страсбурге и Булони в 1840 г., удался ему в Париже в 1851 г.[3]

Возникновение клички было, очевидно, связано с выходом в Париже в 1852 г. поэмы Бодуэна де Вьера, озаглавленной «Strasbourg—Boulogne—Paris» и восхвалявшей эти попытки Наполеона III; о новом прозвище императора сообщил Гюго его ученик и близкий друг, писатель Франсуа Поль Мерис.[4] В письме, относящемся к концу октября 1852 г., он писал: «Знаете ли вы, какие титулы он собирается принять? Император французов, король Алжира, покровитель святых мест! Народ, более лаконичный, выразил эти титулы в одном и называет его теперь Бустрапа (Булонь—Страсбург—Париж)».[5] В ответном письме Гюго от 14 ноября 1852 г. читаем: «Мне нравится Бустрапа. Народ всегда остроумен. Когда же он снова воодушевится и даст пинка ногой императору каторжников и покровителю публичных мест?».[6]

Интересно отметить, что это презрительное прозвище Наполеона III было использовано Марксом в работе «Франция Бонапарта Малого» (1856) («...„великодушный призыв“ „Moniteur“ ‹...› не касается ‹...› студентов, арестованных за то, что они освистали платных апологетов Бустрапы»; «Бустрапа выражает готовность дать свободу людям, которых он истязал в течение четырех лет, при условии, если они согласятся покрыть себя несмываемым позором...»).[7]

Т. А. Никонова

---

[1] *Сочинения*, т. VIII, стр. 159.

[2] Victor Hugo. Châtiments. Genève et New York, 1853, стр. 246.

[3] Е. Н. Князькова. Семантика собственных имен в политической сатире В. Гюго «Кары» («Возмездие»). «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена», 1954, т. 93, стр. 59.

[4] Les grands écrivains de la France, Deuxième série. Dix-huitième et dix-neuvième siècles. Victor Hugo. Les Châtiments (1853), t. II. Paris, 1932, стр. 500—501.

[5] Correspondance entre Victor Hugo et Paul Meurice. Paris, 1909, стр. 17.

[6] Там же, стр. 18.

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 11, стр. 627—629.

7. *КОНДИЦИЯ*

Употребление слова «кондиция» для обозначения занятий домашнего учителя, репетитора, которым чаще всего был студент университета или семинарист, искавший их на время летних каникул, обычно для литературы XIX в.[1] У Тургенева оно встречается в романах «Новь» (гл. II: «То-то ты ‹Нежданов› в газетах публиковал, что ищешь кондиции и согласен на отъезд»)[2] и «Дворянское гнездо» (гл. XII: «Михалевич познакомился с ними год тому назад во время своего пребывания в подмосковной на „кондиции“ у графа Н.»)[3] и в рассказах «Андрей Колосов» («Он вчера вечером вернулся с *кондиции*»)[4] и «Смерть» («С сокрушенным сердцем расставался он с товарищами, уезжая на „кондицию“»).[5]

Т. А. Никонова

---

8. *КОНИК*

Слово «коник» дважды встречается у Тургенева. «В четверть часа доехал Аким до усадьбы Лизаветы Прохоровны; подскакал к крыльцу, соскочил с телеги и прямо ввалился в переднюю. — Чего тебе? — пробормотал испуганный лакей, сладко дремавший на конике» («Постоялый двор»).[1] «На крыльце встретил их лакей в гороховых панталонах и сером круглом фраке с гербовыми пуговицами; в передней, довольно опрятной, но с коником, встретил их другой такой же лакей» («Два приятеля»).[2] Толкование этого слова дают все словари, старые и современные.[3] Наиболее подробное объяснение: «в крестьянской избе: короткая, широкая и высокая неподвижная скамья (лавка) с ящиком под ней; в ящик кладут разные хозяйственные принадлежности, а на скамье, между прочим, спят».[4] А. Г. Преображенский относит слово «коник» к той же группе, что и слова «коить, койник». «Обыкновенно говорят коник, — добавляет он, — вероятно, под

---

[1] См.: Н. В. Гоголь. Вий. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. 2, Л., 1937, стр. 180; А. И. Герцен. Кто виноват? *Герцен*, т. 4, стр. 36; Н. Г. Помяловский. Махилов. Полное собрание сочинений в двух томах, т. I, «Academia», М.—Л., 1935, стр. 17; Н. Н. Златовратский. Барская дочь. Собрание сочинений, т. 6, СПб., ‹б. д.›, стр. 285, и др.

[2] *Сочинения*, т. XII, стр. 14.

[3] Там же, т. VII, стр. 167.

[4] Там же, т. V, стр. 10.

[5] Там же, т. IV, стр. 220.

[1] *Сочинения*, т. V, стр. 315—316.

[2] Там же, т. VI, стр. 28.

[3] См.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, т. II. СПб., 1847, стр. 197; Словарь современного русского литературного языка, т. 5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стб. 1291.

[4] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, т. IV, вып. 6. СПб., 1912, стб. 1826—1828.

влиянием конек, ибо койник иногда украшают перильцами, коньками».[5] Словарь В. И. Даля указывает на слова «прилавок, рундук» как на синонимы слова «коник».[6]

Коник — необходимая деталь крестьянского обихода. Однако, судя по приведенным выше цитатам из Тургенева и по некоторым другим примерам употребления этого слова («Жужжание, изредка прерывавшееся докучливым щелканьем карт двух лакеев, игравших в дурачки на коннике передней, сливалось время от времени в стройную тихую музыку»;[7] «гость ‹...› вернулся опять в переднюю: там в простенке висело большое дубовое зеркало, по бокам его стояли новые дубовые стулья ‹...› но у стены так и остался широкий, неуклюжий, только заново выкрашенный коник»[8]), он часто бывал принадлежностью передних провинциальных помещичьих домов, хотя и считался уже к 50-м годам вещью устарелой и вышедшей из употребления.

Т. А. Никонова

---

9. *КРЕБС, ЛАМУШ, БОСТОН САМПРАНДЕР*

В XIX главе романа «Новь» упомянуты названия старинных карточных игр: «Потом супруги Субочевы опять что-нибудь читали, или пересмеивались с карлицей Пуфкой, или пели вдвоем старинные романсы (голоса у них были совершенно одинакие, высокие, слабые, несколько дрожащие и хриплые — особенно после сна, — но не лишенные приятности), или, наконец, играли в карты, но тоже всё в старинные игры: в кребс, в ламуш или даже в бостон сампрáндер!».[1] Старше всех этих игр, по-видимому, ламуш (от франц. la mouche — муха).[2] В XVIII в. в ламуш играли в основном люди пожилого возраста.[3] «Старики сели играть в ламуш и в квинтич», — читаем и в рассказе Вильгельма Карлгофа «Уральская старина».[4]

---

[5] А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1959, стр. 330, 345.

[6] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, М., 1955, стр. 151.

[7] Д. В. Григорович. Проселочные дороги, ч. I, гл. 3. Полное собрание сочинений, т. III, СПб., 1896, стр. 43.

[8] В. А. Слепцов. Трудное время. Сочинения, т. I, М.—Л., 1932, стр. 76.

[1] *Сочинения*, т. XII, стр. 130.

[2] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, т. V, вып. 1, Пгр., 1915, стб. 168—169.

[3] См.: М. И. Пыляев. Старый Петербург. Расказы из былой жизни столицы, гл. XVIII. СПб., 1887, стр. 414—415; см. также: ‹Н. И. Страхов›. Переписка моды, содержащая письма безруких мод, размышления неодушевленных нарядов, разговоры бессловесных чепцов, чувствования мебелей, карет, записных книжек, пуговиц и старозаветных манек, кунташей, шлафоров, телогрей и пр. Нравственное и критическое сочинение, в коем с истинной стороны открыты нравы, образ жизни и разные смешные и важные сцены модного века. М., 1791, стр. 31—32.

[4] Повести и рассказы Вильгельма Карлгофа, ч. 2. СПб., 1832, стр. 56.

Крепс (или кребс — от нем. Krebs) и бостон вошли в моду в начале XIX в. У А. С. Грибоедова в комедии «Студент» эти два названия стоят рядом: «Другие рассядутся стариками, кто за бостон, кто за крепс» (действие II, явление 2).[5] В черновике письма А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. читаем: «... А. П. <?> [распустил] сбол‹тнул› в Твери <?>, что я шпион, получаю за то 2500 в месяц <?> [сумма] (которые очень бы [н‹ам›] мне пригодились благодаря крепсу)».[6] Есть и другие примеры употребления слова «кребс»:[7]

1) Прошу тебя забыть
Нахальную уловку,
И крепс, и понтировку,
И страсть людей губить.[8]

2) Всё пляшет и шумит: здесь вальс, тут гул, там смех,
И крепс и болтовня обворожают всех.[9]

Примеры употребления слова «бостон» в произведениях русских писателей многочисленны; однако сочетание «бостон сампрандер» довольно редко:

И подлинно тогда набег к ним был гостей:
Иной кричит бостон, иной сампрандру просит;
Тот песенку поет, другой стихи подносит...[10]

Объяснение слова «сампрандер» (санпрандер) находим в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского: «В карточной игре называется то, когда играющий его игрок никем не вспомоществуем и, имея против себя трех соперников, старающихся одержать над ним победу, играет один против всех».[11]

Т. А. Никонова

---

10. *МАТРАДУР*

Матрадур (или матрадура) — бальный танец, распространенный у нас в конце XVIII—начале XIX в. Тургенев упоминает его в рассказе «Малиновая вода» (в «Записках охотника»). Крепостной слуга Туман, характе-

---

[5] А. С. Грибоедов, Сочинения, Гослитиздат, М., 1953, стр. 182.
[6] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 266.
[7] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, т. IV, вып. 9. Пгр., 1916, стб. 2745.
[8] Д. Давыдов. Другу-повесе. Сочинения, М., 1962, стр. 78.
[9] И. М. Долгорукий. Приятелю. В кн.: Сочинения Долгорукого (князя Ивана Михайловича), т. I, СПб., 1849, стр. 190.
[10] Там же, стр. 386.
[11] ‹Н. М. Яновский›. Новый словотолкователь, ч. III. СПб., 1806, стб. 602.

ризуя былые праздники богатого помещика, хлебосола, вспоминает: «Плясать пустятся — до зари пляшут, и все больше лакосез — матрадура».[1] В комментарии к этому месту дано неполное и неточное объяснение: «Лакосез — матрадура. — Произвольное название, составленное из названий двух танцев: экосез — бальный танец («шотландский»), матрадура (или матрадур) — устаревшая пляска».[2] Следовало отметить, что матрадур также бальный танец, а не «пляска», и что на балах оба танца нередко сменяли друг друга; в русских литературных источниках они нередко упоминаются рядом. В рассказе И. И. Панаева «Барыня» идет речь о петербургской барышне, Палаше, которая «под руководством тетеньки Арины Куприяновны танцует экосез и матрадур и поет с аккомпанементом „Стонет сизый голубочек“ и проч.».[3] Данный рассказ Панаева снабжен точными хронологическими указаниями: так как Палаша родилась в 1783 г., а любила танцевать матрадур в то время, как ей исполнилось 18 лет, то это, следовательно, происходило около 1801 г. В рассказе М. Л. Михайлова «Скрипач» (1853) изображен сельский доморощенный виртуоз, «напиливавший на скрипке кадрили и вальсы, матрадуры и экосезы». Его приглашали на вечеринки, и он играл то, что требовали танцующие: «„Что теперича?“ — „Матрадуру!“. Трофим вытягивал кверху руку со смычком, чтоб освободить кисть от обшлага, потом брал три приличные тону пьесы аккорда — и скромная зала оглашалась игривыми звуками матрадуры, веселого танца, уже исчезшего в бездне всепоглощающего времени».[4] В рассказе А. Н. Майкова «Старушка. Отрывок из записок праздного человека» (1848, 1859) матрадур также упоминается как своего рода анахронизм. Героиня рассказа, семидесятилетняя старушка, «каждый день садилась за фортепьяно и целый час разыгрывала вечно один и тот же матрадур, потом экосез, и еще увертюру из „Двух слепцов“».[5] В романе В. Соколовского «Одна и две или любовь поэта. Роман из частной жизни» идет речь и об экосезе и о матрадуре как о бальных танцах прошлого времени. Говоря об экосезе как о «непременном, всегдашнем, первом танце вслед за польским», автор восклицает: «Случалось ли вам, милостивые государи, бросать когда-нибудь философический взгляд на экосез? Если нет, так это очень жалко и особенно потому, что подобное упущение нельзя поправить ничем: безжалостная мода давно уже подписала указ вечного изгнания этому шотландскому выходцу. Конечно, есть еще одно средство: стоит только съездить в Сибирь или куда-нибудь в глушь». В провинции, по словам В. Соколовского, за «несколькими обыкновенными кадрилями» подают «пунш и наливку для желающих», затем «снова принимаются за простую кадриль, потом следует матрадур или в иных городах минимаска».[6] О тех же забытых ныне танцах идет речь в «Тарантасе» (1845) В. А. Соллогуба; характери-

---

[1] *Сочинения*, т. IV, стр. 39.
[2] Там же, стр. 543.
[3] И. Панаев, Сочинения, т. II, СПб., 1860, стр. 33.
[4] Русские повести XIX в. 40—50-х гг., т. II, М., 1952, стр. 716.
[5] А. Н. Майков, Полное собрание сочинений, изд. 9, т. IV, СПб., 1914, стр. 167.
[6] В. Соколовский. Одна и две или любовь поэта. Роман из частной жизни, ч. III. М., 1834, стр. 134.

зуя здесь Василия Ивановича в главе XV, автор отмечает, что его герой «вкусил удовольствия светской жизни и стал удивительно отличаться на балах. Никто ловче его не прохаживался в матрадуре, монимаске, куранте или Даниле Купере».[7] В романе М. Н. Загоскина «Искуситель» описан бал в уездном городе в начале века: «Хозяин захлопал в ладоши, и музыканты грянули матрадур. Так как мущин было гораздо менее, чем дам, то многие из них, в том числе и Машенька со своей приятельницей Фенечкой Лидиной, не участвовали в первом матрадуре...».[8] Ссора между танцующими дает автору повод несколько пояснить, какие фигуры употреблялись в матрадуре.

М. А.

---

11. *МИРЛИФЛЕР*

Слово «мирлифлер» (франц. mirliflore; от mirer — любоваться собой и fleur — цветок) встречается у Тургенева в «Дневнике лишнего человека» (запись 27 марта): «Я пустился критиковать всё и всех на свете, особенно напирая на столичных молодчиков и петербургских мирлифлеров».[1] Этим словом во Франции во времена Людовика XVI называли молодых франтов, легкомысленных фатов. В таком же значении оно стало употребляться в России. В конце XVIII—начале XIX в. это насмешливое прозвище использовали сторонники классицизма в борьбе против Карамзина и его школы. Так, Д. П. Горчаков писал в стихотворении «Послание к князю С. Н. Долгорукову»:

Там воздыхающий, плаксивый Мирлифлор
Гордится, выпустя сентиментальный вздор...[2]

Это слово в таком же смысле находим и в другом его стихотворении «Письмо к другу моему Николаю Петровичу Николеву».[3] Примеры употребления слова «мирлифлер» известны и в литературе 40-х годов. Одну из своих журнальных заметок 1842 г. Белинский озаглавил «Журнальный мирлифлер и Жорж Занд».[4] П. А. Вяземский писал в 1847 г.: «Требования наших журнальных маркизов и мирлифлеров мало озабочивали смиренную и опростонародившуюся натуру Гоголя».[5]

Т. А. Никонова

---

[7] В. А. Соллогуб. Тарантас. Путевые впечатления. СПб., 1845, стр. 179.
[8] М. Н. Загоскин. Искуситель, ч. I. М., 1838, стр. 141.
[1] *Сочинения*, т. V, стр. 210.
[2] Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX века. Л., 1959, стр. 158.
[3] Там же, стр. 141—142.
[4] *Белинский*, т. VI, стр. 580—581.
[5] П. А. Вяземский. Языков. — Гоголь. «С.-Петербургские ведомости», 1847, 24 апреля, № 90.

12. *ОХРЕЯН*

В «сцене» Тургенева «Разговор на большой дороге» (впервые опубликованной в 1851 г.) Михрюткин кричит своему слуге: «Селиверст, Селиверст! Ну, разоспался, охреян неприличный...».[1] Далеко не все современные этой сцене критики сумели по достоинству оценить проявленное Тургеневым в этом небольшом произведении удивительное мастерство в воссоздании народной разговорной речи; так, например, Аполлон Григорьев отмечал в «Москвитянине» будто бы свойственное «Разговору на большой дороге» «немилосердное и совершенно бесполезное искажение языка». По словам того же критика, Тургенев в этой сцене будто бы принял «довольно странную манеру снабжать русского человека разными нескладными или исковерканными словами» и т. д.[2] Этот упрек явно несправедлив; «Разговор на большой дороге» изобилует словами, бывшими в употреблении в народной речи в то время и лишь впоследствии забывшимися. Подробное объяснение слова «охреян» и его происхождения — с прямой ссылкой на Тургенева — дал В. И. Чернышев. Он указал, что по Академическому словарю 1847 г. значение этого слова, отнесенного к разряду «простонародных», означает «необразованный, нерасторопный простолюдин».[3] То же, но несколько более распространенное значение слова «охреян» дает и В. Даль: «Лентяй; неотесанный, неуклюжий, грубый, мужиковатый увалень».[4] Л. А. Булаховский[5] приводит также цитату из «Записок» М. И. Жихарева: «И бедная девушка, мечтавшая сделать счастие порядочного человека, уступила, хотя не без горьких слез, желанию матери, решилась выйти за охреяна». При Петре I «охреянами» назывались раскольники.[6] В. И. Чернышев в указанной выше статье по этому поводу заметил: «Судя по отношению к старообрядцам, к борцам против правительства, опирающегося на более образованную часть духовенства и служилого сословия, название, присвоенное старообрядцам: охреяне, вероятно, произошло от произношения последними имени Ефрем как Охрем».[7] Г. О. Винокур отметил слово «охреян» в тексте книги В. Березайского «Анекдоты древних пошехонцев» (СПб., 1798) — «Пошехонье, хоть и было Пошехонье, т. е. не Тентерева деревня, не скопище пентюхов и охреянов, а город» и т. д. (стр. 124) — и привел в параллель справку об этом слове

---

[1] *Сочинения*, т. III, стр. 210.

[2] Там же, стр. 448.

[3] См.: В. И. Чернышев. Происхождение некоторых нарицательных имен от собственных. В кн.: Язык и мышление, вып. III—IV. Л., 1935, стр. 172—173.

[4] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, М., 1955, стр. 774.

[5] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в. Лексика и общие замечания о слоге. Изд. 2. Киев, 1957, стр. 241.

[6] Н. Устрялов. История царствования Петра В., т. II. СПб., 1858, стр. 236, 290.

[7] В. И. Чернышев. Происхождение некоторых нарицательных имен от собственных, стр. 173.

из «Словаря Академии Российской» по изданию 1806—1822 гг.: «слово низкое, значит необразованного и грубого человека (пример: «Охреян охреяном»)».[8]

М. А.

---

13. ПРОГРЕСС

В XXV главе «Дворянского гнезда» Тургенев описывает сцену отъезда Михалевича. Прощаясь с Лаврецким, Михалевич, даже сидя в тарантасе, «еще развивал свои воззрения на судьбы России и водил смуглой рукой по воздуху, как бы рассеивая семена будущего благоденствия. Лошади тронулись, наконец... „Помни мои последние три слова, — закричал он, высунувшись всем телом из тарантаса и стоя на балансе, — религия, прогресс, человечность!... Прощай!“».[1] В комментарии к указанной сцене особое, специфическое значение, которое Тургенев хотел придать данным «трем словам», специально не оговорено, а между тем как своего рода девиз «полтавского Демосфена» они составляют весьма характеристическую черту образа Михалевича и должны быть объяснены.

Опорным в данной трехчленной формуле несомненно является слово «прогресс», в истории своего употребления в России несколько раз менявшее свой смысл и свои экспрессивные оттенки. Хотя слово это было известно в русском языке еще в Петровскую эпоху,[2] оно не являлось распространенным ни в XVIII в., ни в первые три десятилетия XIX в. Хотя со значением «прибыль», «преуспеяние» слово «прогресс» отмечено в рукописном словаре Академии наук, А. Ф. Ефремов в статье «Иноязычная лексика в языке Н. Г. Чернышевского и ее обработка»[3] обращает внимание на то, что и в 30-е и в начале 40-х годов это слово у нас еще не было в ходу, о чем свидетельствует Чернышевский в статье о стихотворениях А. Н. Плещеева: «...ведь и самое слово „прогресс“ не употреблялось тогда в печати, даже в прозаических статьях и рассуждениях практических ученых».[4] «Только позже, в те же 40-е годы, особенно в 50—60-е годы, оно, поддержанное и квасными патриотами, например, Бенедиктовым и Розенгеймом, и либералами, и подлинными патриотами, т. е. революционными демократами, стало популярным, модным. В эти годы оно, как и слово „принцип“, приобрело особую идейную насыщенность и политическую остроту в языке демократической интеллигенции <...> Вместо былого значения „успех“, „прибыль“, слово „прогресс“ стало означать „движение вперед, совершенствование в процессе развития“», — продолжает А. Ф. Ефре-

---

[8] См.: Г. О. Винокур. Любопытный памятник XVIII века. «Доклады и сообщения Института русского языка», 1948, вып. 2, стр. 87.

[1] *Сочинения*, т. VII, стр. 206.

[2] См.: Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 241.

[3] «Ученые записки Саратовского университета», т. XIX, 1948, стр. 104.

[4] *Чернышевский*, т. VII, стр. 119.

мов.[5] А. Каменский в записке «О направлении народного просвещения и о главных сословиях в России» (1850) указывал, что «успех гражданственности <...> в новейшее время наименовали „прогрессом“».[6] В. Г. Белинский еще в 1847 г. свидетельствовал, что «фельетонисты наши очень невзлюбили слово „прогресс“ и преследовали его».[7] «Говорят, для слова „прогресс“ не нужно и выдумывать нового слова, потому что оно удовлетворительно выражается словами „успех“, „поступательное движение“ и т. д.», — писал далее Белинский в этой же хорошо известной Тургеневу статье («Взгляд на русскую литературу 1847 г.»). Показав специфику значения этого слова и тот передовой общественный смысл, который в него вкладывается, Белинский заключал: «... пока не явится русского слова, которое бы вполне заменило его собою, мы будем употреблять слово „прогресс“».[8]

Понятно, почему слово «прогресс», как и «принцип», «доктрина», «гуманность», казалось опасным жандармерии 40-х годов, на что указывалось в докладе III отделения в 1848 г.[9] В 1858 г. Александром II наложен был даже запрет на употребление слова «прогресс» в официальных бумагах.[10] «Но поскольку запрет касался употребления слова „прогресс“ только в официальных бумагах, им продолжали пользоваться и после 1858 г. в различных общественно-политических группировках...», — отметил А. Ф. Ефремов.[11] Таким же ненавистником этого слова, — как это давно было отмечено М. И. Сухомлиновым,[12] — выказывал себя, например, П. А. Вяземский, писавший:

...Кто спорит?
Есть в этом слове смысл и вес;
Но уж когда затараторит
Журнальный клир: прогресс! прогресс!
Я рад надеть зипун, онучи,
Бежать назад за триста лет,
Бежать готов я в лес дремучий
Где о прогрессе речи нет.

В. В. Веселитский отмечает, что слово «прогресс», появившееся у нас в 40-е годы в публицистическом и общественно-политическом обиходе,

---

[5] См. также: Ю. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1963, стр. 83—85.

[6] М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, стр. 254.

[7] Ср.: Е. Черкасова. Борьба В. Г. Белинского за народность русского литературного языка. В кн.: Материалы и исследования из истории русского литературного языка, т. III. М., 1953, стр. 116—120.

[8] *Белинский*, т. X, стр. 282—283.

[9] В. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50-е годы. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934, стр. 236.

[10] М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия, стр. 323.

[11] «Ученые записки Саратовского университета», т. XIX, 1948, стр. 105.

[12] См.: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. II. СПб., 1889, стр. 355.

у представителей передовой русской мысли получило «революционное осмысление».[13] Именно в этом смысле оно часто встречается у русских публицистов и сатириков демократического лагеря.[14] Тот же смысл безусловно хотел придать ему и Тургенев, вкладывая его в уста своего Михалевича.

Словарную фиксацию слово получило у нас в 60-е годы, когда оно стало «политическим девизом» времени, «лейтмотивом эпохи».[14] И в последующие десятилетия оно продолжало служить в России предметом самой острой полемики; для Чехова, например, оно стало уже штампом либерального краснобайства.[15]

М. А.

---

14. *«БОЛЬШОЙ ШЛЕМ В ЕРАЛАШИ»*

В романе Тургенева «Рудин» искренний, но несколько пышный, блистающий перлами ораторского красноречия монолог Рудина о необходимости «надломить упорный эгоизм своей личности» прерывается репликой его антипода, консерватора Пигасова, оригинальничающего своим скептицизмом и откровенной циничностью; Пигасов просит карандаш, чтобы записать «последнюю фразу господина Рудина. Не записав, позабудешь, чего доброго! А согласитесь сами, такая фраза все равно, что большой шлем в ералаши».[1] Это сравнение, в котором Тургенев прибегает к терминам карточной игры, непонятно современному читателю, так как игры, о которых идет речь, давно отошли в прошлое. Однако во времена Тургенева эти термины были еще употребляемыми, встречаются они и на других страницах его произведений.

Так, в «Двух приятелях» после обеда играют в карты один из «приятелей», добряк Петр Васильевич, помещик Михей Михеич, имение которого находилось под опекой, и чиновник Онуфрий Ильич, попавший под суд за взяточничество. Михей Михеич, задиравший ранее Онуфрия, «приказную строку», «сделав с ним маленький шлем <...> неожиданно похвалил его».[2] В «Дворянском гнезде» отец Паншина, отставной штабс-ротмистр, бывший в молодости известным игроком, «доставил сыну своему много

---

[13] В. В. Веселитский. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. М., 1964, стр. 64—65.

[14] См.: В. М. Черняева. Слово «прогресс» в сатирических стихах Добролюбова, Курочкина и Минаева. «Ученые записки Горьковского университета», 1960, серия филологическая, вып. 59, стр. 89—109. Ср. также: М. М. Орлов. Публицистическая лексика и фразеология в языке Н. Г. Помяловского. «Ученые записки Балашовского государственного педагогического института», 1957, историко-филологическая серия, том II, стр. 354—355, 358.

[15] См.: В. В. Гурбанов. О лексике рассказов А. П. Чехова. В сб.: Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии, Л., 1963, стр. 39—40.

[1] *Сочинения*, т. VI, стр. 267.

[2] Там же, стр. 54.

связей; тасуя карты между двумя робберами или после удачного „большого шлема“, он не пропускал случая запустить словечко о своем „Володьке“ какому-нибудь важному лицу, охотнику до коммерческих игр».[3] В «Накануне» отец Елены, Николай Артемьевич Стахов, окончивший юнкерскую школу и бывший смолоду светским «кавалером», в старости в имении своей жены от скуки «пристрастился к лото, а когда запретили лото, к ералашу».[4] В «Отцах и детях» Евгений Базаров, приехавший навестить своих стариков и, к радости отца, терпимо отнесшийся к факту приглашения священника к обеду, так как он, по словам младшего Базарова, его «порции за обедом не съест», предлагает: «Что же? Мы после обеда засядем в ералаш, и я его обыграю».[5]

Ералаш — слово тюркского происхождения (аралаш — беспорядок), осмысляющееся в современном русском языке как существительное мужского рода. Тургенев, вводя его в прямую речь Пигасова, избирает более устарелую форму его, женского рода: ералашь — ералаши.[6] Ералаш — вид старинной карточной игры, ныне забытой, похожей на вист. «Шлем, — по определению М. Шевляковского, автора справочника о «Коммерческих играх», — выражение, употребляемое в винте и висте. Одна из сторон, взявшая все тринадцать взяток, делает своим противникам *большой шлем*; сторона, взявшая двенадцать взяток, делает противникам малый шлем».[7]

Неоднократное упоминание об ералаше в повестях и романах Тургенева имеет свое объяснение. Уже в начале XIX в. коммерческие карточные игры, к которым относится и ералаш, основанные — в отличие от азартных — на расчете и используемые обычно для развлечения и заполнения праздного времени, получают в России в дворянской среде самое широкое распространение.

В «Старой записной книжке» П. А. Вяземского, охватывающей период с 1813 по 1877 г., одна из подглавок посвящена картам. Повествуя о событиях 30-х годов, П. А. Вяземский писал: «Нигде карты не вошли в такое употребление, как у нас: в русской жизни карты одна из непреложных и неизбежных стихий. Везде более или менее встречается в отдельных личностях страсть к игре, но к игре так называемой азартной... Но мы здесь говорим о мирной, так называемой коммерческой игре, о карточном времяпровождении, свойственном у нас всем возрастам, всем званиям и обоим полам. Одна русская барыня говорила в Венеции: „Конечно, климат здесь хорош; но жаль, что не с кем сразиться в преферансик“... Карточная игра в России есть часто оселок и мерило нравственного достоинства человека. „Он приятный игрок“ — такая похвала достаточна, чтобы благоприятно утвердить человека в обществе... Карточная игра имеет у нас свой род остроумия и веселости, свой юмор с различными поговорками и прибаут-

[3] Там же, т. VII, стр. 133.

[4] Там же, т. VIII, стр. 19.

[5] Там же, стр. 329.

[6] См.: Словарь русского языка, т. II, вып. 1. СПб., 1897, стр. 114—115; см. также: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1959, стр. 216.

[7] Коммерческие игры... Полное собрание практических советов, законов и правил. С приложением «Карточной терминологии». Сост. М. Шевляковский. Изд. III. СПб., 1898, стр. 226.

ками. Можно бы написать любопытную книгу под заглавием „Физиология колоды карт“».[8]

Свидетельством особой популярности «ералаша» не только в первой половине XIX в., но и в 60-е годы может служить вышедшая в 1865 г. специальная брошюра под названием «Главные правила игры в ералаш, составленные по сочинениям известнейших европейских игроков: Mathews, Short, Dechapelles, Van Tenag u. Delanoue», которая открывается словами: «Карточная игра, и преимущественно ералаш, в настоящее время сделалась так употребительна в обществе, что почти без преувеличения можно сказать, что в ералаш играет вся Россия».[9]

Таким образом, как видно из вышеприведенных цитат, игра в ералаш возникает у Тургенева как типическая реальная деталь русского помещичьего и чиновничье-бюрократического быта. Что же касается обозначений, которыми пользовались игроки в «ералаш», например «большой» и «малый шлем», и названия самой игры в прямом и метафорическом их применении, то они безусловно были близко знакомы читателям Тургенева 50—70-х гг. Отчетливо воспринимался, конечно, и смысл сравнения Пигасова, иронически уподобившего рудинскую фразу «большому шлему в ералаши», т. е. необыкновенно редкому и удачному выигрышу в карточной игре.[10]

И. А. Битюгова

«ФОСС-ПАРКЭ» В ТЕКСТАХ ТУРГЕНЕВА

В комедии Тургенева «Холостяк», опубликованной в 1849 г. в «Отечественных записках», Шпуньдик высказывает такое предположение о Вилицком: «Не зашалил ли уж он как-нибудь? Фосс-паркэ, как говорится. Ведь Петербург на это — город, чай, не последний».[1] Это французское выражение, — весьма неожиданное в устах тамбовского помещика «с претензиями на образованность», — осталось не объясненным ни самим Тургеневым, ни его критиками. Однако четверть века спустя Тургенев снова вложил его в уста другого своего персонажа — Фомушки — в известном эпизоде романа «Новь» (ч. 1, гл. 19): «Фомушка плохо знал по-французски ‹...› Но у него иногда вырывались выражения вроде: „Это, батюшка, фосспаркэ!“ (в смысле «это подозрительно», «неверно»), над которым

[8] П. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929, стр. 85—86. — См. также о картах, об отражении карточной игры и использовании картежной терминологии в русской литературе первой трети XIX в. в справке, составленной Н. С. Ашукиным, «Карточная игра» в «Путеводителе по Пушкину» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VI. Приложение к журналу «Красная Нива», М.—Л., 1931, стр. 172—173) и статью В. В. Виноградова «Стиль „Пиковой дамы“» (в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 74—147).

[9] «Главные правила игры в ералаш...». М., 1865, стр. 1.

[10] Ср., например, рассказ Л. Андреева «Большой шлем», герой которого всю жизнь мечтал выиграть большой шлем и умер в тот момент, когда ему начало невероятно везти. «Но ведь никогда он не узнает, что в прикупе был туз и что на руках у него был верный большой шлем. Никогда!» — такова художественная кульминация рассказа (Л. Андреев, Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1913, стр. 29).

[1] *Сочинения*, т. II, стр. 240.

много смеялись, пока один ученый француз не объяснил, что это есть старое парламентское выражение, употреблявшееся на его родине до 1789 г.».[2] Добавим, что в своем собственном французском переводе «Нови» Тургенев оставил указанное место без всяких изменений и привел интересующее нас выражение во французской транскрипции, однако не в слитном написании («фосспаркэ»), как оно дано в русском тексте, а в раздельном (как оно в свое время давалось в «Холостяке»): «...mais il lui échappait parfois des expressions telles que: f a u s s e p a r q u e t (dans le sens de «c'est suspect», «douteux»), expression dont on s'était beaucoup moqué jusqu'au jour où un français très savant avait expliqué que c'était un vieux terme parlementaire employé dans son pays avant 1789».[3]

Таким образом, мы имеем и оригинальную французскую форму этого выражения — «fausse parquet», — о которой Тургенев узнал из какого-то источника, нам пока неизвестного. Хотя Тургенев в приведенной цитате как будто и дал объяснение загадочного французского выражения («это подозрительно», «неверно») и даже снабдил такое истолкование ссылкой на некоего «ученого француза», но имя этого француза (если он существовал в действительности, а не был выдуман писателем ad hoc) осталось неизвестным, а смысл и происхождение сентенции не стали более ясными. Поиски выражения «fausse parquet» во французских источниках не дали никаких результатов. Его нет, например, ни в одном из старинных французских словарей (Nicot, Furetière, Richelet, Dictionnaire de Trévoux, Bescherelle, Французской академии и т. д.). Известный французский ученый, академик Пьер Пето (M. Pierre Pétot, membre de l'Institut), специалист по истории французского права XVIII в., к которому мы обратились за разъяснениями по этому поводу, сообщил мне (в письме от 26 сентября 1961 г.), что, по его мнению, интересующий нас текст в «Нови» безусловно является загадочным: «...я рылся в своей памяти, я советовался с историками и юристами, более меня осведомленными в текстах XVIII века, а также с моими коллегами-славистами, я листал те словари, которые были у меня под рукой. Все было тщетно. Мне не представляется правдоподобным, что выражение фосс-паркэ было заимствовано из терминологической лексики парламентов XVIII в. и деформировано русским произношением <...> Тем не менее, — продолжал П. Пето, — Тургенев, долго живший во Франции и превосходно знавший французский язык, не выдумал этого выражения. Решаюсь высказать следующую гипотезу: не было ли оно французской фразой: „C'est faux parce que...“ («Это ложно или обманчиво, так как...»), искаженной благодаря славянскому акценту? Признаюсь, однако, что такое объяснение не удовлетворяет меня вполне, хотя оно и показалось единственно приемлемым одному из моих коллег, превосходному знатоку всего, что касается конца ancien régime, и кстати сказать, знающему русский язык. Такое предположение не показалось правдоподобным и мне. Гораздо более счастливой представилась другая догадка, высказанная проф. Пьером Паскалем, обратившим внимание на то, что в выражении «fausse parquet» слово «fausse» не могло быть при-

[2] Там же, т. XII, стр. 134.

[3] I. T o u r g u é n i e f f. Terres vierges. Traduction L. Viardot — Tourguénieff, Paris, Stock, 1930, стр. 173.

лагательным от «*faux*» (поскольку слово «parquet» мужского, а не женского рода) и происходит от глагола «fausser» — «извращать», «искажать», «ложно истолковывать».

«Я нахожу следующее объяснение слову „fausser" в Dictionnaire de Trévoux, IV, 1771», — отметил проф. Паскаль в специальной справке, написанной по моей просьбе: «Fausser la Cour, ou le jugement, c'est soutenir que le jugement est mal rendu, n'est pas équitable. Ce qui se faisoit par la bataille ou le duel». Сходное объяснение глаголу «fausser» дает также «Nouveau Dictionnaire national» Бешерелля (Bescherelle ainé, t. III, 1887): «Fausser la cour, ou le jugement. Déclarer qu'un jugement avait été faussement et méchamment rendu. Cette sorte d'appel de la part du condamné entraînait jusqu'à Saint-Louis le combat judiciaire entre l'appellant et les pairs qui assistaient le souverain A partir de Saint-Louis, la cause se trouva portée devant le tribunal du roi et décidée par témoins».[4] Что же касается слова «parquet», то в том же «Словаре» Треву объясняется, что оно означает «le lieu ou les gens du roi ... tiennent leur séance»;[5] иными словами, «parquet» могло заменять в формулировке слово «la Cour».[6] Таким образом, продолжает проф. Паскаль, выражение «fausse parquet», очевидно являлось *формулой апелляции*: обвиняемый, вероятно, говорил „(Je) fausse la Cour", что, может быть, приняло также форму (Je) fausse (le) parquet». Добавим к этому уже от себя, что слова «fausser la cour ou le jugement» объяснены также в знаменитой просветительской французской «Энциклопедии» как устойчивые юридические формулы: «Fausser la cour ou le jugement (Jurispr.), falsare judicium, ainsi que l'on s'exprimoit dans la basse ou moyenne latinité; c'était soûtenir qu'un jugement avoit été rendu méchamment par des juges corrompus ou par haine, que le jugement étoit faux et déloyal».[7]

М. П. Алексеев

---

[4] «Объявлять, что приговор был вынесен ошибочно или злонамеренно. Этот род обжалования со стороны осужденного влек за собой вплоть до ‹царствования› Людовика святого судебный поединок между жалобщиком и пэрами короля... Начиная с Людовика святого дело переносилось на разбирательство короля и решалось свидетелями».

[5] «Место, где заседали королевские чиновники».

[6] Объяснение слова «парке» мы находим в кн.: Napoléon Landais. Dictionnaire général et grammatical des Dictionnaires français. Extrait et complément de tous les dictionnaires anciens et modernes les plus célèbres, t. II. Paris, 1843, стр. 339 («место в зале суда, где заседают должностные лица прокуратуры, или эти самые лица. Tenir le parquet значит проводить заседание... Место, где находятся судебные исполнители во время судебного заседания»).

[7] Enciclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, t. VI. Paris, MDCCLVI, стр. 437 (перевод: «Fausser la cour ou le jugement (юриспр.), falsare judicium, как выражались на народной или средневековой латыни; это означало утверждать, что судебный приговор был вынесен злонамеренно продажными судьями или из мести, что судебный приговор был неправильным и противозаконным»). Считаю своим долгом принести свою глубокую благодарность всем лицам, принявшим участие в разысканиях по поводу выражения «фосс-паркэ», предпринятых мною во время моего пребывания в Париже в 1961 г. Особо обязан я профессорам Пьеру Пето, Пьеру Паскалю, Мишелю Бернстайну, библиотекарям Института славяноведения в Париже В. В. Бутчику и Национальной библиотеки в Париже Жану Брюно.

ТУРГЕНЕВ И ПИСАТЕЛИ XIX В.

Забытая статья Н. С. Лескова о Тургеневе

В 1878 г. Н. С. Лесков опубликовал большую статью, посвященную Тургеневу.[1] Содержащаяся в ней оценка тургеневского творчества, в частности романа «Новь», и сегодня представляет несомненный интерес. Однако, напечатанная в издании специфическом, не пользовавшемся вниманием широких кругов литературной общественности и ныне труднодоступном, статья оказалась, как справедливо замечает А. Н. Лесков, «прочно забытой».[2]

Поводом для статьи Лескова послужило известное письмо Тургенева редактору одесской газеты «Правда» от 7 (19) февраля 1878 г.[3] Говоря о том, что он не может сотрудничать в этом издании, Тургенев писал: «... Вам всё не угодно поверить искренности моего заявления, состоящего в том, что я совершенно оставил литературные занятия. <...> публике на Вас претендовать нечего. <...> Да и вряд ли эти претензии могут быть серьезны, если судить по приему, которым встречались все мои последние произведения. Но как бы то ни было, *я положил перо и уж больше за него не возьмусь*».[4]

На это письмо, перепечатанное целиком или в отрывках в ряде газет,[5] «Церковно-общественный вестник» откликнулся «Литературно-общественной заметкой. (По поводу прекращения литературной деятельности

---

[1] См.: «Церковно-общественный вестник», 1878, 19 марта, № 34, стр. 2—5. — Статью о Тургеневе Лесков написал в ту пору, когда для него доступ в передовые журналы был еще закрыт и писатель, по его горькому признанию, «изнывая в нуждательстве и безработице», «завивал в парикмахерской у монаха» статейки для «Православного обозрения» (письмо А. С. Суворину от 22 апреля 1888 г.: *Лесков*, т. 11, стр. 684), печатался в «Церковно-общественном вестнике», «Страннике» и других подобного рода изданиях. «Церковно-общественный вестник», редактором которого был видный публицист-богослов А. И. Поповицкий, среди религиозных журналов того времени выделялся «вольномыслием» и определенной смелостью при обсуждении злободневных вопросов русской церковной жизни. Некоторые материалы, напечатанные А. И. Поповицким, вызывали явное неудовольствие духовных и светских властей. Так, в 1878 г. журнал получил два предостережения. Деятельность «Церковно-общественного вестника» была насильственно прекращена в 1886 г. В связи с этим Лесков написал на полях письма А. И. Поповицкого от 15 марта 1878 г.: «*Поповицкий* редактор „Церковно-общ. вестника“, закрытого в блестящую эпоху церковного *правления* Победоносцева» (*ИРЛИ*, ф. 220, № 48).

[2] А. Н. Лесков. Жизнь Николая Лескова. Гослитиздат, М., 1954, стр. 535.

[3] «Правда», Одесса, 1878, 19 февраля, № 42.

[4] *Сочинения*, т. XV.

[5] См.: «Новости», 1878, 24 февраля, № 51; «Голос», 1878, 24 февраля, № 55, и др.

И. С. Тургенева)».[6] В ней, между прочим, говорилось: «Прекращение литературной деятельности одного из крупнейших талантов современной России, и при том в такую пору, когда этот талант силен и свеж, каким он был всегда, — не может не вызвать в образованном русском обществе крайне тяжелого чувства, особенно по тем причинам, которые вызвали такое решение нашего лучшего писателя».

Автор «Заметки» считает, что Тургенева «ругали беспощадно» потому, что литературной критике — «наиболее шумной клике ее», «нашим ультралибералам», — «не нравится идея, проникающая последние произведения И. С. Тургенева». Эту идею, по мнению автора заметки, можно формулировать так: «...реформы в русской народной жизни необходимы, но следует сдерживать неизбежные при этом увлечения, для того чтобы реформы совершались без толчков и потрясений и чтобы скрывающиеся в народе силы не тратились напрасно и сливались в одно гармоническое целое для дружного и успешнейшего выполнения народной задачи». Истолковав столь произвольно произведения Тургенева середины 70-х годов и прежде всего роман «Новь», автор «Заметки» по существу заявляет, что именно русские революционеры (он называет их «черкесами и башибузуками общественного мнения») вынудили знаменитого писателя, не разделяющего «воззрений на необходимость всеобщей ломки», навсегда отказаться от всякой литературной деятельности.

На письмо Тургенева в одесскую газету и «Заметку» «Церковно-общественного вестника» Лесков реагировал довольно быстро. 11 марта его большая статья (более 600 строк) была уже у редактора журнала. Но 12 марта, в очередном воскресном номере, она не была напечатана. А. И. Поповицкий 11 марта 1878 г. писал Лескову: «Теперешний фельетон, как он ни интересен, приходится отложить до следующего воскресенья», потому что большую часть журнала пришлось занять публикацией приговора «по делу о революционной пропаганде в империи» («дело 193-х»). «Сократить бы его, но редакции не имеют на это права», — сетовал он.[7] Статья Лескова о Тургеневе появилась 19 марта 1878 г.[8]

Положительно оценивая «заступничество» автора «Заметки» «за ветерана нашей художественной литературы Ивана Сергеевича Тургенева», Лесков вместе с тем говорит: «Я буду противоречить некоторым мнениям „Церковно-общественного вестника“ и об Иване Сергеевиче и о силе и значении обстоятельств, побудивших его „положить перо“ с тем, чтобы более за него не браться». Это решение Тургенева Лесков считает событием такого значения, которое нельзя пройти молчанием. «Иван Сергеевич — лицо слишком крупное среди всех наших величий и его решимость „положить перо“ — это не то, что решимость какого-нибудь министра выйти в отставку или певца не участвовать в опере, — пишет Лесков. — На художественных образах Ивана Сергеевича совершался подъем нашего вкуса и

---

[6] «Церковно-общественный вестник», 1878, 3 марта, № 27, стр. 3—4.
[7] *ЦГАЛИ*, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 286, л. 1 (об.).
[8] См.: «Церковно-общественный вестник», 1878, 19 марта, № 34, стр. 2—5.

чувства; он силою своего вдохновения раздул в наших сердцах божественную искру сострадания и участи к „крепостному человеку“ ‹...› Тургенев сделал много и как превосходный художник, и как тонкий, многосторонне образованный мыслитель. Он представитель и выразитель умственного и нравственного роста России».

Возражая автору «Заметки», Лесков писал, что он нигде не видит у Тургенева «сдерживающей идеи». Как раз отсутствие такой «идеи» и явилось, по мнению Лескова, «причиною озлобления против Ивана Сергеевича тех „консервативных“ органов и консерваторов вообще, которые оскорбляли нашего писателя больше, чем либералы». Имея в виду революционную молодежь, изображенную в романе «Новь», Лесков отмечает, что в ней «много благородного жара и идеальности». «Крайности» же и «чрезвычайности», в которые впадают молодые герои Тургенева, происходят «не потому, что они дурны, а потому, что им на Руси не с кем одуматься, перебродить, — *не с кем сговориться на жизнь*».

Подчеркивая «благородный жар», «доброту» и «чуткость» революционной молодежи, Лесков без всякого снисхождения пишет о реакционной «среде», которую «найдем у того же Тургенева в его последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства по военной службе, „хрипят“, а по штатской — „гундосят“. Это люди, с которыми никому ни до чего не договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или „хрипеть“ или „гундосить“. В этом скука и несчастие России. Вот эта-то „идея“, правильная и верная действительности, и сквозит в произведениях Ивана Сергеевича. Следя за его мыслию, вы видите, что, по его мнению, молодые увлечения в России умеют *запрещать*, но *сдерживать* их не умеют, да и не хотят этому учиться, потому что для этого надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона. Между тем, как по наблюдениям художника молодежь добра и чутка к каждому вниманию и ищет доверия».

По мнению Лескова, последние вещи Тургенева «несомненно *слабее* прежних. В них нет цельности в развитии общего, но частности и в них прекрасны, и типы их всегда очень живы и верны, и чувство правды как всегда очень велико». Именно этим чувством правды и руководствовался прежде всего автор «Нови», с явным сочувствием рассказывая о трагической судьбе «молодых идеалистов» и одновременно безоговорочно осуждая консервативный лагерь. «Мне в числе многих известно, — пишет Лесков, — что когда И. С. Тургенев предпринимал свой последний роман, тогда некая благополучно будирующая дама хвалилась, будто она снабдила его кучею „уцелевших бумаг молодежи“. Я не знаю, читал ли Тургенев эти таинственные бумаги, но передача их ему была усердно сообщаема „всем по секрету“.[9] Обстоятельство это возбуждало в известной части молодежи ожидания, что теперь, когда Тургеневу известны все ее заветные тайности, он как должно уразумеет их скрытое величие и поставит их молодцами

[9] Речь идет об Анне Павловне Философовой, либеральной общественной деятельнице, которая в 1874 г. передала Тургеневу портфель, где

на самый высокий пьедестал. Но материал, врученный писателю (если только он взял его), вероятно, не дал Тургеневу возможности сделать того, что от него ожидали. Появившееся произведение опять представляло молодых идеалистов с порывами, которые не могут ни к чему повести, кроме гибели молодых людей, которую до отвратительности равнодушно созерцают и даже не без расчета устраивают лицемеры и политические ханжи, имеющие одну цель: добиться денег и права „хрипеть" в генеральстве военном, или „гундосить" в генеральстве статском».

По мнению Лескова, если уже «прозревать» идею «Нови», то она не заключается в том, чтобы «сдерживать» одну сторону, а скорее в том, чтобы «поднести зеркало к глазам всем. Если же нужно точнее формулировать его „идею", то ей можно найти готовое определение у мудреца классической древности: „не могут быть отменно хороши юноши там, где отменно гнусны старцы"». Однако, говорит Лесков, «наши юноши этого не поняли; они обиделись и зашумели; а старцы поняли и тоже обиделись, и захрипели и загундосили, как кому следует по чину. Но художник был ни на той, ни на другой стороне. Он был просто *на стороне правды*».

С присущей ему страстностью автор «Соборян» высказывает свои задушевнейшие мысли о праве художника писать и говорить правду. «А правда художественных произведений, — по словам Лескова, — едва ли не самая важная правда, к которой стоит прислушиваться, а не рвать и метать на нее всякую рвань, как это учинили и учиняют над Тургеневым и другими писателями, стремившимися давать правдивые изображения, а не направленскую фантасмагорию.[10] Прямолинейных натур, какие представлял в своих романах Булгарин, нет в природе: живой человек гораздо сложнее, и доброе у него мешается со злом, его намерения часто не находятся в соответствии с его поступками, которые зависят и от обстоятельств, и от привычек, и от множества условий и причин. Тургенев, как большой художник, конечно, это чувствовал, и потому изображенные им лица не отвечают требованиям направленской прямолинейности, которая

вместе с ее дневником были бумаги «новых людей» — В. Г. Дехтерева, И. И. Дитятина, И. С. Полякова, Е. А. Шакеева. Прочитав эти документы, Тургенев писал, что, «за исключением *дневника*», все остальное «может служить материалом... только с сатирической, юмористической точки зрения! <...> Нет, любезнейшая Анна Павловна, это еще не *новые* люди; я знаю таких между молодыми, которым гораздо более приличествует это наименованье» (*Письма*, т. X, стр. 275, 276). Однако, как полагают исследователи, знакомство Тургенева с материалами, присланными Философовой, все же сказалось в романе «Новь» при воспроизведении народнической среды (подробнее см. об этом в комментарии И. А. Битюговой к письмам Тургенева к Философовой: там же, стр. 631—632, 634—635, 642—643).

[10] Несомненно, что говоря о «других писателях», которые, подобно Тургеневу, порою подвергались несправедливым нападкам, Лесков вспоминает и свою нелегкую литературную судьбу (см. об этом: М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 24, Гослитиздат, М., 1953, стр. 234).

желала бы видеть в Базарове или рыцаря без пятна и укора, или негодяя, тогда как он только то, что есть».[11]

Так же, как «Отцы и дети», верен правде художественной, по утверждению Лескова, и роман «Новь», где Тургенев «представил нам только живую картину наших отношений, в которых хрипящее и гундосящее старейшинство ведет себя едва ли не ‹не›достойнее[12] бурлящей подчас молодежи. Для этой последней есть готовое и притом вполне законное извинение: ее молодость и неопытность. Наш закон снисходит к проступкам молодости и щадит ее неопытность. Но что может прохрипеть и прогундосить в свое оправдание старейшинство, нередко строящее на заблуждениях молодости свои подмостки, с которых надеется еще страшнее хрипеть и еще отвратительнее гундосить? Им, судя по произведениям Тургенева, нет оправдания ни в сем, ни в будущем веке. Эти опытные люди, ставя неопытную молодежь в положение „подозрительного сословия", сами являются у Тургенева более чем подозрительны. Их темные деяния уже не проступки, а сознательные преступления, и чем кто из таковых хрипунов умнее и образованнее, тем он подлежит большему осуждению».

Лесков не соглашается с автором «Заметки» в «Церковно-общественном вестнике», который писал, что последние произведения Тургенева по своим литературным достоинствам нимало не хуже его прежних сочинений. В связи с этим Лесков вспоминает, что сказал однажды «мягкий и снисходительный к чужим трудам Ив. С. Тургенев по поводу споров о произведениях другого писателя, в коем иные начали чувствовать упадок. Это было приблизительно следующее: „— И, господа! — сказал Иван Сергеевич. — Как это вы можете знать: упадок это или не упадок? Ну, не хорошо написал, ну, только и значит, что он *это* нехорошо написал; а потом другое может написать лучше. Можно ли требовать от писателя, чтобы он, как бисер, одно в одно низал? Пирожник весь свой век печет, а тоже раз на раз не угодит: то пироги пересидят, то не досидят, то перекиснут, то пресны, а ведь роман написать не то, что пирожок спечь, — это дело трудное"».

По мнению Лескова, «два последних пирожка[13] у него ‹Тургенева› не совсем задались, — и только всего. Но он пекарь превосходный и может испечь лучше, особенно, если под руками будет иметь посвежее опару».

Решение Тургенева «положить перо» дает повод Лескову высказать горькую правду о положении писателя в России, где «грубо обходятся со всеми, кроме тех, с кем не смеют так обходиться». Напомнив читателям о том, как польская общественность готовится праздновать юбилей Игнатия

---

[11] Восхищаясь образом «сильного и честного Базарова», Лесков в 1863 г. писал: «Тип Базарова многим не нравится. Мне лично он нравится, но я бы позволил себе пожелать ему быть несколько мягче, не мусолить собою без нужды непривычного глаза, не раздражать без дела чужой барабанной перепонки и даже, пожалуй, не замыкать сердца для чувств самых нежных, ибо они не мешают героизму» (*Лесков*, т. 10, стр. 16).

[12] Вероятно, опечатка в журнальной публикации.

[13] Вероятно, Лесков имеет в виду «Сон» и «Рассказ отца Алексея», появившиеся в печати в 1878 г. (см. комментарии к этим произведениям Тургенева: *Сочинения*, т. XI, стр. 523—542).

Крашевского, Лесков продолжает: «У нас же в это самое время выживают Тургенева, который пользуется почтением Европы и как даровитейший писатель, и как человек <...> Кажется можно было бы от этого придти в отчаяние, но мы не приходим. Что делать: мы исстари знаем, что „чужие земли от своей похвальбы пухнут, а наша от своей хайки крепнет". Деды наши не то терпели: в чем поставлены, в том и стоим, и не отбегаем; а кто отбегает, тех осуждаем и считаем себя на то вправе по закону святу. Для удовлетворения Ивана Сергеевича кажется довольно бы того стыда, который мы должны будем почувствовать, внимая торжествам Крашевского, тогда как мы так незаслуженно оскорбили своего без всякого сравнения лучшего писателя! Стыдно, очень стыдно».

Не оставляет Лесков без возражения и утверждение «Церковно-общественного вестника», «будто к Тургеневу непочтительно относится только одна литературная критика, а общество будто все склонно высоко ценить его заслуги».

«Что такое сочувствие *всего* общества? — спрашивает Лесков. — Это громкая фраза, которой нечем проверить. Для того, чтобы взвесить и смерить это сочувствие, надо взять какую-нибудь осязательную величину, какую-нибудь коллективную единицу. И у меня есть пример, как относится к Тургеневу среда очень ему близкая, которая могла бы по преимуществу показать свое уважение к нашему писателю, — это его земляки в самом тесном смысле слова, — орловское просвещенное дворянство. Несколько лет назад (когда уже Тургенева сильно порицали в литературе) я гостил летом у моего двоюродного брата, орловского предводителя дворянства,[14] и в одном разговоре о Тургеневе заметил:

«— Что бы хоть вам выразить свое сочувствие Ивану Сергеевичу, которым может гордиться ваша среда: хоть бы одну стипендию его имени учредили в своей гимназии, да хороший портрет его повесили в читальной комнате Дворянского собрания!

«Брат улыбнулся и отвечал:

«— К сожалению, это невозможно.

«— А почему?

«— А потому, что он у нас не пользуется большими симпатиями.

«— За что же?

«— Да так... эти его „освободительные идеи" и прочее... Куда там о нем заговаривать.

«Так о нем и там, на стогнах града, который может гордиться честью его рождения, о нем „неудобно заговаривать". Это уж совсем доля пророка, которому нет чести в отечестве своем».[15]

---

[14] Страхов Иосиф Васильевич, орловский уездный предводитель дворянства в начале 70-х годов.

[15] Следует отметить, что после смерти Тургенева Лесков прилагал немало усилий, чтобы память его великого земляка была достойно увековечена на родине. Его беспредельно возмущало невежество и равнодушие «просвещенного дворянства». В 1883 г. он писал: «Какие хамы у нас в дворянских собраниях и городских думах: отчего ни Орел, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева» (*Лесков*, т. 11, стр. 375). Лесков был одним из пер-

С горькой иронией перечисляет Лесков «утеснения», которым подвергался Тургенев со стороны властей. «После каждой побывки Ив. С. в России, — пишет Лесков, — о нем в известных кружках начинают рассказывать какой-нибудь анекдот — иногда просто сплетню; но рассказы эти всегда имеют характерное значение: по ним можно судить — куда наша русская тройка скачет. Во время оно у нас Ив. С. сажали в Петербурге на съезжую; но потом времена переменились, и когда лет двенадцать тому назад Тургенев был привлечен к делу Нечипоренки, то к нему были чрез меру вежливы. Внимательность к Ив. С-чу дошла до того, что перед ним положили и раскрыли все подлинное дело. — „Помилуйте, что-де от вас скрывать! Вы-де такой почетный гость, что у России от вас нет никаких секретов".[16] Это было наше *либеральное время* и сицево бѣ его знамение. Но вот прошло 10—12 лет, и все изменилось. Не знаю, к лучшему ли, но во всяком случае изменилось. Нынче струит законность, и вот после одной из самых недавних побывок Тургенева один личард особых поручений, обращающийся при докладе у одного сановника, рассказывал: как „*они* дали Тургеневу *асажé*", т. е. пустил его, *по его обер-офицерскому чину*, самым последним. И этот господин, пожалуй, не лгал: теперь это вполне статочно. По крайней мере явные и тайные советники, при коих мне довелось слышать рассказ об этом крупном событии, находили, что так и следовало. „Прежде всего-де *порядок*". Таким только способом эти знаменитые люди и сподобились дать почувствовать европейски известному соотечественнику свое департаментское величие! И они рады, они хвастались, что нашлись как отомстить Тургеневу...».

Об этом проявлении «лакейской тонкости» по отношению к знаменитому писателю Лесков с негодованием вспоминал не один раз. В марте 1894 г. он рассказывал корреспонденту «Петербургской газеты»: «Однажды И. С. Тургенев приехал к одному умершему теперь министру ходатайствовать за какую-то сельскую учительницу. У министра в приемной дежурил в то время чиновник особых поручений Икс, человек крайне неразвитый и ограниченный... Когда к нему подошел Тургенев и назвал свою фамилию, то Икс, как он потом сам хвастливо передавал всем своим знакомым, нарочно занес его в список последним... „Я читал где-то в газетах, — говорил Икс, — что он за границей с коронованными особами гуляет, ладно, думаю, да и пихнул его по обер-офицерскому чину последним... Посидел бы он у меня в приемной... ничего... Жаль только, всю музыку мне испортил директор департамента, — прошел по приемной, увидал Тургенева,

---

вых среди тех, кто предложил соорудить памятник Тургеневу в Орле. К десятилетию со дня смерти Тургенева Лесков посылает в «Орловский вестник» статью «Тургеневский бережок», в которой, рассказав орловскую легенду о первой весне будущего писателя, советовал над Окою «поместить памятный знак с обозначением, что в Орле увидел свет Тургенев, пробуждавший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славою во всем образованном мире» («Орловский вестник», 1893, 26 августа, № 228).

[16] Речь идет о привлечении Тургенева к «делу 32-х» в 1863—1864 гг. См.: *Письма*, т. V, стр. 382—404 и др.

узнал, что он ждет уже целый час, и сам устроил ему все, что тот хотел. А мне же еще влетело“».[17]

В связи с этим А. И. Фаресов вспоминал:

«Я помню, как, прочитав это письмо в газете, Лесков с неудовольствием сказал:

«— Все-то этот интервьюер „Петербургской газеты“ перепутал! Именно, директор-то увидел Ив. Сергеевича в приемной, ничего и не сделал для него, а чиновнику особых поручений не только „не влетело“, но, напротив, он был поощрен за беспристрастие к просителям... Именно я и хотел передать это равнодушное отношение к литературе в наших министерствах; но, конечно, это очень либерально для „Петербургской газеты“... Она переделала по-своему мой рассказ о Тургеневе. Дежурному чиновнику от директора департамента ничего не влетело! Будьте уверены, не так настроены гг. директора к представителям литературы, несмотря на свои дипломы и даже библиотеки с книгами в дорогих переплетах и т. д. Главного нет: любви к страдающим русской печати. У них нет этого настроения, которое сообщает особую оригинальность и силу нашему мышлению...».[18]

10 марта 1894 г. Лесков писал М. О. Меньшикову в связи с перепечатанным в «Новом времени» «анекдотом о Тургеневе»: «Не сочтете ли за полезное указать со ссылкою на меня, что это было в приемной у Дмитрия Андр‹еевича› Толстого и штуку эту проделал дежуривший у него синодальный чиновник Петров, который вслед за тем проворовался и умер. Не важно то, что ему ничего не „попало“, как переврал интервьюер, а что Дм. Толстой всегда смотрел „распределение приема“ и, стало быть, видел, что тот своей хамской лапой поставил Тургеневу № после всех столоначальников (или делопроизводителей)... Это все вполне верно, и происходило это в бытность Толстого об‹ер›-пр‹окурором› синода и министром народн‹ого› просвещения».[19]

«И вот из подобных-то противных пустяков, — пишет Лесков в статье о Тургеневе, — слагается томящая тоска русской жизни, от которой, однако, нельзя отворачиваться лучшим людям, чтобы не предать в ней все людям худшим. А отречение Тургенева от пера этому и на руку ‹...›. Если перо умного писателя должно сдерживать неосмотрительные порывы вперед, то оно еще энергичнее должно «восстягнуть челюсти» шарахнувшихся на попятный двор. Положить в такое время перо равносильно преступлению перед своим народом...». Со свойственной ему прямотой Лесков упрекает Тургенева, совершившего отступничество *«по обидчивости»*, в недостатке *«мужества* при некотором излишке *самолюбия»*. Сославшись в связи с этим на текст апостола Павла из Послания коринфянам — «Любовь долго терпит, любовь милосердствует, не гордится, не раздражается, — все покрывает, всем верит, всего надеется, все переносит и *никогда не перестает*, хотя и языки умолкнут и знание упразднится»,[20] — Лесков заканчивает

[17] В. П. ‹В. В. Протопопов›. У Н. С. Лескова. «Петербургская газета», 1894, 9 марта, № 66; то же: «Новое время», 1894, 10 марта, № 6476.

[18] А. И. Фаресов. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904, стр. 392—393.

[19] *Лесков*, т. XI, стр. 578—579.

[20] 1-е послание коринфянам, 13, 4—8.

свою статью словами: «Смерьте этим любовь Тургенева и... скажите, что получите в результате?».

Такова эта примечательная статья о Тургеневе, написанная Лесковым «на переломе его умственной деятельности», когда уже создавались «Мелочи архиерейской жизни» и вызревали, вынашивались полные гражданского мужества беспощадные лесковские повести и рассказы 80-х годов. Она интересна не только суждениям о Тургеневе, — в частности, своеобразным, хотя и не во всем бесспорным истолкованием романа «Новь», — но и тем, что в ней изложены многие заветные мысли самого Лескова о природе художественной правды, о гражданском и патриотическом долге писателя.

Говоря о тургеневской «Нови», Лесков «по привычке» упрекает революционную молодежь — «молодых идеалистов» — в неосмотрительных порывах вперед, напоминает о «гибельности» пути, избранного революционерами. Однако острие статьи, весь ее обличительный пафос направлены прежде всего против реакционеров, «шарахнувшихся на попятный двор». В них Лесков видит людей «неисправимых, безнадежных и пагубных».

Следует также сказать, что статья Лескова появилась вскоре после знаменитого «процесса 193-х», после судебной расправы над молодыми революционерами, и слова писателя в защиту «бурлящей подчас молодежи», безоговорочное осуждение «старейшинства, нередко строящего на заблуждениях молодости свои подмостки, с которых оно надеется еще страшнее хрипеть и еще отвратительнее гундосить», звучали не только злободневно, но и весьма смело.

Л. Н. Афонин

Тургенев и Н. Н. Златовратский

Когда умер Тургенев, среди откликов на его смерть появилась и статья «„Свет и свобода прежде всего“. (Несколько слов в память И. С. Тургенева)». Подписанная N. Z., она была напечатана в «Русском курьере».[1] На принадлежность ее Н. Н. Златовратскому указывает он сам в своей «Автобиографии», хранящейся в Институте русской литературы АН СССР.[2] Правда, Златовратский вместо сентября 1883 г. ошибочно указывал февраль и помнит статью только по подзаголовку: «Памяти Тургенева». Но кроме собственного свидетельства писателя можно сослаться и на «Словарь псевдонимов», подтверждающий, что инициалы N. Z. — один из псевдонимов Н. Златовратского.[3]

Статья Златовратского важна для понимания его связей с творчеством Тургенева, которого он называл «учителем», «замечательным романистом», «великим творцом Рудина, Базарова, Хоря и Калиныча». В борьбе, завязавшейся над могилой Тургенева, статья Златовратского явилась отзывом

---

[1] «Русский курьер», 1883, 4 сентября, № 170.

[2] *ИРЛИ*, Архив Н. Н. Златовратского, ф. 111, ед. хр. 49.

[3] И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов. М., 1958, т. 3, стр. 325.

из демократического лагеря, перекликавшимся с прокламацией П. Ф. Якубовича. В статье затронуты два вопроса. Первый — о связи тенденциозности Тургенева с «художественной прелестью» его творений и об оценке их в 60-е годы: Златовратский утверждает, что «Тургенев потому и велик, что был тенденциозен в самых лучших своих творениях». Второй вопрос — о «преемственности идей борьбы», о связях передовых людей разных эпох. Златовратский осуждает тех, кто, выдвигая на первый план вражду поколений, осмеивает радикалов 60-х годов. Защищая радикалов, хотя они «не умилялись „Вешними водами" Тургенева и другими его произведениями подобного рода», Златовратский утверждает, что возникшее на почве 60-х годов народничество не отмежевывается от Тургенева. Оно сделало «анахронизмом» славянофильство, которое только прикрывалось фразами о народных интересах. «Если бы так называемым славянофилам было зазорно выражать свою скорбь у гроба «западника», то народники могут это сделать с спокойной совестью... перед ними лежит прах бойца за народные интересы, показавшего и под сермягой человеческую душу, — но вместе с тем и борца за свободу интеллигенции, угадавшего в симпатических образах ее лучшие стремления...».

Итак, высокая тенденциозность, защита прав народа и интеллигенции, прогрессивность убеждений — вот что народник Златовратский выделил у Тургенева как близкое себе.

Отсутствие тесных личных контактов Тургенева и Златовратского позволяет говорить лишь об отдельных интересных встречах, о которых так ярко рассказал Златовратский в своих «Воспоминаниях». Тургенев встречался с Златовратским в последние годы своей жизни. Документально подтверждаются четыре встречи, и все в феврале-марте 1880 г., но возможно, что их было больше.[4] Общеизвестны беседы Тургенева с кружком писателей-народников из артельного журнала «Русское богатство» в Петербурге, встречи, в которых были заинтересованы обе стороны. Для Тургенева, огорченного охлаждением к нему читателей, начинавшимся „еще с «Отцов и детей» и не рассеявшимся даже после «Нови», — это путь к «молодой России», желание «ближе сойтись и познакомиться» с новой группой писателей.[5] Для Златовратского встреча представляла «соблазн побеседовать по душе с „большим" писателем (а побеседовать в то время было о чем)».[6] И Тургенев, и в особенности народники были не удовлетворены торжественно-официальным характером встречи; Златовратский с тонким юмором писал, как смущали разночинцев аристократизм и некоторая барственность Тургенева.

---

[4] Известны следующие встречи Тургенева с Златовратским: во второй половине февраля 1880 г. на квартире издателя К. М. Сибирякова; затем через несколько дней в гостинице на Морской улице (ныне дом № 11 на углу ул. Гоголя и Невского проспекта), где останавливался Тургенев и куда Златовратский пришел с Г. И. Успенским; затем на квартире Г. Успенского; и, наконец, на публичном чтении Тургеневым «Малиновой воды» 30 марта 1880 г. в пользу Литературного фонда. См.: Н. Н. Златовратский. Воспоминания. Гослитиздат, М., 1956, стр. 303—311.

[5] Там же, стр. 303.

[6] Там же, стр. 304.

Несмотря на все это, в беседе обнаружились главные проблемы, волновавшие писателей. Закономерно, например, возникновение вопросов об отсутствии взаимопонимания между народом и интеллигенцией, о пробуждении народного сознания, о росте кулачества. Рассказывая народникам о замыслах своих очерков «Всемогущий Жикин» и «Повиноваться», Тургенев стремился обратить их внимание на возрастающую роль кулака, т. е. на то, что подрывало народнические общинные иллюзии. По свидетельству современников (Е. М. Гаршина, С. Н. Кривенко, М. А. Щепкина), Тургенева очень тревожил Жикин, этот реальный кулак-мельник, живший недалеко от Спасского.[7] Безуспешная борьба с ним заставляла Тургенева называть его «непобедимым» (отсюда вариант заголовка для очерка: «Непобедимый Жикин»). В «Последнем дневнике», в записи от 31 декабря 1882 г., он замечает: «Из Спасского одно интересное известие: кабатчика засадили-таки в острог. Ну — а Жикина?».[8] Размышления о таких Жикиных укрепляли Тургенева в его критике народнических иллюзий. Если он трезво понимал объективную закономерность развития капитализма в России, то Златовратский, несмотря на подобные факты, отрицал кулака с морально-нравственных позиций и продолжал уповать на общинные устои, хотя и не мог не видеть их разложения.

В теме «Тургенев и Златовратский» наибольший интерес представляют не личные, а творческие связи писателей. Отношение Тургенева к творчеству Златовратского уясняется прежде всего из его общей оценки русского народничества. Знание и понимание Тургеневым разных этапов, оттенков и направлений народничества, знакомства с работами теоретиков движения, сочувственное отношение к умеренно-пропагандистской тактике Лаврова и отрицательное — к программе индивидуального террора, неверие в победу революционных народников, критическое отношение к утопическим проектам «русского социализма» и толкам о русской самобытности, особой миссии России, отрицание мистического преклонения перед «дубленым тулупом» и т. д. — вот общая позиция Тургенева. Конкретная оценка Тургеневым творчества Златовратского выражает сочувственное отношение к таланту писателя, высказанное еще в 1887 г. после прочтения глав из повести Златовратского «Золотые сердца»: «...к великому моему удовольствию, открыл в нем признаки несомненного таланта. — Если он молод — из него может выйти дельный и умный писатель».[9]

Для Златовратского Тургенев был «истинным „королем“ литературы», «неподражаемым рассказчиком», «маститым ветераном славного прошлого», «человеком из далекого мира грез и художественных созерцаний». Воздействие творчества Тургенева на Златовратского несомненно и признано им самим: «Я <...> писал рассказы по Тургеневу», — заявил он в «Воспоминаниях».[10] В архивах Златовратского есть материалы, характеризующие чтение Златовратским произведений Тургенева.[11] Так, в списках книг, по-

---

[7] См.: *Письма*, т. XI, стр. 631—632.

[8] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 396.

[9] См. письмо Тургенева к А. В. Топорову от 2 (14) сентября 1877 г.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 203.

[10] Н. Н. Златовратский. Воспоминания, стр. 194, 304, 306, 309, 310.

[11] *ИРЛИ*, Архив Н. Златовратского, ф. 111, ед. хр. 54.

священных народу, третье место после Некрасова и Толстого отведено Тургеневу, названы «Записки охотника», «Муму», «Постоялый двор». Там же названы тургеневские типы передовых русских людей, к которым Златовратский относил Рудина, Гамлета Щигровского уезда, <...> Базарова, Нежданова, Маркелова, Соломина. Как видим, герои «Дворянского гнезда» и «Дыма» отсутствуют, зато народники из «Нови» представлены широко. Среди тургеневских русских женщин Златовратский выделяет такие образы: Лукерья, Лиза, Наталья, Одинцова, Катя, Марианна, Машурина и Марья Павловна («Затишье»). Однако никаких пояснений к этому перечислению он не дает. Собирая критические материалы об изображении народа в литературе 40—80-х годов, Златовратский сохранил в своем архиве переведенные с немецкого выписки из «Истории русской литературы» Рейнхольда (1886), в которой отмечалась связь его творчества с произведениями Тургенева.[12]

В качестве произведения, написанного «по Тургеневу», можно назвать рассказ Златовратского «Деревенский король Лир» (1880), в котором легко угадывается, так сказать, литературный прототип — повесть Тургенева «Степной король Лир» (1870). В отличие от тургеневской повести, у Златовратского главным героем является не помещик, широкая русская натура, а деревенский патриархальный мужик, который «для порядку» задумал раздел. Златовратский не был бы Златовратским, если бы не внес народническую струю: ему важно показать устои крестьянской семьи, ее бедность, разорение, пагубность разделов. Во всем этом чувствуется народническая дидактика. Вслед за Тургеневым Златовратский во вступлении к рассказу рассуждает о человеческих типах; но если у Тургенева речь идет о Шекспире, о вечных чертах человеческой «сути», то Златовратский о Шекспире и не упоминает, его интересуют типы деревенских стариков, на которых держатся устои. Многие перипетии и детали сюжета свидетельствуют о том, что Златовратский учился у Тургенева; рассказ многословен, но не лишен психологических наблюдений и правдивых картин народной жизни.

В разработке крестьянской темы Златовратский продолжал литературную традицию, которая шла не от Н. Успенского, а от Григоровича, Тургенева, Левитова. Среди произведений Тургенева ему дороже всего «Записки охотника». Плодотворность воздействия «Записок охотника» на Златовратского была уже отмечена в работах Г. А. Бялого, О. Я. Самочатовой и других исследователей.[13] Легко обнаруживается общее в принципах типизации народного характера у Тургенева и Златовратского: акцент на лучших, светлых чертах духовного облика народа, оптимистическая вера в его силы. Тургеневский подход к крестьянству как к среде, которой свойственны такие же человеческие чувства, в которой происходят такие же духовные процессы, что и в образованном мире, — оказался свойственным и Златовратскому. Мужики из его произведений «по свойствам пси-

[12] *ЦГАЛИ*, Архив Златовратского, ф. 202, ед. хр. 253.

[13] См.: Г. А. Бялый. «Записки охотника» и русская литература. В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сборник статей и материалов, Орел, 1955, стр. 29; О. Я. Самочатова. Из опыта постановки специального курса по творчеству Тургенева. Брянск, 1961, стр. 89, и др.

хики своей» чрезвычайно напоминают крестьянские образы Тургенева, как писал еще Горький.[14]

Рисуя дружбу Мина и Пимана в «Устоях», Златовратский вслед за Тургеневым противопоставляет два типа народных характеров: хозяйственного Пимана и идеалиста-романтика Мина Афанасьевича. Здесь нужна, однако, существенная поправка: если у Тургенева сочувствие и уважение к мужику, преклонение перед его нравственной силой приводило к реализму в художественном методе, то у Златовратского восторженное восхваление народной психики и «устоев» вело порой к нарушению жизненной правды и к романтической идеализации в художественном методе.

Известно, что Златовратский противопоставлял себя тем, кто писал «сплошной, тяжкий и обвинительный приговор по делу обвиняемой деревни».[15] Принадлежа к правому крылу народничества, он больше других народников был повинен в «подрумянивании» мужика. И тем не менее нельзя согласиться, что «Минаи, Митяи — плохие копии с портретов Поликушки, Калиныча, Каратаева и прочих преподобных мужичков».[16] Здесь М. Горький недооценивает и Тургенева, и Златовратского. Калиныч описан реалистически, это живой тип крестьянина, а не залакированный «преподобный» лик святого; Тургенев не случайно видит в нем и комические черты. Да и Златовратский — с меньшей, конечно, силой реализма — правдиво показал в Мине поэтическое начало, крестьянскую тоску по вольной волюшке и тоже придал отдельные комические черты краснобаю и наивному, бродящему по Руси бедняку, который вечно суетится, машет руками, непрактичен и т. п. Мечтательную натуру Мина оттеняет не менее ярко индивидуализированный характер спокойного, счастливого и хозяйственного Пимана, кругозор которого, в отличие от Хоря, ограничен пределами своего патриархального хозяйства.

В том новом, что внес Златовратский в принципы типизации народного характера — по сравнению с Тургеневым, — были свои достижения и слабости. Если Тургенев выделял лучших представителей крестьянской среды, примечательных личностей, то Златовратский обратился к крестьянской массе. Если в «Записках охотника» Тургенев не вникал в детали и подробности хозяйственного быта крестьянина, то Златовратский интересовался общественно-экономическим содержанием его жизни, хотел понять сущность и поэзию земледельческого общинного труда и общинного мировоззрения. При этом он не отказывался от достижений тургеневского реализма, не считал, что изображение масс исключает изображение отдельных личностей. В воспоминаниях о Тургеневе он обращает внимание на его слова о народе, который «растет не по дням, а по часам, и мы не заметим, когда он будет совсем большой».[17]

Усвоение традиций Тургенева-романиста, автора «Рудина» и «Нови», проявилось прежде всего в повести Златовратского «Золотые сердца» с образом неудачника и романтика Морозова, которого сам автор сравнивает

[14] М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 224.
[15] А. С. Панкратов. У великих могил. М., 1914, стр. 117.
[16] А. М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 24, М., 1953, стр. 476.
[17] Н. Н. Златовратский. Воспоминания, стр. 305.

с Рудиным и «лишними» людьми 40-х годов. В рефлексии и душевной изломанности Морозова, в его постоянных скитаниях и «цыганствованиях»; в том, что его ученица Катя упрекает своего учителя, как Наталья — Рудина, в отступлении от высоких идей; наконец, в судьбе Морозова, который бросает достигнутую после долгих мытарств благополучную жизнь и едет в Сербию, где он «может умереть так же, как умер Рудин», — во всем этом несомненно воздействие Тургенева. Разночинец Морозов, при всех его высоких идеях, оказался бессильным, «вчерашним новым человеком», не нашедшим в новую эпоху 70-х годов путей служения народу. Автор противопоставляет ему людей с золотыми сердцами — Катю, Башкирова, т. е. народническую интеллигенцию.

В «Золотых сердцах» — в описании поля, в разговорах подруг о снах, ангелах, ведьмах, домовых, о смерти и т. п. — явны реминисценции из «Бежина луга».[18] Там же Златовратский упоминает Дикого барина и притынный кабачок, что сразу навевает атмосферу «Записок охотника», напоминает о них.[19]

Говоря о «лишних» и «новых» людях, Златовратский нередко прибегает к тургеневскому пониманию и противопоставлению их как Гамлетов и Дон-Кихотов, например в «Золотых сердцах», «Скитальце», в статьях.[20] В статье «И. С. Тургенев», написанной Златовратским для «Настольного энциклопедического словаря», он говорит о психологическом мастерстве Тургенева в обрисовке типов «современного образованного общества» и ценит его очень высоко, так как Тургенев «с удивительной чуткостью и глубиной отмечал самые незаметные и интимные изменения в психологическом строе этих типов под влиянием разнообразных, быстро сменяющихся культурных на них воздействий».[21] Менее удачными представляются Златовратскому типы «молодых интеллигентных поколений (как например в «Нови»), душевный склад которых был мало знаком Тургеневу».[22] Усвоение традиций «Рудина» и «Накануне» чувствуется в описании женских образов «Золотых сердец» (Катя, Лизавета Николаевна). Вообще лучшие женские персонажи Златовратского по-тургеневски характеризуются романтическими порывами к идеалу, исканиями правды жизни и веры сердца. «Верить и домогаться!» — таков их девиз, все они готовы на подвиг самоотречения, «вышнего града взыскуя». Но раскрываются они, в отличие от Тургенева, не столько в любовных конфликтах (в народнических романах, как известно, любовная интрига играет второстепенную роль), сколько в служении ближним, слабым, несчастным.

Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа — вот аспект романа Тургенева «Новь», который оказался близким Златовратскому. Тургенев показал в «Нови» крестьян темными, угнетенными и равнодушными

---

[18] Н. Н. Златовратский, Избранные произведения, Гослитиздат, М., 1947, стр. 675—678.

[19] Там же, стр. 658, 678.

[20] См., например, статью «Русский язык и литература» в кн.: Настольный энциклопедический словарь, т. 7. Изд. А. Гранат, СПб., 1894, стр. 4336.

[21] Настольный энциклопедический словарь, т. 8, СПб., 1893, стр. 4824. — Свое авторство Златовратский подтверждает в «Автобиографии» (*ИРЛИ*, Архив Н. Златовратского, ф. 111, ед. хр. 49).

[22] Там же.

к революционной пропаганде; Соломин видит в народе или кулаков, которых становится все больше, или «овец, темноту». «Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего, хорового развития, разложения и сложения; ей нужны помощники — не вожаки», — писал Тургенев А. П. Философовой 11 (23) сентября 1874 г.[23] Сделать эту крестьянскую среду главным героем романа он не мог, считая, что «не довольно тесно и близко» знает их теперь, чтобы «быть в состоянии уловить то еще неясное и неопределенное, которое двигается в их внутренностях», поэтому ему оставалось «представить ту их жесткую и терпкую сторону, которою они соприкасаются с Неждановыми, Маркеловыми и т. д.».[24]

Таков же аспект романа Златовратского «Устои». «Я никогда не провозглашал себя „народным писателем", — заявил Златовратский, — и никогда не писал исключительно о народе, а только о моих собственных отношениях как разночинца и пролетария к народу и его ко мне».[25] От этого зависела и сюжетно-композиционная структура романа: «Устои» освещены интеллигентским взглядом на народ, а в финале романа с позиций учительницы Лизы Дрекаловой подводятся итоги.

Златовратский называл «Новь» «оригинальным произведением последнего времени» и в письме к Ф. Нефедову (1877) возмущался критикой романа. Однако положительная программа Тургенева, выраженная в образе Соломина, постепеновца из народа, не удовлетворяла Златовратского, фигура Соломина кажется ему «втащенной на пьедестал либерала златой средины».[26] В 1880 г., во время встречи писателей-народников с Тургеневым, Златовратский выражал надежду, что Тургенев «поведает нам свои тайные взгляды на ту новь, которую, как нам думалось, он только чуточку еще затронул, робко, неуверенно, даже иногда фальшиво».[27] Златовратский пишет, что Тургенев «сам недоволен „Новью" <...> и что у него уже теперь имеется план изобразить русского „социалиста", именно „русского", который не имеет ничего, в главных психических основаниях, общего с социалистами западноевропейскими».[28]

О трагическом непонимании народом интеллигенции Тургенев говорит не только в «Нови», но и в стихотворениях в прозе «Сфинкс», «Чернорабочий и белоручка», видя, что «Карп, Сидор, Семен, ярославский, рязанский мужичок», «этот всероссийский сфинкс», остался неразгаданным ни славянофилами, ни народниками и еще ждет своего Эдипа. В эпилоге «Устоев» Златовратский показал, как в результате полной отчужденности народа и интеллигенции гибнут иллюзии сельской учительницы. «Хождение в народ» Лизы Дрекаловой окончилось поражением: «...кто безжалостно бросил меня, бедную девушку, в объятья этого сфинкса?».[29] Весь эпилог, написанный в тонах лирических тургеневских эпилогов, полон романтической

---

[23] *Письма*, т. X, стр. 296.
[24] Там же, т. XII, кн. 1, стр. 39 (письмо к К. Д. Кавелину 17 (29) декабря 1876 г.).
[25] «Старый владимирец», 1911, 7 декабря.
[26] Там же.
[27] Н. Н. Златовратский. Воспоминания, стр. 309.
[28] Там же, стр. 310.
[29] Н. Златовратский. Устои. Гослитиздат, М., 1951, стр. 486.

взволнованности и риторических вопросов. Хотя народ-сфинкс проявил себя перед героиней в страшном, неэстетическом виде, она (а с ней и автор) продолжает возлагать все надежды в борьбе с растущим капитализмом на мужиков-романтиков.

Лиризм Тургенева привлекал Златовратского и оценивался им как «гармоническая уравновешенность его творческих элементов». В статье о Тургеневе он отмечал «печать тихой поэтической меланхолии» «необыкновенно изящно написанных повестей и романов» Тургенева, писал о его «чарующей поэзии», проникнутой «истинно русской задушевной грустью и мягкой иронией», сравнивал стиль Тургенева со стилем Гончарова и Толстого.[30]

Продолжая разрабатывать тургеневскую традицию, Златовратский отходил от нее, и в его реализме появлялись черты романтической идеализации. Идеализацию поддерживал и романтически-сентиментальный стиль, в который нередко впадал писатель. Если определять характер романтизации в методе Златовратского, то это не романтика героического подвига, как у Тургенева или С. М. Степняка-Кравчинского, это романтизация отсталости, наивной мечтательности, религиозно-смиренного отстаивания «устоев». Романтическая идеализация Златовратского обращена в прошлое.

В конце своей жизни, сотрудничая в журнале «Вестник воспитания», Златовратский опять обращается к Тургеневу: так, выступая против морализирования в детской литературе, он возражает тем, кто при отборе текстов для детских хрестоматий из знаменитого рассказа Тургенева «Муму» берет только одну страницу, а рассказ А. Н. Доганович «Фомка-дурачок» — весь.[31]

Подобные мелкие упоминания и обращения, незначительные сами по себе, характеризуют, однако, устойчивый и постоянный интерес Златовратского к любимому писателю, каким был для него И. С. Тургенев.

Е. А. Шпаковская

Тургенев и А. И. Эртель

20 августа 1879 г. А. Н. Пыпин писал из Петербурга М. М. Стасюлевичу: «Прошлую среду набежал некоторый материал, беллетристический, по моему мнению, очень милый: „Записки Степняка“, некоего Эртеля — по манере вроде „Записок охотника“, не так поэтично, разумеется, но очень, очень недурно, и мне кажется, надо бы их принять (всего около 4—5 листов».[1] По-видимому, «Записки Степняка» были одобрены затем и Стасюлевичем, так как большинство рассказов из этого цикла Эртеля впервые появилось в «Вестнике Европы» в 1880—1881 гг. Позднее, когда Эртель был уже автором ряда других произведений («Волхонская барышня», «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги», «Смена»), Л. Н. Толстой говорил о нем: «Это несомненно талантливый человек, живой. Сначала он писал,

[30] Настольный энциклопедический словарь, т. 8, стр. 4824.
[31] «Вестник воспитания», 1897, № 1, отд. II, стр. 32—33.
[1] *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1188, письмо № 69.

рабски подражая Тургеневу, все-таки очень хорошо. Потом явилась самостоятельная манера».[2]

При чтении «Записок Степняка» действительно сразу бросается в глаза жанровое сходство этих рассказов с «Записками охотника». Композиция сборников, обрисовка рассказчика и его роли в развитии действия, приемы создания портрета, изображение пейзажа — все это сближает книгу Эртеля с книгой Тургенева и в общей форме было уже отмечено в советском литературоведении.[3]

В то же время справедливо говорилось и о том, что это несомненное жанровое сходство, существующее между «Записками Степняка» и «Записками охотника», только рельефнее показывает «различие жизненного содержания названных произведений».[4] Отделенная от книги Тургенева тремя десятилетиями, созданная в пореформенное время, книга Эртеля несет в себе черты новой действительности во всем многообразии характеров и отношений, быта и психологии людей.

В течение всего своего творческого пути Эртель любил и высоко ценил Тургенева. В статье «Из степи», написанной в октябре 1883 г. (в связи со смертью писателя), Эртель подчеркивал, что Тургенев «в своих картинах быта, в чудных описаниях природы, наконец, в ‹...› элегическом колорите своих писаний, ‹...› неотразимо скреплял нас с нашей родиной. И тут он приходил на подмогу простому непосредственному чувству читателей. Он возводил в перл это чувство. В этих особенностях его таланта родина наша — эти поля, луга, леса, этот простой и бесхитростный быт — являлись во всей силе своей сокровенной красоты и неотступно манили нас к себе, привязывали непобедимым очарованием...».[5]

Эти строки Эртеля в первую очередь следует отнести к «Запискам охотника». Естественным кажется в связи с ними сознательное обращение начинающего писателя к знаменитой книге Тургенева как к некоему образцу по форме.

В чем же конкретно выразилась взаимосвязь между «Записками охотника» и «Записками Степняка», зависимость второго из этих сборников от первого? В нашей статье речь пойдет лишь о некоторых наблюдениях, имеющих отношение к этой теме.

В рассказе «От одного корня» Эртель, подобно тому как это сделал Тургенев в «Хоре и Калиныче», изобразил два типа крестьян, противопоставляя их друг другу. Зажиточный мужик, Василий Мироныч, с его деловитостью и обстоятельностью, практической жилкой и рационализмом, сродни Хорю. А Трофим, о котором Василий Мироныч отзывался как о человеке «блаж-

---

[2] *Лит. насл.*, т. 37—38, стр. 465 (Дневник В. Ф. Лазурского, 13 июля 1894 г.).

[3] Г. А. Костин. А. И. Эртель. Жизнь и творчество. Воронеж, 1955, стр. 107.

[4] Г. А. Терентьев. Послесловие. В кн.: А. И. Эртель. Волхонская барышня. Смена. Карьера Струкова. М.—Л., 1959, стр. 755. См. также: Я. Билинкис. Творчество А. И. Эртеля. В кн.: А. И. Эртель. Записки Степняка. Очерки и рассказы. Гослитиздат, М., 1958, стр. VII.

[5] *ГБЛ*, ф. 349, А. И. Эртель, папка 2, № 23 (начало этого отрывка опубликовано в книге: Г. А. Костин. А. И. Эртель. Жизнь и творчество, стр. 107).

ном», беден и непрактичен, отрицательно относится к охоте, напоминая по типу одновременно и Калиныча, и Касьяна с Красивой Мечи (из одноименного рассказа Тургенева). Этот второй тип крестьянина выведен Эртелем и в рассказе «Мои домочадцы» в лице Семена, с его «кроткими, вечно задумчивыми глазами и безмятежным выражением лица».[6] Сходство этого героя Эртеля с Калинычем и Касьяном делается еще более ощутимым, если вспомнить, что Семена отличало уменье «заговаривать» кровь, «отчитывать» червей (стр. 194), что он «относился к природе с каким-то теплым чувством» (стр. 205).

В рассказе Эртеля «Визгуновская экономия» описано своего рода состязание в пении между теткой Маланьей и деревенской красавицей Ульяной. В то время, как пела первая из них, «Ульяна <...> сидела рядом с ней <...> При первых звуках песни в ней что-то тревожно встрепенулось и дрогнуло <...> В это-то время Маланья в каком-то ожидании смолкла... Все мы затаили дыхание и тоже ждали. Ульяна медлительно подняла голову, лениво обвела нас каким-то тупым и тяжелым взглядом, криво и болезненно усмехнулась и вдруг... прозвенел какой-то странный, слабый и тоскливый звук. Я вздрогнул и взглянул ей в лицо. С ощущением невыразимой муки она стремительно охватила руками голову и каким-то нервно звенящим, беспрестанно обрывающимся и падающим голосом протянула:

Эх... надоели... вы мне, ночи!.. надоскучили...

Другие подхватили, и полилася песня, горькая и унылая, как Русь...» (стр. 147—148).

Не нужно особенно напрягать память, чтоб при чтении этого места из «Визгуновской экономии» вспомнить очень сходное по тональности описание Тургеневым певческого состязания рядчика и Якова Турка в рассказе «Певцы».[7]

В некоторых рассказах из «Записок Степняка» в развитии сюжета значительную роль играет охота. В связи с этим отметим, что первые страницы рассказа «Полоумный» напоминают начало «Бежина луга». Подобно Тургеневу, Эртель описывает от лица рассказчика конец охоты, когда тот, заблудившись, попадает в неизвестные ему края. Сравним отрывки из обоих рассказов.

«БЕЖИН ЛУГ»	«ПОЛОУМНЫЙ»
Я добрался, наконец, до угла леса, но там не было никакой дороги <...> Я опять остановился. «Что за притча? Да где же я?» Я стал припо-	Место казалось незнакомым <...> «Что это за место?» — думалось мне. Я взошел на возвышенность <...> «Эге! да это Танеевская степь!» —

[6] Л. И. Эртель. Записки Степняка. Очерки и рассказы. Гослитиздат. М., 1958, стр. 187. — В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию с указанием в тексте (в скобках) страниц.

[7] *Сочинения*, т. IV, стр. 240—242. — В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию с указанием в тексте (в скобках) тома и страниц.

минать, как и куда ходил в течение дня... «Э! да это Парахинские кусты!» — воскликнул я наконец (IV, стр. 94).

невольно вырвалось у меня. (стр. 548).

Иногда Эртель, подобно Тургеневу, прибегает и к такому приему: открывает очерк с обращения к расказчику со стороны одного из персонажей или с обращения этого рассказчика к читателям.

У ТУРГЕНЕВА	У ЭРТЕЛЯ
— Поедемте-ка в Льгов, — сказал мне однажды <...> Ермолай («Льгов», IV, стр. 80).	— А поедемте-ка мы с вами в Криворожье, — сказал мне однажды <...> Гундриков («Криворожье», стр. 260).
Представьте себе, любезные читатели («Однодворец Овсяников», IV, стр. 61).	Случалось ли вам, господа, быть в лесу в пору ранней весны? («Жолтиков», стр. 293).

Нередко одинаковы у обоих писателей приемы введения в рассказ новых персонажей.

У ТУРГЕНЕВА	У ЭРТЕЛЯ
...но извините, господа: я должен вас сперва познакомить с Ермолаем. («Ермолай и мельничиха», IV, стр. 22).	Но надо, я думаю, рассказать, что такое был за человек Андрей Захарыч. («Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков», стр. 100).
Позвольте, любезный читатель, познакомить вас и с этим господином. («Однодворец Овсянников», IV, стр. 76).	Теперь позвольте, читатель, представить вам моего работника Якова. («Мои домочадцы», стр. 207).

Для развития и завершения сюжетной или смысловой линии в некоторых рассказах оба писателя иногда заставляют рассказчиков «подслушивать разговоры, которые ведут другие персонажи (ср. «Контору» Тургенева с «Последними временами» Эртеля).

В заключение отметим еще одну особенность — концовки рассказов в «Записках охотника» и в «Записках Степняка». У Тургенева (в «Хоре и Калиныче», «Малиновой воде», «Бурмистре», «Бирюке», «Свидании», «Чертопханове и Недопюскине») и у Эртеля после завершения повествования о тех или иных событиях рассказ неожиданно заканчивается одной короткой фразой, как бы не имеющей прямой связи с предшествующим текстом. Приведем примеры.

У ТУРГЕНЕВА	У ЭРТЕЛЯ
Машу всю поводило, как бересту на огне; ~ — Живо, живо, живо,	А в избе горел огонек, и Онисим заплетающимся языком говорил:

живо! — скороговоркой подхватывал Недопюскин.

Поздно вечером уехал я из Бессонова... («Чертопханов и Недопюскин», IV, стр. 315).

Стариков-то, что побогаче да посемейнее, не трогает, лысый чёрт ∞ пес, прости, господи, мое прегрешенье!

Мы отправились на охоту. («Бурмистр», IV, стр. 148).

— Я свое дело веду тонко, — меня господа замест отца, например...

Рано утром я выехал из Жигулевки. («Земец», стр. 259).

— Ведь это девки в саду-то! — вскрикнул, плотоядно усмехнувшись, господин Карпеткин ∞ побежал с балкона.

Через полчаса я уехал из Даниловки. («Два помещика», стр. 96).

Таким образом, создавая свою первую книгу («Записки Степняка»), Эртель воспользовался некоторыми художественными приемами Тургенева — автора «Записок охотника».

В сборнике «Записки Степняка» есть один рассказ (первоначально он назывался «Почившие», затем «Oxalis tropaeloides» и, наконец, по требованию редакции «Вестника Европы — «Жолтиков»), который в журнальной редакции появился с посвящением Тургеневу («Вестник Европы», 1881, № 7).

31 марта 1881 г. Эртель писал А. Н. Пыпину:

«...посылаю Вам еще рассказик <...> Я признаться мало рассчитываю на то, чтобы рассказик этот Вы напечатали скоро: он требует времен благоприятных <...> Дело в том, что герой рассказа так же, как Нежданов в «Нови», говорит жуткие вещи отнюдь без всякой ответственности автора за эти вещи. Автор стоит в стороне и даже как будто не одобряет <...>[8]

«Я посвящаю рассказ этот Ив<ану> С<ергеевичу> Тургеневу — в нем, совершенно ненамеренно разумеется, получилось отдаленное сходство с Рудиным. Конечно, Рудиным другой среды, другого воспитания и другого времени. Это сходство меня самого поразило. Я, когда писал рассказ, и не думал о Рудине».[9]

Рассказ Эртеля «Жолтиков» в общем понравился Пыпину, но по поводу отдельных частностей между автором и сотрудником редакции «Вестника Европы» завязалась переписка.

По-видимому, возражая на какие-то замечания Пыпина, Эртель писал ему 21 июля 1881 г.: «В Жолтикове меня интересовало — *констатировать* присутствие известного типа в купеческой среде. Я и показал: вот, мол, его особенности. Но каким образом тип этот воспитался — уже догадайтесь сами <...> Тургенев в Рудине тоже *констатировал* тип, но он в романе этом не показал нам происхождение типа. В вину ли ему это? Гончаров в Обломове и Шпильгаген в Лео — те показали, Гоголь в Чичикове показал, но я не думаю, чтобы Рудин был тем несостоятелен и неверен — он так же ясен, как Обломов, и воздействие его на жизнь не менее очевидно».[10]

---

[8] *ГПБ*, ф. 621, А. Н. Пыпин, ед. хр. 1021, письмо 5, л. 8.

[9] Эта часть письма опубликована, см.: В. В. Буш. Из переписки А. И. Эртеля с А. Н. Пыпиным. В сб.: Литературные беседы, изд. Общества литературоведения при Саратовском гос. университете, 1929, стр. 142.

[10] *ГПБ*, ф. 621, А. Н. Пыпин, ед. хр. 1021, письмо 14, л. 20.

Главный герой рассказа Эртеля, посвященного Тургеневу, — купец Протас Жолтиков, житель маленького уездного городка. Это русский «рантье», человек-паразит, живущий на доходы от ценных бумаг.[11]

Говоря об его отдаленном сходстве с Рудиным, Рудиным «другой среды, другого воспитания и другого времени», Эртель имел в виду некоторые особенности Протаса Жолтикова, который является не совсем типичным представителем своего класса. Жолтиков несомненно человек неглупый, читающий газеты (и понимающий разницу между «Русскими ведомостями» и реакционной газетой Каткова). Он умеет потолковать о «свободе» и любит посвящать «своих почитателей в тайны либерализма» (стр. 305). С пафосом и красноречием критикует Жолтиков современную действительность, но «в противоположность многим отрицателям, он имел и нечто положительное» (стр. 307), когда переходил к будущим временам. Среди постоянных посетителей Жолтикова был единственный сын одного купца, юноша Харлампий, на которого речи Протаса производили особенно сильное, неизгладимое впечатление. Под влиянием их молодой человек решил порвать с отцом и окружающей средой и уехать в Петербург для поступления в университет. Однако, когда Харлампий пришел попрощаться с Жолтиковым, тот обрушил на его голову поток ругани, упрекая юношу в неблагодарности к родителям, в пренебрежении интересами торговли и т. п. Потрясенным покинул Жолтикова Харлампий, но от вновь приобретенных идеалов не отказался.

Таким образом (и это понимал прекрасно сам Эртель) Жолтиков, как и его литературный предшественник Рудин, не смог сочетать слов с делом. Красноречивые и пылкие речи Протаса оказались в полном противоречии с его житейским практицизмом. И если Рудин проявил свою очевидную несостоятельность во взаимоотношениях с Наталией Ласунской, поверившей ему и его речам, то и Жолтиков, подобно герою Тургенева, сыграл сходную роль в истории с юным Харлампием. В заключение следует подчеркнуть, что отдаленное сходство, которое имеется между Жолтиковым и Рудиным, не должно заслонять того очевидного факта, что он значительно снижен по сравнению с тургеневским героем и кое-где кажется просто пародией на него.

В более поздних, зрелых произведениях Эртеля («Волхонская барышня», 1883; «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги», 1889; «Смена», 1891; «Карьера Струкова», 1895—1896) также заметны, хотя и в значительно более слабой степени, следы воздействия Тургенева или, вернее, тургеневская традиция.

В частности это проявилось при создании Эртелем женских образов. Уже отмечалось сходство Вари Волхонской с Марианной из «Нови».[12] Действительно, своими поисками положительного идеала, порывами к общественно-полезной деятельности Варя Волхонская близка к тургеневским героиням, так же как и Лиза Гарденина («Гарденины») и Наташа («Карьера Струкова»). Подобно тому, как в «Нови» не достигают цели попытки «хо-

[11] См. комментарий Г. В. Ермаковой-Битнер в кн.: А. И. Эртель. Записки Степняка. Очерки и рассказы, стр. 580—581.

[12] Послесловие Г. А. Терентьева в кн.: А. И. Эртель. Волхонская барышня. Смена. Карьера Струкова, стр. 756.

ждения в народ» Марианны и Нежданова, бесплодным оказывается стремление Струкова и Наташи принести пользу крестьянам (деятельность Струкова в качестве мирового судьи, Наташи — в должности сельской учительницы).

Конечно, не только чтение Тургенева, но и сама русская действительность того времени давала Эртелю материал для создания образов его героинь. Но в этой связи уместно вспомнить слова, сказанные Л. Н. Толстым Чехову в 1901 г.: «Тургенев сделал великое дело тем, что написал удивительные портреты женщин. Может быть, таких, как он писал, и не было, но когда он написал их, они появились. Это верно; я сам наблюдал потом тургеневских женщин в жизни».[13]

В известной степени можно говорить также и о том, что дальнейшее развитие черт, присущих Базарову, заметно в образе Ефрема Капитоныча, сына бывшего крепостного-конюха («Гарденины»). В его лице Эртель хотел показать разночинца, одного из деятелей революционного движения 70-х годов. Приезд Ефрема Капитоныча из Петербурга в деревню, характер его взаимоотношений с родителями чрезвычайно напоминают по своему общему строю, тональности соответствующие сцены из «Отцов и детей».

Наконец, тип «лишнего человека», восходящий к «лишним людям», изображенным Тургеневым (и Герценом), дан Эртелем в лице Мансурова («Смена»). Широко образованный, с богатейшими возможностями, разносторонними интересами и устремлениями, Мансуров погибает в результате нелепой случайности. Преемственность, связывающая этот персонаж с героями Тургенева, была отмечена Н. Л. Бродским, давшим подробную характеристику Мансурова, в заключение которой он писал: «Символична эта смерть ‹Мансурова› для представителя того класса, откуда вышли Рудины, Бельтовы, Неждановы!».[14]

Приведенные нами материалы и соображения нисколько не умаляют значение А. И. Эртеля, интересного и своеобразного писателя, который глубоко отразил в своем творчестве многие существенные стороны русской жизни 80—90-х годов.

Л. Н. Назарова

О ранних переводах Тургенева на чешский язык

Одним из первых переводчиков произведений Тургенева на чешский язык в 80-х годах был Иосиф Пенижек (Josef Penížek). Так, например, он перевел рассказ «Старые портреты» (под названием «Staré podobizny») для десятого номера журнала «Lumit» за 1882 г. В 1883 г. в первом номере журнала «Květy» появился его же перевод «Клары Милич» (под заглавием

[13] Приведены А. М. Горьким в статье «Издалека» (в кн.: М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. Гослитиздат, М., 1941, стр. 461).

[14] Н. Л. Бродский. А. И. Эртель. В кн.: А. И. Эртель, Собрание сочинений в семи томах, т. I, Книгоизд. писателей в Москве, 1918, стр. XVIII.

«Klára Miličová»). «Стихотворения в прозе» вышли в переводе И. Пенижека (под названием «Básně v próse») отдельной книжкой у издателя Э. Палечека (Eduard Paleček) в так называемой «Славянской библиотеке» в том же 1883 г. На титульном листе читаем: «С разрешения писателя переводил Иос. Пенижек»; на обороте титула: «Напечатано в последнем номере „Вестника Европы“ за прошлый год». Известно, что И. Пенижек обращался к Тургеневу за разрешением на перевод рассказа «Отчаянный» и получил согласие писателя (см. письмо Тургенева к И. Пенижеку от 9 февраля н. ст. 1882 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 2). Однако в силу каких-то обстоятельств перевод «Отчаянного» или не был осуществлен И. Пенижеком, или же не появился в печати. Автором первого чешского перевода этого рассказа стал известный переводчик с русского языка П. Дурдик (Pavel Durdík). В 1882 г. в шестнадцатом номере журнала «Světozor» был напечатан перевод рассказа «Отчаянный» (под заглавием «Zoufalec»),[1] сделанный П. Дурдиком, с пометой: «Z „Věstníku Evropy“, 1882» («Из „Вестника Европы“, 1882»). Вторично рассказ этот вышел в переводе И. Гейрета (J. Hejret) в журнале «Vesna» в 1896 г.

Чехословакия *Иржи Гонзик*

---

[1] Ф. Пизл. Список чешских переводов сочинений И. С. Тургенева и статей о нем, изданных на чешском языке. В кн.: Каталог выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии наук. СПб., 1909, стр. 308.

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ И. С. ТУРГЕНЕВА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

СЕКРЕТНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА С. Н. ТУРГЕНЕВЫМ И ЕГО ПИСЬМА К А. И. ТУРГЕНЕВУ

В апреле 1831 г. III отделением было заведено дело «О наблюдении за полковником Сергеем Тургеневым». Поводом к нему послужила депеша русского посла в Париже об оставшихся во Франции, «вопреки высочайшему повелению, российских подданных». Среди них оказался отец будущего писателя «полковник Тургенев», который был «удержан там болезнию; он выдержал операцию бокового сечения, и жизнь его» находилась тогда «еще в опасности».[1]

15 мая 1831 г. А. Х. Бенкендорфу было сообщено, что «проезжавший 8-го числа сего месяца через Ригу из Парижа полковник Сергей Тургенев отправился ‹...› не в Санкт-Петербург, а в Москву, и с ним еще доктор Андрей Берс и два служителя» (л. 6—6 об.). 25 мая «Курляндский гражданский губернатор доставил представленное ему Палангенской пограничною таможнею письменное объяснение проехавшего из Парижа через оную таможню в Москву полковника Тургенева» (л. 8—8 об.). Это объяснение, написанное рукою С. Н. Тургенева, также находится в деле. «1831 года 6-го мая по требованию положения таможни, я, нижеподписавшийся, дал сие объявление, что я из-за границы возвращаюсь и при мне люди, Андрей Остафьев сын Берс и два человека, Михаил Лобанов и Илья, в столичный город Москву. Полковник Сергей Тургенев» (л. 9).

Как видно из официального отношения Бенкендорфа на имя министра внутренних дел, он подал Николаю I «докладную записку о проезде через Ригу полковника Сергея Тургенева, который, выдержав в Париже мучительную операцию, не мог исполнить высочайшего повеления о немедленном выезде российских подданных из Парижа и Франции и после отправился в Москву». На этом «всеподданнейшем» докладе государь император собственноручно написать изволил следующее: «Следить за ним». Резолюция царя означала фактическое «учреждение за полковником Тургеневым *секретного наблюдения*» (л. 7).

Исполнявший должность начальника второго округа корпуса жандармов города Москвы полковник Шубинский доносил 26 октября 1831 г.

---

[1] ЦГАОР, ф. 109, 1-я эксп. III отд., оп. 5, ед. хр. 219, л. 3—3 об. (ссылки на листы этого дела далее даются непосредственно в тексте).

Бенкендорфу «о продолжаемом наблюдении за полковником Сергеем Тургеневым»:

«Во исполнение предписания ‹...› от 19 мая 1831 года под № 2579, продолжая секретное наблюдение за полковником Сергеем Тургеневым, прибывшим сюда из Парижа, где он выдержал мучительную операцию, — ныне получил я о сем г. Тургеневе сведения:

«Что он, находясь теперь с семейством своим в Москве, жизнь ведет открытую, бывает всякий день в театре и весьма часто на встречах у г. Пашкова, куда приезд бывает большой. Всего чаще видятся с г. Тургеневым Константин Павлович Нарышкин и Алексей Александрович Наумов, из коих с Нарышкиным он был знаком еще в Париже» (л. 12—12 об.)

Во втором и последнем донесении от 1 ноября 1831 г. сообщалось, «что сей г. Тургенев недавно поехал к родным своим в Калужскую ‹очевидно, в Орловскую› губернию, откуда опять возвратится в Москву. Здесь с ним часто еще видается иностранный граф Руже» (л. 13).

На этом кончается дело о секретном наблюдении за С. Н. Тургеневым. Оно характеризует не столько отца будущего писателя, сколько николаевское время. Вешателя декабристов настораживала уже сама фамилия Тургенев. Даже два десятилетия спустя он поинтересуется, в связи с арестом автора «Записок охотника», о степени его родства с Николаем и Александром Ивановичем Тургеневыми. В деле III отделения появится запись, что И. С. Тургенев «не состоит в родстве с изгнанником по 14 декабря 1825 года, Николаем *Тургеневым*, и с скончавшимся действительным статским советником Александром *Тургеневым*, а если и состоит, то в таком дальнем, что сам не может определить степени этого родства».[2]

Для биографии писателя имеет принципиальное значение тот факт, что отец его был знаком с братьями Тургеневыми, а с Александром Ивановичем находился, кроме того, и в переписке. Два сохранившихся письма С. Н. Тургенева к А. И. Тургеневу относятся как раз к 1831 г. и служат своего рода комментарием к приведенным выше материалам секретного наблюдения за полковником Сергеем Тургеневым. Этой же участи не избежал и «действительный статский советник» А. И. Тургенев, за которым также был «учрежден надзор в Москве со времени прибытия его сюда 22-го июня» 1831 г.[3] В донесении о нем от 14 октября того же года говорилось, что, «по тщательном наблюдении за ним, сначала не оказывалось ничего заслуживающего особливого внимания; а теперь слышно, будто он имеет образ мыслей, противный правительству».[4] Самый факт общения и переписки с ним С. Н. Тургенева в 1831 г. остался, по-видимому, не отмеченным в III отделении, так как приводимые ниже письма и отсылались и были получены адресатом за границей. Оба они относятся к тому времени, когда А. И. Тургенев уехал из Парижа в Лондон, а С. Н. Тургенев оставался в Париже, готовясь к отъезду в Россию. Приводим текст первого письма:

---

[2] Там же, оп. 1852, ед. хр. 92, л. 22.
[3] Там же, оп. 5, ед. хр. 336, л. 10.
[4] Там же, л. 11.

«Почтеннейший Александр Иванович!

По отъезде вашем из Парижа жестокие мои страдания столь увеличились, что я до самой минуты операции, могу сказать, не имел одного часу сносного, что и было причиною моему молчанию на ваши приятные для меня письма, в чем прошу меня дружески извинить! — Боясь обременить вас подробным описанием всех обстоятельств, кои предшествовали операции, но уважая участие, кое вы берете во мне, скажу, что Сивиян <?>, видя мои мучения, долго колебался приступить к окончательному действию, не имея никакой надежды в желаемых последствиях, что подтвердили на консилиуме все здешние лучшие хирурги, из коих Dubois и Boge <?> решительно положили предложить мне остаться с камнем, — но я предпочел умереть от воспаления раны, чем замучиться от камня, — и настоятельно требовал операции, которая совершенно неожиданно 19 февр<аля>/3 марта счастливо была Сивияном сделана. Благодаря бога последствия оной, несмотря на все противные условия, были благополучны. А как ныне прошло 23 дня и я смело могу сказать, что уже вне опасности; с должным терпением продолжаю почти недвижимо лежать в постели, что еще протянется дней 10-ть, коих я не имел терпения дождаться, дабы не напомнить вам о себе, что мне есть точно искреннее удовольствие, — а между тем долгом поставляю вас заблаговременно уведомить, что если ничего не встретится неожиданного, то я не располагаю здесь прожить более месяца, а потому уведомьте меня, какое ваше распоряжение будет касательно оставленным вашим вещам у меня.

Зная, сколь интересует вас наша родная матушка Москва, то с удовольствием скажу вам, что жители оной можно сказать совершенно избавились от лихой холеры, которая, как вы мне говорили, удерживала вас туда ехать; очень бы было мне приятно обратный наш вояж сделать вместе, — к исполнению коего и случай есть покойный, — вчера приехал сюда из Москвы дилижанс *Цейтгофера* (карета и коляска), который через три недели ждет отсюда отправиться, каждое место внутри стоит до Москвы 800 руб. За сим прошу вас не оставить меня вашим ответом, коего я буду ждать с большим нетерпением. С истинным моим к вам уважением остаюсь всегда готовый и преданный к услугам вашим

Покорный слуга
Сергей Тургенев».

1831 года
14/26 марта. Париж.

Следующее письмо было отправлено почти через месяц, перед отъездом С. Н. Тургенева в Россию. Оно явилось ответом на неизвестное нам письмо А. И. Тургенева:

«1831 года 5/17 апреля. Париж.

По получении вашего письма, почтеннейший Александр Иванович, я на другой день в точности исполнил вашу комиссию. Сам был у *Toutora* <?>, отдал ваше письмо и с тем вместе предупредил его; буде случится, что я выеду из Парижа прежде вашего сюда приезда, то позволит ли он перевезти к нему ваши оставшиеся у меня вещи, состоящие в одном ящике, небольшом чемодане и два футляра с шляпами, на что он согласился, и так я по желанию вашему спешу вас об оном уведомить; со всем тем не теряю надежды, что еще буду иметь удовольствие вас здесь видеть. В противном случае

17/29 апр‹еля› все вышесказанные ваши вещи, запечатанные мною печатию доставлю в кладовую Toumopa ‹?›, от коего получа расписку, доставлю к вам. По сие время я ежедневно получаю известия из Москвы, где, как кажется, *повальная болезнь* не очень свирепствует, ибо ко мне жена ничего не пишет, а потому я горю нетерпением туда отправиться, — благодаря бога здоровье мое очевидно поправляется, так что имею полную надежду перенести благополучно столь долгий вояж. За сим в ожидании вашего ответа, а несравненно бы приятнее было личного свидания остаюсь вам всегда готовый к услугам и преданный вам Сергей Тургенев».[5]

Еще ранее этого С. Н. Тургенев оказал аналогичную услугу сосланному декабристу и тоже своему родственнику С. И. Кривцову. «Тургеневы, отец и мать десятилетнего тогда Ивана Сергеевича», принимали «большое участие» в своем земляке и соседе. М. Гершензон располагал письмом С. Н. Тургенева к С. И. Кривцову «от 30 августа 1828 года со списком посылаемых ему вещей» из Москвы. Оканчивалось письмо такими словами: «Тебя любящий Сергей Тургенев». По свидетельству М. Гершензона, «Тургеневы заказали для себя копию того Бестужевского портрета Сергея Ивановича ‹Кривцова›, который был прислан из Читы».[6]

Таким образом, можно сказать, что для И. С. Тургенева вовсе не остался незнакомым упомянутый им в связи с «Войной и миром» Л. Н. Толстого в письме к И. П. Борисову от 15 (27) марта 1870 г. *«декабристский* элемент, который такую роль играл в 20-х годах».[7]

Не случайно в письмах В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу от 22 октября и 20 декабря ст. ст. 1840 г. дважды повторено весьма обязывающее заявление: «Ежели бы такое несчастье было, что вас сослали в Сибирь — не отстану», «и ежели бы ты был сослан в 1826 году в Сибирь, я бы не осталась — с тобою, с тобою — везде живущий ‹...› в Камчатке, в Африке, везде есть матери, отцы, которые живут же с детьми. Стоит ли думать, где жить на сем свете, только бы жить с сердечными».[8]

Знакомство с братом декабриста, начатое С. Н. Тургеневым, было продолжено его сыном. Путешествуя по немецким землям, А. И. Тургенев приехал 19 (7) июля 1840 г. в Берлин и в тот же день, как видно из его дневника, «познакомился с проф‹ессором› Вердером, учеником Гегеля и наставником Ивана Тургенева», которого видел на лекциях. В разговорах с А. И. Тургеневым Вердер «хвалил ‹И. С.› Тургенева».[9]

Во время пребывания А. И. Тургенева в Берлине летом 1842 г. А. Старчевский встречал у него «несколько русских», в том числе «Ивана Сергеевича Тургенева, тогда еще молодого, только что начинающего автора».[10] Тот же мемуарист свидетельствует, «что, когда зашла речь о Тургеневых

---

[5] *ЦГАЛИ*, ф. 501, оп. 1, ед. хр. 214.

[6] М. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, стр. 227—228.

[7] *Письма*, т. VIII, стр. 200.

[8] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 96.

[9] *ИРЛИ*, ф. 309, № 319, л. 57—57 об. — См. также: А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.—Л., 1964, стр. 494.

[10] А. Старчевский. Воспоминания старого литератора. I. Встречи и знакомства. «Исторический вестник», 1886, № 10, стр. 70.

вообще, Александр Иванович рассказал кстати, что Тургеневы, как и Карамзины — татарского происхождения и в их гербе есть девиз: „*И без страха обличиху*“».[11] В заметке 1828 г., адресованной Е. А. Свербеевой, А. И. Тургенев с гордостью за своих предков, а также за отца и брата писал: «Россия не *в дрожжах*: в сердцах сынов она! Петр Т... при Дмитрии Самозванце; Иван Т... при Екатерине, Николай не квас любили в России и не квасом запечатлели любовь свою, а венцом мученическим. История сказала уже о них устами Троицкого труженика[12] — „*без боязни обличаху*“. Пусть квасные патриоты отыщут слова сии в своей биографии, или напишут их на памятнике трех страдальцев; но „раб и похвалить не смеет“.[13]

Видимо, не без влияния бесед с А. И. Тургеневым И. С. Тургенев также гордился и особенно дорожил их общим предком, «тем Петром Т<ургеневым>, который *обличил* Лжедимитрия — и за это *обличение* был в тот же день казнен на Лобном месте в Москве».[14]

Как установила В. М. Тарасова, И. С. Тургенев был знаком уже в 40-е годы и с декабристом Н. И. Тургеневым. Это обстоятельство теперь, действительно, «позволяет шире поставить вопрос об идейных истоках антикрепостнической направленности „Записок охотника“».[15] Называя в качестве одного из таких источников влияние Станкевича и Грановского, которое безусловно «отражалось и на литературной деятельности Тургенева и содействовало развитию в нем глубокого стремления к освобождению народа от крепостной зависимости», их общий товарищ по Берлинскому университету Я. М. Неверов справедливо обратил внимание на то, что «мысль эта могла зародиться в Тургеневе и ранее в семейном его кружке»,[16] имея в виду прежде всего антикрепостнические настроения А. И. Тургенева. В редакционном примечании М. И. Семевского к воспоминаниям Я. М. Неверова об И. С. Тургеневе к этим словам мемуариста было прибавлено, что «свойственник» автора «Записок охотника», «декабрист Николай Иванович Тургенев, еще при императоре Александре I возбудил этот вопрос».[17]

В одной из статей о писателе С. М. Степняк-Кравчинский заявлял, что, «занимаясь в берлинском университете изучением философии, молодой Тургенев ездил ненадолго к своему дяде[18] и от него воспринял первые

---

[11] Там же, стр. 68.

[12] «Аврамия Палицына». (Ссылка А. И. Тургенева).

[13] Отчет о деятельности отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1912 год. СПб., 1912. Факсимиле с автографа между стр. 4 и 5.

[14] *Письма*, т. X, стр. 161.

[15] *Тургенев*, Сб., вып. I, стр. 277.

[16] *ГИМ*, ОПИ, ф. 372, ед. хр. 22, л. 129 об.

[17] «Русская старина», 1883, № 11, стр. 418.

[18] Весьма распространенная в то время ошибка, которую поправил сам Тургенев в письме к Людвигу Пичу от 1(13) апреля 1875 г.: «Отца моего действительно звали Сергеем, — но Николаичем, — не Иванычем — он приходился весьма отдаленным родственником братьям Н. и А. Тургеневым — и, таким образом отнюдь не братом» (*Письма*, т. XI, стр. 54, 365).

основы тех либеральных убеждений, от которых уже никогда не отступал в продолжение всей своей жизни».[19]

Не подлежит сомнению, что антикрепостнический пафос «Записок охотника» имел одним из своих источников общение их автора с декабристом Н. И. Тургеневым. И. С. Тургенева связывали с ним не одни лишь «узы отдаленного родства».[20] Вполне возможно также, что именно через этого непримиримого врага крепостного права молодой писатель был введен и в круг идей автора «Путешествия из Петербурга в Москву», который был для И. С. Тургенева, по его собственным словам, «первым поборником освобождения крестьян».[21]

В. А. Громов

ТУРГЕНЕВ В «ЗАПИСКАХ» А. В. ГОЛОВНИНА

В предисловии к переписке Тургенева с Александром Васильевичем Головниным, опубликованной в «Литературном наследстве», А. М. Гаркави отметил, что она относится к тому времени, когда Головнин «занялся составлением многотомных „Записок“, содержащих подробнейший обзор его служебной деятельности».[1] Знакомство с этими неизданными «Записками», предназначавшимися «для немногих»,[2] показывает, однако, что они заключают в себе материал не только для послужного списка их автора. Мемуары одного из современников и сослуживцев Тургенева по Министерству внутренних дел представляют интерес и для изучения творческой биографии автора «Записок охотника» как раз в период, непосредственно предшествовавший созданию этой серии очерков и рассказов.

«В числе чиновников Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, — пишет А. В. Головнин, — находился другой ‹кроме В. И. Даля› даровитый писатель *Иван Серг. Тургенев*, которого „Записки охотника“, отличающиеся невыразимою прелестью рассказа и живыми описаниями природы и деревенской жизни, останутся навсегда одним из лучших произведений русской словесности. Читая „Записки охотника“, как бы дышишь воздухом полей и леса и живо видишь картины, рисуемые автором. Насколько Тургенев был гениальным писателем и приятным рассказчиком, настолько он был плохим чиновником и через несколько времени перестал приходить в канцелярию. Впрочем, жаль было бы употреблять его перо на бюрократический труд наших департаментов и канцелярий» (л. 75—75 об.).

---

[19] С. М. Степняк-Кравчинский, Собрание сочинений, ч. VI, СПб., 1908, стр. 215.

[20] *Тургенев*, *Собр. соч.*, т. XI, стр. 249.

[21] А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника. *ГПБ*, ф. 82, ед. хр. 4, л. 47.

[1] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 67.

[2] Рукопись их хранится в *ЦГИА*: ф. 851, оп. 1, ед. хр. 3. (В дальнейшем ссылки на нее даются в тексте).

Как можно заключить на основании письма Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 8 (20) декабря 1882 г., ему все же приходилось заниматься делопроизводством. Почти четыре десятилетия спустя писатель вспомнил к случаю, как он, «служа при Министерстве внутренних дел, переписывая бумагу, влепил какому-то несчастному вору вместо 30 ударов плети — тридцать ударов кнута».[3] В «Записках» Головнина содержится более подробное описание дел такого рода, бывших известными и Тургеневу. Знакомство с ними несомненно обогащало и расширяло его представления о современной ему русской жизни. С этой точки зрения «дела, которые производились в особой канцелярии, были действительно весьма интересны, как, например, разная переписка по преобразованию губернских правлений, по преобразованию земской полиции, по составлению описаний разных раскольнических сект, по комиссии для разбора разного рода мошенников, пойманных в Петербурге». Все эти дела, как свидетельствует Головнин, знакомили его, — а наряду с ним, конечно, и Тургенева, — «с той стороной жизни России и ее администрации, которые были для него вовсе неизвестны» (лл. 49 об.—50).

При этом некоторые обстоятельства производили «грустное впечатление: так, например, пойманные в Петербурге карманные воры и мошенники не передавались суду обыкновенных судебных мест, как бы следовало по закону, но преступления их разбирались в особой комиссии и наказания присуждались административным порядком. Ведомости о решениях комиссии, причем преступления описывались в нескольких строках, представлялись государю Николаю Павловичу на утверждение, и государь, основываясь на этих-то коротких ведомостях, или утверждал приговор комиссии, или весьма часто усиливал наказание. Относительно раскольников и Перовский и Даль отличались отсутствием веротерпимости, склонялись к мерам весьма жестоким и старались придать им ‹т. е. раскольническим сектам› большое политическое значение. Все это было совершенно противно убеждениям Головнина,[4] и он не остановился сказать Далю прямо, что систему, предлагаемую им относительно раскольников, следует назвать *инквизицией*. Далю это было весьма неприятно, и он заставил Головнина два раза повторить это слово, но к чести его должен сказать, что никогда не мстил Головнину за эту выходку» (лл. 50 об.—51 об.).

Мы не располагаем данными об отношении Тургенева к такого рода делам. Можно лишь предположить, что оно было еще более отрицательным, чем у Головнина. Именно это и явилось, в конечном счете, одной из главных причин отставки Тургенева. Но пребывание на службе не осталось для писателя бесследным. Оно отозвалось впоследствии в его творчестве и прежде всего в «Записках охотника», а также в рецензии на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского», опубликованной одновременно с «Хорем и Калинычем». Эта статья явилась прямым результатом не только хорошего знания Тургеневым рассматриваемых им произведений, но и личного знакомства с их автором, непосредственного обще-

[3] *Письма*, т. XIII, кн. 2.
[4] «Записки» велись Головниным в третьем лице.

ния с ним. А оно имело далеко не тот полуанекдотический характер, какой ему придали иные мемуаристы.[5]

Сам Тургенев в автобиографическом конспекте «Мемориал» под 1843 г. записал: «Определяюсь на службу. Даль».[6] Воспоминания Головнина помогают более конкретно представить, что могло скрываться за этой лаконичной записью. Оба они почти одновременно оказались в 1843 г. на службе «в Особенной канцелярии Министерства внутренних дел». «Это, — пишет Головнин, — было вскоре по назначении министром Льва Алексеевича Перовского, во время самой кипучей его деятельности. Особенной канцелярией управлял Вл. Ив. Даль, известный в литературе нашей под псевдонимом Казака Луганского и к которому Перовский имел в то время большое доверие. В Особую канцелярию министр передавал на время из департаментов министерства разного рода дела, которые желал вести под своим личным ближайшим наблюдением по их особенной важности, или по которым желал иметь доклады, записки, отношения, писанные большим знатоком всех тонкостей русского языка, каковым являлся Даль. По этим уже обстоятельствам служба в Особенной канцелярии» была «весьма интересною и приятною» (л. 49—49 об.). «Сверх того, ежедневные разговоры и работы с Далем, который знал превосходно особенность русского языка и разные стороны быта русского народа, были также весьма интересны. В это время всё свободное от службы время Даль употреблял на обработку собранных им богатых материалов для составления изданного им впоследствии Толкового русского словаря и приводил в порядок огромное собрание пословиц и сказок, которые он записал во время жизни в разных концах России. Все эти работы Головнин видел весьма близко, и они внушили ему большое уважение и сочувствие к почтенному труженику» (л. 50—50 об.).

Не может быть сомнения, что об этих занятиях своего начальника знал и другой его подчиненный — Тургенев. Знакомство с ним для составителя Толкового словаря оказалось сущим кладом. По свидетельству того же Головнина, на которое опирался М. И. Семевский в примечании к статье Л. Н. Майкова «Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г.», «самая тесная дружба соединяла» Даля и его подчиненных сослуживцев. Чуть бывало они «освободятся от дела, у них завязывались споры и рассуждения, преимущественно о русском языке».[7] Тургенев и сам впоследствии в письме к Аксаковым от 2 (14) апреля 1853 г. отметил свое довольно частое употребление в разговоре «провинциальных выражений», за что Белинский называл его даже «орловцем, не умеющим говорить по-русски».[8] Едва ли можно сомневаться, что как раз этим-то качеством своего подчиненного Даль больше всего и дорожил. Общение их оказалось не менее полезным и для самого Тургенева, о чем говорит уже хотя бы его обстоятельная статья — рецен-

[5] См., например, воспоминания Н. В. Берга в «Историческом вестнике» (1883, № 11, стр. 371—372).

[6] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 344.

[7] «Русская старина», 1883, № 10, стр. 207.

[8] *Письма*, т. II, стр. 140.

зия на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского». Любое ведомственное дело, проходившее через их руки, они воспринимали также и с точки зрения своих литературных и лингвистических интересов. Так, в связи с разоблачением петербургской шайки карманных воров «Даль составлял в то время небольшой словарь особого условного языка этих мошенников, которых народ называл вообще „мазуриками“» (л. 50 об.).

Головнин пишет, что «в это же время служил в Министерстве внутренних дел редактором журнала министерства третий ‹после Даля и Тургенева› даровитый писатель и замечательный ученый *Ник. Ив. Надеждин*; ум, ученость, начитанность, неистощимое остроумие и неподражаемый талант рассказчика делали его самым приятным собеседником. У него собирались часто по вечерам многие замечательные личности, время бежало совершенно незаметно, и об этих вечерах Головнин сохранил воспоминания самые приятные. У Н. И. Надеждина он встречал двух братьев Ханыковых и двух братьев Милютиных» (л. 75 об.).

Вообще, «служба в Министерстве внутренних дел доставила Головнину знакомство со многими замечательными личностями» (л. 74). Это же можно сказать и о Тургеневе. Оба они встречались или же впервые познакомились там «с несколькими нашими учеными и литераторами» (л. 74 об.), из числа которых вышли впоследствии те, кого можно было отнести к «главным деятелям крестьянской реформы» (л. 76 об.). К этому кругу людей примыкал и сам Головнин, «Записки» которого знакомят нас также «с положением многих помещичьих имений средней полосы России в последние 20 лет существования крепостного права, и потому воспоминания его по этому предмету могут быть не лишены интереса» (л. 28 об.), в том числе и в плане исследования тех конкретных сведений о русской жизни, которые нашли художественное обобщение в «Записках охотника», а еще раньше, как раз в связи с поступлением Тургенева на службу в Министерстве внутренних дел, были предметом его размышлений в реферате «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» (1842). На основании «довольно значительного количества отдельных фактов, собранных ‹...› на опыте и посредством чтения», Тургенев писал о губительной силе крепостного состояния и трудах, которые предстояли ревностному хозяину в виду «утешительных признаков приближения новой эпохи».[9]

Подобно Тургеневу, который накапливал материал для своих рассказов и очерков прежде всего в родных краях, Головнин на опыте своего рязанского имения также видел, «как много средств имели помещики и управляющие употреблять крепостное право во вред крестьян, а именно, при наделе их землею, распределении тягл, назначении повинностей, взыскании оброка, отправлении барщины, требовании подвод, дополнительных сборов, вмешательстве в домашний быт, например в свадьбы, отдаче в ученье мальчиков и девочек, переводе в дворовые, отдаче в рекруты и пр. К этому следует прибавить право ссылать в Сибирь. Во всем этом господствовал полный произвол, и дурные наклонности и страсти нахо-

[9] См.: *Сочинения*, т. I, стр. 459—472.

дили здесь обширное для себя поприще. С другой стороны, надобно сказать, что и крестьяне старались как можно хуже исполнять требования помещика и, конечно, менее всего заботились о его выгоде. Но сверх этого, не имея обеспеченной собственности, они не находили побуждения к труду и для себя и для детей своих» (л. 36—36 об.).

«Таким образом, — делает вывод Головнин, — крепостное право оказывало прямой вред и помещикам и крестьянам в материальном отношении, но еще более оно вредило тем и другим в нравственном отношении: крестьян оно приучало к раболепству, лицемерию, лжи, обману, лени и беспечности, а помещиков к произволу в обращении с людьми, пренебрежению к достоинству человека, к привычке пользоваться чужим трудом и к стремлению извлекать доход не из сил природы посредством собственного умственного труда, а из личности другого. Нельзя было видеть без прискорбия умственный застой и лень в обоих сословиях и без отвращения замашки детей помещиков в обращении с крепостными людьми. Часто случалось, что зло переходило меру и тогда являлись случаи зверского самоуправства.

«Во время пребывания Головнина в разные годы в своем имении были по соседству случаи убийства помещиков крепостными и поджога господских усадеб и гумен с хлебом» (л. 37—37 об.).

В 1860 г. Головнин поделился своими многолетними наблюдениями с Александром II и великим князем Константином Николаевичем «и выразил притом мысль, что необходимо торопиться отменой крепостного права, доколе еще существует и имеет перевес на сходках поколение старых крестьян, знавших прежнюю тяжелую барщину, ибо только при этих людях можно совершить реформу спокойно распоряжениями правительства; если же дождаться, когда эти старики исчезнут и нынешние молодые крестьяне заступят их место, то нетерпение их будет иметь следствием взрывы народного негодования и стремление к свободе и тогда могут последовать повсеместно весьма важные беспорядки, которые вынудят правительство употреблять военную силу и затруднят мирный исход великого дела» (л. 44—44 об.).

Этот вывод Головнина подтверждает типичность той ситуации, которую художественно воспроизвел Тургенев в рассказе «Бурмистр», где Пеночкин вовсе не случайно уловил в реплике «молодого мужика» гораздо более протестующую ноту, чем в жалобах и просьбах его отца — «старика лет шестидесяти». В словах разгневанного помещика — «да это просто бунт» — не было никакого преувеличения. Они отражали вполне реальное положение вещей, которое было понятно каждому здравомыслящему человеку, в том числе и сослуживцу Тургенева по Министерству внутренних дел, а впоследствии министру народного просвещения, автору мемуарных записок «Для немногих» Александру Васильевичу Головнину.

В. А. Громов

ТУРГЕНЕВ И ЕГО ДЯДЯ Н. Н. ТУРГЕНЕВ

История отношений Тургенева с его дядей, который долгое время являлся в его глазах вторым отцом, интересна не только в биографическом плане, как она преимущественно рассматривается в тургеневедческой литературе. Н. Н. Тургенев, человек «старого покроя»,[1] был для писателя типическим представителем дворянских гнезд, живой натурой для его произведений из поместного быта. Жизнь Н. Н. Тургенева, его внешний и внутренний облик получили своеобразное художественное воплощение в системе образов писателя. Тем важнее обобщение высказываний Тургенева о дяде во вновь опубликованных его письмах, обозрение накопленных в печати сведений об этом лице и вовлечение в научный оборот его неопубликованных писем к Тургеневу, содержащих сведения о жизни в Спасском-Лутовинове, планах и намерениях писателя.

Николай Николаевич Тургенев (1795—1881) был младшим братом С. Н. Тургенева, отца писателя. С 1812 г. он начал службу юнкером Кавалергардского полка. За храбрость в Бородинском бою был награжден знаком отличия военного ордена, в 1813 г. был произведен в поручики; в 1814 г. привел свой эскадрон в Париж, где поразил иностранцев своей необычайной физической силой; 16 ноября 1816 г. уволился от службы в чине штабс-ротмистра.[2] После смерти брата в 1834 г. Н. Н. Тургенев управлял имениями В. П. Тургеневой, отвлекаясь от этого дела только службой по выборам (в 1841 г. он был выбран уездным предводителем дворянства по Чернскому уезду Тульской губернии). Веселый и добродушный, он казался в своем пышном белом галстуке, шелковой муаровой жилетке песочного цвета и черной муаровой ермолке человеком 20-х годов.[3] У Н. Н. Тургенева была связь с крестьянкой, от которой он имел дочь Асю, воспитывавшуюся в господском доме, — «очень странное маленькое созданьице»,[4] в какой-то мере послужившее оригиналом для героини «Аси» Тургенева.[5] В 1846 г. Н. Н. Тургенев женился на одной из камеристок В. П. Тургеневой, двадцатитрехлетней Елизавете Семеновне Белокопытовой, и это вызвало разрыв между ним и его невесткой, требовавшей от окружающих, чтобы средоточием всех их интересов была она сама. Однако, по воспоминаниям В. Н. Житовой, Н. Н. Тургенев сохранил чувства «безграничной привязанности и преданности Варваре Петровне, которая так жестоко отвергла его за его новую семейную жизнь».[6] По ее утверждению, Тургенев находил, что дядино «отсутствие в доме матери будет заметно и грустно».[7]

---

[1] *Фет*, ч. I, стр. 249.

[2] А. Голомбиевский. Н. Н. Тургенев. В кн.: Сборник биографий кавалергардов (1801—1826). СПб., 1906, стр. 243—245.

[3] *Фет*, ч. I, стр. 268.

[4] *Письма*, т. I, стр. 390—391, 501—502.

[5] Н. М. Гутьяр. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907, стр. 119—122.

[6] *Житова*, стр. 122.

[7] Там же, стр. 121.

В годы детства и юности Тургенев был очень привязан к дяде, о чем красноречиво говорят письма к нему писателя.[8] В свою очередь, судя по письмам дяди[9] и воспоминаниям Житовой, Иван Сергеевич «был кумиром» для «этого истинно доброго и прекрасного человека <...> Никого не любил он так, как этого племянника».[10] Бывший кавалерист, видимо, увлекал воображение воспитанника рассказами о Бородине, о войне 1812 г., которая потом часто служила исходным историческим моментом или решающей вехой в биографиях персонажей Тургенева (например, для родословной Стахова в «Накануне» и Кирсановых в «Отцах и детях», для славного конца Давыда в «Часах» и проч.). Дядя приучил племянника к верховой езде, вдохновенно описанной впоследствии в рассказе «Конец Чертопханова», и к охоте, способствовавшей поэтическому восприятию Тургеневым окружающей природы и деревенского быта.

В своем лаконичном «Мемориале» — перечне наиболее памятных событий его жизни — писатель неоднократно упоминает о поездках с дядей в деревню в 1835—1845 гг., об охоте с любимыми собаками.[11] Из неопубликованных писем дяди 1838—1844 г., местами уже выцветших и истлевших, мы узнаем некоторые подробности этих увлечений юности и молодости Тургенева, знакомимся с душевным складом корреспондента — одной из самых колоритных фигур Спасского, запечатленной писателем в «Двух поколениях» и «Собственной господской конторе». В письмах дяди 1838—1843 гг. упоминаются и «журнал сколько дичи было принесено по милости <...> *Наполеона*» (т. е. Наполя 2-го — «чюдной собаки»), и партия жеребцов, «кои суть неугомонны», и «серой конь», который «вовсе не езжен».[12]

Увлечение конюшней и охотой сливалось у дяди с примитивной, но искренней любовью к природе и усадебному быту. «10-й день как я в Тургеневе, — писал он 16 мая 1844 г., — время прекрасное, все цветет, поля покрыты изобильно, обещают хороший урожай; лошади все живы, нонешние жеребяты очень хороши, собаки во всей красоте, ищут славно, Офанасей[13] носит разной дичи много, особенно куропаток».[14]

Дядя был также одним из первых воспитателей писателя, причастных косвенно к процессу его обучения, к ходу его духовного развития, к становлению его литературного стиля. В письмах к дяде 1831 г., писавшихся

---

[8] Известно 14 писем И. С. Тургенева к Н. Н. Тургеневу 1831—1867 гг. (*Письма*, тт, I—VI). Не менее 24 не дошедших до нас писем учтено в работе Е. М. Хмелевской об утраченных письмах Тургенева за 1838—1860 гг. (*Тургенев*, Сб., вып. I, стр. 345—378, и вып. II, стр. 339—353).

[9] Сохранилось 33 неопубликованных, за исключением двух отрывков (*Письма*, т. VI, стр. 494, и т. VII, стр. 506), письма Н. Н. Тургенева к И. С. Тургеневу 1838—1867 гг., находящихся в *ГПБ*, *ИРЛИ*, *ЦГАЛИ* и музее «Абрамцево».

[10] *Житова*, стр. 84.

[11] *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 342—344.

[12] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 89, лл. 1, 9, 14 об.

[13] Афанасий Тимофеевич Алифанов — прототип Ермолая из «Записок охотника»; см. о нем: И. Ф. Рында. Черты из жизни И. С. Тургенева. СПб., 1903, стр. 40—44.

[14] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 89, л. 34 об.

предпочтительно в форме дневников (в исполнение совета отца «уметь хорошо не только на словах, но и на письме объясняться по-русски»),[15] Тургенев красочно описывал свои учебные занятия в Москве, перемежая изложение характеристиками учителей, родных и знакомых. Литература уже тогда глубоко проникла в его сознание. Письма пересыпаны цитатами из Державина, Крылова, Жуковского, Пушкина, полны впечатлений от беспорядочного чтения повестей Марлинского, рецензий «Телескопа» и «Телеграфа», речей Мирабо и сочинений Вольтера.

Не без влияния «Писем русского путешественника» Карамзина, над которым в 1840 г. он уже будет иронизировать, Тургенев посылал дяде чувствительные излияния: «... вот уже неделя, как нет мне совершенных радостей — я не получаю ни слова, ни привета, ничего. Ах, дядя, ты это не чувствуешь ‹...› (В сию минуту я прочел твое письмо прошлого года, а мне казалось, что я читаю нынешнее письмо... Мне было так легко, так весело!)». «Как я обрадовался, когда получил твое письмо, милый дядя! Запрыгало у меня от радости сердце. Так я был рад! Ах, дядя, извини, что я тебе вчера так написал усильно: мне так хотелось твоего письма. Ах! если б у меня были крылья, я б полетел туда и прижал бы тебя крепко, крепко к груди, расцеловал бы тебя».[16]

Но ограниченному, мало образованному дяде сложный мир литературных интересов племянника был недоступен. Об этом отчасти говорит приписка дяди к одному из писем юного Тургенева: «Жаль, что дурно пишит. Я с трудом разбираю и трушу отца. Он будит недоволен».[17]

Поддерживая Тургенева в намерении ехать учиться за границу, дядя вместе с матерью смотрел на обучение в Берлинском университете с утилитарной точки зрения, как на путь к свершению служебной карьеры. «Ты отпущен за границу учиться в университете берлинском, достигать предприятия, по возвращении быть магистром и, определясь на службу, быть полезным. Но не путешествовать и не наслаждаться праздной бесполезной жизней»,[18] — наставительно писал он 21 января 1839 г. Дядя усиленно заботился о комильфотности племянника, неоднократно запрашивал его о гардеробе, фраках, носках и прочее: «... снабдил ли ‹...› себя всем, чем надобно после пожара, по беспечности ‹...› немудрено, что и без рубашек»;[19] он беспокоился о выезде, о поддержании светских знакомств. «Пока наживешь собственную лошадь, нанимай в Монеже. Не считай, что будет стоить, как ты пишешь, дорого ‹...› Пожалоста, не отказывай себе в подобных прихотях. Например, я знаю, что ты без приличного знакомства жить не можешь, да и ‹не› должен, а чтоб поддержать знакомство свойственно твоего звания нужен, необходимо иметь экипаж, а не так, как ты пишешь, что покрыл платком шляпу. Сего выражения я простить тебе не могу ‹...› Действуй, хлопочи, копай в небе

---

[15] «Литературная мысль», 1923, т. II, стр. 224.
[16] *Письма*, т. I, стр. 157, 159.
[17] Там же, стр. 517.
[18] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 89, л. 5 об.
[19] Там же, л. 4 об.

дырочку, выдерись и стань твердой ногой на степень твоего достоинства», — заключал он свои назидания в письме от 5 февраля 1843 г.[20]

Но Тургенев оставался безучастным к этим воззваниям. Жажда чинов, успехов в свете, интересы накопления и приумножения достатка, одушевлявшие мать и дядю, были ему чужды и впоследствии привели его к разрыву сначала с матерью, потом с дядей.

Письма дяди, в которых подчеркивалась его «неусыпная деятельность, чтоб привести ‹...› дела в посредственное положение», и превозносилась «нежная мать», которая «терпя скуку и при умеренном здоровьи живет без ропота в Спасском, чего она никогда не могла переносить», а теперь «каждую копейку бережет, говоря, что детям будет нужно»,[21] не могли оправдать в глазах писателя того, что эта эгоистическая любовь покоилась на жестоком притеснении «подданных». На обороте письма дяди с изъявлениями любви к племяннику, для которого будто бы он только и живет, значился проект «благополучного продовольствия людей» с пунктом: «...способ, к которому тоже следует прибегнуть. Конапи ‹конопли, — *Р. З.*› обещают хороший урожай. Для чего устраиваю маслобойни — бить конапи на масло и масло обращать в деньги, а жмыхи в пищу людям».[22]

Недаром мать, учреждая у себя в имении самодержавный порядок, шутила, что старший ее сын — «назначенной наследник ‹...› Царско-Спасского престола», сама она — «регентша», дядя — «главноуправляющий всем вышеписанным зо‹лотым› царством», а Иван Сергеевич — «червонна шапочка, наш *Костюшка*»;[23] недаром упрекал дядя «блудного сына» в холодности к родному гнезду: «...и к чему служат высокие твои философические познания, когда ты вовсе отступил от священных правил, с малолетства тебе внушаемых».[24] «Червонна шапочка» — Тургенев в эти и последующие годы пишет «Несколько замечаний о русском крестьянине и русском хозяйстве» и антикрепостнические рассказы «Записок охотника», используя и в ученой политико-экономической записке и в художественных очерках наблюдения над спасским бытом для изобличения общественных зол.

Проповедь «законности», исключающей «прихоть владельца»,[25] не могла вызвать сочувствие дяди, которого Тургеневу потом все время приходилось побуждать к переводу крестьян на оброк и к полюбовному размежеванию помещичьих и крестьянских земель. В семейной переписке Тургеневых 40-х годов из произведений Ивана Сергеевича упоминается только написанная в старых литературных традициях поэма «Параша», при чтении которой мать, по ее словам, впала в «смертный грех тщеславия», а «старик дядя обкусал себе губы».[26] Но и тут слова поэмы («чудак мрачный») употреблены дядей лишь для практического совета («Пора опомниться и перестать деньгами посыпать, как мелким сахаром по землянике, — ныне

---

[20] Там же, лл. 14 об.—15 об.
[21] Там же, лл. 2, 4.
[22] Там же, № 93, л. 11 об.
[23] Там же, № 116, л. 1 (письмо В. П. Тургеневой к Н. С. Тургеневу ок. 13 октября 1841 г.).
[24] Там же, № 89, л. 16.
[25] *Сочинения*, т. I, стр. 468.
[26] «Русская мысль», 1915, кн. 12, отд. XVIII, стр. 111.

не тот век, чтобы можно было бы кого удивить или достаточно наградить, а ты как *чюдак мрачный* — пора прекратить вести свой денежный расход неудачный»).[27] Естественно, что в письме к О. А. Тургеневой от 25 июля (6 августа) 1855 г. писатель подчеркнул, что он дядю очень любит, но что у них «мало общего».[28]

Духовная отчужденность Тургенева от обитателей Спасского не мешала ему использовать реальные эпизоды их жизни и самые их характеры как «сырой материал для художественных построений», выражаясь его же языком.[29]

Так, среди неосуществленных замыслов цикла «Записок охотника» был намечен «рассказ, писанный с натуры» об отставном солдате, укравшем у матери шкатулку с деньгами и выданном своим же служивым. Вора допрашивал вместе со становым и попом дядя — предводитель дворянства, который то бегал к маменьке, возлежавшей с лекарствами, и, изъясняясь по-французски, просил ее успокоиться и поберечь себя для детей, то «принимался уговаривать преступника возвышенным слогом и тоном благовоспитанного дворянина».[30] Высокопарность речи дяди проглядывает сквозь шутливый тон и в куплете, включенном в письмо Тургенева к Фету о другом «воре», бедном студенте, поэте И. Р. Родионове, уехавшем из Спасского в дядиной шубе и ее не вернувшем:

Родионов, Родионов!
Вар новейшего столетья!
Redde meas legiones!
Возврати чужую шубу! [31]

Возможно, что и тип бывшего предводителя Пехтерьева, участвующего в разбирательстве дела вздорной помещицы Карповой и ее брата («Завтрак у предводителя»), обязан некоторыми чертами «здравомыслу» дяде, частому исполнителю «чужих комиссий».[32]

Как на бесспорно «списанную с действительности» вещь, имеющую характер «подлинных записок или воспоминаний» с «биографическим очерком каждого лица»,[33] в том числе и литературного двойника дяди, указывали современники на роман «Два поколения», в который отлился первоначальный замысел произведения (комедия «Компаньонка»).

В наполовину написанном в 1852—1853 гг. и впоследствии почти полностью уничтоженном романе, развивавшем задолго до «Отцов и детей»

---

[27] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 89, л. 19 об. — Дядя использовал стих «И даже я, чудак довольно мрачный» (*Сочинения*, т. I, стр. 76).

[28] *Письма*, т. II, стр. 302.

[29] «Минувшие годы», 1908. № 8, стр. 69.

[30] *Сочинения*, т. IV, стр. 486.

[31] *Фет*, ч. I, стр. 273; *Письма*, т. IV, стр. 352. (Redde meas legiones! — Верни мои легионы! — лат.).

[32] См. письмо дяди к И. С. Тургеневу от 22 ноября 1841 г. о возне по делу бестолковой «старой ведьмы» В. И. Хитрово: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 89, лл. 8—8 об., 11—11 об.

[33] Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу: «Русское обозрение», 1894, № 10; стр. 482, 484.

и «Дыма» тему столкновения двух мировоззрений — «феодалов» и «плебеев», наиболее удавшимися, по мнению всех читавших роман, были образы самодурки-крепостницы Глафиры Ивановны Гагиной и управляющего ее имениями Василия Васильевича Гагина, оригиналами для которых послужили мать и дядя писателя. С. Т. Аксаков по прочтении рукописи сразу отметил, что первая «не могла быть сочинена», а второй — «истинный тип такого рода по преимуществу русских людей».[34]

По сохранившемуся плану романа[35] и напечатанному из него отрывку «Собственная господская контора»[36] ясно видно, что́ унаследовал Василий Васильевич Гагин от своего прообраза. Подобно Н. Н. Тургеневу, он отставной штабс-ротмистр, но двоюродный брат покойного мужа помещицы, Петра Гагина (Петром звали и отца в автобиографической «Первой любви»). Василий Васильевич — единственный друг и главный распорядитель дел жестокой и деспотичной барыни, перед которой трепещет не только ее контора, но теряется и ощупывает на груди крест и он сам; «самым преданным другом и братом» невестки считал себя и Н. Н. Тургенев, искренне к ней привязанный,[37] несмотря на ее досадливые заявления, что она «могла бы не иметь деверя, живущего в доме и управляющего всем».[38] Как и «главноуправляющий» Н. Н. Тургенев, по установленному Варварой Петровной «порядку» державший ответ с утра в «собственной барыниной конторе», Василий Васильевич, не успев насладиться утренним чаем, грозно призывается в контору, где Гагина чинит суд и расправу над беззащитными «подданными» и злобится, что исполняются его приказания, а не ее капризы. Стремление Гагиной доказать Василию Васильевичу, что она может все «сама, сама, сама», напоминает положение в Спасском: по воспоминаниям В. Колонтаевой, Н. Н. Тургенев был «главным лицом в доме», управляя имениями и заведуя всеми делами, но «полновластным хозяином не был, потому что все делалось по собственной инициативе Варвары Петровны и более важные вопросы решались ею самой».[39] Подобно Н. Н. Тургеневу, женившемуся на камеристке Варвары Петровны и сразу впавшему в немилость, Василий Васильевич «безмолвно влюбляется в Елизавету Михайловну», лектрису помещицы (в плане «Компаньонки» она Баум, здесь — Богданова, образованная русская девушка с твердым умом и характером). Василий Васильевич изгоняется в другую деревню, при прощании с компаньонкой «плачет и целует ее руку», что тоже напоминает Н. Н. Тургенева, добродушного и в то же время чувствительного, способного проливать слезы человека. Обратно Глафира Ивановна призывает Василия Василье-

---

[34] Там же, стр. 482.

[35] *Сочинения*, т. VI, стр. 379—388.

[36] Там же, стр. 7—17. — На стр. 496—501, 594—605 см. комментарий Л. И. Назаровой к «Собственной господской конторе» и к плану романа «Два поколения». См. также: А. Мазон. Работа Тургенева над романом «Два поколения». *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 39—44; Л. Н. Назарова. О романе «Два поколения». Там же, стр. 52—58.

[37] *Житова*, стр. 85.

[38] *Сочинения*, т. VI, стр. 500.

[39] В. Колонтаева. Вспоминания о селе Спасском. «Исторический вестник», 1885, № 10, стр. 46.

вича, когда «приходит в негодование против сына», тоже влюбившегося в лектрису, которую барыня собирается «со временем удалить», но которая покидает ее сама.

В этой ситуации отражены и сведены воедино история женитьбы брата писателя, Н. С. Тургенева, на камеристке матери А. Я. Шварц и история женитьбы дяди на другой компаньонке, Елизавете Белокопытовой, имя которой Тургенев присвоил своей героине. Что касается облика лектрисы, то в нем скорее всего отразились черты г-жи Риттер, надзирательницы, взятой Варварой Петровной в московский дом. По воспоминаниям Колонтаевой, это была «очень представительной наружности, высокая, полная и хотя уже немолодая, но очень красивая девица», державшая себя с большим достоинством и вскоре рассчитанная не взлюбившей ее за это госпожой.[40] Что касается недалекой Е. С. Белокопытовой (по мемуарам Фета, Боткин считал сестер Белокопытовых глупыми) и А. Я. Шварц, которую Тургенев находил чудовищно безобразной, жестокой и крайне развратной[41] (что подтверждается воспоминаниями Фета о ее безнравственности и Ф. И. Бизюкина о жестокости «зажиги», по приказу которой крестьян «парили» розгами на конюшне, ссылали в Сибирь и ставили без зачета «под красную шапку»),[42] то вряд ли они могли служить прообразами обаятельной лектрисы.

Дом матери, «при ее болезненном состоянии и при живом ее коракгере» (слова дяди),[43] доставлял богатый материал для наблюдений, использованных в романе. Хозяйственные хлопоты перемежались с приемами гостей, из которых наиболее близкими были доктор А. Е. Берс (прототип доктора Арсения Семеныча Шанского в романе), Авдотья Ивановна Лагривая, муж которой находился у нее «под башмаком»[44] (прообразы Авдотьи Кузьминишны и Сергея Авдеича (Авдотьича) Стяжкиных в романе). Строгости в доме не исключали любовных историй, отзвуки которых находятся и в письмах дяди. Так, на обороте письма от 21 января 1839 г. гувернантка Вареньки Богданович-Лутовиновой (впоследствии Житовой) Л. А. Сорокина распространялась о любви «по свободному выбору», а мать приписала: «Plus folli que jamais ‹Более помешана, чем когда-либо, — *франц.*›, непременно сошлю».[45] Этот живой быт, отраженный в романе, и придавал ему, по словам П. В. Анненкова, «живое трепетанье жизни».[46]

Однако при близости биографий реальных лиц и внушенных ими литературных образов, среди которых Василий Васильевич занимает одно из центральных мест, персонажи романа получили свою художественно объективную жизнь, освещенную совершенно новым светом. Писатель не копировал, но творил — и любовно-бытовым историям Спасского, в действитель-

---

[40] Там же, стр. 60.

[41] *Фет*, ч. I, стр. 271—272.

[42] Ф. И. Бизюкин. Признательный мальчик (быль). Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И. С. Тургеневе. М., 1885, стр. 33.

[43] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 89, л. 2.

[44] Л. Я. и Б. В. Богдановы. Родной край в произведениях И. С. Тургенева. М., 1959, стр. 7.

[45] *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 89, л. 6 об.

[46] «Русское обозрение», 1894, № 10, стр. 497.

ности заурядным, придавал социально-общественное звучание. В противопоставлении бедной интеллигентки-лектрисы самовластной крепостнице, в гордом отказе девушки после смерти помещицы выйти замуж за ее сына Тургенев воплощал протест новых сил против ветшающей дворянской кастовости.

Во вскоре написанном романе «Рудин», в котором отчасти трансформировались материалы «Двух поколений», чин Н. Н. Тургенева и его положение распорядителя в имении родственницы были присвоены Волынцеву. Жизнь Спасского и отношения Тургенева с дядей отражались и в дальнейшем в творчестве писателя.

После смерти матери Тургенев особенно близко сошелся с дядей в связи с получением на руки большого хозяйства — наследства в Орловской, Тульской, Калужской и Тамбовской губерниях: 1925 душ мужского пола в имениях с 5500 десятин хорошей земли. В 1851 г. он отпустил на волю дворовых, перевел с барщины на оброк всех крестьян, пожелавших этого, и поручил управление имениями Н. Н. Тютчеву. Собираясь возвратиться из деревенской ссылки в Петербург, Тургенев в ноябре 1853 г., как он объяснял П. В. Анненкову и С. Т. Аксакову, «в сознании своей собственной совершенной неспособности» «призвал на помощь дядю ‹...›, который при покойнице-матушке лет двадцать этим занимался».[47] «В денежных и хозяйственных делах Иван Сергеевич положительно ничего не смыслит, — комментировал этот поступок В. П. Боткин, — и, что еще хуже, они в его понятиях отражаются совершенно фантастически; вообще на его суждения *фантазия* имеет преобладающее влияние. Это существенный порок относительно практической жизни и деловых отношений, но, с другой стороны, этот порок есть главное условие его таланта».[48]

Дядя получил от Тургенева полное обеспечение — 2000 руб. в год, а в июле 1856 г. еще и два векселя на 10 500 руб. на случай смерти племянника — и «жил барином» в Спасском с женой, свояченицей и двумя дочерьми, управляя своим небольшим имением Юшково Карачевского уезда заглазно. Себе писатель скромно выговорил 3600 руб. в год, а при получении литературных гонораров уменьшая вначале и эту сумму. По милости дяди он часто испытывал нужду в деньгах и даже попадал в безвыходное положение. Дядя, по определению Боткина, дела «вел весьма плохо и беспорядочно, потому что он стар, медлителен и ленив».[49] По позднейшему подсчету Тургенева в письмах к Фету и И. П. Борисову, писатель в течение 1856—1867 гг., при возросшей нужде в деньгах в связи с постройкой дома в Бадене и расходами на приданое дочери, получал не более 5500 руб. в год, в то время как брат с равной почти доли имел до 20 000 руб. в год.[50]

Письма Тургенева к друзьям, начиная с 1857 г., полны жалоб на дядю, который «управляет скверно и разоряет мужиков».[51] «До меня уже не впер-

---

[47] *Письма*, т. II, стр. 198, 205.
[48] *Фет*, ч. II, стр. 113.
[49] Там же, стр. 118.
[50] *Письма*, т. VI, стр. 216, 277.
[51] Там же, т. III, стр. 172.

вые доходят слухи, что дядя мой не так управляет моим имением, как бы следовало, — писал Тургенев Л. Н. Толстому из Рима 25 ноября (7 декабря) 1857 г. — Что ж мне было делать? Сам я не умел с этим сладить — сделал все, что мог, т. е. назначил себе небольшую сумму на годовой прожиток 3600 руб. сер. Зато я решился посвятить весь будущий год на окончательную разделку с крестьянами; хоть всё им отдам, а перестану быть „барином“».[52]

С лета 1858 г. по лето 1861 г. Тургенев присутствовал, по его выражению, «при медлительном устроении нового быта»,[53] попросив дядю и Д. Я. Колбасина «подготовить все нужные описи, реестры, планы» и дав инструкции в двух словах: «я готов на все жертвы».[54] По рассказу Фета, заехав с ним летом 1858 г. в имение Топки, куда перенесено «действие романа „Дворянское гнездо“» (приезд в деревню Лаврецкого, устраивавшего быт своих крестьян), Тургенев, выслушав просьбу о прибавке тягольной земли, кончил дело «раздачею всей барской земли крестьянам». При этом Фет не преминул добавить: «Само собой разумеется, что дело это оставалось на этом основании до отъезда Ив. Серг. за границу и приезда Ник. Ник. Тургенева в Топки».[55]

Самовольно поступал Н. Н. Тургенев не только с Топками. При межевании крестьянских земель и в подготовке их к выкупу он поступал вразрез с намерениями Тургенева, с виду соглашаясь с его волей и в то же время не выполняя ее. Несмотря на то, что еще в октябре 1859 г. Тургенев с удовлетворением сообщал И. С. Аксакову, что с помощью дяди он «с крестьянами <...> почти везде благополучно размежевался (оставив, разумеется, старое количество земли), переселил их (с их согласия) — и с нынешней зимы они все поступают на оброк»,[56] Тургенев еще и в 1863—1864 гг. выговаривал дяде, получившему доверенность на юридическое оформление, согласно уставным грамотам, отношений Тургенева с его крестьянами, что он не довел дело до конца и не приготовил их переход на новое положение.[57]

По воспоминаниям Бизюкина, Н. Н. Тургенев, управлявший имениями «для увеличения своих средств», разверстывал крестьянские земли от господских и переселял крестьян с ущемлением их интересов, занял их усадьбы, выгоны и конопляники барскими посевами, произвел повальную корчевку леса Чаплыгина, уничтожив пасеки и почти все скотоводство.[58]

Каким злостным самоуправством являлись действия дяди и в каком противоречии они находились с гуманным отношением к крепостным Тургенева, установившего надел на душу в $3^1/_2$ десятины, уступившего $^1/_5$ часть

---

[52] Там же, стр. 170—171.
[53] Там же, т. IV, стр. 260.
[54] Там же, т. III, стр. 215.
[55] *Фет*, ч. I, стр. 277—278.
[56] *Письма*, т. III, стр. 357.
[57] См. доверенность от 3 (15) февраля 1862 г. и письма от 3 (15) сентября 1863 г. и от 25 октября (6 ноября) 1864 г.: *Письма*, т. IV, стр. 396, и т. V, стр. 153, 294.
[58] Ф. И. Бизюкин. Признательный мальчик (быль), стр. 34, 35, 40—41.

выкупа, подарившего всю усадебную землю в главном имении и 20 десятин леса,[59] — об этом красноречиво свидетельствуют признания самого дяди в неопубликованном письме от 18 (30) мая 1867 г.:

«Впоследствии времени, для личного твоего распоряжения были в Спасское собраны с многих деревень крестьяне близь терасы твоего дома, где ты объявил им следующее распоряжение и передал мне для немедленного исполнения. — 1) Обротясь к крестьянам произнес следующие слова: „Освобождаю я вас от всех обязательных отношений согласно Местного Положения с пожертвованием $^1/_5$-й доли доплатной выкупной суммы и сверх того уступаю безвозмездно всю усадьбу, огороды и канопляники".

«Крестьяне, выслушав милостивое твое награждение, заявили свою благодарность, — и не замедлили требовать от меня о немедленном исполнении твоего распоряжения.

2) Сим пожертвованием сполна воспользовались лишь одни крестьяне, те кои лично присутствовали. — Именно:

1е) Крестьяне села Спасского — 6.025 руб. 82 коп.
2е) » села Ситова — 3.000 руб.
3е) » деревни Любовши — 5.096 руб. 66$^1/_2$ коп.
и 4е) Крестьяне деревни Кальны — 901 руб. 63 ‹коп.›
Итого всей суммы безвозмездно тобой пожертвовано
15.024 руб. 11$^1/_2$ к‹оп.›».[60]

Недовольный щедростью племянника, дядя при межевании прирезал в перечисленных селах и деревнях к барскому клину «всей особо отмеженованной земли» по своему «ходатовству» 3538 дес. 921 саж., с других же деревень, вопреки обещанию Тургенева уступить $^1/_5$ часть выкупа, собрал неположенные 16 375 руб. 23 коп.[61]

Дядя долго еще держал имение «в путанице крепостного уже умершего права», не представляя, к изумлению и прискорбию доверителя, большую их часть к выкупу с уступкой пятой части.[62] По словам Тургенева, дядю «новейшие усовершенствования крестьянского быта взвинтили ‹...› до какой-то отчаянной иронии»; он слал каждые три недели «послания, исполненные Иеремиина плача — чрезвычайно не по вкусу ему новый порядок вещей, который пока выражается в том, что мужички оброку не платят», «тащут с господ все, что могут: хлеб, лес, скот и т. д.».[63] Не давая «отчета о действиях и ходе пресловутой фермы»,[64] Н. Н. Тургенев жаловался Фету: «Сокрушает меня Иван ‹...› все толкует, что мало доходу, а вы сами теперь знаете, какие в настоящее время доходы с трехрублевой рожью и вольнонаемным хозяйством, на которое необходимо истратить значительный капитал, чтобы пустить его в ход».[65]

---

[59] Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. «Нива», 1884, № 8, стр. 186; И. Ф. Рында. Черты из жизни И. С. Тургенева, стр. 27.
[60] *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 127, лл. 16 об.—17.
[61] Там же, л. 17 об.
[62] *Письма*, т. V, стр. 153, 321.
[63] Там же, т. IV, стр. 169, 352; и т. III, стр. 357.
[64] Там же, т. VI, стр. 107.
[65] *Фет*, ч. II, стр. 53.

Трудное и медленное устройство нового быта, перипетии которого, благодаря собственной «тоскливой неспособности»[66] к хозяйству и противодействию дяди, были очень чувствительны для Тургенева, отразились в создававшихся в 60-е годы «Отцах и детях» и «Дыме». Впечатления Тургенева сказались в толках Николая Петровича Кирсанова о преобразованиях и в его деятельности: «крестьян устроил, ферму завел», так что его «во всей губернии *красным* величают», а ретрограды, ругающие «евту *мун*ципацию»,[67] осуждают. И сама ферма в Марьине, с безотрадными, бестолковыми хлопотами, возраставшими с каждым днем, с невыносимой возней с наемными работниками, небрежно исполнявшимися работами, обленившимся управляющим, очевидно, описана по образу и подобию «пресловутой фермы» Петровского, где велось все хозяйство Спасского. Лаконичная фраза: «Посаженные на оброк мужики не взносили денег в срок, крали лес»,[68] — звучит как цитата из писем Тургенева этого времени.

Поднимая в «Дыме» злободневные вопросы русской жизни и характеризуя «невеселое дело хозяйничанья» в России, Тургенев насытил изложение автобиографическими деталями — своим отношением к дяде и порученному ему хозяйству, придавая жизненную убедительность размышлениям и чувствам своих персонажей. Так, Литвинов «понимал, что имение его матери, плохо и вяло управляемое его одряхлевшим отцом, не давало и десятой доли тех доходов, которые могло бы давать, и что в опытных и знающих руках оно превратилось бы в золотое дно»; он собирается «на родину, куда с отчаянными заклинаниями и мольбами в каждом письме звал его отец, совершенно сбитый с толку эманципацией, разверстанием угодий, выкупными сделками, новыми порядками, одним словом», и славший ему «свои обычные жалобы», уверяя, «что люди вышли вовсе из повиновения и что, вероятно, скоро наступит конец света».[69] Экземпляр «Дыма» был послан Тургеневым дяде.

Испытывая постоянное беспокойство о состоянии своего хозяйства и справедливо считая, что дядя, которому уже было под семьдесят, стареет и путает его дела и что поэтому его должен заменить «молодой человек, честный и дельный», Тургенев к концу 1866 г. приискал с помощью П. В. Анненкова нового управляющего, Н. А. Кишинского.

Всячески стараясь «ослабить неизбежный удар, обеспечить и упрочить его будущность», Тургенев назначил Н. Н. Тургеневу пенсию 800 руб. в год и 3000 руб. единовременно при выходе замуж младшей дочери, «предоставил дяде право отобрать всех ему угодных лошадей, коров и т. д.», и «для окончательного прекращения <...> деревенских дрязг» поместил «изъявление благодарности» в «Московских ведомостях».[70] Н. А. Кишинскому, исполнявшему предписание Тургенева «внести свет в этот хаос и мрак, который назывался моим хозяйством», было велено принять дела, «не требуя никаких отчетов».[71]

---

[66] Там же, стр. 116.
[67] *Сочинения*, т. VIII, стр. 239, 399.
[68] Там же, стр. 337.
[69] Там же, т. IX, стр. 149, 177.
[70] *Письма*, т. VI, стр. 195—196, 234, 243—244.
[71] Там же, т. VI, стр. 190, 238.

Тем не менее вышла шумная и неприятная для Тургенева история, получившая широкую огласку.[72] Огорченный старик, по словам Фета, начинал «громко рыдать каждый раз, когда он касался в речах грозящей ему сдачи управления не лично Ивану».[73]

Но слезно и, по-видимому, искренно умоляя «сокровище, с колыбели <...> возлелеянное» им, отпустить его с миром, приняв «лично свое именье»,[74] «патриархальный старец» кончил тем, что, не поставив в известность племянника, подал ко взысканию безденежные его векселя. К 10 500 руб. (из которых 800 были уже оплачены) дядя добавил оказавшийся у него вексель Е. Т. Сливицкой на 4500 руб., по утверждению Тургенева, давно погашенный. Однако «злополучной старец» требовал не только все 15 000 руб., но и проценты с них, а также предъявил претензию на 6200 руб. «детских денег», т. е. капитал его детей, будто бы затраченный при переводе хозяйства на вольнонаемный труд. Сумма доходила до 28 000 руб., и на Спасское было наложено запрещение.[75] Имение и без того было под опекой из-за возмутившей Тургенева неуплаты дядей ничтожного взноса в Московский опекунский совет (это при том обстоятельстве, что доходных денег было послано Тургеневу более чем за год всего только 2000 руб., а 2500 руб. дядя забрал вперед).[76] Любимому приюту Тургенева в России грозила продажа с аукциона.

Пытаясь выйти из этого критического положения, писатель предложил дяде, из управляющего вдруг превратившегося в кредитора, свое имение Холодово, оценивавшееся в 20 000 руб., но Н. Н. Тургенев, поднятый, по словам Боткина, «женским отделением <...> на дыбы»,[77] не согласился на это. От постигшего его бедствия, которое Тургенев рассматривал как «катастрофу», он избавился лишь, продав свой дом в Бадене, с такой любовью им построенный, и заняв деньги, не достающие до 20 000 руб. (на эту сумму с трудом согласился дядя), у И. П. Борисова.[78] «Как замучило меня это безобразное дело и как я наказан за свою доверчивость», — писал Тургенев Борисову 3 (15) февраля 1868 г.[79]

Отвалив себе «куш порядочный», дядя уехал, оставив 13 500 руб. дефициту.[80] По образному рассказу Тургенева брату в письме от 16 (28) июля 1868 г., дядя разорил его на 36 500 руб. «деньгами, скотом, экипажами, мебелью и вещами», оставив 5000 руб. долгу, так что писатель «уподоблялся зайцу на угонках; высунуть носа в сад не мог, чтобы <...> из-за деревьев,

---

[72] В «Спасском вопросе» Фет был на стороне дяди, И. П. Борисов и Боткин — на стороне Тургенева; Толстой и Анненков отзывались о споре уклончиво. В точности дело знали немногие: сумму по векселям Боткин исчислял в 10 500 руб., Фет — в 20 000 руб., Анненков и Григорович — в 50 000 руб.

[73] *Фет*, ч. II, стр. 110.

[74] *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 127, лл. 1, 3.

[75] Письма, т. VI, стр. 276, 284—285, 291, 314—315 и т. VII, стр. 18, 31—34, 55—57.

[76] Там же, т. VI, стр. 107, 240.

[77] *Фет*, ч. II, стр. 114.

[78] *Письма*, т. VII, стр. 18, 31—34, 56, 75, 84.

[79] Там же, стр. 50.

[80] Там же, т. VI, стр. 238, 240.

из-под кустов, чуть не из земли — ‹не› бросались, ‹не› нападали дворовые, мужики, мещане, отставные солдаты, девки, бабы, слепые, хромые, соседние помещики и помещицы, попы, дьячки, свои и чужие — и все шершавые от голоду, с разинутыми ртами, как галчата, кувыркаясь в ноги, сиплым голосом кричали: „Батюшка И‹ван› С‹ергеевич›! Спасите... спасите, помираем!“».[81]

Эти гнетущие впечатления от Спасского сливались с безотрадными раздумьями о бедности России, где «не видать ни одного нового строения, за исключением кабаков, — лошади, коровы — мертвые, люди — испитые ‹...› — бессилие, вялость и невылазная грязь и бедность везде».[82]

В поступке дяди Тургенева больше взволновала психологическая сторона, нежели материальный ущерб, потеря времени и покоя. «Мог ли я это ожидать от человека, который... Ну да что говорить. *Тот* дядя для меня умер, а теперешний — это какой-то чужой, жадный грабитель — и больше ничего», — признавался он брату в письме от 6 (18) февраля 1868 г.[83]

В творческом воображении писателя письма дяди превращаются в «отличный материал для лица „степного Тартюфа“, который так или иначе — а уж угодит в одну из ‹...› повестей».[84] 26 июля (7 августа) 1867 г. он пишет Фету, что получил «понятие о новом интересном типе степного Тартюфа, „злополучного страдальца“ — грабителя».[85] 6 (18) февраля 1868 г. Тургенев снова возвращается к этому замыслу в письме к Борисову, со слов которого, видимо, представлял себе сцену расчета: «Ну! наконец разделался я с этим изолгавшимся, фальшивым и дрянным патриархом-ростовщиком! Дорогонько мне это стало ‹...› Воображаю себе всю сцену! Зато есть черты превосходные: блюдечко с водой для счету ассигнаций и боязнь рака на губе — это перлы в своем роде! Выходит, что я не совсем в накладе: я из моей передряги с Ник. Ник. извлек ту выгоду, что имел случай изучить тип степного седовласого Тартюфа, которым, быть может, поделюсь с читателями, для их потехи и назидания».[86]

Замысел, однако, остался неосуществленным. Вскоре после этой истории Н. Н. Тургенев впал в детство и любимым его занятием стало разрезывание бумаги на ленты. В начале 1872 г. он ослеп и был помещен в больницу. В 1874 г. скончалась его жена, растратив все деньги, которые он получил от И. С. Тургенева, и старик остался у себя в деревне слепой, больной и одинокий.

Новые чувства наполнили ум и сердце писателя-гуманиста. «Картина Н. Н. Тургенева, слепого, в больнице, возбудила во мне жалость... все-таки я глубоко любил его — и не могу я не дорожить *этим* прошедшим. Я непременно посещу его — да и ты, брат, мог бы то же сделать, вспомнив, что мы, все люди, — жалкие, слабые, на смерть осужденные существа. „Сегодня — тот, завтра — я“ — как же не сострадать своему ближнему — и кто

---

[81] Там же, т. VII, стр. 195.
[82] Там же.
[83] Там же, стр. 57.
[84] Там же, стр. 60.
[85] Там же, т. VI, стр. 291.
[86] Там же, т. VII, стр. 85.

из нас безгрешен, кто имеет право строго судить другого?» [87] — делился он с братом в письме от 23 марта (4 апреля) 1872 г. своими ощущениями перед лицом угасания и близкой смерти, волновавшими его творческое воображение.

Получив от брата в начале 1878 г. ложное известие о смерти дяди, писатель скорбел, «вспомнив прошедшее — особенно давно прошедшее».[88] В ответ на приглашение А. С. Белокопытовой посетить Юшково он писал 23 августа (4 сентября) 1878 г. о дяде: «...все прошедшее, кроме хорошего, давно исчезло и схоронено».[89] Вскоре (видимо, в конце августа 1878 г.) Тургенев навестил старика, чрезвычайно обрадовавшегося примирительному свиданию.[90]

Н. Н. Тургенев умер в 1881 г. на 86-м году жизни.

Р. Б. Заборова

ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕ ТУРГЕНЕВА К НЕКРАСОВУ (К ИСТОРИИ РАЗРЫВА ТУРГЕНЕВА С «СОВРЕМЕННИКОМ»)

Среди писем Тургенева 1858 г. в новом академическом издании напечатано не имеющее авторской датировки письмо к Некрасову,[1] связанное с публикацией в «Современнике» статьи Добролюбова «Письмо из провинции».[2] В этой статье критик высмеял как одну из иллюзий либеральной «гласности» и «обличительства» протест ряда общественных деятелей против нечистоплотных приемов журнала «Иллюстрация» в полемике с либеральными критиками по вопросу о гражданских правах евреев.[3] Этот протест был подписан также Тургеневым и Чернышевским.

Как уже установлено,[4] первоначально статья Добролюбова под названием «Нечто о литературном протесте» предназначалась к опубликованию не в январской книжке «Современника» 1859 г., а в декабрьской 1858 г., и в виде самостоятельной статьи для отдела «Современные заметки», а не в составе «Свистка» (№ 1).

Сопоставление части первоначальной редакции статьи Добролюбова [5] с письмом Тургенева к Некрасову, о котором идет речь, показывает, что в своем письме Тургенев, протестуя против публикации этой статьи, обращал внимание Некрасова и на некоторые конкретные, особенно коробившие его места. Так, говоря о том, что «доказать необдуманность ‹...›, вред протеста можно и даже должно — но без ‹...› „зубодробительных“

---

[87] Там же, т. IX, стр. 250.
[88] Там же, т. XII, кн. 1, стр. 258.
[89] Там же, т. XII, кн. 1, стр. 349.
[90] *Фет*, ч. II, стр. 357.
[1] *Письма*, т. III, стр. 258.
[2] *Добролюбов*, т. 7, стр. 322—335.
[3] См. об этом: там же, стр. 583; *Письма*, т. III, стр. 583—584.
[4] *Добролюбов*, *Полное собрание сочинений*, т. 6, стр. 702.
[5] Там же, стр. 659—664.

и других ударов», Тургенев несомненно имел в виду определенный отрывок текста первоначальной редакции: «Один из наших знакомых, практический человек, утверждал, что бывают трех родов удары: „искросыпительные, зубодробительные и скуловоротные“»[6] и т. д. — до слов «до сих пор они не показали особенной проницательности».[7]

В печатном тексте «Письма из провинции» этого отрывка уже нет. Факт этот свидетельствует, как нам представляется, о том, что статья Добролюбова была напечатана не «несмотря на возражения Тургенева», как утверждают комментаторы письма Тургенева к Некрасову,[8] а с учетом некоторых из них во всяком случае.

Сравнительное изучение сохранившихся первоначальных текстов статьи «Нечто о литературном протесте» с подписанной цензором корректурой «Письма из провинции»[9] заставляет предполагать, что и сам факт переработки статьи «Нечто о литературном протесте», хотя она и не привела к смягчению первоначального текста, связан был в известной мере с письмом Тургенева к Некрасову.

Если учесть, что протесты дважды подписали среди других не только Тургенев, но даже и один из редакторов «Современника» — Чернышевский, то станет ясно, что и у Некрасова, возможно даже в связи с письмом Тургенева, возникла мысль, что в тот момент действительно не очень удобно было выступать с этой статьей как бы от имени редакции журнала.

Только в корректуре «Письма из провинции» среди журналов, заговоривших об «Иллюстрации», назван был и «Современник» (л. 4; ср. стр. 659).[10] Вместе с тем здесь же появляются впервые и строки, обращенные к редактору «Современника»: «Посылаю его к вам, — пишет автор «Письма из провинции», — потому что вы *не так много, как другие, выказали азарта в этом деле*» (л. 4; ср. стр. 660).[11] Кроме того, после слов о том, что достаточно было «простого указания» на «действительно гнусную», «глупо-наглую фразу» из «Иллюстрации», содержащую обвинение Чацкина в том, что он подкуплен, в корректуре же появились и отсутствовавшие в статье «Нечто о литературном протесте» слова: «Вы в „Современнике“ почти так и сделали; но вы уж и это сделали напрасно» (л. 5; ср. стр. 662).

Подчеркнутые нами слова имеют, вне всякого сомнения, в виду заметку «Известие», появившуюся в том номере «Современника»,[12] для

[6] Ср. известные строки написанной в 1865 г. и опубликованной лишь в 1870 г. пятой главы первой части поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

[7] *Добролюбов, Полное собрание сочинений*, т. 6, стр. 663.

[8] *Письма*, т. III, стр. 584.

[9] *ЦГАЛИ*, ф. 1, оп. 1, ед. 366, лл. 3—5 (в дальнейшем ссылки на листы этой корректуры даются в тексте).

[10] Здесь и далее текст корректурных листов, совпадающий с печатным, сравнивается с первоначальным текстом издания: *Добролюбов, Полное собрание сочинений*, т. 6.

[11] Курсив наш, — *М. Б.* — Отмечая, что протесты появились почти везде, за исключением «Современника», М. А. Антонович в своем рассказе об этом эпизоде приводит эти слова из статьи Добролюбова (в сб.: Шестидесятые годы, М., 1933, стр. 63).

[12] *Добролюбов*, т. 3, стр. 471 и 539.

которого первоначально предназначалась оставшаяся не напечатанной статья «Нечто о литературном протесте» (1858, № 12). В ней вместо изложения «происшествия», вызвавшего многочисленные протесты в печати, приведена сама эта «глупо-наглая» фраза из «Иллюстрации» (№ 43) и затем сказано лишь: «Передаем этот факт без всяких пояснений, которые считаем в этом случае излишними и даже унизительными для нравственного чувства как своего собственного, так и наших читателей, не нуждающихся, конечно, ни в каких возгласах для оценки подобных явлений. Впрочем, многие уважаемые литераторы и ученые торжественно протестовали уже против „Иллюстрации“ в „СПб. ведомостях“, „Русском вестнике“ и „Московских ведомостях“».

Сопоставление характера этой небольшой заметки (половина журнальной страницы), тона ее со словами из письма Тургенева к Некрасову, что «о таком деле можно писать кратко, сухо и официально», делает, как нам представляется, возможным предположение, что письмо Тургенева могло в какой-то мере подсказать Некрасову, как выйти из этого во многих отношениях затруднительного положения. Возможно, что в этой ситуации и возник план, обсуждавшийся, быть может, и с Чернышевским,[13]— статью, против публикации которой так решительно протестовал Тургенев, в тот момент и в той редакции не печатать, с тем, однако, чтобы позднее дать возможность Добролюбову поместить ее, несколько видоизмененную и с другим названием, не в самом журнале, а в сатирическом приложении к нему, выразив пока отношение к шумихе с протестами в сухой коротенькой заметке «Известие».

Такое предположение влечет за собой и уточнение датировки названного письма Тургенева к Некрасову. Если письмо имеет в виду первоначальную редакцию статьи Добролюбова «Нечто о литературном протесте» и написано до того, как в двенадцатом номере журнала появилась заметка «Известие», то датировать его следует не вообще декабрем 1858 г.,[14] а точнее: до 13 декабря 1858 г. (последняя дата цензурного разрешения этого номера).

Интересно, однако, что сами строки об «искросыпительных» ударах, вызвавшие протест Тургенева, есть и в корректуре первого номера «Свистка», подписанной цензором Мацкевичем 18 января 1859 г. Следовательно, исключение этого отрывка, бесспорно связанное с письмом Тургенева к Некрасову, произведено было уже после подписания текста «Письма из провинции» цензором в печать, т. е. при чтении т. н. редакторской корректуры.

Тогда же были сделаны и некоторые другие поправки, связанные, возможно, с чтением Тургенева: исключено, что писатель не только выразил свое отношение к статье в целом в письме к Некрасову, но и делал в процессе чтения какие-то пометы. Возможно также, что к вопросу о публикации статьи, об уточнениях в ней Некрасов возвращался и в разговорах с Тургеневым.

Во всяком случае вряд ли Добролюбов, Некрасов или Чернышевский,

---

[13] *Письма*, т. III, стр. 584.
[14] Там же, стр. 583.

а не сам Тургенев обратил внимание на то место статьи, где критик, говоря о рассказе Тургенева «Чертопханов и Недопюскин», замечает, что самолюбие Недопюскина «не могло оскорбиться заступничеством Чертопханова», — так это место читалось в первоначальном тексте (стр. 664). В тексте корректуры «Письма из провинции» (л. 5): «нимало не оскорбится», а в окончательном тексте в соответствии с текстом рассказа Тургенева речь идет о том, что самолюбие Недопюскина «нимало не оскорбилось заступничеством Чертопханова» [15] (ср. в тексте рассказа: «Неограниченная благодарность Недопюскина скоро перешла в подобострастное благоговение»).[16]

Предположение наше о том, что сам автор расказа, о котором говорит в своей статье Добролюбов, заметил некоторую неточность в изложении его, подтверждается в какой-то мере и тем, что эта поправка нисколько не уточняла мысль Добролюбова, не влияла на смысл этой реминисценции из рассказа Тургенева.

Интересно также, например, в этой связи и то, что из перечня «протестантов», подтверждающего, что, как замечает Добролюбов, в принятии «некоторых понятий нравственных» «сходятся люди всех партий и направлений», была на самом последнем этапе исключена фамилия Анненкова. Это место, известное нам до сих пор только по печатному тексту, в корректуре, подписанной цензором, читалось еще так: «...г. Кавелин с гг. Никитою Крыловым, С. Шевыревым и В. Лешковым, г. Чернышевский с г. Булгариным и *Лебедевым 3-м, г. Анненков с г.* Львовым и пр.» (л. 5); в тексте «Современника» выделенная нами часть фразы уже отсутствует.[17]

В заключение необходимо подчеркнуть: независимо от того, когда и какой вариант статьи Добролюбова читал Тургенев, бесспорно, что в некоторых случаях, когда речь шла о конкретных, частных замечаниях и пожеланиях, касающихся этой статьи, мнение писателя было принято во внимание. Невозможно и представить себе, чтобы это могло быть иначе, особенно в тот момент, когда Некрасов, по-видимому, верил еще, что все более определяющееся революционно-демократическое направление «Современника» не лишит его сотрудничества такого талантливого русского писателя и близкого ему человека, как Тургенев.[18] Кроме того, и второму редактору «Современника», Чернышевскому, как он писал позднее в своих «Воспоминаниях об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым», в тот момент «казалось полезным для литературы, чтобы писатели, способные более или менее со-

---

[15] *Добролюбов*, т. 7, стр. 335.
[16] *Сочинения*, т. IV, стр. 309.
[17] *Добролюбов*, т. 7, стр. 333.
[18] Даже после того, как произошел разрыв Тургенева с редакцией «Современника», Некрасов писал лечившемуся за границей Добролюбову 1 января ст. ст. 1861 г.: «Что Тургенев на всех нас сердится, это неудивительно — его подбивают приятели, а он-таки способен смотреть чужими глазами. Вы его, однако, не задевайте, он ‹...› придет еще к нам (если уж очень больно не укусим), а в этом-то и будет Ваше торжество, да и лично мне не хотелось бы, чтоб в „Совр‹еменнике›“ его трогали» (*Некрасов*, т. X, стр. 438).

чувствовать хоть чему-нибудь честному, старались не иметь личных раздоров между собою».[19]

Однако содержащиеся в письме Тургенева к Некрасову общие оценки статьи Добролюбова («тон ее мне крайне не нравится», «он может подать <...> справедливый повод упрекнуть „Совр<еменника>“ в легкомыслии и глумлении», «о таком деле можно писать <...> но уже никак не с юмором» и т. д.) не были учтены, как известно, при переработке ее.

Из всего сказанного ясно, что хотя инцидент с протестом Тургенева не повлиял, казалось, на его отношения с редакцией «Современника», уже тогда возможны были в подобных случаях, по-видимому, лишь взаимные уступки, в основном не принципиального характера, смягчавшие разногласия, но не снимавшие их.

М. Я. Блинчевская

ОБ ОДНОМ НЕ ДОШЕДШЕМ ДО НАС ПИСЬМЕ ТУРГЕНЕВА

В письме к П. В. Анненкову от 7 (19) февраля 1865 г., известном нам не полностью по тексту первой публикации, Тургенев писал между прочим: «По получении этого письма <...> поезжайте к В. Я. Ф<уксу>, живущему у Синего моста, в доме Крамера, узнайте от него адрес Екатерины Яковлевны Шварц, сестры жены моего брата. Эту несчастную, полумертвую чахоточную девушку брат (или, вернее, жена его) прогнал из своего дома <...> и теперь это злополучное существо без всякого призрения и без *паспорта* гибнет в Петербурге. Она желала бы, чтобы ее хоть в госпиталь поместили; но вы <...> узнайте, в чем дело, и вручите ей от моего имени *сто* руб. сер., которые я вам с благодарностию возвращу. Я ей предлагал поселиться у меня в деревне (она уже и прежде там жила). Вы и об этом с нею поговорите. Словом, пролейте несколько капель елею на эту поистине достойную сожаления рану».[1]

О том, что Е. Я. Шварц нуждается в помощи, Тургенев узнал, по-видимому, из письма к нему В. Я. Фукса, написанного, возможно, по просьбе самой Е. Я. Шварц. Об этом свидетельствуют не только приведенный отрывок письма Тургенева к Анненкову и слова из другого его письма к брату, Н. С. Тургеневу, от 26 февраля (10 марта) того же года («Полагаю, что Фукс писал тебе о бедственном положении Екатерины Яковлевны»),[2] но и хранящееся в Государственном музее Л. Н. Толстого (Москва) неопубликованное письмо Фукса к В. П. Боткину. Поскольку

---

[19] *Чернышевский*, т. I, стр. 729. — Однако здесь же Чернышевский замечает: «Добролюбов был об этом иного мнения. Ему казалось, что плохие союзники — не союзники».

[1] *Письма*, т. V, стр. 344.

[2] Там же, стр. 354.

содержание его непосредственно связано с названными выше письмами Тургенева и дополняет комментарии к ним, приводим его полностью:

> В письме, полученном мною третьего дня, Ив. Сер. Тургенев уведомляет меня, что забота об Екатерине Яковлевне возложена им на П. В. Анненкова. Так как Екатерина Яковлевна очень больна и помощь необходима теперь же, безо всякого промедления, то я позволяю себе беспокоить Вас просьбою — сообщить мне адрес г. Анненкова, чтобы я мог поскорее лично к нему обратиться. Пользуюсь настоящим случаем, чтобы попросить Вас об оказании участия бедной Екатерине Яковлевне и другим способом: я уже несколько дней хлопочу о помещении ее в больницу чрез моего почтенного сослуживца — Е. В. Пеликана, передавшего мою просьбу доктору Персону, но, несмотря на авторитет этих медицинских светил в сфере административной, дело не двигается вперед. Не изволите ли Вы признать возможным замолвить слово Вашему брату доктору.
>
> Николай Сергеевич Тургенев отказался от всякого участия в судьбе Екатерины Яковлевны, и потому облегчения в своих страданиях она ожидает только от посторонних; вот причина, которая уполномачивает меня Вас беспокоить. Рассчитываю на Ваше великодушие.
>
> С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою
> 15.II В. Фукс.
>
> P. S. Прошу извинить, что пишу без обычного вступления, не имея чести знать Ваше имя и отчество».

Напомним, в частности, что процитированное в комментарии к письму Тургенева от 7 (19) февраля 1865 г. ответное письмо Анненкова, в котором тот сообщает о Е. Я. Шварц, что «семейство Фукса, принимающее в ней нелицемерное участие ‹...› переводит ее в гошпиталь, на что я и вручил ‹...› ваши 100 р. сер.», написано на три дня позже письма Фукса — 18 февраля (2 марта) 1865 г.[3]

Особый интерес представляет имеющееся в этом письме Фукса упоминание о письме к нему Тургенева (оно, как и письмо Фукса к Тургеневу, остается неизвестным); до настоящего времени имя В. Я. Фукса вообще не числилось среди адресатов (даже случайных) Тургенева.

М. Я. Блинчевская

КОГДА ВПЕРВЫЕ БЫЛО ОПУБЛИКОВАНО ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К Б. МАРКЕВИЧУ?

В примечаниях к письму Тургенева к Б. М. Маркевичу от 6 (18) февраля 1863 г. в «Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева» указано, что во французском оригинале оно публикуется впервые, а в русском переводе впервые напечатано в V томе «Звеньев» в 1935 г.[1]

---

[3] Там же, стр. 674.

[1] *Письма*, т. V, стр. 548.

Между тем, это письмо почти полностью было опубликовано еще при жизни Тургенева. В 1879 г. Тургенев напечатал письмо к редактору «Вестника Европы» под заглавием «Ответ иногороднему обывателю».[2] После этого появилась ответная статья Б. М. Маркевича «Справка для г. Тургенева».[3] В ней он привел текст письма Тургенева к нему от 6 (18) февраля 1863 г. во французском оригинале и в русском переводе.[4] Из письма Тургенева Маркевич выпустил четвертый абзац («Vous me demanderez ∞ à Dolgoroukov etc.»)[5] и часть последнего абзаца («Vous avez oublié ∞ M-me Markewitch et»).[6]

Укажем на два разночтения между текстами письма:

ПИСЬМА, Т. V, СТР. 97	«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
СТРОКА 19	
‹après› ‹?›[a, 7] la publication	le lendemain de la publication
СТРОКА 31	
de vieille date	d'ancienne date

И. Т. Трофимов

ТУРГЕНЕВ В СПОРАХ О ПЬЕСЕ Э. ОЖЬЕ

Английский историк и критик Оскар Браунинг, автор книги «Жизнь Джордж Элиот» (1890), заключающей в себе ценнейшие материалы для биографии писательницы, в том числе и собственные о ней воспоминания, рассказывает: «В октябре 1878 года я получил приглашение встретиться с Дж. Элиот, м-ром Льюисом и русским романистом Тургеневым в гостеприимном сельском доме м-ра Бёллока-Холла в „Сикс-Майл-Боттом", неподалеку от Ньюмаркета. Из других лиц при этом присутствовали м-р Мунро, переводчик Лукреция, и м-р Сидли Тейлор ‹. . .› Когда мы сидели все вместе в сгущающихся сумерках, Дж. Элиот попросила Тургенева повторить нам на его медленном, ломаном языке то, что он уже рассказал ей лично, а именно историю одной пьесы, виденной им в Париже, восприятие которой зрителями, по его мнению, бросало резкий и неблаго-

---

[2] Опубликовано в газете «Молва» (1879, 29 декабря, № 358).

[3] «Московские ведомости», 1880, 6 января, № 5.

[4] См. об этом: И. Т. Трофимов. Роман И. С. Тургенева «Новь» и общественно-литературная борьба 70-х годов. В кн.: Творчество Тургенева. Учпедгиз, М., 1959, стр. 432—434.

[5] *Письма*, т. V, стр. 97—98.

[6] Там же, стр. 98.

[7] Здесь дана ссылка: «В копии, по-видимому, ошибочно: de» (там же, стр. 97).

приятный свет на французский характер».[1] Оскар Браунинг приводит затем и сюжет пьесы, о которой он узнал из рассказа Тургенева: «Некая девушка в ранней молодости вышла замуж за негодяя. Он покинул ее с двумя детьми, сыном и дочерью. Она убежала с ними к Женевскому озеру, где вновь соединилась с богатым купцом; с последним она жила двадцать лет вместе с детьми, которые были им воспитаны. В конце концов ее прежний муж узнал об ее местожительстве, явился неожиданно к ней в дом и открыл сыну, что он является его отцом. Вошедший вслед за тем купец приветствовал свою приемную дочь обычным поцелуем. Сын тотчас же ударил его по лицу и вскричал: „Вы не имеете права делать это!“, на что публика шумно аплодировала, как будто он совершил героический поступок; Тургенев один встал в своей ложе и засвистел».[2]

О. Браунинг не называет ни автора этой французской пьесы, ни ее заглавия, хотя Тургенев, конечно, не мог умолчать о них в своем рассказе; не раскрыты они также в книге Б. Уильямс о Дж. Элиот, где воспроизведен полностью в интерпретации О. Браунинга столь заинтересовавший писательницу рассказ Тургенева.[3] Очевидно, в английской литературе об этом не сохранилось других данных. Между тем, в русских биографических материалах и мемуарах о Тургеневе отзыв его об этой пьесе и о реакции на нее французских зрителей встречается несколько раз, притом с бо́льшими подробностями и пояснениями.

Тургенев имел в виду пьесу Эмиля Ожье (E. Augier, 1820—1889) «Госпожа Каверле» («Madame Caverlet»; впервые шла в Париже в театре «Водевиль» 1 февраля 1876 г.),[4] представление которой он видел 4 марта 1876 г. О впечатлениях Тургенева от этого спектакля мы имеем прежде всего довольно подробную запись в «Дневнике» Э. Гонкура, сделанную на другой день после представления. 5 марта (1876 г.) Гонкур писал: «Сегодня Тургенев вошел к Флоберу со словами: „Никогда еще я не видел так ясно, как вчера, насколько различны народности (combien les races sont différentes): я думал об этом всю ночь... Ведь мы с вами люди одной профессии, не правда ли, собратья по перу... А вот вчера, на представлении «Госпожи Каверле», когда я услыхал со сцены, как молодой человек говорит любовнику своей матери, который хотел обнять его сестру: «Я запрещаю Вам обнимать эту девушку»... во мне шевельнулось возмущенье! И если бы в зале находилось пятьсот русских, все они почувствовали бы

---

[1] Oscar Browning. Life of George Eliot. London, 1890, стр. 129. — Упоминаемый здесь Мунро (Munro, Hugh Andrew, 1819—1885) — один из видных в то время филологов-классиков. Его знаменитое критическое издание трактата Лукреция «О природе вещей» с английским переводом в прозе вышло в свет в 1864 г. В 1878 г. он издал труд о Катулле («Criticisms and Elucidations of Catullus»).

[2] Oscar Browning. Life of George Eliot, стр. 129.

[3] Blanche C. Williams. George Eliot. A Biography. New York, 1936, стр. 299—300.

[4] В том же году пьеса была поставлена на сцене Михайловского театра в Петербурге (30 октября 1876 г.); в переводе на русский язык (с сокращениями) И. Г. Яр-а (Ярона) она тогда же напечатана в «газете музыки, театра и изящных искусств» — «Музыкальный свет» (1876, №№ 43, 44, 46, 47).

то же самое возмущение. Однако, насколько я заметил, ни у Флобера, ни у кого из сидевших со мной в ложе не возникло такого чувства! И я об этом раздумывал всю ночь. Да, вы люди латинской расы, в вас еще жив дух римлян с их преклонением перед священным правом; словом, вы люди закона... А мы не таковы. Как бы это Вам объяснить? Представьте себе, что у нас, в России, как бы стоят по кругу все старые русские, а позади них толпятся молодые русские. Старики говорят свое «да» или «нет», а те, что стоят позади, слушают их. И вот перед этими «да» и «нет» закон бессилен, он просто не существует; у нас, русских, закон не кристаллизуется, как у вас. Например, воровство в России — дело нередкое, но если человек, совершив даже и двадцать краж, признáется в них и будет доказано, что на преступление его толкнул голод, толкнула нужда, — его оправдают. Да, вы — люди закона и чести, а мы, хотя у нас и *самовластье*, мы люди..." — Он ищет нужное слово, а я подсказываю ему: — более человечные люди! „Да именно! — подтверждает он. — Мы менее связаны условностями, мы более человечные люди!"».[5]

О том же вечере 4 марта 1876 г. Тургенев вскоре сообщил также П. В. Анненкову (в письме из Парижа от 16 (28) марта того же года), и на этот раз столь же искренно возмущаясь восприятием пьесы Ожье французскими зрителями: «В театры ездил мало — да, кажется, и вовсе не ездил. Видел „M-me Caverlet" Ожье; по поводу этой пиэсы я убедился, что каждая *раса* имеет свою *мораль*; когда мы увидимся ‹...› напомните мне об этом — и я разовью вам целую теорию, а в письмах этого передать нельзя».[6] Общие контуры этой «теории», как мы видели, удержаны записью Э. Гонкура; нет сомнения, что именно это Тургенев и собирался изложить П. В. Анненкову, может быть с дополнительными подробностями и более разработанной аргументацией. Наблюдения, сделанные Тургеневым в зрительном зале парижского театра «Водевиль», казались ему настолько заслуживающими внимания, что он вспомнил о них не только на другой день после спектакля в присутствии Э. Гонкура и через десять дней в письме к П. Анненкову, но и впоследствии неоднократно возвращался к этому в беседах со многими другими своими современниками.

О пьесе Ожье Тургенев разговаривал, например, с П. А. Кропоткиным при первом их знакомстве, состоявшемся зимою 1877—1878 гг., следовательно, вскоре после упомянутой встречи Тургенева с Джордж Элиот, Льюисом и их друзьями в «Сикс-Майл Боттом». «Вот Вы имели случай много наблюдать французов, немцев и других европейцев, — как-то сказал он мне, — свидетельствует П. А. Кропоткин о Тургеневе. — Вы верно заметили, что существует неизмеримая пропасть между многими воззрениями иностранцев и нас, русских: есть пункты, на которых мы никогда не сможем согласиться. — Я ответил, что не заметил таких пунктов. — Нет, они

---

[5] Edmond et Jules de Goncourt. Journal. Mémoires de la vie littéraire. 1864—1878. Texte intégral établi et annoté par Robert Ricatte, t. II. Paris, 1956, стр. 1124—1125 (цитирую — с небольшими уточнениями перевода — по изданию: Эдмон и Жюль де Гонкур. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы, т. II. М., 1964, стр. 225—226).

[6] *Письма*, т. XI, стр. 233—234.

сть. — Ну, вот вам пример». Далее Кропоткин воспроизводит с легкими вариациями тот же рассказ Тургенева о «Госпоже Каверле», — не называя, впрочем, ни пьесы, ни автора. Заключительные строки пересказа пьесы со слов Тургенева вполне отчетливо передают именно ту сцену, которая вызвала его особое негодование и привела к уже известным нам национально-психологическим сопоставлениям: «...И вот сцена представляет семейное собрание за завтраком. Девушка подходит к своему предполагаемому отцу, и тот хочет поцеловать ее. Но тут мальчик, узнавший как-то истину, бросается вперед и кричит: „Не смейте!“ («N'osez pas!»). Это восклицание вызвало бурю в театре. Раздался взрыв бешеных аплодисментов. Флобер и другие тоже аплодировали. Я, конечно, был возмущен. „Как! — говорил я, — эта семья была счастлива... Этот человек лучше обращался с детьми, чем их настоящий отец... Мать любила его, была счастлива с ним... Да этого дрянного мальчишку следует просто высечь“... Но сколько я не спорил потом с ними, никто из этих передовых писателей не понял меня».[7]

Запись того же рассказа Тургенева мы находим в передаче еще двух мемуаристов — Е. Ардова (псевдоним Е. И. Апрелевой-Бларамберг) и Я. П. Полонского. Е. И. Апрелева, как и П. А. Кропоткин, утверждает, что Тургенев присутствовал на представлении пьесы Ожье не только вместе с Флобером и другими писателями, но среди них будто бы был даже Э. Гонкур. По ее словам, Тургенев, возмущенный ханжеством героя, после его реплики, вызвавшей рукоплескания, громко воскликнул на весь зал: «свинья!».[8]

Свидетельство Я. П. Полонского относится к 1881 г. Он, в свою очередь, приводит подробный пересказ «Госпожи Каверле» со слов Тургенева (однако с оговоркой: «Тургенев назвал пьесу, но я не помню этого названия»): «Раз, в Париже, давали одну пьесу <...> Я, Флобер и другие из числа французских писателей собрались на эту пьесу взглянуть, так как она немало наделала шуму: нравилась она и журналистам, и публике. Мы пошли, взяли места рядом и поместились в партере». Изложив всю пьесу и особенно подробно остановившись на той сцене, где молодой человек негодует на своего приемного отца за сестру и, вспыхнув, восклицает: «Вы не имеете никакого права так фамильярно обходиться с ней!», — Я. П. Полонский в следующих словах передает дальнейший рассказ Тургенева: «И весь театр рукоплещет, все в восторге не от игры актера, а от такого благородного, прекрасного поступка молодого человека. Вижу, Флобер тоже хлопает с явным сочувствием к тому, что происходит на сцене. Когда мы вышли из театра, Флобер и все другие французы

---

[7] П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1966, стр. 372—373. — Относящийся к Тургеневу отрывок этих «Записок» напечатан также в издании: *Революционеры-семидесятники* (в комментариях к цитированному месту раскрыто, что речь идет о пьесе Э. Ожье, указаны также запись в «Дневнике» Э. Гонкура и воспоминания Е. И. Апрелевой-Бларамберг, — см. стр. 151).

[8] Е. Ардов. Мои воспоминания об Ив. Серг. Тургеневе. «Русские ведомости», 1904, 18 января, № 18.

стали мне доказывать, что поступок молодого человека достоин всяческой похвалы и что поступок этот высоко нравственный, так как чувство, которое сказалось в нем, поддерживает семейный принцип или то, что называется honneur de la famille. И вот, чуть ли не всю ночь я с ним спорил и доказывал противное, доказывал, что поступок этот омерзительный, что в нем нет главного чувства — чувства справедливости, что если бы такая пьеса появилась на русской сцене, — автора не только ошикали, стали бы презирать, как человека, проповедующего неправду и безнравственность. Но как я ни спорил, что ни говорил, — они остались при своем мнении. Так мы и порешили, что русский и французский взгляд на то, что нравственно и безнравственно, что хорошо и дурно, — не один и тот же».[9]

Сопоставление всех приведенных выше, дошедших до нас в различных источниках, рассказов Тургенева о впечатлениях его от пьесы Ожье представляет несомненный интерес — прежде всего потому, что оно лишний раз предостерегает нас относительно некритического пользования мемуарными свидетельствами. Как и всегда, в данном случае ими приходится пользоваться с осторожностью, хотя сопоставление данных свидетельств весьма продуктивно: они довольно многочисленны, располагаются по времени на несколько лет и, кроме того, могут быть сравнены с дневниковой записью Э. Гонкура от 5 марта, частично подтверждаемой также документально — письмом Тургенева к П. В. Анненкову, написанным десять дней спустя.[10] Мемуарные свидетельства имеют в виду беседы с Тургеневым между 1878 и 1881 гг. В течение этого времени и сам Тургенев мог забыть кое-какие мелкие подробности о спектакле, виденном им 4 марта 1876 г., и мемуаристы, в свою очередь, естественно, могли допустить ряд неточностей в воспроизведении его рассказов, тем более что записывались они значительно позже, чем авторы этих воспоминаний виделись с Тургеневым.

Запись «Дневника» Э. Гонкура дает две точные даты: 1) в субботу 4 марта 1876 г. Тургенев вместе с Флобером присутствовал на спектакле «Госпожа Каверле»; 2) в воскресенье 5 марта Тургенев был у Флобера и продолжал с ним (в присутствии Гонкура) споры о пьесе Ожье, очевидно начавшиеся накануне. Между тем, все русские мемуаристы, упоминающие об этом спектакле, по-видимому, путают события двух указанных дней; кроме того, они допускают также и другие неточности, утверждая, например, что на этом представлении будто бы присутствовали все члены «пятерки», т. е., кроме Тургенева и Флобера, еще Доде, Золя и даже Гонкур, ни словом об этом не обмолвившийся! В передаче П. А. Кропоткина рассказ, слышанный им из уст Тургенева, вероятно сохраняет наибольшую достоверность, хотя в нем есть явные ошибки (так, Кропоткин свидетель-

---

[9] Я. П. Полонский. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. «Нива», 1884, № 4, стр. 91 (цитирую по переизданию в кн.: Я. П. Полонский. Повести и рассказы, ч. II. СПб., 1895, стр. 535—537).

[10] Эти два источника впервые сопоставил М. К. Клеман (Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М.—Л., 1934, стр. 244), сославшись на тогда еще не изданное письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 16 марта 1876 г.

ствует, что Тургенев с друзьями — французскими писателями был на премьере пьесы Ожье, между тем как она состоялась, как мы видели, на месяц раньше — 1 февраля 1876 г.). Однако из всех названных мемуаристов один Кропоткин особо оговорил те детали беседы с Тургеневым, в воспроизведении которых он не мог положиться на свою память. По свидетельству Кропоткина, Тургенев ему говорил: «Раз как-то мы были на первом представлении одной новой пьесы. Я сидел в ложе с Флобером, Доде и Золя (не помню точно, назвал ли он и Доде и Золя, но одного из них он упомянул наверное). Все они, конечно, люди передовых взглядов» и т. д.[11] О присутствии на указанном спектакле 4 марта 1876 г. одновременно всех указанных лиц (кроме Тургенева и Флобера, что засвидетельствовал Гонкур, — сам, однако, несомненно отсутствовавший) не может быть и речи. Э. Золя видел пьесу раньше, потому что он обещал М. М. Стасюлевичу в письме от 13 марта 1876 г. послать «в этом месяце» ее критический разбор[12] и свое обещание выполнил, так как эта статья появилась в апрельской книжке «Вестника Европы» за тот же год. Это было одно из «Парижских писем»» Золя; отзыв о «Госпоже Каверле» занял здесь несколько страниц.[13] Тургенев хорошо знал статью, может быть еще до ее опубликования,[14] и она была тем более интересна для него, что в ней речь шла и о нем самом, хотя и по поводу другой фран-

---

[11] П. А. Кропоткин. Записки революционера, стр. 373.

[12] *Стасюлевич*, т. III, стр. 605.

[13] Э. Золя. Парижские письма. XIII. Три страницы из истории современного театра и литературы. «Вестник Европы», 1876, кн. 4, стр. 874—903. — В этой корреспонденции Золя останавливается на трех пьесах, которые, по его словам, «в настоящую минуту приводят в восторг парижскую публику»: это «Данишевы» Невского (А. Корвин-Круковского), «Иностранка» А. Дюма-сына и «Госпожа Каверле» Ожье (последней посвящены стр. 899—902).

[14] В статье «Эмиль Золя — сотрудник „Вестника Европы“» М. К. Клеман не только подчеркнул хорошее знакомство Тургенева со всеми статьями Золя, посылавшимися в «Вестник Европы» благодаря его собственной рекомендации; по мнению Клемана, Тургенев «осуществлял редакционное руководство» работой Золя для петербургского журнала: «Оно выразилось преимущественно в указании тем для корреспонденций. Темы для „Парижских писем“ давались Тургеневым, по-видимому, систематически — его консультационная работа облегчалась постоянным пребыванием в Париже и частыми встречами с Э. Золя. Но и во время отлучек из Франции Тургенев продолжал опекать автора „Парижских писем“» (М. К. Клеман. Эмиль Золя. Сборник статей. Л., 1934, стр. 272). В январской книжке «Вестника Европы» за тот же год (1876, № 1, стр. 309—336) была помещена статья Золя «Брак во Франции и его главные типы», заказанная ему Тургеневым. В конце января Тургенев писал Золя, что эта статья имеет «бешеный успех в России», и прибавлял: «Я проявил хорошее чутье, направив вас именно в эту сторону» (*Письма*, т. XI, стр. 393 и 556). Отметим также, что когда в Петербурге вышел том парижских корреспонденций Золя, перепечатанных из «Вестника Европы», куда вошло и упомянутое «тринадцатое» письмо с отзывом о пьесе Ожье (см.: Э. Золя. Парижские письма. Из литературы и жизни. 1875—1877. Т. I. СПб., 1878), Золя получил его именно из рук Тургенева, о чем тотчас же оповестил Стасюлевича (*Стасюлевич*, т. III, стр. 622).

цузской пьесы («Les Danicheff»): Золя прямо ссылался здесь на авторитет Тургенева во Франции и подтверждал свою собственную начитанность в его произведениях.[15] Очень вероятно, что Золя обменялся впечатлениями с Тургеневым не только о «Данишевых», но также и о «Госпоже Каверле», являвшейся другим «боевиком» парижского театрального сезона 1876 г. (Золя особо подчеркнул, что эта пьеса Ожье «производит фурор в „Водевиле“»); поэтому сопоставление суждений обоих писателей о «Госпоже Каверле» представляет известный интерес.

Э. Золя считал Ожье признанным «мастером современной французской сцены» [16] и предпочитал его всем прочим французским драматургам своего времени. В книге «Наши драматурги» (Nos auteurs dramatiques, 1881) Золя поместил три своих статьи о произведениях Э. Ожье второй половины 70-х годов (1876—1879), первоначально опубликованные в различных периодических изданиях (статья из «Вестника Европы», однако, сюда не вошла); кроме того, Золя весьма сочувственно упоминал Ожье во многих других своих критических работах.[17] Мнение Золя об Э. Ожье — драматурге сложилось именно в 70-е годы и было весьма устойчивым. Отзыв его о «Госпоже Каверле», опубликованный в «Вестнике Европы», вполне подтверждал то, что Золя говорил и о других пьесах Ожье того же периода. По словам Золя, Ожье «пытался изображать и анализировать современное общество, никогда не забираясь на кафедру проповедника. Ему не всегда это удавалось: он бывал временами тяжеловесен, но уже самое усилие его оставаться верным действительной жизни ставит его во главе наших современных драматургов». Однако сюжет «Госпожи Каверле», по мнению Золя, «тем опаснее, что в ней проводится тезис в пользу развода», и всякий другой французский драматург, в особенности А. Дюма, мог в данном случае легко впасть в слащавую морализацию и фальшивую риторику

---

[15] Предполагая близкое участие А. Дюма в приспособлении «Данишевых» для французской сцены, Золя писал в своей корреспонденции, что он, конечно, не в состоянии указать «несообразности, встречающиеся в „Данишевых“ с русской точки зрения»: «Я недостаточно для того компетентный судья. Но есть такие грубые промахи, что бросаются в глаза всякому. ‹...› Действительно, нужна дерзость, чтобы давать этих злополучных „Данишевых“, после того как во Франции распространены в переводах произведения, напр., Тургенева, знакомящие нас с настоящим бытом страны. Те из французов, — а их не мало, — кто прочел „Записки охотника“, „Рудина“, „Дворянское гнездо“, могут только пожать плечами над продуктами фантазии Дюма, изобразившего Россию для парижской толпы. ‹...› После представления Данишевых я перечитал „Постоялый двор“ Тургенева. Оба сюжета имеют некоторую аналогию». Дав подробный и очень интересный аналитический пересказ повести Тургенева, — кстати сказать, забытый тургеневоведами, — Золя восклицает: «Но только как вразумить Дюма на счет того, что эта коротенькая история неизмеримо выше его обширных драматических машин?» («Вестник Европы», 1876, № 4, стр. 883).

[16] E. Zola. Le Roman expérimental. Paris, 1890, стр. 136—137.

[17] E. Zola. Nos auteurs dramatiques. Paris, 1881, стр. 77—83, 90—91 и др.; Lawson A. Carter. Zola and the theater. New-Haven—Paris, 1963 (об отношении Золя к драматургии Ожье см. здесь стр. 92—94; статья из «Вестника Европы», однако, не учтена).

(«Представим себе Дюма, решающего вопрос о разводе, и содрогнемся при мысли о тех тирадах, какие нам пришлось бы слушать... какими бы он испестрил свое произведение...»). Но Э. Ожье неизмеримо выше: он «разрешил вопрос, как подобает драматическому писателю, т. е. путем фактов, не позволяя себе никаких нравоучительных разглагольствований. Нравоучение вытекает из самых событий». Далее Золя довольно подробно пересказывает содержание пьесы Ожье, хотя и допуская некоторые мелкие неточности (так, ее действие развертывается не в Женеве, как пишет Золя, но в окрестностях Лозанны, и т. д.), но зато весьма отчетливо демонстрируя основные цели, которые ставил себе драматург: «Борьба, — пишет Золя, — идет, в сущности, между законной семьей, опозоренной и уничтоженной пороками мужа, и незаконной, счастливой и почтенной, благодаря союзу сердец, но против которой — закон. Автору представлялось на выбор две развязки; в стране, где развод не существует, развязка оказалась бы насильственной: самоубийство матери, нравоучение, залитое кровью и слезами; в стране, где существует развод, развязка оказалась мирной: недостойный отец удален, настоящая семья торжествует и привлекает закон на свою сторону. Автор предпочел мирную развязку и дал только почувствовать зрителям, какой страшной опасности избежали герои», и т. д. Для того чтобы привести читателей к этому выводу, Золя в своем пересказе «Госпожи Каверле» подчеркнул несколько подробностей, весьма существенных для правильного понимания пьесы, но исчезнувших из аналогичных ее пересказов в воспоминаниях о Тургеневе, где она подверглась известному искажению благодаря двойной передаче. Так, например, Золя с полным основанием отмечает, что действие пьесы Ожье не случайно сосредоточил в Швейцарии — стране, имеющей свое, отличное от французского, законодательство о семье и браке, — и что на этом обстоятельстве и строится, в сущности, драматический конфликт «Госпожи Каверле» и возникают все ее наиболее острые ситуации. Золя намеренно излагает также предысторию героини — до того, как она впервые появляется перед зрителями, — что немаловажно и для понимания той сцены, которая привлекла Тургенева. Оказывается, что настоящая фамилия Каверле — Мерсон, так как она была замужем за негодяем Мерсоном и не может быть разведена с ним окончательно по французским законам. Мерсон промотал ее наследство и обращался с ней столь грубо и бесчеловечно, что она принуждена была искать пристанища с двумя детьми, старшим мальчиком и младшей девочкой (Анри и Фанни), в доме своей богатой тетки, богомолки и ханжи, в Авранше. Однако и у тетки она испытывала всевозможные притеснения и, когда представился благоприятный случай, предпочла соединить свою жизнь с Родольфом Каверле, человеком честным и бесконечно ей преданным. Они уезжают в Швейцарию, где ведут тихую обеспеченную жизнь в собственной вилле, в окрестностях Лозанны, на живописном берегу Женевского озера. Первый акт и начинается картиной мирной и счастливой жизни этого образцового семейства. «Но Фанни, — пишет Золя в указанной статье, — любима одним молодым человеком, Рейнольдом, сыном мирового судьи Барже, и когда этот последний приходит просить руки молодой девушки, Каверле вы-

нужден открыть страшную тайну. Барже хотя и отличный человек, однако уходит, не сделав предложения, и вот первый удар, разражающийся над этим мирным семейством. Отныне беда осаждает его дверь. Внезапно Мерсон, не подававший признаков жизни в течение пятнадцати лет, появляется на сцене; он узнал о смерти булонской тетушки, оставившей племяннице значительное состояние, и приходит требовать своей доли, составив ловкий план покаяния и примирения с женой. Сначала он сталкивается с сыном и тотчас же придумывает обратить его в свое орудие. Он сообщает ему о настоящем положении дел и оставляет молодого человека, подавленного стыдом и гневом при этом открытии, обеспечив в нем себе союзника на случай борьбы, которую предвидит. После этого следует великолепная сцена между Анри и г. Каверле. Первый упрекает последнего за то, что тот вырастил его среди позора, второй напоминает ему, что он был его настоящим отцом, человеком, воспитавшим в нем то строгое понятие о чести, от которого он страдает в настоящую минуту».

Эта «великолепная», по отзыву Золя, сцена и есть та самая 7-я сцена II действия «Госпожи Каверле», которая вызвала критические замечания Тургенева. Приведем небольшой отрывок из ее текста, так как во всех вышеприведенных источниках она излагается по памяти или с чужих слов. В комнату, где находятся Анри и его сестра Фанни, входит Рудольф Каверле; встретившись с девушкой на пороге, Каверле, как обычно, хочет ее поцеловать, но негодующий Анри кричит ему: «Я запрещаю вам прикасаться вашими губами ко лбу этого ребенка!». Эта реплика и вызвала аплодисменты зрителей. Недоумевающий Каверле спрашивает, что означает эта выходка, на что юноша, все еще еле сдерживающий себя, отвечает ему:

«Анри

Это означает, что за последние пятнадцать лет я думал, что живу по чести, а на самом деле жил в позоре, что я знаю все и что я ненавижу вас так же сильно, как раньше вас любил.

Каверле

Ты знаешь все?

Анри

Я видел моего отца.

Каверле

И он тебе все сказал. Ну так вот, поскольку он идет наперекор правосудию, теперь буду говорить я! О, ты, вероятно, думаешь, что он сказал тебе все. Но сказал ли он, что женился на этой чудесной женщине только ради ее состояния? Что он имел любовницу до брака и сохранил ее и после своей женитьбы? Что он разорил твою мать, чтобы удовлетворять прихоти этой распутницы?

Анри

Довольно! Оставьте мне, по крайней мере, возможность уважать моего отца.

Потому что ты больше не можешь уважать свою мать, не правда ли?» [18]

Именно этот диалог и послужил предметом долгого спора Тургенева с французскими писателями. В настоящее время трудно сказать, что в этой сцене, при исполнении ее в театре, вызывало восторг парижан, — искусство ли артиста, исполнявшего роль Анри, или протестующие тирады, порученные ему драматургом, дерзость ли юноши, бунтующего против своего приемного отца, или почувствовавшийся зрителям в этом бунте инстинктивный, глухой голос сыновней крови, внезапно прорвавшийся наружу. Во всяком случае, не подлежит сомнению то, что Ожье вовсе не находится на стороне изображенного им юнца, думающего, что он может беспрепятственно поучать фактического, хотя и не легализованного мужа своей матери. Ожье вовсе не защищает опасную позицию Анри. Развязку пьесы Золя назвал «счастливой», хотя на самом деле она вовсе не столь благополучна, какою может представиться на первый взгляд. Все кончается посрамлением пройдохи Мерсона; от него, в итоге, приходится отступиться и его сыну, когда он становится свидетелем постыдной денежной сделки между его отцом и матерью. Когда Мерсону предлагают половину наследства, завещанного теткой его бывшей жене, он тотчас же соглашается дать развод по швейцарским законам и никогда не преследовать больше госпожу Каверле, получающую тем самым возможность легализовать свои семейные отношения и свое фамильное имя. Одновременно рвутся узы между сыном и отцом, когда обнаруживается, что со стороны последнего они были основаны всего лишь на денежном расчете.

Таким образом, негодующие филиппики Тургенева, вероятно, направлены были не столько против пьесы Ожье, если он досмотрел ее до конца или имел в руках ее текст, сколько против реакции на нее театральных зрителей или интерпретации ее некоторой частью французских критиков. Очень вероятно, например, что Тургенев читал статью Эмиля Монтегю «Современный театр»,[19] посвященную тем же трем пьесам парижского репертуара 1876 г., о которых писал и Э. Золя в упомянутой выше статье «Вестника Европы». Э. Монтегю в общем сочувственно отозвался о «Госпоже Каверле», но его критические замечания, вероятно, значительно меньше удовлетворили Тургенева, чем оценка пьесы, сделанная Э. Золя для русских читателей (характерно, что Монтегю в особенности похвалил Ожье за созданный им тип Оливье Мерсона, жизненно правдивый и еще не встречавшийся во французской драматургии).

---

[18] E. Augier. Théâtre complet, t. VI. Paris, 1890, стр. 419.

[19] E. Montégut. Le théâtre contemporain. «Revue des Deux Mondes», t. XIV, 1876 (1 april), стр. 675—689 («Госпоже Каверле» посвящены страницы 677—680). — Тургенев несомненно видел эту книжку журнала, в которой его должны были заинтересовать и другие статьи, кроме статьи Монтегю; здесь, в частности, были помещены глава из книги Леруа-Болье «Империя царей и русские» и «La Madone de l'Avenir» Генри Джеймса.

По мнению Монтегю, «Госпоже Каверле» более подходило бы другое заглавие — что-нибудь вроде «Добродетельного прелюбодеяния», невольно заставляющее вспомнить пьесу старого английского драматурга шекспировской поры,[20] — потому что Ожье рассказывает «историю одного из тех незаконных сожительств, когда любовник замещает мужа, исполняя все его обязанности». Правда, утверждает Монтегю далее, драматург «сумел сделать виновных интересными и более достойными уважения, чем его заслуживают многие законные супруги»; «кистью художника, одновременно мощной и тонкой, он сумел облагородить ситуацию, нарушающую привычные нормы, и спасти ее от пошлости». Излагая далее сюжет пьесы, Монтегю несколько раз подчеркивает, что положение семьи Каверле «оставляет желать лучшего с точки зрения правил, принятых в общежитии», что по отношению к детям чета Каверле «допускает то, что англичане называют „невинной ложью“ (blanc mensonge),[21] и что, наконец, несмотря на отличающую обоих Каверле добродетельную жизнерадостность и весьма присущую французской душе честную свободу, видоизмененную кальвинистской традицией», в роли Родольфа Каверле все же «звучат несколько фальшивых нот», а сам он «порою походит на героя, сбежавшего из старинного романа г-жи Жорж Санд, периода его „Исидоры“, „Лукреции Флориани“ или „Спутника поездки по Франции“». Все эти попутные замечания несомненно должны были претить Тургеневу своей типичной мещанской респектабельностью на английский манер, поскольку его взгляд на жизненные и семейные отношения отличался большей широтой и свободой, при которой условности и формальности всякого рода имели второстепенное значение.

В своей статье Монтегю упоминает «сцену объяснения» между Анри и Родольфом Каверле, которую он находит «весьма оживленной» (très vive); впрочем, критик сопоставляет ее с охапкой зажженной соломы: яркий огонь спадает столь же быстро, как и возникает, — так и «негодование молодого человека исчезает, как только проходит первая вспышка. И в самом деле, какие упреки может он адресовать г. Каверле?». Любопытно, что в указанной статье Э. Монтегю развивает целую теорию относительно характеристических персонажей, присущих каждой национальной драматургии, потому что каждому народу свойственны и особые нравы, имеющие типическую национальную окраску. Поводом для изложения этого общего наблюдения Монтегю послужила, однако, не основная ситуация, на которой строится «Госпожа Каверле» и которую он считает мало пригодной для большой пьесы в четыре акта, но образ Мерсона, сопоставляемый им с национальными типами мошенников и пройдох — итальянскими, немецкими и английскими.

Как видим, взгляд Тургенева на «Госпожу Каверле» был отличен от воззрений Монтегю и, вероятно, других французских театральных критиков, а также зрителей французского театра «Водевиль», по-своему воспринявших события в изображенной Ожье «незаконной» семье. Указанные

[20] Монтегю несомненно имеет в виду пьесу Томаса Деккера «Честная распутница» (The Honest Whore, 1604).

[21] Т. е., очевидно, «white lie».

отличия в понимании этой пьесы и позволили Тургеневу создать нечто вроде системы воззрений на брак, которую он, основываясь на разборе пьесы Ожье, охотно излагал и за границей и в России в самых разнообразных аудиториях.

Следует, однако, отметить, что упрямство, с которым Тургенев то и дело возвращался к «Госпоже Каверле», могло быть вызвано и некоторыми другими причинами, лежавшими за пределами этой пьесы и имевшими для него более личный характер. Еще осенью 1871 г. В. В. Стасов писал Тургеневу: «Как это вы никогда не взяли задачей представить нынешний брак, а Вы его довольно видели вокруг себя, во всех проявлениях и на всех ступенях общества. Это нынешняя почти главная язва повсюду. Ведь вспомните: все Ваши повести и романы лежат еще по ту сторону брака и приходят только к заключению или незаключению брака. А что дальше бывает нынче, вот вопрос?».[22] На это Тургенев отвечал Стасову: «Вы знаете, браки бывают неофициальные; эта форма даже иногда является более ядовитой, чем общепринятая. Вопрос этот мне — точно — хорошо известен и изучен мною основательно. Если я до сих пор не коснулся его в моих литературных попытках — так это потому, что я всегда избегал слишком субъективных сюжетов: они меня стесняют».[23] Через год после «Госпожи Каверле» в парижском театре «Жимназ» (17 февраля 1877 г.) поставлена была пьеса Декурселя и Ж. Кларти «Отец», которая, по словам русского критика, была построена «на той мысли, что не телесный родитель есть настоящий отец, а тот, кто был духовным творцом ребенка».[24] Тургенев безусловно хорошо знал эту пьесу: тот же фельетонист «Московских ведомостей», который подробно изложил ее содержание, вскоре обвинил самого Тургенева в подражании именно этой пьесе в его рассказе «Сон».[25] Тургенев защищался, поместив печатный протест против этих обвинений в газете «Наш век».[26] Хотя в этой полемике «Госпожа Каверле» не упоминается, но Тургенев мог вспоминать о ней, так как проблемы, поставленные в обеих пьесах, имели несомненное сходство, и русский писатель имел возможность лишний раз задуматься над занимавшими его как раз в это время вопросами о «законных» и «незаконных» семьях.

Нужно думать, что и в беседе с Дж. Элиот о «Госпоже Каверле» Тургенев затронул большие и серьезные проблемы национальной психологии,

---

[22] *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 451.

[23] *Письма*, т. IX, № 2770.

[24] А. Ст.-Ф. Отовсюду. Очерки общественной жизни. «Московские ведомости», 1877, 25 февраля, № 47.

[25] «Московские ведомости», 1877, № 106. Ср.: *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 669 и 398—399.

[26] «Наш век», 1877, 13 мая, № 106. — Отметим, кстати, что Тургенев был и лично знаком с Ж. Кларти с середины 70-х годов (*Письма*, т. XI, стр. 71, 195, 207). Он встречался и с Ожье, как это явствует из воспоминаний Э. Липгарта и Б. Фори (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 427—428 и 493). См. также комментарий И. С. Зильберштейна к записи дневника Тургенева от 27 ноября 1882 г. (там же, т. 73, кн. 1, стр. 393, 401) и ряд упоминаний Ожье в «*Письмах*» Тургенева (т. VII, стр. 125 и 338, и т. XIII, кн. 1); *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 401.

исторически сложившегося правосознания, противоречий нравственных истин и приговоров у разных народов, а не только семейных отношений с точки зрения французского буржуазного этического кодекса. Если бы речь шла всего лишь о случайных впечатлениях от заурядной пьесы французского театра, рассказ Тургенева не заинтересовал бы Дж. Элиот настолько, чтобы она заставила русского писателя повторить его дважды своим гостям. Недовершенные творческие замыслы Тургенева конца 70-х годов, в свою очередь, свидетельствуют, что он много размышлял в то время о различиях и особенностях в характерах французов и русских и хотел уделить место их анализу и сопоставлениям в собственных произведениях, — правда, оставшихся неосуществленными.[27] Передавая Дж. Элиот содержание пьесы Ожье и анализируя собственные и французские впечатления от спектакля, Тургенев интересовался «английской» точкой зрения на вопросы, поднятые «Госпожой Каверле». Во всяком случае, это была не просто очередная салонная беседа; между тем, в приведенной выше передаче ее у О. Браунинга несколько утрачивается ее принципиальный и глубокий характер. Подобно другим собеседникам, не посвященный до конца в истинный смысл этой беседы, Браунинг был даже несколько шокирован тем оборотом, какой она приняла в его глазах; в конце концов, она касалась вопроса легализации семейных отношений, т. е. такой темы, которая приобретала особую остроту в применении к самой Дж. Элиот и ее мужу, Дж. Льюису.[28] О. Браунинг насторожился и,

---

[27] А. Е. Грузинский. И. С. Тургенев, личность и творчество. М., 1918, стр. 198—199; *Mazon*, стр. 120—149. — Напомним также, что приведенный выше рассказ И. С. Тургенева в записи Я. П. Полонского о «Госпоже Каверле» является одним из примеров того общего тезиса, который Тургенев развивал в 1881 г. Полонский воспроизводит его так: «Да, говорил Тургенев, смешное для одного народа вовсе не смешно для другого, и наоборот. То, что смешит француза, англичанин выслушает равнодушно, даже не улыбается; и то, от чего англичанин расхохочется, французу вовсе не покажется смешным <...> То же можно сказать и про театр. <...> Взгляд на нравственность тоже у каждого народа различный. То, что для русского возмутительно, для француза не только не возмутительно, но достойно всякого сочувствия, и наоборот, — возмутительное для француза нисколько не смутит русского человека» (Я. П. Полонский. Повести и рассказы, ч. II. СПб., 1895, стр. 533—534). — Нельзя не увидеть здесь фрагментарных мыслей из той «целой теории» национальных специфических особенностей, о которой Тургенев писал П. В. Анненкову весною 1876 г. и спорил с Флобером.

[28] История любви Дж. Элиот и Дж. Льюиса в свое время освещена была и в русской печати. С. В. Ковалевская, познакомившаяся с Дж. Элиот в 1869 г., писала об этом в своих «Воспоминаниях о Джордже Элиоте» («Русская мысль», 1886, кн. 6, стр. 98—99) на основании собственных впечатлений. По ее словам, когда литературное знакомство Элиот и Льюиса перешло в более тесную дружбу, в лондонском обществе на это взирали с явным неодобрением; «...ко всеобщему ужасу и удивлению, она уезжает с Льюисом за границу, начинает жить с ним открыто и публично объявляет себя его женою, несмотря на существование другой, законной, хотя и покинувшей семью миссис Льюис, т. е. решается на шаг, который сразу и безвозвратно ставит ее вразрез со всем ее прошлым и навсегда исключает ее из ряда „порядочных женщин“». Рассказывая об этом, С. В. Ковалевская делает характерную оговорку: «Факт этот, сам по себе,

по-видимому, не без тревоги наблюдал за тем впечатлением, какое рассказ Тургенева произвел на присутствующих: «Дж. Элиот проявляла нетерпение к его словам, пока он рассказывал эту историю. Льюис сидел несколько поодаль. Такова была французская точка зрения на брак, предпочитающая видимость сущности, законные узы — привычным связям, любви и благодарности. Общество расходилось глубоко взволнованное, и Льюис сказал, что англичане поступили бы в данном случае как нельзя хуже. Мне же показалось странным, что Дж. Элиот пожелала выслушать во второй раз со всеми подробностями эту воображаемую историю, которая, казалось, так близко соприкасалась с глубочайшими проблемами ее собственной жизни».[29]

Свой взгляд на «Госпожу Каверле» Тургенев, вероятно, изложил еще одному молодому писателю-американцу, жившему в Париже, — Генри Джеймсу. Знакомство с ним Тургенева состоялось в 1876 г.; Тургенев привел его в квартиру Флобера и там представил его всем остальным членам «пятерки»; кроме того, Джеймс стал бывать у Виардо на музыкальных «четвергах» и семейных вечерах по воскресеньям.[30] Все это происходило как раз в то время, когда Тургенев побывал на представлении «Госпожи Каверле» вместе с Флобером, а Э. Гонкур сделал запись в своем «Дневнике» о тех спорах, какие возникли среди них по этому поводу.

у нас в России и в наше время, разумеется, не представлял бы из себя ровно ничего необычайного и любопытного, но чтобы оценить весь его психологический интерес, не надо забывать, что он происходил 35 лет тому назад в Англии, в стране, где общественное мнение действительно представляет из себя всесильного божка, строго и беспощадно карающего каждого, кто дерзает пойти наперекор по безапелляционным постановлениям» (стр. 99). «Впоследствии ей удалось, однако, до известной степени, перессилить даже английские предрассудки и завоевать себе очень видное место в лондонском обществе, — вспоминает о Дж. Элиот Ковалевская далее. До самого конца ее жизни находились, однако, люди, не прощавшие ее исключительного положения, и ее самолюбию наносились иногда очень чувствительные уколы. Если бы уколы эти были направлены только со стороны так называемого лондонского high life'а, то они были бы вполне понятны, и, я думаю, она сама могла вполне примириться с ними; но она не могла оставаться столь же равнодушною, когда даже со стороны ученых, со стороны представителей свободной мысли в Англии встречала относительно себя такие же проявления лицемерия и непоследовательности» (стр. 101). П. Д. Боборыкин, познакомившийся с нею в 1868 г., незадолго до С. В. Ковалевской, писал, в свою очередь: «И Льюиса, и Джордж Элиот считали в *респектабельном* обществе вольнодумцами. Многим было известно, что знаменитая романистка „невенчанная" жена Льюиса. ‹...› Тогда ее слава достигла высшего предела, но самая личность ее оставалась в тени, не делалась предметом оваций и всеобщего поклонения в фешенебельных кругах Лондона. Зато все свободные мыслители, в особенности настоящие позитивисты, собиравшиеся в доме Льюиса, высказывали ей высокое почтение, род культа» (П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. II, М., 1965, стр. 213).

[29] Oscar Browning. Life of George Eliot, стр. 130.

[30] Henry James. Parisian sketches. Letters to the New York Tribune, 1875—1876. Edited with an introduction by Leon Edel and Ilse Dusoir Lind, London, 1958, стр. XIII, 230, 242; ср.: Marie-Reine Garnier. Henry James et la France. Paris, 1927, стр. 7; *Письма*, т. XI, стр. 561—562.

Генри Джеймс, как известно, благоговел перед Тургеневым и очень прислушивался ко всему, что слышал от него в 1876 г. во время частых с ним встреч в Париже. Хотя Джеймс и не упоминает о беседе с Тургеневым по поводу «Госпожи Каверле», но мы имеем все основания предполагать, что она состоялась, так как в одном из своих парижских очерков Джеймс пишет об этой пьесе Э. Ожье приблизительно то же самое, что о ней говорил и Тургенев, по свидетельству Гонкура, английских и русских мемуаристов.[31]

Изложенный выше эпизод должен войти в биографию Тургенева и пополнить комментарии к его письмам и сочинениям, поскольку сам писатель столько раз возвращался к беседам о пьесе Э. Ожье и тому кругу творческих мыслей, поводом для которых явилась «Госпожа Каверле».

М. П. Алексеев

ТУРГЕНЕВ И «РУССКАЯ КАССА ВЗАИМНОГО ВСПОМОЖЕНИЯ В ПАРИЖЕ»

Одна из основных тем писем Тургенева конца 1876—1877 гг. — русско-турецкая война. В канун войны под давлением правительств европейских государств, недовольных вмешательством России в сербско-турецкий конфликт, европейское общественное мнение складывалось не в пользу русских. Особенно ощутимо это было для тех, кто жил за пределами России, в том числе во Франции. «Жить русскому за границей тоже невесело: невесело видеть, до какой степени все нас ненавидят, все, не исключая даже французов», — писал Тургенев А. Ф. Писемскому 26 октября (7 ноября) 1876 г.[1] Свидетельство о нравственном одиночестве русских во Франции в это время содержится в письме одного из близких Тургеневу в Париже людей — А. П. Боголюбова: «Далее, — писал он И. Н. Крамскому 26 сентября 1877 г., — идет, конечно, тоска и скука, волнующая душу русского человека в кругу не сочувствующей нам Франции... Особенно нового ничего здесь нет, потому что русские редки, как серебряные рубли в России, церковь тоже пустая, а по ее полноте можно судить о наплыве наших соотечественников, которые очень понурились. Газеты читать положительно невозможно, ибо везде только и проглядывает ложь самая бесстыдная, вследствие чего и приходит на ум, что жить здесь глупо и кабы не хворость, то сейчас бы закрыл лавочку и

---

[31] См. об этом свидетельство Г. Джеймса в журнале «The Galaxy» (1877, april); см. также: M.-R. Garnier. H. James et la France. Paris, 1927, стр. 132. — Ср. также: L. Borchers. Frauengestalten und Frauenprobleme bei Henry James. Berlin, 1929, стр. 11.

[1] См.: *Письма*, т. XI, стр. 339.

драла. Зайдя[2] к Гупилю,[3] который тоже сильно не в духе на Россию, говоря,[4] что благодаря ей торговля замерла совершенно...».[5]

Осложнилось и материальное положение русских в Париже (в том числе и самого Тургенева)[6] в связи с падением курса русского рубля за границей.[7] В связи с этим участились случаи обращения к Тургеневу разных лиц за помощью.[8]

Современники писателя вспоминают о нем как о человеке, безотказно помогавшем людям. Его благотворительность приобретала различные формы. Установление постоянных пенсий,[9] выдача денежных ссуд, письменные обращения с рекомендациями к состоятельным соотечественникам (Г. О. Гинцбургу, С. С. Полякову, П. М. Третьякову и др.) в случае невозможности помочь самому. С этой стороны хорошо знал Тургенева М. М. Антокольский, писавший о нем: «...никто не знает одного замечательного факта, который характеризует его ‹Тургенева› доброту, так сказать, его человеческое отношение к нужде ближнего. Раз я пришел к нему и застал его грустным, что редко случалось. „Представьте себе, — сказал он мне, — сегодня в первый раз в жизни я должен был отказать человеку в помощи", замолчал, пожал плечами и прибавил: „Ничего не поделаешь", и опустил голову ‹...› Видно, что тяжело ему было отказать человеку».[10] Случалось, что безграничной отзывчивостью Тургенева пользовались бесцеремонные просители и вымогатели.[11] Но, к чести Тургенева, среди тех, кому он помог в трудную минуту, можно назвать имена известного ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая,[12] члена «Общества противоправительственной пропаганды в Москве и в Вологодской губернии» Н. Е. Битмида,[13] художника-гравера В. В. Матэ,[14] итальянского революционера К. Каффьерро[15] и многих других.

В свете вышеизложенного становится понятным, почему в трудное для русских в Париже время вопрос о материальной помощи соотече-

---

[2] Так в подлиннике.

[3] Гупиль — торговец художественными произведениями, владелец галереи на rue Chaptal.

[4] Так в подлиннике.

[5] Письмо не опубликовано, хранится в *ГРМ* (ф. 15, № 5, л. 33—34).

[6] См., например, в его письме к Я. П. Полонскому от 17 (19) апреля 1878 г.: «...делишки мои настолько крякнули, что я действительно вынужден был продать свою галерею...» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 310).

[7] См.: *Письма*, т. XI, стр. 327, 350, 353.

[8] См.: А. Л. ‹А. Н. Луканина›. Мое знакомство с Тургеневым. «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 60.

[9] Подписанный Тургеневым список его пенсионеров хранится в *ИРЛИ* (ф. 93, оп. 3, № 1267).

[10] Письмо к Е. Г. Мамонтовой от 29 октября 1883 г.: *Антокольский*, стр. 517.

[11] См.: «Неделя», 1883, № 38, стр. 1263.

[12] См.: *Письма*, т. XI, стр. 270, 271, 278.

[13] О Н. Е. Битмиде см. стр. 268.

[14] См. письмо Тургенева к Ж. Этцелю от 2 (14) августа 1880 г.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 295.

[15] См. письмо Тургенева к Г. О. Гинцбургу, датированное маем 1879 г.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 71.

ственникам стал для Тургенева проблемой нравственного долга. А. Н. Луканина в своих воспоминаниях рассказывает, что, не получая подчас поддержки от других имущих русских, к которым Тургенев обращался с различными просьбами и рекомендациями, он говорил: «Но я все-таки не перестану поступать, как поступал, и буду хлопотать и надоедать всем и каждому с *моими русскими*».[16]

Об активных действиях Тургенева в этом направлении свидетельствует не опубликованный ранее документ, написанный рукой Тургенева и хранящийся в ЦГАЛИ.[17] Это «Обращение ко всем русским в Париже ‹об организации подписки в пользу «Русской кассы взаимного вспоможения»›». Приводим его текст полностью:

«Позволяю себе снова обратиться к известному и неизменному сердоболию моих соотечественников, обретающихся в Париже.

Не скрываю от самого себя, что в трудные времена, которые мы переживаем, самая щедрая благотворительность поневоле сокращает свою деятельность; знаю также и то, что первым и главным правом на эту самую благотворительность пользуются и должны пользоваться многочисленные жертвы великой войны, поднятой нами за правое дело; но нужды и бедствия, которым предстоит помочь, так велики, а доброта русского сердца так безгранична, что я не отчаиваюсь в успехе *затеянного мною дела*.

Я предлагаю подписку в пользу Русской кассы взаимного вспоможения в Париже — т. е. в пользу бедствующих русских, находящихся в Париже, часто лишенных средств возвратиться на родину, куда иных призывает чувство патриотического долга, других — надежда заработать себе кусок хлеба, ставший здесь недоступным их усилиям.

Прилагаю небольшой отчет Русской кассы взаимного вспоможения, он укажет на ту посильную пользу, которую она уже приносила, и на те, гораздо большие результаты, которых она в состоянии достигнуть при более обильных средствах.

Ручаюсь лично за совершенно точное и верное изложение фактов:

„Русская касса взаимного вспоможения в Париже“ была основана в начале июня 1877-го года.

Устройство этой кассы было вызвано тем бедственным положением, в котором находились многие из наших соотечественников, вследствие общего застоя в делах и падения русских курсов.

В общих чертах уставом кассы положено, что членом ее может быть всякий русский, живущий в Париже, по простому заявлению; что ссуды до 50-и фр. выдаются по усмотрению комитета, выбираемого каждые полгода, а свыше 50 фр. — по усмотрению собрания; во всяком случае размер ссуды не может превышать сто (100) фр.

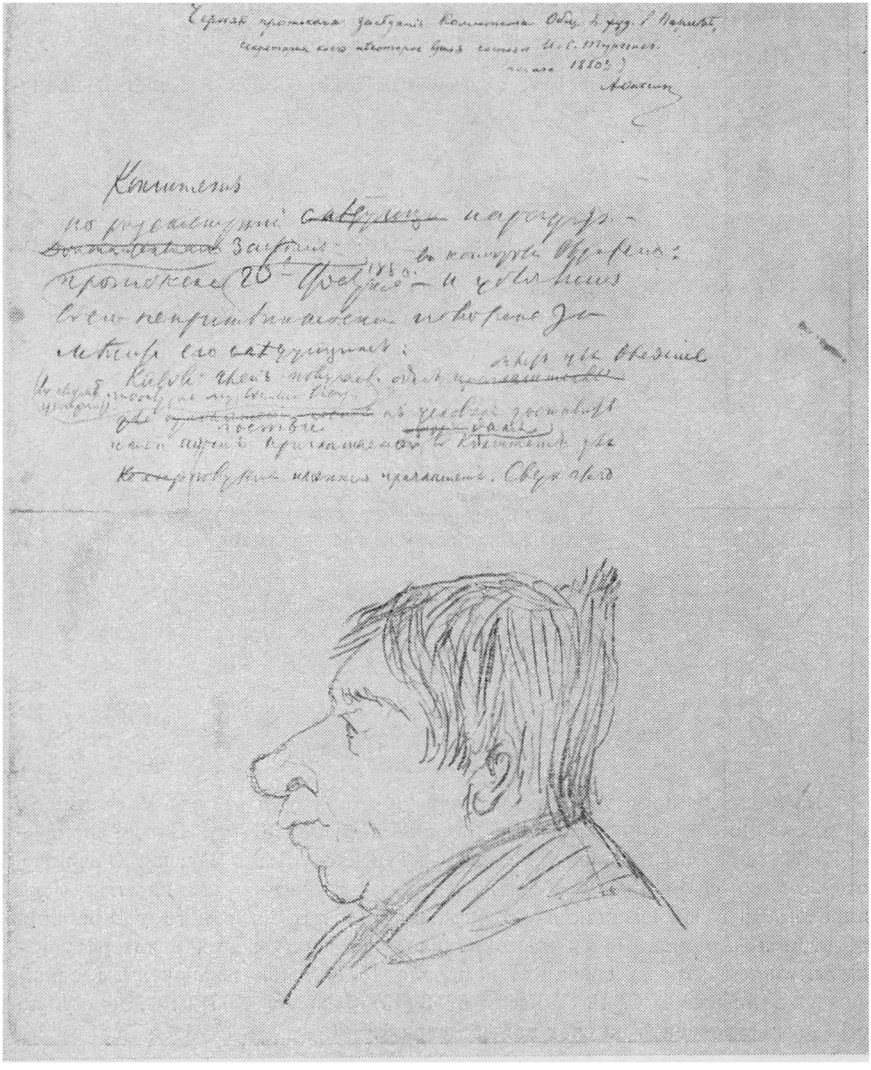
В течение первого полугодия ее существования деятельность кассы представляется в следующем виде.

Доход кассы составляли: основной фонд, полученный с литературно-музыкального утра, данного И. С. Тургеневым в начале 1877-го года, в размере 1058 франков.

В течение полугодия поступило: входных и членских взносов 113 фр.; пожертвований — 59 ф. 50 сант.; и возвращено ссуд на 495 фр. Всего с предыдущим фондом дохода было 1724 фр. 50 сант.

[16] А. Л. ‹А. Н. Луканина›. Мое знакомство с Тургеневым, стр. 60 (здесь и далее курсив наш, — *Л. К.*).

[17] *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 2, № 30, лл. 1—2.



Черновик протокола заседания Комитета Общества русских художников в Париже. 1881 (?). Автограф И. С. Тургенева. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

Из этой суммы была выдана 41 ссуда на сумму 1650 фр. Ссуды эти были выданы тридцати лицам, из коих почти половина принадлежала к учащейся молодежи, а другую половину составляли по большей части рабочие.

Ссуды выдавались в размере от 10 до 50 фр.; и одна ссуда в 100 фр.

В настоящее время касса считает 28 членов и имеет в наличности 74 фр. 50 сант.

Мне остается присовокупить еще одно последнее воззвание к русским добрым душам — и надеяться, что оно не останется гласом вопиющего в пустыне.

Иван Тургенев.

Париж
50, rue de Douai.
Вторник 11-го дек. 1877-го г.
(Подписной лист — на обороте).

Подписной лист
в пользу „Кассы взаимного вспоможения в Париже“

Иван Тургенев	— 100 фр.
Князь Орлов	— 300 фр.
Прилежаев [18]	— 40 фр.
Ар‹апетов› [19]	— 20 фр.
Г. Гинцбург	— 200 фр.
Н. Х.[20]	— 10 фр.
от леди Сидуэль [21]	— 100 фр.
Итого	— 770 фр.

Ив. Тургенев».

Из приведенного документа следует, что «Русская касса взаимного вспоможения» организовалась в Париже в июне 1877 г. В это время — с 17 (29) мая по 27 июня (9 июля) — Тургенев был в России. Очевидно, отсутствием в Париже и объясняется тот факт, что в его письмах (как, впрочем, и в воспоминаниях современников) нет ни одного упоминания об этом начинании. Почти не сохранилось также сведений о литературно-музыкальном утре, устроенном в начале 1877 г. (за исключением одной фразы в письме к С. И. Танееву от 3 (15) февраля 1877 г.: «Мне нужно с Вами переговорить на счет нашего утра»).[22]

[18] Василий Александрович Прилежаев (1831—1887) — настоятель русской церкви в Париже.

[19] Подпись неразборчива; возможно — И. П. Арапетова, жившего в это время в Париже.

[20] Возможно, Н. В. Ханыков.

[21] Лицо неустановленное. Эта и следующая строки — рукою Тургенева.

[22] Вероятна связь «Русской кассы...» с «Русским артистическим обществом» или «Русской колонией артистов», куда входил и Тургенев.

Дата «Обращения ко всем русским в Париже» (11 декабря 1877 г.) почти совпадает с датой учреждения «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже» — 10 декабря 1877 г.[23]

Трудно предположить, чтобы одни и те же лица (Тургенев, князь Н. А. Орлов, Г. О. Гинцбург — основатели «Общества») одновременно задумали учредить в Париже две не связанные друг с другом «организации», целью которых была бы помощь русским в Париже, — тем более что «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников» объединяло не только представителей искусства и ставило перед собой не только художественные цели. В. В. Матэ, участник «Общества», в воспоминаниях об А. П. Боголюбове писал об «общем деле», «под кровлею которого все русские художники и артисты могли бы собираться в одну семью с ее общими интересами и заботами за процветание родного искусства. Цель основания такого кружка вытекает прямым следствием необходимости взаимопомощи на чужбине». [24]

Много интересных сведений о вновь организованном «Обществе...» содержится в письмах одного из главных его учредителей — М. М. Антокольского — от декабря 1877 г. Так, в письме к В. В. Стасову скульптор пишет: «...забота наша не ограничивается парижскими русскими художниками, но цель тут — все русское вообще».[25] По его свидетельству, «Общество» ставило своей задачей 30% общего дохода отчислять «русскому консулу для подачи помощи русским подданным, находящимся здесь в Париже».[26]

Реорганизация «Русской кассы в Париже», оскудевшей к этому времени, была произведена на новой финансовой основе: в «Кассу» могли поступать деньги, вырученные не только от продажи билетов на литературно-музыкальные утренники и вечера, а также членских взносов, но и от розыгрыша лотерей, составлявшихся из произведений искусства, и отчисления 10% выручки от продажи на выставках рисунков, живописи, скульптуры.[27]

Попытка укрепить «Русскую кассу взаимного вспоможения в Париже» объединением ее с «Обществом русских художников» себя оправдала: уже через год, в 1879 г., «Общество» насчитывало 70 членов.[28]

См. об этом: Е. В. Сахарова. В. Д. Поленова, Е. Д. Поленова. Хроника семьи художников. Изд. «Искусство», М., 1964, стр. 156. — О «Русском артистическом обществе», которое «хотя недолго существовало, но послужило началом к образованию „Общества русских художников в Париже“», см.: «Живописное обозрение», 1883, № 4, стр. 55.

[23] «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже» было создано в день взятия русскими войсками г. Плевны. См. об этом: А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника. *ГПБ*, ф. 82, № 5, л. 14.

[24] В. В. Матэ. Боголюбов в Париже. ГРМ, ф. 14, № 78, л. 1.

[25] *Антокольский*, стр. 346.

[26] Там же, стр. 345—346.

[27] Там же, стр. 345.

[28] В. П-ко. Из Парижа. «Русские ведомости», 1879, 6 марта, № 57, стр. 3.

В течение пяти с лишним лет Тургенев оставался деятельным секретарем «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». Трудно переоценить долю его личного участия в делах «Общества». Им, совместно с М. М. Антокольским, был выработан устав «Общества».[29] Рукою писателя написаны многие деловые письма и документы, связанные с «Обществом»: письма от лица Комитета к Г. О. Гинцбургу,[30] А. М. Кумани[31] и др., протоколы заседаний Комитета «Общества»,[32] пригласительные билеты[33] и программы литературно-музыкальных вечеров и утренников.[34] Много делалось Тургеневым для устройства выставок произведений русских художников в Париже.[35] Огромную его заслугу в деле организации «Общества» отмечают многие из художников, испытавшие на себе и силу влияния личности Тургенева, и его готовность ко всем видам помощи соотечественникам.[36] По мнению некоторых из них, влияние «Общества» в русских парижских кругах после смерти Тургенева значительно ослабло.[37]

Провожая прах Тургенева из Франции в Россию, русские художники возложили на его гроб венок с надписью на черной ленте: «Великому художнику писателю О‹бщест›во русских художников в Париже».[38] А в феврале 1884 г. А. П. Боголюбов, от имени «Общества» сообщая Г. О. Гинцбургу об очередном его избрании в члены и казначеи Комитета, просил «принять на себя заботы о распространении подписки, предпринятой им ‹комитетом› на образование художественной стипендии И. С. Тургенева».[39]

Публикуемые выше документы убедительно раскрывают роль Тургенева как инициатора и одного из главных учредителей и деятелей «Обще-

---

[29] См.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 265.

[30] См.: там же, стр. 329, 399.

[31] А. М. Кумани (ум. 1897), генеральный консул в Париже (1868—1896), президент «Общества» в 1878—1880 гг. См. письмо Тургенева к нему от 14 (26) января 1881 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1.

[32] См. черновик протокола заседания Комитета «Общества»: *ИРЛИ*, 29362.CCIXб. 11.

[33] См. пригласительный билет, подписанный Тургеневым: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 375.

[34] См., например: *Письма*, т. XII, кн. 1, № 4631; см. также «Программу сегодняшнего вечера»: *ИРЛИ*, 29363.CCIXб.11.

[35] Писатель постоянно содействовал участию русских художников в различных выставках в Париже, а также организации персональных выставок отдельных из них. См. об этом: И. С. Зильберштейн. Выставка художника В. Верещагина. *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 291—336; см. также: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 19.

[36] См. об этом: В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883, стр. 131; Имярек. В ателье Антокольского. «Одесские новости», 1897, 21 июля, № 4035.

[37] М. М. Антокольский — В. В. Стасову, 22 мая 1891 г.: *Антокольский*, стр. 692—693.

[38] См. письмо А. П. Боголюбова к И. Н. Крамскому от 30 августа 1883 г.: *ГРМ*, ф. 15, № 6, л. 68.

[39] Письмо к Г. О. Гинцбургу от 14 февраля 1884 г.: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, № 69.

ства взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже», основанного с целью популяризации русского искусства, а также сплочения и взаимопомощи среди всех русских, живущих вдали от Родины.

Л. И. Кузьмина

ВОСПОМИНАНИЯ И. Я. ГИНЦБУРГА О ТУРГЕНЕВЕ

Замечательный русский скульптор Илья Яковлевич Гинцбург (1859—1939), автор ряда статей по вопросам искусства, известен и как талантливый мемуарист; в литературном наследии Гинцбурга значительное место занимают воспоминания о его знаменитых современниках — деятелях русской культуры.

И. Я. Гинцбург прожил долгую и богатую событиями жизнь. Круг людей, с которыми свела его судьба, чрезвычайно широк; к нему принадлежат писатели, художники, музыканты, ученые. В их числе — Антокольский и Репин, Верещагин и К. Савицкий, Л. Толстой и Горький, Чайковский и Шаляпин, Менделеев и Павлов и многие другие.

Первые заметки мемуарного характера Гинцбург начал печатать в начале 900-х годов в журналах «Мир божий», «Современный мир» и др. (об Антокольском, Верещагине, Л. Толстом и т. д.). Затем они вошли в сборники «Из моей жизни» (СПб., 1908) и «Из прошлого» (Л., 1924).[1]

Публикуемые ниже воспоминания И. Я. Гинцбурга о Тургеневе (о встречах с ним Гинцбург бегло упоминает в своей автобиографической заметке «Как я стал скульптором») хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.[2]

И. С. Чистова

Мои встречи с И. С. Тургеневым

В первый раз я увидел И. С. Тургенева у Серовых в 1870-м году; жена композитора Валентина Семеновна Серова была дружна с моим учителем М. М. Антокольским, который часто бывал у нее и брал меня с собою; я всегда сидел в комнате «Антоши»[1] (впоследствии известный живописец), который был мне ровесником. Раз у Серовых был вечер, собрались преимущественно музыканты; Серов играл свою только что законченную оперу «Рогнеда».[2] Среди гостей был и И. С. Тургенев; он

---

[1] Последнее издание воспоминаний И. Я. Гинцбурга: Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1964.

[2] *ИРЛИ*, р. I, оп. 29, № 78.

[1] Так в детстве называли Валентина Александровича Серова, сына композитора.

[2] Здесь Гинцбург не совсем точен: Серов закончил оперу «Рогнеда» не в 1870, а в 1865 г. В том же году было ее первое представление

выделялся своей наружностью; в бархатной визитке, остриженный по-русски, с крупными чертами лица, он произвел на меня тогда большое впечатление. Ближе познакомился я с ним в мастерской М. М. Антокольского, который тогда лепил статую Ивана Грозного, и я делал барельефы на троне царя по рисункам Солнцева. М‹арк› М‹атвеевич› представил меня И‹вану› С‹ергеевичу›; рассказал, как он привез меня недавно из Вильны, надеясь сделать из меня хорошего скульптора. И‹ван› С‹ергеевич› с интересом смотрел, как я работаю, и поласкал меня.[3] Помню, что по окончании статуи И‹ван› С‹ергеевич› написал большую хвалебную статью, в которой И‹ван› С‹ергеевич› сообщал, что статуя И‹вана› Гр‹озного› — первая и единственная скульптура в русском национальном духе, и потому эта статуя будет играть большую роль в развитии искусства.[4] Статья И‹вана› С‹ергеевича› вместе со статьею В. В. Стасова первые распространили имя М‹арка› М‹атвеевича›, и с тех пор М‹арк› М‹атвеевич› стал известным не только в России, но и за границей. Только через 20 лет я опять стал встречаться с И. С. Тургеневым в мастерской М‹арка› М‹атвеевича› в Париже, куда И‹ван› С‹ергеевич› часто захаживал, чтобы посмотреть работы М‹арка› М‹атвеевича›, которого он был большой поклонник. Подолгу, бывало, они говорят об искусстве, в особенности французском, которого И‹ван› С‹ергеевич›, как я тогда понял, он[а] был большой поклонник. Иногда я встречал И‹вана› С‹ергеевича› в «Обществе Русских художников» (rue Tilsitte 12[б]), в котором И‹ван› С‹ергеевич› состоял председателем.[5] Талантливо он рассказывал

на сцене Мариинского театра. В письме к П. Виардо от 14, 15 (26, 27) февраля 1871 г. Тургенев упоминает о вечере у Серова; можно предположить, что это был тот вечер, где Гинцбург впервые увидел Тургенева, но не был ему представлен.

[3] Об этом посещении мастерской М. М. Антокольского Тургенев писал П. Виардо 14 (26) февраля 1871 г.: «Днем я познакомился с молодым русским скульптором из Вильны, обладающим незаурядным талантом. Он изваял статую Ивана Грозного ‹...› Я нахожу эту статую несомненным шедевром исторического и психологического проникновения, великолепным по исполнению ‹...› Зовут его Антокольским; вот имя, которое не умрет» (*Письма*, т. IX, стр. 19, 363). Сам же Антокольский так вспоминает об этом эпизоде: «Наконец, дождался великого дня, когда бросил стек и сказал „довольно“. В этот день первый, кто пришел в мастерскую, был И. С. Тургенев. Я сейчас узнал его по фотографической карточке, имевшейся у меня в альбоме ‹...› Я глазам своим не верил, что передо мною стоит, — нет, вернее, что я стою перед Иваном Сергеевичем Тургеневым ‹...› „Ты знаешь, закричал я Репину, вбегая в его мастерскую и задыхаясь от волнения, — кто у меня сейчас был? — Иван Сергеевич Тургенев!!!“» (*Антокольский*, стр. 953).

[4] В «С.-Петербургских ведомостях» за 1871 г. почти одновременно появились статьи В. В. Стасова и И. С. Тургенева об Антокольском: В. С т а с о в. Новая русская статуя. «С.-Петербургские ведомости», 1871, 13 февраля, № 44; И. С. Т у р г е н е в. Заметка. ‹О М. М. Антокольском›. Там же, 19 февраля, № 50.

[а] Так в подлиннике.

[б] Так в подлиннике.

[5] Встречи Гинцбурга с Тургеневым в Париже (у Антокольского и на rue Tilsitt 18, где собрались члены «Общества взаимного вспоможения

фан‹тастические› анекдоты. М. М. Антокольский тогда писал воспоминания и статьи об искусстве,[6] и часто он мне диктовал, так как он сам, не получив никакого систематического образования, плохо писал. Меня всегда поражало, что М‹арк› М‹атвеевич›, будучи безграмотным, однако обладал прекрасным слогом и красиво излагал свои мысли. Раз я был свидетелем следующего разговора, который происходил между великим скульптором и великим писателем. Мой учитель спросил, получил ли И‹ван› С‹ергеевич› его письмо. — «Получил, но, признаюсь, с трудом прочел; Вы пишете так безграмотно, так неправильно, что надо обладать огромным терпением, чтобы разобрать то, что пишете; но разобравши, удивляешься, как красиво и умело Вы излагаете Ваши мысли; дай бог всякому русскому писателю так талантливо писать».[7] То же самое я часто слышал от В. В. Стасова, когда он вместе со мною разбирал письма М. М. Антокольского. В прекрасном собрании писем М. М. Антокольского (изд. Суворина)[8] есть и письмо М‹арка› М‹атвеевича› к ‹Ивану› С‹ергеевичу› (по поводу евр‹ейских› погромов), но И‹ван› С‹ергеевич› не ответил М‹арку› М‹атвеевичу› на это письмо, как и не ответил Л. Н. Толстой.[9]

Я присутствовал на похоронах И. С. Тургенева. Когда его тело привезли в Петербург, я был на вокзале (Варшавском) среди огромной толпы. Гроб понесли на руках ученые и писатели; выделялись профессора Военно-медицинской Академии, которые все были в парадной блестящей форме, и я видел, как любят И. С. Тургенева на его родине.[10]

Илья Гинцбург
1938

и благотворительности русских художников в Париже») относятся, вероятно, к 1877—1882 гг. (т. е. через 6—11, а не через 20 лет после его знакомства с писателем в Петербурге).

[6] В это время Антокольский, по-видимому, работал над автобиографическими записками, которые были опубликованы в 1887 г. в «Вестнике Европы» (М. М. Антокольский. Из автобиографии. «Вестник Европы», 1887, т. 5, кн. 9—10).

[7] Возможно, что об этом разговоре упоминает Антокольский в письме к В. В. Стасову от 9 января ст. ст. 1887 г.: «... по мнению даже И. С. Тургенева, „у меня не русский язык, но своеобразный и пахнет каким-то особенным букетом“. Это он сам мне сказал. Что касается ошибок, то он сказал, что „необходимо поправлять их так, чтобы вы целиком остались“, тем более, что и слог у меня хороший» (*Антокольский*, стр. 586).

[8] Вероятно, Гинцбург имеет в виду собрание писем Антокольского в издании т-ва М. О. Вольф: Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи. Под ред. В. В. Стасова. СПб.—М., 1905. — Издание же писем А. С. Суворина библиографами не зарегистрировано.

[9] Тургенев ответил М. М. Антокольскому 1 (13) июля 1881 г. И сам Антокольский писал Гинцбургу в декабре 1889 г. о том, что им был получен ответ писателя на большое и подробное письмо, посвященное еврейскому вопросу (*Антокольский*, стр. 860). Вероятно, Гинцбург имел в виду отказ Тургенева выступить по этому поводу печатно (см. указанное выше письмо Тургенева к Антокольскому).

[10] О похоронах Тургенева см. также: А. Ф. Кони. Похороны Тургенева. В кн.: Тургеневский сборник под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921, стр. 57—85.

ТУРГЕНЕВ И ХУДОЖНИК Н. Д. ДМИТРИЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ

«В конце шестидесятых годов XIX века в Париже собралась группа русских художников: Гун, Харламов, Леман, Роман, Поленов, Верещагин, Боголюбов. В семидесятых годах к ним примкнули Дмитриев-Оренбургский, Прянишников, Похитонов. Это были основные члены художественного кружка в Париже. Из России постоянно приезжали и на время примыкали к ним такие, как: Савицкий, Репин, Горский, Виллие...».[1] Если пополнить этот перечень, сделанный дочерью Н. Д. Дмитриева-Оренбургского — Е. Н. Брюлловой,[2] именами М. М. Антокольского и В. В. Матэ, он мог бы с достаточной точностью определить круг знакомств и дружеских связей Тургенева в среде русских художников в Париже в 70-е годы.

Со многими из них Тургенев находился в переписке; популяризации творчества таких художников, как В. В. Верещагин, А. А. Харламов, писатель отдавал немало сил и времени. Благотворному влиянию личности Тургенева на художников (иногда и не разделявших его эстетических взглядов) посвящены многие страницы переписки и воспоминаний А. П. Боголюбова, М. М. Антокольского, И. Е. Репина, В. В. Верещагина, В. Д. Поленова, В. В. Матэ.[3] Сделанные с натуры современниками Тургенева (М. М. Антокольским, И. Е. Репиным, В. Г. Перовым, Н. П. Ге и др.) его портреты заняли достойное место в истории русского изобразительного искусства.

Один из наиболее популярных портретов Тургенева — живописный портрет работы Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, изображающий писателя в рост, в охотничьем костюме, с ружьем. Портрет был написан с натуры, и история его создания, как и характер отношений между художником и Тургеневым, представляют несомненный интерес. К сожалению, материал, который мог бы осветить этот вопрос, невелик: переписка Тургенева с Н. Д. Дмитриевым-Оренбургским представляет собой всего пять коротких записок делового характера, личный фонд художника в *ГРМ* (№ 127) состоит преимущественно из семейной переписки, переданной в музей его внучкой, С. В. Брюлловой; несколько официальных писем хранится в рукописном отделе *ГБЛ*. Но и из этих немногочисленных документов вырисовывается облик Н. Д. Дмитриева-Оренбургского как

---

[1] Виллие Михаил Яковлевич (1838—1911) — художник-акварелист; Горский Константин Николаевич (р. 1854) — художник, пенсионер Академии художеств с 1882 г. Е. Н. Брюллова допустила здесь ряд неточностей в датах: В. Д. Поленов жил в Париже в 1873—1876 гг., В. В. Верещагин поселился там в 1876. г.

[2] Е. Н. Брюллова. Жизнь и творчество Юрия Яковлевича Лемана. *ГРМ*, ф. 123, № 185, л. 3.

[3] Об отношении Тургенева с русскими художниками см.: И. С. Зильберштейн. 1) Репин и Тургенев. М.—Л., 1945; 2) Выставка художника В. В. Верещагина. *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 291—336; Н. П. Лощинин. Тургенев и русские художники. «Художник», 1964, № 5, стр. 41—46; см. также статьи Н. Ф. Будановой «Забытый адресат Тургенева» и Л. И. Кузьминой «Тургенев и В. В. Матэ» (*Тургенев, Сб.*, вып. I и II).

И. С. Тургенев. Этюд Н. Д. Дмитриева-Оренбургского к картине «Охота, устроенная бароном Гинцбургом вел. кн. Николаю Николаевичу близ Парижа». 1879. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

человека, занимавшего одно из первых мест в парижском кругу русских художников, близких Тургеневу, и проясняются в общих чертах отношения между писателем и художником.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский приехал в Париж из Дюссельдорфа и поселился там окончательно в 1875 г. «Молчаливый, болезненный на вид», державшийся «несколько в стороне»,[4] художник вошел вскоре в кружок, группировавшийся вокруг А. П. Боголюбова, и стал одним из непременных участников праздников, литературных вечеров и утренников, устраиваемых этим кружком. 1 (13) января 1875 г. В. Д. Поленов, описывая в письме к своей семье встречу Нового года у А. П. Боголюбова, причислил Дмитриева-Оренбургского к самому «интимному кружку»: «Собственно компания, собирающаяся у Боголюбова, делится на два отдела — один интимный кружок, а потом остальное общество. Первый состоит из: Репиных, Савицких, Дмитриевых, Серовой, Жуковского, одного хохла, замечательного баса, другого архангельца, прекрасного тенора, и трех молоденьких хохлушек Ге, племянниц знаменитого художника».[5] Встреча Нового года у А. П. Боголюбова запечатлена на рисунке Н. Д. Дмитриева-Оренбургского,[6] представляющем собою композицию нескольких сцен этого праздника; среди присутствующих изображен и Тургенев.

В декабре 1877 г. организовалось «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». В 1898 г. в некрологе Н. Д. Дмитриева-Оренбургского говорилось: «Переехав в Париж, он учредил там, между прочим, „Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже“».[7] Известно, что основными учредителями этого «Общества» были Тургенев, А. П. Боголюбов, М. М. Антокольский, Г. О. Гинцбург. Но Н. Д. Дмитриев-Оренбургский был одним из активных деятелей по организации «Общества» и членом первого его комитета. О том, что он принимал участие в выработке устава «Общества», свидетельствует следующее письмо к нему Тургенева, датированное январем 1878 г.: «Любезный Николай Дмитриевич! Я не могу исполнить поручение Комитета, потому что Вы забыли приложить *копию с устава*, которую мы препровождаем Орлову. Пожалуйста, пришлите ее с сим посланным, а также *копию* с протокола того дня, когда были выбраны Кумани, Гинцбург и Вы».[8] Поручение Комитета Тургеневу состояло в том, что последний редактировал и переводил на

---

[4] И. Я. Гинцбург. Из прошлого. Госиздат, 1924, стр. 79.

[5] Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов, Е. Д. Поленова. Хроника семьи художников. Изд. «Искусство», М., 1964, стр. 153. — Там же (стр. 153—155) — описание костюмированного зрелища (владельцем большой коллекции костюмов был Н. Д. Дмитриев-Оренбургский), которому «Тургенев радовался как ребенок».

[6] См.: *ПД, Описание*, стр. 216.

[7] «Новое время», 1898, 24 апреля (6 мая), № 7957.

[8] См.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 276. — Николай Алексеевич Орлов, князь (1827—1885) — русский посол в Париже в 1870—1882 гг.

французский язык устав, проект которого был подготовлен М. М. Антокольским.[9]

Деятельность в «Обществе» занимала, очевидно, не последнее место в жизни Н. Д. Дмитриева-Оренбургского. В его переписке есть несколько упоминаний о событиях, связанных с «Обществом». Так, в его неопубликованном письме к конференц-секретарю Академии художеств П. Ф. Исееву содержится описание «инцидента» с П. Л. Лавровым, известного по воспоминаниям П. Л. Лаврова «И. С. Тургенев и развитие русского общества»,[10] И. Я. Павловского «Воспоминание об И. С. Тургеневе» [11] и А. П. Боголюбова «Записки моряка-художника».[12] Сущность инцидента сводилась к тому, что на литературно-музыкальном вечере 2 (14) февраля 1880 г., по приглашению Тургенева, присутствовал П. Л. Лавров. Это вызвало возмущение и страх за свою репутацию некоторых реакционно настроенных членов «Общества» и, в особенности, члена Комитета барона Л. Фридерикса, заявившего о выходе из состава Комитета, что грозило большими неприятностями «Обществу» и, в частности, Тургеневу, хотя он и отсутствовал на этом вечере из-за приступа подагры.

Вот как описывает это «событие» Н. Д. Дмитриев-Оренбургский: «По поводу известного Вам скандала в нашем Обществе скажу Вам (между нами), что во всем виноват барон Фридерикс, наш военный агент; когда в комитете было предложено контролировать гостей, вводимых членами, то он был против этой меры, а когда он узнал, что Лавров был на вечере между гостями, то он сейчас же подал в отставку из комитета и немедленно во всей русской колонии разнесся слух, что общество полно эмигрантами и т. д. Я Вам говорю истинную правду и могу подтвердить свидетелями, и так судите сами о поступке; наш посол князь Орлов весьма верно заметил, что вместо того, чтобы остаться на своем посту и защищать ничем не повинное общество, он предпочел уйти; вместо того, добавлю я, чтобы вместе с комитетом принять немедленные меры на будущее время и тем сознать ошибку комитета, он своим выходом исказил все дело. Комитет впрочем и без него поправил дело, и теперь все успокоилось».[13] Возможные решительные меры по отношению к «Обществу», вплоть до его закрытия, со всей очевидностью учитывает Н. Д. Дмитриев-Оренбургский: в письме к П. Ф. Исееву, как лицу официальному, близкому царскому двору, он всячески оправдывает действия комитета и прежде всего Тургенева, пригласившего П. Л. Лаврова.

---

[9] См.: *Антокольский*, стр. 345. — Интересно, что устав «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже» находился у Н. Д. Дмитриева-Оренбургского. В 1909 г. вдова художника, Н. В. Дмитриева, передала его среди других материалов Б. Л. Модзалевскому (см. расписку о получении его на визитной карточке Б. Л. Модзалевского: *ГРМ*, ф. 123, № 60, л. 1). Место нахождения устава в настоящее время неизвестно.

[10] *Революционеры-семидесятники*, стр. 66.

[11] «Русский курьер», 1884, 18 июля, № 196.

[12] *ГПБ*, ф. 82, № 4, лл. 55—57.

[13] Письмо Н. Д. Дмитриева-Оренбургского П. Ф. Исееву (без даты): *ГБЛ*, № 5051/3, л. 73.

Сам Тургенев понимал нависшую над ним и его друзьями опасность, о чем свидетельствует его тревожное письмо к А. П. Боголюбову от 10 (22) февраля 1881 г.,[14] где он, подтверждая факт приглашения им П. Л. Лаврова, пытается воздействовать на барона Л. Фридерикса, заявляя, что в случае его отставки он сам вынужден будет выйти из состава «Общества». Если учесть, что «Общество» с момента его основания (1877 г.) обвиняли в покровительстве политическим эмигрантам,[15] становится понятно настроение, охватившее его организаторов, в частности Тургенева, после инцидента с Лавровым. Крайней мерой с целью спасения «Общества» (см. выше: «Комитет <...> поправил дело») можно считать адрес Александру III от имени «Общества», написанный Тургеневым.[16] Рукою Тургенева написан также черновик протокола заседания комитета «Общества», где видна еще одна попытка спасти положение изменением учрежденных ранее правил о входе на литературно-музыкальные вечера, устраиваемые «Обществом». Во изменение старого параграфа устава о вводе гостей в протоколе говорилось: «Каждый член получает в случае устройства литературно-музыкального вечера один билет для введения гостьи с условием доставить имя и адрес приглашенной дамы в Комитет для получения именного приглашения».[17]

Инцидент остался без последствий, но запомнился членам «Общества», — во всяком случае, он еще долго упоминался в их переписке. Так, письмо Дмитриева-Оренбургского к П. Ф. Исееву от 12 (24) февраля 1882 г. представляет собою своего рода отчет о новых событиях в «Обществе», где подчеркивается их полная благонамеренность: «У нас в Обществе на днях был музыкально-литературный вечер и на этот раз без скандала; наоборот, все от него в восторге... Почти вся аристократия русской колонии с удовольствием аплодировала русским артистам, приглашенным для участия Иваном Сер‹геевичем› Тургеневым, который сам, говорят,[18] превосходно прочел свое последнее сочинение».[19] Речь идет о литературно-музыкальном вечере, состоявшемся 1 (13) января 1882 г. на rue de Tilsitt, 18, в клубе «Общества». О нем же писал Боголюбов А. Н. Пыпину 2 (14) января 1882 г. Сообщая программу вечера, Боголюбов совершенно очевидно преследовал цель широко разрекламировать деятельность Общества для его окончательной реабилитации, все еще помня об инциденте с П. Л. Лавровым. Нарочито называя среди посетителей вечера великого князя Константина Николаевича, посла князя Орлова, подчеркивая чисто светский характер вечера («много дам, жены и родственницы членов Общества»), А. П. Боголюбов просит А. Н. Пыпина передать М. М. Стасюлевичу просьбу осветить все это в газете «Порядок»:

---

[14] См.: *Письма*, т. XIII.

[15] *Антокольский*, стр. 352.

[16] *ЦГАЛИ*, ф. 705, оп. 1, № 87.

[17] *ИРЛИ*, 29362.CCIXб.11. — Название документа и дата — начало 1880 г. — написаны рукой А. Ф. Онегина. В дате А. Ф. Онегин ошибся.

[18] Н. Д. Дмитриев-Оренбургский был болен и на вечере не присутствовал.

[19] *ГБЛ*, № 5051/3, л. 81.

«Надеюсь, что редактор газеты „Порядок“ не откажет нам в этом (тоже как член наш). — Знаю, что Михаил Матвеевич враг рекламы в своем журнале — но нам это нужно, ибо первый наш прошлогодний блин оказался совершенным комом, а теперь надо поправлять свою репутацию».[20]

Однако реальная почва под слухами о том, что «общество полно эмигрантами», имелась. Известно, что «Общество» в целом и Тургенев в частности материально помогали политическим эмигрантам.[21] О близости эмигрантских и художнических кругов в Париже в 70-е годы свидетельствует и переписка Тургенева с Н. Д. Дмитриевым-Оренбургским. Так, в письме к художнику, написанном в 1879 году, Тургенев рекомендует ему в качестве возможного учителя русского языка для его дочери Екатерины Николаевны «некоего молодого человека» с фамилией Битмид.[22]

16 января 1879 г. в Петербурге был арестован по обвинению в принадлежности «Обществу для противоправительственной пропаганды в Москве и в Вологодской губернии» и выслан за границу без права въезда в Россию Николай Егорович Битмид. «В нашей семье всю жизнь прожил учитель мамы, Николай Егорович Битмид; кристально чистый человек, настоящий революционер. Порекомендовал его дедушке Иван Сергеевич Тургенев», — рассказывает внучка художника С. В. Брюллова. Сохранившиеся среди неопубликованной переписки Н. Д. Дмитриева-Оренбургского письма Н. Е. Битмида проливают свет на его дальнейшую судьбу.[23] Битмид не только стал вскоре своим человеком в семье Дмитриевых, но и вошел в круг художников, пробуя свои силы в искусстве графики. Интересно, что надежду возвратиться на родину он связывал с намерением экспонировать на выставке в Петербурге свой рисунок — вилла И. С. Тургенева в Буживале, — сделанный с натуры.

Эпизод с Битмидом — еще одно (хотя и не единственное) свидетельство того, что в своих рекомендациях[24] Тургенев отнюдь не был таким неразборчивым, как иногда считали некоторые из его современников (см., например, письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к П. В. Анненкову от 9 (21) марта 1876 г.).[25]

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, известный в истории русской живописи прежде всего как автор батальных сцен, очень много внимания уделял также картинам народного быта. Эта сторона его творчества, видимо, была близка Тургеневу и могла привлечь внимание писателя. Об этом свидетельствует черновой набросок небольшого очерка Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, служащего своего рода аннотацией к его картине «Сборщик на церковь» (очерк так и назван: «Сборщик на церковь»).[26]

---

[20] *ГПБ*, ф. 621, № 89, л. 2.
[21] См. об этом: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 14.
[22] *Письма*, т. XII, кн. 2, № 5057.
[23] *ГРМ*, ф. 123, № 33.
[24] См. выше, стр. 255.
[25] См.: Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Письма, т. I. Гослитиздат, М., 1937, стр. 352.
[26] *ГРМ*, ф. 123, № 10, л. 1.

Рассказывая о том, как, делая набросок со сборщика, подобного изображенному, художник вызвал с его стороны подозрение, что пишется донос, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский передает здесь рассказ Тургенева по этому поводу. Приводим его полностью: «А вот что рассказал И. С. Тургенев автору этого рисунка, когда художник передал ему свой выше приведенный рассказ: „Однажды я, рассказывал Тургенев, был в деревне, с приятелем, который немного рисовал, и я тоже притащил ему с улицы типичного сборщика на церковь. Когда он нарисовал с него рисунок, то я взял этот рисунок и показал старику. — «Похож ли ты», — спросил я его. Он с удивлением посмотрел на меня. «А я почем знаю, похож я или нет! Разве я себя видал?» — Я выразил удивление. Старик начал горячиться: «А ты разве себя видал», — вскричал он. — «Вот ты можешь сказать, похож я или нет, ты меня видишь и рисунок видишь, вот кабы с тебя он нарисовал, я бы сказал, похож ты или нет. Я тебя вижу и рисунок вижу. А себя-то кто же видал?» Старик не имел никакого понятия о зеркале. «А в реке, тихой воде, — спросил я его, — когда пил или мылся, неужели никогда в жизни ты не взглянул, какой ты из себя выглянешь». — Старик махнул рукой. «Эва чего захотел! Еще утопнешь!» — ответил он“».

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский был одним из немногих современных Тургеневу художников, иллюстрировавших его произведения. Интерес к творчеству писателя возник у него еще в 60-е годы, когда они не были знакомы. В 1864 г., в III томе альбома «Северное сияние», издаваемого В. Геккелем, были помещены гравюры с рисунков художника к рассказу «Свиданье», а в 1865 г., в IV томе — иллюстрации к рассказу «Певцы» и роману «Накануне». Подлинники этих иллюстраций Н. Д. Дмитриева-Оренбургского не сохранились, до нас дошли только гравюры на стали, сделанные с рисунков, видимо значительно их исказившие, чем и можно объяснить то обстоятельство, что издатели произведений Тургенева почти не использовали их в качестве иллюстраций.

Вспоминая позже (уже в 1903 г.) о популярности оригиналов Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, И. Е. Репин писал В. В. Стасову: [27] «...кое-что сделал весьма удачно Дмитриев-Оренбургский. Самого Тургенева на охоте, к „Свиданию“, к „Накануне“. В свое время эти вещи имели большой успех (дело было еще в «Артели»)». В памяти И. Е. Репина произошло значительное смещение: если названные иллюстрации были сделаны художником действительно в 60-е годы, то портрет почти через 20 лет — в 1879 г.

Поразительно мала литература об этом портрете, являющемся этюдом к картине: «La chasse offerte au grand duc Nicolas-Nicolaevitsh par le baron Ury de Gunzbourg à Chambodoion en 1879» («Охота, устроенная великому князю Николаю Николаевичу бароном Ури Гинцбургом в Шамбодуэне в 1879 году»). Неизвестно и местонахождение картины, хранившейся

[27] Письмо И. Е. Репина к В. В. Стасову от 16 июня 1903 г. см. в кн.: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. III. Изд. «Искусство», М.—Л., 1950, стр. 53.

ранее в Романовской галерее Зимнего дворца.[28] (Портрет Тургенева поступил в музей Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР из Ювелирторга).

Большая многофигурная композиция, где, кроме Тургенева, изображены барон У. О. Гинцбург, А. М. и В. М. Вонлярлярские, В. И. Осташев, Шершевский, два егеря и сам художник, была закончена Н. Д. Дмитриевым-Оренбургским летом 1880 г. То, что «картина не есть создание творческой фантазии художника, а зарисованное им с натуры действительное событие»,[29] помогает с большей точностью определить время, когда художник делал наброски с натуры. Помогает это сделать и переписка Тургенева этого времени. 27 октября (8 ноября) 1879 г. Тургенев сообщает в письме к П. В. Анненкову[30] о первом знакомстве с великим князем Николаем Николаевичем (старшим): «Но что такое *фельдмаршал* Николай Николаевич!! (Мне с ним пришлось познакомиться...) Уму непостижимо!». А уже в письме к М. М. Стасюлевичу от 1 (13) января 1880 г.[31] он извещает о своем участии в охоте на фазанов «у Гюнцбурга». Очевидно, что охота, общую композицию которой Н. Д. Дмитриев-Оренбургский зарисовал с натуры, происходила осенью (об этом свидетельствует и изображенный пейзаж), но не позднее 27 ноября (9 декабря), когда, как писал Тургенев М. М. Стасюлевичу, в Париже было 20° мороза и лежал снег. Таким образом, охота происходила в промежутке между 27 октября (8 ноября) и 27 ноября (9 декабря) 1879 г.

Портреты изображенных на картине писались художником как отдельные этюды в его мастерской, где ему позировал, как и другие,[32] Тургенев.[33] Но, по воспоминаниям дочери художника, сеансы происходили иногда и у Тургенева, куда отец брал ее с собой.[34]

Портрет Тургенева работы Н. Д. Дмитриева-Оренбургского приобрел со временем большую популярность, которой пользуется до сих пор.[35] И очевидно, что секрет его успеха не в художественном превосходстве над портретами работы И. Е. Репина, В. Г. Перова, Н. Н. Ге. Рожденный как этюд к большому полотну с изображением великосветской охоты в окрестностях Парижа, портрет приобрел самостоятельное звучание и новое осмысление: пейзаж и охотничьи аксессуары делают его своеобразной иллюстрацией к «Запискам охотника», стереотипное издание которых (СПб., 1883) впервые познакомило русскую публику с этим портретом.

---

[28] «Нива», 1903, № 37, стр. 742—743.

[29] Там же.

[30] *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 161.

[31] Там же, стр. 201.

[32] См. телеграмму Н. А. Орлова об отмене сеанса для великого князя (*ГРМ*, ф. 123, № 67), а также письмо В. М. Вонлярлярского (там же, № 42, л. 1).

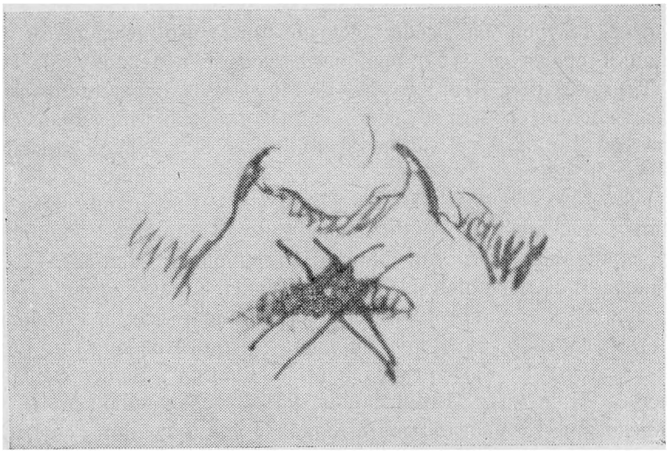
[33] См. об этом письма Тургенева к Н. Д. Дмитриеву-Оренбургскому: *Письма*, т. XII, кн. 2.

[34] В передаче С. В. Брюлловой.

[35] К портрету обращались граверы: И. П. Пожалостин (1884 г.), Я. Д. Андреев (900-е годы); к нему же восходит шаржированный рисунок А. П. Боголюбова (1879).

О массовом распространении портрета в репродукциях заботился и сам его автор. Он писал неизвестному лицу (по имени Вася): «Фотокопией его ‹Тургенева› портрета в общем я очень доволен, исключая лица, которое менее похоже на Тургенева, чем в фотографии ‹...› Нельзя ли исправить ‹...› лицо, облегчив тени под щеками, начиная от ноздрей до кончиков усов, эти тени чересчур вышли темны и придают лицу фальшивое выражение.

Вот эти тени:



Рот не надо исправлять. Потом глаза немного косят. Надо левый его глаз исправить, тот, котор‹ый› ближе к ружью. Показать в нем чуть-чуть больше белка в углу глаза со стороны уха, и въехать этим белком немного в зрачок внизу».[36]

Л. И. Кузьмина

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ СБОРНИКА «ТУРГЕНЕВ И САВИНА»

I

В ноябре 1918 г. в нашей стране отмечалось столетие со дня рождения Тургенева. Во многих городах были проведены торжественные заседания и вечера, поставлены тургеневские спектакли, организованы выставки.[1] Юбилей ознаменовался появлением новых работ и публикаций, посвященных Тургеневу.[2] По справедливому замечанию Н. Л. Бродского,

[36] *ГРМ*, ф. 123, № 15, Л. 3.

[1] См.: И. Р-берг ‹И. С. Розенберг›. Тургеневские дни. «Бирюч петроградских государственных театров», 1918, № 7, стр. 49—52.

[2] См.: М. П. Алексеев. 1) Тургеневский юбилей на юге России (1918—1919). (Библиографические заметки). Черкассы, 1919; 2) Материалы к тургеневской библиографии (1918—1919). *Тургенев и его время*, стр. 317—324; Н. Бродский. Юбилейная литература об И. С. Турге-

в юбилейной тургеневской литературе «на первом месте должно быть поставлоно издание государственных театров — „Тургенев и Савина. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Петроград, 1918“».[3] Здесь были впервые опубликованы 80 писем Тургенева к Марии Гавриловне Савиной за 1879—1883 гг., принадлежащие к лучшим страницам в эпистолярном наследии писателя. Вошли в сборник и неоконченные воспоминания Савиной о Тургеневе.

Еще в начале 1918 г. «Бирюч петроградских государственных театров» (№ 1, стр. 44—45) извещал читателей: «Издательство Русской драмы Государственных театров на особо ассигнованные Комиссариатом Народного Просвещения средства к 10 ноября выпускает переписку М. Г. Савиной с И. С. Тургеневым». В архиве А. Е. Молчанова сохранились материалы, свидетельствующие о том большом внимании, которое проявил к изданию этого сборника А. В. Луначарский, возглавлявший тогда Народный комиссариат просвещения.

В августе 1918 г. А. Е. Молчанов писал заведующему Отделом Государственных театров И. В. Экскузовичу: «В архиве почившей жены моей — заслуженной артистки Марии Гавриловны Савиной — сохранилась неопубликованная переписка И. С. Тургенева с нею, а также целый ряд относящихся к этому исторических материалов; все это собрано мною, приведено в соответствующий порядок и приготовлено к печати под общим заглавием „И. С. Тургенев и М. Г. Савина“. Ввиду сделанного мне предложения Народным Комиссаром по Просвещению А. В. Луначарским — предоставить указанные материалы для издания Государственным театром, считаю долгом уведомить Вас, что принимаю это предложение с сердечной благодарностью и выражаю готовность принять на себя безвозмездно общее руководительство этим делом. При этом позволяю себе высказать пожелание, чтобы 20% с каждого проданного экземпляра этой книги было бы отчислено в фонд стипендии имени Марии Гавриловны Савиной в основанном ею в Петербурге Убежище для престарелых сценических деятелей Русского Театрального общества. Кроме того, согласно Вашему желанию, прилагаю при сем примерную смету предварительных расходов по изданию книги „И. С. Тургенев и М. Г. Савина“».[4]

3 сентября 1918 г. А. В. Луначарский направил в Экспедицию заготовления государственных бумаг следующее распоряжение:

> «По поводу исполняющегося 28-го октября (10-го ноября) текущего года 100-летия со дня рождения *Ивана Сергеевича Тургенева* Государственные театры предприняли издание: *И. С. Тургенев и М. Г. Савина*“ (Неопубликованные до сих пор письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. — Воспоминания М. Г. Савиной

неве. В кн.: Научные известия. Сборник второй. ГИЗ, М., 1922, стр. 195—221. — См. также: И. Я. Айзенштok. Из истории изучения Тургенева. (Тургеневский кружок при Харьковском университете. 1918 г.). *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 216—225.

[3] Н. Бродский. Юбилейная литература об И. С. Тургеневе, стр. 195—196.

[4] *ЦГИА*, ф. 678, оп. 1, ед. хр. № 1123, л. 1 (копия письма).

об И. С. Тургеневе и проч.). Прошу Экспедицию заготовления государственных бумаг принять на себя и выполнить в возможно скором времени, ввиду краткости срока, все работы по указанному изданию, которое должно быть в двух видах: роскошное — в количестве 500 экземпляров и популярное для широких масс народа — в количестве 3000 экземпляров. Все литературные и иллюстрационные материалы для этого издания будут предоставлены А. Е. Молчановым.

Народный Комиссар по Просвещению
А. Луначарский».[5]

II

Начиная со 2-й книги XII тома писем «Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева» печатаются по подлинникам письма Тургенева к Савиной. Обращение к автографам [6] показало, что тексты писем в первой публикации — в сборнике «Тургенев и Савина» — были подготовлены очень тщательно. В большинстве своем они адекватны подлинникам. Но несколько писем было опубликовано с купюрами и некоторой правкой текста Тургенева. Кем были сделаны эти изменения в текстах писателя, чем они были вызваны? Какова роль А. Ф. Кони как редактора этого издания? В архиве А. Е. Молчанова, хранящемся в ЦГИА, имеются письма к нему Кони, касающиеся подготовки к печати сборника, дающие материал для ответов на эти вопросы.

В 1918 г. Молчанов передал Кони письма Тургенева к Савиной (в копиях). 4 августа 1918 г. Кони писал Молчанову: «Я успел уже просмотреть письма Тургенева и восхищаюсь блеском его ума, его отзывчивостью и скорбными нотами его последних писем, напоминающими прижизненный marche funèbre.[7] Думаю, что можно написать и хорошее предисловие ‹...› Но есть ряд вопросов, которые я желал бы разрешить, прежде чем принять на себя эту работу, а именно: 1) будет ли брошюра издана лишь иждивением Совнаркома или от его имени? [8] 2) Не признаете ли Вы возможным: а) совсем не печатать некоторых незначительных писем Т‹ургенева›, чтобы избежать ряда упреков, сказанных по

[5] Там же, л. 2 (заверенная машинописная копия). — Примерная смета на издание этой книги также была утверждена А. В. Луначарским (там же, л. 3). Она предусматривала гонорар за редактирование сборника и предисловие к нему, плату за переписку и специальную корректуру, а также 20% отчислений от продажи книг в фонд стипендии имени М. Г. Савиной для престарелых сценических деятелей. Издание вышло в двух видах. Роскошное было напечатано на лучшей бумаге, с портретом Тургенева на фронтисписе и 21 иллюстрацией на вклейках.

[6] ЦГАЛИ, ф. 853 (М. Г. Савиной), оп. 2, ед. хр. 1285. — 77 писем и три телеграммы Тургенева сброшюрованы здесь в одну тетрадь. В конце тетради (лл. 112—113) помещена составленная, по-видимому, А. Е. Молчановым опись всех писем — в хронологическом порядке и с указанием их дат. Неизвестным остается подлинник телеграммы от 10 (22) или 11 (23) января 1879 г., русский перевод которой дан в тексте воспоминаний Савиной (*Тургенев и Савина*, стр. 63).

[7] похоронный марш (*франц.*).

[8] В предисловии Кони отметил: «Появление в свет этой книги приняло на себя Управление Государственными театрами ‹подчинявшееся Народ-

поводу переписки Стасюлевича,[9] и б) исключить некоторые выражения Т‹ургенева›, нисколько не уменьшающие смысла и содержания писем, но дающие материал для злобных и грязных искажений его душевных настроений. Стоит в этом отношении припомнить ценную книгу Иванова-Разумника о Тургеневе.[10] 3) Нет ли у Вас хотя бы случайно — некоторых писем М‹арии› Г‹авриловны› к Тургеневу[11] и 4) не признаете ли Вы возможным признать, что некоторые подстрочные примечания Ваши».[12]

Наряду с восхищением от писем Тургенева, Кони выражает опасения в адрес читающей публики. В недатированном письме, очевидно относящемся к августу 1918 г., он пишет Молчанову: «Возвращаю Вам письма Тургенева, прочитанные мною с великим наслаждением. Каким нежным ароматом веет от этого, преломленного ветром судьбы, цветка. Для чистого помыслами любителя — ценителя душевной красоты, ярких определений и умных цитат — это будет ценная находка. Но не думаете ли Вы, что наша, воспитанная разными господами, проходившими мимо Т‹ургенева›, в esprit mal tourné[13] публика не сумеет оценить последней вспышки сердца великого писателя и начнет „пересмотр“ ‹?› поцелуев со своей пошлой и вульгарной точки зрения? А между тем ни одного слова из этих писем выкинуть нельзя...».[14]

В сборнике «Тургенев и Савина» Кони и Молчанов опубликовали в строго хронологическом порядке[15] все имевшиеся в их распоряжении письма и телеграммы Тургенева к Савиной. Отступления от автографов были произведены ими в девяти письмах — от 17 (29) и 19 (31) мая, 4(16) июня 1880 г.; 1, 3 (13, 15) марта, 19 (31) августа, 18 (30) октября и 3 (15) декабря 1881 г.; 7 (19) июня и 17 (29) сентября 1882 г.

ному комиссариату просвещения›, которое отнеслось с горячим сочувствием к обнародованию заключающихся в ней ценных материалов для характеристики двух выдающихся деятелей...» (*Тургенев и Савина*, стр. V).

[9] Речь идет об издании: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. III. СПб., 1912. — Так, К. Ф. Головин писал: «Надо было появиться его ‹Тургенева› письмам — плохую услугу оказал ему его друг М. М. Стасюлевич, издав их после смерти великого писателя, — чтобы двоедушие этого, с виду открыто приветливого человека обнаружилось перед глазами всех» (К. Головин. Мои воспоминания, т. I. СПб., 1908, стр. 219).

[10] По-видимому, речь идет о книге: Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Тт. I, II, Пб., 1907; изд. 5, Пб., 1918 (О Тургеневе: т. I, стр. 196—208; т. II, стр. 71—76, 85—90, 296—298).

[11] Письма Савиной к Тургеневу неизвестны.

[12] *ЦГИА*, ф. 678, ед. хр. 385, лл. 30—31.

[13] в извращенном духе (*франц.*).

[14] *ЦГИА*, ф. 678, ед. хр. 385, лл. 76—77.

[15] Исключение из этого хронологического ряда составили две телеграммы: от 10 (22) или 11 (23) января 1879 г. (см. о ней выше, примеч. 6) и от 19 (31) января 1879 г., которая была дана в факсимиле на вклейке (*Тургенев и Савина*, между стр. 62 и 63).

Будучи связан с Савиной годами большой дружбы, переписываясь с нею,[16] Кони хорошо знал, как беспокоила ее судьба писем Тургенева к ней. «Всю ночь сегодня я перечитывала дорогие письма — четыре последние года его жизни. Неужели когда-либо это мое богатство попадет в чужие руки?» — писала Савина Кони 29 августа 1883 г. «25 лет я свято хранила их и кроме Вас (да и то одно письмо[17]) никто не видал их», — пишет она ему же 23 марта 1908 г.[18] Известную тревогу по этому поводу Кони мог услышать и в письмах Тургенева к Савиной. 7 (19) июня 1882 г. он писал: «Что до моих писем — то Вы можете делать с ними, что Вам угодно ‹...› Я знаю наверное, что беседуя письменно с Вами, я беседую с Вами одною; *но и без Вашего ведома чужая рука может как-нибудь коснуться этих листков* ‹...› Впрочем, это всё вздор — и я повторяю: делайте, что хотите».[19] Выделенные нами слова были опущены в сборнике «Тургенев и Савина». По совету Кони[20] в постскриптуме письма Тургенева от 17 (29) мая 1880 г. — «Ведь я могу писать — con tutta libertà? [21] *Т. е., кроме Вас, никто читать этого не будет?»* [22] — была также опущена подчеркнутая нами фраза.

После получения корректур писем Тургенева к Савиной Кони писал 25 сентября 1918 г. Молчанову: «Я думал бы также, что в нескольких письмах надо уничтожить „и...“ и „и не только их“ [23] и т. п. — представляющие «пленной мысли раздражение» старика, которое недобросовестная критика и лицемерная дружба может обратить против М‹арии› Г‹авриловны›, роль которой в этих письмах представляется возвышенно чистой. Точно так же было бы лучше совсем уничтожить в письме

---

[16] 140 писем из переписки Савиной и Кони впервые были полностью опубликованы в издании: М. Савина и А. Кони. Переписка. 1883—1915. Вступ. статья и примеч. А. М. Брянского. Изд. «Искусство», М.—Л., 1938 (отрывки из некоторых писем Савиной к Кони и одного письма Кони к ней: *Тургенев и Савина*, стр. 91—94, 96, 98—104). — В настоящее время 110 писем Савиной к Кони за 1883—1913 гг. хранятся в *ЦГАЛИ* (ф. 853, оп. 2, ед. хр. 111, 112). Там же хранятся 123 письма Кони к Савиной за 1883—1915 гг. (ф. 853, оп. 2, ед. хр. 681, 682). 16 писем Кони к Савиной хранятся в *ИРЛИ* (ф. 134, оп. 2, ед. хр. 54, и оп. 13, ед. хр. 16).

[17] См. об этом ниже, на стр. 278—279.

[18] *Савина и Кони*, стр. 27, 80.

[19] *Письма*, т. XIII, кн. 1 (курсив наш, — *Г. С.*). Одно письмо — от 19 (31) мая 1880 г. — Тургенев просил Савину уничтожить (см. ниже, на стр. 278—279).

[20] В письме к Молчанову от 23 октября 1918 г.: «Быть может лучше бы, если это еще возможно, выбросить в письме от 17 мая 80 г. приписку, т. е. слова „т. е. кроме Вас никто этого читать не будет“, оставив „con tutta liberta“ и дальше» (*ЦГИА*, ф. 678, ед. хр. 385, л. 28).

[21] совершенно свободно (*итал.*).

[22] *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 259.

[23] Это пожелание Кони было выполнено. Так, например, Тургенев писал Савиной 17 (29) мая 1880 г.: «...а я целую Ваши ручки, ножки, всё, что Вы мне позволите поцеловать... *и даже то, что не позволите*» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 259). Или в письме от 3 (15) декабря 1881 г.: «...и даже заочно не захочу целовать Ваши руки... Нет, вздор, всегда буду хотеть целовать их... *и не только их...*» (там же, т. XIII, кн. 1). Выделенные нами слова были опущены в сборнике «Тургенев и Савина».

19 мая 80 г. слово „чувственность“».[24] Эти опасения Кони вызвали изменения в текстах наиболее откровенных писем Тургенева, касавшихся его отношения к Савиной.

Самой большой правке подверглось письмо от 19 (31) мая 1880 г. Оно было написано в Спасском после встречи с Савиной, проезжавшей через Мценск на гастроли. Тургенев проводил ее в вагоне железной дороги от Мценска до Орла. Это «одно из наиболее интимных, „кризисных“ посланий к ней, — как пишет М. П. Алексеев, — полное откровенных признаний, писанное Тургеневым в минуту глубокого душевного волнения. Савина имела полное основание выделять это письмо из всех прочих и особенно тщательно и ревниво таила его от посторонних».[25]

Приведем два примера правки, произведенной при первой публикации в этом письме. Слева дан текст по автографу, в нем курсивом выделены нами фразы, подвергшиеся замене или правке. Справа — соответствующий им текст в сборнике «Тургенев и Савина».

1) Я воображаю, что размышляю о Пушкинском празднике, и вдруг замечаю, что губы мои шепчут: *«Какую ночь мы бы провели...* А что было бы потом? — А Господь ведает!» — И к этому немедленно прибавляется сознание, что этого никогда не будет и я так и отправлюсь в тот «неведомый край», не унеся воспоминаний чего-то мною никогда не испытанного.	*Какое бы это могло быть счастье!*
2) Мне даже трудно объяснить самому себе, какое чувство Вы мне внушили. Влюблен ли я в Вас — не знаю; прежде это у меня бывало иначе. Это непреодолимое стремление к слиянию, *к обладанию и к отданию самого себя, где даже чувственность* пропадает в каком-то тонком огне... Я, вероятно, вздор говорю — но я был несказанно счастлив, если бы... если бы... А теперь, когда я знаю, что этому не бывать, я не то что несчастлив, я даже особенной меланхолии не чувствую, но мне глубоко жаль, что *эта прелестная ночь так и потеряна* навсегда, не коснувшись меня своим крылом... Жаль для меня — и осмелюсь прибавить — и для Вас, потому что я уверен, что и Вы бы не забыли того счастья, которое дали бы мне.	*к полному отданию самого себя, где даже все земное* *этот прелестный миг так и потерян*

М. П. Алексеев совершенно справедливо писал, что переписка Тургенева с Савиной похожа на «дневник откровенностью признаний, сосредоточенностью мысли, литературной отделкой».[26] Смелость, свобода, с ко-

---

[24] *ЦГИА*, ф. 678, ед. хр. 385, лл. 33—34.

[25] *Письма*, т. I, стр. 42. — Об этом письме см. также ниже, на стр. 278—279.

[26] *Письма*, т. I, стр. 34.

торой высказал Тургенев свои признания, была приглушена в сборнике «Тургенев и Савина». В некоторой степени пострадала и литературная отделка. Разрушился. к примеру, образ ночи с крылами, и крылья обрел «миг».

Подверглись правке и письма Тургенева, связанные по смыслу с письмом от 19 (31) мая 1880 г. Так, в письме от 1, 3 (13, 15) марта 1881 г. он писал: «Вы мне говорите в конце Вашего письма: „Крепко целую Вас..." — *Как? так как тогда, в эту таинственную ночь, в вагоне железной дороги? — Этих поцелуев я — сто лет проживу — не забуду.* Смею думать, что это-то и значит крепко. Милая Марья Гавриловна, я Вас очень люблю...». Выделенные нами фразы были сняты при публикации письма. Подобного же рода купюры были сделаны в письмах от 4 (16) июня 1880 г., 18 (30) октября 1881 г. и 17 (29) сентября 1882 г.

Приведем еще одну выдержку из письма Кони к Молчанову, характеризующую побуждения, которыми он руководствовался как редактор книги. 23 октября 1918 г. он писал: «Дорогой Анатолий Евграфович — сейчас получил последние корректуры — и хочу представить несколько соображений, а именно — 1) Между *письмами о письмах*[27] Тургенева есть противоречия. Не лучше ли поэтому исключить в письме ко мне от 2 окт. 1909 г. слова „Тысячу раз прав был И. А. Гончаров, умолявший не печатать его писем после его смерти". Иначе можно упрекнуть нас с Вами в том же, за что Мария Гавриловна упрекает Садовского».[28] Кони имел в виду письмо Савиной к нему от 2 октября 1909 г.,[29] в котором она выразила свое возмущение «историко-психологическим исследованием» Б. Садовского о Тургеневе, напечатанном в № 4 «Русского архива» за 1909 г. Кони предложил Молчанову сделать купюры и в других выдержках из писем Савиной к нему и его писем к ней. Все соображения Кони были приняты Молчановым; предложенные им поправки были внесены в тексты публикаций и в этом разделе книги.[30]

Таким образом, Кони как редактор книги стремился оградить письма Тургенева к Савиной от превратного толкования, опасаясь, что читатель составит ложное суждение о близких и дорогих ему людях. Принимал он во внимание и хорошо известные ему опасения Савиной, связанные с письмами Тургенева.

Сборник «Тургенев и Савина» открывается большой вступительной статьей Кони (стр. V—XXXVIII). Автор работал над нею осенью 1918 г. В письме к Молчанову от 12 октября Кони обрисовывает свой замысел: «...в ожидании последних корректур я уже начал свой очерк, который думал бы озаглавить „Последняя любовь Тургенева". Очерк выйдет боль-

---

[27] Кони имеет в виду раздел: «Выдержки из писем М. Г. Савиной к разным лицам, касающиеся И. С. Тургенева» (*Тургенев и Савина*, стр. 91—107).

[28] *ЦГИА*, ф. 678, ед. хр. 385, л. 27.

[29] *Савина и Кони*, стр. 84.

[30] Купюры в письмах Савиной и Кони были восстановлены при публикации их переписки в 1938 г. (см. соответственно: *Тургенев и Савина*, стр. 94, 98, 99; *Савина и Кони*, стр. 49, 67, 77, 78).

шой, листа в два печатных, так как я хочу сначала набросать образ Т‹ургенева› как писателя и общественного деятеля, а затем поставить вопрос о его сердечной жизни и, минуя увлечения молодости, когда „кровь кипит и сил избыток", рассмотреть подробно его amitié amoureuse[31] к Виардо, его потребность ласки и любви, а не только одностороннего восхищения и преклонения, — коснуться его отношений к Вревской и наконец перейти к его переписке с М. Г. ‹Савиной›, в которой его жаждущее сердце трепещет и вспыхивает как угасающая лампада. Все это придется снабдить комментариями — о Пушкинском празднике в Москве и др. — и снабдить некоторыми выписками из писем М. Г. ко мне».[32] Некоторые подробности, касающиеся этого очерка, содержатся в другом письме Кони к Молчанову от 26 октября 1918 г.: «Посылаю Вам 4 полулиста отдела I (отдел II о литературной и общественной личности Тургенева будет готов к 1 ноября), на котором я, покуда, не написал заглавия (оно может быть — или „Страницы из жизни Т.", или „Тургенев и Савина", или „Сердечная жизнь Т.", или, наконец, „Последняя любовь Тургенева" — скажите Ваше мнение?».[33] Статья Кони появилась в печати без заглавия. Она разделена на три отдела, также не имеющих заголовков. Первый раздел содержит характеристику Савиной-актрисы, второй характеризует Тургенева-писателя и его отношения с П. Виардо и Ю. П. Вревской, третий посвящен отношениям Тургенева и Савиной.

После выхода в свет сборника Кони писал 8 марта 1919 г. Молчанову: «...я не могу, дорогой друг мой, Анатолий Евграфович, отказаться от желания выразить Вам мой восторг от подробного рассмотрения Вашей (не смею сказать «нашей») книги о Тургеневе и Марии Гавриловне. Какая прелесть даже в графическом и фототипическом отношении!».[34]

III

В 1885 г. Савина отдала Кони подлинник письма Тургенева к ней от 19 (31) мая 1880 г.: «А что Вы скажете о письме? — пишет она ему 15 июня 1885 г. — Совесть упрекает меня, и хотя я совершенно согласна с Вами, что такие письма не жгут, несмотря на обещание (почему я и решилась отдать его Вам), но все-таки...».[35]

Кони отвечал ей 29 июля 1885 г.: «Зачем вы его мне дали? — Да затем, что такие вещи не рвут и не бросают, какие бы мольбы о том в письме ни заключались. Вы исполнили его волю, — письма у Вас более нет ‹...› Это одно из ненапечатанных „стихотворений в прозе" — и если бы Вы не были *Савина*, то одного этого письма было бы довольно, чтобы вло-

---

[31] влюбленную дружбу (*франц.*).
[32] *ЦГИА*, ф. 678, ед. хр. 385, лл. 36—37.
[33] Там же, л. 82—82 об.
[34] *ЦГИА*, ф. 678, ед. хр. 385, л. 51.
[35] *Савина и Кони*, стр. 47.

следствии, с гордым сознанием того, чем Вы, хотя в частной жизни, *были* — протянуть такое письмо Вашим внукам и сказать им „вот“».[36]

В 1889 г. Савина вновь пишет Кони об этом письме Тургенева: «Перебирая „Материалы для биографии“ я еще глубже запрятала письма Ивана Сергеевича и вспоминала о том, которое у Вас. Я чувствую угрызение совести: это единственное, назначенное им к уничтожению. Привезите мне его».[37] Кони возвратил Савиной письмо Тургенева, и оно было ею уничтожено. «Я еще раз похвалила себя за то, что исполнила приказание Ив. Сергеев. сжечь письмо, вызвав этим Ваше порицание», — писала она Кони 10 мая 1907 г.[38] Но тем не менее в сборнике «Тургенев и Савина» был опубликован текст этого письма Тургенева. По какому же источнику?

4 августа 1918 г. Кони писал Молчанову: «Мне кажется, что среди писем Т‹ургенева› нет одного, от 1879 г. ‹1880 г.›, которое мне некогда подарила М‹ария› Г‹авриловна› и потом просила возвратить: о пути из Орла в Мценск».[39] А несколько позже, в том же году, в другом письме к Молчанову: «Прилагаю копию с письма И. С. Т‹ургенева›, которую М‹ария› Г‹авриловна› позволила мне оставить у себя, взяв назад подаренный мне ею подлинник. Его нет в Ваших копиях. Я попрошу Вас вернуть мне эту копию».[40] Копия эта написана рукою Е. В. Пономаревой, близкого друга и помощницы Кони. Она вплетена в тетрадь вместе со всеми автографами писем Тургенева к Савиной. В упоминавшейся нами описи, приложенной к этой тетради,[41] отмечено, что это копия письма, впоследствии уничтоженного.[42]

Г. В. Степанова

СКУЛЬПТОР Ж. А. ПОЛОНСКАЯ

Памяти А. А. Полонского,
внука Ж. А. и Я. П. Полонских

Среди друзей и знакомых Тургенева семья Полонских занимала особое место.

С поэтом Я. П. Полонским Тургенев был дружен с 1841 г., и в основе их отношений лежала не только человеческая привязанность, но и литературные интересы, любовь к искусству.

---

[36] Там же, стр. 49.
[37] Там же, стр. 67.
[38] Там же, стр. 77—78.
[39] *ЦГИА*, ф. 678, ед. хр. 385, л. 31.
[40] Там же, л. 77 об.
[41] См. выше, примеч. 6.
[42] *ЦГАЛИ*, ф. 853, оп. 2, ед. хр. 1285, л. 112 об. — Полностью и точно ли передан текст письма Тургенева в копии Кони? Материалами для ответа на этот вопрос мы не располагаем. Отметим лишь, что никаких просьб Тургенева уничтожить его письмо, как писал Кони Савиной 29 июля 1885 г., в копии не содержится (как и во всех известных нам письмах Тургенева к Савиной).

Со второй женой поэта, Ж. А. Полонской, писатель познакомился, вероятно, в конце 60-х годов. Дружеские отношения с ней продолжались и в последующие годы, достигнув кульминации летом 1881 г., во время совместного пребывания семьи Полонских и Тургенева в Спасском-Лутовинове. Тургенев ценил Ж. А. Полонскую как собеседницу и корреспондентку, посвящал ее в свои творческие замыслы, и она, в свою очередь, наблюдательная и живая, рассказывала ему немало интересного об окружающих людях и событиях. В частности, Полонская сообщила Тургеневу некоторые эпизоды из жизни зоолога В. Д. Аленицына, их соседа по дому в Петербурге, легшие в основу повести «Клара Милич».

Тургенева привлекала также незаурядность духовного облика Ж. А. Полонской. Он сумел разглядеть в ней способности к ваянию, и под его влиянием она начала серьезно заниматься скульптурой. Быть может, благодаря Тургеневу Полонская и стала первой в России женщиной-скульптором, работы которой уже в 80-х годах получили общественное признание. Полонская — автор существующих доныне памятников А. С. Пушкину в Одессе и И. С. Тургеневу в Петербурге (на его могиле).

Жозефина Антоновна Полонская, в девичестве Рюльман, родилась в Петербурге 3 декабря 1844 г.[1] Родители ее умерли рано, и она, как сирота, вместе с братом и сестрой воспитывалась в Католическом пансионе при костеле св. Екатерины, а затем в частном пансионе Ст. Щерба. В начале 60-х годов, окончив пансион, она сдала при Петербургской 6-й гимназии экзамен на аттестат зрелости. Затем сразу же началась ее трудовая жизнь: она поступила компаньонкой в семью П. Л. Лаврова. Это место помог ей получить ее брат, А. А. Рюльман, тогда студент Медико-хирургической академии и воспитатель сына П. Л. Лаврова. Ж. А. Рюльман в течение нескольких лет была компаньонкой больной жены П. Л. Лаврова — преподавателя Артиллерийской академии и члена тайного общества «Земля и Воля». В 1865 г. жена Лаврова умерла, и Рюльман взяла на себя заботы о его матери и детях. В 1866 г. она должна была стать женой П. Л. Лаврова, но этому помешали арест этого выдающегося деятеля народничества и ссылка его в Вологодскую губернию, происшедшие после выстрела Каракозова, а затем побег за границу.

Некоторое время Ж. А. Рюльман служила гувернанткой в другой семье, а в июле 1866 г. вышла замуж за поэта Я. П. Полонского. «Он женился на ней потому, что влюбился в ее красоту, она вышла за него потому, что ей некуда было голову приклонить», — вспоминает близкий друг семьи Полонских, Е. А. Штакеншнейдер.[2] Разница в возрасте между

---

[1] Отец ее, выходец из Польши, А. И. Кожуховский (ум. 1855), был управляющим петербургской конторой А. Н. Демидова Сан-Донато, состоял в гражданском браке с И. И. Рюльман (ум. в 1846 г.), фамилию которой и носили их дети. Брат Ж. А. Рюльман, А. А. Рюльман (1842—1896), — впоследствии известный петербургский врач, специалист по ушным и горловым болезням. Эти сведения биографического характера, а также некоторые другие (см. ниже) нам любезно сообщила ныне здравствующая племянница Ж. А. Полонской — В. Л. Франц.

[2] Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. (1854—1886). «Academia», М.—Л., 1934, стр. 451.

ними была огромной — 25 лет, и Полонский, за шесть лет до того потерявший первую жену, сомневался, сможет ли молодая девушка ответить на его чувство, стать его подругой. «Но Жозефина Антоновна не обманывала его никогда, она ничего не скрывала и была вся тут, холодная, молчаливая, как статуя. Они женились. Живо помню первое время после женитьбы. Это недоумение с его стороны и эту окаменелость с её. Потом обошлось, они сжились. Голубиная душа отогрела статую, и статуя ожила. Замкнутые двери растворились сами собой, без ключа. Храмина оказалась не пустой, в ней было нечто, и нечто прекрасное», — писала Е. А. Штакеншнейдер.[3]

Этим «нечто» оказалось искусство. Супругов сблизила художественность их натур: в Жозефине Антоновне проявилось чутье к поэзии и способности к живописи. С жаром она начала рисовать, писать этюды масляными красками под руководством мужа. Такой увлеченной, за мольбертом, он изобразил ее на одном из своих рисунков карандашом: поэт уже давно занимался рисованием и живописью, имел некоторые профессиональные навыки и ради писания пейзажей часто оставлял литературную работу.[4]

Но занятия искусством Полонской пришлось вскоре оставить, и надолго: появились дети — в 1868 г. родился сын Александр, в 1870 г. — дочь Наталия, в 1875 г. — сын Борис. Материальное положение семьи было нелегким: гонорары Полонского были невелики, а жалованья цензора Комитета иностранной цензуры, которым он был с 1860 г. до самой своей смерти (1898 г.), не всегда хватало даже для сведения концов с концами. Долгие годы Полонская всецело была поглощена домашним хозяйством и воспитанием детей, в чем ей очень помогала ее сестра, К. А. Рюльман. «Однако их семья могла служить образцом счастливой семьи», — свидетельствует дочь последней, В. Л. Франц.

Зимой 1880 г. Полонская, уже 36-летняя женщина, мать троих детей, начала в качестве вольноприходящей ученицы посещать классы «Начальной школы рисования, черчения и лепления» при Центральном училище технического рисования барона А. Л. Штиглица, открывшемся в 1879 г.[5]

В 1881 г. по приглашению Тургенева семья Полонских гостила летом в его имении в Орловской губернии — Спасском-Лутовинове. Тургенев в этот свой последний приезд на родину был занят созданием «Стихотворений в прозе». Я. П. Полонский, очарованный красотами природы Орловщины, описанной Тургеневым в «Записках охотника», «Фаусте», «Нови»

---

[3] Там же, стр. 452. — Образ Полонской отразился в поэзии ее мужа, в стихотворениях «Заплетя свои темные косы венцом» (1864), «Среди хаоса» (1866), «Опасение» (1879), «Холодная любовь» (1884), «Письмо к А. Н. Майкову» (1885) и др.

[4] Два пейзажа работы Ж. А. Полонской хранятся в Музее *ИРЛИ* (масло, инв. №№ 1734 и 1734а). Там же — ее портрет, выполненный Я. П. Полонским, датированный 29 августа 1866 г. (инв. № 6078; воспроизведен в кн.: Я. П. Полонский. Стихотворения и поэмы. Изд. «Советский писатель», Л., 1935, стр. 705).

[5] Сохранился билет № 41 на имя Полонской на право посещения занятий в школе с отметками месяцев и чисел присутствия в классах (*ИРЛИ*, ф. 241, № 293).

и других произведениях, писал этюды парка, дома и окрестностей усадьбы, а Полонская исполняла обязанности «хозяйки дома».

«„Однажды, во время обеда, сидя на хозяйском месте рядом с И. С. Тургеневым, я шутя вылепила из хлеба человечка и посадила его на край рюмки", — рассказывала мне лично сама Ж. А., как всегда загораясь и блестя глазами, когда говорила об И. С. Тургеневе», — вспоминает ее племянница В. Л. Франц. «Иван Сергеевич увидел, восхитился, стал уверять меня в моих безусловно больших способностях к скульптуре», — передает она далее слова Полонской.[6]

Я. П. Полонский незадолго до отъезда Тургенева из Спасского написал его маленький портрет маслом; Полонская, не желая отстать от мужа, а также считая этот портрет неудачным, начала лепить скульптурное изображение писателя. Материалом для лепки ей послужили несколько кусков воску, предназначавшихся для забавы ее детей. Восковой барельеф, на котором Тургенев был изображен в профиль, получился настолько похожим, так понравился писателю, что он взял слово с Полонской, что она будет продолжать свои занятия скульптурой.[7]

Полонскую очень ободрила похвала Тургенева: писатель сам некогда учился рисованию, понимал и любил искусство, обладал небольшой, но ценной коллекцией живописи, общался с многими русскими и иностранными художниками и скульпторами. Она дала ему слово не только продолжать занятия лепкой, но в следующий приезд Тургенева в Россию вылепить его бюст.

Всю зиму 1881—1882 гг. Полонская усиленно занималась скульптурой в начальной школе при училище Штиглица и в ответ на одно из своих писем получила от Тургенева из Парижа новое ободрение: «А вот, что вы начали заниматься лепкой — это отлично! — с вашими — говоря народным языком — золотыми руками — вам это должно непременно удаться».[8] В последующих письмах Тургенев выражал удовлетворение тем, что Полонская успешно работает, а весной 1882 г. высказал предположение: «...может быть еще зимою придется Вам вылепить мой бюст?».[9]

4 июня 1882 г. Полонская закончила начальную школу при училище Штиглица с оценкой «12». Ей была присуждена первая премия «за лепление». Тургенев тотчас же по получении этого известия поздравил ее с «блистательным успехом лепных работ». «У Вас такие золотые руки, — писал он, — что вы ими сделаете всё, что хотите. — Отчего Вам не быть хорошим скульптором?».[10]

---

[6] Письмо В. Л. Франц к автору настоящей статьи от апреля 1966 г.

[7] Письмо Тургенева к Полонской от 23 сентября (5 октября) 1882 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 2. — См. также: А. Измайлов. На тургеневской выставке. «Русское слово», 1909, 11 марта, № 57; ‹Без подписи›. Русские художницы. «Нива», 1891, № 1, стр. 18.

[8] Письмо от 20 декабря 1881 г. (1 января 1882 г.): *Письма*, т. XIII, кн. 1.

[9] Письма от 1 (13) января, 20 января (2 февраля) и 28 апреля (5 мая) 1882 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1.

[10] Письмо от 17 (29) июня 1882 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1.

Летом 1882 г. Полонские, как было уговорено с Тургеневым, снова приехали в Спасское. Но Тургеневу болезнь не позволила побывать на родине. По его совету Полонская начала лепить бюст своего младшего сына Бориса. Тургенев живо интересовался ходом работы, подбодрял, когда дело не ладилось, и, узнав от Полонской, что бюст кончен и удался, посоветовал отвезти его в Петербург на суд скульптора Чижова.[11]

В конце сентября 1882 г., по возвращении из Спасского в Петербург, Полонская писала Тургеневу: «Хочу работать и опять приняться за лепку. Была сегодня в Соляном городке и показывала Чижову бюст Бори. Он остался очень доволен и нашел только одну ошибку в одном из мускулов шеи. Мне дали лепить теперь целый бюст Антиноя — красавца, на которого я невольно засматриваюсь...».[12]

В это время Полонская начала заниматься в качестве вольнослушательницы в Центральном училище барона Штиглица, в специальном классе; руководителем ее по-прежнему был М. А. Чижов.[13]

Желая развлечь больного писателя, Полонская в эту осень усердно переписывалась с ним и сообщала ему о том, что ее больше всего занимало. «Вы спрашиваете, продолжаю ли я заниматься скульптурой? — писала она в начале ноября 1882 г. — Отвечаю — продолжаю и даже с большим усердием. Все это время лепила бюст Антиноя, очень красивого молодого человека с такою же большой головой, как Ваша. Но в один прекрасный день я заметила, что он не так повернул свою прелестную голову и не туда глядит. За это я так на него рассердилась, что свернула ему голову, к немалому ужасу г-на Чижова. Он боялся, что у меня не хватит терпения начать работу сызнова, и уверял меня, что я напрасно свою работу испортила. Но он ошибается. Я снова принялась за лепку с бóльшим пониманием дела и с такою же охотой».[14]

Это было днем, в училище; дома же, верная слову, данному писателю, Полонская начала работу над его бюстом, превратив одну из комнат квартиры в свою студию.

Из писем Тургенева Полонские знали малейшие подробности о ходе его болезни и очень тревожились за него. Видимо, не надеясь уже на свидание с Тургеневым, Полонская работала над его бюстом по памяти и по фотографиям.

«Занимаюсь по-прежнему усердно лепкой и, увлекаясь работой, стараюсь забыть все, что давит мое сердце..., — писала она Тургеневу в конце января 1883 г. — Хочется мне хоть что-нибудь послать Вам из своих работ,

---

[11] Письма от 25 июня (7 июля), 12 (24) и 17 (29) июля, 31 июля (12 августа), 15 (27) августа и 23 августа (4 сентября) 1882 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1. — В. М. Гаршин, также гостивший в это лето в Спасском, писал своей невесте об «удивительном сходстве» бюста с оригиналом (см.: В. М. Гаршин, Полное собрание сочинений, т. III, Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 275. — Местонахождение бюста неизвестно, вероятно он не сохранился).

[12] *Звенья*, т. VIII, стр. 238.

[13] *ЦГИА*, ф. 790, оп. 1, ед. хр. 427, лл. 26 об.—27.

[14] *Звенья*, т. VIII, стр. 243.

а поэтому я задала себе задачу такую, о которой Чижов и Григорович говорят, что она трудна до невероятности. Но тем не менее я не падаю духом. В пятницу был у нас Крамской. Я‹ков› П‹етрович› показал ему начатую мною работу, и он ее одобрил...».[15]

Может быть, здесь речь идет о бюсте Тургенева. Полонская не имела возможности оставить семью и сама поехать во Францию, да и писатель отклонил это ее предложение. Поэтому она хотела по примеру мужа, отославшего больному другу свои этюды с изображением спасской усадьбы и окрестностей, хоть чем-нибудь порадовать Тургенева. Во всяком случае, она очень торопилась. «Моя страсть к ваянию приняла теперь огромные размеры: я отдалась ей и телом и душою; когда я работаю, не замечаю ни усталости, ни голода, но только сержусь, что время слишком быстро уходит и что мои способности так невелики, что сразу мне ничего не удается», — писала она Тургеневу в феврале 1883 г.[16] Но, однако, работу над бюстом она не закончила и отсылка бюста в Буживаль не состоялась.

Здоровье Я. П. Полонского потребовало лечения на одесском лимане, и лето 1883 г. Полонские провели в Одессе. Здесь Полонская также работала: вылепила бюст девочки, впоследствии он был отлит из бронзы. Портреты детей ей вообще удавались: созданный ею впоследствии бюст старшего сына В. М. Вонлярлярского — Дмитрия, мальчика 8—10 лет, — «вышел так похож, что родители пожелали иметь его иссеченным из мрамора».[17]

Смерть Тургенева в августе 1883 г. тяжело поразила Полонскую: это была потеря большого друга. С удвоенной энергией она продолжала работу над бюстом писателя. Теперь она считала, что сдержать слово, данное Тургеневу, — ее нравственный долг.

Работа над бюстом шла всю зиму 1884 г., из-за этого Полонская временно прекратила посещение училища Штиглица и обычного весеннего экзамена не сдавала. Как писал ее сын А. Я. Полонский в своих стихах, ей часто мешали семейные заботы и иногда, наверстывая упущенное время, она трудилась без отдыха целыми сутками, постоянно недовольная собой и своей работой.[18]

В августе 1884 г. бюст Тургенева, выполненный в натуральную величину, был готов и представлен на суд Комиссии по установлению памятника на могиле Тургенева. Комиссия, избранная на заседании Комитета Литературного фонда еще 7 ноября 1883 г. (в составе В. П. Гаевского, Д. В. Григоровича, А. А. Краевского, М. М. Стасюлевича и Н. С. Таган-

---

[15] Там же, стр. 245—246. — И. Н. Крамской был с семьей Полонских в дружеских отношениях, которые начались в 1875 г., когда он писал портрет Я. П. Полонского (масло, *ГТГ*); в 1876 г. он написал портрет Ж. А. Полонской (итальянский карандаш, Музей *ИРЛИ*).

[16] *Звенья*, т. VIII, стр. 247.

[17] См.: «Нива», 1891, № 1, стр. 18. — Местонахождение бюста неизвестно. Фотография с него хранится в музее *ИРЛИ*.

[18] Стихотворения А. Я. Полонского см.: *ИРЛИ*, 13479—13489. LXXIIIб.3.

цева), нашла бюст удачным и схожим.[19] Исполнение бюста для могилы было поручено Полонской после окончательного заседания Комиссии в конце февраля 1885 г.[20]

По-видимому, тотчас же после окончания работы над бюстом Тургенева Полонская начала лепить скульптурный портрет своего мужа. Одновременно шли хлопоты, связанные с отливом бюста Тургенева на заводе А. Морана.

К марту 1885 г. оба бюста были готовы; отливкой бюста Тургенева она осталась довольна. Однако не все шло гладко. «Жена моя очень огорчена, — записал 9 марта в своем дневнике Я. П. Полонский. — Она поставила свои бюсты на академическую выставку, и в том числе мой бюст — и что же — мой бюст нашла она поставленным около окна, занавешенного снизу, так что свет на него падает только на висок и волосы, и так дурно освещено лицо, что никто в этом бюсте меня не узнает, тогда как он похож на меня до безобразия и все находили это <...> все, кто видел этот бюст в нашей квартире. Тургенев из бронзы по местам так лоснится, что тоже теряет сходство. Стараюсь утешить ее».[21]

Но огорчения Полонской оказались напрасными. Бюсты были замечены и вызвали споры. «Получил записку от Крамского, — записал в своем дневнике Я. П. Полонский в день именин жены — 19 марта 1885 г. — В конце он кланяется Жозефине Антоновне и поздравляет с успехами в скульптуре. Для нее эти строчки были дороже всякого подарка... Она, к сожалению, слишком чувствительна ко всякой похвале и ко всякому малейшему порицанию. Я ее утешаю тем, что то только воистину хорошо, что находит себе и хулителей и порицателей, и что только одну посредственность все хвалят».[22] Блестящим подтверждением этих слов поэта явилось присуждение Полонской после закрытия выставки малой серебряной поощрительной медали от Академии художеств.[23]

По-видимому, в это время, кроме основного бюста большого размера, она вылепила два варианта маленьких. Многочисленные отливки их из гипса тотчас же разошлись по Петербургу и были увезены в другие города друзьями и почитателями Тургенева.

Расходы по установлению памятника на могиле Тургенева взяла на себя петербургская Городская дума. По ее заказу Полонская выполнила специальную модель и летом 1885 г. вела наблюдение за работой по отливке бюста на заводе Морана.

---

[19] См.: В. П. Гаевский. Из дневника (1883—1887). «Красный архив», 1940, № 3, стр. 238; Журнал Комитета Литературного фонда от 7 ноября 1883 г.: *ИРЛИ*, ф. 155, л. 390 (об.).

[20] См. приложение к журналу Комитета Литературного фонда за 1885 г. (1 марта): *ИРЛИ*, ф. 155, лл. 338, 342. См. также письмо Я. П. Полонского к Д. В. Григоровичу от 10 (22) августа 1884 г.: *ИРЛИ*, ф. 82, № 126.

[21] Я. П. Полонский. Записная книжка на память. 1884—1885. *ИРЛИ*, Архив Полонского, 11115.LXVI6.1, л. 31.

[22] Там же, л. 84.

[23] С. Н. Кондаков. Императорская Санкт-Петербургская Академия Художеств. 1764—1914. Юбилейный справочник. СПб., 1914, стр. 319. — Медаль хранится в Музее *ИРЛИ* (инв. № 2952).

В августе 1885 г., во вторую годовщину со дня смерти Тургенева, на Волковом кладбище в Петербурге состоялось открытие памятника на его могиле. Рядом с мраморной плитой, положенной в 1884 г., был установлен на постаменте бронзовый бюст Тургенева работы Полонской.

Собравшиеся на могиле писатели и литераторы — Н. С. Лесков, Г. П. Данилевский, Н. А. Лейкин, И. Ф. Горбунов, А. Н. Пыпин — приветствовали первую женщину-скульптора, работа которой стала отныне всенародным достоянием. «Сходство бюста замечательное. Что же касается до художественной отделки деталей головы, выражения глаз и проч., то в этом отношении работа г-жи Полонской свидетельствует о таланте и артистической свободе автора, сумевшего вдохнуть жизнь в черты изображенного ею лица покойного гениального писателя», — писал журнал «Исторический вестник».[24]

Еще одним свидетельством признания успехов Ж. А. Полонской в скульптуре явилось предложение архитектора Х. К. Васильева вылепить бюст А. С. Пушкина для памятника в Одессе. «Она в восторге!» — записал Я. П. Полонский в своем дневнике по этому поводу.[25]

Архитектор Х. К. Васильев совместно с профессором скульптуры Н. А. Лаверецким был автором памятника Ф. М. Достоевскому на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, открытом в 1883 г., и получил первую премию за проект памятника Пушкину в Одессе еще в 1882 г.[26] Предложение Х. К. Васильева Полонской было основано на заказе Одесской городской управы, который он получил после присуждения премии.

В течение всего 1885 г. Полонская делила свое свободное время между выполнением учебных заданий училища Штиглица и работой над бюстом Пушкина.

«Она показывала мне свои работы: Феба, за которого получила балл 11, — записала в январе 1886 г. в своем дневнике Е. А. Штакеншнейдер. — Ее успехи в лепке заметны в каждой последующей ее работе. Так, бюст Тургенева, который поставлен на его могиле, лучше бюста Бори ‹Полонского›; бюст ‹Я. П.› Полонского лучше бюста Тургенева, а Феб лучше бюста Полонского. Зато Академия Художеств, без всякого искательства с ее стороны ‹...› присудила ей в прошлом году медаль, а город Одесса заказал бюст Пушкина...».[27]

Времени для работы у Полонской было очень мало: заботы о семье ложились всецело на ее плечи из-за «житейской непрактичности ‹...› беззащитности против прозаической злобы дня» мужа-поэта,[28] стареющего и к тому же постоянно хворавшего; много было хлопот и по изданию

---

[24] «Исторический вестник», 1885, т. XXII, № 10, стр. 222.

[25] Я. П. Полонский. Записная книжка на память, л. 84 (запись 18 марта 1885 г.).

[26] См. об этом: «Правительственный вестник», 1882, 25 мая (6 июня), № 111; «Неделя строителя», 1882, 30 мая, № 22. — Материалы по проекту находятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде (№№ КП 12198/П.3189, 12201/П.3192).

[27] Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, стр. 450.

[28] А. Ф. Кони. Памяти Ж. А. Полонской. «Вестник литературы», 1920, № 1 (13), стр. 16.

10-томного собрания его сочинений, предпринятого ею.[29] Подрастали дети и — все такие разные — требовали усиленного внимания.

В доме каждый день были гости — товарищи и подруги детей, знакомые и друзья Я. П. Полонского, родные, а в каждую пятницу, начиная еще с конца 70-х годов, собирался весь цвет интеллигенции столицы. На «пятницах» Полонских всегда бывал в свои приезды в Петербург И. С. Тургенев; постоянно бывали Ф. М. Достоевский, Д. В. Григорович, Г. П. Данилевский, А. Н. Майков, В. М. Гаршин, Н. С. Лесков, А. А. Потехин, А. Н. Плещеев, В. В. Стасов, историки литературы и критики С. А. Венгеров и Н. В. Шелгунов, М. М. Стасюлевич, переводчица М. В. Ватсон, критик В. В. Чуйко, А. Ф. Кони, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, К. Е. Маковский, Н. Н. Каразин, скульптор М. А. Чижов, А. Г. Рубинштейн и П. И. Чайковский, артистки Д. М. Леонова, М. Г. Савина, Л. Б. Яворская и многие другие. Всех нужно было приветливо встретить, с каждым найти тему для разговора, словом выполнять обязанности хозяйки дома, — все это требовало много физических и душевных сил.

Но Полонская отличалась завидной трудоспособностью, настойчивостью, терпением. В мае 1886 г. на экзамене в училище Штиглица она вновь получила первую премию.[30]

Кроме своей основной работы над бюстом Пушкина, она в 1886 г. успела вылепить бюсты художника и писателя, основателя общества русских акварелистов, друга семьи, постоянного посетителя «пятниц» Н. Н. Каразина и его жены М. В. Каразиной.

Приходилось работать и ради денег: в этом же году ею был сделан бюст цензора А. Н. Юферова по заказу его вдовы. Несмотря на то, что Полонская не была лично знакома с Юферовым и видела его лишь на смертном одре, работала по маске и по указаниям родных и знакомых, бюст вышел очень похожим. По желанию вдовы он был высечен из мрамора под наблюдением Полонской в ее мастерской.[31]

В апреле 1887 г. отмечался 50-летний юбилей литературной деятельности Я. П. Полонского, и в зале Петербургского благородного собрания, где проходило торжество, был выставлен его бюст работы Полонской; в честь юбиляра он был увенчан лавровым венком.

Работа над бюстом Пушкина в этом году подходила к концу. В 1888 г., отлитый из бронзы,[32] он был экспонирован на ежегодной выставке в Академии художеств.[33] «Этот бюст, бесспорно, одно из лучших ее ‹Ж. А. Полонской› произведений», — так отозвался в своей статье, посвященной

---

[29] Полное собрание сочинений Я. П. Полонского, тт. I—X, издание Ж. А. Полонской, СПб., 1886.

[30] *ЦГИА*, ф. 790, оп. 1, ед. хр. 114, л. 5 об.

[31] См.: «Нива», 1891, № 1, стр. 18.

[32] Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде хранятся фотографии бюста А. С. Пушкина в формовочной мастерской (№№ КП 12200/П.3191, 12199/П.3190).

[33] Указатель выставки императорской Академии художеств в 1888 г. СПб., 1888, стр. 28. — Кроме него, Полонская выставила еще два бюста без указания имен портретируемых.

выставке, известный критик Е. Н. Опочинин.[34] За бюст Пушкина Полонская, окончившая училище Штиглица в 1887 г. со званием свободного художника, была удостоена звания почетного вольного общника Академии художеств.[35] Сбылось предсказание Тургенева, почти до самых своих последних дней интересовавшегося скульптурными занятиями Полонской и в одном из своих писем писавшего ей: «Радуюсь я Вашей выдержке в деле ваяния. Благодаря ей, при Ваших врожденных способностях, Вы добьетесь несомненно отличных результатов».[36]

16 апреля 1889 г. в Одессе состоялось торжественное открытие памятника Пушкину.[37] Установленный на Николаевском бульваре, вблизи моря, напротив здания Биржи, он имел на своем постаменте лаконичную надпись: «А. С. Пушкину — граждане Одессы». Но ни Полонская, ни архитектор Х. К. Васильев не были приглашены на торжество. Причина этого, вероятно, была в том, что по чьему-то распоряжению постамент бюста из гранита и песчаника, выполненный в виде фонтана, был сильно занижен и не отвечал утвержденному проекту и чертежам Х. К. Васильева.

Колоссальный бронзовый бюст поэта, поставленный на непропорционально низкий пьедестал, чрезвычайно проиграл от этого; памятник оказался как бы придавленным к земле. Увидев изображение памятника в журналах и услышав отзывы друзей и знакомых, Полонская пришла в отчаяние. «Вся эта одесская история чуть ли не на всю жизнь осталась для Ж‹озефины› А‹нтоновны› источником огорчений», — свидетельствует ее сын Б. Я. Полонский.[38]

Модель бюста из гипса, покрашенная под бронзу, была подарена Полонской императорскому Александровскому лицею в Петербурге и к лицейской годовщине (19 октября 1889 г.) установлена в лицейском саду, против обратной стороны фасада.[39] Окруженный деревянной оградой, па-

---

[34] Там же (стр. 48) см. его статью «Выставка 1888 года в императорской Академии художеств». Е. Н. Опочинин (1858—1928) — писатель, сотрудник журнала «Исторический вестник», автор статей о русском искусстве и театре и автор воспоминаний.

[35] Ф. И. Булгаков. Наши художники, т. I. СПб., ‹1889›, стр. 102; см. также: С. Н. Кондаков. Императорская Санкт-Петербургская Академия Художеств, стр. 319.

[36] Письмо от 14 (26) ноября 1882 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 2.

[37] «Всемирная иллюстрация», 1889, № 1061, стр. 365. — Здесь же воспроизведен памятник (с рисунка Э. Д., гравюра на дереве). Кроме того, Одесским отделением Императорского русского технического общества ко дню открытия памятника были выпущены фотографии памятника работы одесского фотографа П. Антониопуло. Хранятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде (№№ КП 10936, 10937; там же — торжество открытия: № КП 10939).

[38] См. примечание П. А. Витязева (Седенко) к письму П. Л. Лаврова к Ж. А. Полонской в кн.: Материалы для биографии П. Л. Лаврова, под ред. П. Витязева, вып. 1. Изд. «Колос», Пгр., 1921, стр. 33—34.

[39] Лицей помещался на Каменноостровском (ныне Кировском) проспекте (д. 21). Фотографии бюста в лицейском саду хранятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде (№№ КП 10933, 14414—14416). К столетней годовщине со дня рождения А. С. Пушкина, 28 мая 1899 г.,

Памятник И. С. Тургеневу на могиле. Бюст работы Ж. А. Полонской Литераторские мостки Волкова кладбища. Петербург. Фотография С. Л. Левицкого. 1885 г. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

мятник простоял в березовой «Пушкинской аллее» только около 10 лет, так как под влиянием атмосферных осадков дал трещины и разрушился.

Летом 1889 г. Полонские совершили давно ими задуманное путешествие по Волге. Некоторое время они прожили в Сарепте, и здесь, из воска, с которым она никогда не расставалась, Полонская вылепила голову мальчика-калмыка.[40]

В 1890 г. Полонские провели лето в имении друга юных лет Я. П. Полонского, поэта А. А. Фета, — Воробьевке Щигровского уезда Курской губернии.

Полонская наблюдала поэтов вместе и, конечно, лепила. Она задумала создать групповой портрет трех поэтов: Фета, Майкова и Полонского. Двое из них должны были сидеть на скамейке, а один стоять сзади.

С собой в Петербург она привезла слепок правой руки Фета, его голову, вылепленную из воска, и маленькую фигурку (сидящим в парке на скамье). Группу она так и не закончила, но эти подготовительные этюды послужили материалом для создания бюста Фета.[41] Так же как и бюст Тургенева, этот скульптурный портрет создавался по «велению сердца». Но жизнь требовала заработков: старший сын Полонских в это время заканчивал университет, младшие дети учились в гимназиях, все реже печатались и издавались произведения Я. П. Полонского, и Полонская выполняла работы для продажи и по заказу.

В начале 90-х годов она вылепила бюст знаменитой женщины-математика, профессора Стокгольмского университета С. В. Ковалевской. Этот бюст был выполнен, вероятно, по заказу Высших женских (Бестужевских) курсов, в организации которых недавно умершая (в 1891 г.) С. В. Ковалевская принимала самое деятельное участие. Полонская не была лично знакома с Ковалевской, и, по свидетельству А. Я. Полонского, старшего сына скульптора, бюст был вылеплен по фотографии 1887 г. в двух вариантах.[42] Впоследствии один из них находился в здании Курсов.[43]

Заказными, по-видимому, были и бюсты министра финансов И. А. Вышнеградского и трагически погибшего в расцвете сил врача-хирурга К. К. Рейера. Отлитый из чугуна, этот бюст был на средства пациентов и друзей К. К. Рейера поставлен на его могиле на Смоленском евангелическом кладбище в Петербурге.[44]

в лицейском саду на этом же месте был установлен бюст поэта работы И. Н. Шредера (см. фотографию: там же, № КП 12196).

[40] См.: «Нива», 1891, № 1, стр. 18. — Сарепта — ныне Красноармейский район г. Волгограда.

[41] Хранятся в Музее *ИРЛИ* (инв. №№ 5643, 5367, 5496, 1974). Сведения о задуманной группе поэтов сообщила В. Л. Франц, которая видела в квартире Полонских эскиз ее из гипса.

[42] В Музее *ИРЛИ* хранятся фотографии С. В. Ковалевской (инв. №№ 20185, 20186), на оборотах которых рукой А. Я. Полонского сделаны соответствующие надписи.

[43] Курсы помещались в Петербурге, на Васильевском острове (10 линия, д. 33), в специально выстроенном для них доме. Бюсты хранятся в музее *ИРЛИ* (инв. №№ 1818, 23157).

[44] См.: «Петербургский некрополь», т. III, СПб., 1912, стр. 560. — В настоящее время его местонахождение неизвестно.

Начиная со второй половины 90-х годов деятельность Полонской как скульптора постепенно замирает и сходит на нет. Сказываются годы: в 1894 г. ей исполнилось 50 лет; много времени и сил отнимали заботы о больном муже, о детях, а затем и о внуках; все большего внимания требовали «пятницы», круг посетителей которых расширялся. После смерти Я. П. Полонского в 1898 г. она сделалась главным организатором «Литературно-художественного кружка имени Я. П. Полонского», который насчитывал свыше 200 действительных членов и более 300 постоянных гостей. На собраниях кружка сначала на квартире Полонских,[45] а затем и в общественных зданиях (в последние годы в Петровском коммерческом училище в Петербурге)[46] по пятницам отмечались литературные даты, читались доклады, выступали артисты и композиторы. Кружок просуществовал до 1917 г., и все это время Полонская являлась его «почетной хозяйкой».

Другим, не менее важным делом своей жизни она считала разборку архива своего мужа: чтение и составление копий с некоторых трудночитаемых его рукописей, систематизацию писем и документов.

Полонская всегда отличалась крепким здоровьем, жизнелюбием и огромной энергией. Болезнь к ней пришла неожиданно: в начале 1917 г., когда ей было уже 73 года, ее разбил паралич. Несколько лет она лежала неподвижно, но сохранила сознание и память.

9-го августа 1919 г. она обратилась в Российскую Академию наук со следующим заявлением: «На основании завещанного мне покойным моим мужем Яковом Петровичем Полонским права собственности на все его движимое имущество, а равно и на все его произведения и переписку, доверяю сыну моему Борису Яковлевичу Полонскому передать архив Я. П. Полонского Пушкинскому дому при Академии наук...».[47]

Вместе с архивом Я. П. Полонского в Пушкинский дом были переданы также и многие скульптурные работы Полонской, ее документы и переписка, о чем она, по свойственной ей скромности, не упомянула.

Через несколько месяцев, 6 января 1920 г., Полонская скончалась и была похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря в Петрограде.[48] В связи с тем, что на могиле был поставлен, вероятно, деревянный крест, в настоящее время ее разыскать не удалось.

Не все сохранилось из наследия Полонской,[49] но по имеющимся биографическим сведениям можно утверждать, что за 10—12 лет ее деятельности как скульптора было сделано немало: пятнадцать портретных бюстов.

---

[45] Знаменская (ныне улица Восстания), угол Бассейной (ныне улица Некрасова), д. 26, кв. 8 (дом принадлежал Ралль).

[46] Фонтанка, д. 62. Полонская в последние годы жизни жила на Владимирском проспекте (д. 13, кв. 9).

[47] ЛО Архива Академии наук, ф. 150, оп. 1 (1919), л. 120.

[48] А. Ф. Кони. Памяти Ж. А. Полонской, стр. 16.

[49] Другие ее работы позднее поступили в Пушкинский дом от ее родственников; бюст Н. Н. Каразина находится также в Научно-исследовательском музее Академии художеств.

В своем творчестве Полонская стремилась создать жизненно правдивые образы своих современников, и в этом отношении она шла в ногу со своим временем, была достойной ученицей такого мастера-реалиста, как М. А. Чижов.

Большая часть ее работ — это портреты деятелей русской литературы, искусства и науки. В портретах И. С. Тургенева, Я. П. Полонского, Н. Н. Каразина, А. А. Фета, С. В. Ковалевской налицо большое сходство внешних черт портретируемых, но, кроме того, Полонская стремилась выразить и характер каждого из них, проникнуть в их внутренний мир. Величием и мощью веет от крупной головы Тургенева, с его чисто русскими чертами лица; и вместе с тем в глазах, полуприкрытых веками, затаена какая-то тяжелая мысль, поперечные глубокие морщины на лбу усиливают скорбь. Кажется, писатель думает в эту минуту: «...как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?».[50] Таким он запомнился Полонской в те дни, когда в Спасском в 1881 г., может быть, вслух произносились эти слова.

Доброта, мягкость, поэтическая отрешенность от земной прозы читаются в красивом лице Я. П. Полонского; и наоборот, мужественность, смелость, решительность — характерные черты облика Н. Н. Каразина, художника, писателя и путешественника.

С. В. Ковалевская на фотографии 1887 г. выглядит гораздо моложе своих 37 лет; такова же она и в скульптуре: причина этому в волнистых, коротких, как у мальчика, волосах, в выражении твердости и уверенности умного и волевого лица. Хотя Полонская не видела этого своего оригинала в жизни, выбор ее не случаен: ей была близка по духу эта первая русская женщина-профессор, добившаяся мировой известности.

Лысый старик с хитроватым взглядом глаз из-под тяжелых век, с крупным носом и мясистыми щеками, с легкой иронической улыбкой на губах. Может ли этот бюст быть портретом тончайшего лирика русской поэзии — А. А. Фета? Но в то время, когда создавался бюст, поэт «проводил последние годы жизни в деревне и показывался на берегах Невы очень редко ‹...› Под старость он не вращался в светском обществе и больше заботился о своих имениях и доходных статьях, чем о самолюбии ‹...› жил широко, дом был полная чаша», — так свидетельствуют современники.[51] Таким образом, этот скульптурный портрет приобретает уже документальное значение.

Но зато Пушкин, созданный Полонской, с его слегка приподнятой, в крутых кудрях, головой, с взглядом, устремленным вдаль, на свободное море, с лицом, открытым всем ветрам, с грудью, задрапированной складками античного плаща, — такой Пушкин — это поэт поэтов, «поэт божией милостью», как воспринимала его в 80-е годы передовая русская интеллигенция.

---

[50] Русский язык. *Сочинения*, т. XIII, стр. 198.

[51] Н. Н. Беляевский. Страничка из воспоминаний об А. Н. Майкове и Я. П. Полонском. Сборник «Sertum bibliologicum» в честь президента русского библиологического общества проф. А. И. Малеина, ГИЗ, Пб., 1922, стр. 266.

В этом умении воссоздать столь разные по своим внешним и внутренним характеристикам человеческие индивидуальности проявилась талантливость Полонской. Однако стремление к максимально точной передаче натуры, выражающееся в тщательном воспроизведении мельчайших деталей (морщины на лице, каждый волосок бороды или прически), слишком заглаженная, несколько сухая манера лепки снижают художественную ценность ее произведений.

Ж. А. Полонская работала только в жанре портрета, и это можно объяснить тем, что она не обладала той степенью профессиональной эрудиции, которая позволила бы ей решать более сложные скульптурные задачи. Жизнь ее сложилась так, что она слишком поздно начала учиться технике скульптуры и у нее было слишком мало времени, чтобы овладеть ею вполне, — в этом причина того, что она не стала мастером-профессионалом и не смогла занять должного места в истории русского искусства.

Н. Н. Фонякова

ВЫСТАВКА В ХУЗУМЕ, ПОСВЯЩЕННАЯ ШТОРМУ И ТУРГЕНЕВУ

Небольшой город Хузум, лежащий на побережье Северного моря в пределах западногерманской земли Шлезвиг-Гольштейн, обязан своей литературной известностью поэту и новеллисту Теодору Шторму.[1] Здесь Шторм родился в 1817 г., здесь создал большинство своих произведений и здесь он похоронен. В сентябре 1865 г. писатель ездил отсюда в Баден-Баден, чтобы встретиться с Тургеневым. Из Хузума было отправлено и единственное сохранившееся письмо Шторма к Тургеневу от 30 мая 1868 г.[2]

Тургенев собирался посетить «серый город у моря», как он называл Хузум, повторяя строку из стихотворения своего немецкого друга, но так и не осуществил своего намерения. В известном смысле его желание исполнилось в наши дни. Творчество великого русского писателя и история его дружбы с Т. Штормом находились в центре внимания участников очередного сентябрьского заседания (месяц рождения писателя) «Общества Теодора Шторма» в 1962 г. В связи с этим событием в музее Северной Фрисландии «Ниссенхауз» была открыта выставка.[3] На ней экспонировались книги, подлинные рукописи и фотокопии, изобразительный материал — все, что могло бы помочь исследователям и поклонникам творчества Шторма лучше познакомиться с жизнью и творчеством Тургенева.

[1] В конце 1965 г. издательство «Художественная литература» выпустило в свет двухтомник новелл Т. Шторма — первое собрание сочинений писателя на русском языке (*Ред.*).

[2] *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 434—437.

[3] О выставке писала местная газета «Husumer Nachrichten» 6 октября 1962 г. В музее «Ниссенхауз» находится часть архива Шторма и другие материалы, связанные с его жизнью и творчеством.

Преимущественная часть тургеневских материалов, представленных на выставке, не являлась новостью для тургеневедов (книги М. Клемана, С. Липеровской, А. Ярмолинского, А. Мазона, четвертый том «Описания материалов Пушкинского дома»). Однако там демонстрировались и некоторые малоизвестные документы.

На одном из стендов находился, например, первый немецкий перевод «Записок охотника». К сожалению, это был экземпляр из библиотеки Геттингенского университета, а не тот именно том, который вскоре после выхода в свет (октябрь 1854 г.) был прислан переводчиком А. Видертом в подарок Шторму.[4] С помощью старых рукописных каталогов дочери писателя Гертруды Шторм и музея «Ниссенхауз» удалось установить, что эта книга, — так же, впрочем, как и второй том, переведенный А. Больцем, — находилась в личной библиотеке Шторма вплоть до второй мировой войны. Обратим внимание на то, что, согласно этим же описям, речь идет не о втором (1858), а именно о первом издании (1854—1855),[5] т. е. Шторм одним из первых в Германии познакомился с «Записками охотника» и полюбил их.

Из письма Шторма к Л. Пичу от 25 июня 1863 г. мы знаем, что немецкий писатель заинтересовался романом «Дворянское гнездо» (в переводе П. Фукса).[6] Осенью следующего года он с воодушевлением читал этот роман, делясь своими впечатлениями с Пичем. На выставке демонстрировалась фотокопия письма Шторма к Пичу, написанного между 14 сентября и 22 ноября 1864 г., где речь идет об одной из сцен XXXIV главы романа.[7] Немецкое издание «Дворянского гнезда», которое Шторм, по собственному признанию, «подарил сам себе» 14 сентября 1864 г.,[8] находилось до 1922 г. у Гертруды Шторм,[9] но затем было утеряно. После нелегких поисков недавно удалось его обнаружить у потомков писателя, и посетители выставки имели возможность впервые увидеть эту книгу с автографом Шторма на форзаце.

Подобным же образом были найдены три из четырех считавшихся пропавшими томов митавского издания сочинений Тургенева, которые автор прислал Шторму. Они также заняли свое место на выставке: первый том — «Отцы и дети», с собственноручным посвящением Тургенева,[10]

---

[4] О связях между Т. Штормом и А. Видертом см.: М. П. Алексеев. 1) Первый немецкий перевод «Ревизора». В кн.: Гоголь. Статьи и материалы. Изд. АН СССР, Л., 1954, стр. 203—205; 2) Мировое значение «Записок охотника». В кн.: Творчество И. С. Тургенева. Учпедгиз, М., 1959, стр. 78—82.

[5] См также: L. Pietsch. Wie ich Schriftsteller geworden bin, Bd. I. 2. Aufl. Berlin, 1898, стр. 210.

[6] См.: Blätter der Freundschaft, mitgeteilt von V. Pauls, 2. Aufl. Heide in Holstein, 1943, стр. 103—104.

[7] См.: там же, стр. 143.

[8] Там же.

[9] См.: Neue Freie Presse, Wien, 5. Januar 1922.

[10] Впервые опубликовано автором статьи в издании: Schriften der Th. Storm-Gesellschaft, № 12, Heide in Holstein, 1963, стр. 16—17; см. также: I. S. Turgenev und Deutschland. Berlin, 1965, Приложение.

второй том — «Ася» и несколько других повестей, третий том — «Рудин», «Три встречи», «Муму».[11]

Экземпляры изданий произведений Т. Шторма, посланные автором Тургеневу, — вероятно, с надписями, — на выставке, к сожалению, отсутствовали. Их не удалось обнаружить ни в Орле, ни в Париже, куда попали части тургеневской библиотеки.[12] Вместо них посетители могли видеть те первые издания новелл Шторма, экземпляры которых — и это достоверно известно — Тургенев получил от своего немецкого друга. Так, здесь находились отдельные издания новелл «В университете», «Лесной уголок» и «чрезвычайно элегантное издание», как выразился сам Тургенев, новеллы «Aquis submersus».[13]

На стендах выставки находились и письма. Особенно интересным было письмо Шторма к Л. Пичу от 15 сентября 1863 г., хранящееся ныне в Кильской библиотеке. Шторм писал: «Если Тургенев написал тебе о моих делах, сообщи мне об этом; я очень люблю этого человека. Как ни слаба композиция „Трех встреч“, в них есть какое-то очарование (was Bestrickendes), главное заключается не в повествуемом событии, а в действии, которое оно оказывает на рассказчика; настроение рассказчика, вызванное этим событием, и есть подлинная тема (как это чаще всего происходит и со мной), одним словом, он скрытый лирик, несмотря на свой изобразительный талант (er ist ein verkappter Lyriker, trotz seiner Plastik)».[14]

Разумеется, особенный интерес посетителей выставки вызывали письма Тургенева к Шторму, которые в настоящее время принадлежат Кильской библиотеке. Не может не поражать та уверенность и легкость, с какой русский писатель пользовался немецким языком.

Известно, что журналист и талантливый рисовальщик Людвиг Пич сыграл большую роль в истории знакомства и дружбы Тургенева и Шторма. Недавно была обнаружена его забытая зарисовка музыкального утренника у Виардо, — очевидно, единственный рисунок современника, на котором оба писателя изображены рядом. На выставке впервые демонст-

---

[11] Первый и второй тома Тургенев выслал Шторму с письмом от 14 (26) сентября 1869 г. (см.: *Письма*, т. VIII, стр. 85, 352), третий том Шторм получил 9 (21) февраля 1870 г. (см.: там же, стр. 192, 370).

[12] Часть библиотеки Тургенева, находившаяся у Полины Виардо и ее наследников (2852 тома), была продана и теперь считается утраченной (см.: М. П. Алексеев. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции. «Русская литература», 1963, № 2, стр. 56. — Об этом же сообщил автору настоящей статьи проф. А. Гранжар).

[13] По свидетельству Л. Пича, Тургеневу нравилась новелла «В университете» (1862) (см. Blätter der Freundschaft, стр. 151); новеллу «Лесной уголок» Тургенев прочел в октябрьском номере журнала «Deutsche Rundschau» за 1874 г. и раскритиковал ее в письме к Пичу от 15 (27) ноября (см.: *Письма*, т. X, стр. 328, 461—462); экземпляр «Aquis submersus» был подарен Тургеневу автором в октябре 1876 г. (см.: Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch. Briefe aus den Jahren 1864—1883. Hrsg. von A. Doren, Berlin, ‹1926›, стр. 137).

[14] Blätter der Freundschaft, стр. 110—111.

рировалась копия этого рисунка.[15] Несколько позднее удалось отыскать если не оригинал, то во всяком случае его первую публикацию — в газете «Der Bazar» за 8 декабря 1865 г.[16] Изображение гостей П. Виардо на этом рисунке не только почти фотографически верно, но и, по-видимому, передает духовную атмосферу утренников Виардо. Группировка фигур имеет здесь особый смысл. На заднем плане, в центре, у органа, царит сама Полина Виардо-Гарсиа; справа, слегка возвышаясь над ней, стоит Тургенев; за ним, несколько оттесненный назад, — Т. Шторм, рядом — Мануэль Гарсиа, брат певицы. Ниже сидят король и королева Пруссии; у правого края рисунка виден профиль Бисмарка.[17] На левой стороне художник расположил группу деятелей искусства, симметричную группе Тургенев—Шторм. Здесь мы видим певицу Дезире Арто, скрипача Германа и прославленного А. Рубинштейна (за роялем). На переднем плане ряды слушателей. Ясность линий, продуманность композиции, выразительность поз и лиц — поистине великолепный рисунок!

Рядом с этим рисунком устроители выставки не могли не поместить мемуары и статьи Л. Пича, где он рассказывает о своих встречах с Тургеневым и П. Виардо, о баденской жизни. Не были забыты и рисунки Пича этих лет (вечер оперетты, портреты Тургенева и Виардо).[18] Музыкальную жизнь Баден-Бадена отразила также книга воспоминаний Э. Шуман, иллюстрированная малоизвестной фотографией П. Виардо.[19]

Почетное место на стендах выставки было, разумеется, предоставлено публикациям дочери писателя — Гертруды Шторм. Она впервые познакомила литературный мир с историей дружбы своего отца и Тургенева и впервые, хотя и с неточностями, опубликовала семь писем русского писателя из архива отца.[20]

На выставке была собрана и собственно «тургеневская» литература: тома журнала «Der Salon», печатавшего переводы рассказов Тургенева,[21] ежегодник «Preußische Jahrbücher» со статьей Ю. Шмидта о Тургеневе, XLIII том журнала «Werstermanns illustrierte Monatshefte» за 1877—1878 гг. со статьей того же автора и забытым портретом Тургенева.

---

[15] Опубликована автором статьи в изд.: Schriften der Th. Storm-Gesellschaft, № 12, стр. 12—13; воспроизведена затем: *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 320—321. — Описание пребывания в Баден-Бадене см. в письмах Т. Шторма к родным (G. Storm. Theodor Storm, ein Bild seines Lebens, Bd. II. Berlin, 1913, стр. 118 и сл.) и сыну Эрнсту от 11 сентября 1865 г. (*Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 321; Chr. Schultze. Theodor Storm und Turgenev. In: I. S. Turgenev und Deutschland, Bd. I, стр. 7—8).

[16] Размер иллюстрации 25×25 см. Литературную часть газеты редактировал хорошо знавший Тургенева Ю. Роденберг.

[17] В действительности Бисмарк не посещал утренников у Виардо (см.: L. Pietsch. Wie ich Schriftsteller geworden bin, Bd. II, стр. 384). Изображая его, Пич имел, очевидно, в виду тогдашние политические обстоятельства.

[18] См.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 19, 95, 179.

[19] Eugenie Schumann. Erinnerungen. Stuttgart, 1927, стр. 175 и сл.

[20] См.: «Ostdeutsche Monatshefte», Bd. 3, 1922, № 10, стр. 463—469.

[21] Например, пятый том (1869) включал перевод «Странной истории»; в десятом томе (1872) была опубликована новелла Шторма «Draußen im Heidedorf».

Экспозиция позднейших изданий произведений Тургенева завершала выставку. Всеобщее внимание было привлечено к первым томам нового академического Полного собрания сочинений и писем писателя, которое издается Пушкинским домом под редакцией академика М. П. Алексеева. Тома тургеневских писем вызвали особое любопытство немецких литературоведов — и не только потому, что там публикуются письма Тургенева к Шторму с подробным комментарием.[22] Дело еще и в том, что подобное издание писем Т. Шторма остается пока лишь мечтой исследователей его творчества.

Из новых немецких переводов Тургенева на выставке можно было видеть разные издания работ переводчика И. Гюнтера,[23] «Записки охотника», заново переведенные М. Роппом.[24] Издательство «Vier-Falken-Verlag» выпустило в одинаковом оформлении отдельными томиками перевод тургеневской повести «Первая любовь» и новеллу Шторма «Иммензее», подчеркнув тем самым глубокое сходство этих произведений.[25]

Томас Манн говорил, что Тургенев и Шторм похожи, как братья; хорошим подтверждением его слов были два портрета, украшавшие выставку, — фотография Шторма 1865 г. и портрет Тургенева, выполненный тремя годами позже.[26] Так символически выражена мысль, которая подсказывалась всеми материалами выставки в музее «Ниссенхауз», — мысль о литературном и духовном родстве русского и немецкого писателей.

Г. Хузум (ФРГ) *К. Э. Лааге*

(перевод *Р. Ю. Данилевского*)

---

[22] См.: *Письма*, тт. VI, VII, VIII; см. также: Р. Ю. Данилевский. К переписке Тургенева с Теодором Штормом. *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 320—323.

[23] Например: I. Turgenjew. Gesammelte Werke. Hrsg. und aus dem Russischen übers. von Johannes von Guenther. Bd. 1—5. Berlin, 1952.

[24] I. Turgenjew. Aufzeichnungen eines Jägers. Aus dem Russischen übertr. von Manfred von der Ropp (Exempla Classica, № 28), Fischer-Bücherei, 1961.

[25] I. Turgenjew. Erste Liebe. Übers. von J. M. Schille. Bergtesgaden, 1959; Th. Storm. Immensee. Bergtesgaden, 1959.

[26] Фотография сделана хузумским фотографом Штремом, портрет Тургенева выполнен в 1868 г. Э. Эдуэном в технике офорта (см.: *Письма*, т. VII, фронтиспис).

УТРАЧЕННЫЕ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА (1861—1870) [1]

За указанный период удалось собрать сведения примерно о 280 утраченных или неизвестных нам письмах, телеграммах и записках Тургенева к разным лицам, в том числе об одном письме в редакцию газеты «Rigasche Zeitung». Сведения о них почерпнуты из текстов сохранившихся писем как самого Тургенева, так и его корреспондентов, из различных мемуарных источников и т. д.

Как и в предыдущих обзорах, регистрирующих утраченные письма Тургенева за 1838—1860 гг., настоящий перечень далеко не исчерпывающий. Однако и он до некоторой степени дополняет наши представления об эпистолярном наследии писателя.

Наибольшее количество (около трети) упомянутых здесь писем Тургенева было адресовано Проспepу Мериме — 94. Письма Тургенева к нему погибли в 1871 г. во время пожара парижской квартиры Мериме, но благодаря сохранившимся письмам Мериме к Тургеневу можно установить время написания и примерное содержание по крайней мере 51 письма (о двух письмах 1860 г. см.: *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 351, 352). По общему же количеству писем Мериме к Тургеневу (96) определяется и общая цифра утраченных писем Тургенева к нему — вероятно, их было примерно столько же.

Следующий по количеству цикл не дошедших до нас писем Тургенева адресован его дяде, Н. Н. Тургеневу — 25 писем. Далее по количеству идут письма к М. Н. Каткову — не менее 12 писем, к П. В. Анненкову — 11 писем, к Полине Виардо — 10 писем, к А. И. Герцену — 9 писем. Количество писем к другим адресатам — не более шести.

Из новых, ранее неизвестных адресатов Тургенева за эти годы можно назвать следующие имена: В. И. Бакст, З. Ф. Балашов, С. М. Буткевич, Луи Бюлоз, А. В. Веревкин, Марианна, Клоди и Поль Виардо, О. А. Герцен, Эрнст Дом, А. Ф. Иогансен, Л. И. Лобанов, М. О. Маляревская, М. Н. Островский, Луиза Пелльниц, А. Н. Плещеев, г-жа Риччи, М. Ф. Ростовская, Н. И. Салаев, М. А. Сердечный, М. А. Тургенев, Марианна Турнер, А. Ф. Тютчева, Герман Фризен, В. Я. Фукс, Штур — всего 26 адресатов.

---

[1] Продолжение. См.: *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 344—378; вып. II, стр. 339—353.

1861

И. В. ПАВЛОВУ

Конец декабря 1860—начало января 1861. Париж

Упоминается в письме Павлова к Тургеневу от 14 (26) января 1861 г.: «Две прилагаемые ‹очевидно, к не дошедшему до нас письму Тургенева о конфликте с издателем Н. А. Основским› Вами моих записки требуют объяснения» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 152, л. 11).

И. П. БОРИСОВУ

Начало января ст. ст. 1861. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Борисов отвечал 17 (29) января 1861 г. (см. ниже, стр. 347).

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

7 (19) января 1861. Париж

Упоминается в письмах: Тургенева к П. В. Анненкову от 7 (19) января 1861 г. — «Я ему ‹Плещееву› сегодня же написал ‹о конфликте с издателем Н. А. Основским›» (*Письма*, т. IV, стр. 181); Плещеева к Тургеневу от 18 (30) января 1861 г. — «Ваше письмо меня ободрило» (*Лит. арх.*, т. 6, стр. 313).

А. В. ДРУЖИНИНУ

Около 20 января ст. ст. 1861. Париж

Упоминается в письме Дружинина к Тургеневу от 31 января ст. ст. 1861 г.: «Ваше письмо, любезнейший Иван Сергеевич, я получил очень скоро, оно не шло и десяти дней... ‹о предполагаемом участии Тургенева в журнале «Век»›» (*Тургенев и круг Совр.*, стр. 223).

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Вторая половина января ст. ст. 1861. Париж

Упоминается в письме Плещеева к Тургеневу от 28 февраля (12 марта) 1861 г.: «По получении Вашего первого письма... ‹из этих слов можно заключить, что было и второе письмо›» (*Лит. арх.*, т. 6, стр. 318).

М. Н. КАТКОВУ

Февраль 1861. Париж

Упоминается в письмах Тургенева к Е. М. Феоктистову: от 1 (13) февраля 1861 г. — «... я ему ‹Каткову› напишу об этом ‹об отдельной публикации главы из романа «Отцы и дети» в «Русской речи»›»; от 8 (20) марта 1861 г. — «... я получил от Каткова разрешение поместить главу моего романа в „Русской речи“ ‹в ответ на не дошедший до нас запрос Тургенева›» (*Письма*, т. IV, стр. 196 и 208).

Н. А. НЕКРАСОВУ

Февраль 1861. Париж

Упоминается в письмах: Некрасова к Тургеневу от 5 (17) апреля 1861 г. — «...долго не писал тебе ответа, это оттого, что написал было, да ‹...› изорвал. „Не нужно придавать ничему большой важности“, ты прав» (*Некрасов*, т. X, стр. 448); Тургенева к Ф. М. Достоевскому от 30 октября (11 ноября) 1861 г. — «У меня письмо от Некрасова ‹от 15 января ст. ст. 1861 г.› ‹...›, в котором он мне делает самые блестящие предложения — я ему отвечал, что сотрудником „Современника“ более не буду» (*Письма*, т. IV, стр. 301).

Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Начало марта ст. ст. 1861. Париж

Упоминается в письме Салиас к Тургеневу от 13 (25) марта 1861 г.: «Сейчас получила письмо Ваше, любезный Иван Сергеевич, и спешу ответить» (*ИРЛИ*, 5850.XXXб.140, л. 30).

М. Н. КАТКОВУ

8 (20) марта 1861. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Е. М. Феоктистову от 8 (20) марта 1861 г.: «...я сегодня же выслал Каткову эту главу ‹из романа «Отцы и дети», которую Катков должен был передать Феоктистову для опубликования в «Русской речи»›. Я так об этом написал и Каткову ‹о денежных расчетах за публикацию главы›» (*Письма*, т. IV, стр. 208).

М. Н. ТОЛСТОЙ

9 (21) марта 1861. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Л. Н. Толстому от 10 (22) марта 1861 г.: «...я писал даже об этом ‹о своей радости при получении письма от Толстого› вчера Вашей сестре» (*Письма*, т. IV, стр. 209).

М. А. МАРКОВИЧ

Первая половина марта ст. ст. 1861. Париж

Ответ на письмо Маркович к Тургеневу от 24 февраля (8 марта) 1861 г. На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Маркович отвечала 20 марта (1 апреля) 1861 г. (см.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 288—292).

Н. Ф. КРУЗЕ

Вторая половина марта ст. ст. 1861. Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. И. Герцену от 14 (26) марта 1861 г: «Благодарю Крузе за его письмо; я ему буду отвечать» (*Письма*, т. IV, стр. 212). Написал ли Тургенев письмо — неизвестно.

М. А. МАРКОВИЧ

Около 14 (26) апреля 1861. Париж

Упоминается в письме Маркович к Тургеневу от 4 (16) мая 1861 г.: «В Риме я получила от вас письмо, что вы едете через неделю в Россию» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 292). Из Парижа Тургенев уехал 21 апреля (4 мая) 1861 г.

А. И. ГЕРЦЕНУ

Вторая половина марта—первая половина апреля ст. ст. 1861. Париж

Упоминается в письме Герцена к Тургеневу от 18 (30) апреля 1861 г.: «И письма прошлого твоего я не понял» (*Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 149). Последнее известное нам письмо Тургенева к Герцену было от 14 (26) марта 1861 г. Очевидно, было еще не дошедшее до нас письмо.

М. А. МАРКОВИЧ

20 апреля (3 мая) 1861. Париж

Упоминается в письме Маркович к Тургеневу от 4 (16) мая 1861 г.: «...в Неаполе ‹получила› другое письмо от вас через три недели после первого, что вы едете завтра» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 292). Из Парижа Тургенев уехал 21 апреля (4 мая) 1861 г.

И. И. МАСЛОВУ

Середина мая ст. ст. 1861. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к Маслову от 7 (19) июня 1861 г.: «Что же ты не отвечал на мое письмо — и ‹...› не высылаешь те два экземпляра *второго* тома моих сочинений (плещеевского издания), о которых я тебя просил?» (*Письма*, т. IV, стр. 258).

Л. Н. ТОЛСТОМУ

19 (31) мая 1861. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к А. А. Фету от 19 (31) мая 1861 г.: «...посылаю Вам записку от Толстого, которому я сегодня же написал, чтобы он непременно приехал сюда в теченье будущей недели» (*Письма*, т. IV, стр. 237).

А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

14 (26) июня 1861. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к Д. Я. Колбасину от 14 (26) июня 1861 г.: «...я сегодня же отправил письмо к Анне Федоровне Тютчевой» (*Письма*, т. IV, стр. 259).

М. А. МАРКОВИЧ

Середина июля—начало августа ст. ст. 1861. Спасское

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева к Маркович (ответ на ее письмо от 8 (20) июля 1861 г.) она отвечала 16 (28) августа 1861 г.: «Вы ни за что, ни про что пеняете, что я хотела вам сказать приятное — я вам сказала только то, что думала» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 293—296).

В. П. БОТКИНУ

Около 14 (26) августа 1861. Спасское

Упоминается в письмах: Тургенева к М. А. Маркович от 25 августа (6 сентября) 1861 г. — «...ступайте к Боткину и скажите ему, что я ему написал было пребольшое письмо и отдал его ‹...› Бенни для отдачи в Мценске на почту; но сей юноша его на дороге потерял» (*Письма*, т. IV, стр. 282); Артура Бени к Тургеневу от 14 (26) августа 1861 г. — «Простите ли вы меня когда-нибудь, когда я вам скажу, что потерял ваше письмо к Боткину?!» («Каторга и ссылка», 1931, № 2, стр. 141).

И. П. БОРИСОВУ

Середина сентября ст. ст. 1861. Париж

Упоминается в письме Борисова к Тургеневу от 12 (24) октября 1861 г.: «...спасибо Вам за эти строки обещания в апреле к нам» (см. ниже, стр. 351).

М. Н. КАТКОВУ

Сентябрь 1861. Париж

Несколько писем. Упоминаются в письме Тургенева к Каткову от 1 (13) октября 1861 г.: «...извините меня, что я Вас бомбардирую письмами ‹об издании «Отцов и детей»; рукопись романа была вручена Каткову 30 или 31 августа ст. ст. 1861 г.›» (*Письма*, т. IV, стр. 295).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Около середины октября ст. ст. 1861. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он писал о своем намерении приехать в Лондон, Герцен отвечал 16 (28) октября 1861 г. (см.: *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 190).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Середина ноября ст. ст. 1861. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Герцен отвечал 20 ноября (2 декабря) 1861 г. (см.: *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 200).

П. В. АННЕНКОВУ

21 ноября (3 декабря)—4 (16) декабря 1861. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 11 (23) декабря 1861 г.: «...по крайней мере, *одно* мое письмо к вам затерялось» (*Письма*, т. IV, стр. 313). О датировке этого несохранившегося письма см.: *Письма*, т. IV, стр. 600.

М. Н. КАТКОВУ

4 (16) декабря 1861. Париж

Телеграмма. Упоминается в письмах Тургенева: к Каткову от 4 (16) декабря 1861 г. — «Чтобы успокоить Вас, посылаю Вам два слова по телеграфу ‹обещание печатать роман «Отцы и дети» в «Русском вестнике»›»;

к П. В. Анненкову от 11 (23) декабря 1861 г. — «На днях должен был послать успокоительную телеграмму Каткову» (*Письма*, т. IV, стр. 309, 314).

С. С. ДУДЫШКИНУ

Начало декабря ст. ст. 1861. Париж

Упоминается в письме Дудышкина к Тургеневу от 15 (27) декабря 1861 г.: «Я был очень рад, когда получил ваше письмо» (*ИРЛИ*, 5805.XXXб.95, л. 5).

А. И. ГЕРЦЕНУ

20-е числа декабря ст. ст. 1861. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева о его намерении приехать в Лондон Герцен отвечал в конце декабря ст. ст. 1861 г. (см.: *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 205).

1862

А. И. ГЕРЦЕНУ

20 января (1 февраля) 1862. Париж

Упоминается в письме Герцена к Тургеневу от 10 (22) февраля 1862 г.: «1 февр‹аля› — последнее ‹письмо› с сроком ‹приезда в Лондон›» (*Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 213).

М. Н. КАТКОВУ

Около 21 марта (2 апреля) 1862. Париж

Упоминается в письме Тургенева к К. К. Случевскому от 21 марта (2 апреля) 1862 г.: «...я пишу об этом ‹об издании стихов Случевского› Каткову и Щербаню» (*Письма*, т. IV, стр. 364). Было ли письмо написано — неизвестно.

Н. В. ЩЕРБАНЮ

Около 21 марта (2 апреля) 1862. Париж

Упоминается в письме Тургенева к К. К. Случевскому от 21 марта (2 апреля) 1862 г.: «...я пишу об этом ‹об издании стихов Случевского› Каткову и Щербаню» (*Письма*, т. IV, стр. 364). Было ли письмо написано — неизвестно.

М. Н. КАТКОВУ

24 марта (5 апреля) 1862. Париж

Упоминается в письмах: Тургенева к П. В. Анненкову от 25 марта (6 апреля) 1862 г. — «Опечаток ‹в журнальном тексте «Отцов и детей»› отыскалось много, а именно около 50 ‹...› я послал списочек Каткову» (Письма, т. IV, стр. 366. — Последнее письмо Каткову, в котором Тургенев писал, что еще не прочел свое произведение, написано 23 марта

(4 апреля) 1862 г. — см.: там же, стр. 365); Н. В. Щербаня к Тургеневу от 2 (14) апреля 1862 г. — «...сегодня получил ‹Катков› Ваши поправки к „Отцам и детям“, и они опять бросили меня в дрожь, потому что и там значится: „Щербань все не пишет“» (*ИРЛИ*, 5770.XXXб.60, л. 4).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Начало апреля ст. ст. 1862. Париж

Упоминается в письме Герцена к Тургеневу от 9 (21) апреля 1862 г.: «...я в твоей записке вовсе не понимаю, что за desperatio ‹отчаяние — *лат.*› от того, что в Москве Чичерин, в Петер‹бурге› — Чернышев‹ский›» (*Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 217).

А. И. ГЕРЦЕНУ

20-е числа апреля ст. ст. 1862. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева с просьбой подыскать ему квартиру в Лондоне Герцен отвечал 27 апреля (9 мая) 1862 г. (см.: *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 220).

А. И. ГЕРЦЕНУ

Около 9 (21) мая 1862. Париж

Упоминается в письме Герцена к Тургеневу от 9 (21) мая 1862 г.: «Письмо получил ‹о том, что Тургенев в Лондон не приедет›» (*Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 222).

Г-же РИЧЧИ

Конец мая ст. ст. 1862. Берлин или Петербург

Упоминается в письме Тургенева к М. А. Маркович от 15 (27) августа 1862 г.: «...получила ли она ‹Риччи — квартирная хозяйка Тургенева в Париже› от меня письмо, в котором я ее просил — сохранять все книги, журналы, письма, получаемые на мое имя (и в случае нужды, платить за них)» (*Письма*, т. V, стр. 41). Очевидно, письмо было послано вскоре после отъезда Тургенева из Парижа 22 мая (3 июня) 1862 г.

С. М. БУТКЕВИЧ

26 мая (7 июня)—2 (14) июня 1862. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к М. А. Маркович от 4 (16) июня 1862 г.: «Я послал из Петербурга письмо г-же Буткевич ‹по поводу издания ее книги «Дневник девочки»›» (*Письма*, т. V, стр. 10). Датируется временем пребывания Тургенева в Петербурге.

ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ и МАРИИ ИННИС

26 мая (7 июня)—2 (14) июня 1862. Петербург

Упоминается в письмах Тургенева к П. Тургеневой и М. Иннис: от 23 мая (4 июня) 1862 г. — «...оттуда ‹из Петербурга› напишу вам, прежде чем двинуться в Спасское» (*Письма*, т. IV, стр. 392, 428); от 27 июня (9 июля) 1862 г. — «...я вам писал ‹...› из С.-Петербурга» (*Письма*, т. V, стр. 19, 408).

М. А. БАКУНИНУ

Июнь 1862. Спасское

Упоминается в ответе Тургенева на 4-й вопрос Сенатской следственной комиссии 22 марта (3 апреля) 1863 г.: «Я ‹...› отправил Бакунину письмо ‹о денежной помощи жене Бакунина, которую Тургенев оказал в июне 1862 г., — см. его письмо к И. И. Маслову от 22 июня (4 июля) 1862 г.› ‹...› приложенное мною письмо Бакунина ‹от 5 октября н. ст. 1862 г.› подтверждает все вышесказанное» (*Письма*, т. V, стр. 397 и 18).

М. А. ТУРГЕНЕВУ

11 (23) июля 1862. Спасское

Записка. Упоминается в письме Тургенева к М. А. Языкову от 11 (23) июля 1862 г.: «...потрудитесь передать ему ‹М. А. Тургеневу› прилагаемую записку ‹...› вместе со вложенными тридцатью рублями» (*Письма*, т. V, стр. 24).

Е. Я. КОЛБАСИНУ

5 (17) июня—31 июля (12 августа) 1862. Спасское

Упоминается в письме Е. Я. Колбасина к Тургеневу от 12 (24) августа 1862 г.: «Крепкое спасибо ‹...› за Ваше сердечное письмо ко мне из ‹Спасского» (*ИРЛИ*, 5800.XXXб.90, № 26). Датируется временем пребывания Тургенева в Спасском.

А. И. ГЕРЦЕНУ

Начало августа ст. ст. 1862. По дороге из России в Баден-Баден

Упоминается в письмах: Герцена к Тургеневу от 10 (22) августа 1862 г. — «Я твоему письму был очень рад» (*Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 252); Тургенева к Герцену от 15 (27) августа 1862 г. — «...во-первых, спасибо за скорый ответ» (*Письма*, т. V, стр. 38).

Н. С. ТУРГЕНЕВУ

10-е числа августа ст. ст. 1862. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 18 (30) августа 1862 г.: «Спасибо за скорый ответ ‹на несохранившееся письмо Тургенева›» (*Письма*, т. V, стр. 42). Тургенев приехал в Баден-Баден 9 (21) августа 1862 г.

МАРИАННЕ ТУРНЕР

Середина августа ст. ст. 1862. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к М. А. Маркович от 19 (31) августа 1862 г.: «Поклонитесь ‹...› Марианне, которой я недавно писал» (*Письма*, т. V, стр. 43).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Сентябрь (до 26) ст. ст. 1862. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Д. И. Яздовской от 26 сентября (8 октября) 1862 г.: «...дядя уже извещен ‹о делах З. Ф. Балашова›» (*Письма*, т. V, стр. 54).

З. Ф. БАЛАШОВУ

27 сентября (9 октября) 1862. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Д. И. Яздовской от 26 сентября (8 октября) 1862 г.: «Захару ‹Балашову› скажите, что я ему завтра вышлю желаемую им бумагу для дяди» (*Письма*, т. V, стр. 54). Очевидно, эта бумага сопровождалась не дошедшим до нас письмом.

ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ и МАРИИ ИННИС

Конец сентября—начало октября ст. ст. 1862. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. Н. Рашет от 4 (16) октября 1862 г.: «Я писал моим дамам, чтобы они взяли мне место в Concerts populaires» (*Письма*, т. V, стр. 57).

О. Д. НЕЛИДОВОЙ

9 (21) августа—14 (26) октября 1862. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Ф. Боденштедту от 19 (31) октября 1862 г.: «...скажите ей ‹Нелидовой›, что я жду ответа на письмо, посланное ей из Баден-Бадена» (*Письма*, т. V, стр. 62, 414). Датируется временем пребывания Тургенева в Баден-Бадене.

П. В. АННЕНКОВУ

16—18 (28—30) октября 1862. Париж

Упоминается в письмах: Тургенева к В. Я. Карташевской от 19 (31) октября 1862 г. — «Я, как Вы ‹...› знаете из моего послания к Анненкову, пущенного через Ваши руки, нахожусь здесь с 28/16 октября» (*Письма*, т. V, стр. 63); Анненкова к Тургеневу от 24 октября (5 ноября) 1862 г. — «Наконец-то я увидал драгоценные Ваши строки, мой почтенный Иван Сергеевич, с обычной вереницей поручений всех родов» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 31).

П. В. АННЕНКОВУ

Вторая половина октября—первая половина ноября 1862. Париж

Упоминается в письме Анненкова к Тургеневу от 22 ноября (4 декабря) 1862 г.: «Отвечаю Вам на два письма» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 8, л. 35). Одно из этих писем, датируемое 16—18 (28—30) октября 1862 г., см. выше.

А. А. ФЕТУ

Сентябрь—ноябрь 1862. Баден-Баден или Париж

Два письма. Упоминаются в письме Тургенева к И. П. Борисову от 3 (15) декабря 1862 г.: «...он ‹Фет› не ответил мне на моих два письма» (*Письма*, т. V, стр. 79).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Начало декабря ст. ст. 1862. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором Тургенев, по-видимому, предлагал Мериме просмотреть корректуры перевода «Отцов и детей» и написать предисловие к роману, Мериме ответил 8 (20) декабря 1862 г. (см.: *Mérimée*, II, 5, стр. 262).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

10-е числа декабря ст. ст. 1862. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Мериме ответил 15 (27) декабря 1862 г. Судя по его содержанию, Тургенев сообщил Мериме о требовании Бюлоза (издателя «Revue des Deux Mondes» — журнала, в котором предполагалась публикация перевода «Отцов и детей») сделать некоторые сокращения в романе (см.: *Mérimée*, II, 5, стр. 274).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Середина декабря ст. ст. 1862. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Ф. И. Бизюкину от 15 (27) января 1863 г.: «...я получил твое письмо с месяц тому назад и тотчас написал в Спасское ‹Н. Н. Тургеневу› о высылке тебе 50 рублей серебром» (*Письма*, т. V, стр. 83).

П. В. АННЕНКОВУ

Конец 1862. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 19 (31) января 1863 г.: «...100 руб. ‹...› отдайте Захару ‹Балашову›, когда он явится к вам с письмом от меня» (*Письма*, т. V, стр. 87). Очевидно, не дошедшее до нас письмо было послано З. Ф. Балашову для передачи Анненкову, из Парижа.

З. Ф. БАЛАШОВУ

Конец 1862. Париж

Вероятно, письмо было написано как сопроводительное к предыдущему письму Тургенева к П. В. Анненкову.

1863

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

29 января (10 февраля) 1863. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Е. Т. Сливицкой от 29 января (10 февраля) 1863 г.: «Я сегодня же написал дяде, чтобы он выплатил Вам должную Вам сумму» (*Письма*, т. V, стр. 94).

Н. С. ТУРГЕНЕВУ

Декабрь 1862—январь 1863. Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. И. Герцену от 31 января (12 февраля) 1863 г.: «...я ‹...› выписал сюда брата» (*Письма*, т. V, стр. 95).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Начало февраля ст. ст. 1863. Париж

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 12 (24) февраля 1863 г.: «...ваше письмо меня ошеломило ‹известие о том, что Тургенева вызывают в Сенатскую следственную комиссию по делу Герцена, Огарева и Бакунина›» (*Mérimée*, II, 5, стр. 341).

А. К. ТОЛСТОМУ

Начало февраля ст. ст. 1863. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 9 (21) февраля 1863 г.: «Ты вероятно ‹...› увидишь Маркевича и графа А. К. Толстого: я им обоим писал ‹к Б. М. Маркевичу письмо от 6 (18) февраля 1863 г. известно: *Письма*, т. V, стр. 97›» (*Письма*, т. V, стр. 99).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

17 февраля (1 марта) 1863. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой, в регистрации писем: «Март, 1. Иван Т‹ургенев› м‹аме›» (*ИРЛИ*, ф. 309, № 4603, л. 30 об.), перевод с французского.

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Январь—февраль (до 21) ст. ст. 1863. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 21 февраля (5 марта) 1863 г.: «Я писал к дяде о немедленной высылке мне в Париж 4000 р.» (*Письма*, т. V, стр. 104).

Б. М. МАРКЕВИЧУ

Вторая половина февраля ст. ст. 1863. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 13 (25) февраля 1863 г.: «...можешь известить Маркевича, от которого я получил другое ‹...› письмо и которому отвечать я непременно буду» (*Письма*, т. V, стр. 100). Было ли письмо написано — неизвестно.

ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

25 апреля (7 мая) 1863. Баден-Баден

Упоминается: в письме Боденштедта к Тургеневу от 28 апреля (10 мая) 1863 г. — «...из вашего письма от 7 текущего месяца я узнал, что вы находитесь в добром здоровье и ‹...› собираетесь провести лето у нас в Германии»; в дневнике Боденштедта от 28 апреля (10 мая)

1863 г. — «...получил письмо от Тургенева, который проведет лето в Баден-Бадене и приглашает меня к себе» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 318—319 и 339).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Середина мая ст. ст. 1863. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Валентине Делессер от 1 (13) июля 1863 г.: «...я написал ему ‹Мериме› полтора месяца тому назад, но он мне не ответил» (*Письма*, т. V, стр. 136, 426).

В. П. БОТКИНУ

Конец июня—начало июля ст. ст. 1863. Баден-Баден

Упоминается в письме Боткина к Тургеневу от 17 (29) июля 1863 г.: «Письмо твое застало меня в мирной Степановке...» (*Боткин и Тургенев*, стр. 179).

И. П. БОРИСОВУ

Середина октября ст. ст. 1863. Баден-Баден

Упоминается в письме Борисова к Тургеневу от 28 октября (9 ноября) 1863 г.: «...с неделю уже, как я получил дорогие мне от Вас весточки, добрейший Иван Сергеевич...» (*Тургенев, Сб.*, вып. IV).

1864

МАРИАННЕ, КЛОДИ и ПОЛЮ ВИАРДО

Конец 1863—начало января ст. ст. 1864. Баден-Баден или Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо, под № 13, от 28 января (9 февраля) 1864 г.: «Скажите детям, что я всё еще жду от них ответа на посланное им письмо ‹...›в моем ‹...› письме были рисунки» (*Письма*, т. V, стр. 218).

ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

Начало января 1864. Берлин или Петербург

На это, не дошедшее до нас письмо сохранился ответ Боденштедта от 29 января (10 февраля) 1864 г. (см.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 322).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

14 (26) января 1864. Петербург

Упоминается в письмах Тургенева к П. Виардо: под № 6, от 13 (25) января 1864 г. — «...завтра же напишу вам в Лейпциг»; под № 13, от 28 января (9 февраля) 1864 г. — «Очень жалею, что мое письмо № 7 не дошло до вас; к счастью я вторично сообщил вам великую новость в № 8, так что вы узнали ее немедленно ‹о предполагаемом браке Полине Тургеневой с господином Пине (эта свадьба не состоялась) и о последнем посещении Тургеневым Сенатской следственной комиссии›» (*Письма*, т. V, ст. 202 и 217).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

27 января (8 февраля) 1864. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к П. Виардо, под № 11, от 24 января (5 февраля) 1864 г.: «До понедельника, № 12 ‹следующее сохранившееся письмо к Виардо, под № 13, датировано вторником, 28 января (9 февраля) 1864 г.›» (*Письма*, т. V, стр. 210, 445).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Начало февраля ст. ст. 1864. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо от 8 (20) февраля 1864 г.: «Я решительно не еду в Москву и уже написал в этом смысле дядюшке» (*Письма*, т. V, стр. 228).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

14 (26)—21 февраля (4 марта) 1864. Петербург

Три письма. Упоминаются в письме Тургенева к П. Виардо, под № 17, от 9 (21) февраля 1864 г.: «Из Петербурга осталось послать теперь только четыре №№ ‹сохранилось письмо под № 18, от 10—13 (22—25) февраля 1864 г.; №№ 19, 20 и 21 утрачены. 21 или 22 февраля ст. ст. Тургенев выехал из Петербурга›» (*Письма*, т. V, стр. 229, 230 и 234).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

20-е числа февраля ст. ст. 1864. Дрезден

Упоминается в письме Тургенева к П. Виардо от 9 (21) февраля 1864 г.: ««Письмо› № 22 пойдет из Дрездена» (*Письма*, т. V, стр. 229).

М. Ф. РОСТОВСКОЙ

Начало марта ст. ст. 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Ростовской к Тургеневу от 15 (27) марта 1864 г.: «На днях отправили мы на ваше имя в Баден-Баден, имея на то ваше согласие, „Детский журнал“ наш» (*ИРЛИ*, 5781.XXXб.70).

Д. Е. КОЖАНЧИКОВУ

Около 10 (22) марта 1864. Баден-Баден или Париж

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 24 марта (5 апреля) 1864 г.: «...я с лишком две недели тому назад написал Кожанчикову, что, вследствие затруднения, встречаемого при заготовке бумаги, сроки поставки моего издания должны быть отдалены ‹...› вместо августа и ноября, я назначил сентябрь и январь ‹речь идет о пересылке в Россию Карлсруйского издания сочинений Тургенева›» (*Письма*, т. V, стр. 243).

М. А. МАРКОВИЧ

Март—начало апреля 1864. Париж или Баден-Баден

Упоминается в письмах: Тургенева к Н. В. Щербаню от 23 апреля (5 мая) 1864 г. — «Если увидите М. А. Маркович ‹...› спросите, почему она не отвечала на мое письмо» (*Письма*, т. V, стр. 252); Маркович к Тургеневу от 27 мая (8 июня) 1864 г. — «Извините меня, что я долго вам не отвечала» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 302).

П. В. АННЕНКОВУ

11 (23) марта—9 (21) апреля 1864. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 25 апреля (7 мая) 1864 г.: «...телеграммы вам не послал из Парижа, а послал письмо с доверенностью Макарову, которое бы вам следовало получить» (*Письма*, т. V, стр. 253). Датируется временем пребывания Тургенева в Париже, весной 1864 г.

В. Н. КАШПЕРОВУ

11 (23) марта—9 (21) апреля 1864. Париж

Упоминается в письме Кашперова к Тургеневу от 12 (24) октября 1864 г.: «Иван Сергеевич — лишь теперь могу я Вам добросовестно отвечать на рекомендательное письмо, которое Вы дали г-ну Родолфи ‹Рудольфи›» (*Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 401). Датируется временем пребывания Тургенева в Париже весной 1864 г., когда он встречался с Рудольфи (см.: *Письма*, т. V, стр. 248, 450).

Н. Я. МАКАРОВУ

Около 25 апреля (7 мая) 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 25 апреля (7 мая) 1864 г.: «...я сейчас же спишусь с Макаровым» (*Письма*, т. V, стр. 253). Было ли письмо написано — неизвестно.

В. П. БОТКИНУ

7—8 (19—20) мая 1864. Баден-Баден

Упоминается в письмах: Тургенева к Полине Тургеневой от 7 (19) мая 1864 г. — «...я со своей стороны пишу ему ‹Боткину: приглашение заехать из Парижа в Баден-Баден и просьба купить и привезти жилеты›» (*Письма*, т. V, стр. 256, 452); Боткина к Тургеневу от 9 (21) мая 1864 г. — «...но вот получен твой ответ ‹с приглашением приехать в Баден-Баден›» (*Боткин и Тургенев*, стр. 199).

П. В. АННЕНКОВУ

9 (21) мая 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 11 (23) мая 1864 г.: «...третьего дня я вам писал наудачу в Эмс, звал вас сюда» (*Письма*, т. V, стр. 256).

А. Ф. ИОГАНСЕНУ

18 (30) мая 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к В. П. Боткину от 18 (30) мая 1864 г.: «...посылаю тебе ‹...› под одним кувертом — письма к дяде, к Иогансену и к Салаевым» (*Письма*, т. V, стр. 257).

Ф. И. и Н. И. САЛАЕВЫМ

18 (30) мая 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к В. П. Боткину от 18 (30) мая 1864 г.: «...посылаю тебе ‹...› под одним кувертом — письма к дяде, к Иогансену и к Салаевым» (*Письма*, т. V, стр. 257).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

18 (30) мая 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к В. П. Боткину от 18 (30) мая 1864 г.: «...посылаю тебе ‹...› под одним кувертом — письма к дяде, к Иогансену и к Салаевым» (*Письма*, т. V, стр. 257).

А. Ф. ИОГАНСЕНУ

Середина июня ст. ст. 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к А. А. Фету и В. П. Боткину от 6 (18) июня 1864 г.: «Буду ждать альбомов; Иогансену напишу» (*Письма*, т. V, стр. 264). Было ли письмо написано — неизвестно.

ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

Середина июля ст. ст. 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Боденштедта к Тургеневу от 28 июля (9 августа) 1864 г.: «Пишу вам ‹...› тотчас же по получении вашего письма» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 328).

Д. Е. КОЖАНЧИКОВУ

Начало сентября ст. ст. 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к В. П. Боткину от 18 (30) сентября 1864 г.: «...первые два тома ‹Карлсруйского издания собрания сочинений Тургенева в пяти томах› уже с лишком две недели тому назад отправлены в Петербург ‹...› Также известил я об этом книгопродавца Кожанчикова» (*Письма*, т. V, стр. 283).

М. Н. ОСТРОВСКОМУ

Начало сентября ст. ст. 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к В. П. Боткину от 18 (30) сентября 1864 г.: «...контракт ему ‹Островскому› послал в застрахованном письме» (*Письма*, т. V, стр. 283).

А. А. ФЕТУ

18 (30) сентября—20 сентября (2 октября) 1864. Баден-Баден

Упоминается в письмах Тургенева: к В. П. Боткину от 18 (30) сентября 1864 г. — «Кланяйся Фету; я сам ему напишу»; к И. П. Борисову от 22 сентября (4 октября) 1864 г. — «Я ему ‹Фету› написал на днях» (*Письма*, т. V, стр. 283 и 287).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

5—7 (17—19) ноября 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к В. П. Боткину от 14 (26) ноября 1864 г.: «...благодарю тебя за ‹...› известие о выкупной сумме ‹в письме Боткина от 4 (16) ноября 1864 г.›. Я тотчас же написал дяде» (*Письма*, т. V, стр. 299 и 651).

П. В. АННЕНКОВУ

8—18 (20—30) ноября 1864. Париж

Упоминается в письме Тургенева к П. В. и Г. А. Анненковым от 20 ноября (2 декабря) 1864 г.: «Я уже писал вам об этом ‹о продаже ценных бумаг› из Парижа» (*Письма*, т. V, стр. 300). Датируется временем пребывания Тургенева в Париже осенью 1864 г.

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

2 (14) декабря 1864. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 2 (14) декабря 1864 г.: «...прилагаю вам письмецо, которое прошу вас переслать к дяде» (*Письма*, т. V, стр. 302).

1865

М. Ф. РОСТОВСКОЙ

Начало января ст. ст. 1865. Баден-Баден

Упоминается в письме Ростовской к Тургеневу от 9 (21) января 1865 г.: «Вчера имела я удовольствие получить ваше письмо» (*ИРЛИ*, 5781.XXXб.70).

МАРИИ ИННИС

6 (18) января 1865. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Полине Тургеневой от 7 (19) января 1865 г.: «В моем вчерашнем письме я ей ‹Иннис› говорил о Гранд-Отеле ‹как о месте, где следовало устроить завтрак после свадьбы Полины Тургеневой и Гастона Брюэра›» (*Письма*, т. V, стр. 328, 467).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

6—10 (18—22) января 1865. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором Тургенев сообщал о предстоящем замужестве дочери и о замысле романа «Дым», сохранился ответ Мериме от 15 (27) января 1865 г. (см.: *Mérimée*, II, 6, стр. 345).

В. Я. ФУКСУ

Начало февраля 1865. Баден-Баден

Упоминается в письме Фукса к В. П. Боткину от 15 (27) февраля 1865 г.: «В письме, полученном мною от третьего дня, Ив. Сер. Тургенев уведомляет меня ...» (см. выше, стр. 239).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Середина февраля ст. ст. 1865. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором говорилось о предполагаемом отъезде в Россию, сохранился ответ Мериме от 18 февраля (2 марта) 1865 г. (см.: *Mérimée*, II, 6, стр. 367).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Середина мая ст. ст. 1865. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 21 мая (2 июня) 1865 г.: «Я получил ваших пять прекрасных тома, почти одновременно с вашим письмом» (*Mérimée*, II, 6, стр. 450).

В. Н. КАШПЕРОВУ

Середина июля ст. ст. 1865. Баден-Баден

Упоминается в письме Кашперова к Тургеневу от 26 июля (7 августа) 1865 г.: «Как я рад, что Вы откликнулись, добрейший Иван Сергеевич!» (*Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 402).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

10 (22) октября 1865. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Валентине Делессер от 10 (22) октября 1865 г.: «Я получил весьма любезное письмо от г-на Мериме — сегодня же буду ему отвечать» (*Письма*, т. VI, стр. 26, 366). Было ли письмо написано — неизвестно.

ЛУИЗЕ ПЕЛЛЬНИЦ

4—5 (16—17) ноября 1865. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Людвигу Пичу от 4 (16) ноября 1865 г.: «...фрейлейн фон-Пелльниц пишу сам» (*Письма*, т. VI, стр. 32, 367). Было ли письмо написано — неизвестно.

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Октябрь—середина ноября ст. ст. 1865. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 28 ноября (10 декабря) 1865 г.: «Вы еще не получали — но получите ‹...› от дяди моего 400 руб. сер. (‹...› я ему предварительно об этом наказывал)» (*Письма*, т. VI, стр. 35—36).

1866

Ф. И. САЛАЕВУ

Конец декабря 1865—начало января 1866. Баден-Баден

Упоминается в письмах Тургенева к П. В. Анненкову: от 20 декабря ст. ст. 1865 г. — «... я ‹...› напишу Салаеву, что все следуемые деньги с него я получил»; от 17 (29) января 1866 г. — «... я уже послал Салаеву желаемое удостоверение» (*Письма*, т. VI, стр. 41 и 43).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Около 17 (29) января 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 17 (29) января 1866 г.: «Я послал громоносное письмо ‹с требованием прислать деньги› своему дядюшке» (*Письма*, т. VI, стр. 43).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Начало 20-х чисел января ст. ст. 1866. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором Тургенев обещал приехать в Париж в конце февраля и сообщил, что работает над большим романом ‹«Дым»›, сохранился ответ Мериме от 27 января (8 февраля) 1866 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 28).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 20 февраля (4 марта) 1866. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором Тургенев писал о том, что у него сильно болит рука и он вынужден лежать, о работе над романом ‹«Дым»› и о намерении написать драму, сохранился ответ Мериме от 25 февраля (9 марта) 1866 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 56).

П. И. БОРИСОВУ

Начало марта ст. ст. 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к И. П. Борисову от 9 (21) марта 1866 г.: «Приезжайте-ка с Вашим Петей (который на днях получит от меня целое письмо в стихах)» (*Письма*, т. VI, стр. 60).

В. И. БАКСТУ

Середина марта ст. ст. 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. И. Баксту от 10 (22) марта 1866 г.: «Я получил письмо от Вашего брата ‹...› и напишу ему» (*Письма*, т. VI, стр. 62). Было ли письмо написано — неизвестно.

С. В. ЭНГЕЛЬГАРДТ

Февраль—март (до 25) ст. ст. 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к А. А. Фету от 25 марта (6 апреля) 1866 г.: «От г-жи Энгельгардт я получил письмо и уже отвечал ей» (*Письма*, т. VI, стр. 66).

М. В. АВДЕЕВУ

Апрель ст. ст. 1866 (?). Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к А. М. Жемчужникову от 1—29 апреля ст. ст. 1866 г. (?): «...прошу Вас отложить наш литературный завтрак до завтра. Я написал об этом также Авдееву» (*Письма*, т. VI, стр. 71).

П. И. БОРИСОВУ

25 мая (6 июня) 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к И. П. Борисову от 25 мая (6 июня) 1866 г.: «...не скоро я собрался отвечать на Ваши два письма — зато теперь, видите, разом — и Вам, и Пете...» (*Письма*, т. VI, стр. 80).

А. А. ФЕТУ

25 мая (6 июня) 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к И. П. Борисову от 25 мая (6 июня) 1866 г.: «...не скоро я собрался отвечать на Ваши два письма — зато теперь, видите, разом — и Вам, и Пете, и Фету» (*Письма*, т. VI, стр. 80).

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

Конец мая—начало июня ст. ст. 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Писемского к Тургеневу от 19 июня (1 июля) 1866 г.: «Не знаю, как Вас и благодарить за скорое письмецо ко мне ‹ответ на письмо Писемского от 8 (20) мая 1866 г.›» (*Писемский*, стр. 206).

ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ

Вторая половина июня—июль ст. ст. 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Боденштедту от 13 (25) июня 1866 г.: «Скоро я опять напишу Вам...» (*Письма*, т. VI, стр. 85, 383). Было ли письмо написано — неизвестно.

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

3 (15) августа 1866. Баден-Баден

Упоминается в письмах: Мериме к Тургеневу от 9 (21) августа 1866 г. — «Ваше письмо от 15 промедлило в дороге. Оно прибыло ко мне только 20» (*Mérimée*, II, 7, стр. 187); В. П. Боткина к Тургеневу от 13 (25) августа 1866 г. — «...я отнес сам письмо к Мериме» (*Боткин и Тургенев*, стр. 235).

М. А. СЕРДЕЧНОМУ

3 (15) августа 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Сердечного к Тургеневу от 11 (23) сентября 1866 г.: «Письмо Ваше ‹с просьбой приискать управляющего имениями› от 3/15 августа я имел честь получить» (*ИРЛИ*, 5811.XXXб.101).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 25 августа (6 сентября) 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 29 августа (10 сентября) 1866 г.: «Мне прислали сюда ваше письмо ‹в котором Тургенев спрашивал, получил ли Мериме корректуры, и сообщил о своем нездоровье›» (*Mérimée*, II, 7, стр. 205).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Начало сентября ст. ст. 1866. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором Тургенев писал о том, что он снова работает (после болезни), сохранился ответ Мериме от 13 (25) сентября 1866 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 228).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Первая половина сентября ст. ст. 1866. Баден-Баден

Упоминается в письмах: Н. Н. Тургенева к Тургеневу от 21 сентября (3 октября) 1866 г. — «Милый друг Ваня. С особенным прискорбием отвечаю тебе на твое письмо ‹...› Я чрезмерно огорчен, что ты достиг до такой крайности, что вопреки собственных чувств и убеждений прибегаешь к мерам обвинения...» (*ИРЛИ*, ф. 123, оп. 3, № 147, л. 1); Тургенева к А. А. Фету от 30 сентября (12 октября) 1866 г. — «...я ‹...› получил от дяди письмо, в котором он ‹...› даже полусловом не упоминает о моем письме, якобы его „убившем“» (*Письма*, т. VI, стр. 106).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

30 октября (11 ноября) 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 2 (14) ноября 1866 г.: «Я получил сейчас ваше письмо от 11» (*Mérimée*, II, 7, стр. 287).

Н. А. КИШИНСКОМУ

Около 25 ноября (7 декабря) 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 25 декабря ст. ст. 1866 г.: «Дядя мой ‹...› снабдит Вас всем, что Вы только потребуете, как оно и выражено в письме моем к Вам, присланном с месяц тому назад» (*Письма*, т. VI, стр. 130).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 20 декабря ст. ст. 1866. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором Тургенев просил Мериме прислать ему рукопись «Голубой комнаты» и сообщал о своей ра-

боте над «Дымом» и о предполагаемом приезде в Париж в феврале 1867 г., а потом в Петербург, Мериме отвечал 23 декабря 1866 г. (4 января 1867 г.) (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 360).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Декабрь (до 25) ст. ст. 1866. Баден-Баден

Упоминается в письмах: Тургенева к Н. А. Кишинскому от 25 декабря 1866 г. (6 января 1867 г.) — «Дядя мой, Николай Николаевич Тургенев, извещен о Вашем скором прибытии в Спасское и снабдит Вас всем, что Вы только потребуете» (*Письма*, т. VI, стр. 130); Н. Н. Тургенева к Тургеневу от 8 (20) января 1867 г. — «Милый друг Ваня. Предоставляю тебе самому судить в каком я по требованию твоему, после оного твоего письма нахожусь в гнусном положении ‹...› Умоляю возвратиться в Спасское и принять от меня лично свое имение...» (*ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 127).

И. А. ГОНЧАРОВУ

Вторая половина декабря ст. ст. 1866. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к В. П. Боткину от 12 (24) декабря 1866 г.: «...Гончарову я скоро сам напишу» (*Письма*, т. VI, стр. 127). Было ли письмо написано — неизвестно.

1867

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Начало января ст. ст. 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Н. Н. Тургенева к Тургеневу от 18 (30) января 1867 г.: «Милый друг Ваня. По расстроенному моему здоровью я отвечать тебе на твое последнее письмо не в силах ‹...› Умоляю со слезами приехать, согласно твоего обещания, и отпустить с миром страждущего старца на покой» (*ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 127).

М. Н. КАТКОВУ

Конец января—начало февраля ст. ст. 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 8 (20) февраля 1867 г.: «Каткову я уже об этом писал ‹о своей болезни и невозможности приехать в Россию›» (*Письма*, т. VI, стр. 147).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Начало февраля ст. ст. 1867. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором Тургенев положительно оценил новеллу Мериме «Голубая комната», Мериме отвечал 16 (28) февраля 1867 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 438).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Около 8 (20) февраля 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 8 (20) февраля 1867 г.: «...пишу также и дяде ‹о своей болезни и невозможности в скором времени приехать в Россию›» (*Письма*, т. VI, стр. 147).

П. И. БОРИСОВУ

Февраль, после 3 (15), 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к И. П. Борисову от 3 (15) февраля 1867 г.: «Скажите Пете, что я ‹...› непременно отвечу на его античное стихотворение» (*Письма*, т. VI, стр. 146). Было ли письмо написано — неизвестно.

ПОЛИНЕ ВИАРДО

9 (21) марта 1867. Москва

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к П. Виардо от 10 (22) марта 1867 г.: «...вчера я послал телеграмму...» (*Письма*, т. VI, стр. 174, 402).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

14 (26) марта 1867. Москва

Упоминается в письмах Тургенева: к Н. А. Кишинскому от 14 (26) марта 1867 г. — «Я написал большое письмо дяде, в котором прошу его немедленно, не дожидаясь моего прибытия, ввести Вас в управление и передать Вам все документы, книги, счеты, всё хозяйство — одним словом»; к П. Виардо от 14 (26) марта 1867 г. — «Я ‹...› написал ему ‹Н. Н. Тургеневу› сегодня длинное письмо» (*Письма*, т. VI, стр. 177 и 180, 404).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

20 марта (1 апреля) 1867. Москва

Упоминается в письмах Тургенева: к П. Виардо от 20 марта (1 апреля) 1867 г. — «Часть ночи я провел за писанием двух длинных писем моему дяде и моему новому управляющему ‹о невозможности из-за болезни приехать в Спасское›»; к Н. А. Кишинскому от 20 марта (1 апреля) 1867 г. — «...я в Спасское совсем не попаду, о чем я пишу также дяде Николаю Николаевичу» (*Письма*, т. VI, стр. 186, 407 и 187).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

21 марта (2 апреля) 1867. Москва

Упоминается в письмах Тургенева: к И. П. Борисову от 21 марта (2 апреля) 1867 г. — «Я об этом ‹о невозможности приехать в Спасское› сегодня же пишу дяде»; к П. Виардо от 22 марта (3 апреля) 1867 г. — «Пишу ему ‹Н. Н. Тургеневу› каждый день длиннейшие письма и надеюсь, что он этим удовольствуется» (*Письма*, т. VI, стр. 190 и 192).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

22 марта (3 апреля) 1867. Москва

Упоминается в письме Н. Н. Тургенева к Тургеневу от 27 марта ст. ст. 1867 г.: «Милый друг Ваня. Письмо твое от 22 м‹арта› я сей час получил и спешу тебе отвечать, чтоб застать тебя в Петербурге ‹...› Благодарю тебя, милый мой друг, за ласковое и внимательное ко мне и к моему семейству письмо» (*ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 127).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Конец марта—начало апреля ст. ст. 1867. Москва или Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 3 (15) апреля 1867 г.: «Я еще раз написал ‹...› дяде об окончательной и бесповоротной передаче Вам всех дел...» (*Письма*, т. VI, стр. 218).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

15 (27) апреля 1867. Баден-Баден

Упоминается в письмах: Тургенева к Н. А. Кишинскому от 15 (27) апреля 1867 г. — «Посылаю Вам письмо к дяде ‹с требованием его выезда из Спасского и о передаче всех дел по управлению имениями Кишинскому›»; от 18 (30) апреля 1867 г. — «Три дня тому назад я послал Вам ответ на Ваше письмо ‹...› в нем было вложено письмо к дяде»; к П. В. Анненкову от 24 апреля (6 мая) 1867 г. — «...я послал ему ‹Н. Н. Тургеневу› просьбу об удалении его из Спасского и предоставлении наконец мне моей собственности» (*Письма*, т. VI, стр. 227, 234 и 236); Н. Н. Тургенева к Тургеневу от 1 (13) мая 1867 г. — «...вчера, получа твое убийственное письмо, от которого я сумневаюсь когда-либо воскреснуть ‹...› Ты настоятельно требуешь от меня немедленного выезда из Спасского ‹...› В противном же случае ‹...› ты будешь уже вынужден прибегнуть, как ты в своем письме выражаешь: „К крайним мерам“» (*ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 127).

М. Н. КАТКОВУ

Конец марта—20 апреля (2 мая) 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 20 апреля (2 мая) 1867 г.: «Я об этом ‹о неполучении номеров «Русского вестника»› написал Каткову» (*Письма*, т. VI, стр. 235). Датируется временем от написания последнего известного письма к Каткову до даты указанного письма к Анненкову.

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Начало 20-х чисел апреля ст. ст. 1867. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Мериме отвечал 26 апреля (7 мая) 1867 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 498).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Конец апреля—начало мая ст. ст. 1867. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева сохранился ответ Мериме от 6 (18) мая 1867 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 508).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Вторая половина апреля—начало мая ст. ст. 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 6 (18) мая 1867 г.: «Я уже писал дяде, что мне непременно нужно знать, какие это *детские* деньги, которые он будто бы за мною считает» (*Письма*, т. VI, стр. 248). Датируется временем от написания последнего, утраченного письма Тургенева к Н. Н. Тургеневу до даты указанного письма к Кишинскому.

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Начало мая ст. ст. 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Н. Н. Тургенева к Тургеневу от 18 (30) мая 1867 г.: «Отвечаю на твое письмо, мною полученное в день моих именин 9-го мая. Благодарю тебя за внимание и исполняю в точности твое требование, прекращаю на веки веков все возможные безобразные недоразумения... что совершенно от тебя зависит. — Если ты уже уверен, как ты пишешь, в моей честности ‹...› от тебя зависит обоюдное спокойствие» (*ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 127).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 10 (22) мая 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 13 (25) мая 1867 г.: «Я получил сегодня утром ваше письмо» (*Mérimée*, II, 7, стр. 513).

Н. В. ХАНЫКОВУ

Начало 20-х чисел мая ст. ст. 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Ханыкова к Тургеневу от 1 (13) июня 1867 г.: «Посылку ‹очки› и письмо Ваше получил я в понедельник ‹29 мая ст. ст.› и во вторник ‹30 мая ст. ст.›» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 147, л. 2).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Конец мая ст. ст. 1867. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он извещал о своем намерении приехать в Париж, сохранился ответ Мериме от 1 (13) июня 1867 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 524).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Около 17 (29) июня 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 17 (29) июня 1867 г.: «Я написал Николаю Николаевичу, что уполномачиваю Вас уступить ему в вечное владение Холодово взамен векселей и долга, который он за мною считает ‹...› Я пишу Николаю Николаевичу, что желаю положительного ответа ‹...› в течение *трех* дней» (*Письма*, т. VI, стр. 279).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

19 июня (1 июля) 1867. Баден-Баден

Упоминается в письмах: Тургенева к А. П. Голицыну от 19 июня (1 июля) 1867 г. — «Я напишу ему ‹Мериме› сегодня же ‹о переводе на французский язык романа «Дым»›» (*Письма*, т. VI, стр. 281, 421); Мериме к Тургеневу от 21 июня (3 июля) 1867 г. — «Ваше письмо, датированное 1 июля, пришло ко мне 3» (*Mérimée*, II, 7, стр. 537).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 10 (22) июля 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 11 (23) июля 1867 г.: «Благодарю вас за разъяснения, которые вы мне прислали ‹дело касается перевода «Дыма» на французский язык, который редактировал Мериме›» (*Mérimée*, II, 7, стр. 557).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 15 (27) июля 1867. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он жаловался на ошибки французского перевода «Дыма», выполненного А. Голицыным, сохранился ответ Мериме от 16 (28) июля 1867 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 564).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Июль 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к И. П. Борисову от 30 июля (11 августа) 1867 г.: «Вы уже ‹...› знаете ‹...› что дядя отказывается от Холодова ‹...› я написал ему письмо, в котором спрашиваю его, что же ему собственно хочется» (*Письма*, т. VI, стр. 294).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Конец июля—начало августа ст. ст. 1867. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Мериме отвечал 5 (17) августа 1867 г. (см.: *Mérimée*, II, 7, стр. 577).

МАРИИ ИННИС

Середина августа ст. ст. 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 28 августа (9 сентября) 1867 г.: «Я недавно написал ей ‹Иннис› письмо в Париж...» (Письма, т. VI, стр. 302, 426).

Е. Н. АХМАТОВОЙ

Около 7 (19) октября 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 7 (19) октября 1867 г.: «Я, с своей стороны, пишу к ней ‹Е. Н. Ахматовой› об этом предисловии ‹к «Собранию переводов»› и о том, что даю вам право, в случае надобности, кое-что изменить» (*Письма*, т. VI, стр. 324).

Л. И. ЛОБАНОВУ

Октябрь ст. ст. 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 12 (24) ноября 1867 г.: «Лев Лобанов пишет мне, что он не получил посланного мною ему письма ‹с утвердительным ответом на просьбу Евпраксии Лобановой разрешить ей жить во флигеле в Спасском и получить кусок земли›» (*Письма*, т. VI, стр. 339).

В редакцию газеты «RIGASCHE ZEITUNG»

Середина ноября ст. ст. 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Морицу Гартману от 18 (30) ноября 1867 г.: «Несколько дней тому назад я написал в редакцию этой газеты ‹«Rigasche Zeitung»›, чтобы мне прислали весь перевод ‹«Дыма»›» (*Письма*, т. VI, 345, 434).

П. И. БОРИСОВУ

18 (30) ноября 1867. Баден-Баден

Упоминается в письмах Тургенева к И. П. Борисову: от 24 сентября (6 октября) 1867 г. — «Пришлите мне его ‹Пети Борисова› московский адресс: я хочу написать ему прямо в пансион — и уж разумеется, стихами»; от 28 октября (9 ноября) 1867 г. — «Вы всё еще не сообщили мне его адресса, а я хочу написать отсюда прямо на его имя»; от 18 (30) ноября 1867 г. — «Милому Вашему Пете я сегодня же пишу — и разумеется в стихах» (*Письма*, т. VI, стр. 320, 336 и 344).

П. И. БОРИСОВУ

30 ноября (12 декабря) 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к И. П. Борисову от 1 (13) декабря 1867 г.: «Милому Пете я уже вчера отправил рифмованное посланиe: как-то он ответит» (*Письма*, т. VII, стр. 6).

ШТУРУ

Октябрь—ноябрь 1867. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Ф. И. Салаеву от 5 (17) декабря 1867 г.: «Я обратился к нему ‹Штуру› с запросом ‹о печатании в Берлине русского издания «Дыма»› — и получил подтверждение этого факта...» (*Письма*, т. VII, стр. 9).

И. П. АРАПЕТОВУ

22—23 декабря 1867 (3—4 января 1868). Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 22 декабря 1867 г. (3 января 1868 г.): «Арапетову *непременно* напишу сегодня или завтра» (*Письма*, т. VII, стр. 16). Было ли письмо написано — неизвестно.

1868

П. А. ВАЛУЕВУ

Декабрь 1867—начало января 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Валуеву от 21 января (2 февраля) 1868 г.: «Получив письмо Вашего высокопревосходительства от 16-го января, спешу выразить перед Вами мою искреннюю признательность за любезное внимание, которым Вы удостоили мою просьбу о г-не Ахенбахе» (*Письма*, т. VII, стр. 36).

М. Н. КАТКОВУ

Начало января ст. ст. 1868. Баден-Баден

Упоминается в письмах Тургенева: к Н. Х. Кетчеру от 31 декабря ст. ст. 1867 г. — «...я посылаю Каткову ‹...› рассказ под названием „История лейтенанта Ергунова“...»; к М. Н. Каткову от 17 (29) января 1868 г. — «...в письме, приложенном к рукописи „История лейтенанта“ — не сомневаюсь, что она теперь — уже давно находится в редакции...» (*Письма*, т. VII, стр. 20 и 35).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

9 (21) января 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Жюлю Этцелю от 9 (21) января 1868 г.: «Я только что получил письмо от Мериме и напишу ему сегодня же» (*Письма*, т. VII, стр. 29, 355). Было ли письмо написано — неизвестно.

ПОЛИНЕ БРЮЭР

26 января (7 февраля) 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. Брюэр от 27 января (8 февраля) 1868 г.: «Я еще вчера написал на твое имя на улицу Брюссель ‹в Париж› ‹...› о том, что здесь меня задержали серьезные дела в тот самый момент, когда я собирался в дорогу ‹в Париж и Ружмон›, и что я покину Баден-Баден только 16-го» (*Письма*, т. VII, стр. 42, 357).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Конец января ст. ст. 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 1 (13) февраля 1868 г.: «...я только что получил ваше ‹письмо, где речь шла о статье Мериме о Пушкине›, которое мне доставило большое удовольствие» (*Mérimée*, II, 8, стр. 32).

Е. Н. АХМАТОВОЙ

Конец января—начало февраля ст. ст. 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Максиму Дюкану от 6 (18) февраля 1868 г.: «Я в бешенстве, что до сих пор нет экземпляра „Утраченных сил“; я написал издательнице ‹Е. Н. Ахматовой› резкое письмо» (*Письма*, т. VII, стр. 53, 360).

Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

Начало февраля ст. ст. 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к И. П. Борисову от 3 (15) февраля 1868 г.: «Я, однако, решился написать дяде; копию с моего письма я препровожу Вам» (*Письма*, т. VII, стр. 49). Было ли письмо написано — неизвестно.

ЛУИ БЮЛОЗУ

6 (18) февраля 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Максиму Дюкану от 6 (18) февраля 1868 г.: «...я сегодня же пишу г-ну Бюлозу ‹об издании в «Revue des Deux Mondes» французского перевода «Истории лейтенанта Ергунова»›» (*Письма*, т. VII, стр. 53, 359).

Н. С. ТУРГЕНЕВУ

6 (18) февраля 1868. Баден-Баден

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 6 (18) февраля 1868 г.: «...ты, я полагаю, удивился телеграмме, которую я тебе послал сегодня ‹распоряжения относительно тяжбы с Н. Н. Тургеневым›» (*Письма*, т. VII, стр. 56).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Начало марта ст. ст. 1868. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он спрашивал Мериме о его планах на будущее, сохранился ответ Мериме от 6 (18) марта 1868 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 66).

ГЕРМАНУ ФОН ФРИЗЕНУ

14 (26) марта 1868. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо от 14 (26) марта 1868 г.: «Я получил от доктора Фризена огромное письмо по поводу „Дыма“, которым он очень доволен ‹...› и отвечу ему сегодня же...» (*Письма*, т. VII, стр. 97). Было ли письмо написано — неизвестно.

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

27 марта (8 апреля) 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 29 марта (10 апреля) 1868 г.: «Я нашел ‹...› ваше письмо от 8-го» (*Mérimée*, II, 8, стр. 97).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 10 (22) апреля 1868. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он извещал Мериме о своем переезде на Тиргартенштрассе, № 3 и о замысле произведения, посвященного Никите Пустосвяту, сохранился ответ Мериме от 12 (24) апреля 1868 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 112).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 10 (22) мая 1868. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он сообщал Мериме о том, что еще не начал работу о Никите Пустосвяте, сохранился ответ Мериме от 12 (24) мая 1868 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 139).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

16 (28) мая 1868. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он писал, что ему понравилась статья Мериме о «Дыме», Мериме отвечал 19 (31) мая 1868 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 152). Упоминается также в письме Тургенева к Жюлю Этцелю от 16 (28) мая 1868 г.: «Сегодня же напишу Мериме и не сомневаюсь, что он согласится на печатание своей статьи в виде предисловия к „Дыму“» (*Письма*, т. VII, стр. 143, 384).

МОРИЦУ ГАРТМАНУ

19 (31) мая 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к М. Гартману от 19 (31) мая 1868 г.: «Я посылаю Вам сегодня митавский перевод ‹«Дыма»› — и прилагаю письмо ‹. . .› которое Вы можете опубликовать где Вам заблагорассудится ‹Тургенев был возмущен качеством перевода›» (*Письма*, т. VII, стр. 144, 385).

П. В. АННЕНКОВУ

20-е числа мая ст. ст. 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 31 мая (12 июня) 1868 г.: «Я писал к нему ‹Анненкову› через Димитрия, слугу В. П. Боткина, — но не знаю, дошло ли до него мое письмо ‹относительно предполагаемого выезда Тургенева в Россию›» (*Письма*, т. VII, стр. 148).

КЛОДИ ВИАРДО

28 июня (10 июля) 1868. Москва

Упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо от 27 июня (9 июля) 1868 г.: «Завтра напишу письмецо Диди. . .» (*Письма*, т. VII, стр. 174). Было ли письмо написано — неизвестно.

ЛУИ ВИАРДО

28 июня (10 июля) 1868. Москва

Упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо от 27 июня (9 июля) 1868 г.: «Завтра напишу письмецо Диди и Виардо тоже» (*Письма*, т. VII, стр. 174). Было ли письмо написано — неизвестно.

ПОЛИНЕ ВИАРДО

1 (13) июля 1868. Москва

Телеграмма. Упоминается в письмах Тургенева к П. Виардо: от 30 июня (12 июля) 1868 г. — «Завтра пошлю вам телеграмму»; от 1 (13) июля 1868 г. — «Сегодня отправил вам телеграмму. . .» (*Письма*, т. VII, стр. 177 и 179).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

3 (15) июля 1868. Москва

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к П. Виардо от 4 (16) июля 1868 г.: «Сейчас мне принесли вашу вторую телеграмму ‹...› Ответ уже послан вчера» (*Письма*, т. VII, стр. 185).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

5 (17) июля 1868. Москва

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к П. Виардо от 5 (17) июля 1868 г.: «В телеграмме, которую я послал сегодня утром и которая несет вам нежнейшие пожелания ‹к дню рождения 6 (18) июля›...» (*Письма*, т. VII, стр. 187).

П. И. БОРИСОВУ

16 (28) июля 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к И. П. Борисову от 16 (28) июля 1868 г.: «Передайте прилагаемый листик другу Пете» (*Письма*, т. VII, стр. 194).

НЕИЗВЕСТНОМУ

11—29 июля (23 июля—10 августа) 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 29 июля (10 августа) 1868 г.: «Я написал в Москву относительно письма Гастона...» (*Письма*, т. VII, стр. 202, 398). Датируется временем от приезда Тургенева из России в Баден-Баден и до написания указанного письма к П. Брюэр.

И. П. АРАПЕТОВУ

Конец июля ст. ст. 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Арапетова к Тургеневу от 10 (22) августа 1868 г.: «...я получил здесь письмо Ваше ‹с просьбой подписать его на «С.-Петербургские ведомости»›» (*ИРЛИ*, 5851.XXXб.141).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

1 (13) августа 1868. Баден-Баден

Упоминается в письмах: Тургенева к Стасюлевичу от 30 июля (11 августа) 1868 г. — «...предисловие к Ауэрбаху ‹его роману «Дача на Рейне»› кончено ‹...› послезавтра будет оно отправлено к вам» (*Письма*, т. VII, стр. 204); Стасюлевича к А. Н. Пыпину от августа 1868 г. — «Вчера вечером ‹...› получил наконец от Тургенева пакет ‹...› Тургенев обещает выслать на днях о Белинском ‹«Воспоминания о Белинском»›» (*ГПБ*, архив А. Н. Пыпина, письма М. М. Стасюлевича 1868 г., лл. 23—24).

И. П. АРАПЕТОВУ

Начало августа ст. ст. 1868. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева с вторичной просьбой подписать его на «С.-Петербургские ведомости» Арапетов отвечал 13 (25) августа 1868 г.: «...я поздно получил Ваше письмо и потому не подписался во время для Вас на газету» (*ИРЛИ*, 5851.XXXб.141).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Август—половина сентября ст. ст. 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 27 сентября (9 октября) 1868 г.: «...ваше последнее письмо не было успокоительным» (*Mérimée*, II, 8, стр. 261).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 25 сентября (7 октября) 1868. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 27 сентября (9 октября) 1868 г.: «Ваше письмо доставило мне большую радость» (*Mérimée*, II, 8, стр. 261).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 15 (27) октября 1868. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он говорил о своем намерении приехать в Париж, привезти Мериме русский словарь и не советовал переводить на французский язык повесть «Несчастная», считая ее «слишком русской», Мериме отвечал 17 (29) октября 1868 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 283).

М. Н. КАТКОВУ

Июль—октябрь 1868. Баден-Баден или Париж

Три письма. Упоминаются в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 3 (15) ноября 1868 г.: «Я к нему ‹Каткову› обращался три раза с этим вопросом ‹с предложением напечатать повесть «Несчастная» из расчета 400 руб. за печатный лист›» (*Письма*, т. VII, стр. 234). Датируется временем от написания повести до даты указанного письма к Анненкову.

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Начало ноября ст. ст. 1868. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Мериме отвечал 10 (22) ноября 1868 г.: «Я очень недоволен, что вы показали ее ‹новеллу «Локис»› Этцелю...» (*Mérimée*, II, 8, стр. 301).

А. Ф. ИОГАНСЕНУ

Середина ноября ст. ст. 1868. Карлсруэ

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 16 (28) ноября 1868 г.: «Два дня после получения этого письма ‹...› сходите в музыкальный магазин Иогансена и спросите ‹...› получил ли он мое письмо...» (*Письма*, т. VII, стр. 240).

Ф. И. САЛАЕВУ

Конец декабря ст. ст. 1868. Карлсруэ

Упоминается в письме Тургенева к Максиму Дюкану от 1 (13) января 1869 г.: «Я решил изъять автограф ‹под портретом, предназначенным в качестве фронтисписа к изданию сочинений› и написал ‹...› издателю ‹т. е. Салаеву›» (*Письма*, т. VII, стр. 271, 421).

ЭДМОНУ ЭДУЭНУ

Конец декабря ст. ст. 1868. Карлсруэ

Упоминается в письме Тургенева к Максиму Дюкану от 1 (13) января 1869 г.: «Я решил изъять автограф ‹под портретом› и написал в этом смысле Эдуэну» (*Письма*, т. VII, стр. 271, 421).

1869

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 20-х чисел января ст. ст. 1869. Карлсруэ

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Мериме отвечал 29 января (10 февраля) 1869 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 387).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

30 января (11 февраля) 1869. Карлсруэ

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 6 (18) февраля 1869 г.: «Я был так болен в течение нескольких дней, что не ответил ‹...› на ваше любезное письмо от 11 ‹в котором Тургенев сообщал, что не работает над историей Никиты Пустосвята, и еще раз высказался против перевода «Несчастной» на французский язык›» (*Mérimée*, II, 8, стр. 398).

А. В. ВЕРЕВКИНУ

Январь 1869. Карлсруэ

Упоминается в письме Веревкина к Тургеневу от 16 (28) февраля 1869 г. из Женевы: «Я уже давно получил ‹...› письмо Ваше ‹с просьбой сообщить адрес А. И. Герцена›» (*ИРЛИ*, 5829.XXXб.119).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

26 февраля (10 марта) 1869. Карлсруэ

Телеграмма. Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 2 (14) марта 1869 г.: «Я ответил немедленно на вашу телеграмму ‹10 марта н. ст. 1869 г. в «Фигаро» было сообщено ложное известие о смерти Мериме›» (*Mérimée*, II, 8, стр. 415).

МОРИЦУ ГАРТМАНУ

Конец февраля—начало марта ст. ст. 1869. Карлсруэ

Упоминается в письме Тургенева к Гартману от 9 (21) марта 1869 г.: «Несколько времени тому назад я написал Вам в Вену...» (*Письма*, т. VII, стр. 339, 437).

П. В. АННЕНКОВУ

Конец февраля—начало марта ст. ст. 1869. Карлсруэ

Упоминается в письме Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 12 (24) марта 1869 г.: «Пересылаю Вам ‹...› письмецо Тургенева, в котором он рекомендует „Вестнику Европы“ переводчика Рольстона и публициста Каро» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 297).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 12 (24) марта 1869. Карлсруэ

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Мериме отвечал 19 (31) марта 1869 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 439).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

28 марта (9 апреля) 1869. Карлсруэ

Упоминается в письме Тургенева к А. Н. Тургеневу от 22 марта (3 апреля) 1869 г.: «Я уезжаю сегодня вечером в Карлсруэ; во вторник я в Веймаре и в *пятницу* напишу вам о результате представления ‹«Последнего колдуна»›» (*Письма*, т. VII, стр. 346, 440). Было ли письмо написано — неизвестно.

НЕИЗВЕСТНОМУ

1 (13) апреля 1869. Карлсруэ

Упоминается в письме Тургенева к Вильяму Рольстону от 2 (14) апреля 1869 г.: «В одном письме, полученном вчера из Парижа, мне также пишут об этой повести ‹«Несчастная»› и об одной даме, которая хочет ее перевести; но я ответил, что, на мой взгляд, выбор неудачен» (*Письма*, т. VIII, стр. 7, 329).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Конец апреля—начало мая 1869. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он говорил о своем приезде в Париж, Мериме отвечал 7 (19) мая 1869 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 495).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 18 (30) мая 1869. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он уведомлял Мериме, что не приедет в Париж, Мериме отвечал 21 мая (2 июня) 1869 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 505).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Середина июня ст. ст. 1869. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева сохранился ответ Мериме от 18 (30) июня 1869 г.: «Я не верю ‹...› что вы больны сердцем!». Упоминается в письме Мериме к графине Колонна от 7 (19) июля 1869 г.: «Мой друг Тургенев мне написал, что немецкие врачи ему сказали, что у него болезнь сердца» (*Mérimée*, II, 8, стр. 535 и 549).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Конец июня—начало июля 1869. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 4 (16) июля 1869 г.: «Ваше любезное приглашение — это то, что наиболее соблазнительно; но будущее так запутано для меня, что я не осмеливаюсь делать проекты» (*Mérimée*, II, 8, стр. 546).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Конец июля—начало августа 1869. Баден-Баден

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Мериме отвечал 4 (16) августа 1869 г. (см.: *Mérimée*, II, 8, стр. 577).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Середина 20-х чисел августа ст. ст. 1869. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 30 августа (11 сентября) 1869 г.: «Я вижу из вашего последнего письма, полученного вчера, что болезнь сердца есть один из неисчислимых дополнений подагры. Если вам позволяют охотиться, ваш случай не серьезный» (*Mérimée*, II, 8, стр. 608).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

23 сентября (5 октября) 1869. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 28 сентября (10 октября) 1869 г.: «Я получил вчера утром ваше письмо от 5-го, запечатанное 7-го господами с главной почты ‹...› Ваше письмо меня успокаивает ‹речь идет о здоровье Тургенева› ‹...› Вы мне рассказываете о „Степном короле Лире“ так, будто бы я знал о нем прежде. Давно, как я ничего не знаю о ваших планах. Мы остановились на Пустосвяте» (*Mérimée*, II, 8, стр. 633).

П. В. АННЕНКОВУ

10—30 сентября ст. ст. 1869. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Кишинскому от 30 сентября (12 октября) 1869 г.: «Прошу Вас ‹...› выслать от моего имени 100 руб. сер. Павлу Васильевичу Анненкову ‹...› Он уже извещен от меня» (*Письма*, т. VIII, стр. 96). Датируется от времени написания последнего известного письма Тургенева к Анненкову и до даты указанного письма к Кишинскому.

ТЕОДОРУ ШТОРМУ

Ноябрь 1869. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Шторму от 9 (21) февраля 1870 г.: «...после письма, которое я написал Вам в ноябре и где я поблагодарил Вас за превосходный подарок ‹три тома сочинений Шторма›...» (*Письма*, т. VIII, стр. 192, 370).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 8 (20) декабря 1869. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 11 (23) декабря 1869 г.: «Спасибо за ваше любезное письмо ‹в котором Тургенев сообщал о новом издании своих сочинений (1844—1868)›» (*Mérimée*, II, 8, стр. 685).

П. В. АННЕНКОВУ

15—18 (27—30) декабря 1869. Берлин

Упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 20 декабря 1869 г. (1 января 1870 г.): «Из Берлина я вам написал о просьбе книгопродавца Давыдова» (*Письма*, т. VIII, стр. 147).

М. О. МАЛЯРЕВСКОЙ

Ноябрь—декабрь 1869. Баден-Баден

Упоминается в недатированной записке Тургенева к Н. А. Кишинскому, отнесенной к ноябрю—декабрю 1869 г.: «Перешлите это письмо и карточку в Харьков к г-же Маляревской...» (*Письма*, т. VIII, стр. 163).

1870

А. А., Н. А. и О. А. ГЕРЦЕНАМ

Конец января—начало февраля ст. ст. 1870. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к Н. В. Ханыкову от 18 (30) января 1870 г.: «...известите меня *немедля*, осталось ли семейство ‹Герцена› на квартире rue de Rivoli, 172 — или переехало куда — я об этом ‹о необходимости сохранения архива А. И. Герцена› намерен написать им тотчас же» (*Письма*, т. VIII, стр. 176). Было ли письмо написано — неизвестно.

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

Около 12 (24) апреля 1870. Веймар

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он сообщал о своем намерении поехать в Париж в следующем месяце, Мериме отвечал 14 (26) апреля 1870 г. (см.: *Mérimée*, II, 9, стр. 95).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Около 6 (18) мая 1870. Веймар

На это, не дошедшее до нас письмо, в котором Тургенев сообщил, что он поедет в Россию, не заезжая в Париж, сохранился ответ Флобера от 18 (30) мая 1870 г. (*Flaubert, Correspondance, Suppl. 2*, стр. 230—232).

Датируется по сопоставлению с письмом Тургенева к Полине Брюэр от 6 (18) мая 1870 г. (см.: *Письма*, т. VIII, стр. 224, 377).

ЭРНСТУ ДОМУ

19 (31) мая 1870. Берлин

Упоминается в письме Тургенева к Юлиусу Роденбергу от 19 (31) мая 1870 г.: «Я написал ему ‹Дому› еще сегодня и настоятельно попросил его рукопись ‹«Казнь Тропмана»› не задерживать» (*Письма*, т. VIII, стр. 230, 378).

ПОЛИНЕ БРЮЭР

Около 25 мая (6 июня) 1870. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к П. Брюэр от 4 (16) июня 1870 г.: «...значит, ты не получила того письма, которое я тебе написал десять дней назад ‹...› я тебе изложил все свои планы, обещал тебе привезти отсюда деньги ‹...› назначил день своего возвращения» (*Письма*, т. VIII, стр. 237, 380).

И. И. МАСЛОВУ

2 (14) июня 1870. Мценск

Упоминается в письме Тургенева к Маслову от 4 (16) июня 1870 г.: «...я в самый момент моего приезда в Мценск нацарапал тебе записочку, в которой передал тебе забытую мною просьбу кн. ‹В. А.› Черкасского» (*Письма*, т. VIII, стр. 238).

Е. А. ЧЕРКАССКОЙ

Июнь—начало июля ст. ст. (?) 1870. Спасское или Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к М. Ф. Соллогуб от 14 (26) июля 1870 г.: «...я отвечал ей ‹Черкасской›, что я только тогда решусь продать Спасское, если мне дадут за него цену, которую было бы неблагоразумно не принять...» (*Письма*, т. VIII, стр. 253).

А. Я. ТУРГЕНЕВОЙ

Около 8 (20) июля 1870. Баден-Баден

Упоминается в письмах Тургенева: к А. Я. Тургеневой от 15 (27) июля 1870 г. — «...с неделю тому назад я Вам послал письмо, в котором извещал Вас о моем приезде сюда...»; к Н. С. Тургеневу от 15 (27) июля 1870 г. — «Я тотчас написал Анне Яковлевне письмо...» (*Письма*, т. VIII, стр. 254 и 255).

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

16 (28) июля 1870. Баден-Баден

Упоминается в письме Мериме к Тургеневу от 21 июля (2 августа) 1870 г.: «Ваше письмо, которое, возможно, не выбрало самый короткий путь, прибыло ко мне сегодня; оно от 28 июля» (*Mérimée*, II, 9, стр. 144).

ПОЛИНЕ и ГАСТОНУ БРЮЭР

Июль 1870. Баден-Баден

Упоминается в письме Тургенева к П. Брюэр от 6 (18) мая 1870 г.: «Я вам напишу из Баден-Бадена» (*Письма*, т. VIII, стр. 225, 378). Было ли письмо написано — неизвестно.

ПРОСПЕРУ МЕРИМЕ

1857—начало сентября ст. ст. 1870

Приблизительно 45 писем. В письме Тургенева к Ф. Н. Тургеневой от 15 (27) июня 1872 г. сказано: «Что же касается писем Мериме, то их у меня действительно около сотни» (*Письма*, т. IX, стр. 291, 425). Сохранилось 96 писем Мериме к Тургеневу, вероятно такое же количество писем было и от Тургенева к Мериме. Из содержания писем Мериме удалось собрать сведения о 51 письме Тургенева к нему (о 2-х письмах см. в обзоре за 1860 г. — *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 351 и 352, о 49 — в настоящем обзоре). Даты остальных 45 писем ограничены только годами переписки Тургенева с Мериме.

Н. Н. РАШЕТ

Август—сентябрь (?) 1870. Баден-Баден

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Рашет от 4 (16) октября 1870 г.: «Мне очень было приятно получить от Вас письмо — а то я полагал, что Вы несколько рассердились ‹. . .› за мою телеграмму. Но я действительно должен был на несколько дней выехать из Бадена ‹очевидно, Рашет собиралась приехать в Баден-Баден›» (*Письма*, т. VIII, стр. 286).

А. Ф. ПИСЕМСКОМУ

Начало октября ст. ст. 1870. Баден-Баден

Упоминается в письме Писемского к Тургеневу от 13 (25) октября 1870 г.: «Письмецо ваше я получил и, видя из него, что вы поработываете и здоровы, до души обрадовался тому» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 188).

Н. А. КИШИНСКОМУ

12 (24) октября 1870. Баден-Баден

Записка. Упоминается в письмах Тургенева: к Н. С. Тургеневу от 12 (24) октября 1870 г. — «. . . настоящее письмо вместе с запиской Кишинскому ‹в которой Тургенев просит передать брату 100 рублей›»; к Кишинскому от 14 (26) октября 1870 г. — «Я послал брату ‹. . .› записку, в силу которой Вы ему выдадите 100 р. с.» (*Письма*, т. VIII, стр. 288 и 290).

ПОЛИНЕ БРЮЭР

Около 3 (15) ноября 1870. Лондон

Упоминается в письме Тургенева к П. Брюэр от 10 (22) ноября 1870 г.: «Вот уже неделя, как я написал тебе ‹о денежных делах›» (*Письма*, т. VIII, стр. 307, 391).

И. П. БОРИСОВУ

24 ноября (6 декабря) 1870. Лондон

Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 24 ноября (6 декабря) 1870 г.: «. . . прошу тебя передать вложенное письмо И. П. Борисову. . .» (*Письма*, т. VIII, стр. 313).

УКАЗАТЕЛЬ НЕ ДОШЕДШИХ ДО НАС ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА ПО АДРЕСАТАМ[1]

Авдееву М. В. — 1
Анненкову П. В. — 11
Арапетову И. П. — 3
Ахматовой Е. Н. — 2
Баксту В. И. — 1
Бакунину М. А. — 1
Балашову З. Ф. — 2
Боденштедту Фридриху — 4
Борисову И. П. — 4
Борисову П. И. — 6
Боткину В. П. — 3
Брюэр Полине — 3
Брюэр Полине и Гастону — 1
Буткевич С. М. — 1
Бюлозу Луи — 1
Валуеву П. А. — 1
Веревкину А. В. — 1
Виардо Клоди — 1
Виардо Луи — 1
Виардо Марианне, Клоди и Полю — 1
Виардо Полине — 10
Гартману Морицу — 2
Герценам А. А., Н. А. и О. А. — 1
Герцену А. И. — 9
Гончарову И. А. — 1
Дому Эрнсту — 1
Дружинину А. В. — 1
Дудышкину С. С. — 1
Иннис Марии — 2
Иогансену А. Ф. — 3
Каткову М. Н. — не менее 12
Кашперову В. Н. — 2
Кишинскому Н. А. — 2
Кожанчикову Д. Е. — 2
Колбасину Е. Я. — 1
Крузе Н. Ф. — 1
Лобанову Л. И. — 1
Макарову Н. Я. — 1
Маляревской М. О. — 1
Маркевичу Б. М. — 1
Маркович М. А. — 5
Маслову И. И. — 2
Мериме Проспер у — приблизительно 94.
Неизвестным — 2
Некрасову Н. А. — 1
Нелидовой О. Д. — 1
Островскому М. Н. — 1
Павлову И. В. — 1
Пелльниц Луизе — 1
Писемскому А. Ф. — 2
Плещееву А. Н. — 2
Рашет Н. Н. — 1
Риччи — 1
Ростовской М. Ф. — 2
Салаеву Ф. И. — 2
Салаевым Ф. И. и Н. И. — 1
Салиас де Турнемир Е. В. — 1
Сердечному М. А. — 1
Стасюлевичу М. М. — 1
Толстой М. Н. — 1
Толстому А. К. — 1
Толстому Л. Н. — 1
Тургеневой А. Я. — 1
Тургеневой Кларе — 1
Тургеневой Полине — см. Брюэр Полине
Тургеневой Полине и Иннис Марии — 2
Тургеневу А. Н. — 1
Тургеневу М. А. — 1
Тургеневу Н. Н. — 25
Тургеневу Н. С. — 3
Турнер Марианне — 1
Тютчевой А. Ф. — 1
Фету А. А. — 4
Флоберу Гюставу — 1
Фризену Герману фон — 1
Фуксу В. Я. — 1
Ханыкову Н. В. — 1
Черкасской Е. А. — 1
Шторму Теодору — 1
Штуру — 1
Щербаню Н. В. — 1
Эдуэну Эдмону — 1
Энгельгардт С. В. — 1
В редакцию газеты «Rigasche Zeitung» — 1

Е. М. Хмелевская
Н. А. Хмелевская

---

[1] В указателе дан лишь приблизительный перечень неизвестных нам или утраченных писем за 1861—1870 гг.

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ И ПИСЬМА О НЕМ

И. П. БОРИСОВ

Имя Ивана Петровича Борисова (1832—1871) известно всем, кто знаком с биографиями Л. Н. Толстого, Тургенева, Фета. Сосед по имениям, Борисов был частым и желанным гостем Ясной Поляны, Спасского и Степановки. С Фетом он состоял и в родственных отношениях — был женат на его сестре, Надежде Афанасьевне Шеншиной (1832—1870).

Судьба Борисова сложилась поистине трагически. Отец его за жестокость был убит собственными крепостными крестьянами. Из девяти детей выжили только двое — И. П. Борисов и его сестра Анна. Остальные умерли в младенческом возрасте. Опекунство над детьми взял на себя их ближайший по имению сосед. А. Н. Шеншин, отец поэта. Это обстоятельство тоже сыграло большую роль в жизни Борисова. Еще в ранней юности он влюбился в дочь своего опекуна, с годами это чувство окрепло и превратилось в постоянную и преданную любовь, но не встретило ответа. «Он делал предложенье, ему отказали, он уехал служить на Кавказ ‹...› Через 10 лет он вернулся, ее отец умер; он опять сделал предложенье, но теперь она отказала, она любила другого. Он в тот же день выстрелил себе в голову, но пистолет осекся, и его спасли и уговорили жить и надеяться. Он опять уехал служить во время войны ‹...› Опять через 3 года он попробовал, и опять ему отказали. Но с девушкой в это время случилось несчастье, она сходила с ума и вылечилась, и доктора сказали, что ежели она не выйдет замуж, сумасшествие может возвратиться. Бог знает, просьбы ли родных, несчастная любовь или постоянство Борисова, но она согласилась неохотно, холодно», — так писал Толстой о сердечной драме Борисова (письмо к А. А. Толстой от 12 (24) октября 1859 г.: *Толстой*, т. 60, стр. 311—312. — По-видимому, Толстой допустил ошибку в хронологии).

Борисов окончил Московский кадетский корпус, после чего служил сначала при штабе, а затем в действующей армии на Кавказе. Ко времени женитьбы он уже вышел в отставку и жил в своем родовом имении Фатьяново. Свадьба состоялась в январе 1858 г., и молодые переехали в имение Шеншиных Новоселки, полученное Надеждой Афанасьевной в приданое. Здесь Борисов и прожил всю свою жизнь, изредка выезжая в Москву и Петербург по семейным делам.

По свидетельству Л. Н. Толстого, жена Борисова оценила и полюбила его, — «это единственное счастливое супружество, которое я видел в жизни», — писал он в том же письме. Но счастье их длилось очень недолго. Болезнь Надежды Афанасьевны несколько раз возобновлялась и приняла хроническую форму. Борисову пришлось поместить свою жену в больницу, сначала в Москве, а затем, в 1864 г., в Петербурге, где она

и скончалась в 1870 г. Судьба пощадила Борисова только в одном: он не дожил до времени, когда заболел его единственный сын Петр (1858—1888), который, как и его мать, окончил жизнь в психиатрической лечебнице. Борисов умер от чахотки в мае 1871 г., не достигнув 40 лет.

Все знавшие Борисова отзывались о нем с уважением и любовью. «Борисов — одно из самых милых, нежных, любящих и симпатических <...> существ, которых я когда-либо встречал в жизни, — писал Толстой в указанном выше письме, — <...> везде, где ни был, его любили и уважали».

«Далеко недюжинного ума, он не лишен был комического таланта и умел нравиться самым разнообразным людям, — вспоминал Фет. — <...> на жизненном горизонте Тургенева он был одним из крупных созвездий» (*Фет*, ч. I, стр. 14).

Тургенев познакомился с Борисовым летом 1858 г., приехав к Фету, который жил тогда вместе с сестрой и ее мужем в Новоселках. Знакомство перешло в дружбу, с годами окрепшую и развившуюся в их переписке, когда Тургенев жил за границей и особенно дорожил известиями с родины.

Несмотря на тяжелую семейную драму, Борисов старался не обременять Тургенева своими горестями и сравнительно мало писал ему о болезни жены. Основными темами его писем были литература и политика.

Тургеневу нравился литературный вкус Борисова, его склонность к иронии и скептицизму. Он с интересом прислушивался к его суждениям по самым различным вопросам, и зачастую их взгляды сходились. Так, например, при чтении «Преступления и наказания» они оба отрицательно отнеслись к творческой манере Достоевского, обоим им не понравился «Обрыв» Гончарова (см.: *Письма*, т. VI, стр. 109, и т. VIII, стр. 13). Отрицательно они встретили и роман Чернышевского «Что делать?», не признав за ним ни художественных достоинств, ни положительного воспитательного значения. Однако Борисов отметил в одном из своих писем, что есть люди, которые «в восторге от „Что делать“ и читают как „Верую“» (письмо от 10 июля ст. ст. 1863 г.: *ИРЛИ*). Позднее Тургенев убедился, что новые веяния среди молодежи, заключающиеся в стремлении к полезному труду, к независимости, к сближению с простым народом и главным образом в женской эмансипации, являлись не просто модными увлечениями, а характерными приметами времени. Однако в переписке с Борисовым они оба подсмеивались над «швальнями», называя так мастерские, которые собирались открыть в Орле их знакомые барышни.

В письмах Тургенева к Борисову заключены интереснейшие высказывания о ряде русских и иностранных писателей: Добролюбове, И. С. Аксакове, Фете, Достоевском, Клюшникове, Островском, Гончарове, Гюго, Вс. Крестовском, Салтыкове-Щедрине и многих других.

Особое место в их переписке отведено Льву Толстому. Ни одному из своих корреспондентов, кроме Борисова, Тургенев не давал таких подробных разборов слабых и сильных, с его точки зрения, сторон романа «Война и мир», ни с кем так восторженно не делился впечатлением от «Казаков», никому так откровенно не выражал своего отношения к Толстому. И Борисов подробно сообщал Тургеневу все, что он знал о Толстом, в свою очередь высказывая собственные суждения о нем и о его произведениях.

Тургенев делился с Борисовым и своими собственными литературными делами, интересуясь его мнениями и оценками отдельных произведений: «Роман мой ‹«Дым»› печатается <...> Посмотрим, какое он на Вас произведет впечатление»; «...я Вам вышлю отдельный оттиск»; «В январской книжке „Русского вестника“ прочтете Вы мою повесть ‹«Несчастная»›: не знаю, как она понравится»; «Написал маленький рассказ ‹«Странная история»›; «...я в нем ‹очерке «По поводу „Отцов и детей“»› высказался с большою — может быть — лишнею искренностью»; «...религиозное настроение Софи ‹в «Странной истории»› — Вы с свойственной Вам ясно-

стью и верностью понимания тотчас учуяли как слабый пункт рассказа»; «Я окончил ‹...› большую повесть ‹«Степной король Лир»›»; «...настрочил ‹...› рассказец под заглавием „Стук, стук, стук“» (*Письма*, т. VI, стр. 191, 196, т. VII, стр. 279, т. VIII, стр. 90, 128, 153, 210, 285). И на все это Борисов отвечал обстоятельно и подробно.

Тургенев ценил в Борисове понимание деревенской жизни, любовь к дорогим ему орловским местам, знание языка, обычаев и особенностей, присущих именно этим местам. И в переписке с ним писатель погружался в мир простых домашних дел, спрашивал и узнавал новости о соседях-помещиках, о событиях повседневной деревенской жизни, об охоте, вспоминал с детства знакомые и дорогие картины.

Но главным, что интересовало Тургенева в письмах Борисова, были его описания новых форм жизни в России, связанных с крестьянской реформой 1861 г., — как в области земельных отношений крестьян с помещиками, так и в области суда, управления, самоуправления и т. д.

Оба они ждали реформу как великое благодеяние русскому народу, приняли ее с ликованием, но скоро поняли, что далеко не все идет гладко, что невозможно «устроить и союз дружбы и именины сердца помещиков с мужиками», — как писал Борисов (см. письмо 8). С горечью наблюдал он, как зачастую реформа проводилась буквально насильственным путем, крестьян заставляли подписывать уставные грамоты, в то время как они ждали другую, настоящую волю. «Воровства по-старому», — добавлял он в том же письме. «Для многих эта свобода кажется хуже неволи», — писал он 19 февраля 1863 г., сообщая Тургеневу, как встречали в России второй год «освобождения».

И в последующих письмах Борисова присутствует критика новых порядков. Борисову была дорога патриархальность русской деревни, и он со скорбью наблюдал, как рушатся привычные устои, как разоряются крестьянские хозяйства и все больше поднимают голову различные предприниматели и кулаки. И Тургеневу были понятны эти настроения. «Картина современного нашего быта, которую Вы рисовали, не много представляла утешительного; и, к сожаленью — по всей вероятности — она очень близка к правде», — писал он Борисову 15 (27) марта 1870 г. (*Письма*, т. VIII, стр. 199).

О том, как дорожил Тургенев перепиской с Борисовым, как высоко его ценил и что для него значили его письма, мы узнаем от самого писателя: «Благодарю Вас за это письмо: от него веет такой искренной и доброй приязнию, что я был тронут. Оно возбудило во мне желание побывать опять в наших некрасивых и неудобных — но почему-то привлекательных местах»; «Ваши большие, милые и умные письма всегда доставляют мне истинное удовольствие ‹...› — от них веет таким родным — орловски-степным воздухом, что мне здесь, на чужбине, остается только благодарить да дышать поглубже»; «От Ваших писем всегда так и веет мне нашим родным Орлом и Мценском — а это мне здесь на чужбине — как манна»; «Ваши письма для меня настоящая отрада»; «Вы не поверите, как я люблю получать от Вас письма ‹...› они составляют почти единственную мою связь с некоторою „сутью“ русской жизни, которая с каждым днем слабеет и теряется для меня»; «Право, я ни от кого не получаю подобных писем и всегда с особенным удовольствием узнаю у себя на столе Ваши продолговатые пакетцы»; «О поездке в Россию в нынешнем году и думать нечего. Тем отраднее будет для меня получать Ваши письма, которые составляют почти единственное звено, соединяющее меня с родиной»; «Все Ваши известия крайне занимательны — и письма Ваши доставляют мне истинное наслаждение» (*Письма*, т. IV, стр. 315, т. V, стр. 105, 134, 287, 364, т. VI, стр. 59, 80, 335).

Переписка Тургенева с Борисовым продолжалась в течение всего периода их знакомства. Сохранилось 65 писем Тургенева и 37 писем Борисова, хранящихся в *ИРЛИ* (5798.XXXб.88 и ф. 7, № 148). Кроме того, многие из их писем до нас не дошли.

Письма Тургенева напечатаны в соответствующих томах издания Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева (см.: *Письма*, тт. III—IX).

Первые тринадцать писем Борисова, за 1860—1862 гг., публикуются впервые в настоящем сборнике. Остальные будут напечатаны в последующих выпусках. Отдельные отрывки из писем Борисова приведены в комментариях к письмам Тургенева.

1

8 окт./60. Москва.

Только сегодня, добрейший Иван Сергеевич, получил Вашу весточку, и нечего Вам говорить, как я обрадывался, читая и перечитывая милые Ваши строки.[1] Одно только грустно, что долго еще ждать весны и Вашего возвращения. Давно уже не имея об Вас никакой вести и не зная наверное, где Вы,[2] я подумывал, что зиму будете в П‹етер›бурге, а может заглянете и в Москву с новейшим Вашим литературным чадом, которого от Вас все ожидают с нетерпением.[3] Ведь Вы не закаивались, как Л. Толстой или Фет, не порождать ничего более.[4] Вот я и думал, что Вы Вашего новорожденного непременно привезете в Москву и погрузите в «Вестник» (это уже потому вероятно, что мы только на него и подписаны).[5] Вот мои ожидания и гадания об Вас все рассыпались. Дай-то бог, чтобы здоровьем-то Вы были молодец, каким Вас нарисовал Н. Толстой из Содена.[6] Вы и представить себе не можете, милейший Иван Сергеевич, как мы грустно провели лето. Как будто все возможные условия, составляющие в жизни хорошее и отрадное, унеслись из виду от Новоселок. Вас, Толстого не было. Фет чумел и нас всех доводил до отчаяния отчаянными покушениями купить землю во что бы то ни стало, какую ни попало, где бы ни было. Николай Николаевич, Ваш дядя, принимал живейшее участие и написал целый трактат, чтобы *не покупать* у Ржевского. Марья Петровна проливала слезы ручьями.[7] Я, истощив все убеждения, дошел до озлобления и начинал отчаиваться, что человек вот-вот изгадит себе всю свою независимую и обеспеченную жизнь, но случай помог, и слава богу, что попалось это имение, хотя далеко от нас, но с ним он справится и над ним отдохнет от мучительной праздной жизни.[8] Едва уладилась эта покупка, как мы получили весть почти неожиданную от жены, что она здорова. В конце августа я с маленьким перебрался сюда, и будем здесь зимовать, — Фет побыл с нами несколько дней и возвратился *в Степановку*, где предается с неутомимою деятельностью всем хозяйским истязаниям и благодарит судьбу, что спасла его от *Ржевского*. Переписка у нас ведется почти ежедневная, и он описывает свою жизнь так ярко, что как будто видим всю его обычную суету. Тут все кувыркается — и стройка, и охота на вальдшнепов, и копанье прудов, и *балы*, на которые он врывается и отплясывает с прежнею уланскою удалью, и вольнонаемные работники — народ хитростный, забирающий вперед денежки, и Ах! нету мебели. Но рояль из Сердобинки перевезена уже в Степановку, и Марья Петровна теперь верно разыгрывает сонаты Бетховена — и домик

их принимает уютный, жилой вид среди этой степи, которую мы проезжали вместе по пути в Поныры. Поселились мы не в Сердобинке — там теперь грустно и пусто, слишком далеко от доктора и зимой холодно, и Феты будут в Москве всего два месяца. Не знаю, добрейший Иван Сергеевич, что Вам сказать про свое житье. Не могу выйти из страха. Не могу не ждать, что вдруг разлетится тот покойный уголок, который теперь устроился. Страшные прошлые минуты так еще свежи в памяти, что не скоро их забудешь. Здоровье жены совсем поправилось — но прочно ли, бог знает. Она в восторге была от Вашего «Накануне» и поручила Вам за нее поклониться усердно. — Что Вам сказать интересного — разве то, что около нового года надеемся на решение крестьянского вопроса, и решение неутешительное тем, что не обходится без *переходного* состояния. Может, это и пустые слухи, но других нет. В лит‹ературе› новостей не видно, разве только то, что Хомякову поставили помре.[9] — В «Р‹усском› вестн‹ике›» в 4 №№ отпечаталась повесть или роман Крестовской «В ожидании лучшего».[10] Действительно хорошая вещь из московского же общества, все лица живые, и правда даже дагерротипная и поэтому не разогревающая слишком, холодная, как реляция о действиях наших войск в Адалумском отряде.

Про Толстых мы ничего не знаем, и Фет ни от кого не получал весточки, где они. Сергей [11] хотя вернулся, но не удалось с ним видеться, он уехал охотиться в Курск. С Николаем были в переписке, но теперь куда ему адресовать, не знаем. Как жаль этого человека. Все не хочется еще верить, что он погибает.[12] Но где Лев Ник.? Странный он человек.

Про мою охоту напрасно и спрашиваете, я ружье решительно оставил — не брал и в руки даже, чтобы взглянуть хотя, исправно ли? Тоже надо, кажется, и псовым сказать прощайте. Собак удалось дождаться на *удивление охотника*, а мне не удается вот уже третью осень взглянуть на их подвиги. Теперь с ними охотится *Сухотин*.[13] Жду его рассказов и уничтожу это напрасное раздражение, и утешения нет, и скучно лежать на сене, самому *не есть* и смотреть, как едят другие. Такие утешения еще позволительны дряхлейшей старости.

Не сердитесь за длинное, длинное письмо, так мне отрадно хотя мысленно поговорить с Вами. Жду Вашего *проекта*, и пустим его во все концы родной земли — давайте.[14]

Крепко Вас обнимаю, добрейший Иван Сергеевич. Дай бог Вам всего лучшего, как только умею Вам пожелать. Искренно

Вас любящий И. Борисов.

Адрес мой
в Москву: на Покровке, в *б. Кавенном переулке в д. Миллера.*

[1] Письмо Тургенева, на которое отвечает Борисов, неизвестно (см.: *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 351).

[2] В это время Тургенев, после поездки к А. И. Герцену в Лондон и Вентнор (с 27 июля по 24 августа ст. ст. 1860 г.), находился в Париже.

[3] Таким «новейшим литературным чадом» оказался роман «Отцы и дети», замысел которого возник у Тургенева летом 1860 г.

[4] В 1859—1860 гг. Толстой не раз писал и говорил о своем отказе от литературной деятельности. В частности, Борисову он об этом писал 20 декабря ст. ст. 1859 г. (см.: *Толстой*, т. 60, стр. 316—319, 337). Летом 1860 г. Фет также принял решение оставить литературу и заняться только сельским хозяйством (см.: Фет, ч. I, стр. 334).

[5] Имеется в виду журнал «Русский вестник».

[6] Н. Н. Толстой (1823—1860) и М. Н. Толстая (1830—1912) писали Борисову и Фету из Содена в июне—июле 1860 г.: «...мы застали Тургенева, который жив, здоров и здоров так, что сам признается, что он *совершенно* здоров» (*Фет*, ч. I, стр. 332).

[7] Николай Николаевич Тургенев (1795—1881), дядя писателя, в это время управлял его имениями (о нем см. выше, стр. 221). Владимир Константинович Ржевский (1811—1885) — помещик Орловской губернии, не раз упоминаемый в письмах Тургенева, с 1858—1860 гг. — член орловского губернского комитета по устройству быта крестьян, с 1861—1862 гг. — мировой посредник 4-го участка Мценского уезда; однако возможно, что имеется в виду его брат Григорий Константинович, также орловский помещик. Марья Петровна Фет, урожденная Боткина (1828—1894) — жена Фета.

[8] Речь идет о покупке Фетом имения Степановки, которое находилось в 70 верстах от Спасского и в 55 — от Новоселок (см.: *Фет*, ч. I, стр. 340—348).

[9] Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) — поэт, крупный теоретик славянофильства. Умер в Москве 23 сентября ст. ст. 1860.

[10] Всеволод Крестовский — псевдоним писательницы Надежды Дмитриевны Хвощинской, по мужу Зайончковской (1825—1889). Ее роман «В ожидании лучшего» был напечатан в «Русском вестнике» за 1860 г. (№№ 7—9).

[11] Сергей Николаевич Толстой (1826—1904) — брат писателя, тульский помещик.

[12] Борисов не знал, что Н. Н. Толстой уже скончался 20 сентября ст. ст. 1860 г. О его смерти Тургенев писал Фету 3 (15) октября 1860 г.: «Он умер, бедный ‹...› Лёв Николаевич был с ним — и теперь еще в Гиере ‹...› Я знаю — и Вы и Борисов не раз его помянете: золотой был человек» (*Письма*, т. IV, стр. 140).

[13] Сергей Михайлович Сухотин (1818—1886) — крупный помещик Орловской губернии. Был женат на сестре приятеля Толстого, М. А. Дьяковой, с которой развелся в 1868 г.

[14] Речь идет о проекте организации «Общества для распространения грамотности и первоначального обучения», задуманного Тургеневым и П. В. Анненковым. Ими же был составлен проект, начинающийся словами: «Есть факты, очевидная полезность которых до того несомненна, что не нуждается ни в каких доказательствах. К таким фактам принадлежит необходимость распространения грамотности и элементарных общеполезных сведений в России» (*Сочинения*, т. XV). В письме к Фету от 31 августа (12 сентября) 1860 г. Тургенев писал: «Я послал несколько копий этого проекта в Россию — и буду продолжать посылать. Пошлю и Вам. Прочтите и скажите свое мнение» (*Письма*, т. IV, стр. 125). Проект не встретил одобрения правительства; по словам Анненкова, «программа не достигла и канцелярского утверждения, а заглохла и рассеялась сама собой...» (*Анненков*, стр. 454; *Письма*, т. IV, стр. 185).

2

26 нояб. ‹1860›. Москва.

Не знаю, достигло ли Вас, добрейший Иван Сергеевич, мое письмо с Покровки, — писал к Вам обо всем и обо всех.[1] Нечего Вас уверять, что часто, часто вспоминаем Вас и ждем мая, но уже заранее чувствуется,

что всем нам будет горько не досчитаться Николая Толстова. Я не могу вспомнить об нем без того, чтобы не воскресить перед собою его доброго, умного, мягкого взгляда, и слышу его голос, всегда спокойный, в самых задорных спорах. Мне он представляется, как тормозная мазь Льва Николаевича, которого он не любил, а обожал. Я до сих пор не могу свыкнуться с этой утратой и грущу об нем с безотчетными слезами юноши, и седая голова не помогает. Не знаете ли чего обо Льве Николаевиче и сестре их, где они и когда думают возвратиться.

Мы живем здесь самою уединенною жизнью — здоровье жены поправилось, но прочно ли? Знает один бог. Ждем в первых числах декабря Фетов, и ждем нетерпеливо — переписка с ним не заменяет вполне его приезда. Его вальдшнеповый полет неизобразим тем более, что иногда он, когда бывает в хандре, тянет и дупелем. Так и хочется влепить в него заряд.

К марту «Р‹усский› в‹естник›» обещает новенькое *Ваше*, и мы уже ждем нетерпеливо. Только потому, что Вы пишете, я мирюсь, что Вы в Париже, а не здесь, в Москве или в Петербурге.[2]

Не знаю почему, но уверен только, что Вы вдали от Ваших литературных приятелей, вдали от родины, которую Вы любите, Вы сильнее и чутче и зорче всё видите. Ваш проект о распростр‹анении› грам‹отности› достал у Маслова[3] и жалею, что Ваше отсутствие лишает возможности немедленно ему осуществиться, а время потерянное только более и более будет охлаждать в обществе рвение, а с тем и успех этого дела.

Доверия ко всяким предприятиям так же быстро падают теперь, как быстро поднялись в прошлые годы. Всё это чувствуется не выходя на улицу. Островский хотел к Вам писать.[4] Он участник будет прочный, но много ли найдется людей, действительно способных напр. *постоянно* оставаться в Москве или П‹етер›бурге и посвятить себя этому делу? Эта статья невольно стала вопросом сомнительным. И не рассчитывайте много на участие в народе, в жителях деревенских. Я об этом сужу только по нашему уголку Мценскому. — Невероятно, до какой еще степени крепко веруют в старую жизнь. У знакомого моего купца Шмарова есть славный сынишка лет 11. Я уговаривал, чтобы отдали его хоть в уездн‹ое› училище или в Москву в коммерч‹еское›. Отец его согласился, но дедушка отстоял от дьявольских искушений. Убеждать их в пользе просвещения было нечего, они с этим согласны — да одно удерживает: мужиком родился — мужиком и живи, а то *какого же от него ждать нам почитания.* И ради этого оставляют мальчика безграмотным — зато передадут тысяч 100 капит‹ала›. Вот какие еще понятия произрастают. Это редкость, скажете, — правда, но правда и то, что дорога в школу, как будто судьба, у нас проложима через кабак, — *трах-тир* и другие веселые заведения и *ассамблеи.* — Все сословия одно за другим проходят по тому же пути к просвещению, какой указал Петр. А новым духом еще только повеяло. Старым же всё еще крепко воняет повсюду.

Представьте, со времени сражений с Вами мне не привелось ни с кем поиграть в шахматы, кроме Петруши, но зато с ним всякое утро строим из королей, королев и прочих и домики и комнатки.

Жена поручает за нее поклониться Вам. Я Вам писал уже, что мы перечитывали вместе и «Первую любовь» и «Накануне», и ей в особенности понравилось «Накануне».

Скоро приедет Фет, и верно мы будем почаще иметь об Вас весточки. Обнимаю Вас крепко от всего сердца. Дай бог Вам всего лучшего.

Ваш И. Борисов.

Адрес *наш* и к Фету тоже пишите: в Москву.

[1] Письмо 1.

[2] В это время Тургенев писал роман «Отцы и дети», думая опубликовать его в марте 1861 г. (см.: *Письма*, т. IV, стр. 169), но работа затянулась и роман был напечатан в «Русском вестнике» только в феврале 1862 г.

[3] Иван Ильич Маслов (1817—1891) — приятель Тургенева, у которого, проезжая через Москву, писатель обычно останавливался.

[4] Это письмо А. Н. Островского (1823—1886) к Тургеневу не сохранилось или не было написано.

6

19 дек./60. Москва.

Вчера получил, добрейший Иван Сергеевич, милые мне Ваши строки.[1] Так и *повеяло Весной*,[2] начал собираться уже в деревню, пора выбраться из тухлой Москвы на чистый воздух. Ждали, ждали мы приезда Фета, надеясь, что он оживит нашу жизнь, но вот они приехали. Не суетился, и дня два было хорошо, придет вечер — и мы мирно мурлыкали о фермерстве, пчелах и всяких благополучиях, ожидаемых в будущем. Теперь же всё кончено — хандра проснулась, и Фетушка бедный плачет, зачем они здесь (причина: Марья Петровна, всё для нее). В несколько дней он так благодетельно подействовал и на мою жену, что и она спешит из Москвы. Слава богу! авось мы в феврале будем в Новоселках. Без всякого дела и занятий здесь не то что скучно, а тяжело дышать.

Там-то будем Вас ждать, как светлого праздника. Дай бог, чтоб были здоровы. Но с каким нетерпением ожидаю прочесть Ваше новое детище, Вы сами угадаете, когда представите себе ясно мое тихое наслаждение глядеть и слушать и жить в той жизни, какую Вы нам показываете, и уверен, чем сильней пройдет Ваша любовь по всем жилкам Вашего детеныша, тем он будет *милейшим* для *всех* и каждого из нас, искренно Вас любящих. Островскому я передал поручение Ваше за *Олиньку* его. Он был в *восторге*. «Спасибо ему, как я рад что Иван Сергеевич ее оценил» — вот его слова. Одним словом Вы его *усладивыйся*.[3] Но позвольте однако же скромно Вас спросить потихоньку — за что же? Это ли можно ждать от Алекс‹андра› Никол‹аевича›. «Гроза» его совсем сбила с дороги, и он как будто зашел к брынским раскольникам и от умных бесед с ними вышел с каким-то тяжелым взглядом. Только разными житейными средствами у него живут лица и хлопочут посмешить,

а в ролях женщин пересолено пошлостью. Три или четыре раза выбегают на сцену посплетничать и *поругаться*, не затрагивая ни в ком другого чувства, как отвращения и напрасного ожидания — для чего же это? Так что сидишь, смотришь и не принимаешь ни в ком ни малейшего участия — даже высшая, райская публика смотрит с верху совершенно равнодушно и ковыряет в носу как ни в чем не принимающая участия. Разве это хорошо. Всё это правда, но жизни нет, а только показывают для комедии.[4]

Я Вам писал кажется, что здесь Сергей Толстой. Он болен и кажется недалек от струйки, которая так быстро унесла бедного его брата. От Л‹ьва› Н‹иколаевича› никаких вестей — Фету он написал *отчаянное* письмо о смерти Николая.[5] Он страшно поражен этой утратой, и думаю, что грустно отзовется на Льве Николаевиче эта потеря.

Теперь спешу Вас успокоить насчет Основского[6] — до нас дошли слухи с закрытой стороны этой грязной истории. Я Ивана Васильевича Павлова еще прежде расспрашивал об «Мос‹ковском› в‹естнике›» по случаю неполучения мною их журнала, который так и пропал для нас. Вот что он мне сказал, что дела их расстроились от безденежья, т. е. *потери подписчиков*, и от *множества хозяев*, и ни словом не винил *Основского*. — Но вот что я узнал от *Островского*, который был у них *посредником* в этом деле: Щепкин и К‹етчер› успели *мало-помалу* рассорить Павлова с Основским и главное Плещеева, который и довел Основского до необходимости просить их выбрать посредника для суда между ними. Выбрали *Гилярова-Платонова*, *Чижова* и *Островского*.[7] Конец был тот, что посредники единогласно были за *Основского*. Иван В‹асильевич›, не ожидая конца их приговора, ушел, а Плещеев *извинился* перед Основским, который однако не захотел уже вести с ними дело журнала, а работает в своей типографии и ведет это дело *отлично*, и это-то именно и было причиною, что Щепкин ему старался нагадить. Ваши сочинения уже продаются 1 и 4 части, а 2 и 3 обещаны вскоре. — Вся эта история выказала Основского человеком честнейшим, благородным и слишком добрым ‹к› врагам его. Вы можете вполне полагаться, что имеете дело с человеком честным и денежки не пропадут, потому что дело у него идет ладно и хорошо. — К Павлову я на днях съезжу — знаю его жилище, это на границах к Смоленской губернии, а мы живем к Владимирской, дистанция огромная, но забыл, как называется его приход и часть и квартал, и священник или дьякон, у кого он нанимает, а все это необходимо для московских адресов. Ивана Васильевича пощупаю еще и об Основском и запишу Вам адрес. Фетушка Вам сам пишет, то-то я думаю сочинит Вам из Москвы. Жена Вам кланяется, а я Вас, милейший Иван Сергеевич, крепко обнимаю. Дай бог Вам всего лучшего.

Крепко Вам преданный
И. Борисов.

Я ничего не пишу Вам об бесчисленных новостях, возникающих большими и маленькими вопросами о нашем будущем, только увы — ответов нет.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно (см.: *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 352).

[2] Возможно, что Борисов перефразировал цитату из стихотворения Фета «Уж верба вся пушистая» (цикл «Весна», 1844). У Фета:

Опять весна душистая
Повеяла крылом.

[3] Речь идет о пьесе А. Н. Островского «Старый друг лучше новых двух» (1860). Очевидно, в не дошедшем до нас письме Тургенев высказывал свое удовлетворение образом главной героини пьесы, Оленьки.

[4] Тургенев отвечал Борисову и Фету 2 (14) января 1861 г.: «А в пиесе Островского ‹...› мне нравится только превосходно нарисованное лицо „Оленьки“; с остальными замечаниями я согласен» (*Письма*, т. IV, стр. 179).

[5] В этом письме к Фету от 17 (29) октября 1860 г. Толстой писал: «К чему всё, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью подлости, лжи, самообманывания, и кончатся ничтожеством, нулем для себя» (*Толстой*, т. 60, стр. 358).

[6] В письме от 17 (29) декабря 1860 г. Тургенев просил Фета выяснить, почему издатель его сочинений Нил Андреевич Основский (1819—1871) вовремя не выслал ему деньги за издание. Впоследствии эти деньги были получены, о чем Тургенев уведомил Фета и Борисова (см.: *Письма*, т. IV, стр. 172 и 179).

[7] Борисов упоминает сотрудника «Московского вестника» Ивана Васильевича Павлова (1823—1904), издателя Николая Михайловича Щепкина (1820—1886), врача, переводчика и литератора Николая Христофоровича Кетчера (1809—1886), поэта Алексея Николаевича Плещеева (1825—1893), публициста Никиту Петровича Гилярова-Платонова (1824—1887), издателя Федора Васильевича Чижова (1811—1877) и драматурга Александра Николаевича Островского. Речь идет о конфликте, возникшем между издателем «Московского вестника» Н. А. Основским и его сотрудниками А. Н. Плещеевым и И. В. Павловым, которые обвинили Основского в жульнических махинациях (см.: *Письма*, т. IV, стр. 519, примеч. к письму 1005).

4

8 янв./61. Москва.

Добрейший Иван Сергеевич, вчера прочел Ваше письмо к нам[1] и, читая его, представлял себе Вас получившим уже телеграфическую депешу из Москвы от Фета. Вижу, как спокойное Ваше лицо мгновенно изобразило все признаки удивления, недоумения и горьких жалоб на судьбу — да еще разгадаете ли загадку Фета, он уже сам сомневается, поймете ли Вы из *депеши*, в чем тут дело. Но боже мой, что с ним-то делает лихорадочный трепет, *канальские треволнения* (это болезнь кавказская,[2] Завадовский от нее даже помре,[3] опасная).

Но надо описать Вам все толком, а то и я начинаю телеграфить. — Дело было так. Получив Ваше письмо по делу Основского, он, т. е. Фетушка, не удоволь‹ствовался› тем, что ему сообщил Островский, а поехал к Павлову прежде и, *выслушав* Ив‹ана› В‹асильевича›, которому вполне сочувствовал, готов был вести Основского на эшафот. Когда же *Основский* доказал ему фактами свою правоту и чистоту в этом деле, то весь гнев

повернулся в другую сторону. В это время Плещеев напечатал в «Искре», что *он*, а не *Основский*, печатает 2-ю часть Ваших произведений.[4] По просьбе Основского Фет в «Моск‹овских› вед‹омостях›» ‹поместил› *объявление*: что Плещеев не имеет права потому, что ни Вы, ни он (Фет), Ваш поверенный, этого ему не предоставляли.[5] До сих пор всё хорошо. Мы торжествуем, но можете себе представить — на следующий же день в «Московск‹их› в‹едомостях›» являются два письма к редактору: I) «В № 9 „Москов‹ских› в‹едомостей›“ с удивлением прочел я объявление г. Фета, просящего *считать недействительным* мое извещение в 51 № „Искры“ о том, что наблюдение над печатанием 2-й части последнего издания сочинений И. С. Тург‹енева› принимаю на себя я сам, нижеподписавшийся, как владелец большей половины (5/8) всего издания. Честь имею уведомить и г. Фета и всю читающую публику, что 2 часть будет печататься под моим личным наблюдением, с согласия г. Основского, на что имею письменные доказательства, которые и напечатаю, буде г. Фет того пожелает. А. Плещ‹еев›». II) «М‹илостивый› г‹осударь›, честь имею довести до всеобщего сведения, что я читал письмо Ив‹ана› С‹ергеевича› Т‹ургенева› г. Фету от 17/29 д‹екабря› и что это письмо никоим образом не уполномачивает г. Фета на такое странное объявление, какое сделано им в № 9 „М‹осковских› в‹едомостей›“. Прошу покорнейше И. С. Т‹ургенева› подтвердить мои слова печатно. И. Павлов».[6]

Сии-то *два* и привели нашего друга в несказанное негодование, и ‹он› не медля пустил к Вам телеграф.[7] Я его убедил ничего не отвечать им до Вашего ответа. Но не знаю, как он переживет это время, — желчь начинает работать, и Марья Петровна уже в отчаянии. Да и трудно в самом деле ему ждать Вашего ответа. Но что же делать-то. Пока мы стараемся его злить чем-нибудь другим, но всё Плещеев и Павлов являются ему неотмщенными. Как Вам нравится Павлов в этом деле, можно бы еще извинить как сумасшествие, но гнусно, что проявляется оно в подлости. Вот еще свежее и горькое доказательство непорядочности наших литераторов. Всё это Вас огорчит, но утешьтесь тем хотя, что впереди будет лучше, все это происходит еще в *Накануне*. Меткое Вы пустили слово Накануне. Недавно, т. е. 12 янв‹аря›, на университетском акте, многими говорены были речи — и Погодин и другие как будто невольно вспоминали этим словечком об Вас.[8] Мы только что вернулись из театра. Ездили смотреть Садовского в Любиме Торцове. Не смею и сказать, как он был хорош.[9] Вот за такую-то следовало бы Островскому 33 премии, а за «Грозу» даром.[10] Помните Косицкую в «Грозе»,[11] какая она пошло несчастная там птичка. Сегодня она в роле вдовушки была безукоризненна, живое лицо — удалая вдовушка. Публика гремела и вопила, это хорошо, но жаль, что не было Островского, он в П‹етер›бурге, может быть еще таким путем он услышит истину, а она его выведет из самообманства. — Знаете ли, Иван Сергеевич, что быть может Вы нас никогда не увидите более живыми, а найдете всю Москву обледенелым царством, — несколько уже дней ртуть замерзла в термометр‹е› и на дворе должно быть 140°, в комнатах же кажется еще холодней — у нас в *теплой* квартире только +8. Видели ли Вы когда ворон, опушенных инеем, точно

как мужик в дороге. Они теперь могут даже декламировать «С белыми *бровей* власами и седою бородой».[12] У нас в комнатах 4-й день живет воробей, сам попросился погреться и кажется уже свыкся с нашей жизнью — но прегордая птица, никому не хочет быть обязанным — корма не принимает, а добывает сам крошки где попало, к ночи так спрячется, что до сих пор не откроем места его ночлега. Когда-то дождемся Вас. Мы же 30 янв‹аря› — на родину. *Саратовский* возок я уже приобрел и сбираюсь выехать Ноем — всю семью с домочадцами, с новоприобретенным *Амуром* (сеттер превос‹ходный›) и даже воробьем, если он сего пожелает. Жена Вам кланяется, а я крепко Вас обнимаю.

Ваш И. Борисов.

[1] Письмо к Фету и Борисову от 2 (14) января 1861 г. (*Письма*, т. IV, стр. 179—180).

[2] Подозревая Основского в нечестности, Тургенев 17 (29) декабря 1860 г. послал Фету доверенность на ведение своих издательских дел (см.: *Письма*, т. IV, стр. 171—173). Возникший между Фетом и Основским конфликт едва не привел их к дуэли, которую Борисов, вероятно, имея в виду воспоминания молодости, называет «болезнью кавказской».

[3] Очевидно, Борисов вспоминает нашумевшую в свое время (1817) дуэль между А. П. Завадовским и В. В. Шереметьевым, на которой, однако, был убит не Завадовский, а Шереметьев. Дуэль эта запомнилась и потому, что следствием ее в 1818 г. на Кавказе была дуэль между секундантами — А. И. Якубовичем и А. С. Грибоедовым (см.: «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М., изд. «Федерация», 1929, стр. 58—64 и др.).

[4] См.: «Искра», 1860, 30 декабря ст. ст., № 51, стр. 599.

[5] «Московские ведомости», 1861, 12 января ст. ст., № 9.

[6] «Московские ведомости», 1861, 13 января ст. ст., № 10.

[7] Эта телеграмма Фета к Тургеневу неизвестна.

[8] 12 января ст. ст., в «Татьянин день», ежегодно отмечалось основание Московского университета; в 1861 г. праздновалась 106-я годовщина его существования. На торжественном обеде в Москве, в зале Благородного собрания, М. П. Погодин в своем тосте сказал: «Мы теперь ‹. . .› накануне важнейших государственных преобразований и улучшений: улучшений крестьянского быта, гражданского судопроизводства, банковой системы, городского управления, путей сообщения и проч. и проч.» («Московские ведомости», 1861, 14 января ст. ст., № 11). Очевидно, эти слова и имел в виду Борисов.

[9] Актер Малого театра Пров Михайлович Садовский (1818—1872) в посвященной ему пьесе Островского «Бедность не порок» (1853) исполнял роль Любима Торцова.

[10] В 1860 г. за драму «Гроза» Островский получил Уваровскую премию Академии наук.

[11] Артистка Малого театра Любовь Павловна Никулина-Косицкая (1829—1868) исполняла в пьесе Островского «Гроза» (1859) роль Катерины, а в пьесе «Бедность не порок» — роль молодой вдовы Анны Ивановны.

[12] Перефразированная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «На рождение в севере порфирородного отрока» (1779). У Державина:

С белыми Борей власами
И с седою бородой. . .

О необыкновенных морозах в январе 1861 г. упоминает в своих воспоминаниях и Фет (см.: *Фет*, ч. I, стр. 357).

5

17 янв./61. Москва.

С новым годом, добрейший Иван Сергеевич, Вас поздравляю и желаю всего лучшего, а оглянувшись на старый, не жалею, что в нынешнюю ночь он пропал без возврата, — авось будем посчастливей в наступающем. Что же Вам хорошенького сказать, об родине нашей вспоминать нечего, а выдумать мудрено. Всё по-старому в Москве, даже ухабы, колыхавшие нас в прошлом году, опять воскресли, опять старики заговорили, что не запомнят таких снегов. К весне обещают Москве наводнение, но мы надеемся заблаговременно убраться за Зушу. В 1-х числах февраля устремляемся в Новоселки и там будем Вас поджидать. Фет горячо принялся по Вашему делу с Основским и сам Вам даст отчет во всем.

Адрес Ивана Васильевича Павлова: на Плющихе в доме священника церкви Неопалимой Купины. Но адрес это ненадолго. Ив‹ан› В‹асильевич› покидает это жилище и ищет нового — поэтому адресуйте ему через кого-либо из знакомых. Мы пожалуй и сами уедем, но вот Вам — Сергей Мих‹айлович› Сухотин, они же и приятели. Его адрес в Пресненской ч‹асти› в Конюшках в собст‹венном› доме. — В прошлом письме [1] я Вам во всей точности передал, что узнал от Островского, к этому прибавить только, Фет что узнал от Ив‹ана› В‹асильевича›. Сами сделаете истинный вывод — кто тут прав, что же касается до финансов Ваших, то кажется Вы поручили надежному человеку, он выручит Вам всё до копеечки, разве уже Основский действительно нечестный человек — и плутует? Чему пока не верю. Здесь теперь Владимир Ал‹ександрович› Шеншин, в наших краях, говорит, всё хорошо и покойно.[2] Ждем, ждем объявления новых положений, а слухи откладывают еще до октября.[3] Не дай бог, чтобы это было справедливо.

На днях я приобрел удивительно белого сеттера Амура от брата Петр‹а› Аф‹анасьевича›,[4] который решительно предался разведению собак, у него было уже 8, и Фет их очень хвалит, так что я надеюсь примкнуть к Вам на тетеревей вполне егерем и буду уже так равняться по полесью, что у Вас, у старого Нимврода,[5] закипит кровь молодым ключом. Дай только бог, чтобы всем собраться и не быть к тому времени исключенными. Начал уже запасаться сатанинскими снарядами и всё привожу в порядок.

Ожидание от Вас новенького растет в публике еще более, чем перед «Накануне». Евгения Тур обещает Вас, Катков тоже, и «Русск‹ое› слово», и все, все по-прежнему, как-то Вы умудритесь всех оплодотворить.[6] — Афанасий Афан‹асиевич› решительно ничего не пишет и стонет по Степановке. Недавно видел его у Боткиных таким *Гафизом*,[7] каким в жизнь мою не видывал его, да и он сам не помнит, чтобы ему так когда-либо приходилось вдохновляться, даже синий нос его побелел, а голос до сих пор не поднимается, и Марья Петровна его не спасла, вот она старость-то, на которую Вы как-то так мило намекнули.

Обнимаю Вас от всего сердца. Жена Вам низко кланяется. Когда-то дождемся Вас, боюсь, что в шахматы уже не гожусь совсем, нужно, чтобы Вы были очень слабы для моей удачи. Ваш искренний И. Борисов.

[1] Письмо 4.

[2] Владимир Александрович Шеншин (1814—1873) был мценским предводителем дворянства.

[3] «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» было подписано Александром II 19 февраля 1861 г. В воскресение 5 (17) марта оно читалось во всех церквах и было опубликовано 6 (18) марта 1861 г.

[4] Петр Афанасьевич Шеншин (1834—1881) — младший брат Фета.

[5] Нимврод — один из персонажей Библии, где он назван «звероловом» (см.: Бытие, гл. X, стих 9); его имя стало нарицательным для охотников.

[6] Евгения Тур (псевдоним писательницы Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир, 1815—1892) в 1861 г. была издателем-редактором газеты «Русская речь». Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — издатель-редактор журнала «Русский вестник», в котором Тургенев к этому времени напечатал роман «Накануне» (1860), а позднее — «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867) и повести «История лейтенанта Ергунова» (1868) и «Несчастная» (1869). «Русское слово» в 1861 г. издавалось гр. Г. А. Кушелевым-Безбородко при редактире Г. Е. Благосветлове.

[7] Мохаммед Шемседдин Гафиз (1300—1389) — персидский поэт. Осенью 1859 г. Фет работал над циклом стихотворений «Из Гафиза», переводя их с немецкого языка из подаренного ему Тургеневым сборника поэта Г.-Ф. Даумера: «Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte». Однако стихотворения Даумера были только написаны «в духе Гафиза», а не являлись его подлинными переводами (см.: *Фет, ПСС*, стр. 826—827). Стихотворный цикл Фета «Из Гафиза», снабженный небольшим предисловием, был опубликован в журнале «Русское слово» (1860, № 2, стр. 25—37). Об отношении Тургенева к переводам Фета см.: *Письма*, т. III, стр. 349.

6

27 февр./61. Новоселки.

Вот уже месяц, как мы в деревне, и всё чаще и чаще вспоминаем Вас, добрейший Иван Сергеевич и еще березы не начинали *ждать весны*,[1] но она уже близка. Вчерашний день повеяло таким югом и солнце светило таким теплом, что ни одна ворона, ни один баран не остались равнодушными, все было всполошились и зашумели, но в ночь подморозило, а сегодня с утра порошил снежок, и всё опять попритихло и опять подморозило. Так-то и 19 февр‹аля› прошло. Ждали, ждали, Москва — старая болтунья *верными* обещаниями еще более всех подзадорила, но 19-ое прошло без манифеста о крестьянском вопросе, и снова ждем и ждем уже *отпечатанных* обещаний, что постом вопрос этот кончится и огласится.[2] Если Вы и к Святой будете в Спасском, то найдете нашу родину обновленною. Что Вам сказать об крае нашем. Помехи, т. е. мы и чиноначалие уездное, как будто смутились духом и приуныли. Симон[3] тоже как-то стал рассказывать про Вольфа и Окена[4] не с прежним азартом, а журчит тихим ручейком и так усыпительно, что и вздремнуть приятно. Успели мы повидаться с волковскими Шеншиными, они без перемены,

только подвинулись ближе к вечности и Ник‹олай› Ник‹итич› и Елиз‹авета› Дмитриевна. Она много, много вспоминала о Вас — Вашем детстве, юности. Я впервые узнал, что Вы такой давний их знакомый. Девочки их прелесть, а сын кажется блокирует Моск‹овский› университ‹ет› и едва ли таким способом возьмет, а может и внидет.[5]

Ваших в Спасск‹ом› я еще не наведывал, но непременно проберусь к ним.[6] Всё поджидал Фета, но об нем ни слуху ни духу. С самого возвращения из Москвы ему удалось раз только заглянуть к нам из Степановки, и то на два дни, и исчез опять в своей степи. Вот на деле-то и видно, что 55 верст дистанция огромного размера, да и дороги нет в продолженпе 11 месяцев, если не казниться по ухабам, зажорам, просовам, прососам, промоинам[7] и прочим каторжным удовольствиям. К Вам переправили от него уже два письма, стало быть об нем Вы знаете. К маю мес‹яцу› он надеется управиться, и дом будет готов, и Марья Петровна будет уже хозяйничать в Степановке. Авось-то Ваш приезд будет и его почаще выманивать к нам. Но когда дождемся Вас-то, дорогой Иван Сергеевич, — хорошо бы, когда б успели быть в Спасском на вальдшнепов, хоть бы одно поле сделать с Вами. Я уже вооружился, и хотелось бы представить Вам моего *Принца* молодого, подарок брата Петр‹а› Аф‹анасьевича› — красавец собой и умен, не знаю, каково-то окажется чутье и справлюсь ли с бешеною горячностию.

В Москве у Кантора (шорн‹ик› на Петровке под м‹агазином› Крумбюгеля) нашел такую пистонницу, что и Фет прельстился и заказал себе. Из сатанинских приборов только еще и остается ягдташ, но и этот к весне будет заменен таким удобным, что и Вы, надеюсь, одобрите.

Вы верно и в Париже заметили «Русск‹ий› вест‹ник›» нынешнего года — политическое обозр‹ение› и «Лит‹ературная› летопись» процветают.[8] Помните ли Ваши мечты, проект журнала, какой бы Вы издавали.[9] Катков как будто уловил Вашу мысль и хотя не вполне, но осуществляет, и часть литературная в 1-й книжке украсилась «Лихим человеком» Марко Вовчка.[10] Такая повесть, что не стыдно было бы и Вам подписать Ваше имя. До сих пор ни одна наша барыня подобного не написала, хоть тут и по-русски вышло хорошо, а не то что про прежние ее говорил Громека — читайте на малороссийском.[11]

В 1 № «Современника» раздается такой свист, что верно и Вам слышно. Немножко и Вам посвистывают, но нежно, стишками.[12] Я ожидал, что будет что-нибудь по случаю историй Основского издания — но видно проглядели, а может берегут для будущих №№. Авось с прекращением откупов перестанут являться перед публикой с кабацкими ругательствами наши журналисты, а до сих пор и публика довольна такими олимпийцами, и у «Современника» подписчиков более. — В деревне я веду жизнь самую деятельную — подготовляю всё для вольного труда и дом почти весь перестраиваю, чтобы можно было в нем и зимовать, только бы не ездить в Москву. Всё здесь так хорошо, тихо и спокойно, и на душе тепло, и дышать легко, хотя от риги и расстилается соломенный дым по саду, но так тонко, что только со свежим чутьем уловишь, — вкусно, захотелось даже шашлык вспомнить.

Но какая невознаградимая утрата Н. Толстого. Про Льва Ник‹олаевича› ничего не знаем, а Сергей чуть ли не женился,[13] обещал к нам приехать, но нет. Дай бог Вам, Иван Сергеевич, всего лучшего и поскорей к нам. Жена Вам кланяется, и я Вас крепко обнимаю. Ваш И. Борисов.

[1] Перефразировка стихотворения Фета «Еще майская ночь» (1857), в котором говорится о приближении весны:

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и нежит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

[2] См. примеч. 3 к письму 5.

[3] Александр Андреевич Симон (ум. 1863) — мценский аптекарь-гомеопат. О его смерти Борисов писал Л. Н. Толстому 14 мая ст. ст. 1864 г.: «Симон умер в ноябре» (Гос. музей Л. Н. Толстого, инв. № 138/23).

[4] Каспар Фридрих Вольф (1733—1794) — знаменитый анатом и физиолог. Лоренс Окен (1779—1851) — германский философ и естествоиспытатель.

[5] Николай Никитич (1816—1879) и Елизавета Дмитриевна (рожденная Карпова) Шеншины и их дети Екатерина, Мария и Дмитрий жили в имении Волково, в 12 верстах от Новоселок. Брат Н. Н. Шеншина, Александр Никитич, был женат на сестре Фета, Любови Афанасьевне Шеншиной.

[6] В Спасском в это время жил с семьей дядя Тургенева, Николай Николаевич.

[7] Эти названия означают: затор льда на реке во время ледохода; подснежная вода по дороге при таянии снега; отверстие, промытое водою и т. п. (см.: Толковый словарь русского языка, т. I. 1935, стлб. 935; т. III, 1939, стлб. 1004).

[8] «Русский вестник» с начала своего издания в 1856 г. имел большой раздел под названием «Современная летопись», где помещались известия о текущих событиях общественной жизни. Журнал выходил два раза в месяц, и обычно эти известия к выходу в свет уже теряли свою новизну. С 1861 г. Катков изменил структуру журнала и «Современная летопись» стала выпускаться отдельными еженедельными приложениями к журналу, который стал выходить один раз в месяц и пополнился новым разделом: «Литературное обозрение» (Борисов перепутал названия разделов). Об этих переменах Катков напечатал «Объявление» в декабрьской книжке журнала за 1860 г. и заметку «Несколько слов вместо современной летописи» в январской книжке за 1861 г.

[9] О проекте издания собственного журнала Тургенев, вероятно, только говорил Борисову. В сохранившихся письмах Тургенева об этом его намерении не упоминается.

[10] В январском номере «Русского вестника» за 1861 г. был напечатан рассказ Марко Вовчка (Мария Александровна Маркович, 1834—1907) «Лихой человек» (стр. 361—428).

[11] Степан Степанович Громека (1823—1877), приятель Фета, в конце 50-х годов служил начальником жандармского дивизиона Николаевской железной дороги (о нем см.: *Фет*, ч. I, стр. 193). В 60-х годах сотрудничал в «Отечественных записках», «СПб. ведомостях», «Современнике» и «Русском вестнике». Его замечание о Маркович связано с тем, что первый ее сборник «Народні оповідання» (1857) вышел на украинском языке.

[12] В «Свистке» (№ 7, приложение к № 1 «Современника» за 1861 г.) было напечатано сатирическое стихотворение «Мысли журналиста, при чтении программы, обещающей не щадить литературных авторитетов», в котором Тургеневу посвящено четверостишие:

Дорог ужасно Тургенев,
Публики первый герой —
Эта Елена, Берсенев,
Этот Инсаров... ой-ой...

[13] С. Н. Толстой с 1850 г. состоял в гражданском браке с тульской цыганкой М. М. Шишкиной и обвенчался с ней в 1867 г.

7

12 окт./61. Новоселки.

Счет потерял дням со времени Вашего отъезда, добрейший, милый Иван Сергеевич, и едва ли не всякий день, вспоминая об Вас, намеревался засесть и строчить Вам бесконечное послание. Вы уехали так нежданно — хотя и предваряли о Вашем замысле заранее, но всё вышло как-то для меня врасплох, — и грустно и жалко, и ждать Вас до весны долго; но спасибо Вам за эти строки обещания, в апреле к нам.[1] Бог даст, к тому времени всё повеселеет, всё подвинется вперед и если не вылезем совсем на гору, то по крайней мере с самой кручи-то выберемся. Мы виделись последний раз на Мировом съезде, и Вы отчасти уже знакомы с этим ареопагом — нужно ли Вам поведать, что мое дело и до сегодня не решено и разумеется никогда не решится, — видел, что всё это состоит только в надувании, и с ослиным долготерпением отдавался на судилище — пока осень не оторвала меня в поле за русаками и я всякий день, как только есть малейшая возможность, сажусь на коня, беру на свору Ведьму, Аргуна и *иных* и вдвоем с Максимом, страстным охотником, езжу по нашим окрестностям — обглядишь все овражки и канавки, так и кажется, вот-вот тут лежит. Прохлопаешь — нет, далее смотришь на зеленях — нет, — жнивье высокое, хлоп и лежит — травлю уже не расскажешь.

Поедемте когда-нибудь. — На днях проезжал к Никольскому.[2] Боже мой, какая безжизненная пустыня — ни одной птички даже не вспугнули, а бедному Николаю Толстому и эти места были милы и он перед смертью вспоминал об них с любовью. — Мы живем почти в совершенном уединении. — Да, надо Вам рассказать про наш дом. Только 16 сент‹ября› к вечеру мы перебрались в него, и я действительно после шестимесячной тормошни *опочил* от трудов. 17 справляли торжество из торжеств.[3] На дворе была буря. Лил дождь, и потому многие обещавшие к нам не прибыли, в добавление всего в Синявский паром вцепилась купальня Фон-Дрелинга, которую сорвало водой, и чуть не потопила парома. Юный фермер [4] был в отличном расположении и очаровывал всех. После обеда он толковал П. П. Новоси‹льцеву› [5] о плодопеременных хозяйствах — засели и играли действительно в ералаш.

Жалели мы, что нет Вас, милейший Иван Сергеевич, и Вы бы вспрыснули наше новоселье, но подождем весны, напитаю млеком тельца и уже теперь зову я Вас.

У Ваших в Спасском давно не был — постыдная охота мешает, и потом действительно я с каждым днем делаюсь грибом и это невольно

всякий день, вечер, утро вижу, что надо быть дома без отсут‹ствия›. Вчера из Спасского возвратился садовник Фета, везет воз молодых кленков, ясенков и вечного деревца из Чаплыгина — вот и степь порастет со временем. Я Фету дал совет назвать свой лесок Чаплыгин. Николай Николаевич и все Ваши здоровы, как только немного подкует морозом, отправимся их проведать. Феты помышляют уже об Москве, чтоб по снежку в путь. Он уж не так сильно бранит Москву — знать и в деревне скучно. Жена навещала их и нашла, что Степановка всё хорошеет. Марья Петровна делается отличною хозяйкой, всё у них идет хорошо и ладно. Он неутомимо сооружает себе поместье Степановку — это его мысли, и это-то поддает всё новые и новые силы. По его письмам можно слышать, что там за шум и говор рабочий, и стройка, и молотьба, и копанье, а всё еще ему мало. — Недавно в наших местах был Ник. В. Калачев,[6] у него смежно с Фатьяновкой имение и остается десятин 300 превосходної земли; крестьян уже отделил *уставной грам‹отой› полюбовно*. Это была *первая* порешенная Николаем Никит‹ичем›.[7] И это-то имение, в котор‹ом› есть хороший дом, Калачев продает по 55 р. за д‹есятину› — почти в половину, что дали за Степановку, но главное от Новоселок 6 верст, а от Вас верст 20. Не досадно ли теперь на нетерпеливого Фета, всё его суета и что хуже, всё это наделала *статья* «Современника».[8] С того дня, как прочел — он бросился из литературы в фермерство, — это истина верная. Не пишу Вам ничего о Варшаве, Петербур‹ге› и Москве. Университеты закрыты.[9] Всё это сильно тревожит и нас — не хорошо. — Никол‹ай› Никитич, который теперь постоянно с помещиками и мужиками возится, говорит, что *дух нехорош*, немудрено, всегда припахивало, а как поворочали — завоняло. Надо надеяться, что для будущего по крайней мере выйдет удобрение. Недаром мой Петруша всё поет веселые песни, может его сердечко маленькое чует в будущем светлую жизнь. — Журнал «Ясная Поляна» отложен до 1-го января.[10] Л‹ев› Н‹иколаевич› ни мне, ни Фету не пишет ни словечка — только недавно прислал письмо Петру Ив‹ановичу› Бор‹исову›.[11] *Журналы* ничего не дали порядочного. Одна Наденька учитывается всем, но и она уже понемногу удаляется. Зато «Большие ожидания» Диккенса всех нас усладили.[12] Такая прелесть, такие лица Пип, Джо — но Вы верно уже прочли. Вспомните мистера Покета — это *я*. Так и поднимаю себя за волосы.[13] Что за осень у нас — божественная. Когда принимается ветер и заберемся в лес с обсыпавшимися листьями, то не нужно и лета. Вальдшнепов было мало, но они и до сегодня еще держатся. Милый, добрейший Иван Сергеевич, если б Вы знали, как порою жалеешь, что судьба так Вас мечет и нет у Вас корня. Когда Вас дождешься! Дай бог Вам всего лучшего, уладить дело на счастье и возвращаться к нам. Жена Вам кланяется, а я Вас крепко обнимаю. Ваш

И. Борисов.

Адреса Вашего не знаю и Фет тоже и пишу poste restante.

[1] См. письмо Тургенева к Борисову от 28 августа (9 сентября) 1861 г.: *Письма*, т. IV, стр. 284.

[2] Никольское-Вяземское имение в Чернском уезде Тульской губернии, принадлежавшее Н. Н. Толстому (см.: Н. Пузин, С. Толстой. Никольское-Вяземское — родовое имение Толстых. «Яснополянский сборник», Тула, 1965, стр. 157—171).

[3] 17 сентября ст. ст. — день именин Надежды Афанасьевны Борисовой.

[4] Тургенев и Борисов постоянно подсмеивались над увлечением Фета сельсхозяйственными преобразованиями

[5] Петр Петрович Новосильцев (1797—1869) — крупный помещик Чернского уезда, Тульской губернии, камергер, действительный статский советник и рязанский губернатор. Был близким другом семьи Борисовых (см.: *Фет*, ч. I, стр. 222 и 281).

[6] Николай Васильевич Калачев (1819—1885) — историк русского права, сосед Борисова по имению.

[7] Николай Никитич Шеншин был выбран в 1861 г. мировым посредником между помещиками и крестьянами по Мценскому уезду Орловской губернии.

[8] Речь идет о статье Д. Л. Михаловского «Шекспир в переводе г. Фета», напечатанной в № 6 «Современника» за 1859 г., за подписью «М. Лавренский».

[9] Об этом же писал Тургеневу П. В. Анненков 22 октября (3 ноября) 1861 г. (см.: *Письма*, т. IV, стр. 590).

[10] Первый номер журнала «Ясная Поляна» вышел 5 (17) февраля 1862 г.

[11] Письмо Л. Н. Толстого к Пете Борисову, которому тогда было три года, неизвестно.

[12] Русский перевод романа Чарльза Диккенса «Большие ожидания» печатался в «Русском вестнике» за 1861 г. (№№ 2—8).

[13] Герой романа Диккенса, мистер Покет, когда был чем-нибудь обеспокоен, запускал «обе руки в свои растрепанные волосы и, казалось, делал самые странные усилия, чтобы приподнять себя» (гл. XXIII).

8

С Новым Годом поздравляем.

25 дек./61. Новоселки.

Добрейший Иван Сергеевич, еще вчера, снаряжая елку Петруше, получил Вашу весточку и мысленно благодарил Вас за милые и дорогие мне Ваши строки.[1] Вы как будто сами нас навестили, и я, развешивая по веткам разные несъедобные сласти, переносился к Вам, со всеми горькими и печальными переживаниями уединеннейшей нашей жизни. Недели две уже всё сбирался к Вам писать, да видно метели мешали. С самого праздника нашего Иеремии бури гудели и днем и ночью и еще сильней самого пророка наводили печальные ожидания от будущего.[2] Действительно времена трудные. До сих пор всё идет дело разрушения. Старых идолов кувыркаем, а новых не придумали. Впрочем за 1000/л‹ет› то же было, а вот прожили. Проживем и еще как-нибудь тысячку, и еще всадят памятник. Не знаю, откуда Фет узнал но уверял, что Шевченку тоже врезали на п‹амятнике›.[3] Самые хитрые хохлы посмотрят — будут

спрашивать: чи это Тарас, чи это Ничипор. Какая это «нищетою богатая»[4] бедность.

Университетские беспорядки подняли преудивительные споры. Но Вы вероятно сами прочли — развязки еще нет — все ждут с замиранием.[5]

Проектам несть конца.[6] Жалобы на разные старые новые порядки печатно воют. О помещиках пишут уже с некот‹орым› сожалением: ну что ж, в самом деле надо им, бедным, как-нибудь помочь. Первым наставником явился Щедрин. Но его поучения вызвали и возражения и ругательства, и сам он написал уже в «Соврем‹еннике›» какую-то «Клевету» [7] и в ней-то хотя не сопит, как Р.,[8] но злостно рыгает на всю публику. Добрые же советы помещикам застряли на том, что *Бобчинский* говорит Добч‹инскому›: «нет, Петр Ив‹анович›, это я сказал Э!» [9] — Непременно-таки хотят устроить и союз дружбы и именины сердца помещиков с мужиками. Несколько умилительнейших сочинений есть уже в «М‹осковских› вед‹омостях›». Неужели в настоящее время простительно заниматься подобной чепухой и кулаками выжимать слезы лжи. Зачем? и для кого? Скорей уж попадут такой пулей комару в правый глаз (как говаривал Фадеев на Кавказе), чем такими комедиями умилять сердца мирской сходке.[10] Они себе не вылезут из круга своего (свиного настроения). Всё однако ж у нас и покойно и тихо. Воровство по-старому, *тихонечко полегоньчку*, как выразился недавно старик Яков Мосин, когда его поймали, что вырубил наши березы из аллеи. Всё слава богу под Амченском [11] ползет по-прежнему. Дороги покрыты обозами без конца, и мимо нас тянутся беспрерывно днем и ночью. Часто в сильнейшие метели я всматривался, как клячонки вытягивались перед окнами на гору. Людей не видно, а собаки провожают. Всё хорошо. К Новому Году по обычаю с журналами прибыли кучи объявлений и обещаний, и съестных и литературных, и я люблю их созерцать, и тут прогресс: чайный торговец Орлов предлагает чай зеленый — жемчужный златовидный. Это уже, согласитесь, более соблазнительно, чем и самый лучший Лянсинь Сио — Фасон Нанджин. А вот объявление крупными строками, так и слышится голос ноздревского приглашения: ну, скотина, бери же Шлоцера переводы,[12] давай деньги-то вперед. А есть и с тонким обращением: мы ничего никогда не обещали... Не могу, хотел было воздержаться, но нельзя Вам заранее не поведать о восхитительной статье Фета: «Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство».[13] Ничего не выдумано, все истинная правда. Но всё это передано неподражаемо, фетовски. Боюсь однако, что злодеи пожалуй скажут, что автор не бросается уже с 14 этажа, но летит еще выше, выше.[14] Я был в восторге, слушая его. Вы же из его писем уже знаете, в каком оно духе. Скоро весь плач Иеремии прольется на страницы «Р‹усского› в‹естника›». Катков уже взял.

Из Москвы мы получили еще только одно письмо, и оно обещает многое впереди. Он уже отыскивает моральные ресурсы для себя и бросается куда? К Энгельгардт. Поэтому представьте же себе, что такое для него Москва. Сестры Э‹нгельгардт› обдают его свирепой ерундой и он вешает нос...[15] Для начала недурно. Не знаю, милейший Иван Сергеевич, испытываете ли Вы то наслаждение, какое вот я двадцать лет

от нашего натурального лирика. И чем плач его слышится сильнее, тем лучше для него. Без этого нет ему и жизни. Окружите его всевозможными довольствами и со всех сторон безмятежным покоем — и он тотчас умрет и морально и физически. Посибаритничать он может только минуту где-нибудь в Спасском или на охоте где-нибудь в лесу, но не долго — нужно или в эскадрон или в Степановку. Нынешним летом познакомился я с одним м‹олодым› человеком механиком — устраивал нам молотилку, скромный, тихий, неглупый и малограмотный, но с жаром о всяком столпотворении. В ноябре привозит он тетрадку: *Стихотворения Розанова* — и открывается, что он поэт, — представил его к А‹фанасию› Афан‹асьевичу› — было чтение и строгий разбор, кончившийся хохотом там, где поэт Р‹озанов› плачет. Но все-таки Афоня нашел в нем *искру*. Разгорится ли и будет ли что? Неизвестно.[16] Но родился он на Зуше, в таких местах, где по Апол‹лону› Григорьеву — только и рождаться русс‹ким› поэтам.[17] — Стал было читать «Молотова»: в высланной нам книжке «Совр‹еменника›» повесть эта *без начала*, но прочту.[18] Об Вас по случаю *повести* ожидаемой было уже несколько звуков. А как мы ждали ее нетерпеливо, самих-то Вас — милый Иван Сергеевич, до апреля ‹ждать› еще долго. Жена Вам ‹шлет› усерднейший поклон, а Петрушка Вас помнит и, когда играю с ним в шах‹маты›, спрашивает, «а как Ив‹ан› Серг‹еевич› играет?» Обнимаю Вас крепко.

Ваш И. Борисов.[19]

[1] Письмо Тургенева к Борисову от 11 (23) декабря 1861 г. (*Письма*, т. IV, стр. 315).

[2] 23 ноября ст. ст. — день рождения Фета. За свойственные Фету мнительность и склонность к мрачным предчувствиям друзья в шутку называли его пророком Иеремией, которому в Библии принадлежит «Книга плача». 11 (23) декабря 1861 г. Тургенев писал Борисову: «Я получаю изредка письма от этого милого смертного; он в них плачет подобно Иеремии...».

[3] В это время шла подготовка к установлению в Новгороде на Кремлевской площади памятника «Тысячелетию России». В мае 1859 г. был проведен конкурс проектов, на котором первую премию в 4000 руб. получил скульптор М. О. Микешин. Строителем памятника был назначен инженер генерал-майор В. Д. Евреинов. Открытие состоялось в августе 1862 г. Подготовка проекта проводилась еще при жизни Т. Г. Шевченки, и поэтому Микешин первоначально не включил его имя в список группы писателей, барельефы которых должны были находиться на памятнике. Но после смерти великого украинского поэта (26 февраля ст. ст. 1861 г.) он поместил его имя в раздел «Писатели и художники». Это вызвало неудовольствие Александра II, и он приказал вычеркнуть имя Шевченки (см.: Е. Левинфиш. Тарас Шевченко в творчестве Микешина. «Искусство», 1954, № 2, стр. 51—54; А. Г. Захаренко. История сооружения памятника «Тысячелетию России» в Новгороде. «Ученые записки Новгородского пединститута», т. II, вып. 2, 1957, стр. 66—68). О намерении Микешина поместить на памятнике барельеф Шевченки стало известно из «Месяцеслова на 1862 год», изданного Академией наук. В Приложении к нему было помещено «Описание Памятника тысячелетию России», где в разделе «Писатели и художники» стояло имя Шевченки

(стр. 73). Там же был напечатан некролог поэта, заканчивающийся словами: «Россия потеряла <...> гениального поэта, горячего патриота, даровитого художника и благородного человека, и он удостоился быть помещенным в барельефе памятника тысячелетию России, воздвигаемого в Новгороде» (стр. 150).

[4] Слова из молитвы Николаю Чудотворцу.

[5] Речь идет о закрытии Петербургского университета и увольнении всех учащихся в нем студентов «впредь до пересмотра университетского устава» («Московские ведомости», 1861, 23 декабря ст. ст., № 282).

[6] Дискуссия о системе университетского преподавания была отражена в статье «Замечания о русских университетах» за подписью Н. Л. («Московские ведомости», 1861, 21 и 22 декабря ст. ст., №№ 280 и 281).

[7] Очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826—1889) «Клевета. (Посвящается добрым моим приятелям)» напечатан в «Современнике» (1861, № 10, стр. 661—680).

[8] Возможно, что речь идет о статье «Русский врач», подписанной инициалами Р. В., в первой части которой Борисов мог усмотреть обидные намеки на Тургенева в связи с его частыми выездами за границу (см.: «Современник», 1861, № 10, стр. 575).

[9] Цитата из «Ревизора» (действие I, явление 3).

[10] В «Московских ведомостях» этого времени неоднократно приводились случаи полного непонимания крестьянами своих новых отношений с помещиками и недоверия к их предложениям. В некоторых случаях для получения согласия крестьян подписать уставную грамоту приходилось прибегать к помощи войска. Такой случай «добровольного» согласия мирской сходки после того, как начальник губернии двинул войска в окрестности села, Борисов мог прочитать в «Московских ведомостях» (1861, 23 ноября, № 257, и 24 декабря, № 283 и др.).

[11] Амченск — простонародное название Мценска.

[12] Имеется в виду многотомная «Всемирная история» Ф.-К. Шлоссера (1776—1861). В 1862 г. вышли III—VI тт. русского перевода под редакцией Н. Г. Чернышевского.

[13] Речь идет о статьях Фета «Заметки о вольнонаемном труде», впоследствии напечатанных в «Русском вестнике» (1862, №№ 3 и 5).

[14] Борисов вспоминает слова Фета из статьи «О стихотворениях Ф. Тютчева»: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик» («Русское слово», 1859, № 2, стр. 76).

[15] Вероятно, речь идет о писательнице Софии Владимировне Энгельгардт (1828—1894) и о ее сестре Екатерине Владимировне Новосильцевой (ум. 1885).

[16] Стал ли Розанов впоследствии поэтом, неизвестно.

[17] Мысль о зависимости талантов от местности, из которой происходят наделенные ими люди, Ап. Григорьев (1822—1864) высказал в статьях «И. С. Тургенев и его деятельность, по поводу романа „Дворянское гнездо“» и «Несколько слов о законах и терминах органической критики» (см.: «Русское слово», 1859, №№ 3 и 5). Эту идею критик подтверждал разбором произведений Тургенева, Фета, Тютчева и Полонского.

[18] Повесть Н. Г. Помяловского «Молотов» напечатана полностью в № 10 «Современника» за 1861 г. (стр. 295—450). Очевидно, в экземпляре, полученном Борисовым, не хватало нескольких страниц.

[19] На это письмо Тургенев отвечал 19 февраля (3 марта) 1862 г. (*Письма*, т. IV, стр. 343—344).

9

Новоселки, 22 февр./62.

Здравствуйте, добрейший, милый Иван Сергеевич.

Фет уже возвратился и сиплым голосом рассказывает про Москву и всякие свои в ней похождения. На пути он дня три прогостил у Вас в Спасском и едва несколько деньков у нас в Новоселках. В Степановку! в Степановку! Но на счастье наше нужно было ему заняться окончанием своей статьи в «Р‹усском› вестн‹ике›»,[1] и статью кончил и нас усладил. Вот удовольствие жить за 60 верст — почти не видимся. Он еще покруглел, брюшко поприбавилось, ножки потолстели, но халат всё тот же. На Святую обещали к нам, чтоб скорей с Вами свидеться, но бог весть как это исполнится. Весна начинает проявляться — два дни шел дождь, и снегу остается мало, дунет теплый ветерок — и зимняя дорога исчезнет. Тогда поневоле все останутся по дворянским гнездам. Спешите возвращаться, а то многого уже не застанете. В письме невозможно передать Вам, как мало-помалу тают с снегом старые заботы, и не бойтесь, уже необходимо «стать отцом и матерью». Все стали сами о себе хлопотать — отсталых совсем не видно. Настоящее положение так для всех тягостно, что нельзя не желать лучшего. Дело крестьянск‹ое› туго ползет. Уставн‹ых› грамот много не подано. У нас в Мценском более всех покончено у Никол‹ая› Никит‹ича›, но и у него за этот год кончено менее $^1/_3$ и только *одна по согласию*.[2] У Вас всё было готово, и вероятно гр‹амоты› уже поданы. Я уже месяц тому как был у Ваших в Спасск‹ом›. Они зимой все переболели. Без Вас мне всегда бывает как-то грустно и так развивается желание видеть Вас. Дай-то бог, чтоб Вам хорошо жилось в наших местах. С нетерпением ждем февр‹альской› кн‹ижки› «Вестн‹ика›».[3] Фет говорил, что Вы многое переработали в романе. Теперь же прошу Вас прочесть, как оно было. Из новостей литерат‹урных› ничего нет сочного. «Кузьма» Островск‹ого› нисколько не прибавит ни ему славы, ни нам надежды в будущем от нашего Шекспира.[4] *По Кайданову*[5] более остается поэтической мглы от Минина, нежели из этих очерков, — там уж знаешь, что «Рука Всевыш‹него› Отечество спасла»,[6] и благо. В очерках более всего выясняется, чего нет в таланте Остр‹овского› и чего одним умом не сочинишь. Он слишком натура русская, то есть многие почки его корня здорового не раскрылись, а может и совсем пропали от русского капустного духа, и ему — как Бандышеву[a] итальянская музыка неодолима.[7] А уж как веет ветерок отлично. Борис Годунов да Онегин не дадут жить Кузьме Сухоруку. — Видно дело плохо, когда заговорят по божественному писанию, уж лучше — «иль краги по весне».[8] И какая безинтересная скучища в этой книжке. Мне досадно даже, я не того ожидал. Прочел № книжки «Ясной Поляны»,[9] вот тут совсем уже другое. Всё в ней, начиная с предисловия до последней (.) живой Л. Н. Толстой. Главная его мысль, что *свобода* должна быть основанием школьного обучения, доводит его до того, что он доказывает необходи-

[a] *Так в подлиннике, следует:* Бантышеву

мость стулья ломать, потому что А‹лександр› М‹акедонский› был в‹еликий› человек. Не знаю, что на это скажут присяжные педагоги. Но если ни у кого из народов до сего времени не было и нет ни школ, ни учителей, как он говорит, то при его системе, можно наверное сказать, еще менее можно создать таких людей. И несмотря на множество истинных, здоровых его мыслей, свободная его школа — мечта. Прелестные поэтические его рассказы не помогают, как доказательства главной его мысли — вывод всё один, у человека умного, отдавшего себя этому делу — будет так, у другого же будет чепуха — только вместо тишины крик и гам. Множество подмеченных им в детях тонких черточек он искусно вносит в свой рассказ. Вспомнить «Бежин луг», и там также живые дети. — Отдайте их нашему дьячку дубинистому Григорию с полной свободой для них учиться или не учиться — и наверное все останутся неучами и дикими пуще прежнего. Отдайте их хоть в Мценскую уездн‹ую› шк‹олу›, где в настоящее время истинный учит‹ель›: порядочный человек, и хотя нет той свободы, какую непременно требует Л. Н., наверное чему-нибудь выучатся и кто поспособней, как его Федя,[10] пойдет и далее. Словом Толстой желает *идеальную* школу, для которой — кроме Ясной Поляны — не может быть места на земле. С. М. Сухотин пишет мне восторженные клики об этой книжке — это значит Москва открыла Америку в Ясной Поляне. Но пока сами не прочтете, не верьте мне, записываю Вам прямо те впечатления, как они остались над только что прочитанной книжкой. Если мысли Толстова осуществимы — то мы действительно открыли Америку. — Но когда мы Вас увидим, милейший Иван Сергеевич — удастся ли Вам приехать до вальдшнепов. Две, три недели охоты может Вас поторопят, и какой охоты вернейшей в наших местах. Снегов мало и потому надо ждать, что высыпки будут кучные и не в его ‹*прб.*› земли. Фет уже готовится перебираться к нам, запасся новыми снарядами и сапоги привез, но *еще* не примерял. Мой Петька уже спрашивает: «а что Иван Сергеевич приехал?» По этому убедитесь, что мы Вас часто вспоминаем. Какие славные девочки выросли в ближней Волковой. Марья Никола‹евна›[11] совсем невеста и была первой звездой Мценских собраний. — Не даром прошлое лето мы бедствовали, дом оказался теплым *вполне* и нет возможности угореть — это не безделица. Теперь набивают парники — а в теплице давно подготовлены и арбузы, и огурцы, и дыни, и разная зелень. Жду от Вагнера цвет‹очных› сем‹ян› и опять предамся цветоводствам, над которым Фет с Н. Толстым так подтрунивали. Но что у нас в сравнении с Степановкой — там теперь, я думаю, Фет развел уже все пары и летит на всех парусах. Крепко жму Вашу руку. Жена Вам кланяется, и дай бог Вам здоровым поскорей к нам.

Сердцем Ваш И. Борисов.

[1] Начало цикла статей Фета «Заметки о вольнонаемном труде» было напечатано в № 3 «Русского вестника» за 1862 г., окончание — в № 5. Впоследствии Фет продолжал публиковать статьи на сельскохозяйствен-

ные темы, объединив их названием «Из деревни» («Русский вестник», 1863, №№ 1, 3, 1864, № 4).

[2] Н. Н. Шеншин был выбран мировым посредником по Мценскому уезду. Переход крестьян на новые отношения с помещиками проходил крайне затруднительно, все ждали «новую волю», и в газетах часто отмечались возникающие в связи с этим «беспорядки» (см., например, примеч. 10 к письму 8).

[3] В февральском номере «Русского вестника» напечатан роман «Отцы и дети».

[4] Драматическая хроника А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» впервые напечатана в № 1 «Современника» за 1862 г. Пьеса не была разрешена к постановке на сцене (в другой редакции была поставлена 9 декабря 1866 г.): народный, противобоярский дух пьесы в условиях крестьянских волнений, вызванных реформой 1861 г., казался цензуре опасным. Суждения Борисова о пьесе совпадали с мнением Тургенева: «Вот и „Минин“ не вытанцовался...», — писал он Фету 5 (17) марта 1862 г. (*Письма*, т. IV, стр. 351).

[5] Иван Кузьмич Кайданов (1782—1843) — профессор истории, автор учебников.

[6] Официозно-патриотическая пьеса Н. В. Кукольника (1834).

[7] Александр Олимпиевич Бантышев (1804—1860) — оперный певец Большого театра. Лучшей его партией была роль Торопки из оперы А. Н. Верстовского «Аскольдова могила» (1835).

[8] Неточно приведенная строка из стихотворения Фета «Гимн Аполлону и Диане» (XXI ода Горация, 1856). У Фета:

На Краге ль, по весне.

Эта строка вызвала возмущение Тургенева (см.: *Фет*, ч. I, стр. 36).

[9] Речь идет о январском номере журнала «Ясная Поляна» за 1862 г.

[10] В статье «Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» («Ясная Поляна», 1862, № 1, стр. 35—86) под именем Феди Толстой вывел ученика школы Василия Степановича Морозова (1849—1914), о котором ость упоминание и в сентябрьском номере журнала, в статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?» (о Морозове см.: *Толстой*, т. 8, стр. 541 и 624).

[11] Мария Николаевна Шеншина, младшая дочь Н. Н. и Е. Д. Шеншиных.

10

14 мар./62. Новоселки.

Авось еще застанет Вас в Париже мое послание, добрейший Иван Сергеевич. — Всё ждал вашего детеныша,[1] и только вчера вечером получили и начали... но пока расскажу Вам о моих похождениях в эти дни. — Во-первых, за Вашу весточку о себе дай Вам бог наилучшего здоровья. Я получил письмо Ваше через два дня, как послал свое, со всеми ответами и откликами на Ваши спросы. Необходимость по делам подняла меня из дому в Орел, и потому-то в ужаснейшую бурю по ухабам, зажорам, раскатам, колчаям, просовам[2] и проч. пр. прилагательным существующих наших дорог пробрался я на Степановку в самую Фетовку. Дорогою пробовал считать версты — невозможно, мука была убийственная. Спрашивал себя, что по доброй воле поехал ли бы я снова по этому пути за все деньжищи Фета? — *Нет*, даже и за весь его капитал не по-

ехал бы. Но зато в Степановке, при виде всей внутренности их домика — хлопочущей Марьи Петровны и самого Громовержца озабоченного новыми сооружениями, у меня взыграло сердце. Отогрелся и обсушился, словом свои дела и печали — как с гуся вода. С умилением слушал, что всё у них с приезда шло отлично, благоденствие и мирная тишина. Вдруг кучер новый, привезенный из Москвы, подрался с кем-то, и сумбур начался, и пошла катавасия. Тут-то я и прибыл — пособить нечем. Рассказал им про свои мелочные несчастья и этим много успокоил страждущего, и он повеселел, и долго мы просидели ночью и чего-чего не перетолковали. Читал он мне два стихотвор‹ения› новых — «Ранняя Весна», посланное Вам,[3] и «К Тютчеву».[4] Оба мне понравились — напоминают молодого Фета и Весну, просыпающуюся под снегом. Вспоминали Вас, милый, добрый Иван Сергеевич. Ждем Вас — ждали и детеныша, но и Фет еще не получил «Р‹усский› в‹естник›». Посмотрел я и на Ваш портрет — живей напоминать Вас невозможно. Молодцы люди — изобретатели, т. е. французы, немцы и пр.[5] Англичане да и мы уже сделали великое открытие, даже в газетах пропечатано — кто-то из хохлов придумал *Самокат*.[6] Новый двигатель, дешево и сердито. Не нужно пару, ни воды, ни дров — от смеха катает. В П‹етер›бурге делали опыты вполне удачны. — В Орле был у губернатора, от передней до приемной и залы — толпы просителей, убитые и злые лица — в глазах желчь, в руках бумаги, — а что в этих бумагах написано, о том гласность пока молчит. Только несколько чиновников с портфелями докладов равнодушно и весело шушукали между собою. Только им в настоящее время всё равно. Вечером просидел час у Кривцова[7] и прислушивался, как в его нутре сипела вся утроба. Он отжил, и уже старый, запаленный конь, догорает. Звал меня в клуб, но не поехал — и жалею теперь, быть может увидел бы там *Павла Петровича*, *Аркадия* (хоть Карпова)[8] с *Базаровым* и Ситникова. И отцы и дети бывают в клубах, но грязь, дождь, усталость и *покупки* направили меня по разным мытарствам и наконец в постель Самсона.[9] А утром вода грозила отрезать от Новоселок. Поскорей лошадей и в путь. Когда проезжали через мост, то перекидывали толстейший канат и арестанты готовились начинать ломку, только поджидая, чтобы поднявшийся лед начал сам эту работу. — Теперь слава богу дома. Третьего дни был в Мценске, возвращался рекою и почти уже плыл, а сегодня вода поднялась с берегами. Конец разъездам, и мы в 30 верстах от города — читаем вместе и наслаждаемся Вашим детищем, — окончив, допишу и пущу к Вам на авось...

15 марта, вечер, 10 ч. Часа два уже как «Отцы и дети» нами прочтены. Не знаю, что Вам и сказать еще. Это и времени слишком было мало, чтоб мысленно беспрерывно благодарить Вас, милый, добрый Иван Сергеевич, за глубочайшее наслаждение. Богатырские силы вырвали из живой жизни страницу, и эта наша жизнь прояснилась. Вот что пока скажу Вам за себя — отдыхайте, отдыхайте, добрейший Иван Сергеевич, и скорей к нам. После этого можно вам долго не браться за перо. Но бог Вас ведает — не ждать от Вас нельзя, а теперь кажется — чего ждать-то далее, и этого хватит на долго, долго вперед. Героев, Героинь нет —

но все до единого существа на Ваших страницах Герои нашего времени — и верно переживут многие поколения, как пара галок не эмансипируются в наших Е‹вгениях› Турах.[10] Пишу сегодня же и к Фету[11] — и хотел бы кажется обегать всех знакомых и каждому сказать: читай-читай. Боялся одного, узнав, что Вы перерабатывали, чтобы Вас не сбили советом, но вот оно теперь есть — и нет слов хвалебных — знания и истина во всем — верность, ясность — написалась не только живая природа, но люди-то живые до крови и до страшного мгновения вечности, в которую как бы искра освещает непроницаемый мрак. Отдыхайте, голубчик милый, я на Вас теперь смотрю глазами Арины Власьевны[12] и мысленно Вас обнимаю.

И. Борисов.

Если успеете, дайте весть, *когда* Вас ждать, — Фет на Страстной, т. е. около 1-го нашего апреля, у нас, в Новоселках.

[1] «Отцы и дети».

[2] См. примеч. 7 к письму 6. — Колчаи — кочки, в Толковом словаре В. И. Даля «колчева́тый» объясняется как «кочковатый» (т. II, стр. 145).

[3] Среди известных нам произведений Фета стихотворения «Ранняя весна» нет. Вероятно, речь идет о первой редакции стихотворения «Какая грусть! Конец аллеи» (*Фет, ПСС*, стр. 692—693), посланной Фетом Тургеневу в марте 1862 г. Свое впечатление о стихах Тургенев высказал В. П. Боткину 14 (26) марта 1862 г. (см.: *Письма*, т. IV, стр. 356).

[4] Стихотворение «Ф. И. Тютчеву», начинающееся словами «Мой обожаемый поэт!», на которое Тютчев ответил стихотворением «А. А. Фету» («Тебе сердечный мой поклон...»), см.: *Фет, ПСС*, стр. 362 и 789.

[5] Еще в марте 1860 г. Тургенев, обещая Борисову и Фету прислать свою фотографию, писал: «...я нарочно для вас заказал у Деньера» (*Письма*, т. IV, стр. 54). В последующих письмах о присылке этой фотографии упоминаний нет. Возможно, что она была передана Фету во время приезда Тургенева в Россию летом 1861 г. и Борисов пишет именно о ней.

[6] «Духовой самокат» был изобретен Степаном Ивановичем Барановским. В начале 1862 г. «самокат» возил поезда по Николаевской железной дороге. Способ добывания «духовой силы», поступив в распоряжение Морского министерства, был забыт и затерян. О своих открытиях Барановский писал в «Морском сборнике» (1859, № 4, и 1862, № 7).

[7] Быть может, речь идет о Василии Николаевиче Кривцове, уездном мценском казначее.

[8] Аркадий Дмитриевич Карпов — брат Елизаветы Дмитриевны Шеншиной. По словам Фета, «губернский умница и передовой» (*Фет*, ч. I, стр. 4). Об А. Д. Карпове и его брате Николае Дмитриевиче см.: Н. М. Ч е р н о в. Уездный прогрессист — Н. Д. Карпов. — *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 272—274, где на стр. 273 опечатка: «‹Н. Д.› Карпов», вместо «‹А. Д.› Карпов».

[9] Подразумевается гостиница в Орле.

[10] В XXVI гл. романа есть следующее место: «Прощай, брат! — сказал он ‹Базаров› Аркадию ‹...› и, указав на пару галок ‹...› прибавил: — Вот тебе! изучай! — Это что значит? — спросил Аркадий. — Как? Разве ты так плох в естественной истории или забыл, что галка самая почтенная, семейная птица? Тебе пример!..».

[11] В письме к Фету от 16 (28) марта 1862 г. Борисов писал об «Отцах и детях»: «Дело сработано богатырскими силами — умно, истинно верно, мастерски сшито — словом прелесть. Нет, он не выдыхается. Эмансипированные женщины его зажалят, если только остались у них еще зубы, — раздражил же он их. ‹...› Даже галки клюют глаза Турихам» (*ИРЛИ*, 20272.CXXXVIIб.5, лл. 29 об.—30).

[12] Арина Власьевна — мать Базарова из романа «Отцы и дети».

11

‹19 июня 1862. Новоселки› [1]
Вторник, *только что пообедали.*

Получил вызов от Петра Афанасьевича ехать в Орел и немедленно отправляюсь. Оставляю эту записку на случай приезда Вашего посланного до моего возвращения, и если ее получите, то значит я застрял в Орле и не могу с Вами в Степановку. Если б Вы знали, что это такое за пытка: за обедом была окрошка. О! Зачем, зачем... Как бы хорошо было остаться дома или даже вчера ещё уехать бы с Вами в Степановку.[2]

Но авось до четверга или пятницы Вы *не соберетесь*, а я успею возвратиться, тогда уж с Вами в Степановку.

Ваш несчастнейший
И. Борисов.

Воскресенье. 24 ‹июня 1862›.

Изволите видеть, Иван Сергеевич, что и меня постигли подобные Вам препятствия. Брат Петр А‹фанасиевич› вызвал меня в Орел *по делам*. Там пока делать было нечего, и мы вернулись в Новоселки. Ждем, когда уведомят, чтобы явились в Орел. Аф‹анасий› Аф‹анасиевич› проедет прямо к Вам. И мы, как только я возвращусь из Орла, будем у Вас. — Слышали ли, что графы Ростовцевы замешаны в поджогах.[3] Читали ли «М‹осковские› в‹едомости›» о запрещении газет «День», «Русское слово» и «Современника» тоже.[4] По этому случаю Фет должен будет выставить для залпов три батареи. Ваши предчувствия оправдались. — Вчера и всякий день я рыщу по делам и авось к середе буду свободным.[5]

Жена и брат Вам усерднейше кланяются.

Преданный Вам
И. Борисов

[1] Датируется по связи с письмом Тургенева к Фету от 22 июня (4 июля) 1862 г. (*Письма*, т. V, стр. 19).

[2] Тургенев, который в это время жил в Спасском, собирался ехать к Фету, но по разным домашним обстоятельствам откладывал свой отъезд.

[3] Речь идет о пожарах Апраксина и Щукина рынков в Петербурге 28—30 мая 1862 г. Причина пожаров осталась неизвестной, но многочис-

ленные слухи передавали вести о поджогах (см.: *Письма*, т. V, стр. 496, примеч. 4 к письму 1235).

[4] О прекращении издания газеты «День» и журналов «Современник» и «Русское слово» см.: «Московские ведомости», 1862, 21 июня, № 135. Тургенев писал Анненкову 12 (24) июля 1862 г.: «Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочел о прекращении „Современника“. Вспомнилось его основание, Белинский и многое...» (*Письма*, т. V, стр. 25).

[5] 29 июня в пятницу открывалась охота, в которой Борисов, Тургенев и Фет предполагали участвовать; очевидно, в среду 27 июня они все должны были съехаться в Спасском.

12

26 ок./62. Новоселки.

Не раз уже меня потягивало на писание к Вам о множестве маленьких событий в наших краях, добрейший Иван Сергеевич, и до сегодня не удалось — и месяца три прошло. Где, где я Вас не вспоминал — и дома, и в Спасском, и в Фетовке, и в степях Воронежских, когда глядел на необозримые поля пшеницы, стоявшей тогда в бесчисленных тысячах копен. Что это не фраза, то судите по тому, что у Петра Афан‹асьевича› слишком 4500 насчитано, а он что за богач. Потом с половины сентября, оставив всё — и дом, и жену, и сына — и пригласив старого Вашего Афанасия[1] с гончими, пустился в отъезжие поля за волками. — О боже! что это было за бедственное удовольствие. Выступили мы в поход как раз после какого-то праздника Спасского. У Вас в Спасском строго еще наблюдают Церковный календарь, а Афанасий ко мне прибыл таким Кутузовым, что кроме Бородина ничего и не надеялся, и действительно дней 10-ть прошли, что я стоял и умирал на лазах, ничего не видя и не слыша, кроме ветра. Погода убийственная, холод, чичер[2] и буря. Охотился я вместе с Сухотиным С. М., мало-помалу все мы однако подавались вперед и забрались к Дьякову в Черемошню.[3] Они Вас оба очень полюбили и, разумеется, узнав, что с нами Афанасий, Ваш неизменный спутник, познакомились с ним. В Черемошне были уже слухи, что Л. Н. Толстой будто женится. Дня через три Дьяков, заехав к нам, объявил, что получил восторженное письмо из Ясной Поляны, и они уже там, и вот Вам неожиданнейшая развязка Льва Ник‹олаевича›. Он должен так перемениться, что никто его не узнает, и всё это к лучшему, его — я в этом уверен — пропадет это необъяснимое его беспокойство, переходившее на каждого к нему близкого. Жена его, говорят, прелесть, красавица и 17 лет! Но всё это может к Вам придет уже не новостью. — Я уже недели две как снова исчезал и пропадал в полях и только вчера с морозами вернулся домой. Пришла зима, идет снег, вся наша округа поднимается в Москву и другие столицы. Феты 1-го ноября хотят выехать, и мы с ними не увидимся, потому что едут на Орел в почтовую карету. Шеншины тоже поднимаются. На днях Елиз‹авета› Дмитр‹иевна› с Марьей Ник‹олаевной› заезжали к нам, в Москву, в Москву! А в Орле выборы, долой всех старых предводителей и испра‹вников›. Хотят новых. — Читали ли Вы в 8 № «Р‹усского› вест‹ника›» конец «Прошлого лета в де-

ревне» Безыменного,[4] не читайте, если не читали — скучная правда, но прочтите занимательнейшие «Записки из Мертвого дома», рассказ каторги.[5] Такой рассказ, что кажется, сам побывал в этом аду — кандалы звякают, и никакая уединенная тюрьма не сравнится с нашей каторгой. — Поздравляю Вас с *гласными* судами, проститесь с исправниками, Цурикова[6] не будет, как же мы будем жить без становых! Неужели я сегодня в последний раз видел станового — приезжал получить, т. е. взыскать подати за дворовые души. С удовольствием отдал ему 25 р. 95 к., и это последняя дань душевая. У нас будет не жизнь, а блаженство, со временем только, т. е. лет через 50, но не прежде, в этом всякий день, всякий час убеждаюсь, и то слава богу, если будет так скоро. Дикие мы люди. Фету только простительно было устроить *ферму*. Он дитя, т. е. поэт, а потому и слышите вы постоянный его плач и крик иль «Краги по весне».[7] Когда дождемся Вас в Новоселки, то Вы увидите много новенького — насадил множество кустарников и деревьев — пропасть грушбессемянок — разных слив. — От Вагнера из Риги выписал такую клубнику, что только три ягоды уклад‹ываются› на тарелку. — Приезжайте смотреть, как Фет будет над нею сидеть с сверкающими очами. На земляннику он тетерев и когтит ее, как ольшаный ястреб. — Малины, смородины, крыжовники — всё это исполинское и, должно быть, объядение — и дыни, и арбузы новейшие, и цветы тоже, одним словом, приготовляюсь с яростью садоводствовать. Даже дорожки каменные перерабатываю по новому способу, и поэтому терпеливо буду переживать зиму в Новоселках, поджидая весны. Что-то Вы поделываете, милейший Иван Сергеевич, где Вы? Здоровы ли? Пишите ли что новенького. Дайте о себе хоть коротенькую весточку и оживите надеждой увидеть Вас весной. — Говорили, что у нас нет *Кукшиных*,[8] теперь же явились такие барыни, что Ваша Кукшина перед ними струсила бы, и это у нас в Мценске. Вот это прогресс. Жаль, что не могу Вам говорить, а пишу — и потому и кончаю, крепко, крепко пожав Вам Вашу руку.

И. Борисов.

Жена Вам кланяется. Она всё хворает, но Петька мой растет молодцом.

Не забудьте запастись Вашим портретом, он давно мне обещан. Ваш дар — плата моя, а то Вас разорим.[9]

[1] Афанасий Тимофеевич Алифанов — неизменный спутник Тургенева по охоте, которого он изобразил в «Записках охотника» под именем Ермолая.

[2] Чичер — резкий холодный осенний ветер с дождем, иногда со снегом. Выражение встречается в тульской, орловской, тамбовской и рязанской губерниях ‹см.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, 1882 (1955), стр. 609›.

[3] Черемошня — имение помещика Дмитрия Алексеевича Дьякова (1823—1891) в Новосильском уезде Тульской губернии.

[4] В «Русском вестнике» за 1862 г. (№№ 2, 3, 5—7) печаталась хроника С. Безыменного «Прошлое лето в деревне». В № 8 помещено окончание этого произведения.

[5] Полностью «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского были впервые напечатаны в журнале «Время» (1861, №№ 4, 9—11, и 1862, №№ 1—3, 5, 12). Ранее публиковались отдельные главы этого произведения в газете «Русский мир» (1860, 1 сентября, № 67, и 1861, 4 января, № 1, 11 января, № 3, 25 января, № 7).

[6] Павел Николаевич Цуриков — исправник Мценского земского суда.

[7] См. примеч. 8 к письму 9.

[8] Кукшина — сатирический образ эмансипированной дамы в романе «Отцы и дети».

[9] На это письмо Тургенев отвечал 3, 22 декабря ст. ст. 1862 г. *(Письма*, т. V, стр. 79—80).

13

22 ноября ‹1862›. Новоселки.

С месяц уже как написал Вам послание,[1] добрейший Иван Сергеевич, не знаю, дошло ли оно до Вас или потонуло где — да и Вы-то сами где существуете. Бывало и в «М‹осковских› вед‹омостях›» нет-нет да что-нибудь об Вас пропечатают, или Фет молвит, а теперь ни слуху ни вести, а в Спасское никак не попаду — с тех пор как стала у нас зима, да какая еще. Реомюр совсем опустился от холода, и я начал усиленно прибегать к колдовствам Симона,[2] принимаю его порошки, но плохо помогают. Я ли виноват или Симон, не знаю. Скверная вещь головные боли, но что же делать. Знаете ли, кого я на днях видел? *Нового* Толстого Л. Н., он с женою на несколько дней приезжал в Никольское.[3] Она — прелесть хороша собой *вся*. Здраво-умна, проста и нехитроумна — в ней должно быть и много характера, т. е. воля ее у нее в команде. Он в нее влюблен до Сириусов, и поэтому ему кажется, что уже совсем переродился, — но всё это впереди, а пока он тот же. Правда, не такими глазами смотрит на мировых посредник‹ов›, как год тому, но это ничего не значит.[4] Только класса литераторов, писателей не терпит более прежнего — за их пустейшие самолюбьишки — и одному бы только дозволил быть писателем, и счастливец этот — А. Ф‹ет›, в которого Л. Н. более влюблен, чем когда-либо. — Из всего этого видите лучше, есть ли какие перемены. «Кавказский роман» будет напечатан в «Русс‹ком› вестн‹ике›».[5] — В июльской книжке «Ясн‹ой› Поляны» есть громовая статья против университетов наших вообще, и профессоров казнит без пощады. Правды много, но конец тот же, что и об школах, из огня попадешь в полымя.[6] Впрочем нынешним годом и журналу конец — продолжать не будет.[7] Школу же будет вести сам по прежнему пути. Нет, всё еще не успокоилась буря в его душе — притихла с медовым месяцем, а там наверно понесутся еще ураганы и *моря сердитого шум*,[8] как уверяет Фет. Бедный, бедный мученик. Вчера мы получили от него краткую записку о случайном несчастье, грозившем худшими последствиями. — Сходя с лестницы в д. Боткиных, он оступился и сильно расшиб и вывихнул руку. Пишет сам, что л‹евая› рука в каменной перчатке. Нас это просто напугало — но что тут поде-

лаешь.[9] Я уверен, что если мне придется прожить еще столько же, сколько уже прожил, то буду проводить время исключительно в ожидании, что вот, вот кто-нибудь гремит с 14 этажа вниз головой из остатков дорогих сердцу. — Про новости в проектах нечего Вам говорить, или уже знаете, или узнаете без меня, их много и, слава богу, всё хорошие. — У нас всё помаленьку улаживается. Посредники действуют тем же языком, т. е. ммыд'а или ммммн'е, только таким писаньем могу выразить тонкость их, но Вы утверждали, что и это еще хорошо. Поэтому и наши делишки землевладельцев ползут потихоньку — понемножку заявляют и *о выкупах*. Только вот что странно, в одних участках исключительно выкупа требуют *владельцы* обязательно — с потерею 20 процент., а в других, напротив, крестьяне сами желают и доплачивают от себя эти 20 проц. После февраля надо ожидать, что все крестьянские дела пойдут гораздо лучше и быстрей, а то всё еще остается надежда на казенные межи и прочие аброкодабры. В Орле скоро откроют выборы, к ним уже подготовляются и партии хлопочут. Сердца предводительские стучат усиленно, все притворяются, хамелеонят — словом жизнь губернская, уездная, деревенская оживилась. Аркадий Карпов, говорили мне, отчаянно болен — чем-то вроде чахотки горловой, вот, извольте судить по наружности. Кривцов тоже, говорят, еле-еле дышит помощью какого-то пузырька с кислородом или хлороформа, не знаю. Нарышкина[10] же господь милует — сопит еще молодцом. Умен — значит и ничто его не берет. — В ближайшей нашей округе возникают громадные здания — скоро, скоро Мценск закоптится от винокуренных заводов. Кто на 300/т. ведер, кто на 30/т., менее не знаю. Кабаков без числа заявлено — все помещики, и пока самые набожные, не иначе начинают это дело как молебном. Должно полагать, что Апполон Гр‹игорьев› скоро из Оренбурга перейдет в нашу сторону[11] и де Кокорева притянет.[12] То-то у Вас в Спасском будут справлять все Спасы, а Николай Николаевич что! Хочется мне взглянуть и на Вас, милейший Иван Сергеевич, в самую минутку высшего благополучия. Но всё это делается как-то полусознательно, на *авоську*. Когда же Вас-то ожидать. — Зимы кажется не будет конца, и солнце не поворачивается, и еще будут снега, снега, крещенские морозы, а там уже прилетит Фет, начнется весна и полетят вальдшнепы. Тут, наконец, поеду в Спасское встречать Вас, долго еще осталось ждать. Крепко обнимаю, будьте здоровы, это главное, и дайте весточку, не пишете ли чего хорошенького. Ваш неизменный И. Борисов.[13]

[1] Письмо 12.

[2] См. примеч. 3 к письму 6.

[3] Об этом же Толстой писал Фету 9 (21) октября 1862 г.: «Я две недели женат и счастлив и новый, совсем новый человек» (*Толстой*, т. 60, стр. 454).

[4] 16 (28) мая 1861 г. Толстой был назначен на должность мирового посредника от 4-го участка Крапивенского уезда Тульской губернии. 25 июня ст. ст. того же года он записал в своем дневнике: «Посредничество ‹...› поссорило меня со *всеми* помещиками окончательно и расстроило здоровье» (*Толстой*, т. 48—49, стр. 38).

[5] Речь идет о повести Толстого «Казаки», которая появилась в печати в январском номере «Русского вестника» за 1863 г.

[6] Речь идет о статье Л. Н. Толстого «Воспитание и образование» («Ясная Поляна», 1862, № 7, стр. 5—44; см. также: *Толстой*, т. 8, стр. 211—246).

[7] Последний, декабрьский номер «Ясной Поляны» за 1862 г. был разрешен цензурой только 22 марта 1863 г. 17 января 1863 г. в «Московских ведомостях» (№ 13) Толстой поместил объявление «О прекращении издания педагогического журнала „Ясная Поляна“».

[8] Вторая строка стихотворения Фета «Буря на небе вечернем» (1842).

[9] Об этом см.: *Фет*, ч. I, стр. 358.

[10] Вероятно, речь идет об Алексее Ивановиче Нарышкине (1795—1868), соседе Борисова по имению, о котором он писал Тургеневу и позднее.

[11] Намек на чрезмерную склонность Ап. А. Григорьева к спиртным напиткам. В это время он находился в Оренбурге в качестве преподавателя русского языка и словесности в кадетском корпусе.

[12] Василий Александрович Кокорев (1817—1889) — разбогатевший на винных откупах предприниматель. В 50—60-х годах выступал в печати как защитник винной монополии.

[13] На это письмо Тургенев отвечал 3, 22 декабря ст. ст. 1862 г. (*Письма*, т. V, стр. 79—80).

Е. М. Хмелевская

А. А. МЕЩЕРСКИЙ

Корреспондент Тургенева кн. Александр Александрович Мещерский (род. в 1844 г.) был действительным членом Русского географического общества, секретарем отделения статистики общества. Известны его работы, посвященные исследованию кустарной промышленности России (А. А. Мещерский. Об исследовании кустарной промышленности земствами и губернскими статистическими комитетами. СПб., 1875; А. А. Мещерский и К. Н. Модзалевский. Свод материалов по кустарной промышленности в России. СПб., 1874). Во время учения в Иенском университете Мещерский стал близким другом будущего путешественника Н. Н. Миклухи-Маклая, который значительно позднее писал: «... человек, с которым я ближе всех сошелся и которого и теперь еще ‹в 1881 г., — *Т. О.*› считаю самым дорогим моим другом, — это князь Ал. Ал. Мещерский, который, как и я, провел университетские годы в Германии. Мы жили вместе около 2 лет, слушая лекции в Иенском университете, Мещерский — по камеральному, я — по медицинскому факультету. — Стараниями кн. Мещерского состоялась подписка (предпринятая без моего ведома и желания), которая дала мне возможность продолжать мои путешествия и дополнить начатое» (*Миклухо-Маклай*, т. IV, стр. 196—197).

Эта подписка — лишь единичный факт в цепи постоянных хлопот Мещерского о получении денег для помощи Миклухе-Маклаю: когда его собственных средств не хватало, он обращался ко всем, кто мог быть полезным, — будь то в России или в Париже, где он подолгу жил.

В 1874 г. тяжело больной Миклухо-Маклай завещает Мещерскому в случае своей смерти все свои «книги, рукописи, рисунки, чертежи, заметки и пр. в память дружбы» (там же, т. IV, стр. 418); впоследствии присваивает одному из хребтов на Новой Гвинее имя Мещерского; в коммуну, которую предполагает устроить на Берегу Маклая, одним из первых собирается пригласить Мещерского.

Основная тема дошедших до нас писем Мещерского к Тургеневу — их обоюдные хлопоты о денежной помощи Миклухе-Маклаю, которого Тургенев знал лично с 1870 г. (В нашей заметке «Дым. О прототипе одного из персонажей» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 173) мы, вслед за ком-

ментатором «Автобиографических записей» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 418), ошибочно назвали датой знакомства Тургенева с Миклухой-Маклаем 1876 г., а с Мещерским — 1875 г.).

Точно назвать дату знакомства Тургенева с Мещерским не представляется возможным. Однако из первого дошедшего до нас письма к нему Тургенева от 10 сентября н. ст. 1875 г. (*Письма*, т. XI, стр. 121) видно, что к этому времени они были уже знакомы — и, вероятнее всего, через семью Герценов: Мещерского связывала с этой семьей дружба с дочерью Герцена, Натальей Александровной Герцен (см. об этом в кн.: Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. М.—Л., 1930, по именному указателю; см. также в письме Тургенева к Ю. П. Вревской от 10(22) марта 1876 г.: *Письма*, т. XI, стр. 229). С семьей Герценов Мещерский был близок с 1867 г. Письма А. И. Герцена к родным за 1867—1869 гг. свидетельствуют о его симпатии к Мещерскому, который в эти годы считался «татиным женихом» (см.: *Герцен*, т. XXIX, кн. 1, №№ 238, 250, и т. XXX, кн. 1, №№ 87, 132, 133, 234, а также стр. 332; в именных указателях и примечаниях к этим томам ошибка: вместо А. А. Мещерского назван А. Н. Мещерский, дальний родственник Н. А. Тучковой-Огаревой). Тургенев, близкий к семье Герцена, несомненно знал о Мещерском, особенно в период тяжелого заболевания Н. А. Герцен (см., например, письмо Герцена Тургеневу от 3 декабря (21 ноября) 1869 г.: там же, т. XXX, кн. 1, № 249). Поэтому вполне возможно, что уже в эти годы они были знакомы. Переписка Тургенева с другими лицами свидетельствует о дружеском расположении писателя к Мещерскому. Так, 7 (19) июля 1875 г. он пишет Ю. П. Вревской: «Я рекомендую Вас Мещерскому — а его Вам: он малый, кажется, умный и добрый» (*Письма*, т. XI, стр. 101). Пытаясь раздобыть необходимую для поддержки Миклухи-Маклая сумму, он 16 (28) мая 1876 г. обращается к Г. О. Гинзбургу: «...будьте так добры, выслушайте моего хорошего приятеля кн. А. А. Мещерского и поговорите с ним об одном интересном деле, которое он Вам сообщит» (там же, стр. 262). Знакомство это не прерывалось до последних дней писателя: летом 1881 г. Мещерский гостил у Тургенева в Спасском (см.: «Нива», 1884, № 8, стр. 182). Последние встречи Тургенева с Мещерским происходили уже у постели умирающего писателя (см.: А. А. Мещерский. О последних днях Тургенева. В сб.: На память об И. С. Тургеневе, СПб., 1883). Знакомство же Тургенева с Миклухой-Маклаем состоялось во время пребывания Тургенева в Веймаре в 1870 г. Сохранилось письмо Миклухи-Маклая, в котором он просит Тургенева при посещении им Иены, находившейся от Веймара в часе езды, позволить увидеться с ним (*Миклухо-Маклай*, т. IV, стр. 30). В марте того же года Миклухо-Маклай сообщал сестре: «Познакомился с И. С. Тургеневым; он живет в Веймаре. На днях провел с ним целый день. Он был тоже у меня в Иене. Мы довольно скоро и хорошо сошлись. Жаль, что я по уши сижу за работой, — чаще бы ездил в Веймар» (там же, т. IV, стр. 31). На память об этом знакомстве Тургенев подарил путешественнику свой фотографический портрет с надписью: «Н. Н. Миклухе-Маклай на память от И. Тургенева. Веймар. 1870. И. Тургенев» (воспроизведение портрета см. в приложении к «Историческому вестнику»: 1911, № 3, стр. IX и 864). В последующие годы, начиная с 1876 г., Тургенев и сам помогал Миклухе-Маклаю, и вовлекал в дело помощи путешественнику своих друзей и состоятельных знакомых, о чем говорят публикуемые ниже письма.

О непрекращавшемся интересе Тургенева к Миклухе-Маклаю свидетельствуют их дальнейшие встречи и долгие беседы. См. об этом: Л. Б. Модзалевский. Воспоминания Н. Н. Миклухо-Маклая о посещении И. С. Тургенева в Париже в 1882 г. «Вестник Академии наук СССР», 1933, № 10, стр. 40—47; *Миклухо-Маклай*, т. IV, стр. 421—423; см. также письма самого Тургенева. Так, 27 декабря н. ст. 1882 г. он обращается к П. Л. Лаврову с просьбой достать для Миклухи-Маклая бро-

шюры, «написанные бывшими сосланными в Новую Каледонию коммунарами, о жизни их там и претерпенных ими там страданиях» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 61).

Ниже публикуются по подлинникам три письма Мещерского к Тургеневу. Первое из этих писем хранится в *ИРЛИ* (5760.XXXб.50), два других — в *ЦГАЛИ* (ф. 509, оп. 1, ед. хр. 116).

1

Bolognes — Villa Herzen
5/17 авг. 76.

Дорогой и многоуважаемый
Иван Сергеевич,

В Карлсбаде встретил я Вашего брата, который сказал мне, что Вы уже скоро будете в Париже, что он Вам запретил продавать Ваше орловское гнездышко и что он наконец сам отправляется к Вам в Bougival, чтобы окончательно сговориться насчет условий выдачи Вам их — денежного aequivalent'a ценности Вашего имения!

Простите великодушно, что я смею касаться последнего вопроса, но баронесса Вревская, по возвращении своем в СПб., объявила мне, что Вы ей будто бы высказали пред отъездом ее из Москвы, что если Вам не удастся устроить что-нибудь в самой Москве для Миклухи — Вы или уговорите Вашего брата сделать что-нибудь в этом направлении, или наконец сами поможете, если бы Вам удалось окончательно запродать Ваше имение! [1]

Итак, разговор мой с Вашим братом, при котором я, конечно, не упомянул и словом о Миклухе, — сообщение баронессы и, наконец, то обстоятельство, что я до сих пор не получил от Вас второго обещанного Вами мне уведомления, — дает мне некоторую смелость еще раз Вам напомнить о Миклухе!

Его положение не только критическое, но безутешно трагическое! Если ему теперь деньги не будут *sicher in Aussischt gestellt* [а] (5—6 т.), он должен, принужден будет решиться на äusserstes,[б] т. е. закабалиться в службу местного Голландского правительства, частной компании или какого другого лица, чтобы отработать долги, сделанные им за эти годы! [2] При этом вероятнее всего, что по дороге выполненья им подобным путем денежных обязательств — он окончательно *лопнет* от истощения сил и физических и нравственных! Мать же его и я, мы не только готовы заплатить 5—6 т. р. за него в течение следующих 5—6 лет — но даже при уплате этого капитала согласны выплатить и ‹*прэб.*› проценты, следующие с этой суммы, — если не будет возможно достать последнюю без %! Документальные гарантии — по закону и совести — мы тоже готовы

[а] твердо обеспечены (*нем.*).
[б] самое крайнее (*нем.*).

‹*нрзб.*›! Общее наше состояние равняется 200 т., след‹овательно› все дело теперь только в том, чтобы *достать вбвремя эти деньги!*

Будьте так добры и великодушны, дорогой и родной русский Европеец, помогите — отчаянно безутешно и томительно стоять над могилой еще живого и близкого человека, доведенного до критического своего положения — только искренностью и силой своего симпатического увлеченья!

Вчера получил от него депешу из Сингапура с запросом о деньгах — откладываю ответ на нее до 1 сентября и прошу Вас Ваш письменный ответ, который будет для меня и Миклухи ужасно *многозначителен*, прислать chargé [а] во Флоренцию — Via Bolognese, Villa Herzen, — где я рассчитываю провести сентябрь и октябрь! [3]

Не говоря уже о личном нравственном ощущении Миклухи и его близких — если действительно ему так придется кончить, глупо и жалко, если все результаты его самоотверженных предприятий пропадут без толку и ohne Verwertung! [б]

Для последнего же необходимо возвращение его в Европу — для этого же уплата еще в нынешнем году — 5—6 тыс.!

Крепко жму Ваши обе руки, попросите просто у Вашего брата для себя взаймы эту сумму, а я Вам отвечаю кровью и плотью за уплату ее.

Ваш А. Мещерский.

Публикуется впервые. Упоминание и выдержку см.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 418.

[1] Речь идет о денежной помощи Миклухе-Маклаю. Действительно, летом 1876 г. у Тургенева было намерение продать Спасское (см.: *Письма*, т. XI, стр. 280), но вскоре он отказался от этой мысли (см.: там же, стр. 284). В ответном письме от 13 (25) августа Тургенев писал Мещерскому о своем брате Николае Сергеевиче Тургеневе: «Он не приехал сюда и не приедет, денег мне он никаких за мое имение, ни под залог моего имения не даст — и выходит ‹. . .› я не имею никаких свободных денег и придти на помощь бедному М. Маклаю — не могу» (там же, стр. 306).

[2] В письме к матери в марте 1876 г. М. М. Миклухо-Маклай писал: «Мой большой батавский долг (так как с мая 1874 г. я не получил ни копейки из России) возрос до 5 или 6.000 рублей; будет уплачен, надеюсь, стараниями друга Мещерского» (см.: *Миклухо-Маклай*, т. IV, стр. 134).

[3] В ответном письме от 13 (25) августа 1876 г. Тургенев писал: «Около февраля будущего года я надеюсь быть в состоянии располагать 3000-и рубл. — и если эта моя надежда сбудется, то я с истинным удовольствием предоставлю эту сумму в Ваше распоряжение» (*Письма*, т. XI, стр. 306).

[а] ценным (*франц.*).

[б] без пользы (*нем.*).

2

25 окт. 76
Florence,
Via Bolognese
Villa Herzen.

Дурак право Демидов! должен бы был быть рад и доволен, что Вы, дорогой Иван Сергеевич, обессмертили его, хоть в образе Финика, а он еще, скотина, сердится и дуется! [1]

Главное, что все это сильно затрудняет систему апрошов к нему и исключительно сводит их на посредничество одной М. Н. Зубовой! Последняя же, бесспорно, человек милый, но все-таки индивидуум слабого пола, к тому еще с некоторой даже симпатичной, но все-таки значительной и даже *двойной Flatterhaftigkeit* [а] — природной и светской!

Трудно уловить и в особенности fixer la continuité [б] ее впечатлению, — de ses propres sentiments,[в] — тем более вполне предоставить ей подобное серьезное дело! [2]

Потому, так как в особенности судьба Вас освободила писать такому чучеле, как Демидов, — не откажитесь, пожалуйста, благотворно подуть из Вашего Буживаля на здешний столь симпатичный и колыхающийся стебелек!

Без шуток, я ожидаю от этого в М‹арии› Н‹иколаевне› une poético-concentration vers Maclay! [г]

Сообщите ей примерно по пунктам след‹ующее›: 1) Вы очень были счастливы узнать от меня, что она не только наш союзник в заботах финансовых о Миклухе, но что она даже, не быв прямо мною к тому побуждена, вызвалась *сама coopérer de ses propres moyens et en partie à la formation des 3/m. nécessaires!* [д]

2) Что Вы наконец никому так охотно не уступаете заступничество за Маклая перед Демидовой,[3] как ей, и нимало не сумневаетесь, что ей удастся *заставить его последовать ее примеру*, т. е. пожертвовать что-нибудь на Миклуху.

3) Что наконец доставление мне к 1 янв. 77 этих 3 т. р. — 10 т. франков — безусловно необходимо ввиду 1) безнадежного состояния имущественных дел семьи Миклухи и невозможности, чтобы она ему помогла, 2) трудного личного положения Миклухи по состоянии его здоровья и крайней необходимости вернуться ему в Европу для напечатания результатов его экспедиции, 3) наконец, полной невозможности мне одному дальше и по-прежнему продолжать поддерживать Миклуху с финансовой стороны, 4) что Вы ей решаетесь писать и с своей стороны просите деятельной помощи, ввиду всего вышесказанного и вероятного *моего* отъезда из Флоренции в конце октября — причем нравственная ответственность за все дело остается исключительно на ней!

[а] ветренностью (*нем.*).
[б] придать устойчивость (*франц.*).
[в] ее собственным чувствам (*франц.*).
[г] поэтического устремления к Маклаю (*франц.*).
[д] содействовать в том числе и собственными средствами составлению необходимых трех тысяч (франц.).

Вдохновитесь всеми мотивами и моего последнего к Вам письма, и Вы конечно подействуете неотразимо!

Адрес Зубовой — Florence. Bello Jynarde Villa a d'ombrellino (зовут ее Марья Николаевна).

Не откажите также пожалуйста *словечком* уведомить меня, когда Ваше послание будет отправлено из Буживаля a d'ombrellino.[4]

Московское дело считаю далеко не безнадежным и буду Вам писать о нем еще отдельно! [5]

В России, говорят, идет дым коромыслом и дорогое отечество наше все подобает сумасшедшему дому, вдруг представившему себе, что оно много лучше Турции и имеет какую-то *культурную* задачу! [6]

Однако мы подождем этих доказательств из Вашей «*Нови*», объявление о которой с удовольствием прочел в Вестн‹ике› Евр‹опы›.[7]

Как Ваше здоровье?! Напрасно не были летом в Карлсбаде?! Где ваша певица Панаева, скажите ей, что в СПб она во мне может найти хорошего аккомпаньятора.[8] Впрочем не знаю, еще вернусь ли на зиму в Русь! Крепко жму Вашу руку — Нат‹алья› Ал‹ександровна› [9] Вам очень кланяется и в 20 числах ноября будет у Вас в Париже.

Ваш Мещерский.

Так как Вы мне подарили все романсы m-me Viardot, то для полноты передайте a mon adresse Н‹аталье› А‹лександровне› Г‹ерцен› романсы ее отца или дяди, которые Вы давали мне проигрывать у злосчастной Вревской.

---

[1] Речь идет о Павле Павловиче Демидове, кн. Сан-Донато (1839—1885), владельце нескольких горных заводов, известном богаче и меценате. Его флорентинский замок Сан-Донато славился своими богатейшими художественными коллекциями. О нем как о прототипе Финикова в «Дыме» см. нашу заметку: *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 173—174.

[2] Мария Николаевна Зубова (р. 1842) — дочь русского посланника в Сардинии, Неаполе и Саксонии Н. А. Кокошкина, внучка итальянской певицы А. Каталани, жена А. А. Зубова. Тургенев познакомился с ней в 1860 г. и давал ей уроки русского языка. Известно одно письмо Тургенева к Зубовой 1862 г. (см.: «Огонек», 1964, № 33, стр. 25—26). Н. Н. Миклухо-Маклай также был знаком с Зубовой (см. об этом: *Миклухо-Маклай*, т. IV, стр. 70).

[3] Вероятно, ошибочно написано «Демидовой» вместо «Демидовым».

[4] Написал ли Тургенев М. Н. Зубовой, неизвестно.

[5] Под «московским делом», вероятно, имеются в виду денежные хлопоты Тургенева и Мещерского перед П. М. Третьяковым и А. В. Станкевичем. В результате этих хлопот П. М. Третьяков передал Мещерскому для Миклухи-Маклая 1000 руб. (см. об этом в кн.: А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. Изд. 2. Изд. «Искусство», М., 1960, стр. 235—237; см. также: *Письма*, т. XI, № 3976 и 3977).

[6] Вооруженная борьба балканских славян за свое освобождение от турецкого владычества вызвала широкую общественную поддержку в России. Сообщая о тысячах добровольцев, отправившихся из России в Сербию,

о народных пожертвованиях в пользу славян и т. п., «Отечественные записки», например, характеризовали это движение распространенной в то время формулой: «Начался русский крестовый поход...» («Отечественные записки», 1876, № 12, стр. 264).

[7] Объявление «О новом романе И. С. Тургенева» было помещено в «Вестнике Европы» (1876, № 9, стр. 418).

[8] Имеется в виду Александра Валериановна Панаева, в замужестве Карцева (1853—1942), знакомая Тургенева, ученица П. Виардо, которая в 1876 г. пела в Ницце в театре П. Г. фон Дервиза (1826—1881). О Мещерском как музыканте Я. П. Полонский в воспоминаниях «И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину» пишет: «С приездом князя Мещерского вечера наши — последние вечера в Спасском — оживились музыкой, — иногда пением» («Нива», 1884, № 8, стр. 182).

[9] Наталья Александровна Герцен.

3

‹Не позднее марта 1882›

Ив‹ан› Серг‹еевич›

Прождал Вас целый час и все тщетно! Если еще [успеем] можно, очень желал бы перекинуться словцом с Вами!

Благоволите черкнуть сегодня по почте (Rue et Hôtel Jean—Bart), когда бы завтра или в пятницу мог бы еще захватить Вас дома.

Мещерский.

Т. И. Орнатская

Л. Я. СТЕЧЬКИНА

Любовь Яковлевна Стечькина (1851—1900) относится к числу тех женщин-писательниц, которым Тургенев оказывал помощь своими советами художника и содействием в напечатании их произведений.

Стечькина дебютировала в литературе в 1875 г. рассказом «Первая гроза», напечатанным в № 7 «Русского вестника». М. Н. Катков писал позже: «Рассказ показался обнаруживающим проблески дарования, а потому ‹.. › редакция дала место рассказу на страницах своего издания...» («Русский вестник», 1875, № 9, стр. 510). Критика более сурово оценила произведение Стечькиной. Очень резкой была рецензия «С.-Петербургских ведомостей», подписанная инициалами «В. М.». Ее автором был критик, публицист и поэт В. В. Марков. «Рассмотренные нами вещи ‹„Первая гроза“ Л. Я. Стечькиной и „Семейство Баклановых“ Н. Г. Чаплыгина› ‹...› совершенно ничтожны по своим внутренним и внешним достоинствам», — писал он («С.-Петербургские ведомости», 1875, 23 августа (4 сентября), № 223; статья В. Маркова под названием «Охранительная мораль» была перепечатана в его книге: Навстречу. Очерки и стихотворения. СПб., 1878, стр. 185—189). В своей статье Марков, как он сам говорит, руководился «желанием попристальнее вникнуть в те моральные принципы, ко-

торые выдаются нам ‹«Русским вестником»› за охранительные и спасительные». С этой точки зрения рассматривалось в ней и произведение Стечькиной: «В этом рассказе вовсе уже не слышно запаха строгой морали ‹...› мы отнюдь не намерены принимать на себя роль угрюмого моралиста и в данном случае желаем лишь мерить тою мерою, которою мерит других „Русский вестник“. Мы желаем лишь слегка показать, какова эта охранительно-консервативная добродетель...».

Вскоре, в № 9 «Русского вестника» за 1875 г., была напечатана без подписи статья М. Н. Каткова «Литературный куриоз», в которой он писал: «В разных газетах и сборниках объявлений появляется обращение г-жи Стечькиной к читателям „Русского вестника“ с заявлением, что повесть ее напечатана в сокращенном и измененном виде». М. Н. Катков заявил, что рассказ был напечатан «с незначительными изменениями, без которых не обходится печатание даже первоклассного произведения», и весьма ядовито высмеял Стечькину.

К началу 1878 г. Стечькина закончила новую повесть, первоначально названную ею «Кривые деревья». «Ей пришла в голову смелая мысль, — вспоминал ее брат, — написать незнакомому ей лично И. С. Тургеневу и спросить его совета» (*Стечькин, Воспоминания*, стр. 5). Тургенев ответил ей 18 (30) марта 1878 г. приветливым письмом и просил выслать ему рукопись повести (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 299). Между Тургеневым и Стечькиной завязывается переписка, которая длилась до смерти писателя. Всего сохранилось 55 писем Тургенева к Стечькиной за 1878—1883 гг., подлинники их хранятся в Одесской публичной библиотеке (приобретены в 1901 г. у А. Я. Стечькиной). Вместе с письмами Тургенева к матери Стечькиной они были опубликованы под редакцией М. Г. Попруженко отдельной брошюрой: «Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечькиным» (Одесса, 1903). На это издание откликнулся рецензией В. Ф. Боцяновский. «Нельзя сказать, что по своему содержанию они ‹письма Тургенева› давали особенно новый материал для характеристики писателя, но несомненно интересны, — писал он. — В сущности, наиболее обстоятельные из них представляют собой критический разбор рассказов г-жи Стечькиной, целый ряд наставлений, которые он ей давал и которые, вместе с тем, характеризуют литературные воззрения самого Тургенева. Перед читателем давно знакомый нам И. С. Тургенев, поддерживающий молодых авторов, опекающий их, устраивающий их в журналах и оказывающий денежную помощь» («Литературный вестник», 1902, т. IV, кн. 6, стр. 155).

Получив рукопись повести Стечькиной, Тургенев написал ей 25 апреля (7 мая) 1878 г.: «Я прочел Вашу повесть и вот что имею сказать Вам: у Вас талант несомненный, оригинальный, живой и даже поэтический — но „Кривые деревья“ печатать не следует — ибо я — извините резкость выражения — более уродливого или, говоря точнее, более изуродованного произведения не знаю!» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 316—317). Письмо содержало подробный разбор произведения Стечькиной. Несмотря на резкость оценки повести, Тургенев все же писал в конце этого письма: «...из Вас может выдти писатель очень крупный; у вас на то все данные». 7 (19) августа того же года в Туле состоялась первая встреча Тургенева со Стечькиной. «Он много спорил с нею, — вспоминает ее брат, — относительно второй части ее романа и, наконец, добился от нее согласия совсем отложить вторую часть и написать ее заново на новых данных» (*Стечькин, Воспоминания*, стр. 7).

1 сентября ст. ст. 1878 г. Тургенев приехал к Стечькиным в их усадьбу с. Плутнево Тульской губернии. «Иван Сергеевич пробыл у нас в деревне полсуток, с 2 ч. дня до 2 ч. ночи, — писал Стечькин. — Он вдоволь наговорился с Любовью Яковлевной. Бродя по длинным старым липовым аллеям нашего сада и по березовой саженой роще, служившей его продолжением, Тургенев выяснял свои взгляды на искусство» (там же, стр. 10). В январе 1879 г. Тургенев рассказывал А. Н. Луканиной: «Роман

‹Стечькиной› это прекрасная вещь ‹...› страстно написанная: когда ее читаешь, то оторваться не можешь. Удивительно, как могла это написать девушка, находящаяся в той обстановке, в которой живет г-жа С‹течькина›. Я был у них, провел короткое время в их деревне. У них мать, добрая старушка, — брат, идеалист, человек сороковых годов. Я видел десятки подобных людей в кружке Грановского и Станкевича, особенно в кружке Станкевича. ‹...› Самой г-же С‹течькиной› двадцать шесть лет. По внешнему виду она ничем не поражает. И обстановка ее самая обыденная, дворянская. Есть у нее комнатка, чистенькая, уютная, с цветами, с красивеньким письменным столиком, на котором лежит чистенький портфельчик. Там она пишет. Роман ее поднимет всю критику, крику будет много. ‹...› Я уверен, что на автора посыпятся укоры в безнравственности, а между тем всё у него написано, совершенно особенною манерою, tout est chaste ‹все целомудренно, — *франц.*›. Я думаю, что автор, сам не испытавший ничего подобного, кое-что сходное видел и слышал в своей громадной семье. Сама г-жа С‹течькина› не бывала даже ни в Петербурге, ни в Москве, до того замкнута ее жизнь» (А. Л. ‹А. Н. Луканина›. Мое знакомство с Тургеневым. «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 57—58). Некоторые сведения о Стечькиной можно почерпнуть из посвященного ей неподписанного некролога, в котором о ней сказано: «Блестяще образованная, знавшая языки немецкий и французский, как свой родной, обладавшая широкими познаниями в литературе, истории, психологии и философии...» («Литературный вестник», 1901, кн. III, стр. 398).

В большинстве писем к Стечькиной 1878—1879 гг. Тургенев пишет о ее повести. Одно из них — от 30 сентября (12) октября 1878 г. — содержит замечания о характере героини и совет сократить число вводных лиц (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 358). В письме от 5 января н. ст. 1879 г. Тургенев дает подробный отзыв о переделанной по его советам второй части и обещает взять на себя исправление провинциализмов и языковых промахов (там же, стр. 408—409). В нескольких письмах обсуждается заглавие произведения Стечькиной. Наконец, 19 (31) января 1879 г. Тургенев пишет ей: «Уже теперь могу Вам сказать, что лучшее заглавие, по-моему: „Варенька Ульмина“. — Просто и беспритязательно» (там же, кн. 2, стр. 25).

Тургенев рекомендовал повесть М. М. Стасюлевичу для помещения ее в «Вестнике Европы». Не один раз он писал ему, несомненно преувеличивая, о большом даровании Стечькиной: «...либо я олух непроходимый — либо у ней талант самородный — из ряду вон» (письмо от 12 января н. ст. 1879 г.: там же, кн. 1, стр. 415). В письме от 30 сентября (12 октября) 1879 г. возражает Стасюлевичу: «Я могу ошибиться (не в первой!), но я полагаю, что Ваше суждение об этой повести слишком строго. Я продолжаю находить эту вещь талантливой и свежей» (там же, кн. 2, стр. 139).

В письме от 13 (25) февраля 1879 г. Тургенев просит Стечькину: «...так как мне непременно нужно видеть Вас, то было бы хорошо, если бы Вы сами нашли возможным съездить в Москву...» (там же, стр. 36). Между 15 и 18 февраля ст. ст. состоялась встреча Тургенева со Стечькиной в Москве, они обсуждали различные вопросы, связанные с подготовкой к печати ее повести (*Стечькин, Воспоминания*, стр. 17). Тургенев ведет переговоры со Стасюлевичем о гонораре, об оттисках для Стечькиной (см. письма к ней от 25 февраля и 14 марта ст. ст. 1879 г.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 40, 46; в *ИРЛИ* (ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1373, лл. 1—3) хранятся письма Стечькиной к Стасюлевичу, касающиеся этих же вопросов). 27 февраля ст. ст. того же года он отправляет Стасюлевичу рукопись «Вареньки Ульминой» «со всеми поправками и дополнениями». Корректуру повести также правил Тургенев (см. письма к Стасюлевичу от 25 сентября, 12 и 28 октября н. ст. 1879 г.: там же, стр. 130, 138, 155).

Повесть Стечькиной «Варенька Ульмина» с посвящением Тургеневу была напечатана в №№ 11 и 12 «Вестника Европы» за 1879 г. Критические отклики последовали сразу же после появления первой части. Рецензент «Молвы» (1879, 2 ноября, № 302), подписавшийся «Отшельник» (В. Ф. Корш?), отметив, что «роман вообще хорошо написан», отнес Стечькину к «числу тех запоздалых беллетристов, которым так привольно в сфере личных и домашних отношений, что они не могут выйти из нее ни единым словом, ни на одну минуту». «Теперь мы слишком угрюмы, слишком чутки к общим интересам, слишком нервны, раздражительны и требовательны, — продолжает он, — чтобы безмятежно наслаждаться красивым описанием обстановки и личных отношений Вареньки к Петру Степановичу или двоюродному брату Мите. Старо это и неинтересно, а по форме хотя и удачно, но тоже не ново». Ко второй части тот же рецензент отнесся столь же сурово: «Повесть написана красиво, но лишена всякого общественного интереса и не богата интересом психологическим. В ней изящно изображено дворянское семейство, беспечно проживающее в деревне и состоящее из людей, которые, по-видимому, с утра до вечера заняты бездельем» («Молва», 1879, 28 декабря, № 357).

Подобным же образом отозвался и В. П. Буренин: «...не без таланта написана повесть «Варенька Ульмина». ‹...› Содержание ‹...› показывает, до какой степени теперь беллетристические авторы считают себя свободными от всяких требований современности, от всяких общественных задач» («Новое время», 1879, 9 (21) ноября, № 1329). Из писем Тургенева к Стечькиной от 25 ноября (7 декабря) и к Стасюлевичу от 27 ноября (9 декабря) 1879 г. известно, что во французской газете «Temps» была напечатана статья о «Вареньке Ульминой» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 186). «Не имею понятия о том, кто тамошний корреспондент, — писал Тургенев, — но это составляет некоторый противовес бранчивым отзывом наших доморощенных критиков. Удивляюсь я только, с какой стати примешан тут Золя!!».

Между 15 февраля и 25 марта ст. ст. 1880 г. Стечькина приезжала в Петербург, виделась с Тургеневым (см. письма к ней Тургенева 1880 г.: там же, стр. 221—222), познакомилась с Я. П. и Ж. А. Полонскими, с А. В. Топоровым. В рукописном отделе *ИРЛИ* (13325.LXXIIб.8) хранятся три письма Стечькиной к Ж. А. Полонской — от 6 марта, 13 и 23 апреля ст. ст. 1880 г. В последнем она писала: «Хотя наше знакомство продолжалось очень недолго, у меня осталось о нем такое хорошее, святое воспоминание, что мне очень хотелось бы когда-нибудь снова попасть в Петербург и повидаться с Вами» (см. также отрывок из письма Ж. А. Полонской к Стечькиной от 18 апреля 1880 г. с припиской Я. П. Полонского в кн.: Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечькиным. Одесса, 1903, стр. 32).

Стечькина в это время работала над новыми произведениями. «Вы говорили мне о большой литературной работе, которой Вы собирались заняться», — писал ей Тургенев 17 (29) марта 1881 г. Но вскоре после выхода в свет «Вареньки Ульминой» Стечькина заболела туберкулезом легких (см.: «Литературный вестник», 1901, кн. III, стр. 398; *Стечькин, Воспоминания*, стр. 29—30). В конце мая 1881 г. в Москве Тургенев вновь увиделся со Стечькиной (см. ниже, письмо 3) и был чрезвычайно поражен происшедшими в ней переменами. Он говорил ее брату: «Любовь Яковлевна выходит — не узнаю. Она год назад была так полна жизни ‹...› А тут постаревшая, исхудавшая ‹...› Глаза горят нездоровым огнем» (*Стечькин, Воспоминания*, стр. 30). В конце 1881 г. Стечькина была отправлена в курортный город Южной Франции — Ментону. Письма Тургенева к ней 1881—1883 гг. полны забот о ее здоровье. Он постоянно помогал ей деньгами (см. ниже письмо 4, а также письма Тургенева в XII и XIII томах *Писем*). В Ментону он посылает ей «отдельный экземпляр „Отчаянного“» (см. письмо от 14 февраля н. ст. 1882 г.: *Письма*, т. XIII).

Из Ментоны Стечькина переезжает в Швейцарию, в сентябре 1882 г. — в Париж, где Тургенев видится с нею. Н. Я. Стечькин вспоминал позже: «По приезде сестры в Париж Тургенев окружил ее отеческими заботами. Он сам прибирал нанятую для сестры комнату, заметив, что из двери дует, привез из дому ковер и лично повесил его над дверью» (*Стечькин, Воспоминания*, стр. 30). Он писал в Россию подробные письма ее матери, Л. Н. Стечькиной, о состоянии здоровья дочери.

Тургенев по-прежнему поощряет Стечькину к литературному творчеству. В 1882 г. она передала ему рукопись новой повести. 12 (24) ноября 1882 г. Тургенев пишет Стасюлевичу: «С нынешней же почтой отправляется к Вам повесть Л. Я. Стечькиной. ‹. . .› У ней сильнейшая чахотка, ее доктора посылают на юг — а у ней гроша нет. — Но рекомендуя ее повесть для „В‹естника› Е‹вропы›“ — я вовсе не руководствуюсь одним чувством сожаленья ‹. . .› Повесть эта мне кажется весьма достойной появиться на страницах „В‹естника› Е‹вропы›“. — Будьте так любезны, прочтите ее — и если Вы найдете оценку справедливой — и примете повесть — то вышлите часть гонорара теперь же ‹. . .› Этим Вы спасете эту девушку, которая заслуживает полной симпатии — и по таланту, и по характеру» (*Письма*, т. XIII, кн. 2). Повесть эта не была напечатана.

«Соображаясь с этим ‹состоянием здоровья Стечькиной›, — писал Тургенев 10 (22) декабря 1882 г. ее матери, — мы здесь ее снарядили, достали денег и отправили в Неаполь. . .» (там же). 5 (17) декабря 1882 г. Тургенев заносит в дневник: «Стечькину — умирающую — отправил в Италию» (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 393). И еще одна запись, от 31 декабря 1882 г. (12 января 1883 г.): «Стечькина в Torre del Greco; не пишет, но, по крайней мере, не умирает» (там же, стр. 396). Эти записи были сделаны уже смертельно больным писателем.

Стечькина вернулась в Россию. «Потом шли долгие годы болезни, — говорится в некрологе, — и приближающейся старости ‹. . .› Мать опередила ее смертью на четыре месяца. Инфлуэнца покончила с Л‹юбовью› Я‹ковлевной›» («Литературный вестник», 1901, кн. III, стр. 398). Стечькина скончалась в Одессе 30 декабря 1900 г.

С братом Стечькиной — Николаем Яковлевичем Стечькиным (1854—1906), ставшим впоследствии журналистом, критиком, — Тургенев также состоял в переписке и неоднократно встречался (см. о нем: *Письма*, т. XII, кн. 1, Указатель имен; «Русский вестник», 1906, № 7, стр. 260—264, 362—363).

В «Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева» письма Тургенева к Л. Я. Стечькиной за 1878—1883 гг. печатаются в XII и XIII томах *Писем*.

Из публикуемых ниже четырех писем Стечькиной к Тургеневу можно выделить письмо 2, содержащее интересную характеристику отношения к Тургеневу довольно широких читательских кругов конца 70-х годов.

1

С. Плутнево
8-го января 1879 г.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич,

Посылаю Вам первую часть моего романа и листок с несколькими заглавиями, которыми предполагается заменить «Кривые деревья».[1] 5-го, получив Ваше письмо,[2] я писала Вам, какого рода заглавие было бы мне приятнее всего (не знаю, дошло ли мое письмо: кучер, относивший его на почту, как оказалось после, был не совсем в трезвом состоянии).[3]

Из посылаемых[а] заглавий — ни одно не удовлетворяет меня, но два первых имеют за себя хоть то, что не очень бросаются в глаза; впрочем я все их вообще предпочитаю «Кривым деревьям». Удивительно трудно «окрестить» свое произведение; право мне легче написать еще другой роман. Из прилагаемых названий выберете то, которое менее плохо.

Боюсь, что по случаю моей медленности роман не будет напечатан до мая.[4] Если так, не лучше ли будет отложить его появление до осени? Пожалуйста, если найдете время, поправьте язык в первой части.[5] С нетерпением жду Вашего решения: позволите или не позволите Вы посвятить роман Вам?

Еще раз повторю: мне никогда не выразить вполне моей благодарности за все, что Вы сделали для меня. Мои кланяются Вам.

Преданная Вам

Л. Стечькина.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 5837.XXXб. 127, л. 1.

[1] Речь идет о повести Стечькиной «Варенька Ульмина», которая первоначально была озаглавлена ею «Кривые деревья». В письме от 19 (31) января 1879 г. Тургенев известил Стечькину о получении им первой части повести (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 25).

[2] Стечькина сообщает о письме Тургенева от 26 декабря 1878 г. (7 января 1879 г.), в котором он советовал переменить заглавие ее повести (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 409—410).

[3] Это письмо Стечькиной к Тургеневу неизвестно, Оно было им получено, ответом на него является письмо Тургенева от 13 (25) января 1879 г. (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 17—18).

[4] «Варенька Ульмина» с подзаголовком «Повесть» была напечатана в №№ 11 и 12 «Вестника Европы» за 1879 г.

[5] 19 (31) января 1879 г. Тургенев писал Стечькиной: «Желаемые Вами грамматические исправления будут сделаны» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 25).

[6] См. ниже примеч. 3 к письму 2.

2

Село Плутнево
21 января 1879 г.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич,

Как хорошо придуманное Вами название: «Ни правых, ни виноватых».[1] Ведь вот не пришло же оно в мою глупую голову! Может быть Вы позволите мне озаглавить так мой роман? Право, один раз можно согрешить против восьмой заповеди.[2] А как бы это украсило мою вещь!

Не знаю, как благодарить Вас за принятое посвящение. И в таких словах выразили Вы Ваше согласие! Нужно большое усилие над собою, чтобы не возгордиться. Но неужели под публикой,[б] в глазах которой мне может повредить Ваше великое имя, Вы действительно разумеете

[а] *Было:* предлагае‹мых›

[б] *Было:* именем

всех теперешних русских читателей или хоть значительное большинство их?[3] Не рассердитесь на меня за мою смелость, но, при всем моем безграничном почитании, я не могу удержаться и не сказать: на этот раз Вы ошибаетесь, ей-богу ошибаетесь, Россия не заслужила от Вас такого упрека, и мне, как Русской, больно слышать это. Простите, что я спорю с Вами, что я осмеливаюсь спросить, что заставило Вас так обидно думать о нашем поколении? Если позволите, я мои слова поддержу фактами: разве Вас теперь читают меньше прежнего, разве те томики «Русс‹кой› библ‹иотеки›», которые носят Ваше имя, не разошлись сразу, наравне с Пушкиным и Лермонтовым? (А между тем издавать такими кусочками романиста — вещь почти немыслимая).[4] Потом я могла бы привести Вам целый ряд подчас забавных доказательств того, какое обаяние заключает в себе Ваше имя, рассказать Вам и о лицах, сдивших (в бытность Вашу прошлой осенью в Туле) в вокзал жел. дороги и гостиницы взглянуть на Вас, и о смиренном начальнике станции в Суходоле, который, узнав, что ждут *Вас*, своими руками сделал ступеньки в насыпи, чтоб Вам удобнее было сойти к экипажу.[5] Нет, не обижайте русскую публику. Не она говорит устами безграмотных петербургских журналистов, и несправедливо заставить ее отвечать за их вздорные речи.[6] Эти господа вон и Пушкина бранили, неужели же вследствие этого можно сказать, что Россия перестала любить или ценить Пушкина? Нет, русская публика не изменила Вам! Конечно, после «Отцов и детей», после того, как Вы вдруг ослепили ее ярким, направленным прямо в лицо светом и она ответила громким стоном боли, чувство ее к Вам приняло новый оттенок: прежде Вы пленяли ее, тут она стала трепетать перед Вами, разумеется, *скрывать свой страх*, храбриться (но самые слова «нигилист», «нигилизм», вышедшие в общее употребление, доказали, что никогда связь ее с Вами не была теснее). Это чувство, почти без изменения, унаследовало и наше поколение; только выражается оно у нас уж очень по-детски — мы еще так молоды. Вот истинное настроение действительно русской публики, половина которой потому и станет читать мой роман, что он посвящен *Вам*, хотя может быть и не признается в этом. Мне сделалось совестно, когда я написала всё это: даже Ваша постоянная снисходительность не даст мне права говорить Вам об этом и в такой форме. Но я все-таки пошлю это письмо: я уверена, что Вы скорее посмеетесь надо мною, нежели рассердитесь на меня.

Я хочу спросить у Вас об одной вещи: мне было бы приятно иметь десятка полтора отдельных оттисков моего романа; нужно ли заявить об этом желании г. Стасюлевичу или их всегда и так дают автору? Если нужно заявить об этом, не будете ли Вы добры, посылая мою рукопись, упомянуть об оттисках.[7] Потом еще один вопрос: уверены ли Вы, что редакция «В‹естника› Е‹вропы›» никогда не поступает с произведениями неизвестных писателей так, как поступил со мною г. Катков?[8] Если это случается, нельзя ли сделать исключение для меня — это моя слабая струна.[9]

Мне очень совестно, что я обеспокоила Вас напоминанием о фотографии в то время, когда Вы так страдали.[10] Но как предположить, что Вы.

больной, все так же внимательно и заботливо, все с тем же несравненным и постоянным участием занимаетесь чужим делом. Дай бог, чтобы это письмо застало Вас совсем выздоровевшим. Моя мать кланяется Вам и тоже горячо желает здоровья.

Всей душой преданная Вам

Л. Стечькина.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 5837.XXXб.127, л. 2.

[1] Письмо является ответом на письмо Тургенева от 13 (25) января 1879 г., в котором он писал: «Если бы не существовало герценовского романа — я бы назвал Ваше произведение: „Кто виноват?“ К нему еще лучше бы шло шекспировское (в Лире): „Ни правых, ни виноватых“» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 18).

[2] Восьмая заповедь гласит: «Не укради».

[3] Тургенев писал Стечькиной 13 (25) января 1879 г.: «...принимаю Ваше посвящение как великую честь — хотя, при настоящем настроении нашей публики, — мое имя может только повредить Вам. Но повторяю: это посвящение я считаю честью — и благодарю Вас» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 18).

[4] Речь идет о шестом томе издания М. М. Стасюлевича «Русская библиотека», который был посвящен Тургеневу. Он вышел в свет в начале 1876 г. В него был включен ряд рассказов из «Записок охотника» и отдельные главы «Рудина», «Аси». «Дворянского гнезда», «Отцов и детей» и «Дыма». См. об этом статью И. С. Чистовой «Тургенев и „Русская библиотека“ М. М. Стасюлевича» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 286—289).

[5] В 1878 г., направляясь из Спасского к Стечькиным в сельцо Плутнево Тульской губернии, Тургенев 31 августа ст. ст. прибыл в Тулу и провел ночь в Петербургской гостинице (см. письмо Тургенева к Стечькиной от 24 августа (5 сентября) 1878 г.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 350). На следующий день он приехал на ст. Суходол. «Чтобы сесть в экипаж, надо было перейти рельсы, — вспоминал Н. Я. Стечькин. — Я удивился, что от рельсов сделан деревянный, слегка наклонный помост, посыпанный желтым свежим песком. Оказалось, что это начальник нашей маленькой станции устроил для Тургенева, узнав из телеграммы к сестре о его приезде <...> Тургенев заметил внимание, понял его и был тронут» (*Стечькин, Воспоминания*, стр. 9).

[6] О восприятии критикой произведений Тургенева 60—70-х годов см.: *Сочинения*, тт. X—XII (раздел примечаний).

[7] Речь идет о «Вареньке Ульминой». Тургенев писал Стечькиной 27 января (8 февраля) 1879 г.: «Проезжая через С.-Петербург, я устрою с Стасюлевичем на счет мая или сентября, цены за лист, 12 отдельных оттисков...» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 28). 6 января н. ст. 1880 г. Стечькина писала Стасюлевичу: «Вы были так любезны, что обещали мне 10 отдельных оттисков моей повести. Я все это время ждала их, но теперь, получив уже январскую книжку „В‹естника› Е‹вропы›“, решаюсь беспокоить Вас напоминанием о них. Если оттиски готовы, сделайте пожалуйста распоряжение, чтобы их выслали мне» (*ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1373, л. 3).

[8] Стечькина имеет в виду те изменения и сокращения, которые произвел М. Н. Катков при напечатании в «Русском вестнике» (1875, № 7) ее повести «Первая гроза» (см. выше, стр. 374).

[9] Тургенев сообщал Стечькиной 14 (26) марта 1879 г. о своих переговорах по поводу напечатания «Вареньки Ульминой»: «Наконец Ст‹асюлевич› выговорил себе право сделать весьма незначительные сокращения между вашими „гостями“» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 47).

[10] «Мне самому очень хочется послать Вам порядочную фотографию, — писал Тургенев Л. Я. Стечькиной 13 (25) января 1879 г., — но вот скоро 6 недель, как я, по милости подагры, сижу дома — и не могу сняться» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 18). Фотография была выслана им 20 марта (1 апреля) 1879 г. (см. там же, стр. 52).

3

Москва
Рождественка, дом Фирсанова.
меблирован. комнаты В. Ф. Ельт
№ 16
Вторник, 19 мая 1881 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Сергеевич,

Вчера получила я здесь Ваше письмо от 13 мая.[1] Я уже больше месяца в Москве (моей маленькой питомице делали операцию) и пробуду вероятно еще около двух недель.[2] Как только приедете в Москву, пожалуйста, известите меня — даже если Вы проведете тут лишь несколько часов: мне будет так грустно не видать Вас.[3] От души желаю Вам скорее поправиться. Мое здоровье продолжает быть неудовлетворительным. Брат мой [4] усердно кланяется Вам — он здесь, в Москве.

Душевно преданная Вам

Л. Стечькина.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 122.

[1] См.: *Письма*, т. XIII, кн. 1.

[2] «Покойная сестра моя, — вспоминал Н. Я. Стечькин, — посвятила себя тогда всецело уходу за нашей родственницей, девочкой лет семи, которой сделали операцию в бедре» (*Стечькин, Воспоминания*, стр. 29).

[3] Во время пребывания в Москве (25—31 мая ст. ст. 1881 г.) Тургенев посетил Стечькину. Рассказ об этом см.: *Стечькин, Воспоминания*, стр. 30.

[4] Н. Я. Стечькин. См. о нем: *Письма*, т. XII, кн. 2, Указатель имен.

4

Hôtel Pension Le Prese
Suisse, canton des Grisons. Le Prese, Lac Poschiavo
14 августа 1882 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Сергеевич,

Моя мать и я, мы так замедлили последний раз уплатой Вам моего долга,[1] что теперь уже очень совестно обращаться к Вам с подобными просьбами. Неожиданная болезнь моя, лучше сказать, фантазия доктора, желающего видеть в пустой опухоли какой-то эксудат, отодвинула мой отъезд в Россию точно на месяц. Денег, присланных матерью, мало и прислать еще *сию минуту* вряд ли ей удастся. А мне пора домой, давно пора. Если Вам можно ссудить меня еще раз; если нет, известите пожа-

луйста поскорее. Мне нужно 350 фр‹анков›, если сейчас, и 400, если еще через неделю.[2]

Не стану Вам говорить, что мне не легко писать Вам такие письма — я вот две недели собираюсь.

Если бы Вы знали, какая тоска меня душит! И прелестное местечко, куда меня послали спасаться от жары, не восхищает меня. На беду и работа кончена.[3]

Крепко жму Вашу дорогую руку.

Душевно преданная Вам
Л. Стечькина.

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека, № 132333, л. 15.

[1] Речь идет о деньгах, которые Тургенев посылал Стечькиной на лечение (см. его письма к ней от 7 (19) апреля и 29 апреля (11 мая) 1882 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1). О получении денег в погашение этого долга Тургенев известил Л. Н. Стечькину 9 (21) мая 1882 г. (там же, стр. 252).

[2] В ответ на эту просьбу Тургенев писал Стечькиной 6 (18) августа 1882 г.: «Посылаю Вам ‹...› 350 фр.» (*Письма*, т. XIII, кн. 1).

[3] Речь идет о новой повести Стечькиной. Тургенев получил ее позже и переслал М. М. Стасюлевичу с просьбой о напечатании в «Вестнике Европы» (см. письмо к Стасюлевичу от 12 (24) ноября 1882 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 2).

Г. В. Степанова

М. М. СТАСЮЛЕВИЧ

Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911) — крупный общественный деятель, русский историк и публицист. С 1858 г. — профессор Петербургского университета, где он читал лекции по истории средних веков. В 1861 г. в связи со студенческими волнениями в знак протеста против реакционных действий правительства, направленных на ограничение прав высшей школы, Стасюлевич покинул университет, ушел в отставку вместе с группой либерально настроенных профессоров: К. Д. Кавелиным, В. Д. Спасовичем, Б. И. Утиным, А. Н. Пыпиным.

В 60-е годы он стал автором значительных исторических трудов: «История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых» (тт. I—III, 1863—1865, 3 издания), «Опыт исторического обзора главных систем философии истории» (СПб., 1866) и др.

С 1866 по 1908 г. Стасюлевич издавал и редактировал журнал «Вестник Европы», в состав основных сотрудников которого вошли К. Д. Кавелин, В. Д. Спасович, Б. И. Утин; с 1868 г. к ним присоединился А. Н. Пыпин, разделивший редакторский труд со Стасюлевичем. Видное место в журнале занимал П. В. Анненков.

Редактор стремился привлечь к участию в «Вестнике Европы» крупных ученых, публицистов и писателей России и Европы. На страницах «Вестника Европы» были опубликованы все главные труды А. Н. Пыпина.

В критическом отделе сотрудничал П. В. Анненков, основные работы которого были также напечатаны в журнале Стасюлевича (см.: *Письма*, т. X, стр. 171, 199, и т. XII, кн. 2). Из научных трудов в «Вестнике Европы» выделялись статьи К. Д. Кавелина, Н. И. Костомарова, В. В. Стасова, А. Ф. Кони, И. И. Мечникова, И. Е. Забелина, В. И. Семевского и др. С 1868 г. в «Вестнике Европы» наметились постоянные отделы беллетристики и хроники; расширение программы издания привлекло в журнал многих литераторов и поэтов. В разное время в «Вестнике Европы» сотрудничали И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. К. Толстой, Н. В. Успенский, А. И. Эртель, Я. П. Полонский, А. М. Жемчужников, Э. Золя и др. (см.: К. Арсеньев. Взгляд на прошлое «Вестника Европы». «Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 216—232; А. А. Савенков. «Вестник Европы». В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики. Вторая половина XIX века. Т. II. Л., 1965, стр. 367—375).

Знакомство Тургенева со Стасюлевичем состоялось в середине 1867 г. В ответ на официальное приглашение Стасюлевича принять участие в «Вестнике Европы» Тургенев отвечал согласием в письме к нему от 29 июня (11 июля) 1867 г.: «Я был постоянным чтецом Вашего интересного издания, — и с великим удовольствием готов, по мере сил, содействовать его успеху. ‹...› прошу Вас считать меня отныне в числе своих сотрудников» (*Письма*, т. VI, стр. 286). Сотрудничество Тургенева в «Вестнике Европы», так же как и личное общение с возглавлявшим журнал Стасюлевичем, продолжалось до конца жизни писателя, на протяжении шестнадцати лет.

Переход Тургенева в журнал либерально-интеллигентского направления свидетельствовал в какой-то мере об эволюции его литературно-общественных взглядов. Однако было бы ошибочно отождествлять их с общественно-политической позицией «Вестника Европы» и его редактора в 70—80-е годы (такая тенденция наметилась в книге: М. К. Клеман. И. С. Тургенев. Очерк жизни и творчества. Л., 1936, стр. 182—186). Поддерживая деловые и дружеские отношения с редактором «Вестника Европы», Тургенев сохранял в журнале самостоятельное, независимое положение. «Мои сношения с С‹тасюлевичем› еще поверхностнее, чем Вы предполагаете ‹...›, — писал Тургенев М. Е. Салтыкову 19 (31) января 1876 г. — В литературных делах я принужден, как медведь зимой, сосать собственную лапу» (*Письма*, т. XI, стр. 205). Так писатель отвечал сатирику, неоднократно порицавшему его за сближение с «Вестником Европы» (см.: *Щедрин*, т. XVIII, стр. 343).

Журнал Стасюлевича явился для Тургенева наиболее удобным печатным органом, а его редактор — хорошим издателем, для которого каждая строка писателя была священна. Начиная с 1868 г. в «Вестнике Европы» были опубликованы почти все произведения Тургенева, написанные им за последние годы жизни: «Бригадир» (1868, № 1), «Воспоминания о Белинском» (1869, № 4), «Странная история» (1870, № 1), «Казнь Тропмана» (1870, № 6), «Степной король Лир» (1870, № 10), «Стук... стук... стук!» (1871, № 1), «Вешние воды» (1872, № 1), «Конец Чертопханова». Из «Записок охотника» (1872, № 11), «Пунин и Бабурин» (1874, № 4), «Часы» (1876, № 1), «Новь» (1877, №№ 1, 2), «Рассказ отца Алексея» (1877, № 5), переводы с французского «Легенды о святом Юлиане Милостивом» и «Иродиады» Г. Флобера (1877, №№ 4, 5), «Песнь торжествующей любви» (1881, № 11), «Отчаянный» (1882, № 1), «Клара Милич» (1883, № 1), «Стихотворения в прозе» (1882, № 12) и др.

Участие Тургенева в журнале Стасюлевича проявилось и в том влиянии, какое писатель оказывал на подбор сотрудников, особенно иностранных. По рекомендации Тургенева (см.: *Письма*, т. X, стр. 243, 301) Золя с 1875 по 1880 г. стал постоянным корреспондентом «Вестника Европы». Публикация на страницах этого журнала его «Парижских писем», составивших в общей сложности 64 работы, в числе которых были очерки, кри-

тические статьи, литературные хроники, и романов «Проступок аббата Муре», «Его превосходительство Эжен Ругон» содействовали успеху Золя в России (см. статью «Золя — сотрудник „Вестника Европы“» в кн.: М. К. Клеман. Эмиль Золя. Сборник статей. Л., 1934, стр. 266—304).

Переписка Тургенева со Стасюлевичем позволяет проследить, как писатель пропагандировал творчество Флобера, в частности его «Искушение святого Антония» (см.: *Письма*, т. X, стр. 183, 190, 192), рассказы Г. де Мопассана (см.: там же, т. XII, кн. 2).

Тургенев был посредником между Стасюлевичем и Б. Ауэрбахом, советуя редактору «Вестника Европы» напечатать роман последнего «Дача на Рейне» вместе со своим предисловием к нему (см.: там же, т. VII, стр. 107—109, 189, 204, 214; ср.: Ю. Д. Левин. О предисловии к русскому изданию романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне». *Тургенев, Сб.*, вып. IV). Интересные сведения об этом содержатся в переписке Стасюлевича с А. Н. Пыпиным (см.: ГПБ, ф. 621, ед. хр. 820, лл. 12—15, 18).

Русский писатель рекомендовал Стасюлевичу первый том сочинения И. Тэна «Les origines de la France contemporaine» («Происхождение современной Франции»): «L'Ancien régime» («Старый порядок») (см.: *Письма*, т. XI, стр. 65—66).

На протяжении шестнадцатилетнего делового общения с редактором «Вестника Европы» Тургенев постоянно ходатайствовал перед ним о возможных участниках журнала.

В 1870—1872 гг. он рекомендовал Стасюлевичу К. Н. Модзалевского, А. О. Либана, А. Ф. Отто (Онегина) (см.: там же, т. VIII, стр. 235, и т. X, стр. 281, 340); в марте 1873 г. — Н. В. Щербаня, как «полезного и надежного сотрудника» (там же, т. X, стр. 80). В письме к Стасюлевичу от 13 (25) января 1877 г. писатель сообщал об интересных и необходимых для «Вестника Европы» корреспонденциях В. Рольстона (см.: там же, т. XII, кн. 1, стр. 66—67). В сентябре 1877 г. Тургенев вел переговоры со Стасюлевичем о сотрудничестве П. Л. Лаврова в «Вестнике Европы» (см. письмо к П. Л. Лаврову от 5 (17) сентября 1877 г.: там же, стр. 205; см. также вступительную статью Ю. Красовского к письмам Тургенева к П. Л. Лаврову: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 8—17).

Стасюлевич относился к писателю с неизменным глубоким уважением и симпатией, он дорожил его мнением и литературно-критическими оценками. По рекомендации Тургенева в «Вестнике Европы» были напечатаны повести молодых начинающих русских авторов: А. Н. Луканиной, Е. В. Львовой, Л. Я. Стечькиной, Л. Ф. Ломовской (Нелидовой), Е. И. Бларамберг (Апрелевой), А. А. Брянчанинова и др. Роль Стасюлевича в публикации произведений молодых литераторов проясняется из переписки Тургенева с ним в 70-е годы.

Бывая в Петербурге, Тургенев присутствовал на заседаниях редакции «Вестника Европы». В свою очередь, Стасюлевич постоянно навещал писателя за границей. В один из приездов редактора «Вестника Европы» в Буживаль осенью 1876 г. Тургенев читал ему некоторые главы из «Нови», о чем Стасюлевич писал жене в письме от 31 августа (12 сентября) 1876 г.: «Сегодня происходило чтение романа Тургенева в Буживале. Судя по отдельным сценам, которые он прочел мне, роман превзошел все мои ожидания. По моему мнению, Тургенев еще ничего не написал подобного» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 85).

Стасюлевич высоко оценивал произведения Тургенева, публикуемые в «Вестнике Европы», однако на правах редактора он вносил подчас и некоторые изменения в его рукописи. Как правило, они были незначительны и делались с согласия автора. Например, Стасюлевич внес поправку в заглавие перевода Тургенева «Легенды о святом Юлиане Милостивом» Флобера, заменив его, очевидно по цензурным соображениям, на «Католическую легенду о Юлиане Милостивом» (см. об этом в комментариях П. Р. Заборова: *Сочинения*, т. XIII, стр. 684). Им же было предложено заглавие «Клара Милич» вместо «После смерти», как это было

в рукописи повести Тургенева. Об этом свидетельствуют письма Тургенева к Стасюлевичу от 11 (23), 12 (24), 14 (26) ноября 1882 г. (*Письма*, т. XII, кн. 2) и воспоминания современников. В письме к Тургеневу от 7 (19) декабря 1882 г. П. В. Анненков выразил недовольство по этому поводу: «Негодую на Стасюлевича за перемену заглавия Вашей повести. Глупее этого ничего сделать нельзя» (*Сочинения*, т. XIII, стр. 578. Подробнее об этом см. в комментариях Л. Н. Назаровой к повести «Клара Милич»: там же, стр. 579). Своею редакторской волей Стасюлевич, опасаясь цензурных репрессий, решил отрицательно судьбу «Искушения святого Антония» Флобера, горячо рекомендованного Тургеневым (см. об этом выше, стр. 141—149).

В 1874 г. Стасюлевич привлек Тургенева к участию в организованном им издании «Русская библиотека». С согласия писателя VI том «Русской библиотеки» был посвящен его творчеству (см. статью И. С. Чистовой «Тургенев и „Русская библиотека“ М. М. Стасюлевича»: *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 286—289).

В конце 1881 г. Тургенев оказал поддержку издаваемой Стасюлевичем ежедневной газете «Порядок» (1881—1882). В письмах писателя этого времени содержатся прямые оценки газеты, ее направления, советы по улучшению издания, рекомендации иностранных корреспондентов. «Увижу Фукье — передам ему Ваши замечания, — писал Тургенев Стасюлевичу 3 (15) января 1881 г. по поводу его недовольства парижскими корреспонденциями французского автора. — Но как воспроизводителю современного состояния Франции, как же ему не быть оппортунистом, особенно после выборов 9 января, когда чуть не вся Франция высказалась в этом смысле? Впрочем, я полагаю, что именно это настроение не должно быть чуждым „Порядку“» (*Письма*, т. XII, кн. 2). Несколько позднее Тургенев сообщал Стасюлевичу в письме от 8 (20) января 1881 г.: «Общее впечатление „Порядка“ пока серовато и напоминает официальные издания, желательно было бы больше погружения в современную столичную жизнь, хотя бы и без трескотни бубенчиков „Нового времени“» (там же, кн. 2). В газете «Порядок» был опубликован рассказ Тургенева «Старые портреты» (1881, №№ 1 и 4).

При жизни писателя Стасюлевич явился автором статьи о «Нови», в которой выступил в защиту романа Тургенева от разноголосой и резкой критики (Историческая справка по поводу нового Тургеневского романа. «Вестник Европы», 1877, № 3).

После смерти Тургенева Стасюлевич опубликовал в «Вестнике Европы» свои воспоминания о нем: «Из воспоминаний о последних днях И. С. Тургенева» (1883, № 10), «Похороны И. С. Тургенева» (1883, № 11), «Юношеский портрет И. С. Тургенева» (1884, № 1), «Еще дружеские воспоминания о Тургеневе. По поводу воспоминаний Л. Пича» (1884, № 5). Стасюлевич принял горячее участие в разыскании и отборе писем Тургенева и в подготовке к печати вместе с В. П. Гаевским издания: «И. С. Тургенев. Первое собрание писем» (1884). Сведения об этом содержатся в переписке Стасюлевича с В. П. Гаевским (см., например, письмо редактора «Вестника Европы» к В. П. Гаевскому от 5 (17) октября 1874 г.: *ГПБ*, ф. 171, ед. хр. 270, л. 90; см. также статью М. П. Алексеева «Письма И. С. Тургенева»: *Письма*, т. I, стр. 91—123). По инициативе Стасюлевича в «Вестнике Европы» были напечатаны воспоминания П. В. Анненкова о Тургеневе — «Молодость И. С. Тургенева» (1884, № 2), «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856—1862» (1885, №№ 3, 4), «Из переписки с И. С. Тургеневым в 60-е гг.» (1887, №№ 1, 2), — вошедшие позднее в его книгу «Литературные воспоминания» (1909), и «Воспоминания о И. С. Тургеневе и его семье» В. Н. Житовой. «Тургенев и после смерти и не лично — а служит „Вестнику Европы“», — писал А. Ф. Кони Стасюлевичу 1 (13) ноября 1884 г., с восторгом отзываясь о «Воспоминаниях» В. Н. Житовой (*Стасюлевич*, т. IV, стр. 430).

Редактор «Вестника Европы» был одним из первых русских, поклонившихся гробу Тургенева, он же перевозил прах писателя из Буживаля в Москву.

Публикуемые письма (1874—1882) дополняют переписку Тургенева со Стасюлевичем и характеризуют деловые и дружеские связи писателя с редактором-издателем.

Известно 354 письма Тургенева к Стасюлевичу и 11 писем Стасюлевича к Тургеневу, одно из которых, от 19 (31) июля 1879 г., напечатано (*Стасюлевич*, т. III, стр. 167; автограф находится в *ИРЛИ*, 5778.XXXб.68а). Из 10 писем, публикуемых ниже, восемь хранятся в *ИРЛИ* (5778.XXXб.68а), два письма 1881 г. — в *ЦГАЛИ* (ф. 509, оп. 1, ед. хр. 133).

1

СПб., Галерная, 20
16/28 февр. 1874.
Суббота

Я получил Ваше письмо, от воскресения, добрейший Иван Сергеевич, третьего дня вечером. Мне самому более, чем досадно, что я заставил Флобера прогуляться в Петербург и вернуться в Париж, но напечатать что-нибудь подобное можно не иначе, как предварительно самому уехав в Париж, чтобы не присутствовать лично при погребении журнала.[1] Но Вы не мстительны и на мой фунт огорчения прислали мне целый пуд утешения: если бы не проклятое сомнение, то я готов был бы Вам сию же минуту написать похва́льное слово за обещанную повесть.[2] Но, нет! кажется, в тоне письма есть что-то решительное и бесповоротное — так нашептывает мне мое сильное желание, чтобы сон был в руку. Слова: «я окончил вчера» — подчеркнуты; правда черточка очень тоненькая, но все же она есть; я брал даже лупу для рассматривания и увидел, что сомнения тут никакого не может быть. Итак, решительно отлагаю сомнение в сторону и жму Вам руку самым дружеским образом за Ваше расположение к бедному «Вестнику Европы». Вы разбудите наших читателей, слегка вздремнувших над нашей тощей беллетристикой, которую справедливее было бы называть моветристикой, так как в ней и признаков от belle [а] не осталось.

Меня теперь смущает одно обстоятельство: Вы пишете, что еще через 2 недели пришлете рукопись; Вы это пишете 10/22 февраля: значит она выедет из Парижа, так примерно, 24 февраля/8 марта; следовательно, в моих объятиях она будет находиться 1/13 марта. Это бы еще ничего! до того времени мы будем набирать другие статьи апрельской книги, но не будем их верстать, чтобы, разумеется, начать книгу с Вас. Но вдруг Ваша рукопись явится позже, и тогда — беда!

А повесть нужно непременно в апрель: это будет третий день Пасхи, и мы поднесем нашим читателям Тургенева в виде красного яичка. Дайте мне, ради бога, сейчас же знать, когда рассчитываете выслать рукопись, а в день ее отправления — уведомьте телеграммой.

[а] прекрасное (*франц.*).

«Год» выслан вам сегодня по тяжелой почте;[3] я думал, что его Вам выслали уже давно. Долг Вам Альберта Николаевича стоит на обертке «В‹естника› Евр‹опы›»: 21 рубль.[4] — Вы пишете, что увидимся в апреле! Вероятно, *первого* апреля! — Это — самый удобный для Вас месяц, чтобы обещать приехать и иметь полное право — обмануть.

Весь Ваш М. Стасюлевич.

Публикуется впервые, за исключением двух кратких отрывков, напечатанных в *Письмах* (т. X, стр. 582, 583).

[1] М. М. Стасюлевич отвечал на письмо Тургенева от 10 (22) февраля 1874 г., в котором писатель сообщал о получении пакета с романом Флобера «Искушение святого Антония». «Не могу сказать, что я слишком удивился подобной развязке: я знал, что это штука трудная, я надеялся, авось проскочит! Оказалось, что не проскочила. Жаль — а делать нечего! Возвращу корректуры по принадлежности» (*Письма*, т. X, стр. 199). Ознакомившись с «Искушением святого Антония» в корректурных листах, Стасюлевич отказался печатать его в «Вестнике Европы» из боязни цензурных затруднений. Опасения редактора были небезосновательны: в 1871 г. «Вестник Европы» получил 1-е предостережение, в 1873 г. — второе.

[2] Имеется в виду повесть «Пунин и Бабурин», напечатанная, как и хотел Стасюлевич, в апрельской книжке «Вестника Европы» (1874, № 4). См.: *Письма*, т. X, стр. 199, 202—203, 207.

[3] «Год. Историко-политическое обозрение. 1872—1873» (СПб., 1873, декабрь) — сборник, изданный Стасюлевичем в качестве приложения к «Вестнику Европы». В декабре 1874 г. был издан «Год „Вестника Европы“ за 1873—1874 гг.». Оба сборника составлены под редакцией Л. А. Полонского из его обозрений и статей, освещавших важнейшие события политической и общественной жизни России и Запада (отклики на это издание см.: «СПб. ведомости», 1874, 1 (13) января, № 1).

[4] В письме от 25 января (6 февраля) 1874 г. Тургенев сообщал Стасюлевичу: «...семейство Тургенева весьма желает подписаться на „В‹естник› Е‹вропы›“, и потому будьте так добры и распорядитесь, чтобы один экземпляр „В‹естника› Е‹вропы›“ был впредь высылаем на имя M-r Albert Tourguéneff, rue de Lille, 97 — а мне скажите, сколько я должен с них получить денег за подписку» (*Письма*, т. X, стр. 193, 199).

2

10/22 марта 1874
СПб.,
Воскресенье.

Вчера, добрейший Иван Сергеевич, я получил давно жданную гостью и мог только взглянуть на заглавие и конец.[1] Это было 2 часа дня: через полчаса должны были начаться работы в типографии, и потому я с одним рассыльным послал рукопись для немецкого набора, а с другим — благодарственную телграмму Вам.[2] Сегодня утром мне принесли первую форму набора: как видите, мы не дремлем! Вот Вам ответ на только что мною полученное Ваше письмо от среды с вопросом: в апрельской или майской книгах будет напечатан рассказ Петра Петровича Б. Конечно,

в апрельской![3] 31 марта пасха, а первого апреля мы разошлем подписчикам — красное яичко; а без Вас оно было бы желтоватым.

Я сделал tour de force,[а] только чтобы не пропустить апреля без Вас. Все почти статьи из апрельской книги были задержаны и стояли в наборе; когда пошли от Вас известия шаткие, я приказал — нечего делать — начать верстать первые две статьи; но когда во вторник пришла от Вас твердая телеграмма, я опять остановил журнал; зато сегодня, несмотря на воскресенье, половина типографии на ногах, чтобы набрать Вашу рукопись. Послезавтра вся машина пойдет в ход на всех парах, чтобы наверстать пропущенное время. Но не бойтесь за Вашу статью: мы только сверстаем ее, но не будем спешить печатанием, а будем печатать листки следующих статей; Ваша же подвергнется одной лишней корректуре. Кроме меня будет читать ее Пыпин.

Начало мне очень понравилось, и я нисколько не жалею, что Вы является au naturel,[б] т. е. без дружеских указаний.[4] Из письма Пушкина к Вяземскому видно, что по совету Жуковского явился в «Памятнике» стих «Наполеонова столпа», и теперь страшно жаль, что мы не знаем, что было тут сказано самим Пушкиным.[5] Я уверен, что это было что-нибудь лучшее. Как видите, я помешался на Пушкине, о чем ни заговорю, а все сверну на Пушкина. Даже и вчера в телеграмму вставил известие, что мой первый том «Русской Библиотеки» с Пушкиным — вышел. Вы, я думаю, ломаете голову, что это за сон! Но сегодня отправился к Вам по почте наш первый том в виде экземпляра, напечатанного собственно для Вас, как Вы в том убедитесь из надписи на обертке. Посмотрите и сообщите мне Ваше мнение о моем предприятии и о первом его шаге. Один из следующих томов должен называться «И. С. Тургенев». Что Вы скажете на этот счет? Ведь не откажете же мне, так как в сущности дело идет о народном издании, какого у нас еще не было; том — 75 копеек!![6]

Сейчас заезжали ко мне Тургеневы[7] проститься: завтра уезжают в Москву, а потом в Париж с рекрутскою квитанцией в одном кармане и с — 7000 рублей в другом!! Каковы цены!! Коробочка была права, не поверив Чичикову, что мертвая душа стоит 2 р. 50 коп.

Огромнейшее спасибо Вам за труд и за услугу истинно дружескую.

Будьте здоровы!
Весь Ваш М. Стасюлевич.

[1] Имеется в виду повесть Тургенева «Пунин и Бабурин».
[2] Эта телеграмма Стасюлевича неизвестна.
[3] Стасюлевич отвечал на письмо Тургенева от 6 (18) марта 1874 г. (*Письма*, т. X, стр. 209). См. также письмо 1, примеч. 2.

а подвиг (*франц.*).
б в натуральном виде (*франц.*).

[4] В письме от 6 (18) марта 1874 г. Тургенев интересовался мнением Стасюлевича о повести «Пунин и Бабурин» и выражал сожаление по поводу того, что не успел показать рукопись повести П. В. Анненкову. «Это первое мое произведение, которое попадает в печать, не подвергнувшись критике моих приятелей — а в особенности П. В. Анненкова, которому я всегда давал читать мои рукописные вещи — и советы которого были всегда чрезвычайно дельны и драгоценны для меня» (*Письма*, т. X. стр. 209). Критический отзыв П. В. Анненкова о «Пунине и Бабурине» содержится в его письме к Тургеневу от 19 апреля ст. ст. 1874 (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 13; отрывок опубликован: *Письма*, т. X, стр. 606).

[5] Очевидно, Стасюлевич ошибся, ссылаясь на письмо Пушкина к П. А. Вяземскому по поводу изменений, внесенных В. А. Жуковским в стихотворение «Памятник» (1836 г.). В переписке Пушкина с П. А. Вяземским 1836—1837 гг. нет никаких сведений об этом. Исправления в тексте «Памятника» были сделаны В. А. Жуковским по цензурным соображениям в связи с подготовкой им посмертного Собрания сочинений Пушкина (т. IX, 1841).

У Пушкина было:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Жуковский исправил: Наполеонова столпа.

О других искажениях в тексте стихотворения «Памятник» см.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III (2), Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 1271; М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Л., 1967, стр. 7—52.

[6] Задуманное Стасюлевичем народное издание классиков «Русская библиотека» продолжалось с 1874 по 1879 гг. За это время вышло 9 томов, посвященных Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Жуковскому, Грибоедову, Тургеневу, Некрасову, Салтыкову, Л. Толстому. В издании отбирались лучшие произведения каждого из писателей; дешевизна издания способствовала его общедоступности. Положительный отзыв Тургенева о «Русской библиотеке» и о первом ее томе «А. С. Пушкин» (1874) содержится в его письме к Стасюлевичу от 4 (16) апреля 1874 г. (*Письма*, т. X, стр. 226). В письме к редактору «Вестника Европы» от 12 (27) марта 1874 г. Тургенев дал согласие участвовать в издании «Русская библиотека» (там же, стр. 213). VI том «Русской библиотеки» (1876) был посвящен избранным произведением Тургенева. Подробнее об этом см. в письмах Тургенева к Стасюлевичу от 5 (17) октября 1874 г. и от 13 (25) июня 1875 г., а также: *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 286—289.

Экземпляр I тома — «А. С. Пушкин» — с надписью Стасюлевича, адресованной Тургеневу, неизвестен.

[7] 24 февраля (9 марта) 1874 г. вдова Н. И. Тургенева, Клара Тургенева, поехала в Россию вместе с сыном, Альбертом Николаевичем, хлопотать об освобождении своего второго сына, Петра Николаевича, от воинской повинности. Будучи русским подданным, он с конца 1874 г. должен был проходить военную службу в России. От воинской службы избавляли рекрутские квитанции, на которые возросли спрос и цены (см. об этом: *Письма*, т. X, стр. 187, 422, 204, 214).

3

СПб. $\frac{5 \text{ апреля}}{24 \text{ марта}}$ 75. Понедел⟨ьник⟩.

Я получил с неделю тому назад, добрейший Иван Сергеевич, Ваше письмо, которое разошлось с моим, отвечавшим вперед на первую половину Вашего письма.[1] Итак, считаем вопрос о высланных мною 200 фр., вместо 280, исчерпанным. При первом же случае мы делаем новый расчет, из которого Вы получаете обратно свои 80 франков, которые я Вам должен.

Но я прошу З⟨оля⟩ отказаться от его способа расчета: такой способ идет вразрез со всем нашим хозяйством, построенным на других началах: единицею нашего хозяйства служит книжка журнала. А Золя решительно все равно, по тому или другому способу он получит деньги. По прошествии нынешнего года я, может быть, придумаю какую-нибудь меру на основании опыта, а уж в этом году пусть он позволит мне не переменять общего порядка.[2]

Если в Вашем письме не описка, то ошибка в расчете времени: Вы говорите, что З⟨оля⟩ вышлет для майской книги 8/20 *мая*, — но 8 мая книга за май, как Вы знаете, давно уже выйдет в свет; для майской книги он должен выслать статью 8/20 апреля; если же он не может, то 1/13 апреля он должен меня известить, что корреспонденции не будет.[3] Так как тут вышло недоумение, то не будете ли Вы так добры по получении этого письма уведомить меня, а после порядок восстановится сам собою. Мне бы очень хотелось, чтобы Золя мог вперед выбрать известные месяцы, разумеется, с правом заблаговременно отказаться в случае, если ему почему-либо было бы неудобно сесть за перо.

Жму дружески Вам руку и остаюсь преданный Вам

М. Стасюлевич.

Благодаря новому приключению с известным Овсянниковым и его наследницею у нас забыли Маркевича; история Овсянникова будет еще покурьезнее!!! [4]

[1] Это письмо Тургенева к Стасюлевичу неизвестно.

[2] В расписке Золя от 26 февраля (10 марта), адресованной Стасюлевичу, значится следующее: «Получено от г. Тургенева 280 франков, которые г. Стасюлевич поручил передать мне за 18 страниц (15 фр. за страницу), напечатанных в мартовском номере журнала „Вестник Европы“» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 594). В 3 № «Вестника Европы» за 1875 г. напечатано первое парижское письмо Золя «Новый академик». По договоренности с Золя через Тургенева, Стасюлевич должен был платить Золя по 15 франков за страницу и «посылать каждый месяц плату за статью банковым переводом» (см. письмо Золя к Стасюлевичу от 8 (20) апреля 1875 г.: там же, стр. 595).

[3] В письме от 1 (13) апреля 1875 г. Тургенев писал Стасюлевичу: «Без сомнения, любезнейший Михаил Матвеевич, я описался: Золя вышлет Вам фельетон не 8/20-го мая, но 8/20-го апреля, т. е. через неделю» (*Письма*, т. XI, стр. 54). Речь идет о втором парижском письме Золя («Париж в апреле»), высланном в «Вестник Европы» 1 (13) мая 1875 и опубликованном в № 5 этого журнала за 1875 г. (см.: там же, стр. 41, 73, 368).

[4] Речь идет о купце-миллионере С. Т. Овсянникове, обвинявшемся в поджоге паровой мельницы купца В. А. Кокорева. В судебном процессе по делу «мукомольного старца» Овсянникова принимал участие В. Спасович (см. об этом в его письме к Стасюлевичу от 28 ноября ст. ст. 1875 г.: *Стасюлевич*, т. II, стр. 29). Материалы по делу о поджоге публиковались в «Московских ведомостях» (1876, 13 авг. ст. ст., № 205); подробнее об этом см.: А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. I. М., 1913, стр. 17—26). Скандальная история с Б. М. Маркевичем, которой интересовался Тургенев (см.: *Письма*, т. XI, стр. 26, 41), заключалась в том, что, будучи правительственным чиновником при «С.-Петербургских ведомостях», Маркевич получил большую взятку от издателя газеты А. Ф. Баймакова. (Подробнее об этом см.: там же, стр. 26, 449).

4

СПб., $\frac{20 \text{ апр.}}{2 \text{ мая}}$ 76.

Добрейший Иван Сергеевич,

с неделю тому назад я писал Вам, а вслед за тем получил пакет от Вас и письмо с 5-ю пунктами.[1] Я откладывал Вам отвечать, хотя ответ мог быть дан в ту же минуту, потому что мне хотелось вместе с тем отправить Вам обещанный экземпляр Толстого. Только сегодня мне удалось это исполнить, и притом самым комфортабельным для Вас образом: я выслал Ваш экземпляр, вместе с экземпляром Жуковского, на его имя, а потому Вам не предстоит никаких хлопот в таможне и Жуковский Вам доставит книги лично.[2]

Теперь следуют пункты.

1° Я с Вами совершенно согласен, что и драма Геббеля хороша, и перевод хорош, но беда в том, что объявленная программа в «Вестнике Европы» не дозволяет помещать переводы с печатного; исключение делается только для поэзии. Иначе я напечатал бы и «L'Assommoir» Зола; но в том-то и дело, что журнал отрекся публично от переводов с печатного.[3]

2° В силу того же правила, перевод Ю. Милютина уже напечатан в майской книге, хотя это также перевод с печатного — но в стихах.[4]

3° Легенду Флобера[5] ожидаю тем с большим удовольствием, что она, по Вашим словам, должна привезти Вас с собою, если только сама Ваша поездка в Петербург не легенда. Смею уверить только в одном, что у нас никакой повальной болезни не имеется и Вы можете смело ехать.

4° Относительно писем Пушкина буду ждать сегодняшнего числа (20-го мая) через месяц, как Вы то назначаете;[6] меня Вы застанете здесь вполне: даже и собираться не буду еще за границу.

5° Zola par Zola lui-même[a] уже получен и перевод сделан. Очень рад, что я ошибся, и Золя получит два раза; но неужели Шарпантье не мог один ему заплатить 12 тысяч франков.[7]

Жму дружески Вам руку. До скорого свидания!

Весь Ваш М. Стасюлевич.

Экземпляр Толстого Вы получите от имени графини Софьи Андреевны,[8] которая теперь вероятно уже в Париже.

Публикуется впервые, за исключением отрывка: *Письма*, т. XI, стр. 599.

[1] Это письмо Стасюлевича является ответом на письмо Тургенева к нему от 8 (20) апреля 1876 г. (*Письма*, т. XI, стр. 249—250).

[2] Стасюлевич послал Тургеневу экземпляры Полного собрания сочинений А. К. Толстого (тт. I—II, СПб., 1876) на имя жившего в Париже П. В. Жуковского. О подготовке этого издания см. в письмах С. А. Толстой к Стасюлевичу от 1 (13) марта, 11 (23) марта, 1 (13)—18 (30) апреля 1876 г. (*Стасюлевич*, т. II, стр. 387—389).

[3] Речь идет о переводе с немецкого драмы Фридриха Геббеля «Мария Магдалина». Перевод был сделан П. В. Григорьевым. Тургенев горячо рекомендовал Стасюлевичу и переводчика — «молодого» и «очень талантливого» русского, и драму Геббеля — «едва ли не лучшее произведение новой германской драматической литературы» (*Письма*, т. XI, стр. 249).

[4] Имеются в виду переводы Ю. Н. Милютина из «Лирических интермеццо» и «Книги песен» Гейне, напечатанные в «Вестнике Европы» (1876, № 5).

[5] «Легенда о святом Юлиане Милостивом» Флобера в переводе Тургенева была опубликована в «Вестнике Европы» (1877, № 4) под заглавием «Католическая легенда о Юлиане Милостивом».

[6] В письме от 23 марта (4 апреля) 1876 г. Тургенев сообщал Стасюлевичу: «А вот еще предложение. Дочь Пушкина, графиня Меренберг (жена принца Нассауского), доставила мне всю корреспонденцию ее отца с ее матерью (около 50 писем) — и поручила мне найти издателя. Я этих писем еще не читал, но, без сомнения, всякая строка Пушкина драгоценна — и вот я немедленно подумал о Вас и о „Вестнике Европы“» (*Письма*, т. XI, стр. 241). Эти письма Пушкина были напечатаны в «Вестнике Европы» (1878, №№ 1, 3) с предисловием Тургенева (*Сочинения*, т. XV; об этом см. также: *Письма*, т. XI, стр. 249, 273, 288).

[7] В связи с тем, что в «Вестнике Европы» не публиковались переводы с печатного, Тургенев посоветовал Золя «заменить ежемесячную корреспонденцию в „Вестник Европы“ извлечением из романа „Западня“, которому бы предшествовал краткий разбор» (*Письма*, т. XI, стр. 243, 403). Воспользовавшись советом Тургенева, Золя писал по этому поводу Стасюлевичу 27 марта (8 апреля) 1876 г.: «Я пошлю Вам в этом месяце в форме корреспонденции короткий анализ „Западни“, сопровожденный значительной выдержкой. Выберу я эту выдержку так, чтобы вы были первым в России, печатающим ее, то есть я возьму ее из дальних частей романа» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 606). В «Вестнике Европы» (1876, № 5) был напечатан перевод главы из «Западни» («Очерки новой жизни Ругонов» — «Винный погребок») с изложением содержания романа;

---

[a] Золя о самом себе (*франц.*).

одновременно роман «Западня» («L'Assommoir») публиковался в газете «Bien public» и выходил отдельным изданием (изд. Charpentier, Paris, 1877). За обе публикации Золя получил по 6000 франков (см.: *Письма*, т. XI, стр. 250).

[8] Софья Андреевна Толстая — вдова А. К. Толстого. 1 (13) апреля 1876 г. она писала Стасюлевичу: «Пожалуйста, перешлите мне экземпляр ‹Полного собрания сочинений А. К. Толстого› также на адрес Жуковского в Париж, я думаю туда ехать» (*Стасюлевич*, т. II, стр. 389). В письме от 11 (23) марта 1876 г. к тому же адресату С. А. Толстая обещала переслать «имена тех, кому надобно будет передать экземпляры» (там же, стр. 388). Очевидно, в их числе был и Тургенев.

5

‹16 марта 1877 г.›

Новь — 15 л. 8 стр.	7750 р.
выдано	6100
Следует доплатить 1876—77	1650 р.
От «Часов» осталось	— 150
19 марта 1876	— 100
31 мая »	— 200
13 декабря	— 500
14 »	— 100
16 »	— 500
8 января 1877	— 3200 р.
21 января в Москву	— 1350
	6100 р.

Любезнейший Иван Сергеевич, прилагаемый перевод кончает все наши расчеты, потому и поспешите положить основание новым расчетам — садитесь за новую картину: в «В‹естнике› Евр‹опы›» место всегда готово. — Курс, как видите, все осторожный: 302 р. О получении известите. Жму дружески Вам руку.

Весь Ваш М. Стасюлевич.

Письмо Стасюлевича написано на обороте его записки следующего содержания: «В контору. Сообщите мне точную цифру, сколько мы должны Тургеневу за „Новь“? М. Стасюлевич. 16/III 77». Датируется на основании этой записки.

6

СПб., 10/22 июня 78.

Многоуважаемый
Иван Сергеевич,

Мы все еще здесь, но и Вы, к моему удовольствию, все еще в Париже (сегодня), несмотря на то, что по последнему Вашему письму, от 6 июня/25 мая, Вам давно следовало бы быть в Карлсбаде.

Вы сделали очень хорошо, что остались: наш литературный конгресс вследствие этого был гораздо лучше представлен, чем Берлинский — его же царствию, кажется, не будет конца.[1]

Еду дня через три или четыре и, как Эзоп, на вопрос: куда? — отвечаю: не знаю! Одни советуют в Киссинген, другие в Виши. Мы решили покончить это дело третейским судом, а именно посмотреть, на чью сторону склонятся берлинские врачи. Все-таки думаю, что мы скорее поедем в Киссинген.[2] Вследствие всего этого, для Вас мой адресс пусть остается тот же, т. е. в Петербург, а отсюда мне перешлют.

Если будете в Петербурге, заезжайте в склад типографии, Вас‹ильевский› ост‹ров›, 2 л‹иния› 7, и там управляющий наш Халиховский отдаст Вам отчет во всех делах.

Желаю Вам хорошего шпруделя и добрых от него последствий.[3]

У нас здесь африканская жара; просто — смерть.

Жму дружески Вам руку

Весь Ваш М. Стасюлевич.

[1] В письме от 25 мая (6 июня) 1878 г., на которое отвечал Стасюлевич, Тургенев сообщал о своем предполагавшемся «через неделю» отъезде в Карлсбад, а оттуда в Мценск, минуя Петербург и Москву (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 327). Поездка была отложена на некоторое время в связи с открытием 11 июня н. ст. 1878 г. Международного литературного конгресса в Париже, в работе которого Тургенев принял деятельное участие (был вице-президентом комиссии, занимавшейся вопросами международного права, председательствовал на заседаниях, выступил с речью (см.: *Сочинения*, т. XIV; М. П. Драгоманов. Воспоминания о знакомстве с И. С. Тургеневым. *Революционеры-семидесятники*, стр. 166—167; М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомства. *Лит. насл.*, т. 31—32, стр. 874—876)). Берлинский конгресс открылся почти одновременно с Литературным — 13 июня н. ст. 1878 г., его деятельность продолжалась до 13 июля н. ст. 1878 г. Созванный по настоянию Англии, Австрии и Германии, Берлинский конгресс должен был пересмотреть условия Сан-Стефанского мира 19 февраля (3 марта) 1878 г., заключенного после победы России в войне с Турцией в 1878—1879 гг.

[2] В июне 1878 г. Стасюлевич выехал в Киссинген (см. его письма к А. Н. Пыпину этого времени: *ГПБ*, ф. 621, № 830).

[3] «Шпруделя» от немецкого der Sprudel — минеральный источник.

7

СПб., 11/23 июня 79.

Добрейший Иван Сергеевич

и новопоставленный Доктор естественного права, приветствую Вас самым сердечным образом с честью, которая есть и наша честь.[1] Надобно отдать справедливость англичанам: они нас недолюбливают, но это не мешает им быть беспристрастными.

Я накануне отъезда: в эту субботу, 16/28, выезжаю из Петербурга прямо во Франценсбад, куда везу жену; там проживу я неделю, а после в Киссинген на месяц. Из Франценсбада дам Вам знать, как все это решится; Ваше поручение не исполняю, не переписавшись с Вами: вызывать кого-нибудь к сообщению адресса жительства чрез газеты по поводу членских взносов, а не по получению наследства — крайне неловко и даже обидно, так как это покажется, что их ищут для напоминания им их обязанностей. У нас это не принято и огорчит многих. Надобно постараться разузнать их адрессы частным образом, через тех лиц, которые их представляли. Например, адресс Красносельского и Розенталя известен Гинцбургу; адресс Кумберга известен всему Петербургу, и странно было бы требовать его адресса через газеты.[2]

Теперь я в великих хлопотах по случаю отъезда — буду писать Вам из Франценсбада на свободе.

«Зап‹иски› охотника» начались; кажется будет хорошо. Но дурно то, что ничто не помешает Салаевым напечатать в особом томе «Зап‹иски› охотника» и продавать их отдельно по цене одной бумаги и печати! В «Русской библиографии» им даже дали такой добрый совет.[3]

Искренно преданный
Ваш
М. Стасюлевич.

[1] 6 (18) июня Оксфордский университет присудил Тургеневу степень почетного доктора гражданского права. Описание этой торжественной церемонии содержится в письмах Тургенева к Анненкову от 12 (24) июня, А. В. Топорову от 20 июня (2 июля) 1879 г. (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 91, 99). Подробно об этом см. также: Д. С. Саймонс. Тургенев и Оксфорд. В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, стр. 392—398.

[2] Стасюлевич отвечал на письмо Тургенева к нему от 2 (14) июня 1879 г., в котором писатель обращался с просьбой «пропечатать прилагаемое объявление нашего общества в каком-нибудь журнале, „Новом времени“ или „Голосе“» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 88). Очевидно, речь идет об одном из объявлений «Общества взаимного воспоможения и благотворительности русских художников в Париже», секретарем которого с декабря 1878 г. по 1883 г. был Тургенев, казначеем — Г. О. Гинцбург (см. выше статью Л. И. Кузьминой, стр. 254—261). В члены «Общества» привлекались не только русские, жившие в Париже, но и многие состоятельные соотечественники (см.: *Антокольский*, стр. 345—346). Участники «Общества» неоднократно обращались к Стасюлевичу с просьбой напечатать объявления, характеризующие их деятельность. Например, А. П. Боголюбов в письме к А. Н. Пыпину от 2 (14) января 1882 г. выска-

зал пожелание поместить в газете «Порядок» объявление об одном из вечеров «Общества» (*ГПБ*, ф. 621, № 89, лл. 1—2). Вероятно, Стасюлевич указывал фамилии нескольких членов «Общества»: Иоганн Андреас Кумберг (1823—1891) — известный владелец лампового магазина и фабрики в Петербурге; А. Я. Красносельский (ум. 1893) — преподаватель С.-Петербургской духовной семинарии; Э. Ф. Розенталь (1828—1897) — доктор.

[3] Речь идет о первом стереотипном издании «Записок охотника» 1880 г., вышедшем в Петербурге в типографии Стасюлевича. Часть тиража была напечатана в 1879 г. О замысле этого издания Тургенев сообщал в письме к П. П. Васильеву от 17 (29) мая 1879 г. (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 79). В статье П. В‹асильева› «Об отдельном издании „Записок охотника“ И. С. Тургенева» содержалось следующее обращение к издателям бр. Салаевым: «Желательно, если бы почтенная фирма помимо полного собрания сочинений И‹вана› С‹ергеевича› подарила бы публику и отдельным изданием „Записок охотника“ — этим популярнейшим произведением знаменитого писателя. ‹...› Отдельным изданием „Записок охотника“, с умеренной платой, братья Салаевы оказали бы большую услугу российской читающей публике, в особенности той большей ее части, которая по ограниченности средств не в состоянии приобрести полного собрания сочинений И. С. Тургенева» («Русская библиография», 1879, № 20, стр. 73).

8

2.V.81.
10 ч. у.

Добрейший Иван Сергеевич, посылаю Вам преступление (№ 1 мая) и белое наказание в виде запрещения печатания объявлений (№ 2 мая).[1]

Вот Ваши письма и посылки, хранившиеся на Ваше имя, и 500 рублей, а далее, когда мы оправимся от нового удара, Контора доставит Вам подробный расчет.[2]

Если не успею побывать у Вас сегодня, то завтра жду к обеду в 7 часов вечера.

Искренне преданный
Вам
М. Стасюлевич.

[1] Несмотря на известную осторожность Стасюлевича как редактора, политическая газета «Порядок» (1881—1882), издаваемая им, подвергалась постоянным цензурным гонениям. 24 марта ст. ст. 1881 г. по распоряжению министра внутренних дел была запрещена розничная продажа газеты за публикацию в ней корреспонденции из Весьегонска о беспорядках в селе Молокове, так как «появление в печати подобного рода корреспонденций может только способствовать к увеличению тревожного состояния общества» (*ЦГИА*, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 548, лл. 12, 17). 1 мая ст. ст. 1881 г. министр внутренних дел постановил «прекратить печатание частных объявлений в газете „Порядок“ на один месяц» (ЦГИА, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 548, лл. 20, 24). Газета Стасюлевича от 2 (14) мая 1881 г. вышла, таким образом, в свет с последней страницей, на которой полностью отсутствовал текст объявлений и место для них оставалось незаполненным (см.: «Порядок», 1881, 2 (14) мая ст. ст., № 119).

[2] Очевидно, под «новым ударом» Стасюлевич имел в виду неприятности со стороны цензуры, за которыми могло последовать предостережение или запрещение газеты. В письме к А. В. Топорову от 26 мая (7 июня) 1881 г. Тургенев писал: «С удовольствием увидел, что „Порядку“ пока нет предостережений» (*Письма*, т. XIII, кн. 1).

9

СПб., 3 VI 81.

Добрейший Иван Сергеевич, сейчас я получил Ваше письмо от 1-го.[1] Очень сожалею, что Вы у нас не оставили своей подагры — нам бы уж за одно! № 145 «П<орядка>» был на несколько часов конфискован: первый пример с 1865 г., а потом выпустили без всякой перемены:[2] tel est notre bon plaisir.[a]

Газету же Вы не получаете, пожалуй, потому что не дали знать о перемене,[3] а мне просто в голову не пришло: газета верно и теперь ходит на Вашу квартиру в Петербурге. Завтра справлюсь и исправлю, если есть ошибка. Говорят, что вместо Вяземского будет назначен «генерал» Фадеев:[4] поздравьте нас!

Жму дружески Вашу руку и бегу спать!

Весь Ваш

М. Стасюлевич.

Приходил на Ваше имя пакет с книгами из Риги, или из Ревеля, я не помню: я отправил и его в Мценск. Получили ли его? Вероятно, это от Бэре.[5]

[1] Имеется в виду письмо Тургенева от 1 (13) июня 1881 г. (*Письма*, т. XIII, кн. 1).

[2] В «Деле об издании газеты „Порядок“» (*ЦГИА*, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 548) нет материалов о конфискации № 145 «Порядка». Однако в «Политическом обозрении», опубликованном в этом номере, содержались выпады против М. Т. Лорис-Меликова и системы классического образования Д. А. Толстого, а также информация о беспорядках и еврейских погромах на юге страны (см.: «Порядок», 1881, 28 мая ст. ст., № 145). В № 144 «Порядка» (27 мая ст. ст. 1881 г.) была напечатана статья о малоземельном крестьянстве, которая, по донесению цензоров в Главное управление по делам печати, являлась «темой для вредных агитаторов» (*ЦГИА*, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 548, л. 36). В 1865 г., о котором пишет Стасюлевич, 6 апреля ст. ст. был издан новый закон о печати, отменявший предварительную цензуру для журналов и газет, но зато вводивший систему «предупреждений», приостановок издания, конфискации отдельных номеров, вырезывания статей по постановлению Главного управления по делам печати и т. д.

---

[a] так нам благоугодно (*франц.*: формула волеизъявления французских королей до 1789 г.).

[3] 29 апреля (11 мая) 1881 г. Тургенев приехал из Парижа в Петербург («СПб. ведомости», 1881, 2 мая ст. ст., № 90). 31 мая (12 июня) он переехал в Спасское, где прожил до отъезда в Петербург 21 августа (2 сентября) 1881 г. (см. письмо к А. А. Брянчанинову от 20 августа ст. ст. 1881 г.: *Письма*, т. XIII, кн. 1).

[4] П. П. Вяземский (1820—1888) с 5 апреля ст. ст. 1881 г. по 1 января ст. ст. 1883 г. был начальником Главного управления по делам печати. В 1883 г. его сменил на этом посту Е. М. Феоктистов (1829—1898). Слухи о назначении Р. А. Фадеева (1824—1883), военного писателя и публициста, имевшего чин генерал-майора и в 1877 г. бывшего военным советником в Черногории, оказались ложными.

[5] Речь идет о нескольких экземплярах XI тома немецкого (митавского) издания избранных сочинений Тургенева, куда вошли «Затишье», «Фауст», «Первая любовь» (Ausgewählte Werke. XI-ter Band. Stilleben. Faust. Die Erste Liebe. E. Behre's, Hamburg, 1881).

10

СПб., 14/26. 1882 [1]
Пятница, 12 ч. дня

Добрейший Иван Сергеевич, так как вчера у меня обедал Анненков и после обеда мы составили конференцию по Вашей «задаче» (был и Гинцбург, но вместо Самарского мучился Пыпин), то сегодня утром я и без того собирался писать Вам отчет о нашей конференции; [2] а тут подошло и Ваше письмо 10 (22) мая — с него и начну.

По делу Шполянского вышла так называемая катавасия с разноголосицею.[3] Вследствие дурных известий о Вашем здоровье, в те дни я обратился к Анненкову и просил его снестись с Ш‹полянским›, но это письмо, очевидно, погибло, так как Анненков такого письма не получал. Между тем, я получил от самого Шп‹олянского› письмо с извещением, что Вы так больны, что видеть Вас нельзя. Я ему немедленно повторил мой ответ, посланный через Анненкова, конечно, в самых осторожных выражениях. В сущности его статья так слаба и свидетельствует о такой неприготовленности его собственных сил к оценке деятельности государственных людей, что ее можно одобрить разве как ученическую работу, да и то не из лучших; в журнале же выступать с такими «недоношенными» мыслями и взглядами нет никакой возможности. Выходит теперь, что Вы, будто, его обманули; но успокойтесь, это такой «обман», за который можно попасть в рай, — самый «благочестивый» обман. Так благочестиво, помните, Вы обманули меня, сказав, что потребовали с Салаева 25 тысяч.[4] Наши (некоторые) государственные люди лгут и обманывают совершенно иначе, а потому Вы никаким образом за Ваши «обманы» не получите министерского портфеля — а славу доброго и хорошего человека утвердите этими обманами навсегда. Об историческом значении боткинского юбилея Вы прочтете в Общ‹ественной› хронике июньской книги, — если эта книга будет признана удобною для чтения.[5] Относительно L. в «Голосе», я слыхал, что это Ларош — господин весьма способный, но с которым я не желал бы встречаться; по крайней мере, прежние мои встречи с ним

обошлись мне в 800 рублей, «обратившихся в безнадежные».[6] Белоголовому кланяюсь паки и паки,[7] и таким образом, исчерпав содержание всего Вашего сегодняшнего письма, перехожу к нашей конференции. — Члены конференции единогласно признали данную Вами задачу 13-м подвигом, какой можно было бы предложить Геркулесу к совершению, и на этом подвиге он, конечно, запнулся бы. Можно также назвать Вашу задачу квадратурой круга или попыткой решить уравнение с двумя неизвестными. При помощи однако алгебраических формул мы пришли к одному, не более как вероятному, решению, а именно: хорошо если бы нашелся человек, который выдал бы Вам *сегодня* капитал, обеспечивающий пожизненную и наследственную ренту в 2000 руб. в год, за приобретение им на вечные времена права авторского на все Ваши сочинения. Как это условие ни ничтожно, но едва ли можно отыскать par le temps qui court[а] такого человека. А потому и вследствие чего я предложил конференции другой план, менее беспримерный и гораздо более выгодный. Вот он; прочтите его и вникните в суть дела:

«1. *Сегодня* же продать за чистые деньги будущее 8-ое (если не ошибаюсь) издание, не ожидая распродажи текущего 7-го издания, — в количестве 5000 экземпляров и примерно за сумму 20 000 рублей.

«2. *Сегодня* же распорядиться в духовном завещании относительно 9-го и всех последующих изданий, назначив душеприказчика, который согласился бы взять на себя заботу о последующих изданиях и продаже их с выдачею из чистого дохода ренты таким-то и таким-то лицам.

О третьем пункте не говорю, так как он может исполниться сам собою, по крайней мере, это особенно желательно, — а именно: самому же и дожить до всех этих последующих изданий.

Выгода от такого плана состоит в том, что Вы сейчас же получите половину,[б] за одно издание, из того, что можно получить за все, да и то едва ли. Покупщиком 8-го издания явится, конечно, тот же Салаев. Авторское же право тем не менее сохранится за Вами, да и после смерти будет регулировано Вами же, без всякого ущерба, назначенными Вами же наследниками.[8]

Вот и все.

Жара у нас невообразимая: сегодня утром в 8 часов было в тени +19° R. Деревья в зелени такой, какую можно видеть у нас только в начале июня. Мы уезжаем 1/13 июня, по выходе из цензуры июньской книги.[9] Я еду в Карлсбад, а жена в Франценсбад. В конце нашего июня будем в Париже — следовательно и в Буживале.

Еще — казусное дело: в квартире Анненкова, в присутствии Топорова и моем, было определено: принимая в соображение, что это письмо к Тургеневу есть просьба в Лит. фонд, также и ввиду[в] болезненного состояния адресата — вскрыть оное письмо и исполнить. Надежды наши обманулись; перед нами развернулся целый роман, который мы тут же до-

---

[а] в нынешнее время (*франц.*).
[б] *далее зачеркнуто:* того что
[в] *далее зачеркнуто:* его

сочинили; но так как вышло не хорошо, то и определили: выслать письмо Тургеневу — пусть сам досочиняет.

Жму дружески Вам руку.

Искренно преданный Вам

М. Стасюлевич.

[1] Датируется 14 (26) мая 1882 г. по связи с письмом Тургенева от 10 (22) мая 1882 г. (*Письма*, т. XIII, кн. 1), на которое отвечал Стасюлевич.

[2] См. примеч. 8.

[3] И. Л. Шполянский — участник Подольского революционного кружка, привлекался к дознанию в связи с деятельностью по организации «Подольской вольной типографии». В 1880 г. И. Л. Шполянский эмигрировал в Париж, где учился на медицинском факультете Парижского университета. Знакомство Тургенева с ним относится к 1880 г. (см.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 92). В письме Стасюлевичу от 20 апреля (2 мая) 1882 г. Тургенев рекомендовал статью И. Л. Шполянского о Гизо. «Кажется вещь дельная и годится в „Вестник Европы“, — писал он. — Если можете дать за нее руб. 75 за лист (всего 2 л.), дайте; если нет — то все-таки поместите, уж я заплачу» (*Письма*, т. XIII, кн. 1). В письме от 10 (22) мая 1882 г. Тургенев с большой симпатией отозвался об эмигранте: «Молодой Шполянский (статью о Гизо которого я Вам послал) возбуждает во мне искреннее сочувствие. Умирая с голоду, он один никому не протянет руки; так уж я решил солгать и сказать ему, что Вы приняли его статью — выслали мне за нее 150 франков (50 рублей за лист)». Статья И. Л. Шполянского не была напечатана в «Вестнике Европы».

[4] Очевидно, в одном из писем к Стасюлевичу Тургенев ошибочно назвал сумму 25 000 рублей (вместо 22 000), полученных им за 4-е издание Сочинений (М., 1880).

[5] Речь идет о статье, посвященной чествованию в Петербурге 25-летнего юбилея С. П. Боткина («Вестник Европы», 1882, № 6).

[6] Называя Г. А. Ларош автором статей в «Голосе», подписанных буквой «L», Стасюлевич отвечал на вопрос Тургенева в письме от 10 (22) мая 1882 г. (*Письма*, т. XIII, кн. 1).

[7] Н. А. Белоголовый — врач, лечивший Тургенева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова.

[8] «Конференция», о которой сообщал в начале своего письма Стасюлевич, была посвящена устройству литературного наследия Тургенева. В связи с этим П. В. Анненков писал Стасюлевичу 10 (22) мая 1882 г.: «Тургенев продиктовал мне инструкцию относительно посмертного издания своих сочинений для представления ее Вам на обсуждение и на общий наш приговор по ее поводу, которую инструкцию я и везу с собою в Петербург» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 401). Писатель поручил П. В. Анненкову, М. М. Стасюлевичу, Г. О. Гинцбургу, В. В. Самарскому-Быховцу отыскать покупателя на свои сочинения и составить проект доверенности на какое-либо лицо, которому он мог передать права собственности на свои сочинения. Об этом свидетельствуют его письма к П. В. Анненкову от 1 (13) мая 1882 г., Д. В. Григоровичу от 29 марта (10 апреля) 1882 г., А. В. Топорову от 17 (29) мая 1882 г. (*Письма*, т. XIII, кн. 1). Судя по публикуемому письму, Стасюлевич отклонил предложения Тургенева по этому поводу, а конференция, в которой приняли участие друзья писателя, не пришла к единому решению. Перечисляя издания сочинений Тургенева, Стасюлевич, очевидно, ошибся: в 1882 г. не закончилась

распродажа 4-го, а не 7-го издания Сочинения (М., 1880); «будущим изданием» было не 9-е, а 5-е, по поводу которого Тургенев через посредство А. В. Топорова вел переговоры с наследниками Ф. И. Салаева и с И. И. Глазуновым (см. письма В. В. Думнову от 1 (13) июня, 13 (25) июля 1882 г., А. В. Топорову от 17 (29) мая, 1 (13) июня, 5 (17) июля, 8 (20) июля и др.: *Письма*, т. XIII, кн. 1). См. также статьи: А. Г. Миронов. И. С. Тургенев и книгоиздательство братьев Салаевых в Москве. Книга, сб. V, М., 1961, стр. 330—345; М. А. Арзуманова. Завещание И. С. Тургенева. *Тургенев, Сб. (Алексеев)*, стр. 264—286.

[9] Имеется в виду «Вестник Европы».

Н. Н. Мостовская

ТУРГЕНЕВ В ПИСЬМЕ И. Е. РЕПИНА К В. Ф. ЗЕЕЛЕРУ

Илья Ефимович Репин (1844—1930) в конце 1873 г. был отправлен в качестве пенсионера Академии художеств в Париж, где пробыл до июля 1876 г. Здесь Репин сблизился с довольно многочисленной русской колонией, в особенности с художниками: В. Д. Поленовым, А. А. Харламовым, Ю. Я. Леманом, В. М. Васнецовым, К. А. Савицким, И. П. Похитоновым, А. П. Боголюбовым и др.

Тургенев, живший в это время также в Париже и испытывавший именно в 70-х годах особенный интерес к живописи, был всегда желанным гостем в среде этой художественной молодежи. Многие из художников создали портреты писателя (Харламов, Репин, Похитонов).

В книге «Репин и Тургенев» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1945) И. С. Зильберштейн подробно описал встречи Репина с Тургеневым в Париже в 1874—1876 гг. и работу Репина над портретом писателя (см. стр. 18—26). В I томе «Художественного наследства», посвященном Репину, вышедшем в свет в 1948 г., И. С. Зильберштейн поместил репинские «Автобиографические заметки» (ответы на вопросы С. Р. Эрнста, 1926 г., — см. стр. 380). В них Репин рассказывает о том же времени своего общения с Тургеневым; в заметках содержатся интересные детали, характеризующие процесс работы художника над портретом писателя в 1874 г., описание их встреч в салоне П. Виардо в Париже, оценка Репиным созданного им в то время портрета Тургенева.

Публикуемое ниже письмо И. Е. Репина к Владимиру Феофиловичу Зеелеру (1874—1954), музыковеду и искусствоведу, сотруднику русских эмигрантских изданий в Париже («Последние новости», «Современные записки», «Иллюстрированная Россия», «Русская мысль»), также целиком посвящено воспоминаниям художника о его встречах с Тургеневым в Париже в 1874 г. Это письмо вносит некоторые новые штрихи в историю создания портрета писателя, а также его взаимоотношений с молодым Репиным. В. Ф. Зеелер в 1923 г. посетил «Пенаты», и с тех пор в переписке с художником он постоянно возвращался к далеким временам пребывания Репина в Париже. Публикуя письмо Репина в парижской газете «Русская мысль», В. Ф. Зеелер писал: «В одном из писем моих к Илье Ефимовичу я спросил его, не расскажет ли он мне, как он писал <...> в Париже Ивана Сергеевича. На мой вопрос я 5 мая 1928 года от 84-летнего Репина получил удивительное по интересу и живости изложения письмо, которое целиком помещаю ниже». Мы печатаем текст письма И. Е. Репина к В. Ф. Зеелеру по «Русской мысли», вырезка из которой любезно прислана в редколлегию «Тургеневских сборников» Т. А. Осоргиной (Париж).

‹Конец июля—начало августа 1928. Пенаты›

Исполняя Ваше желание — писание портрета Ив. Сер. Тургенева опишу со всеми подробностями. Из Москвы, от П. М. Третьякова я получил от него заказ на этот портрет.[1] Поселился в Париже недалеко от Тургенева,[2] чтобы не затрудняться расстоянием... Иван Сергеевич принял меня очень ласково, и 1-й сеанс прошел в блаженной *удаче*... И я радовался, и Ив. Серг. поздравлял меня с успехом!..[3]

На другой день, утром, перед началом сеанса, я получил от Ив. Серг. длинную записку:[4] он описывал подробно, что м-м Виардо *забраковала* этот портрет...[5] Я *непременно* должен начать *на новом холсте*... Ей особенно не нравилось выражение лица! что особенно восхищало нас! — После долгого уговора я с отчаянием повернул свой холст... Надо было, *по мнению м-м Виардо*, взять другой *поворот* — другого *профиля* — этот *не хорош* у Ив. Сергеевича...

Все повернулось!?!..

Началось долгое, старательное писание — *мое*; и долгое, терпеливое *позирование* Ив. Серг. — уже не увенчавшееся желанным успехом (а *рукам* этого портрета посчастливилось быть замеченными Вл. Вас. Стасовым).[6]

Портрет этот был приобретен на моей выставке в *Москве* Саввой Ивановичем Мамонтовым. Он подарил этот портрет Румянцевскому музею, где он и висел долго. Теперь я не знаю, где этот портрет;[7] но каждый раз я не могу равнодушно вспомнить записанную *сверху* голову, которая была *так удачна по живни и сходству*... Но за это большое огорчение я был награжден *энным количеством времени*, — интимно проведенным мною в обществе очаровательного Ив. Сергеевича...[8]

Ив. Сергеевич был очень популярен, особенно в кругу *нигилистов*. Все они стремились видеть литературного бога и излить ему душу...[9]

Поглощенный божественной моделью, я много выслушал интересных повестей разбитых сердец. Здоровое, бодрое сердце Ив. Серг. тогда было полно очаровательной испанкой — м-м Виардо. И я был свидетелем этого беспримерного очарования этого полубога, каким был Тургенев.

Однажды утром Ив. Серг. особенно восторженно-выразительно объявил мне, чтобы я приготовился: *сегодня нас посетит м-м Виардо*... «М-м Виардо обладает, рассказывал Тургенев, большим вкусом. У них, по четвергам, собирается большое общество! Вы также приглашены, и я Вас прошу быть *во фраке*, так принято... Бывает *Сен-Санс* и много других, очень интересных лиц... Было время, когда был жив, *бывал здесь* Гуно»... И *все это здесь*, в доме Виардо, на рю де Дуэ...[10] о я забегаю вперед... Ведь я жду м-м Виардо!..

Звонок!... И я не узнал Ив. Серг. — он уже был озарен розовым восторгом! Как он помолодел!.. Он бросился к дверям, приветствовал, суетился — куда посадить м-м Виардо! (я уже ранее был инсценирован, — как мне кланяться, что говорить — не много: по моим знаниям языка)...

М-м Виардо, действительно, очаровательная женщина, с нею интересно и весело. *Но на нее не надо было глядеть ан фасс* — лицо *было*

неправильно, но глаза, голос, грация движений!.. Да, эта фея была уже *высшей породы*... Как есть: *это уже высшая порода*!..

На вечерах, по четвергам, я увидел, что мадам Виардо действительно руководит приговором о достоинствах *новых явлений в искусствах*.

К ней обращаются за объяснениями. И мосье Виардо — муж — также ждет приговора супруги. Это был коренастый крепыш с простым лицом и белыми волосами. Писатель, критик по профессии.[11] Сам Тургенев особенно дорожил его мнением и ждал его приговора.

На вечерах Виардо Тургенев всегда был весел и оживлен; дети м-м, особенно Поль — скрипач, кричали громко: «Тургениеф, Тургениеф»!.. Ив. Серг. особенно любил шарады и необыкновенно живо и талантливо-быстро преображался сам и всю сцену перестраивал... Мебель, столы, диваны — все служило до невероятной неузнаваемости. А Сен-Санс, как молодой мальчик, прыгал и оживлял сцену и себе моментально придумывал костюмы и неузнаваемо преображался сам.[12]

В то время наш молодой художник *А. А. Харламов* писал портреты м-сье и м-м Виардо и эти два портрета были выставлены в Палэ д-Индустри. Мы их видели и очень восхищались... «Еще бы, — серьезно сказал Ив. Серг., — *ведь Харламов теперь — лучший портретист в Париже*, а, следовательно, и *во всем мире*».[13] Харламов был уже признан госп‹ожой› Виардо: следовательно Харламов был уже известен. И, действительно, Харламов писал техникой *особой красоты*. Он изучал Рембрандта, копировал в Гааге его «Урок Анатомии».[14] И, действительно, техника Харламова была так красива!

У Тургенева была в то время своя галерейка картин. Он *обожал пейзаж* Т. Руссо[15] и также любил простенькую вещицу Харламова — натюрморт «Две груши». Эти груши были так сладко написаны, что их хотелось съесть!..

Вообще галерея Тургенева была невелика, но приобреталась с большим вкусом, с выбором истинного любителя. У него были драгоценные перлы искусства.[16] Тургенев уважал вкус мосье Виардо и верил ему. Он сам — как это странно — при совершенно аристократических данных своей культуры, был очень скромен и до робости деликатен. Уважать *авторитеты* — это было в нем еще университетская традиция. — Так как я жил недалеко, то Ив. Серг. заходил ко мне частенько, был на распашку и с ним было очень интересно. На *всё* он имел свой оригинальный взгляд. Видел много и в Европе, и в России; и знал превосходно русский народ и *его язык*.

Я был очень хорошо рекомендован Тургеневу, но сам он был очень *сдержан* по отношению к моему *искусству*. Я думаю, тут было мешающее мнение *петербургской среды*, целого круга во главе со Стасовым;[17] и это не располагало парижских эстетиков в мою пользу: мы ведь были идеалисты на социальной закваске... Тургенев также — особенно вследствие своего аристократизма — был эстет.

Тургенев любил повеселиться в холостой компании. В Латинском квартале *был скромный ресторанчик*, где обедали некогда, по преданию, Жорж Санд, Гейне и другие любимые знаменитости, а с нами: бр-тья Выру-

бовы — химики, Поленов, П. В. Жуковский — сын поэта, Боголюбов и другие немногие.[18] Обед стоил 20 франков. И тут, со всеми онерами: повар приносил рыбу, показывал хозяину, — Ив. Серг. Тургенев был им, — и все редкости обеда, как принято Было очень весело... Хорошее вино — настоящее бордо! — Ив. Сергеевич веселил всех. В нем просыпался студент. Огромный рост, седая прядь и веселые глаза... Звонкий голос и живая студенческая речь... Это так нас опьяняло!!..

Когда что-нибудь из моих работ особенно трогало Ив. Сергеевича, то он с волнением говорил: «надо непременно, чтобы Виардо однажды посмотрел Ваши работы»... И я дождался этого. Этот беловолосый авторитет, которого я встретил с большой робостью, вооружился пенснэ и совсем близко-близко уткнулся носом в картину — меня уже начала пробирать авторская дрожь... Я отошел подальше и уже не смел спросить Тургенева о приговоре авторитета. Но почти был уверен, что он не был в мою пользу. Я знал, что я этой марки не выдержу...

Иван Сергеевич симпатизировал мне лично, и это особенно я заметил по одному случаю. В Париже я начал трактовать *Христа в Гефсиманском саду*: он идет навстречу *толпе*, которая *вооружилась его арестовать* и идет на него с дрекольями. Так как я часто и много увлекался этим сюжетом,[19] то у меня первое время шло *увлекательно*!! Тургенев при первом взгляде на начало остановился со вниманием. — По разносторонности своей натуры он увлекался всем и был всегда независим в своих увлечениях и ценил новизну. — В другой раз он зашел и говорил много интересного по поводу начатой картины... Но в третий раз, когда он захотел еще взглянуть на Христа — *его уже не было*. Я записал картину: Стенькой Разиным на лодке...[20] Тургенев, когда узнал это, взглянул на меня своими выразительными глазами, до невероятности удивился... И я заметил, что он уже посмотрел на меня, как на психически *неблагополучного*... Да, действительно, этим пороком, «*самоуничтожением*», я страдаю и по сие время; и часто даже ночью, проснувшись, я невыразимо страдаю при воспоминании о погубленных своих жертвах.

Ваш Илья Репин.

[1] Павел Михайлович Третьяков (1832—1898) — купец-меценат, собиратель картин русских художников, основатель Третьяковской галереи (см. о нем: *Письма*, т. XI, стр. 713). В марте 1874 г. Третьяков заказал Репину портрет Тургенева. 27 марта (8 апреля) 1874 г. художник уже писал В. В. Стасову: «...я пишу с него портрет, по заказу Третьякова <...> От 10 час<ов> до 12 утром я работаю с Тургеневым» (*Репин и Стасов*, стр. 92). В свою очередь и Тургенев сообщал П. В. Анненкову 4 (16) апреля 1874 г.: «Репин пишет с меня портрет для Третьякова, московского мецената» (*Письма*, т. X, стр. 225).

[2] Репин жил в доме № 13 по Rue Véron (см. его письмо к И. Н. Крамскому от 8 (20) ноября 1873 г. в кн.: И. Е. Репин и И. Н. Крамской. Переписка. 1873—1885. Изд. «Искусство», М.—Л., 1949, стр. 33).

[3] О том, что «первый сеанс» был «так удачен, что И<ван> С<ергеевич> торжествовал мой успех», Репин рассказывает и в «Автобиографических заметках» (*Репин*, стр. 380).

[4] Письма Тургенева к Репину неизвестны.

[5] В «Автобиографических заметках» Репин также писал: «...m-me Viardot, которой вкусу и приговорам Ив‹ан› Серг‹еевич› верил безапелляционно, совсем забраковала начало и порекомендовала начать в другом повороте» (там же).

[6] Владимир Васильевич Стасов (1824—1906) — художественный и музыкальный критик, историк искусства, идейный вдохновитель передвижничества и «Могучей кучки». Тургенев познакомился с ним в Петербурге в 1867 г. 25 апреля н. ст. 1874 г. Репин сообщал В. В. Стасову: «Тургенев говорит, что только с тех пор, что он увидел работы Харламова, да руки, написанные мною в его портрете, он начинает верить в русскую живопись» (*Репин и Стасов*, стр. 94).

[7] Савва Иванович Мамонтов (1841—1918) — крупный промышленник-меценат. В его московской квартире у Красных ворот и в подмосковном имении Абрамцево, купленном в 1870 г. у Аксаковых, собирались и работали художники — Репин, бр. Васнецовы, В. Д. Поленов, В. А. Серов, М. А. Врубель, К. А. Коровин и др. Портрет Тургенева был закончен Репиным в мае—июне 1874 г. П. М. Третьякову портрет не понравился, и 19 августа 1874 г. он писал художнику: «Живописью портрета я доволен, но сходством — не нахожу его вполне удовлетворительным» (*Репин и Стасов*, стр. 217). В «Автобиографических заметках» Репин указывает, что он не отдал портрета Тургенева Третьякову и тот оказался в Румянцевском музее, как «дар С. И. Мамонтова» (*Репин*, стр. 380). В настоящее время этот портрет находится в Третьяковской галерее.

[8] В «Автобиографических заметках» Репин пишет: «Долго я работал. Тургенев ‹...› позировал охотно-терпеливо. Относился ко мне ласково» (там же).

[9] По-видимому, Репин имеет в виду знакомство и дружеские отношения Тургенева с П. Л. Лавровым, П. А. Кропоткиным, М. О. Ашкинази, В. Ф. Гинтовт-Дзевалтовским, Г. А. Лопатиным и др., относящиеся к несколько более позднему времени — концу 70-х—началу 80-х годов (см.: Н. К. Пиксанов. Тургенев и революционеры-семидесятники. *Революционеры-семидесятники*, стр. VII—XXII).

[10] П. и Л. Виардо, а также Тургенев жили в доме № 50 на Rue de Douai. По четвергам и воскресеньям П. Виардо устраивала здесь литературно-музыкальные вечера, о которых сохранились многочисленные свидетельства современников. Так, например, С. Ромм в мемуарах «Из далекого прошлого. Воспоминания об И. С. Тургеневе» пишет: «На этих „четвергах“ я встречала так много знаменитых людей! Наших богатырей искусства: Антокольского, Боголюбова, Лемана, Харламова. Нашего музыкального гения — Антона Григорьевича Рубинштейна. Французских знаменитых композиторов: Гуно, Тома, Сен-Санса, Годара. Все знаменитые артисты того времени, приезжавшие в Париж, выступали на этих вечерах» («Вестник Европы», 1916, № 12, стр. 106). Репин ошибся, передавая слова Тургенева о Гуно как об умершем к этому времени («Было время, когда был жив, бывал здесь Гуно»): Ш. Гуно умер в 1893 г.

[11] Луи Виардо (Viardot, 1800—1883) — французский писатель, искусствовед, художественный критик; автор научно-популярных изданий по истории живописи и скульптуры, серии обзоров главнейших художественных музеев Европы (см.: *Письма*, т. I, указатель имен, стр. 654—655).

[12] Один из таких приемов (воскресный) описал сын знаменитой артистки — Поль Виардо (Viardot, 1857—1941), известный скрипач, — в «Воспоминаниях артиста»: «Раздавалась импровизированная увертюра, предшествовавшая шарадам, самым шутовским, самым неслыханным!.. Сен-Санс и Тургенев были неизменными исполнителями первых ролей: вторые роли поручались желающим любителям. Сговорившись в двух словах, набрасывали туманный план, и каждый руководился собственною фантазией» («Новое время», 1906, 21 октября, № 10994, прилож., стр. 6). См. также «Автобиографические заметки» Репина (*Репин*, стр. 380).

[13] Алексей Алексеевич Харламов (1842—1922) художник-жанрист и преимущественно портретист, пользовался большой популярностью во второй половине XIX в. Приехав в Париж в качестве пенсионера Академии художеств, работал под руководством Л. Бонна. В 1874 г. за присланные в Петербург на академическую выставку картины («Головка итальянки», «Бедный музыкант» и «Голова мордовки»), а также за копию с картины Рембрандта (см. примеч. 14) получил звание академика. Портреты Полины и Луи Виардо, написанные Харламовым в конце 1874 г. (см.: *Зильберштейн*, стр. 31), были выставлены в Парижском салоне в Palais de l'Industrie (Дворце промышленности) в мае 1875 г. Репин писал о них В. В. Стасову 6 мая н. ст. 1875 г.: «...Харламова портреты хорошо висят и уже замечены с самой лестной стороны в некоторых журналах ‹...› Тургенев торжествует, его предчувствия сбылись: „Фигаро“ называет Харламова чуть не первым — отлично!» (*Репин и Стасов*, стр. 112). См. также письмо Тургенева к В. В. Стасову от 12 (24) декабря 1874 г. (*Письма*, т. X, стр. 338) и статью: М. П. Алексеев. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции. «Русская литература», 1963, № 2, стр. 67.

[14] Речь идет о групповом портрете Рембрандта (1606—1669) — «Урок анатомии доктора Тульпа», копию с которого Харламов сделал в Гааге в 1872 г.

[15] В жизни Тургенева в начале 70-х годов значительную роль играл его все возрастающий интерес к живописи. Писатель был постоянным посетителем парижских аукционов картин. Приобретая произведения преимущественно новейших французских пейзажистов, Тургенев составил целую коллекцию (см.: *Зильберштейн*, стр. 80—88). Теодор Руссо (Rouseau, 1812—1867) — французский художник-пейзажист, творчество которого высоко ценил Тургенев (в коллекции писателя было несколько его картин). Н. К-ко в статье «Полина Виардо» писал: «Украшением его ‹кабинета Тургенева› служила картина Руссо, которая представляла чащу леса в жаркий полдень и в глубине уходящую фигурку женщины-крестьянки. Эта картина, шедевр Руссо...» («Русское слово», 1910, 12 мая, № 107). См. также: Е. Ардов (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. «Русские ведомости», 1904, 15 января, № 15: Л. Ф. Нелидова. Памяти И. С. Тургенева. «Вестник Европы», 1909, кн. 9, стр. 226.

[16] См. каталог «Collection de M. Ivan Tourguéneff et Collection de M. X.» («Коллекция Ивана Тургенева и коллекция г. Х.»). Русский перевод: *ПД, Описание*, вып. IV, стр. 217—224.

[17] Вероятно, Репин вспоминает здесь и о таком эпизоде. В. В. Стасов напечатал в «Пчеле» (1875, т. I, № 3, стр. 41—43) статью «Илья Ефимович Репин», в которой в качестве иллюстрации эстетических взглядов художника привел выдержки из его заграничных писем, содержащих резкие оценки западноевропейского искусства, в частности Рафаэля и других великих художников прошлого (см.: *Репин и Стасов*, стр. 110, 230). Статья Стасова вызвала возмущение Тургенева, который писал А. Ф. Онегину 13 (25) февраля 1875 г.: «Злую штуку сыграл Стасов с Репиным! Бедный сей юноша не знает здесь, куда спрятаться от стыда ‹...› мне его жаль» (*Письма*, т. XI, стр. 24). См. также письма Тургенева к В. В. Стасову от 3 (15) апреля и 14 (26) июля 1875 г. (там же, стр. 56, 105), письмо В. В. Стасова к В. В. Верещагину от 22 апреля ст. ст. 1875 г. (*Репин и Стасов*, стр. 231).

[18] Об одном из таких обедов Тургенев писал Г. Н. Вырубову 16 (28) апреля 1874 г.: «...обед будет происходить *завтра*, в середу, в 6 ч. 1/4 у Маньи. Обедать будут, кроме Вас, Вашего брата и меня, Харламов, Боголюбов, Репин и Поленов» (*Письма*, т. X, стр. 231). Григорий Николаевич Вырубов (1843—1913) — философ-позитивист, естествоиспытатель. С 1864 г. жил за границей, занимался медициной в Париже и Берлине; Василий Дмитриевич Поленов (1844—1926) — художник, в 1872 г. командированный Академией художеств за границу. С конца 1873 г. до середины 1876 г. жил в Париже, где Репин ввел его в общество русских

художников, группировавшихся вокруг Боголюбова (см. о нем: *Письма*, т. XI, стр. 705—706); Павел Васильевич Жуковский (1845—1912) — художник и архитектор, близкий знакомый Тургенева; Алексей Петрович Боголюбов (1824—1896) — художник-маринист и общественный деятель, с 1858 г. — академик, автор «Записок моряка-художника» (*ГПБ*; публикуются: *Лит. насл.*, т. 76), многие страницы которых посвящены Тургеневу (см. о нем: *Письма*, т. XI, стр. 683).

[19] По-видимому, речь идет об одном из ранних эскизов картины Репина «После Гефсиманской ночи», впервые экспонированной на XXXVI передвижной выставке в Москве (см. о ней: «Русское слово», 1908, 1 января, № 1; «Раннее утро», 1908, 5 января, № 39; «Слово», 1908, 22 февраля (6 марта), № 387; «Новое время», 1908, 15 (28) марта, № 11497).

[20] Картина о Стеньке Разине, очевидно, не была закончена Репиным. К 1885 г. относится его рисунок карандашом «Степан Разин бросает персидскую княжну в воду» (И. Грабарь. Репин, т. II. Изогиз, М., 1937, стр. 274).

Л. Н. Назарова

НЕКРОЛОГИ

Т. И. Бронь

Татьяна Ильинична Бронь родилась в Ленинграде 27 октября 1927 г. В 1950 г. она окончила филологический факультет Ленинградского гос. университета им. А. А. Жданова по отделению романской филологии (испанский язык и испанская литература). В 1950—1954 гг. Т. И. Бронь работала в отделении ТАСС г. Хабаровска. С 1960 г. она была сотрудником Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (сначала в Рукописном отделе, затем в группе по подготовке к изданию полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева). Владея французским, испанским, английским и латинским языками, обладая хорошими способностями к текстологической работе, Т. И. Бронь являлась ценным сотрудником Тургеневской группы. Ею были подготовлены к печати и прокомментированы письма Тургенева к его дочери П. Тургеневой-Брюэр, написанные на французском языке (см.: *Письма*, тт. V—X), а также к английскому политическому деятелю и писателю Ч. Дильку (там же, тт. VIII—IX).

Т. И. Бронь принимала участие и в «Тургеневских сборниках», издаваемых Институтом. В первом из них, вышедшем в 1964 г., напечатана была ее статья «Испанские цитаты у Тургенева», во втором, в 1966 г. — статья «Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр». Эта работа вышла в свет уже после смерти Т. И. Бронь, которая скоропостижно скончалась 28 августа 1965 г.

В нашей памяти не изгладится обаятельный образ Татьяны Ильиничны Бронь, человека высокой культуры, чуткого и отзывчивого товарища.

Редколлегия
и сотрудники Тургеневской группы

Г. Ф. Перминов

27 сентября 1966 г., на 39-м году жизни, после тяжелой болезни скончался научный сотрудник Тургеневской группы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР Георгий Федорович Перминов. От нас преждевременно ушел человек неустанных исканий, большого сердца и бесконечной доброты. Г. Ф. Перминов родился 9 декабря 1927 г. в г. Перми. С 1944 по 1949 г. он учился на историко-филологическом факультете Пермского гос. университета. По окончании его работал преподавателем русского языка и литературы в г. Акмолинске.

В сентябре 1952 г. Г. Ф. Перминов поступил в аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР и через три года защи-

тил диссертацию на тему «Н. А. Добролюбов о народности русской литературы». До 1962 г. Г. Ф. Перминов работал в библиографическом секторе института. Он был одним из активнейших участников капитальных трудов Института — «История русской литературы XIX века. Библиографический указатель» (М.—Л., 1962) и «История русской литературы конца XIX—начала XX в. Библиографический указатель» (М.—Л., 1963). Внимание к истории критики во многом определило круг его научных интересов этого периода. Он является автором обширных тематических разделов обоих трудов (история русской литературы и критики, революционные демократы, журналистика XX в. и т. д.) и целого ряда персоналий ведущих критиков XIX—XX вв. (А. А. Григорьев, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, Н. Н. Страхов, Н. Г. Чернышевский, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, Г. В. Плеханов и т. д.). С 1962 г. Г. Ф. Перминов — участник издания Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. Он подготовил и прокомментировал большое количество писем Тургенева к различным адресатам 1871—1880 гг. (*Письма*, тт. IX—XII), тексты ряда повестей, рассказов и очерков писателя (*Сочинения*, тт. IX, XI, XIV, XV). Незадолго до смерти Г. Ф. Перминова вышла его работа «„Отцы и дети“. Статья Л. Пича о романе Тургенева» во II томе «Тургеневского сборника» (М.—Л., 1966).

Творчество И. С. Тургенева было в центре научных интересов Г. Ф. Перминова последних лет. Его статьи в данном сборнике и комментарии к ряду произведений И. С. Тургенева в XIV, XV томах *Сочинений* и XII томе (чч. 1—2) *Писем* публикуются посмертно.

Редколлегия и сотрудники
Тургеневской группы

Академик Андре Мазон

Во время печатания настоящего сборника редакция Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева получила горестное известие: 13 июля 1967 года в Париже на 86-м году жизни умер Андре Мазон, действительный член Французской Академии надписей и словесности, почетный профессор Коллеж де Франс, почетный директор Института славистики Парижского университета, член-корреспондент Академии наук СССР.

Имя А. Мазона известно славистам всего мира. Его труды оставили глубокий след в изучении славянских языков и литератур и в первую очередь — русской литературы. А. Мазон — автор многих работ по древнерусской литературе, книг и статей о Лермонтове, Гончарове, Тургеневе.

Исследователи жизни и творчества Тургенева знают, как велики заслуги покойного в этой области. Именно ему мы обязаны сохранением большого фонда рукописей великого русского писателя и началом исследовательской их разработки. Еще в 20-е годы А. Мазон, авторитетнейший из французских знатоков Тургенева и русской литературы его времени, получил доступ к этим рукописям, хранившимся тогда в семьях наследниц П. Виардо, и с начала 20-х годов начал публикацию некоторых из них. Так, в 1921 г. в только что основанном в Париже научном журнале «Revue des études slaves» А. Мазон опубликовал несколько извлеченных из этого архива писем к Тургеневу Ф. М. Достоевского, а в последующие годы — существенные данные из впервые прочтенных им парижских рукописей «Нови», «Накануне», «Первой любви» и «Дыма». В 1927 г. А. Мазон среди тех же рукописей нашел тридцать одно неизвестное ранее стихотворение в прозе, а затем издал со своим предисловием и всю серию их во французском переводе. В 1930 г. А. Мазон напечатал в Париже большой труд «Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev», в следующем году в сокращении вышедший в свет и в русском переводе: это

каталог парижских рукописей русского писателя, сопровождаемый некоторыми извлечениями из них. Благодаря хлопотам и попечениям А. Мазона весь этот описанный им фонд во второй половине 40-х годов был приобретен Национальной библиотекой в Париже, где и хранится ныне заключенный в 28 кожаных переплетов (ок. 4100 листов).

Когда Институт русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде предпринял издание Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, А. Мазон оказал просвещенное содействие этому предприятию в качестве постоянного посредника между Институтом и Национальной библиотекой. Именно благодаря настояниям покойного Институту удалось получить бóльшую часть фотоснимков с рукописей Тургенева, чтобы привлечь этот ценнейший фонд к установлению окончательного текста произведений Тургенева и проследить их текстологическую историю.

Кончина А. Мазона, авторитетнейшего французского слависта и знатока Тургенева, большая потеря для мирового тургеневедения. С глубокой печалью узнали об этом и Тургеневская группа *ИРЛИ* и все сотрудники издания. А. Мазон неоднократно бывал в Ленинграде, с большим вниманием относился к академическому изданию Тургенева и всячески ему содействовал. Обаятельный образ выдающегося ученого, человека тонкой культуры, замечательных знаний, мягкого и отзывчивого, навсегда останется в памяти всех знавших его.

Редакция
Полного собрания сочинений
и писем И. С. Тургенева

Список важнейших работ академика Андре Мазона об И. С. Тургеневе

1. Quelques lettres de Dostoievskiy à Tourguénev. «Revue des études slaves», 1921, t. 1, pp. 117—137.
2. L'élaboration d'un roman de Tourguénev: A la veille, Premier Amour, Fumée. «Revue des études slaves», 1925, t. V, pp. 244—268.
3. L'élaboration d'un roman de Tourguénev: Terres vierges. «Revue des études slaves», t. 5, 1925, pp. 85—112.
4. Le texte original des Poèmes en prose d'Ivan Tourguénev. «Sbornik praci, vénovanych Prof. Václavu Tullovi», Praha, 1927, pp. 132—137.
5. Nouveaux poèmes en prose d'Ivan Tourguénev (Introduction). «Revue des Deux Mondes», 1929, 15 Novembre, pp. 289—295.
6. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits. Paris, 1930, 202 pp.

   См. № 8.
7. I. Tourguénev. Nouveaux poèmes en prose. Texte russe publ. par A. Mazon, traduction de Ch. Salomon. Paris, Éditions de la Pléïade, 1930.
8. Парижские рукописи И. С. Тургенева. Пер. с франц. Ю. Ган, под ред. Б. Томашевского. М.—Л., «Academia», 1931, 257 стр.

   См. № 6.
9. L'œuvre de Nicolas Katranov. София, 1933.
10. Неизданные письма И. С. Тургенева к Дю-Кану, Флоберу и Э. де Гонкуру. Вступительные статьи prof. André Mazon (Париж). Публикация и примечания M. Gorlin (Париж). *Лит. насл.*, тт. 31—32, М., 1937, стр. 663—706.
11. «La Tentation de saint Antoine d'Ivan Tourguénev. «Revue des études slaves», 1953, t. 30, pp. 7—20.
12. «Deux Sœurs», début d'une comédie d'Ivan Tourguénev. «Revue des études slaves», 1954, t. 31, pp. 88—94.
13. Поздний творческий замысел Тургенева (статья и публикация). *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, М., 1964, стр. 259—268.

14. Работа Тургенева над романом «Два поколения». *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, М., 1964, стр. 39—44.

15. Творческие замыслы, наброски и планы 1840—1850-х годов. Статья, предисловия и публикация Андре Мазона. *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, М., 1964, стр. 17—33, 39—51.

16. Тургенев И. С. Мемориал (Автобиогр. конспект. Предисловие и публикация Андре Мазона. Коммент. Л. С. Журавлевой.). *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, М., 1964, стр. 339—364.

17. Тургенев и Полина Виардо — участники «Игры в портреты». *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, М., 1964, стр. 427—434.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Обозначения

[ ]	—	зачеркнутый в автографе текст заключен в прямые скобки.
‹2 *нрзб.*›	—	в тех случаях, когда в автографе остаются неразобранные слова, в ломаные скобки заключается цифра, указывающая количество этих слов (свыше одного), и сокращенное слово: *нрзб.*
‹ ›	—	слова, пропущенные в автографе, части недописанных слов, восстанавливаемых по смыслу, и другие редакторские добавления, вводимые в публикуемые тексты, печатаются в ломаных скобках.
‹?›	—	после предположительно прочитанного слова или предположительной даты ставится вопросительный знак в ломаных скобках.
‹- - -›	—	слова, неудобные для печати, независимо от их количества, обозначаются тремя дефисами в ломаных скобках.
‹. . .›	—	пропуски в тексте, сделанные редактором, обозначаются тремя точками в ломаных скобках.
◊	—	этим знаком обозначаются варианты, окончательные для данного рукописного источника, но не совпадающие с основным текстом.
∞	—	этим знаком заменяется опущенная часть текста.

Сокращения

Анненков	—	П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.
Антокольский	—	Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи. Под ред. В. В. Стасова. СПб.—М., 1905.
Белинский	—	В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. I—XIII, Изд. Академии наук СССР, М., 1953—1959.
Боткин и Тургенев	—	В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. По материалам Пушкинского дома и Толстовского музея. Пригото-

		вил к печати Н. Л. Бродский. «Academia», М.—Л., 1930.
ГБЛ	—	Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).
ГБЛ, Сб. 1940	—	«И. С. Тургенев», сборник, под ред. Н. Л. Бродского, М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).
Герцен	—	А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. I—XXX, Изд. Академии наук СССР, М., 1954—1964.
Герцен, Лемке	—	А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, тт. I—XXII, ГИЗ, М.—Пгр.—Л., 1919—1925.
ГИМ	—	Государственный исторический музей (Москва).
ГЛМ	—	Государственный литературный музей (Москва).
Гончаров	—	И. А. Гончаров, Собрание сочинений в восьми томах, Гослитиздат, М., 1952—1955.
ГПБ	—	Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГРМ	—	Государственный Русский музей (Ленинград).
ГТГ	—	Государственная Третьяковская галерея (Москва).
Гутьяр	—	Н. М. Гутьяр. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907.
Добролюбов	—	Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в девяти томах, тт. 1—9, Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.
Добролюбов, Полное собрание сочинений	—	Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений под общей ред. П. И. Лебедева-Полянского, тт. 1—6, Гослитиздат, М.—Л., 1934—1941 ‹1945›.
Достоевский	—	Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений, тт. I—X, Гослитиздат, М., 1956—1958.
Достоевский, Письма	—	Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. ГИЗ—«Academia»—Гослитиздат, М.—Л., 1928—1959.
Житова	—	В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.
Звенья	—	Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX—XX вв., под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др., тт. I—IX. «Academia», М.—Л., 1932—1951.
Зильберштейн	—	И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1945.
ИРЛИ	—	Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
Клеман, Летопись	—	М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. Ред. Н. К. Пиксанова. «Academia», М.—Л., 1934.
Лесков	—	Н. С. Лесков, Собрание сочинений, тт. I—XI, Гослитиздат, М., 1956—1958.
Лит. арх.	—	«Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», тт. 1—6. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1938—1961 (Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР).
Лит. мысль	—	«Литературная мысль. Альманах», тт. I—III, Изд. «Мысль», Пгр., 1922—1925.

Лит. насл.	—	«Литературное наследство», т. I—, Изд. Академии наук СССР, М., 1931—. (Издание продолжается).
Миклухо-Маклай	—	Н. Н. Миклухо-Маклай, Собрание сочинений, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1953.
Музей Тургенева	—	Государственный музей И. С. Тургенева; там же находится архив И. С. Тургенева (Орел).
Некрасов	—	Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII, Гослитиздат, М., 1948—1952.
Никитенко	—	А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, тт. I—III. Гослитиздат, Л., 1955—1956.
ПД, Описание	—	Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского дома. Вып. IV. И. С. Тургенев. Изд. Академии наук СССР, Л., 1958.
Писарев	—	Д. И. Писарев, Сочинения в четырех томах, Гослитиздат, М., 1955—1956.
Писемский	—	А. Ф. Писемский. Письма. Подготовка текста и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1936.
Письма	—	И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах, т. I—. Изд. Академии наук СССР, — «Наука», М.—Л., 1961—. (Издание продолжается).
Революционеры-семидесятники	—	И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Собрал и комментировал М. К. Клеман. «Academia», М., 1930.
Репин	—	Художественное наследство. Т. I. И. Е. Репин. Ред. И. Э. Грабарь и И. С. Зильберштейн. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1948.
Репин и Стасов	—	И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. Под ред. А. К. Лебедева. Т. I. Изд. «Искусство», М.—Л., 1948.
Савина и Кони	—	М. Савина и А. Кони. Переписка. 1883—1915. Вступ. статья и примеч. А. М. Брянского. Изд. «Искусство», М.—Л., 1938.
Сочинения	—	И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах, т. I—, Изд. Академии наук СССР, — «Наука», М.—Л., 1960.—. (Издание продолжается).
Стасюлевич	—	М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. К. Лемке. Тт. I—V. СПб., 1911—1913.
Стечькин, Воспоминания	—	Н. Я. Стечькин. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. СПб., 1903.
Толстой	—	Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, под общ. ред. В. Г. Черткова, тт. 1—90, Гослитиздат, М.—Л., 1928—1958.
Тургенев и его время	—	«Тургенев и его время», первый сборник под ред. Н. Л. Бродского, ГИЗ, М.—Пгр., 1923.
Тургенев и круг Совр.	—	«Тургенев и круг „Современника“». Неизданные материалы, 1847—1861. «Academia», М.—Л., 1930.
Тургенев и Савина	—	Тургенев и Савина. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисл. и под ред. А. Ф Кони. Изд. гос. театров, Пгр., 1918.

Тургенев, Сб.	—	Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Вып. I и II. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, 1966.
Тургенев, Сб. (Алексеев)	—	«И. С. Тургенев (1818—1883—1958)», статьи и материалы, под ред. акад. М. П. Алексеева, Орел, 1960.
Тургенев, Собр. соч.	—	И. С. Тургенев, Собрание сочинений в двенадцати томах, тт. 1—12, Гослитиздат, М., 1953—1958.
Тургенев, Соч.	—	И. С. Тургенев, Сочинения, под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, тт. I—XII, ГИХЛ, М.—Л., 1928—1934.
Тургеневский сб. (Пиксанов)	—	«Тургеневский сборник», изд. «Огни», Пгр., 1915 (Тургеневский кружок под руков. Н. К. Пиксанова).
Фет	—	А. А. Фет. Мои воспоминания. 1848—1889, ч. I—II. М., 1890.
Фет, ПСС	—	А. А. Фет, Полное собрание стихотворений, Вступ. статья, ред. и примеч. Б. Я. Бухштаба, Изд. «Сов. писатель», Л., 1959 («Библиотека поэта», изд. 2-е).
ЦГАЛИ	—	Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГАОР	—	Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
ЦГИА	—	Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
Чернышевский	—	Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в 15 томах, тт. I—XVI (доп.), Гослитиздат, М., 1939—1953.
Щедрин	—	Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, тт. I—XX, ГИХЛ, М.—Л., 1933—1941.
Bibl. Nat.	—	Национальная библиотека в Париже.
Mazon	—	Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.
Mérimée	—	Prosper Mérimée. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1—6. Paris, «Le Divan»; II série, tt. 1—9. Toulouse, Privat.
Parturier	—	M. Parturier. Une amitié littéraire. Prosper Mérimée et Ivan Tourgueniev. Hachette, 1952.
Flaubert, Correspondance	—	G. Flaubert. Oeuvres complètes. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Paris, L. Conard, 1926—1930, Séries I—IX.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

«Андрей Колосов» 175
«Ася» 13, 221, 294, 380
«Бежин луг» 201, 205, 358
«Безлунная ночь» 46
«Бирюк» 206
«Бретёр» 171
«Бригадир» 383
«Бурмистр» 206, 207, 220
«Вешние воды» 197, 383
«Воспоминания о Белинском» 51, 125—134, 383
«Восточная легенда» 163—165
«Вот еще светило мира!» 60, 61
«Вот он — тоже сочинитель...» см. «К портрету Краевского»
«Всемогущий Жикин» 198
«Встреча моя с Белинским» 126
«Гамлет и Дон-Кихот» 13, 89, 115, 116, 120—123
«Два поколения» 225, 226, 228
«Два приятеля» 5, 175, 183
«Дворянское гнездо» 83—92, 103, 175, 181, 183, 199, 229, 246, 380
«Деревня» 46
«Дневник лишнего человека» 179
«Довольно» 13—27, 124
«Дружинин корчит европейца...» 65—67
«Дым» 92, 136, 140, 153, 161, 167, 199, 226, 231, 321, 325, 336, 348, 367, 380, 409
«Ермолай и мельничиха» 206
«Завтрак у предводителя» 225
«Загадка» 58, 59
«Записки охотника» 82, 140, 199—201, 203—209, 216, 246, 293, 383, 396; см. также: «Бежин луг», «Бирюк», «Бурмистр», «Ермолай и мельничиха», «Касьян с Красивой Мечи», «Конец Чертопханова», «Контора», «Лес и степь», «Льгов», «Малиновая вода», «Однодворец Овсяников», «Певцы», «Свидание», «Смерть», «Хорь и Калиныч», «Чертопханов и Недопюскин»
«„Записки ружейного охотника Оренбургской губернии“ С. А-ва. М., 1852», рецензия 52
«Затишье» 59, 199, 398
«Из поэмы» («В теплый вечер в ульях чистых») см. «Параша»
«Из поэмы, преданной сожжению» 46
«Иродиада» Г. Флобера в переводе Тургенева 383
«Исполненный ненужных слов...» 67, 68
«История лейтенанта Ергунова» 323, 324, 348
«Казнь Тропмана» 383
«Как снег вершин...» 68
«Касьян с Красивой Мечи» 205
«Клара Милич» («После смерти») 3, 165, 166, 209, 383, 384
«К нему читатель не спешит...» 63—65
«Кнут» 92—100
«Компаньонка» 225
«Конец Чертопханова» 222, 383
«Контора» 169
«К портрету Краевского» («Вот он — тоже сочинитель...») 70—72
«Крóкет в Виндзоре» 149—153
«Кудрявцев, локоть отставляя...» 61—63
«Легенда о святом Юлиане Милостивом» Г. Флобера в переводе и с предисловием Тургенева 142, 383, 384
«Лес и степь» 46
«Литературные и житейские воспоминания» 52, 83, 136; см. также: «Воспоминания о Белинском»,

«Казнь Тропмана», «О соловьях», «Поездка в Альбано и Фраскати», «По поводу „Отцов и детей“», «Пэгаз»
«Льгов» 206
«Малиновая вода» 177, 206
«Мемориал» 218, 222
«Муму» 199, 203, 294
«Накануне» 102, 107, 114, 118, 157, 174, 184, 201, 222, 269, 339, 342, 345, 347, 348, 409
«Несчастная» 329, 336, 348
«Новь» 140, 153—163, 167, 172, 173, 175, 177, 186, 188—196, 199—202, 207—209, 372, 383, 384, 393, 409
«О соловьях» 172
Об «Искушении святого Антония» Г. Флобера 141—149
«Однодворец Овсяников» 206
«Он хлыщ, но как он тих и скромен...» см. «Кудрявцев, локоть отставляя...»
«Отрывки из воспоминаний своих и чужих» см. «Отчаянный» и «Старые портреты»
«Отцы и дети» 117, 118, 128, 130, 134—141, 184, 192, 196, 209, 222, 225, 231, 293, 299, 301, 302, 336, 339, 348, 360, 361, 365, 379, 380, 409
«Отчаянный» 210, 383
«Параша» 46
«Певцы» 205, 269
«Первая любовь» 226, 296, 398, 409
«Песнь торжествующей любви» 3, 6, 142, 166, 167, 383
«„Племянница“. Роман Евгении Тур», рецензия 53—56, 62, 153
«Повести и рассказы» (1856) 6, 77
«Повиноваться» (неосуществленный замысел) 198
«Поездка в Альбано и Фраскати» 51, 88
«Поездка в Полесье» 13
«Помещик» 45, 49—50, 52, 53
«По поводу „Отцов и детей“» 125, 134, 135—141, 336
«После смерти» см. «Клара Милич»
«Постоялый двор» 5, 175, 199
Предисловие к русскому переводу романа М. Дюкана «Утраченные силы» 142
«Призраки» 13, 123—125
«Пунин и Бабурин» 383, 387—390
«Пэгаз» 56
«Разговор на большой дороге» 180
«Рассказ отца Алексея» 143, 383
«Рудин» 6, 72—83, 140, 183, 196, 199, 200, 207—209, 228, 246, 294, 348, 380
«Рыцарь горестной фигуры...» 57
«Свидание» 206, 269
«Се—Шпеер, се—Омар, се—бегемотов внук...» 69, 70
«Смерть» 175
«Собака» 28—44
«Собственная господская контора» 226
«Современные заметки» 47—53
«Сон» 251
«Старые портреты» 209, 385
«Степной король Лир» 199, 336, 383
«Стихотворения в прозе» 210, 383, 409; см. также: «Восточная легенда», «Сфинкс», «Чернорабочий и белоручка»
«Странная история» 336, 383
«Стук, стук, стук» 336, 383
«Сфинкс» 202
«Три встречи» 294
«Фауст» 82, 88, 398
«Федя» 46
«Холостяк» 185, 186
«Хорь и Калиныч» 196, 204, 205, 206
«Часы» 222, 383
«Человек, каких много» 45
«Чернорабочий и белоручка» 202
«Чертопханов и Недопюскин» 206, 207, 237
«Шестилетний обличитель» 106—118
«Яков Пасынков» 5—12
«Trop de femmes» 118—120

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абай Кунанбаев 163—165
Абетов Г. 163
Абрамович Д. И. 131, 134
Авдеев М. В. 315, 334
Агин А. А. 47—53
Азадовский М. К. 50, 124
Айзеншток И. Я. 145, 272
Айхенвальд Ю. И. 124
Аксаков И. С. 85, 87, 91, 115, 158, 336
Аксаков К. С. 80
Аксаков С. Т. 52, 101, 103—105, 226, 228
Аксаковы 85, 218
Александр II, имп. 182, 220, 348, 355
Александр III, имп. 267
Алексеев А. Д. 47—53
Алексеев М. П. 92—100, 141, 142, 148, 164, 167—171, 177—183, 185—187, 240—254, 271, 276, 293, 294, 296, 385, 389, 394, 398—400, 406
Аленицын В. Д. 280
Алифанов А. Т. 222, 363, 364
Андреев Л. Н. 185
Андреев Я. Д. 270
Анненков П. В. 56—58, 61—64, 73, 82, 86, 91, 104, 106, 112, 114, 129, 141, 148, 155—157, 159—163, 228, 231, 232, 238, 239, 242, 244, 252, 268, 270, 297, 298, 301, 302, 305, 306, 309, 310, 312, 314, 317—319, 322, 325, 327, 329—331, 334, 340, 363, 382, 385, 389, 395, 398
Анненкова Г. А. 312
Антокольский М. М. 255, 259, 260—266, 405
Антонович М. А. 108, 125, 126, 133, 235
Апрелева-Бларамберг (псевдоним — Ардов Е.) Е. И. 243, 384, 406
Апухтин А. Н. 67
Арапетов И. П. 58, 59, 258, 322, 326, 334
Ардов Е. см. Апрелева-Бларамберг Е. И.
Арзуманова М. А. 401
Арсеньев К. К. 383
Арто Д. 295
Ауэзов М. 163
Ауэрбах Б. 103—105, 384
Афанасьев А. Н. 70
Афонин Л. Н. 166, 188—196
Ахматова Е. Н. 321, 323, 334
Ахметов З. А. 163—165
Ашкинази М. О. 405

Базилевская Е. В. 58
Баймаков А. Ф. 391
Бакст В. И. 297, 314, 334
Бакунин М. А. 76, 304, 334
Балашов З. Ф. 297, 305, 306, 334
Бантышев А. О. 357, 359
Барановский С. И. 361
Батюто А. И. 135—140
Бах Р. Е. 107
Бегичев Д. Н. 171
Безыменный С. 364, 365
Белецкий А. И. 100, 101, 103, 104
Белинская М. В. 58
Белинский В. Г. 47—53, 66, 67, 72, 77, 78, 80, 82, 98, 101, 111, 125—134, 179, 182, 218, 326, 363
Бёллок-Холл 240
Белоголовый Н. А. 95, 96, 99, 399, 400
Белокопытова Е. С. 221, 227, 234
Бельчиков Н. Ф. 95
Беляевский Н. Н. 291
Бенедиктов В. Г. 181
Бенкендорф А. Х. 211
Бенни А. 301
Беранже П. 118

Берг Н. В. 218
Березайский В. 180
Бернстайн М. 187
Берс А. Е. 211, 227
Бестужев-Рюмин К. Н. 63, 153
Бетховен Л. ван 338
Бизюкин Ф. И. 227, 229, 306
Билинкис Я. С. 204
Бисмарк О. 295
Битмид Н. Е. 255, 268
Битюгова И. А. 183—185, 191
Благосветлов Г. Е. 348
Блинчевская М. Я. 234—239
Боборыкин П. Д. 173, 253
Бобылев Н. И. 169
Богданов Б. В. 227
Богданова Л. Я. 227
Боголюбов А. П. 254, 259, 260, 264—267, 395, 401, 404—407
Боград В. Э. 48, 56
Боденштедт Фр. 305, 307, 308, 311, 315, 334
Бонна Л. 406
Борисов И. П. 135, 138, 214, 228, 232, 233, 298, 301, 306, 308, 314, 315, 318, 322, 324, 326, 333, 334—367
Борисов П. И. («Петя», «Петруша») 315, 318, 322, 326, 324, 342, 352, 353, 356, 364
Борисова А. П. 335
Борисова (рожд. Шеншина) Н. А. («жена») 335, 339, 342, 352, 353, 355, 364
Босх И. 143
Боткин В. П. 56, 57, 61—67, 77, 79, 81—83, 86, 87, 227, 228, 232, 301, 308, 310—312, 315, 317, 334, 361
Боткин С. П. 400
Боткина А. П. 372
Боцяновский В. Ф. 374
Брант (Брандт) Л. В. 49
Браунинг (Browning) О. 240, 241, 252
Брейгель П. 143
Бродский Н. Л. 209, 271, 272
Бронь Т. И. 408
Брюллов К. П. 51
Брюллова (рожд. Дмитриева-Оренбургская) Е. Н. («Екатерина Николаевна») 264, 268
Брюллова С. В. 264, 270
Брюно Ж. 187
Брюэр Г. 332, 334
Брюэр Полина (рожд. Тургенева) 303, 305, 310, 312, 323, 326, 332—334, 408
Брянский А. М. 275
Брянчанинов А. А. 384, 398
Буданова Н. Ф. 153—163, 264
Булаховский Л. А. 180
Булгаков Ф. И. 288
Булгарин Ф. В. 49, 52, 71, 112
Буренин В. П. 173, 376
Буткевич С. М. 297, 303, 334
Бутчик В. В. 187
Буш В. В. 207
Бушканец Е. Г. 71, 93, 96
Быков П. В. 48, 53, 107
Бэре (Behre) Е. 397, 398
Бюлоз Л. 297, 324, 334
Бюффон Ж.-Л. 52
Бялый Г. А. 118, 134, 199

Ваксель Л. Н. 166
Ваксель П. Л. 166
Валуев П. А. 323, 334
Васильев В. А. 107
Васильев П. П. 396
Васильев Х. К. 286, 288
Васнецов А. М. 401, 405
Васнецов В. М. 401, 405
Ватсон М. В. 287
Вегелин А. И. 99
Вейнберг П. И. 45, 148
Велчев В. П. 150, 153
Венгеров С. А. 48, 287
Вердер К. 214
Верди Дж. 48
Веревкин А. В. 297, 328, 334
Верещагин В. В. 260, 261, 264, 406
Верстовский А. Н. 359
Веселитский В. В. 182, 183
Виардо К. 297, 308, 325, 334
Виардо Л. 325, 334, 403, 405, 406
Виардо М. 297, 308, 334
Виардо (Viardot) Полина 50, 54, 148, 262, 278, 294—296, 308, 309, 318, 324—326, 334, 372, 373, 401—403, 405, 406, 409
Виардо (Viardot) Поль 297, 308, 403, 405
Видерт А. Ф. 170, 293
Виллиам Г. 173
Виллье Л. М. 260, 264
Винникова И. А. 124
Виноградов В. В. 185
Винокур Г. О. 180, 181
Витали И. П. 47—53
Витязев (Седенко) П. А. 288
Владимиров Е. В. 97
Вольтер Ф.-М.-А. 223
Вольф К.-Фр. 348, 350
Вонлярлярский В. М. 269, 284
Вонлярлярский Д. В. 269, 284
Воровский В. В. 409
Вревская Ю. П. 278, 368, 369, 373
Врубель М. А. 405

Вызинский Г. В. 155, 157, 158
Вырубов Г. Н. 404, 406
Вырубовы, братья 404
Вышнеградский И. А. 289
Вьера Б. де 174
Вяземский П. А. 166, 177, 179, 182, 184, 185, 389
Вяземский П. П. 397, 398

Габель М. О. 77—83
Гагарин И. С. 98
Гаевский В. П. 284, 285, 385
Гайдебуров П. А. 132
Галахов А. Д. 56—60, 62, 64, 68
Гаркави А. М. 216
Гарсиа М. 295
Гартман М. 322, 325, 328, 334
Гаршин В. М. 283, 287
Гаршин Е. М. 198
Гафиз М.-Ш. 347, 348
Ге Н. Н. 270
Геббель Ф. 392
Гегель Г.-В.-Ф. 84, 214
Гейзе П. 146
Гейне (Heine) Г. 403
Гейрет (Hejret) И. 210
Геккель В. 269
Герцен А. А. 331, 334
Герцен А. И. 70, 73, 80, 83—94, 97, 99, 111—113, 115, 117, 118, 129, 158, 175, 209, 297, 299—304, 307, 331, 334, 339, 368
Герцен Н. А. 331, 334, 368, 372, 373
Герцен О. А. 297, 331, 334
Гершензон М. О. 47, 50, 94, 214
Гёте И.-В. 51
Гизо Ф.-П.-Г. 400
Гиляров-Платонов Н. П. 343, 344
Гинтовт-Дзевалтовский В. Ф. 405
Гинцбург Г. О. 255, 258—260, 265, 395, 398, 400
Гинцбург И. Я. 261—263
Гинцбург У. О. 270
Гитлиц Е. А. 56—72
Глазунов И. И. 401
Гоголь Н. В. 47—49, 52, 53, 98, 111, 127, 175, 179, 207, 389
Годар Б.-Л.-П. 405
Голицын А. П. 321
Голованова Т. П. 83—92
Головин К. Ф. 274
Головнин А. В. 88, 149, 216—220
Голомбиевский А. А. 221
Гонзик И. 209, 210
Гонкур (Goncourt) Э. 241—243
Гончаров И. А. 47—53, 68, 86, 103, 140, 169, 203, 207, 277, 317, 334, 336, 383, 409
Горбунов И. Ф. 286
Горский К. Н. 264
Горчаков Д. П. 179
Горький М. 191, 200, 209, 261
Грабарь И. Э. 407
Гранжар А. 294
Грановская Л. М. 169
Грановский Т. Н. 54, 61—63, 111, 375
Греч Н. И. 49, 112
Грибоедов А. С. 177, 346, 389
Григорович Д. В. 56—58, 60—62, 65, 67, 103, 104, 170, 176, 199, 232, 284, 287, 400
Григорьев А. А. 65, 95, 180, 355, 356, 366, 367, 409
Григорьев П. В. 392
Громов В. А. 53—56, 211—220
Грот Н. П. (псевдоним — «Русская женщина») 157
Грузинский А. Е. 252
Гун К. Ф. 264
Гуно Ш. 405
Гупиль 255
Гурбанов В. В. 183
Гутьяр Н. М. 221, 234
Гюго (Hugo) В. 119, 120, 142, 147, 148, 174, 336
Гюнтер (Guenther) И. 296

Давыдов Д. В. 177
Даль В. И. 176, 180, 218, 220, 361, 364
Данилевский Г. П. 286, 287
Данилевский Р. Ю. 292—296
Данилин Ю. И. 155
Даумер Г.-Ф. 348
Деккер Т. 250
Декурсель П. 251
Делессер В. 308, 313
Демидов кн. Сан-Донато А. И., 280
Демидов кн. Сан-Донато П. П., 371, 372
Дервиз П. Г., фон 373
Державин Г. Р. 223, 346
Дехтерев В. Г. 191
Джеймс (James) Г. 249, 253, 254
Диккенс Ч. 84, 352, 353
Дильк Ч. 408
Дитятин И. И. 191
Дмитриев М. А. 78, 93
Дмитриев Ф. М. 157
Дмитриев-Оренбургский Н. Д. 264—271
Дмитриева-Оренбургская Н. В. 266
Добровольский Л. М. 145
Добролюбов Н. А. 77—79, 106—118, 125, 127—134, 166, 183, 234—238, 336, 409
Доде А. 245

Долгорукий И. М. 177
Долгоруков С. Н. 179
Долинин А. С. 86
Дом Э. 298, 332, 334
Достоевский Ф. М. 57, 58, 61, 169, 286, 287, 299, 336, 364, 365, 409
Драгоманов М. П. 58, 394
Другулин В. 150, 153
Дружинин А. В. 57—59, 62, 65—67, 77, 81—83, 104, 298, 334
Дряхлушин А. М. 172
Дудышкин С. С. 79, 302, 334
Дурдик (Durdík) П. 210
Дьяков Д. А. 363, 364
Дьякова М. А. 340
Дюкан М. 323, 324, 328
Дюма А. (сын) 72, 245—247

Евгеньев-Максимов В. Е. 58, 115, 116, 182
Евреинов В. Д. 355
Евреинов Н. 98
Егоров Б. Ф. 81
Ельт В. Ф. 381
Ермакова-Битнер Г. В. 208
Ефремов А. Ф. 180, 181
Ефремов П. А. 71, 93, 96, 97, 99

Жемчужников А. М. 315, 383
Жирмунский В. М. 51
Житова В. Н. 221, 222, 227, 385
Жихарев М. И. 180
Жуковский В. А. 223, 388, 389
Жуковский П. В. 391—393, 404, 407

Забелин И. Е. 383
Заборов П. Р. 384
Заборова Р. Б. 221—234
Завадовский А. П. 346
Загоскин М. Н. 179
Зайцев Б. К. 145
Зайцев В. А. 129
Зандерс (Sanders) Д. 170
Захаренко А. Г. 355
Зеелер В. Ф. 401—407
Зенькович Л. И. 126
Зильберштейн И. С. 165, 251, 260, 264, 401
Златовратский Н. Н. 175, 126—203
Золя (Zola) Э. 141, 145, 245—249, 383, 390—392
Зубов А. А. 372
Зубова (рожд. Кокошкина) М. Н. 371, 372

Иванов А. М. 171
Иванов-Разумник Р. В. 274
Иеремия Недобобов (псевдоним И. С. Тургенева) 106—118
Измайлов А. А. 282
Измайлов Н. В. 77
Имярек 260
Иннис М. 304, 305, 312, 321, 334
Инсарский В. А. 59
Иогансен А. Ф. 298, 311, 327, 334
Исеев П. Ф. 266, 267
Истомин В. К. 68

К-ко Н. 406
Кавелин К. Д. 82, 86, 118, 125, 126, 130—134, 382, 383
Кавелина С. К. 155
Кайданов И. К. 357, 359
Калачев Н. В. 352, 353
Каллаш В. А. 60
Каменский А. 182
Каразин Н. Н. 287, 290, 291
Каразина М. В. 287
Каракозов Д. В. 280
Карамзин Н. М. 223
Карл X, король 155
Карлгоф В. И. 176
Карпов А. Д. 360, 361, 366
Карпов Н. Д. 360, 361
Карташевская В. Я. 305
Карцов В. С. 104
Каталани А. 372
Катков М. Н. 54, 62, 119, 156, 157, 208, 297—299, 301, 302, 303, 317, 319, 323, 327, 334, 348—350, 373, 374, 380
Катулл 241
Каффьерро К. 255
Кашперов В. Н. 310, 313, 334
Кельсиев И. И. 158
Кетчер Н. Х. 57, 59—61, 77, 323, 343
Кийко Е. И 5—12, 49—53, 123—125
Киреевский И. В. 85
Киреевский П. В. 85
Кирмалов М. М. 49
Кишинский Н. А. 231, 316—320, 322, 330, 331, 333, 334
Кларти Ж. 251
Клевенский М. М. 97
Клеман М. К. 141, 148, 244, 245, 293, 383, 384
Клюшников В. П. 336
Князькова Е. Н. 174
Ковалевская С. В. 252, 253, 289, 291
Кожанчиков Д. Е. 309, 311, 334
Кожуховский А. И. 280
Козьмин Б. П. 107, 153, 158
Кокорев В. А. 366, 367, 391
Кокорев И. Т. 100, 103—106
Кокошкин Н. А. 372
Колбасин Д. Я. 300
Колбасин Е. Я. 55, 56, 64, 66, 67, 304, 334
Колонтаева В. 226

Кольцов А. В. 78
Комманвиль К. 145
Кондаков С. Н. 285, 288
Кони А. Ф. 263, 272—279, 286, 287, 290, 383, 391
Константин Николаевич, вел. кн. 88, 220
Корвин-Круковский (псевдоним — Невский) А. 245, 246
Коровин К. А. 405
Корш В. Ф. 376
Корш Е. Ф. 77
Костин Г. А. 204
Костомаров Н. И. 383
Кравцов Н. 95
Краевский А. А. 58, 64, 70—72, 101—105, 114, 284
Крамской И. Н. 254, 260, 284, 285, 287, 404
Красовский Ю. А. 384
Красносельский А. Я. 395, 396
Крашевский Ю. И. 193
Крестовский Всеволод (псевдоним Заионичковской-Хвощинской Н. Д.) 336, 339, 340
Кривенко С. Н. 198
Кривцов В. Н. 360, 361, 366
Кривцов С. И. 214
Кронеберг А. И. 71, 72
Крузе Н. Ф. 299, 334, 405
Кропоткин П. А. 242—245
Крылов И. А. 223
Кугушев Г. В. 101, 103
Кудрявцев П. Н. 54, 57, 59—63
Кузьмина Л. И. 254—262, 395
Кукольник Н. В. 359
Кумани А. М. 260
Кумберг И. 395, 396
Курочкин В. С. 107, 119, 183
Курочкин Н. С. 119, 120
Кушелев-Безбородко Г. А. 348

Лааге К. Э. 292—296
Лаверецкий Н. А. 286
Лавренский М. см. Михаловский Д. Л.
Лавров П. Л. 161, 162, 266, 267, 280, 288, 384, 405
Ламберт Е. Е. 87
Ларош Г. А. (псевдонимы — Нелюбов Л., L.) 142, 398, 400
Лаубе П. 146, 148
Левашов 76
Левин Ю. Д. 116, 120
Левинфиш Е. Г. 355
Левитов А. И. 199
Левицкий А. О. 73
Лейкин Н. А. 286
Леман Ю. Я. 264, 401, 405
Лемке М. К. 182
Леонова Д. М. 287
Леонтьев К. Н. 54, 63, 64
Леонтьев П. М. 157
Лермонтов М. Ю. 99, 100, 379, 389, 409
Лернер Н. О. 71, 95—97
Леру П. 126
Леруа-Болье А. 249
Лесков А. Н. 188
Лесков Н. С. 98, 120—123, 188—196, 286, 287
Либан А. О. 384
Линдау П. 146, 148
Лингарт Э. 251
Липеровская С. И. 293
Лобанов Л. И. 298, 322, 334
Ломовская Л. Ф. см. Нелидова Л. Ф.
Лонгинов М. Н. 58, 59, 91
Лопатин Г. А. 405
Лорис-Меликов М. Т. 397
Лощинин Н. П. 264
Луканина А. Н. 255, 256, 374, 375, 384
Лукреций 240, 241
Луначарский А. В. 272, 273, 409
Львов В. В. 101
Львова Е. В. 384
Льюис Дж. 240, 243, 252, 253

М-в А. см. Милюков А. П.
Мазаев М. Н. 104
Мазон (Mazon) А. 5, 13, 28, 48, 50, 53, 146, 226, 252, 293, 409—411
Майков А. Н. 69, 178, 287, 289, 291
Майков В. Н. 52
Майков Л. Н. 218
Майков Н. А. 49, 51
Майковы 49, 52
Макаров Н. Я. 115, 119, 310, 334
Мак-Магон М. 155
Маковский К. Е. 287
Маляревская М. О. 298, 331, 334
Мамонтов С. И. 402, 405
Мамонтова Е. Г. 255
Манассеин В. А. 97
Манн Т. 296
Марканова Ф. А. 168
Маркевич Б. М. 239, 240, 307, 334, 390
Марко Вовчок см. Маркович М. А.
Марков В. В. 373
Марков Е. Л. 74
Маркович М. А. 73, 75, 299—301, 303, 305, 310, 334, 349, 350
Маркс К. 174
Маршак С. Я. 100
Масанов И. Ф. 107, 196
Маслов И. И. 156, 300, 332, 334, 341, 342

Матэ В. В. 255, 259, 264
Мацкевич 235
Мельгунов Н. А. 99
Менделеев Д. И. 261
Меньшиков М. О. 195
Меренберг (рожд. Пушкина) Н. А. 392
Мериме П. 297, 306—308, 312—317, 319—321, 323—325, 327—334
Мерис Ф.-П. 174
Мечников И. И. 383
Мещерский А. А. 273—373
Мещерский А. Н. 368
Мещеряков Н. Л. 96
Микешин М. О. 355
Миклухо-Маклай Н. Н. 367—372
Милюков А. П. 165—167
Милютин Ю. Н. 391, 392
Милютины, братья 219
Минаев Д. Д. 183
Мирабо О.-Г. 223
Миронов А. Г. 401
Михайлов М. Л. 178
Михаловский Д. Л. (псевдоним — Лавренский М.) 353
Модзалевский Б. Л. 266
Модзалевский К. Н. 367, 384
Модзалевский Л. Б. 368
Молчанов А. Е. 272—275, 277—279
Монтегю (Montégut) Э. 249, 250
Мопассан Г. де 384
Моран А. 285
Мордовченко Н. И. 116
Морозов А. А. 95
Морозов В. С. 359
Мосин Я. 354
Мостовская Н. Н. 103—106, 141—149, 382—401
Мунро (Munro) Г.-А. 240, 241
Муравский М. Д. 97
Мурсеит 163

Н. Л. 356
Надеждин Н. И. 218
Назарова Л. Н. 55, 203—209, 226, 401—407
Наполеон I, имп. 119
Наполеон III, имп. 119, 120, 173
Нарышкин А. И. 366, 367
Нарышкин К. П. 212
Наумов А. А. 212
Неверов Я. М. 215
Некрасов Н. А. 54, 55, 58, 60, 61, 67, 72, 77—79, 95, 108, 114, 117, 171, 199, 234—238, 299, 334, 389, 400
Нелидова (псевдоним, в первом браке — Ломовская, во втором — Маклакова) Л. Ф. 384, 406
Нолидова О. Д. 305, 334
Нелюбов Л. см. Ларош Г. А.
Нефедов Ф. Д. 202
Никитенко А. В. 57, 59, 67, 68
Никитина Н. С. 149—153
Николай I, имп. 91, 97, 211, 217
Николай Николаевич, вел. кн. 270
Николев Н. П. 179
Никонова Т. А. 125—134, 171—177
Никулина-Косицкая Л. П. 345, 346
Новосильцева Е. В. 356
Новосильцов П. П. 351, 352
Носович И. И. 170

Оболенский Ю. А. 150
Овсянников С. Т. 390, 391
Огарев Н. П. 87, 88, 92—94, 96, 99, 153
Одоевский В. Ф. 57, 171
Ожье (Augier) Э. 240—254
Окен Л. 348, 350
Онегин (Отто) А. Ф. 95, 96, 150, 267, 384, 406
Опочинин Е. Н. 288
Орлов В. Н. 72
Орлов М. М. 183
Орлов Н. А. 258, 259, 265, 267
Орловский С. (псевдоним С. Н. Шиль) 94
Орнатская Т. И. 367—373
Осипович-Новодворский А. О. 126
Основский Н. А. 298, 343—347
Осоргина Т. А. 401
Осташев В. И. 270
Островский А. Н. 91, 104, 336, 341—346, 357, 359, 383
Островский М. Н. 298, 311, 334
Отто А. Ф. см. Онегин А. Ф.
Отшельник (псевдоним Корша В. Ф.?) 376

П-ко В. 259
Павлов И. В. 298, 334, 343—347
Павлов И. П. 261
Павлова К. К. 95
Павловский И. Я. 266
Палочек (Paleček) Е. 210
Панаев И. И. 59, 81, 169, 171, 178
Панаева (в замужестве Карцева) А. В. 373
Панаева А. Я. 56, 113
Панкратов А. С. 200
Пантелеев Л. Ф. 115
Паскаль Б. 14
Паскаль П. 186, 187
Пашино П. И. 106, 107
Пеликан Е. В. 239
Пелльниц Л. 298, 313, 334
Пенижек (Penížek) И. 209, 210

Перминов Г. Ф. 13—44, 106—118, 408, 409
Перов В. Г. 264, 270
Перовский Л. А. 218
Персон 239
Пето (Pétot) П. 187
Петр I 139, 341
Петров 195
Пизл Ф. 210
Пиксанов Н. К. 405
Пиль Р. 84
Пинаев М. 96
Пине 308
Писарев Д. И. 127, 129, 409
Писемский А. Ф. 98, 254, 315, 333, 334
Пич (Pietsch) Л. 146, 148, 293—295, 313, 409
Плетнев П. А. 140
Плеханов Г. В. 409
Плещеев А. Н. 181, 287, 298, 334, 343—345
Погодин М. П. 80, 345, 346
Подгаецкая И. М. 168
Пожалостин И. П. 270
Поленов В. Д. 259, 264, 265, 401, 404—406
Поленова Е. Д. 259, 264, 265
Полонская (рожд. Рюльман) Ж. А. 279—292, 376
Полонская Н. Я. 281
Полонский А. А. 279
Полонский А. Я. 281
Полонский Б. Я. 281, 286, 288, 290
Полонский Л. А. 387
Полонский Я. П. 56—61, 63, 67, 230, 243, 245, 252, 279—292, 356, 373, 376, 383
Поляков И. С. 191
Поляков С. С. 255
Помяловский Н. Г. 175, 183, 356
Пономарева Е. В. 279
Попов А. И. 170
Попов П. С. 68
Поповицкий А. И. 188, 189
Попруженко М. Г. 374
Потехин А. А. 287
Похитонов И. П. 264, 401
Пр. Преображенский см. Курочкин Н. С.
Преображенский А. Г. 170, 171, 175, 176, 184
Преображенский П. Ф. 142
Прилежаев В. А. 258
Протопопов В. В. 195
Прянишников И. М. 264
Пузин Н. П. 353
Пумпянский Л. В. 141
Пушкин А. С. 51, 64, 99, 100, 139, 167, 177, 185, 223, 286—288, 291, 379, 388—392
Пыляев М. И. 176
Пыпин А. Н. 63, 64, 125—134, 207, 267, 286, 326, 382, 384, 394, 395, 398

Р. 354
Р. В. 356
Р-н А. см. Рутцен А. А.
Рафаэль С. 52
Рашет Н. Н. 333, 334
Реизов Б. Г. 142
Рейер К. К. 289
Рейнхольд 199
Рейсер С. А. 95—97, 99
Рембрандт 406
Ремизов А. М. 168
Репин И. Е. 261, 264, 265, 269, 270, 287, 401—407
Ржевский В. К. 339, 340
Ржевский Г. К. 340
Риччи, г-жа 303, 334
Роденберг Ю. 295, 332
Родионов И. Р. 225
Роже де Женнет 142
Розенберг И. С. 271
Розенгейм 181
Розенкранц И. С. 101, 103, 104
Розенталь Э. Ф. 395, 396
Рольстон В. 146, 148, 329, 384
Роман Р. Ф. 264
Ромм С. И. 405
Ропп (Ropp) М. 296
Ростовская М. Ф. 298, 309, 312, 334
Рубинштейн А. Г. 295, 405
Русская женщина см. Грот Н. П.
Руссо (Rousseau) Т. 403, 406
Рутцен А. А. 72
Рутцен Н. К. 72—76
Руцын Н. К. см. Рутцен Н. К.
Рында И. Ф. 222, 230
Рюльман А. А. 280
Рюльман Ж. А. см. Полонская Ж. А.
Рюльман И. И. 280
Рюльман К. А. 281

Ст.-Ф. А. 251
Савенков А. А. 383
Савина М. Г. 271—279, 287
Савицкий К. А. 261, 264, 265, 401
Садовский Б. А. 277
Садовский П. М. 345, 346
Салаев Н. И. 298, 311, 334
Салаев Ф. И. 311, 314, 322, 328, 334, 398
Салаевы, братья 395, 396

Салиас де Турнемир («Евгения Тур») Е. В. 53—56, 63, 153—159, 166, 299, 334, 337, 338, 361
Салтыков-Щедрин М. Е. 102, 106, 111, 166, 172, 268, 336, 354, 356, 383, 389, 400
Самарин П. Ф. 85
Самарский-Быховец В. В. 398, 400
Самочатова О. Я. 199
Санд Ж. 142, 145, 179, 403
Сапожников А. П. 51
Сахарова Е. В. 259, 265
Свербеева Е. А. 215
Свечина С. П. 156, 157
Селиванов И. В. 101—103, 105
Семевский В. И. 383
Семевский М. И. 71, 72, 218
Сен-Санс К. 402, 405
Сервантес М. 122
Сергеев-Ценский С. Н. 28
Сергеенко П. 140
Сердечный М. А. 316, 334
Серов А. Н. 261, 262
Серов В. А. 261, 405
Серова В. С. 261, 264
Сибиряков К. М. 197
Сидуэль 258
Сильченко М. С. 163
Симон А. А. 348, 350, 365
Симмонс Д.-С. 395
Сладкевич Н. Г. 84
Слепцов В. А. 176
Сливицкая Е. Т. 232, 306
Случевский К. К. 302
Смирнов Н. А. 181
Соболевский С. А. 57, 60, 61
Соколовский В. 178
Соллогуб В. А. 178
Соллогуб М. Ф. 332
Сорокин Ю. С. 173, 182
Сорокина Л. А. 227
Спасович В. Д. 382
Станкевич А. В. 372
Станкевич Н. В. 78, 375
Старчевский А. В. 214
Стасов В. В. 134, 170, 251, 259, 262, 263, 269, 287, 383, 403—406
Стасюлевич Л. И. («жена») 395, 399
Стасюлевич М. М. 141—149, 245, 267, 270, 274, 284, 287, 326, 329, 334, 375, 377, 380, 382—401
Степанов Н. А. 47—50
Степанова Г. В. 100—103, 271—279, 373—382
Степняк-Кравчинский С. М. 203, 215, 216
Стечькин Н. Я. 374—377, 380, 381
Стечькина А. Я. 375
Стечькина Л. Н. 376, 377, 382
Стечькина Л. Я. 373—382
Столярова И. В. 120—123
Страхов И. В. 193
Страхов Н. И. 176
Страхов Н. Н. 129, 135, 138, 139, 142, 409
Суворин А. С. 57, 142, 188
Сухомлинов М. И. 182
Сухотин С. М. 339, 340, 347, 358, 363
Сушицкий В. 80

Т. Л. 100—106
Таганцев Н. С. 284
Танеев С. И. 258
Тарасова В. М. 215
Таубин Ф. А. 97
Тейлор С. 240
Терентьев Г. А. 204, 208
Тимофеев А. Г. 98
Толстая А. А. 335
Толстая М. Н. 299, 334, 340
Толстая (рожд. Бахметева, в первом браке — Миллер) С. А. 392, 393
Толстая С. А. (рожд. Берс) 363, 365
Толстой А. К. 129, 307, 334, 383, 390—392
Толстой Д. А. 195, 397
Толстой Л. Н. 66—68, 86, 101, 104, 122, 135—140, 166, 171, 172, 199, 203, 209, 214, 229, 261, 263, 299, 300, 334—336, 338—344, 349, 353, 357—359, 365—367
Толстой Н. Н. («Николай») 339—341, 343, 349, 351, 353
Толстой С. Н. («Сергей») 339, 340, 343, 349, 351
Тома А. 405
Топоров А. В. 129, 130, 170, 198, 376, 395, 397—401
Трахтенберг В. Ф. 170
Третьяков П. М. 255, 372, 402, 404, 405
Трофимов И. Т. 165—167, 239, 240
Тур Евгения см. Салиас де Турнемир
Тургенев А. И. 212—215
Тургенев А. Н. 329, 334, 387, 389
Тургенев М. А. 304, 334
Тургенев Н. И. 212, 215, 216, 387, 389
Тургенев Н. Н. («Николай Николаевич») 221—234, 297, 305—307, 309, 311—314, 316—321, 324, 334, 338, 339, 350, 352
Тургенев Н. С. 238, 239, 304, 307, 324, 333, 334, 369, 370
Тургенев П. Н. 215
Тургенев С. Н. 211—216, 221

Тургенева А. Я. 332, 334
Тургенева В. П. 72, 221, 224, 226, 227
Тургенева К. 307, 334, 389
Тургенева О. А. 225
Тургенева П. см. Брюэр П.
Тургенева Ф. Н. 307, 333
Тургеневы (семья Н. И. Тургенева) 388
Турнер М. 298, 305
Тучкова-Огарева Н. А. 368
Тынянов Ю. Н. 95
Тэн И. 384
Тютчев Ф. И. 356, 360, 361
Тютчева А. Ф. 298, 300, 334

Уильямс (Williams) Б. К. 241
Урусов С. С. 136
Успенский Г. И. 172, 173, 197, 383
Успенский Н. В. 383
Устимович П. М. 100
Устрялов Н. 180
Утин Б. И. 382
Утин Е. И. 129
Ухмылова Т. К. 126

Фадеев Р. А. 397, 398
Фаресов А. И. 195
Фасмер М. 170
Феоктистов Е. М. 54—56, 61, 62, 153—155, 158, 298, 299, 398
Фет А. А. 56—58, 61, 68, 139, 140, 172, 227—229, 232, 289, 291, 300, 306, 312, 315, 334—336, 338—367
Фет (рожд. Боткина) М. П. («Марья Петровна») 336, 339, 342, 343, 345, 346, 349, 352, 360
Философова А. П. 190, 191, 202
Флобер (Flaubert) Г. 141—149, 241—245, 253, 331, 334, 384, 385, 387, 391, 392
Фонякова Н. Н. 279—292
Фори Б. 251
Франц В. Л. 280—282
Фридерикс Л. 266, 267
Фридлендер Л. 146
Фризен Г. фон 298, 324, 334
Фукс В. Я. 238, 239, 313, 334
Фукс П. 293

Халиховский 394
Ханыков Н. В. 149, 258, 320, 334
Ханыковы, братья 219
Харламов А. А. 264, 401, 403—406
Хитрово В. И. 225
Хмелевская Е. М. 222, 297—367
Хмелевская Н. А. 297—334
Хомяков А. С. 339, 340
Христофоров А. Х. 96

Цуриков П. Н. 364, 365

Чайковский П. И. 261, 287
Чаплыгин Н. Г. 373
Челлини Б. 82
Черкасова Е. 182
Черкасская Е. А. 332, 334
Черкасский В. А. 322
Чернов Н. М. 72—76, 361
Чернышев В. И. 170, 180, 181
Чернышевская Н. М. 78
Чернышевский Н. Г. 14, 67, 77—84, 114, 116—118, 125—133, 157, 181, 236, 238, 303, 336, 356, 409
Черняева В. М. 183
Чехов А. П. 28, 183, 209
Чижов М. А. 283, 287, 291
Чижов Ф. В. 343, 344
Чистова И. С. 261—263, 380, 385
Чичерин Б. Н. 303
Чуйко В. В. 287
Чуковский К. И. 58

Шакеев Е. А. 191
Шаляпин Ф. И. 261
Шамбор (Chambord, «Генрих V») 155, 156
Шарпантье Ж. 392
Шварц А. Я. 227, 238
Шварц Е. Я. 227, 238, 239
Шевляковский М. 184
Шевченко Т. Г. 353, 355
Шевырев С. П. 79, 80, 105
Шекспир В. 14, 60, 61, 122, 199
Шелгунов Н. В. 125, 126, 129, 132, 133, 173, 287
Шеншин А. Н. 350
Шеншин В. А. 347, 348
Шеншин Д. Н. 350
Шеншин Н. Н. («Николай Никитич») 348, 350, 352, 353, 357, 359
Шеншин П. А. («Петр Афанасьевич») 347—349, 362, 363
Шеншина (рожд. Карпова) Е. Д. 348, 350
Шеншина Е. Н. 350
Шеншина Л. А. 350
Шеншина М. Н. («Марья Николаевна») 350, 358, 359
Шереметьев В. В. 346
Шиллер Фр. 6
Шиль С. Н. см. Орловский С.
Ширинский-Шихматов П. А. 73
Шишкина М. М. 351
Шлоссер Ф.-К. 354, 356
Шляпкин И. А. 96
Шмаров 341
Шмидт Ю. 146, 148, 296
Шопенгауэр А. 123—125

Шпаковская Е. А. 196—203
Шпеер И. А. 69, 70
Шпильгаген Ф. 207
Шполянский И. Л. 398, 400
Шредер И. Н. 289
Штакеншнейдер А. И. 65
Штакеншнейдер Е. А. 65, 66, 280, 281, 286
Штейн Г.-Ф.-К. 84
Штиглиц А. Л. 281—286, 288
Шторм Г. 293, 296
Шторм (Storm) Т. 292—296, 330, 334
Шторм Э. 295
Штрем 296
Штур 298, 322, 334
Шубинский 211
Шубинский С. Н. 166
Шуман (Schumann) Э. 296

Щепкин М. А. 197
Щепкин Н. М. 343, 344
Щерба Л. В. 170
Щербань Н. В. 119, 303, 310, 334
Щербина Н. Ф. 46

Эдуэн Э. 296, 328, 334
Эйдельман Н. Я. 99
Эйхенбаум Б. М. 59, 60, 136
Эйхенгольц М. Д. 142
Экскузович И. В. 272
Элиот (Eliot) Дж. 240—243, 251, 252
Элпидин М. К. 96
Энгельгардт С. В. 315, 334, 356
Эрпст С. Р. 401
Эртель А. И. 203—209, 383
Этцель Ж. 255, 323

Юферов А. Н. 287

Яворская Л. Б. 287
Яздовская Д. И. 305
Языков М. А. 304
Якубович А. И. 346
Якубович П. Ф. 197
Якубович С. П. 145
Ямпольский И. Г. 45—47, 107, 118—120
Яновский Н. М. 177
Ярмолинский А. 293
Ярон И. Г. 241
Ястребов Ф. 97
Яценко И. 171

Bailly R. 171
Borchers L. 254

Carter L.-A. 246

Garnier M.-R. 253, 254

Kluge E.-B. 96

L. см. Ларош Г. А.
Landais N. 187

Mazon A. см. Мазон А.

Rosenkranz E. 51

Schultze Chr. 295
Strauss W.-A. 141, 145

Turkevich L.-B. 120

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«Собака». Обложка чернового автографа И. С. Тургенева. 1864. Национальная библиотека (Париж) 31

«Крòкет в Виндзоре». Первая публикация стихотворения (Лейпциг, 1876). Листовка с правкой И. С. Тургенева. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград) 151

«Крòкет в Виндзоре». Первая публикация стихотворения (Лейпциг, 1876). Вторая страница листовки с правкой И. С. Тургенева. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград) 152

Черновик протокола заседания Комитета Общества русских художников в Париже. 1881 (?). Автограф И. С. Тургенева. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград) 257

И. С. Тургенев. Этюд Н. Д. Дмитриева-Оренбургского к картине «Охота, устроенная бароном Гинцбургом вел. кн. Николаю Николаевичу близ Парижа». 1879. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград) . . . 264

Памятник И. С. Тургеневу на могиле. Бюст работы Ж. А. Полонской. Литераторские мостки Волкова кладбища. Петербург. Фотография С. Л. Левицкого. 1885 г. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград) 288

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

ТЕКСТЫ

«Яков Пасынков». Черновой автограф (*Е. И. Кийко*) 5
«Довольно». Черновой автограф (*Г. Ф. Перминов*) 13
«Собака». Черновой автограф (*Г. Ф. Перминов*) 28

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И. С. ТУРГЕНЕВА

«Помещик». К цензурной истории поэмы (*И. Г. Ямпольский*) . 45
О тексте стихотворений Тургенева в «Сборнике лучших произведений русской поэзии» (1858) (*И. Г. Ямпольский*) . . . 46
Гончаров или Тургенев. К атрибуции «Современных заметок» (*А. Д. Алексеев, Е. И. Кийко*) 47
К истории статьи Тургенева о романе Евгении Тур «Племянница» (*В. А. Громов*) 53
Эпиграммы Тургенева (*Е. А. Гитлиц*) 56
Рудын и Рудин (*Н. М. Чернов*) 72
«Рудин». Из истории борьбы вокруг романа (Чернышевский и Тургенев) (*М. О. Габель*) 77
«Дворянское гнездо». Тургенев и Герцен в период создания романа (*Т. П. Голованова*) 83
«Кнут». Стихотворение, приписываемое Тургеневу (*М. П. Алексеев*) 92
О приписываемых Тургеневу статьях 50-х годов (*Г. В. Степанова, Н. Н. Мостовская*) 100
Тургенев о Н. А. Добролюбове. Неизвестный фельетон-пародия Тургенева в «Искре» (*Г. Ф. Перминов*) 106
«Отцы и дети». Стих из Беранже в тексте романа Тургенева (*И. Г. Ямпольский*) 118
«Trop de femmes», оперетта Тургенева (*И. Г. Ямпольский*) . 118
«Гамлет и Дон-Кихот». Об отклике Н. С. Лескова на речь Тургенева (*И. В. Столярова*) 120
«Призраки». Реминисценции из Шопенгауэра (*Е. И. Кийко*) . 123
«Воспоминания о Белинском». Из истории полемики вокруг очерка Тургенева (*Т. А. Никонова*) 125

Полемика Тургенева с Л. Н. Толстым в 1869 г. (По данным чернового автографа статьи «По поводу „Отцов и детей“») (*А. И. Батюто*) 135
Тургенев об «Искушении святого Антония» Г. Флобера (*Н. Н. Мостовская*) 141
«Крóкет в Виндзоре». Первое издание стихотворения (*Н. С. Никитина*) 149
«Новь». О прототипе Хавроньи Прыщовой в романе Тургенева (*Н. Ф. Буданова*) 153
«Новь». «Безымянная Русь» в романе Тургенева (*Н. Ф. Буданова*) 159
«Восточная легенда» Тургенева и «Масгуд» Абая Кунанбаева (*З. А. Ахметов*) 163
«Клара Милич». «Песнь торжествующей любви». Статьи А. М-ва о произведениях Тургенева (*И. Т. Трофимов*) 165
Лексикологические заметки к текстам Тургенева (*М. А., Т. А. Никонова, И. А. Битюгова*) 167
Фосс-паркэ в текстах Тургенева (*М. П. Алексеев*) 185
Тургенев и писатели XIX в. 188
Забытая статья Н. С. Лескова о Тургеневе (*Л. Н. Афонин*) 188
Тургенев и Н. Н. Златовратский (*Е. А. Шпаковская*) 196
Тургенев и А. И. Эртель (*Л. Н. Назарова*) 202
О ранних переводах Тургенева на чешский язык (*И. Гонзик*) 209

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ И. С. ТУРГЕНЕВА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу (*В. А. Громов*) . . . 211
Тургенев в «Записках» А. В. Головнина (*В. А. Громов*) 216
Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев (*Р. Б. Заборова*) . . 221
Об одном письме Тургенева к Некрасову (К истории разрыва Тургенева с «Современником») (*М. Я. Блинчевская*) . . . 234
Об одном не дошедшем до нас письме Тургенева (*М. Я. Блинчевская*) 238
Когда впервые было опубликовано письмо Тургенева к Б. Маркевичу? (*И. Т. Трофимов*) 239
Тургенев в спорах о пьесе Э. Ожье (*М. П. Алексеев*) . . . 240
Тургенев и «Русская касса взаимного вспоможения в Париже» (*Л. И. Кузьмина*) 245
Воспоминания И. Я. Гинцбурга о Тургеневе (*И. С. Чистова*) . . 261
Тургенев и художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский (*Л. И. Кузьмина*) 264
К истории издания сборника «Тургенев и Савина» (*Г. В. Степанова*) 271
Скульптор Ж. А. Полонская (*Н. Н. Фонякова*) 279
Выставка в Хузуме, посвященная Шторму и Тургеневу (*К. Э. Лааге*) 292
Утраченные письма И. С. Тургенева (1861—1870) (*Е. М. Хмелевская, Н. А. Хмелевская*) 297

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ И ПИСЬМО О НЕМ

И. П. Борисов (*Е. М. Хмелевская*) 335
А. А. Мещерский (*Т. И. Орнатская*) 367
Л. Я. Стечькина (*Г. В. Степанова*) . 373
М. М. Стасюлевич (*Н. Н. Мостовская*) 382
Тургенев в письме И. Е. Репина к В. Ф. Зеелеру (*Л. Н. Назарова*) 401

Некрологи
Т. И. Бронь . 408
Г. Ф. Перминов . . 408
Академик Андре Мазон 409
Условные обозначения и сокращения 412
Указатель произведений И. С. Тургенева 416
Указатель имен 418
Список иллюстраций 428

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА. III

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)

Редактор издательства *А. Л. Лобанова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *З. В. Гришина* и *А. И. Кац*

Сдано в набор 16/V 1967 г. Подписано к печати 23/X 1967 г. РИСО АН СССР № 6-144В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 13⁵/₈. Печ. л. 27 + 2 вкл. (¹/₄ печ. л.) = 27¹/₄ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 31.36. Изд. № 3409. Тип. зак. № 328. М-50312. Тираж 2700. Бумага типографская № 1.
Цена 2 р. 18 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12